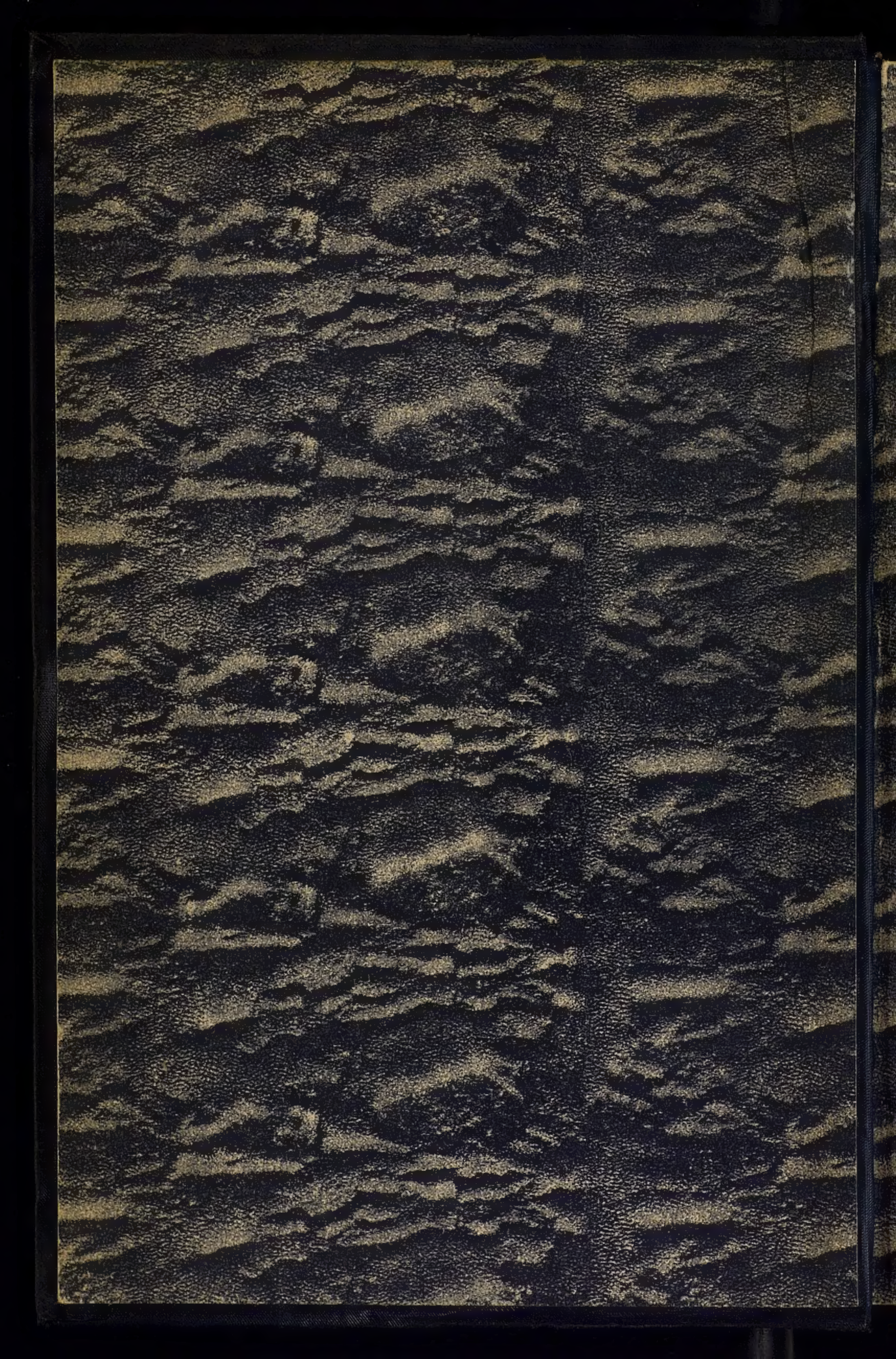
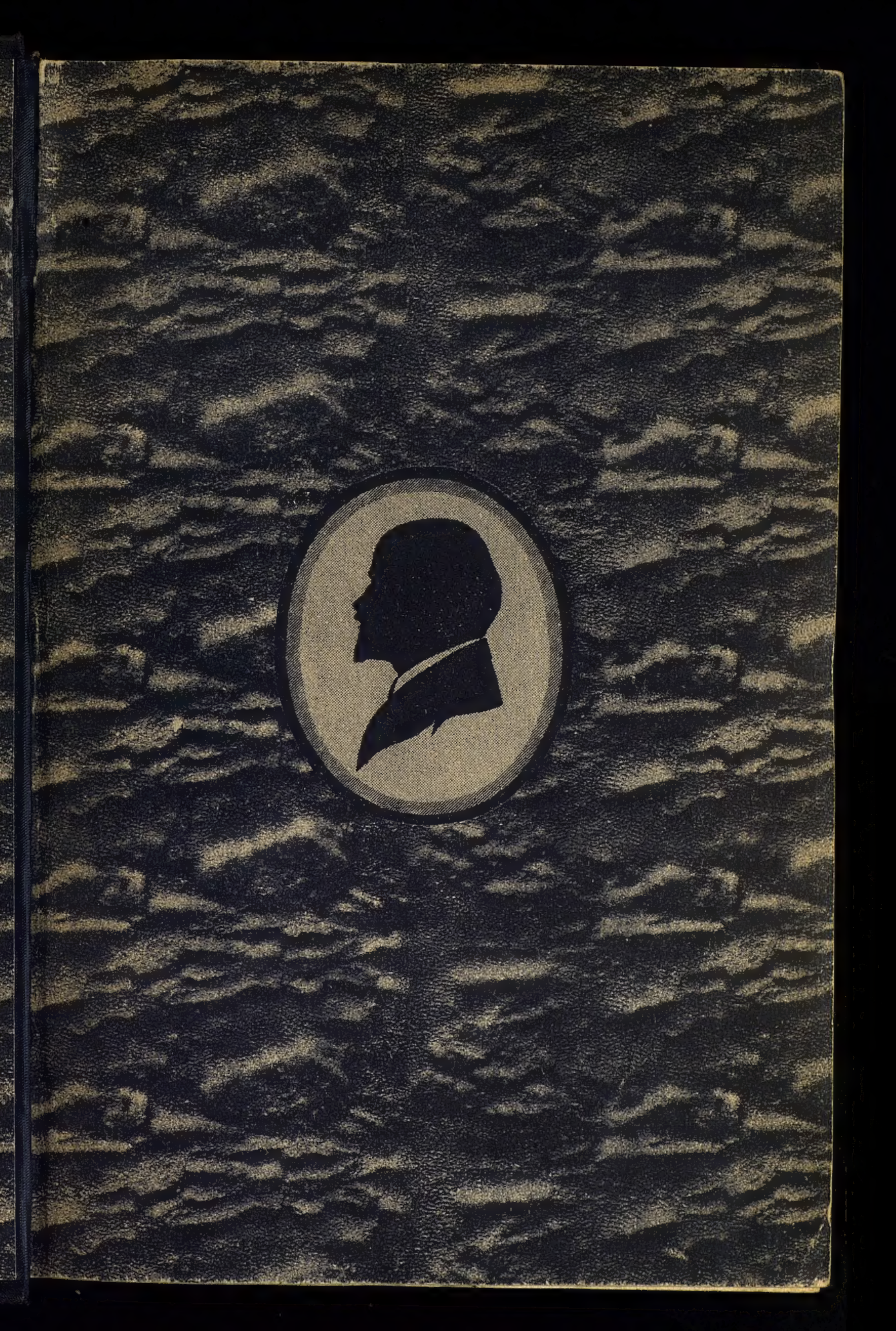
ЛЕНИН

СОЧИНЕНИЯ

XIV





ЛЕНИН
СОЧИНЕНИЯ
ТОМ XIV

ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
IX СЪЕЗДА Р. К. П. (Б.)
И
II СЪЕЗДА СОВЕТОВ
С. С. С. Р.

Институт Ленина при Ц.К.В.К.П. (б.)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

В. И. ЛЕНИН

СОЧИНЕНИЯ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,
ИСПРАВЛЕННОЕ
И ДОПОЛНЕННОЕ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:
Н. И. БУХАРИНА, В. М. МОЛОТОВА,
М. А. САВЕЛЬЕВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1·9·2·9 — ЛЕНИНГРАД

ЛЕНИН

ТОМ

XIV

1909-1910

ОТ РЕДАКЦИИ.

Настоящий том охватывает произведения В. И. Ленина с января 1909 г. до конца декабря 1910 г., т. е. за период времени, который характеризуется разгулом реакции, большой придавленностью рабочего движения и идейно-организационным разбродом в Р.С.-Д.Р.П.

Основное содержание тома составляют статьи, документы и письма, посвященные: 1) борьбе за партию и революционно-марксистскую идеологию против ликвидаторства справа и слева, против идеологического, организационного и тактического оппортунизма; 2) выяснению задач и методов думской деятельности Р.С.-Д.Р.П., а также революционно-марксистского отношения к легальным возможностям вообще, и, наконец, 3) анализу и характеристике социально-экономической природы самодержавия и основных путей капиталистического развития России пореволюционного периода.

Наибольшее внимание в произведениях настоящего тома В. И. Ленин уделяет постановке и решению коренной проблемы того периода — воссозданию единой нелегальной партии путем объединения *партийных* соц.-демократических элементов на основе решительного организационного размежевания и беспощадной борьбы с ликвидаторами справа и слева («борьба на два фронта»). С осени 1909 г., в связи с полным разоблачением анти-партийного содержания «левого» ликвидаторства («отзовизма», «ультиматизма»), В. И. Ленин выдвигает, в качестве центральной задачи, борьбу против ликвидаторства справа.

В расположении материала настоящего тома допущены небольшие отступления от хронологического порядка с тем, чтобы объединить общим заголовком произведения, посвященные единой проблеме.

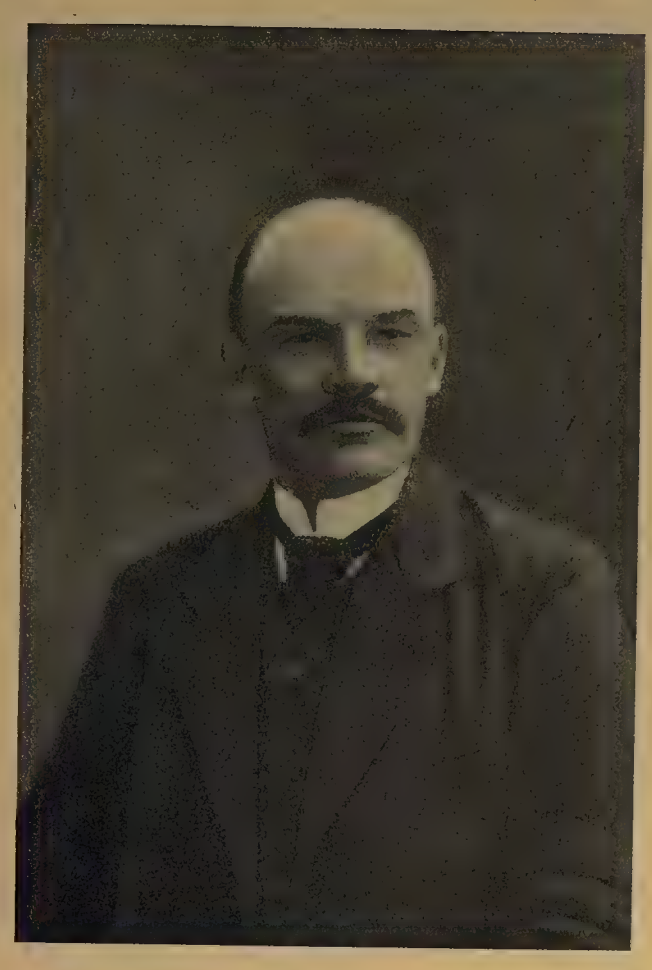
В том не вошли статьи В. И. Ленина из «Звезды» и «Мысли» (вторая половина декабря 1910 г.), которые включены в XV том,

поскольку они печатались в легальных изданиях, открывших собою новую эпоху.

В том включено 28 произведений, не вошедших в первое издание, из которых особо должна быть отмечена статья «Два мира», посвященная борьбе ортодоксального крыла германской социал-демократии против открытого оппортунизма.

Из большой переписки В. И. Ленина за данный период в том включено лишь 13 писем, имеющих особо важное значение.

Декабрь 1929 года.



В. И. ЛЕНИН
1910 г.

ВСЕРОССИЙСКАЯ (ДЕКАБРЬСКАЯ) КОНФЕРЕНЦИЯ Р.С.-Д.Р.П.[1])

3—9 ЯНВАРЯ 1909 Г. (21—27 ДЕКАБРЯ 1908 Г.). ПАРИЖ

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ИЗВѢЩЕНІЕ

Центральнаго Комитета Россійской С.-Д. Рабочей Партіи о состоявшейся очередной общепартійной конференціи.

Цѣна 20 сант. — Prix : 20 centimes.

Титульный лист брошюры: «Извещение Центрального Комитета Российской С.-Д. Рабочей Партии о состоявшейся очередной общепартийной конференции» — 1909 г.

Уменьшено

1.

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ О СОВРЕМЕННОМ МОМЕНТЕ И ЗАДАЧАХ ПАРТИИ.

Современное политическое положение характеризуется следующими чертами:

a) Старое крепостническое самодержавие развивается, превращаясь *) в буржуазную монархию, прикрывающую абсолютизм лжеконституционными формами. Открыто закреплен и признан государственным переворотом 3 июня и учреждением III Думы союз царизма с черносотенными помещиками и верхами торгово-промышленной буржуазии. Став по необходимости окончательно на путь капиталистического развития России и стремясь отстоять именно такой путь, который сохранял бы за крепостниками-землевладельцами их власть и их доходы, самодержавие лавирует между этим классом и представителями капитала. Их мелкие раздоры используются для поддержания абсолютизма, который вместе с этими классами ведет бешеную контр-революционную борьбу с обнаружившими свою силу в недавней массовой борьбе социал-демократическим **) пролетариатом и демократическим крестьянством.

b) Таким же буржуазно-бонапартистским ***) характером отличается аграрная политика современного царизма. Он потерял всякую веру в наивную преданность крестьянской массы монархии. Он ищет союза с богатыми крестьянами, отдавая им деревню на разграбление. Самодержавие делает судорожные усилия, чтобы поскорее сломать все общинно-надельное землевладение и укрепить исключительно частную поземельную собственность. Такая политика обостряет во сто крат все противоречия капитализма в деревне и ускоряет разделение деревни на ничтожное

---

*) В принятой резолюции, начиная от слова «самодержавие», говорится: «разлагается, делая еще шаг по пути превращения». *Ред.*

**) В принятой резолюции: «социалистическим». *Ред.*

***) В принятой резолюции: «буржуазным». *Ред.*

меньшинство реакционеров и революционную пролетарскую и полупролетарскую массу.

c) Либеральная буржуазия, с партией к.-д. во главе, вступившая на контр-революционный путь уже при первых крупных выступлениях масс в революции, продолжает идти по этому пути, еще более сближаясь с октябристами, и своей царистско-националистической агитацией, — выражающей рост самосознания буржуазии, как класса *), — фактически служит службу абсолютизму и крепостникам-помещикам.

d) Крестьянские массы, как показывает даже их придавленное и искаженное представительство в III Думе, продолжают — несмотря на все преследования демократических элементов деревни — оставаться, при всех своих колебаниях, на стороне революционно-демократического аграрного переворота, который, совершенно уничтожая помещичье землевладение, обеспечил бы тем наиболее быстрое, широкое и свободное развитие производительных сил в капиталистической России. Закон 9 ноября только ускоряет разделение крестьянских масс на непримиримо-враждебные и сознательно-политические силы.

e) На пролетариат обрушилось и обрушивается всего больше ударов и со стороны самодержавия и со стороны быстро объединяющегося и наступающего капитала. Несмотря на это, пролетариат сохраняет, по сравнению с другими классами, наибольшую сплоченность и наибольшую верность своей классовой партии, с которой сплила его революция. Пролетариат продолжает борьбу за свои классовые интересы и углубляет свое социалистическое классовое сознание, оставаясь единственным классом, способным последовательно руководить новой революционной борьбой.

f) В общем и целом несомненно, что объективные задачи буржуазно-демократической революции в России остаются нерешенными. Продолжающийся экономический кризис, безработица и голодовки показывают, что новейшая политика самодержавия не может обеспечить условий капиталистического развития России. Эта политика неизбежно ведет к углублению **) конфликта демократических масс с командующими классами, к росту недовольства в новых слоях населения, к обострению и углублению политической борьбы различных классов. Новый революционный кризис назревает при таком экономическом и политическом положении неизбежно.

---

*) В принятой резолюции слова: «выражающей рост самосознания буржуазии, как класса» — опущены. *Ред.*

**) В принятой резолюции, начиная отсюда и до конца пункта, говорится: «политической борьбы различных классов. Основные факторы экономической и политической жизни, вызвавшие революцию 1905 года, продолжают действовать, и новый революционный кризис назревает при таком экономическом и политическом положении неизбежно». *Ред.*

g) Общее обострение на мировом рынке, объясняющееся, главным образом, изменениями промышленного положения Западной Европы в сторону кризиса, перешедшего в 1908 году в форму депрессии, и революционными движениями на Востоке, знаменующими собою создание национальных капиталистических государств, усиливает конкуренцию, ведет к учащению международных столкновений, обостряя этим классовое противоречие между буржуазией и пролетариатом и делая общую международную обстановку все более революционной.

Исходя из такого положения вещей, Всероссийская конференция Р.С.-Д.Р.П. признает, что основными задачами партии являются в настоящий момент следующие:

1) Разъяснение широким массам народа смысла и значения новейшей политики самодержавия и роли социалистического пролетариата, который, ведя самостоятельную классовую политику, должен руководить демократическим крестьянством в современной политике и в предстоящей революционной борьбе *).

2) Всестороннее изучение и широкая популяризация опыта массовой борьбы в 1905—1907 годах, давшего незаменимые уроки **) революционно-социал-демократической тактики.

3) Укрепление Р.С.-Д.Р.П., как она сложилась в революционную эпоху; поддержание традиций ее непримиримой борьбы как с самодержавием и реакционными классами, так и с буржуазным либерализмом; борьба с отступлениями от революционного марксизма, с укорачиванием лозунгов Р.С.-Д.Р.П. и с попытками ликвидировать нелегальную организацию Р.С.-Д.Р.П., обнаруживающимися среди некоторых партийных элементов, поддавшихся влиянию распада.

Необходимо иметь при этом в виду, что только содействуя ясно наметившемуся уже процессу перехода партийных функций в руки самих с.-д., только создавая и укрепляя нелегальные партийные организации, можно вывести партию на дорогу правильного ее развития ***).

---

*) В принятой резолюции дальше следует: «Целью этой борьбы является по прежнему свержение царизма, завоевание политической власти пролетариатом, опирающимся на революционные слои крестьянства и совершающим буржуазно-демократический переворот путем созыва всенародного Учредительного Собрания и создания демократической республики». *Ред.*

**) В принятой резолюции здесь вставлено: «подтвердившие правильность». *Ред.*

***) В принятой резолюции первый абзац этого пункта сформулирован так: «Укрепление Р.С.-Д.Р.П., как она сложилась в революционную эпоху; ведение по прежнему непримиримой борьбы как с самодержавием и реакционными классами, так и с буржуазным либерализмом; борьба с отступлениями от революционного марксизма и с укорачиванием лозунгов Р.С.-Д.Р.П., обнаруживающимися с особенной силой в настоящее время среди некоторых партийных элементов, поддавшихся влиянию распада». Второй абзац — в принятой резолюции отсутствует. *Ред.*

4) Всестороннее содействие экономической борьбе рабочего класса, согласно резолюциям Лондонского и Штутгартского Конгрессов [2]).

5) Использование Думы и думской трибуны для революционно- *) социал-демократической пропаганды и агитации.

6) На очередь дня выдвигается прежде всего длительная работа воспитания, организации и сплочения сознательных масс пролетариата. Затем, в подчинении этой задаче, необходимо распространение организационной работы на крестьянство и армию, особенно в форме литературной пропаганды и агитации, при чем главное внимание должно быть обращено на социалистическое воспитание пролетарских и полупролетарских элементов в крестьянстве и армии.

Написано в конце декабря 1908 г.—начале января 1909 г.

Публикуется впервые.

Печатается по копии, сделанной на гектографе.

---

*) В принятой резолюции: «революционной». *Ред.*

2.

ДИРЕКТИВЫ ДЛЯ КОМИССИИ ПО ОРГАНИЗАЦИОННОМУ ВОПРОСУ.

Принимая во внимание, что представленные проекты резолюций и прения по организационному вопросу с ясностью обнаружили два основных течения в Р.С.-Д.Р.П. по вопросу о коренном направлении современной организационной политики вообще, конференция поручает комиссии положить в основу своих работ принципы того направления, которое признает, что для работы среди масс, остающейся по прежнему основной задачей с.-д., центр тяжести должен быть перенесен на создание и укрепление нелегально-партийной организации, и что только под неуклонным воздействием этой организации может быть правильно поставлена вся работа среди масс, все воздействие на думскую фракцию, вся деятельность партии вокруг думской фракции, все использование легальных и полулегальных организаций, без всякого принижения классовых задач социал-демократии.

Написано 6 января 1909 г. (24 декабря 1908 г.).

Впервые напечатано в «Извещении Центрального Комитета Российской С.-Д. Рабочей Партии о состоявшейся очередной общепартийной конференции». Париж, 1909 г.

Печатается по протокольной записи конференции.

3.

ПРАКТИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ ПО ВОПРОСУ О БЮДЖЕТНЫХ ГОЛОСОВАНИЯХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ДУМСКОЙ ФРАКЦИИ.

ПЕРВЫЙ ВАРИАНТ.

Голосование за бюджет в целом признается принципиально недопустимым. Конференция признает необходимым, чтобы по вопросам голосования отдельных статей бюджета фракция во главу угла ставила тот принцип нашей программы, по которому с.-д. решительно отвергают реформы, связанные с полицейско-чиновничьей опекой над трудящимися классами. Поэтому, общим правилом должно быть голосование против отдельных статей бюджета, ибо почти всегда выполнение их связано не только с опекой, но и с прямым воздействием черносотенцев. В случаях, когда улучшение положения трудящихся представляется вероятным вопреки этим условиям, рекомендуется воздержание от голосования при обязательной декларации с изложением социалистической позиции. Наконец, в тех исключительных случаях, когда голосование «за» представляется фракции необходимым, рекомендуется не делать этого без совещания с представителями Ц.К. и, по возможности, столичных партийных организаций.

ВТОРОЙ ВАРИАНТ.

По вопросу о бюджете конференция полагает, что голосование за бюджет в целом признается принципиально недопустимым. Голосование за отдельные статьи бюджета классового государства, узаконяющие расходы на орудия угнетения масс (войско и т. д.)*), признается также недопустимым. При голосовании за реформы или за статьи о расходах на культурные потребности во главу угла следует положить тот принцип нашей программы, по которому с.-д. отвергают те реформы, которые связаны с полицейско-чиновничьей опекой над трудящимися классами. Поэтому, общим правилом должно быть голосование против проводимых в III Думе, так называемых, реформ и статей расходов на, так называемые, культурные потребности.

---

*) В печатном тексте: «Войско, полицию, администрацию, суды и т. п.». *Ред.*

В особых случаях, когда улучшение положения трудящихся, вопреки общим условиям, представляется не более как вероятным, рекомендуется воздержание и особое заявление о причинах воздержания. Наконец, в исключительных случаях, когда прямая выгода для *) рабочих несомненна, разрешается голосовать «за», но рекомендуется совещание с представителями Ц.К. и партийных и профессиональных организаций.

Написано 7—8 января 1909 г. (25—26 декабря 1908 г.).

Напечатано в брошюре: «Отчет кавказской делегации об общепартийной конференции». Paris, 1909 г.

Печатается: первый вариант по тексту брошюры, второй—по рукописи, сверенной с текстом брошюры.

---

*) В печатном тексте «для» опущено. *Ред.*

4.

ДОБАВЛЕНИЕ К РЕЗОЛЮЦИИ «О ДУМСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ФРАКЦИИ».

...констатируя вместе с тем, что вина за уклонения фракции лежит не на ней одной, ибо она работает при особенно тяжелых условиях черносотенной Думы, а в некоторой степени также на всех организациях партии и на ее Центральном Комитете, которые далеко не сделали еще всего необходимого и возможного для правильной постановки думской работы партии...

Написано 7—8 января 1909 г.
(25—26 декабря 1908 г.).

Напечатано в «Извещении Центрального Комитета Российской С.-Д. Рабочей Партии о состоявшейся очередной общепартийной конференции». Париж, 1909 г.

Печатается по рукописи.

КАК СОЦИАЛИСТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ ПОДВОДЯТ ИТОГИ РЕВОЛЮЦИИ И КАК РЕВОЛЮЦИЯ ПОДВЕЛА ИТОГИ СОЦИАЛИСТАМ-РЕВОЛЮЦИОНЕРАМ.

Нам не раз уже случалось в истекшем (1908) году говорить о современном положении и течениях в буржуазной демократии в России. Мы отмечали покушение на восстановление «Союза Освобождения» при участии трудовиков («Пролетарий» [3]) № 32) *), мы характеризовали демократизм крестьянства и крестьянских представителей в аграрном и других вопросах («Пролетарий» №№ 21 и 40) **), мы обрисовывали по газете «Революционная Мысль» [4]) поразительное недомыслие мнящей себя особенно революционною фракции с.-р. («Пролетарий» № 32). Для полноты картины необходимо остановиться теперь на официальной литературе партии с.-р. За 1908 год вышло 4 номера «Знамени Труда» [5]) (номера 9—13; номер 10—11 двойной) ***) и особое «Извещение» Ц.К. партии о 1-ой партийной конференции и 4-м Совете партии, состоявшихся за границей в августе [6]). Остановимся на этом материале.

«Партии предстояло — говорит Ц. К. п. с.-р. в «Извещении» — подвести итоги тому периоду великой русской революции, ныне законченному, в течение которого главным, часто почти исключительным, действующим лицом был городской пролетариат». Это сказано очень хорошо. Это сказано необыкновенно, для эс-эров, правдиво. Но читайте пятью строками дальше: «Торжество контрреволюции только наглядным образом подтвердило ту истину, несомненную для нас с самого начала, что успешная русская революция или будет делом мощного союза сил городского пролетариата с силами трудового крестьянства, или ее не будет. Этот союз существовал пока в идее, воплощаясь в выдвинутой русской жизнью социально-революционной программе. Он лишь

*) См. XII том Сочинений, стр. 296—304. *Ред.*
**) См. XII том Сочинений, стр. 122—127 и 403—414. *Ред.*
***) Редакции «Пролетария» не удалось, к сожалению, достать № 12.

сдва начал воплощаться в жизни. Его новое воплощение в будущем...»

Посмотрите же, надолго ли хватило эс-эровской правдивости! Всякий, кто хоть краем уха слыхал о программах с.-р. и с.-д., знает, что коренное отличие этих программ следующее: 1) Социал-демократы объявляли русскую революцию *буржуазной* революцией; социалисты-революционеры отрицали это. 2) Социал-демократы утверждали, что пролетариат и крестьянство суть *различные классы* капиталистического (или полукрепостнического, полукапиталистического) общества; что крестьянство есть класс мелких *хозяев*, который может «вместе бить» помещиков и самодержавие, стоя «по одну сторону баррикады» с пролетарием в буржуазной революции, может в *этой* революции идти в том или другом случае в «союзе» с пролетарием, оставаясь совершенно другим классом капиталистического общества. С.-р. отрицали это. Основная *идея* их программы состояла вовсе не в том, что нужен «союз сил» пролетариата и крестьянства, а в том, что *нет классовой пропасти* между тем и другим, в том, что не нужно проводить классовой грани между ними, в том, что с.-д. идея о мелко-буржуазности крестьянства, в отличие от пролетариата, в корне ложна.

И теперь эти два коренные различия программы с.-д. и с.-р. смазывают гг. с.-р. посредством гладких, прилизанных фраз! Итоги революции подводятся господами эс-эрами таким образом, как будто бы ни революции, ни эс-эровской программы не было. Была, почтеннейшие, эс-эровская программа, все отличие которой от эс-дековской в основной, теоретической, части построено на отрицании мелко-буржуазности крестьянства, на отрицании классовой грани между крестьянством и пролетариатом. Была, почтеннейшие, революция, коренной урок которой состоит в том, что крестьянство своими открытыми массовыми выступлениями обнаружило свою, отличную от пролетариата, классовую природу, показало свою мелко-буржуазность.

Вы делаете вид, что не заметили этого? Вы видите это, но стараетесь отмахнуться от неприятной действительности, обнаруженной революцией. Вы действовали с трудовиками не в «союзе», а в неразрывной слитости с ними и, при том, в такие крупнейшие моменты, когда открытая революция достигла своего апогея,— осенью 1905 и летом 1906 г. Открытые органы печати были тогда эс-эровско-трудовическими. Даже после выделения трудовиков и народных социалистов вы шли не в союзе, а в блоке, т.-е. почти слитно с ними на выборах во II Думу и в самой II Думе. Ваша собственная программа, в отличие от программы трудовиков и н.-с-ов, *потерпела поражение* во всех открытых и действительно массовых выступлениях представителей от крестьянства. И в I и во II Думе подавляющее большинство кре-

стьянских депутатов приняло аграрную программу *трудовиков*, а *не* эс-эров. С.-р. сами в своих чисто эс-эровских изданиях, начиная с конца 1906 г., вынуждены были признать *мелкобуржуазность* трудовиков, как политического направления,— признать, что в подоплеке этого направления сказываются «собственнические инстинкты» мелких хозяев (см. статьи, направленные против народных социалистов г. Вихляевым и другими эс-эрами) [7].

Спрашивается, кого же хотят обмануть эс-эры, подводя «итоги» революции *с сокрытием* основного и главного итога?

Почему крестьянство за время революции сложилось в особую политическую партию (или группу) трудовиков? Почему именно трудовики, а не эс-эры, стали за время революции партией крестьянских масс? Если гг. эс-эры думают, что это была случайность, тогда нечего и разговаривать ни об итогах, ни о какой-либо программе вообще, ибо тогда хаос ставится на место всяких итогов и всякой программы. Если это не случайность, а результат основных экономических отношений в современном обществе, то главный и коренной пункт программы русских с.-д. *доказан историей*. Революция на деле провела ту классовую грань между крестьянством и пролетариатом, которую мы, с.-д., всегда проводили в теории. Революция окончательно показала, что партия, желающая быть партией масс в России, партией класса, должна быть *или* эс-дековской, *или* трудовической, ибо сами массы своими открытыми выступлениями в наиболее важные и острые моменты вполне наметили именно эти два и только эти два направления. Межеумочные группы, как показали события 1905—1907 годов, ни разу и ни в чем с массами не могли слиться. Этим доказан и буржуазный характер нашей революции. Ни один историк, ни один вменяемый политик вообще не в состоянии будет теперь отрицать коренного деления политических сил в России на социалистический пролетариат и мелко-буржуазное демократическое крестьянство.

«Союз сил городского пролетариата и трудового крестьянства... существовал пока в идее». Это — насквозь путаная и лживая фраза. Союз сил пролетариата и крестьянства не «в идее существовал» и не «едва начал воплощаться в жизни», а характеризовал весь первый период русской революции, все крупные события 1905—1907 годов. Октябрьская стачка и декабрьское восстание, с одной стороны, крестьянские восстания на местах и восстания солдат и матросов были именно «союзом сил» пролетариата и крестьянства. Этот союз был стихиен, неоформлен, часто несознан. Эти силы были неорганизованы достаточно, были раздроблены, были лишены действительно руководящего центрального руководства и т. д., но факт «союза сил» пролетариата и крестьянства, как главных сил, проломивших брешь

в старом самодержавии, бесспорен. Не поняв этого факта, нельзя ничего понять в «итогах» русской революции. Фальшь вывода эс-эров состоит здесь в том, что они говорят: *трудового* вместо того, чтобы сказать: *трудовического* крестьянства. Эта маленькая, эта ничтожная разница, которая кажется совсем незаметной, на деле как раз определяет пропасть между дореволюционными мечтами эс-эров и действительностью, окончательно доказанной революцией.

Эс-эры *всегда* говорили о *трудовом* крестьянстве. Революция определила политическую физиономию современного русского крестьянства, как направление *трудовиков*. Повидимому, эс-эры оказались правы? Но в том-то и состоит ирония истории, что история сохранила и увековечила эс-эровский *термин*, наполнив то, что в действительности соответствует этому термину, как раз таким *содержанием*, которое предсказывали эс-деки. История революции поделила нас с эс-эрами в спорном вопросе о мелко-буржуазности трудового крестьянства: эс-эрам история дала *слово*, нам—*суть дела*. Воспетые эс-эрами *до* революции трудовые крестьяне оказались *в* революции такими *трудовиками*, от которых *пришлось* отречься эс-эрам! А нам, эс-декам, доказывать мелко-буржуазность крестьянства можно и *должно* теперь не только анализом, сделанным в «Капитале» Маркса, не только ссылками на «Эрфуртскую программу» [8]), не только данными народнических экономических исследований и земской статистики, а поведением крестьянства в русской революции вообще и в частности фактами, относящимися к составу и деятельности *трудовиков*.

Нет. Нам нечего жаловаться на то, как поделила нас с эс-эрами история.

«Если бы «отзовистам» — говорит «Знамя Труда» в № 13, стр. 3 — удалось вернуть социал-демократию на ее крайние боевые позиции, то мы лишились бы некоторой части благодарного материала для полемики, но приобрели бы сотрудника в последовательной боевой тактике». И парой строк выше: «Дело борьбы за свободу и социализм только выиграло бы, если бы и среди кадетов и среди социал-демократов взяло верх левое течение» [9]).

Очень хорошо, гг. эс-эры! Вы хотите поласкать наших «отзовистов» и «левых». Позвольте же и нам ответить на ласку лаской. Позвольте и нам воспользоваться «благодарным материалом для полемики».

«Пусть целый ряд партий, вплоть до кадетов, трудовиков и социал-демократов, поддерживает своим участием в картонной опереточной думе фикцию конституционного строя» («Знамя Труда», там же).

Итак, III Дума есть Дума картонная. Одной этой фразы за глаза достаточно, чтобы обнаружить бездну невежества гг. с.-р-ов. III Дума, почтеннейшие гг. руководители эс-эровского центрального органа, гораздо *менее* есть картонное учреждение, чем I и II! Не поняв этой простой вещи, вы только лишний раз подтверждаете то, что было нами сказано про вас в номере «Пролетария» в статье «Парламентский кретинизм наизнанку» [10]). Вы целиком повторяете обычный предрассудок вульгарной буржуазной демократии, убеждающей себя и других, что плохие и реакционные Думы суть картонные учреждения, а хорошие и прогрессивные Думы — не картонные.

На самом деле I и II Думы были картонными мечами в руках либерально-буржуазной интеллигенции, желавшей попугать революцией самодержавие. III Дума есть не картонный, а настоящий меч в руках самодержавия и контр-революции. I и II Думы — картонные Думы, потому что их решения не соответствовали действительному распределению материальной силы в борьбе общественных классов и оставались пустыми словами. Значение обеих этих Дум в том, что за передним рядом кадетских конституционных фигляров ясно видны были настоящие представители того демократического крестьянства и того социалистического пролетариата, которые действительно делали революцию, били врага в открытой массовой борьбе, но не сумели еще добить его. Третья Дума не есть картонная Дума, ибо ее решения соответствуют действительному распределению материальной силы при временной победе контр-революции и потому не остаются словами, а проводятся в жизнь. Значение этой Думы в том, что она дала всем неразвитым политически элементам народа наглядный урок, показывающий соотношение представительных учреждений и действительного обладания государственной властью. Представительные учреждения, хотя бы самые «прогрессивные», осуждены оставаться картонными, пока классы, представленные в них, не обладают действительной государственной властью. Представительные учреждения, хотя бы самые реакционные, не будут картонными, раз в руках тех классов, которые в них представлены, находится действительная государственная власть.

Называть III Думу картонной, опереточной Думой есть образец того крайнего недомыслия, того разгула пустой революционной фразы, которые давно уже стали специфической отличительной чертой и основным свойством партии с.-р.

Но пойдем дальше. Верно ли, что III Дума есть «фикция конституционного строя»? Нет, это неверно. В руководящем органе говорить такие вещи могут только люди, не знающие азбуки, преподанной почти полвека тому назад Лассалем [11]). В чем сущность конституции, любезнейшие члены пропагандистского

кружка низшего типа, кружка, именуемого партией с.-р.? В том ли, что при конституции бывает «свободнее» и «трудовому народу» жить легче, чем без конституции? Нет, так думают только вульгарные демократы. Сущность конституции в том, что основные законы государства вообще и законы, касающиеся избирательного права в представительные учреждения, их компетенции и пр., выражают действительное соотношение сил в классовой борьбе. Фиктивна конституция, когда закон и действительность расходятся; не фиктивна, когда они сходятся. В России эпохи III Думы конституция *менее* фиктивна, чем в России эпохи I и II Думы. Если вас возмущает этот вывод, гг. «социалисты»-«революционеры», так это потому, что вы не понимаете ни сущности конституции, ни разницы между ее фиктивностью и ее классовым характером. Конституция может быть черносотенной, помещичьей, реакционной и в то же время менее фиктивной, чем иная «либеральная» конституция.

Беда с.-р. в том, что они не знают ни исторического материализма, ни диалектического метода Маркса, оставаясь целиком в плену вульгарных буржуазно-демократических идей. Конституция для них не новое поприще, не новая форма классовой борьбы, а абстрактное благо подобно «законности», «правовому порядку», «общему благу» либеральных профессоров и т. д. и т. п. На самом деле и самодержавие, и конституционная монархия, и республика суть лишь разные формы классовой борьбы, при чем диалектика истории такова, что, с одной стороны, каждая из этих форм проходит через различные этапы развития ее классового содержания, а с другой стороны, переход от одной формы к другой нисколько не устраняет (сам по себе) господства прежних эксплуататорских классов при иной оболочке. Например, русское самодержавие XVII века — с боярской Думой и боярской аристократией — не похоже на самодержавие XVIII века с его бюрократией, служилыми сословиями, с отдельными периодами «просвещенного абсолютизма» и от обоих резко отличается самодержавие XIX века, вынужденное «сверху» освобождать крестьян, разоряя их, открывая дорогу капитализму, вводя начало местных представительных учреждений буржуазии. К XX веку и эта последняя форма полуфеодального, полупатриархального самодержавия изжила себя. Переход к представительным учреждениям национального масштаба стал необходимостью под влиянием роста капитализма, усиления буржуазии и т. д. Революционная борьба 1905 года обострилась особенно из-за того, кто и как соберет первое всероссийское представительное учреждение. Декабрьское поражение решило этот вопрос в пользу старой монархии, а при таких условиях иной конституции, кроме черносотенно-октябристской, и быть не могло.

На новом поприще, при учреждениях бонапартистской монархии, на более высокой ступени политического развития борьба начинается опять с устранения прежнего врага, черносотенного самодержавия. Может ли социалистическая партия в этой борьбе отказаться от использования новых представительных учреждений? Эс-эры не сумели даже поставить этого вопроса, они отделываются фразами и только фразами. Слушайте дальше:

«Теперь у нас нет парламентских путей борьбы — есть только внепарламентские. Это убеждение должно быть укоренено везде, и нужна непримиримая борьба со всем, что препятствует такому укоренению. Сосредоточимся на внепарламентских средствах борьбы!»

Рассуждение эс-эров построено на знаменитом субъективном методе в социологии. Укореним же убеждение — и дело в шляпе. О том, что убеждения относительно того, есть ли в наличности те или другие пути борьбы, следует проверить объективными данными, субъективисты не заботятся. Но заглянем в «Извещение» и в резолюции конференции эс-эров, читаем: «...сумрачное затишье переживаемого тяжелого времени или, вернее, безвременья» (стр. 4)... «сплочение реакционных общественных сил»... «факт скованности массовой народной энергии»... «в интеллигенции, как наиболее впечатлительной части населения, заметно переутомление, идейный разброд и отлив сил от революционной борьбы» (стр. 6) и т. д. и т. п. «Ввиду этого партия с.-р. должна... б) относиться отрицательно, из тактических соображений, к проектам частичных массовых выступлений, в которых, по условиям настоящего момента, может происходить бесплодная растрата народной энергии» (стр. 7).

У кого же это *«у нас»* «есть только внепарламентские пути борьбы»? Ясно, что у группки террористов, ибо *массовой* борьбы «у нас» все выписанные тирады не указывают. «*Факт скованности массовой народной энергии*» и «сосредоточиться на внепарламентских средствах борьбы»,— это простое сопоставление еще и еще раз показывает нам, сколько исторической правды было в наименовании эс-эров революционными авантюристами! *) Разве это не авантюризм, когда для хлесткого словечка говорят о сосредоточении на таких средствах борьбы, к которым сами же признают сейчас неспособною массу? Разве это не старая-престарая психология интеллигентского отчаяния?

«Сосредоточимся на внепарламентских средствах борьбы» — этот лозунг был верен в один из самых замечательных периодов русской революции, осенью 1905 года. Повторяя его без критики

*) См. V том Сочинений, стр. 145 — 162. *Ред.*

*

теперь, эс-эры поступают подобно тому герою народной сказки, который усердно кричал... все невпопад. Вы не поняли, любезные, *почему* лозунг бойкота был верен осенью 1905 г., и, повторяя его без критики, без смысла, как заученное словечко, теперь, вы обнаруживаете не революционаризм, а самый обыкновенный глупизм.

Осенью 1905 года ни один человек не говорил о «факте скованности массовой народной энергии». Напротив, все партии признавали, что массовая энергия бьет ключом. В такой момент старая власть предлагает законосовещательный парламент, явно желая раздробить и хоть на минуту успокоить клокочущие силы. «Сосредоточимся на внепарламентских средствах борьбы»—тогда этот лозунг не был фразой кучки крикунов, а призывом людей, на деле стоявших впереди толпы, впереди миллионов борцов из рабочих и крестьян. Поддержав этот призыв, миллионы показали, что лозунг был *объективно-верен,* выражал не только «убеждения» горстки революционеров, а действительное положение, настроение и инициативу масс. Повторять этот лозунг на-ряду с признанием «факта скованности массовой народной энергии» могут только смехотворные политики.

И, раз мы уже коснулись смехотворного, нельзя не привести следующего перла из «Знамени Труда»: «Оставим его (правительство) в Думе наедине с «черными» и партией последнего правительственного распоряжения, и поверьте, что если когда либо эти пауки способны начать есть друг друга, так это именно в таком положении»... Это «поверьте» так бесподобно-мило, что прямо обезоруживает противника. «Поверьте», читатель, что передовые статьи в «Знамени Труда» пишет действительно милая эс-эровская гимназисточка, искренне верующая, что «пауки» начнут «есть друг друга», когда оппозиция уйдет из III Думы.

Принятая Лондонским съездом резолюция об отношении к непролетарским партиям вызвала со стороны меньшевиков самые резкие нападки в той ее части, которая касается кадетов. Немногим менее резки были их нападки на ту часть, которая касается народнических или трудовых партий [12]). Меньшевики старались доказать, что мы потворствуем эс-эрам или умалчиваем о некоторых, давно установленных марксистами, грехах эс-эров и т. п. Источник всех этих потуг меньшевиков был двоякий: с одной стороны, основное принципиальное разногласие в оценке русской революции. Меньшевики упорно хотят, чтобы пролетариат творил ее вместе с кадетами, а не вместе с трудовическим крестьянством против кадетов. С другой стороны, меньшевики не поняли того, как открытое выступление масс и классов в революции изменило прежнее положение и зачастую прежний характер партий. До революции эс-эры были *только* группой

народничествующих интеллигентов. Верна ли была бы такая характеристика после революции и даже после 1906 года? Очевидно, нет. Защищать прежний взгляд в такой формулировке могли бы только люди, ничему не научившиеся в революции.

Революция *доказала,* что эта группа народничествующих интеллигентов есть крайнее левое *крыло* чрезвычайно широкого и безусловно массового народнического или трудовического течения, выразившего интересы и точку зрения крестьянства в русской буржуазной революции. Этот факт доказан и крестьянскими восстаниями, и Крестьянским Союзом, и трудовой группой в трех Думах, и свободной печатью эс-эров и трудовиков. Вот этого факта не сумели понять меньшевики. Они рассматривают эс-эров *доктринерски,* т.-е. как люди доктрины, учитывающие ошибки чужой доктрины, но не видящие, какие реальные интересы реальных масс, двигающих буржуазно-демократическую революцию, выражает или прикрывает эта доктрина. Эс-эровская доктрина вредна, ошибочна, реакционна, авантюристична, мелко-буржуазна—кричат меньшевики; ни шагу дальше, ни слова больше; что сверх сего, то от лукавого.

Вот тут начинается *ваша* ошибка, говорим мы меньшевикам. Справедливо, что эс-эровская доктрина вредна, ошибочна, реакционна, авантюристична, мелко-бюржуазна. *Но* такие качества не мешают этой quasi-социалистической доктрине быть идейным облачением действительно революционной, а не соглашательской, буржуазии и мелкой буржуазии в России. Ибо доктрина эс-эров есть только ручеек в трудовическом, т.-е. крестьянски-демократическом, потоке. Как только начинается открытая борьба масс и классов, так события сейчас же заставляют всех нас, и большевиков и меньшевиков, признать это, допуская участие эс-эров в советах рабочих депутатов, сближаясь с советами крестьянских, солдатских, почтово-телеграфных, железнодорожных и т. д. депутатов, участвуя на выборах в союзе с ними против либералов, голосуя с ними в Думах против либералов и т. п. Революция не опровергла нашу оценку эс-эров, а подтвердила ее. Но она подтвердила эту оценку, не оставив вопроса в прежнем положении и в прежнем виде, а перенеся его на несравненно более высокую почву: прежде дело шло только о сравнении доктрин и идеологий, о политике группок; теперь дело идет о сравнении исторической деятельности классов и масс, идущих за этой или родственной идеологией. Прежде спрашивали только: верно ли то, что эс-эры говорят, верна ли тактика этой идейной организации? Теперь вопрос встал: каково на деле поведение тех слоев народа, которые мнят себя солидарными с эс-эрами или родственными их основным идеям («трудовому началу» и т. п.)? Ошибка меньшевиков состоит в непонимании этого изменения, созданного революцией.

А это изменение, кроме указанного его значения, чрезвычайно важно еще потому, что оно наглядно показало соотношение классов и партий. Урок нашей революции состоит в том, что только партии, опирающиеся на определенные классы, сильны и уцелевают при всех и всяких поворотах событий. Открытая политическая борьба заставляет партии связываться теснее с массами, ибо без такой связи партии—ничто. Эс-эры формально независимы от трудовиков. *На деле* в революции они *вынуждены* были идти вместе под угрозой полного исчезновения с политической сцены. И можно ручаться, что при следующем революционном подъеме эс-эры опять будут вынуждены (как бы они ни кричали теперь о полной своей самостоятельности) идти с трудовиками или с подобными им организациями масс. Объективные условия общественной жизни и борьбы классов сильнее добрых желаний и писанных программ. С этой точки зрения—единственно правильной—теперешнее расхождение трудовиков и эс-эров есть лишь распад мелко-буржуазного движения, есть лишь невыдержанность мелких буржуа, не умеющих при трудных обстоятельствах удержать своей сплоченности и «бредущих розно». С одной стороны, перед нами трудовики, неорганизованные, шаткие, колеблющиеся, лишенные всякого прочного политического направления в III Думе, но, несомненно, вышедшие из массы, связанные с массой, выражающие запросы масс. С другой стороны,—горстка эс-эровских «отзовистов», не имеющих никакой связи с массой и мечущихся от отчаяния, теряющих веру в массовую борьбу (см. «Революционная Мысль»), сосредоточивающихся на терроре. Крайний оппортунизм трудовиков (с точки зрения положения революционного крестьянства) и крайний, чисто словесный и бессмысленный, революционаризм эс-эров, это—две ограниченности одного и того же мелкобуржуазного течения, «два флюса», выражающие одну «болезнь»: неустойчивость мелкой буржуазии, неспособность ее к систематической, упорной, выдержанной и дружной массовой борьбе.

На думскую тактику революционных партий в настоящее время и на вопрос об отзовизме, в частности, это обстоятельство проливает новый свет. «У нас нет парламентских путей борьбы»—кричат хвастливые интеллигенты, эс-эры. У кого «у нас», господа? У интеллигенции *без масс* никогда не было и никогда не будет ни парламентских, ни серьезных внепарламентских средств борьбы. А какие массы шли с вами или подле вас вчера, во время революции? Трудовическое крестьянство. Правда ли, что *у него* «нет парламентских средств борьбы»? Неправда. Взгляните на аграрные прения в III Думе и вы увидите, что трудовики, несомненно, выразили здесь запросы масс. Значит, хлесткое словечко эс-эров есть пошлое фразерство, не более того. Крестьянские массы в 1908 году на думской трибуне вы-

разили *свои* запросы, а «внепарламентски» не боролись. Это—факт, от которого никаким «левым» визгом и выкрикиванием эс-эровски-отзовистских фраз не отвертишься.

В чем причина этого факта? В том ли, что ослабело «убеждение» в предпочтительности внепарламентских путей? Пустяки. В том, что объективные условия не вызвали еще в этот период широкого брожения масс и непосредственного выступления их. Раз это так, — а это несомненно так, — то обязанностью всякой серьезной партии было использовать и *посредственные* пути. Что получилось у эс-эров от неуменья использовать их? Только то, что трудовики сделали свое дело чрезвычайно плохо, наделали в тысячу раз больше ошибок, чем получилось бы при воздействии на них партии, шатались и падали чрезвычайно часто. А эс-эры, оторвавшись от своего класса, от своих масс, «сосредоточились» на фразерстве, ибо *на деле* для «внепарламентских средств борьбы» в 1908 году они не совершили *ничего*. Эта оторванность от своего социального корня сейчас же ведет у эс-эров к обострению их первородного греха: непомерного, разнузданного хвастовства, похвальбы, прикрывающей бессилие. «Наша партия может поздравить себя», — читаем на 1-ой странице «Извещения»... выбор на конференцию «реально существующими» (вот как мы!) «местными партийными организациями»... «было достигнуто по всем вопросам единство настроения»... «это было именно достижение единогласия» (там же) и т. п.

Это — неправда, господа. Этим шумом слов вы прячете разногласия, вполне выплывшие и в «Революционной Мысли» (весна 1908 г.) и в № 13 «Знамени Труда» (ноябрь 1908 г.)[13]. Эта шумиха есть признак слабости. И беспартийный оппортунизм трудовиков и «партийная» хвастливость, беспочвенность, фраза эс-эров—две стороны одной медали, две крайности распада *единого* мелко-буржуазного слоя. Недаром во время революции, когда борьба раскрыла все оттенки, эс-эры все время прятали и не могли спрятать своего колебания между эн-эсами и максималистами.

Воз в канаве. Лошади распряглись. Форейтор сидит верхом на тумбе и, заломив шапку набекрень, «поздравляет» себя с «единогласием». Вот картина эс-эровской партии. Вот итоги эс-эровского отзовизма, отозвавшего горстку интеллигентов к пустым выкрикам от тяжелой, упорной, но единственно серьезной и благодарной работы над воспитанием и организацией масс.

«Пролетарий» № 41, 20 (7) января 1909 г.

НА ДОРОГУ.

Год развала, год идейно-политического разброда, год партийного бездорожья лежит позади нас. Организации партии все сократились в числе членов, некоторые — именно: состоящие наименее из пролетариев — развалились. Созданные революцией полуоткрытые учреждения партии терпели провал за провалом. Дошло до того, что для некоторых, поддавшихся влиянию распада, элементов внутри партии стало вопросом, надо ли сохранить прежнюю с.-д. партию, надо ли продолжать *ее* дело, надо ли идти опять в подполье и как это сделать,— и на этот вопрос крайние правые давали ответ в смысле легализации во что бы то ни стало, ценой даже явного отказа от партийной программы, тактики и организации (так называемое, ликвидаторское течение)[14]). Кризис был, несомненно, не только организационный, но и идейно-политический.

Недавно состоявшаяся Всероссийская конференция Р. С.-Д. Р. П. выводит партию на дорогу и представляет из себя, видимо, поворотный пункт в развитии русского рабочего движения после победы контр-революции. Решения конференции, напечатанные в особом «Извещении», изданном Центральным Комитетом нашей партии, утверждены Ц. Комитетом и являются, следовательно, до следующего съезда решениями всей партии. В этих решениях дан вполне определенный ответ на вопрос о причинах и значении кризиса, а также о средствах выхода из него. Работая в духе резолюций конференции, добиваясь ясного и полного сознания *всеми* партийными работниками современных задач партии, наши организации сумеют укрепить и сплотить свои силы для дружной и живой революционно-социал-демократической работы.

Основная причина кризиса партии указана в мотивах организационной резолюции. Эта основная причина заключается в чистке рабочей партии от колеблющихся интеллигентских и мелко-буржуазных элементов, которые примкнули к рабочему движению, главным образом, в надежде на близкое торжество буржуазно-демократической революции и которые не могли устоять в период реакции. Неустойчивость сказалась и в области

ЦѢНА 25 САНТ.
PRIX 25 centimes

ПАРИЖЪ, Среда 28/10 Февраля 1909 г. № 2.

РОССІЙСКАЯ СОЦ.-ДЕМОКРАТИЧ. РАБОЧАЯ ПАРТІЯ. ПРОЛЕТАРІИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОРГАНЪ РОССІЙСКОЙ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТІИ

СОЦІАЛЬДЕМОКРАТЪ

LE SOCIAL-DÉMOCRATE

Organe Central du Parti Social-Démocrate Ouvrier en Russie

На дорогу.

[illegible]

Первая страница Центрального Органа Р.С.-Д.Р.П. «Социал-Демократ» № 2 — 1909 г.

Уменьшено

теории («отступления от революционного марксизма»: резолюция о современном моменте), и в области тактики («укорачивание лозунгов»), и в области организационной политики партии. Сознательные рабочие дали отпор этой неустойчивости, выступили решительно против ликвидаторства, стали брать в свои руки ведение дел партийных организаций и руководство ими. Если сразу это коренное ядро нашей партии не смогло осилить элементов разброда и кризиса, то это не только потому, что велика и трудна была задача при торжестве контр-революции, но и потому, что некоторое равнодушие к партии проявилось в среде тех рабочих, которые были настроены революционно, но обладали недостаточной социалистической сознательностью. Именно к сознательным рабочим России и обращены в первую голову решения конференции, как сложившееся мнение социал-демократии о средствах борьбы с разбродом и шатаниями.

Марксистский анализ современного взаимоотношения классов и новой политики царизма;—указание ближайшей цели борьбы, которую ставит себе по-прежнему наша партия;—оценка уроков революции в вопросе о правильности революционно-социал-демократической тактики;—выяснение причин партийного кризиса и указание на роль пролетарского элемента партии в борьбе с ним;—решение вопроса о соотношении нелегальной и легальной организации;—признание необходимости использовать думскую трибуну и выработка точных руководящих указаний для нашей думской фракции в связи с прямой критикой ее ошибок,—таково главное содержание решений конференции, дающих полный ответ на вопрос о выборе партией рабочего класса твердого пути в переживаемое тяжелое время. Рассмотрим внимательнее этот ответ.

Взаимоотношение классов в их политической группировке остается тем же, какое характерно для пережитого периода прямой революционной борьбы масс. Громадное большинство крестьянства не может не стремиться к такому аграрному перевороту, который уничтожил бы полукрепостническое землевладение и который неосуществим без свержения царской власти. Торжество реакции придавило особенно сильно демократические элементы крестьянства, неспособного к прочной организации, но, несмотря на весь гнет, несмотря на черносотенную Думу, несмотря на крайнюю неустойчивость трудовиков, революционность крестьянских масс видна ясно даже из прений в III Думе. Основная позиция пролетариата по отношению к задачам буржуазно-демократической революции в России остается неизменной: руководить демократическим крестьянством, вырывать его из-под влияния либеральных буржуа, партии к.-д., продолжающей сближаться, несмотря на мелкие частные ссоры, с октябристами и, в самое последнее время, стремящейся создать национал-либерализм,

поддержать царизм и реакцию путем шовинистической агитации. Борьба по-прежнему ведется — говорит резолюция — за полное уничтожение монархии и завоевание политической власти пролетариатом и революционным крестьянством.

Самодержавие по-прежнему стоит, как главный враг пролетариата и всей демократии. Но было бы ошибкой думать, что оно остается прежним. Столыпинская «конституция» и столыпинская аграрная политика знаменуют новый этап в разложении старого полупатриархального, полукрепостнического царизма, новый шаг по пути превращения его в буржуазную монархию. Делегаты Кавказа, желавшие либо совсем удалить такую характеристику момента, либо поставить «плутократический» на место «буржуазный», стояли на неверной точке зрения. Плутократическим самодержавие было давным-давно, буржуазным — по своей аграрной политике и по прямому, организованному в общенациональном масштабе, союзу с известными слоями буржуазии — оно становится только после первого этапа революции, под влиянием ударов ее. Самодержавие издавна вскармливало буржуазию, буржуазия издавна пробивала себе рублем и доступ к «верхам», и влияние на законодательство и управление, и места на-ряду с благородным дворянством, но своеобразность настоящего момента состоит в том, что самодержавию пришлось создать представительное учреждение для определенных слоев буржуазии, пришлось эквилибрировать между ними и крепостниками, организовывать в Думе союз этих слоев, пришлось проститься со всякой надеждой на патриархальность мужика и искать опоры против деревенской массы у богатеев, разоряющих общину.

Самодержавие прикрывает себя, якобы, конституционными учреждениями, но в то же время на деле получается невиданное еще разоблачение его классовой сущности, благодаря союзу царя с Пуришкевичами и Гучковыми, и только с ними. Самодержавие пытается взять на себя решение объективно необходимых задач буржуазной революции — создание народного представительства, действительно заведующего делами буржуазного общества, и чистку средневековых, запутанных и обветшавших аграрных отношений в деревне; но именно практический результат новых шагов самодержавия оказывается до сих пор равным нулю, и это только еще нагляднее показывает необходимость иных сил и иных средств для решения исторической задачи. Самодержавие противопоставлялось до сих пор в сознании миллионных, неискушенных в политике, масс народному представительству вообще; теперь борьба суживает свою цель, определяет конкретнее свою задачу, как борьбу за власть в государстве, определяющую характер и значение самого представительства. Вот почему III Дума знаменует особый этап в разложении старого царизма, в усилении его авантюристичности, в углублении старых рево-

люционных задач, в расширении поприща борьбы (и числа участников борьбы) за эти задачи.

Этот этап должен быть изжит; новые условия момента требуют новых форм борьбы; использование думской трибуны представляется безусловной необходимостью; длительная работа по воспитанию и организации масс пролетариата выдвигается на первый план; сочетание нелегальной и легальной организации выдвигает перед партией особые задачи; популяризация и разъяснение опыта революции, дискредитируемой либералами и ликвидаторами-интеллигентами, необходимы и в теоретических и в практических целях. Но тактическая линия партии, которая должна суметь учесть новые условия в приемах и средствах борьбы, остается неизменной. Правильность революционно-социал-демократической тактики—говорит одна из резолюций конференции — подтверждена опытом массовой борьбы 1905—1907 годов. Поражение революции в итоге этой первой кампании обнаружило не неверность задач, не «утопичность» ближайших целей, не ошибочность средств и приемов, а недостаточную подготовленность сил, недостаточную глубину и ширину революционного кризиса, — а над углублением и расширением его Столыпин и К° работают с самым достохвальным усердием! Пусть либералы и растерявшиеся интеллигенты после первого действительного массового сражения за свободу падают духом и твердят трусливо: не идите туда, где были раз разбиты, не становитесь снова на этот роковой путь. Сознательный пролетариат ответит им: великие войны в истории, великие задачи революций решались только тем, что передовые классы не раз и не два повторяли свой натиск и добивались победы, наученные опытом поражений. Разбитые армии хорошо учатся. Революционные классы России разбиты в первой кампании, но революционное положение остается. В новых формах и иным путем — иногда гораздо более медленно, чем мы бы желали—революционный кризис надвигается еще раз, назревает снова. Длительная работа подготовки к нему более широких масс, подготовки более серьезной, учитывающей более высокие и более конкретные задачи, должна быть выполнена нами, и чем успешнее будет она выполнена, тем вернее будет победа в новой борьбе. Русский пролетариат может гордиться тем, что в 1905 году под его руководством нация рабов превратилась впервые в нападающую на царизм рать миллионов, в армию революции. И тот же пролетариат сумеет теперь выполнить выдержанно, стойко, терпеливо работу воспитания и подготовки новых кадров более могучей революционной силы.

Использование думской трибуны входит, как мы уже указали, необходимой составной частью в эту работу воспитания и подготовки. Резолюция конференции о думской фракции указывает нашей партии ту дорогу, которая всего ближе — если

искать примеров в истории — к опыту немецких социал-демократов при исключительном законе. Нелегальная партия должна суметь использовать, должна научиться использовать легальную думскую фракцию, должна воспитать из этой последней стоящую на высоте своих задач партийную организацию. Самой ошибочной тактикой, самым печальным уклонением от выдержанной пролетарской работы, предписываемой условиями переживаемого момента, было бы ставить вопрос об отзыве фракции (на конференции было два «отзовиста», не поставивших прямо этого вопроса) или отказаться от прямой и открытой критики ее ошибок, от перечня их в резолюции (на конференции этого добивались некоторые делегаты). Резолюция вполне признает, что у фракции были и такие ошибки, за которые не она одна ответственна и которые вполне сходны с неизбежными ошибками всех наших партийных организаций. Но есть другие ошибки — отступления от *политической линии* партии. Раз эти отступления имели место, раз они сделаны организацией, выступающей открыто от имени всей партии, — партия обязана была ясно и точно сказать, что это были уклонения. В истории западно-европейских социалистических партий бывали не раз примеры ненормальных отношений парламентских фракций к партии; до сих пор в романских странах эти отношения сплошь да рядом ненормальны, фракции недостаточно партийны. Мы должны сразу поставить иначе дело создания социал-демократического парламентаризма в России, сразу приняться за дружную работу в этой области, — чтобы всякий с.-д. депутат на деле чувствовал, что партия стоит за ним, болеет его ошибками, заботится о выправлении его дороги, — чтобы каждый партийный работник участвовал в общей думской работе партии, учился на деловой марксистской критике ее шагов, чувствовал свою обязанность помогать ей, добивался соподчинения специальной работы фракции всей пропагандистской и агитационной деятельности партии.

Конференция была первым авторитетным собранием делегатов от крупнейших организаций партии, обсуждавшим деятельность думской с.-д.-фракции за целую сессию. И решение конференции показывает ясно, как будет ставить свою думскую работу наша партия, какие строгие требования предъявляет она в этой области к себе самой и к фракции, как неуклонно и выдержанно намерена она работать над воспитанием действительно социал-демократического парламентаризма.

Вопрос об отношении к думской фракции имеет тактическую и организационную сторону. В этом последнем отношении резолюция о думской фракции есть вновь лишь применение к частному случаю общих принципов организационной политики, установленных конференцией в резолюции о директивах по организационному вопросу. Два основных течения в Р. С.-Д. Р. П.

констатированы конференцией по этому вопросу: одно — переносящее центр тяжести на нелегальную партийную организацию, другое — более или менее родственное ликвидаторству — переносящее центр тяжести на легальные и полулегальные организации. Дело в том, что современный момент характеризуется, как мы уже указали, уходом из партии некоторого числа партийных работников, особенно из интеллигенции, но частью и из рабочих. Ликвидаторское течение ставит вопрос, лучшие ли, наиболее активные элементы покидают партию и выбирают поприщем деятельности легальные организации, или уходят из партии «колеблющиеся интеллигентские и мелко-буржуазные элементы»? Нечего и говорить, что, решительно отвергнув и осудив ликвидаторство, конференция ответила в последнем смысле. Наиболее пролетарские элементы партии, наиболее выдержанные принципиально и наиболее социал-демократические элементы интеллигенции остались верны Р.С.-Д.Р.П. Уход из партии есть чистка ее, освобождение от наименее устойчивых, от ненадежных друзей, от «попутчиков» (Mitläufer'ов), которые всегда примыкали на время к пролетариату, рекрутируясь из мелкой буржуазии или из числа «деклассированных», т.-е. людей, выбитых из колеи того или иного определенного класса.

Из этой оценки партийно-организационного принципа само собой вытекает и линия организационной политики, принятая конференцией. Укрепление нелегальной партийной организации, создание партийных ячеек во всех областях работы, создание в первую голову «чисто партийных, хотя бы немногочисленных, рабочих комитетов в каждом промышленном предприятии», сосредоточение руководящих функций в руках руководителей социал-демократического движения из среды самих рабочих, — такова задача дня. И, разумеется, задачей этих ячеек и комитетов должно быть использование всех полулегальных и, по возможности, легальных организаций, поддерживание «тесной связи с массами», направление работы таким образом, чтобы социал-демократия откликалась на все запросы масс. Каждая ячейка и каждый партийный рабочий комитет должны стать «опорным пунктом для агитационной, пропагандистской и практически-организационной работы среди масс», т.-е. непременно идти туда, куда идет масса, и стараться на каждом шагу толкать ее сознание в направлении социализма, связывать каждый частный вопрос с общими задачами пролетариата, превращать каждое организационное начинание в дело *классового* сплочения, завоевывать себе своей энергией, своим идейным влиянием (а не своими званиями и чинами, конечно) руководящую роль во всех пролетарских легальных организациях. Пусть иногда эти ячейки и комитеты будут очень немногочисленны, зато между ними будет связь партийной традиции и партийной организации, определенная

классовая программа,— и два-три партийных социал-демократа сумеют не расплыться, таким образом, в бесформенной легальной организации, а вести при всех условиях, при всяких обстоятельствах, при всевозможных положениях свою *партийную* линию, воздействовать на среду в духе всей партии, а не давать среде поглотить себя.

Можно распустить массовые организации того или иного вида, можно затравить легальные профессиональные союзы, можно полицейскими придирками испортить всякое открытое начинание рабочих при режиме контр-революции, но никакая сила в мире не устранит массового скопления рабочих в капиталистической стране, а таковой стала уже Россия. Так или иначе, легально или полулегально, открыто или прикрыто, рабочий класс найдет себе те или иные пункты сплочения,—везде и всегда будут идти впереди массы сознательные партийные эс-деки, везде и всегда будут они сплачиваться между собою для воздействия на массу в партийном духе. И социал-демократия, доказавшая в открытой революции, что она есть партия класса, сумевшая повести за собой миллионы и на стачку, и на восстание в 1905, и на выборы в 1906 — 1907 г.г., сумеет и теперь остаться партией класса, партией масс, остаться авангардом, который в самые тяжелые времена не оторвется от всей армии, сумеет помочь ей преодолеть эти тяжелые времена, снова сплотить ее ряды, приготовить новых и новых борцов.

Пусть ликуют и воют черносотенные зубры в Думе и вне Думы, в столице и захолустьи, пусть бешенствует реакция,— ни одного шага не может делать премудрый г. Столыпин, не приближая к падению эквилибрирующее самодержавие, не запутывая нового клубка политических невозможностей и нелепиц, не прибавляя новых и свежих сил в ряды пролетариата, в ряды революционных элементов крестьянской массы. Партия, которая сумеет укрепиться для выдержанной работы в связи с массами, партия передового класса, которая сумеет организовать его авангард, которая направит свои силы так, чтобы воздействовать в социал-демократическом духе на каждое проявление жизни пролетариата, эта партия победит во что бы то ни стало.

«Социал-Демократ» [15]) *№ 2, 10 февраля (28 января) 1909 г.*

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ «К ОЧЕРЕДНЫМ ВОПРОСАМ».

Эта превосходная статья перепечатывается нами из № 7 «Рабочего Знамени» [16]) — органа центрально-промышленного района — и служит ответом на статью отзовиста в 5 № той же газеты. Статья отзовиста была помещена, как дискуссионная, с оговоркой редакции «Рабочего Знамени» о ее несогласии с автором. Настоящая статья в 7 № редакцией не оговорена и, значит, выражает мнение самой редакции.

Мы в «Пролетарии» уже давно решительно высказались против отзовизма и определенно указали, что, поскольку отзовизм из простого настроения превращается в *направление*, в систему политики, постольку он сходит с пути революционного марксизма, постольку он принципиально рвет с большевизмом. Но после настоящей статьи московского органа большевиков мы должны признать, что мы до сих пор ставили вопрос об отзовизме еще недостаточно резко, преуменьшали ту опасность, которая угрожает принципиальной выдержанности нашей большевистской фракции со стороны людей, желающих соединить такой отзовизм с большевизмом. Мы констатируем, что тов. Москвич, автор перепечатанной выше статьи, поставил вопрос так же резко, так же определенно, так же принципиально, как ставили мы его в частных дискуссиях с отзовистами: встречая каждый день живых представителей отзовизма, видя на месте их практическую отзовистскую агитацию, с каждым днем грозящую все больше отклониться от пути революционной социал-демократии, наш московский орган вынужден был поставить вопрос так резко и принципиально-непримиримо, как он с полным основанием поставлен. *Или* революционный марксизм, т. е. в России — большевизм, *или* отзовизм, т. е. отказ от большевизма, так поставил вопрос московский товарищ. Он этим целиком присоединился к той постановке вопроса, которую мы давали в наших предварительных спорах с товарищами отзовистами перед общепартийной конференцией.

Мы знаем, что есть рабочие большевики, сочувствующие сейчас отзовизму, но у них в большинстве случаев «отзовизм» и есть не что иное, как скоропреходящее *настроение*, поддерживаемое крупными ошибками нашей думской фракции. И не к ним, конечно, относится все сказанное выше автором статьи и нами. Но, поскольку отзовизм возводится в теорию, поскольку он сводится к целой системе политики, — а это делается небольшой группой, мнящей себя представительницей «истинной» революционности, — постольку непримиримая *идейная война!* Автор перепечатанной статьи совершенно прав, когда говорит, что рассуждения отзовиста в 5 № «Рабочего Знамени» (статья эта нами перепечатана в № 39 «Пролетария») и вообще отзовизм, *как направление*, равны *меньшевизму наизнанку*, с его проповедью «рабочего съезда» и пр. И он еще более прав, когда говорит, что *принципиальные* обоснования, приводимые некоторыми отзовистами в пользу своего направления, — помимо их собственного политического сознания, — объективно грозят сблизить их с анархо-синдикалистами или просто с анархистами.

Постановка вопроса в Москве показала с очевидностью, насколько политически близоруки — при всех своих добрых намерениях — те из большевиков, которые не хотят признать в отзовизме *принципиальной* опасности, которые видят здесь *только* «практические разногласия», которые видят в отзовизме «здоровое ядро», а не зародыш идейного ликвидаторства слева. Статья московского товарища должна им показать, что, идейно прикрывая отзовистов или даже сохраняя по отношению к ним идейный дружественный нейтралитет, они льют воду на мельницу отзовистов, *они становятся их военнопленными*, они вредят большевизму.

Отзовизм — *не* большевизм, а худшая политическая карикатура на него, которую только мог бы придумать злейший его политический противник. Тут необходима *полная ясность*. Мы считаем необходимым, чтобы все большевики, до последнего кружка, дали себе ясный отчет в истинном значении отзовизма, разобрались бы вполне и поставили бы перед собой вопрос: не проводится ли под флагом «революционности» и «левизны» явный отказ от славных традиций старого большевизма, как он сложился в предреволюционную эпоху и в огне революции.

Для этой цели мы открыли по этим вопросам дискуссию в «Пролетарии». Мы помещали *все* присылавшееся нам и перепечатывали все, что на этот счет писалось большевиками в России. *Ни одной* дискуссионной статьи мы до сих пор не отвергли и так же будем поступать и в дальнейшем [17]). К сожалению, т.т. отзовисты и сочувствующие им товарищи до сих пор мало присылали материала нашей газете и вообще уклонялись от открытого и полного изложения на страницах печати своего принци-

пиального кредо, предпочитая разговоры «промеж себя». Мы приглашаем всех товарищей, как отзовистов, так и ортодоксальных большевиков, излагать свои взгляды на страницах «Пролетария». Если понадобится, мы издадим присылаемые материалы и в особой брошюре. Идейная ясность и выдержанность — вот что необходимо нам, в особенности в настоящий тяжелый момент.

Предоставим гг. эс-эрам затушевывать свои разногласия и поздравлять себя с «единогласием» в тот момент, когда про них справедливо говорят: у них чего хочешь, того просишь, — начиная от либерализма эн-эсовского, до либерализма с бомбой.

Предоставим меньшевикам идейно уживаться с Череваниным и К⁰. Пусть они практикуют систему двойной бухгалтерии (отреклись от Череванина перед немцами и лобызаются в русской печати), пусть они уживаются с идейными ликвидаторами основ революционного марксизма, пусть они замазывают свои разногласия, доходя в этом до такой виртуозности, как простая заклейка разногласий (см. «Голос Социал-Демократа» № 10—11), где расхождение меньшевиков с Плехановым «устранено» простой заклейкой [18]).

Наша фракция не должна бояться идейной внутренней борьбы, раз она необходима. Она еще более окрепнет в ней. Мы тем больше *обязаны* выяснять свои расхождения, что фактически наше течение все больше начинает равняться всей нашей партии. К *идейной* ясности зовем мы т.т. большевиков и к отметанию всех подпольных сплетен, откуда бы они ни исходили. Подменять идейную борьбу по серьезнейшим, кардинальнейшим вопросам мелкими дрязгами, в духе меньшевиков после второго съезда, есть тьма охотников. В большевистской среде им не должно быть места. Рабочие-большевики должны дать таким попыткам решительный отпор и требовать одного: *идейной ясности, определенных взглядов, принципиальной линии.* И именно при такой полной идейной определенности все большевики смогут в организационном отношении выступать столь же едино, столь же сплоченно, как наша фракция всегда выступала до сих пор.

«Пролетарий» № 42, 25 (12) февраля 1909 г.

ЦЕЛЬ БОРЬБЫ ПРОЛЕТАРИАТА В НАШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ.

В печатаемой выше статье т. Мартов задевает чрезвычайно важный вопрос или, вернее, ряд вопросов, относящихся к цели борьбы пролетариата и социал-демократии в нашей революции[19]). Задета история этих вопросов в нашей партии, задето отношение их к основам марксизма и к народничеству, задеты взгляды всех оттенков, высказанные по этому поводу, — задеты все стороны вопроса и не выяснена ни одна. Чтобы ответить по существу, приходится дать систематический очерк всех сторон вопроса.

I.

Начнем с истории обсуждения этого вопроса русской социал-демократией. Поставлен он в начале 1905 года большевиками и меньшевиками. Первые решили его «формулой»: революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства (ср. «Вперед» № 14 от 12 апреля 1905 года) *). Вторые решительно отвергали такое определение классового содержания победоносной буржуазной революции. Третий съезд (большевиков) в Лондоне в мае 1905 года и одновременная конференция меньшевиков в Женеве дали официальное выражение взглядов обеих частей партии. При этом, сообразно духу той эпохи, в резолюциях обе части партии ставили не теоретический, общий вопрос о цели борьбы и о классовом содержании победоносной революции вообще, а более узкий вопрос о временном революционном правительстве. Резолюция большевиков гласит: «... осуществление демократической республики в России возможно лишь в результате победоносного народного восстания, органом которого явится временное революционное правительство; ... в зависимости от соотношения сил и других факторов, не поддающихся точному предварительному определению, допустимо уча-

---

*) См. VII том Сочинений, стр. 196 — 203. *Ред.*

стие во временном революционном правительстве уполномоченных нашей партии в целях беспощадной борьбы со всеми контрреволюционными попытками и отстаивания самостоятельных интересов рабочего класса». Резолюция меньшевиков: «...Социал-демократия не должна ставить себе целью захватить или разделить власть во временном правительстве, а должна оставаться партией крайней революционной оппозиции».

Отсюда видно, что в свою официальную резолюцию сами большевики на чисто большевистском съезде *не включают* ничего подобного «формуле»: диктатура пролетариата и крестьянства, а говорят *только* о допустимости участия во временном правительстве и о «призвании» пролетариата «сыграть руководящую роль» (резолюция о вооруженном восстании). «Формула» «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства», высказанная в большевистской печати до III съезда, повторяется в брошюре «Две тактики» *) после этого съезда, и ни единому человеку не приходило в голову обвинять большевиков за несоответствие их комментариев с их резолюциями. Ни единому человеку не приходило в голову требовать буквального совпадения резолюций политически борющейся массовой партии и формул марксистского определения классового содержания победоносной революции.

Другой важный вывод из нашей исторической справки: весной 1905 года обе части партии сводили *центр тяжести* спорного вопроса к *завоеванию власти* пролетариатом и революционными классами вообще, совершенно не входя в вопрос о том, каковы при этом могут или должны быть отношения между этими завоевывающими власть классами. Меньшевики, как мы видели, отвергают одинаково цель захватить и цель разделить власть. Большевики говорят о «руководящей роли пролетариата в революции» (резолюция о вооруженном восстании), о «допустимости» участия с.-д. во временном правительстве, о «неуклонном охранении независимости с.-д., стремящейся к полному социалистическому перевороту» (резолюция о временном революционном правительстве), о «поддержке» революционного движения крестьян, об «очистке революционно-демократического содержания крестьянского движения от всяких реакционных примесей», о том, чтобы «развивать революционное самосознание крестьян и доводить до конца их демократические требования» (резолюция об отношении к крестьянскому движению). Никаких других «формул» об отношении пролетариата и крестьянства в резолюциях большевистского съезда 1905 года нет.

Перейдем к проектам резолюций, выработанным обеими фракциями год спустя, перед Стокгольмским съездом. Эти проекты

*) См. VIII том Сочинений, стр. 27—127. *Ред.*

особенно часто забываются или игнорируются в печати вообще и в нашей партии в частности, и это особенно жаль, ибо значение их в истории тактических идей социал-демократии громадно. Именно эти проекты резолюций показывают, какие уроки вывели из опыта октябрьской и декабрьской борьбы 1905 года обе части партии.

Большевики пишут в проекте резолюции о классовых задачах пролетариата: «...довести до конца демократическую революцию в состоянии только пролетариат при том условии, что он, как единственный до конца революционный класс современного общества, поведет за собой массу крестьянства, придавая политическую сознательность его стихийной борьбе против помещичьего землевладения и крепостнического государства» (повторено в проекте резолюции к Лондонскому съезду, см. «Пролетарий» № 14 от 4 марта 1907 г. *)).

Итак, «формула», которую здесь сами большевики избрали для себя, гласит: пролетариат, *ведущий за собой* крестьянство. Никакой другой формулы для выражения идеи революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в резолюциях большевиков нет. Этот факт нельзя достаточно сильно подчеркнуть, ибо на забвении его или на умалчивании о нем построена вся попытка т. Мартова представить значение резолюции, принятой на Декабрьской конференции 1908 года, в совершенно неверном свете.

Меньшевики в своем проекте резолюции (перепечатано из «Партийных Известий» в «Докладе» Ленина, стр. 68—70 **)) называют задачей пролетариата «быть двигателем буржуазной революции» — заметьте: не «вождем», не «руководителем», как сказано в большевистской резолюции, а двигателем! — и указывают в числе задач его «массовым напором поддерживать те оппозиционные шаги буржуазной демократии, которые не противоречат нашим программным требованиям, могут содействовать их достижению и стать исходной точкой для дальнейшего движения революции вперед» [20]).

Разногласие сведено, следовательно, самими фракциями большевиков и меньшевиков к противопоставлению: «вождь» и «руководитель» революции, «ведущий за собой» крестьянство, *или* «двигатель революции», «поддерживающий» те или иные шаги буржуазной демократии. Добавим, что эту резолюцию победившие на Стокгольмском съезде меньшевики *сами сняли* вопреки протестам и настояниям большевиков. Почему это сделали меньшевики, — на этот вопрос читатель может найти ответ, если он узнает следующее место из того же проекта резолюции

*) См. X том Сочинений, стр. 385. *Ред.*
**) См. IX том Сочинений, стр. 175—227. *Ред.*

меньшевиков: «целесообразное выполнение задачи быть двигателем буржуазной революции возможно для пролетариата лишь таким путем, что, организуясь сам, пролетариат своей борьбой втягивает все новые и новые слои городской буржуазии и крестьянства в революционную борьбу, демократизируя их требования, толкает их к организации, и тем самым создает условия для победы революции».

Это — явная половинчатая уступка большевикам, ибо пролетариат рисуется здесь не только как двигатель, но отчасти, по крайней мере, как руководитель, ибо он «втягивает» и «толкает» крестьянство и новые слои городской буржуазии.

Далее. По вопросу о временном правительстве проект меньшевистской резолюции гласит: «Социал-демократия, при условиях обще-революционного подъема в стране, должна повсюду содействовать образованию советов рабочих депутатов, побуждать и другие элементы революционной демократии к образованию таких же органов, содействовать объединению всех этих органов в общие беспартийные организации революционной борьбы народа, выдвигая перед ними те обще-национальные задачи революции, которые с точки зрения пролетариата могут и должны быть разрешены в данный момент революцией» (стр. 91, там же).

Этот забытый проект меньшевистской резолюции показывает ясно, что под влиянием опыта октября — декабря 1905 года меньшевики совсем запутались и сдали позицию большевикам. В самом деле, разве совместимо цитированное место с следующими пунктами того же самого проекта: «социал-демократия не должна ставить своей задачей захвата власти и диктатуры в современной буржуазной революции» (стр. 92)? Это последнее положение строго принципиально и вполне повторяет (за исключением указания на «раздел власти») резолюцию 1905 г. Но оно стоит в непримиримом противоречии с опытом октября — декабря 1905 г., каковой опыт *сами* меньшевики *сводят* к *объединению всех органов* пролетариата и «*других элементов революционной демократии*» в «общие беспартийные организации революционной борьбы народа»! Ибо если советы рабочих депутатов «объединяются» с *такими же* органами революционной демократии в беспартийные организации революционной борьбы народа, то ясно, что пролетариат *ставит* себе задачей «захват власти и диктатуру», *участвует* в деле такого захвата. Резолюция сама говорит, что «главнейшая задача» революции — «вырвать государственную власть из рук реакционного правительства». Боясь слова, чураясь «захвата власти и диктатуры», отрекаясь от этих страшных вещей самым решительным образом, меньшевики *вынуждены были признать* после 1905 года, что «объединение» советов рабочих депутатов с другими «такими же» органами

революционной демократии неизбежно вытекает из хода вещей и что такое *объединение* дает «*общие* беспартийные» (неточно; надо было сказать: беспартийные или междупартийные) «организации революционной борьбы народа». Эта *общая организация* и есть временное революционное правительство! Меньшевики боялись точного и прямого слова, заменяя его *описанием*. Дело от этого не меняется. «Орган революционной борьбы народа», «вырывающий государственную власть» у старого правительства, это и называется временным революционным правительством.

И если меньшевики вынуждены были учесть опыт октября — декабря 1905 г., путаясь и сбиваясь, то большевики прямо и ясно сделали свои выводы. Большевистский проект резолюции о временном правительстве гласит: «...в этой открытой борьбе» (конца 1905 г.) «элементы местного населения, способные решительно выступать против старой власти (почти исключительно пролетариат и передовые слои мелкой буржуазии), приведены были к необходимости создавать такие организации, которые фактически являлись зачатками новой революционной власти — советы рабочих депутатов в Петербурге, Москве и других городах, советы солдатских депутатов во Владивостоке, Красноярске и пр., железнодорожные комитеты в Сибири и на юге, крестьянские комитеты в Саратовской губ., городские революционные комитеты в Новороссийске и других городах и, наконец, выборные сельские органы на Кавказе и в Прибалтийском крае» (с. 92). Разрозненность и зачаточность этих органов обусловили неуспех, — говорится дальше, — и временное революционное правительство определяется как «орган победоносного восстания». «Перед пролетариатом — продолжает резолюция — в интересах доведения революции до конца, выдвигается теперь настоятельная задача способствовать, совместно с революционной демократией, объединению восстания и созданию объединяющего органа этого восстания в виде временного революционного правительства». Дальше повторяется почти буквально резолюция III съезда 1905 года.

Приведенные места из проектов резолюций обеих фракций перед Стокгольмским съездом дают возможность поставить вопрос о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства на конкретную историческую почву. Всякий, кто желает дать прямой и ясный ответ на этот вопрос, должен считаться с опытом конца 1905 г. Уклониться от прямого рассмотрения этого опыта — значит не только игнорировать самый ценный материал для русского марксиста, — мало этого: это значит также осудить себя неизбежно на «крючкотворское» толкование формул, на «замазывание» и «заклеивание» (по удачному выражению т. Мартова) сути принципиальных разногласий, осудить себя неизбежно как раз на такое беспринципное ковыляние в вопро-

сах теории и практики «диктатуры», которое лучше всего выражается формулой: движение — все, цель — ничто.

Опыт конца 1905 года бесспорно установил, что «общереволюционный подъем в стране» создает особые «организации революционной борьбы народа» (по меньшевистской формулировке; «зачаточные органы новой революционной власти» — по большевистской). Так же бесспорно то, что эти органы в истории русской буржуазной революции созданы были, во-первых, пролетариатом, во-вторых, «другими элементами революционной демократии», при чем, простая справка с составом населения России вообще и Великороссии, в особенности, показывает громадное преобладание крестьянства в числе этих других элементов. Наконец, не менее бесспорна и историческая тенденция к объединению этих местных органов или организаций. А из этих бесспорных фактов неминуем вывод, что победоносная революция в современной России *не может быть* чем-либо иным, кроме как революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства. От этого неминуемого вывода иначе, как путем «крючкотворства» и «заклеивания» разногласий, уклониться нельзя! Если не выхватывать обрывков вопроса, если не отрывать искусственно и произвольно города от деревни, одной местности от другой, если не подменять вопроса о диктатуре *классов* вопросом о составе того или другого *правительства*, — одним словом: если рассматривать вопрос действительно *в целом*, то никто не сможет на конкретных примерах из опыта 1905 года показать, как могла бы победоносная революция не быть диктатурой пролетариата и крестьянства.

Но закончим сначала вопрос о партийной истории рассматриваемой «формулы» прежде, чем идти дальше. Мы видели, каково было точное изложение взглядов обеих фракций в 1905 и 1906 г.г. В 1907 г., накануне Лондонского съезда, меньшевики выдвинули сначала один проект резолюции об отношении к буржуазным партиям («Народная Дума», 1907, № 12 от 24/III 1907), потом на самом съезде внесли другой. В первом проекте говорится о «комбинировании» действий пролетариата с действием других классов, во втором — об «использовании» движения других классов «для целей» пролетариата и о «поддержке» пролетариатом известных «оппозиционных и революционных шагов» других классов, о «соглашениях» социал-демократии «в отдельных определенных случаях» с либеральными и демократическими классами.

В большевистском проекте, как и в принятой Лондонским съездом резолюции, говорится о том, чтобы с.-д. «принуждала их (народнические или трудовые партии, «более или менее близко выражающие интересы и точку зрения широких масс крестьянской и городской мелкой буржуазии») становиться на сторону с.-д. против черносотенцев и к.-д.» и о «вытекающих отсюда

совместных действиях», которые должны «служить лишь целям общего натиска». В резолюции съезда, в отличие от проекта большевиков, вставлены еще, по инициативе одного поляка, слова: «в борьбе за доведение революции до конца» [21]). Получилось и здесь самое ясное подтверждение идеи революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, ибо такая диктатура и есть «совместное действие» этих классов, *«доведших* или доводящих революцию до конца»!

II.

Достаточно бросить общий взгляд на историю партийных мнений по вопросу о диктатуре пролетариата и крестьянства, чтобы видеть, до какой степени во вред себе заговорил т. Мартов о крючкотворстве и о движении без цели. В самом деле, первый вывод этой истории — тот, что сами большевики *ни одного разу* не вставляли ни в свои проекты резолюций, ни в свои резолюции выражения или «формулы»: диктатура пролетариата и крестьянства. И тем не менее *ни одному человеку* не приходило до сих пор в голову отрицать, что *все* большевистские проекты и резолюции 1905 — 1907 годов *всецело* построены на идее диктатуры пролетариата и крестьянства. Отрицать это смешно. Отрицать это — значит именно крючкотворствовать, заслонять пустыми придирками к словам *суть* вопроса. Пролетариат, *«присоединяющий к себе»* массу крестьянства, — говорил Ленин в «Двух тактиках» («За 12 лет», стр. 445) *); пролетариат, *«ведущий за собой»* массу крестьянства, — говорит проект резолюции большевиков в 1906 г.; «совместные действия» пролетариата и крестьянства «в борьбе за доведение демократической революции до конца», — говорит резолюция Лондонского съезда. Неужели не очевидно, что мысль всех этих формулировок одна и та же? что эта мысль выражает именно диктатуру пролетариата *и* крестьянства? что «формула» — пролетариат, *опирающийся на* крестьянство, *остается всецело в пределах* той же самой диктатуры пролетариата и крестьянства?

Тов. Мартов из кожи лезет вон, чтобы опровергнуть последнее. Начинается дискуссия по поводу *«и»*. Нет «и», отклонили формулу с «и» — восклицает т. Мартов: не смейте теперь вставлять этого «и» в неподписанных статьях Ц. О. Опоздали, опоздали, любезный тов. Мартов: вам надо бы обратиться с такой претензией ко *всем* большевистским органам *всей* революционной эпохи, ибо все эти органы говорили всегда о диктатуре пролетариата и крестьянства и говорили на основании резолюций, *оного «и»* не содержащих. Тов. Мартов проиграл поднятую им принци-

*) См. VIII том Сочинений, стр. 27 — 127. *Ред.*

пиальную кампанию по поводу «и», проиграл ее не только потому, что истек срок давности, но и потому, что ее величество логика неуклонно подводит под злосчастное «и»: *и* «присоединение», *и* «ведение за», *и* «совместные действия», *и* «опирающийся на», *и* «при помощи» (это последнее выражение стоит в резолюции VI польского с.-д. съезда[22]).

Но большевики спорили же против «опирающийся на» — продолжает свою принципиальную дискуссию тов. Мартов. Да, спорили, но не потому, чтобы здесь отвергалась диктатура пролетариата и крестьянства, а потому, что по-русски эта «формула» не очень удачна. Опирается обыкновенно более слабый на более сильного. Буквальное повторение польской формулы «пролетариат *при помощи* крестьянства» для большевиков вполне приемлемо, хотя еще лучше было бы, может быть, сказать: «пролетариат, ведущий за собой». Можно спорить по поводу всех этих формул, но делать из *такого* спора «принципиальную дискуссию» есть просто курьез. Отрицать, как пробует тов. Мартов, что «опирающийся на» входит в понятие *совместного* действия — значит давать образец крючкотворства. Говорить, что завоевание власти «пролетариатом, опирающимся на крестьянство», есть завоевание власти «*одним* пролетариатом», как говорят цитируемые тов. Мартовым т.т. Дан, Аксельрод и Семенов, — значит смешить читателя[23]). Если мы скажем: Мартов и Потресов, *опирающиеся* на Череванина, Прокоповича и К°, ликвидировали идею гегемонии пролетариата в революции, поверит ли нам кто-нибудь, что Мартов и Потресов *одни* ликвидировали эту идею, *без* Череванина, Прокоповича и К°?

Нет, товарищи, дискуссию в Ц.О. не следует сводить к крючкотворству. Нельзя подобными средствами увернуться от признания основного и несомненного факта, который состоит в том, что большинство Р.С.-Д.Р.П., поляки и большевики в том числе, решительно стоят: 1) за признание руководящей роли пролетариата, роли вождя в революции, 2) за признание целью борьбы завоевание власти пролетариатом при помощи других революционных классов, 3) за то, что на первое и, пожалуй, даже единственное место в числе этих «помощников» становится крестьянство. Кто хочет дискуссии по существу вопроса, тот должен попытаться оспорить хоть единое из этих трех положений. Тов. Мартов ни единого из них по существу не разбирал. Т. Мартов забыл сказать читателю, что *по каждому* из этих трех положений меньшевики стоят на точке зрения, *отвергаемой* партией, что к числу *отвергнутых партией заблуждений* относится именно меньшевизм и только меньшевизм! Политика меньшевиков в революции была как раз движением без цели и потому движением *зависимым* от шатаний партии к.-д., — была таковой именно потому, что меньшевики не знали,

нужно ли пролетариту стремиться к роли вождя? нужно ли ему стремиться к завоеванию власти? нужно ли ему иметь при этом в виду помощь какого-либо определенного класса? Незнание этого неминуемо и неизбежно осуждает политику социал-демократов на блуждания, на ошибки, на беспринципность, на зависимость от либералов.

Конференция не похоронила «диктатуру пролетариата и крестьянства» и не выдала вексель на ее устранение из партийного обихода, а, наоборот, *подтвердила* ее, сделала *еще шаг* к более полному ее признанию. Лондонский съезд признал: 1) роль пролетариата как «вождя в буржуазно-демократической революции» и 2) «совместные действия» пролетариата и крестьянства, «служащие лишь целям общего натиска», действия, между прочим, и по «доведению революции до конца». Оставалось только признать целью борьбы в данной революции завоевание власти пролетариатом и крестьянством. Это сделано конференцией в формуле: «завоевание власти пролетариатом, опирающимся на крестьянство».

Говоря это, мы вовсе не отрицаем и не затушевываем разногласий между большевиками и поляками. Польские с.-д. имеют полную возможность излагать эти разногласия и в своих отдельных изданиях на русском языке, и на страницах большевистских газет, и в Ц. О. И польские с.-д. начали уже пользоваться этой возможностью. Если тов. Мартов достигнет той цели, которую он преследует, именно, чтобы польские с.-д. вмешались в наш спор, то все и каждый увидят нашу солидарность с П.С.-Д. против меньшевиков во всем основном, увидят, что расходимся мы лишь в частностях.

III.

Что касается тов. Троцкого, которого тов. Мартов заставил участвовать в устроенной им дискуссии третьих лиц, дискуссии всех кроме дискутанта, то мы решительно не можем здесь входить в полное рассмотрение его взглядов [24]). Это требовало бы особой большой статьи. Задевая ошибочные взгляды т. Троцкого, приводя обрывки этих взглядов, тов. Мартов поселяет в читателях целый ряд недоразумений, ибо обрывки цитат не разъясняют, а запутывают дело. Основная ошибка тов. Троцкого — игнорирование буржуазного характера революции, отсутствие ясной мысли по вопросу о переходе от этой революции к революции социалистической. Из этой основной ошибки вытекают те частные ошибки, которые тов. Мартов *повторяет,* приводя пару цитат с сочувствием и одобрением. Чтобы не оставить дела в этом запутанном виде, в котором излагает его тов. Мартов, покажем, по крайней мере, неправильность этих, заслуживших одобрение

тов. Мартова, рассуждений тов. Троцкого. Коалиция пролетариата и крестьянства «предполагает, что либо одна из существующих буржуазных партий овладевает крестьянством, либо что крестьянство создаст самостоятельную могучую партию». Это, очевидно, неверно ни с обще-теоретической точки зрения, ни с точки зрения опыта русской революции. «Коалиция» классов *вовсе не* предполагает ни существования той или иной могучей партии, ни партийности вообще. Это — смешение вопроса о классах с вопросом о партиях. «Коалиция» указанных классов *вовсе не* предполагает *ни* того, чтобы одна из существующих буржуазных партий овладела крестьянством, *ни* того, чтобы крестьянство создало могучую самостоятельную партию! Теоретически это ясно из того, что, во-первых, крестьянство особенно трудно поддается партийной организации, во-вторых, создание крестьянских партий — особенно трудный и длительный процесс в буржуазной революции, так что «могучая самостоятельная» партия может явиться, например, лишь ко времени окончания революции. Из опыта русской революции тоже ясно, что «коалиция» пролетариата и крестьянства осуществлялась *десятки и сотни раз* в самых различных формах без «всякой могучей самостоятельной партии» крестьянства. Коалиция эта осуществлялась, когда было «совместное действие», скажем, совета рабочих депутатов и совета солдатских депутатов, или железнодорожного стачечного комитета, или крестьянских депутатов и т. д. Все подобные организации были преимущественно *беспартийны* и, тем не менее, «коалиция» *классов* безусловно имела место в каждом совместном действии таких организаций. Крестьянская партия при этом намечалась, зарождалась, возникала — в виде «Крестьянского Союза» 1905 года или «Трудовой Группы» 1906 года — и, *по мере* роста, развития, самоопределения такой партии, коалиция *классов* принимала различные формы, начиная от неопределенных и неоформленных и кончая вполне определенными и оформленными политическими соглашениями. Например, после разгона I Думы были выпущены следующие *три* призыва к восстанию: 1) К армии и флоту, 2) Ко всему российскому крестьянству, 3) Ко всему народу. Под первым воззванием подписались с.-д. думская фракция и комитет Трудовой Группы. Обнаружилась ли в этом «совместном действии» *коалиция двух классов?* Конечно, да. Отрицать это — значит именно крючкотворствовать или превращать широкое научное понятие «коалиции классов» в узкое юридическое, почти нотариальное, я сказал бы, понятие. Далее, можно ли отрицать, что этот совместный *призыв* к восстанию, подписанный думскими депутатами от рабочего класса и крестьянства, сопровождался совместными *действиями* в частичных местных восстаниях представителей обоих классов? Можно ли отрицать, что совместный призыв к общему восстанию и совместное участие в местных и

частичных восстаниях обязывает сделать вывод о совместном образовании временного революционного правительства? Отрицать это — значило бы крючкотворствовать, сводить понятие «правительства» исключительно к законченному, оформленному явлению, забывать о том, что законченность и оформленность проистекают из незаконченности и неоформленности.

Далее, второй призыв к восстанию подписан *Центральным Комитетом* (меньшевистским!) Р. С.-Д. Р. П., тоже партии С.-Р., Всероссийским Крестьянским Союзом, Всероссийским Железнодорожным и Всероссийским Учительским Союзом, кроме комитета Трудовой Группы и социал-демократической фракции, а под третьим призывом к восстанию стоит подпись П. П. С. и Бунда, плюс все предыдущие подписи, кроме трех союзов.

Вот вам оформленная политическая коалиция партий и беспартийных организаций! Вот вам «диктатура пролетариата и крестьянства», *провозглашенная* в виде угрозы царизму, в виде призыва ко всему народу, но еще неосуществленная! И в настоящее время едва ли много найдется с.-д., которые бы согласились с меньшевистским «*Социал-Демократом*» 1906 года № 6, где говорилось про эти призывы: «В указанном случае наша партия заключила с другими революционными партиями и группами не политический блок, а боевое соглашение, которое мы всегда считали целесообразным и необходимым» (срав. «Пролетарий» № 1, 21 августа 1906 года и № 8, 23 ноября 1906 года *) [25]). Боевое соглашение нельзя противопоставлять политическому блоку, ибо оно входит в это последнее понятие. Политический блок осуществляется в различные исторические моменты то «боевым соглашением» в деле восстания, то парламентским соглашением насчет «совместных действий против черносотенцев и против к.-д.» и т. п. Идея диктатуры пролетариата и крестьянства нашла свое практическое выражение в течение всего хода революции в тысяче форм, начиная от подписи манифеста о неплатеже налогов и о взятии обратно вкладов (декабрь 1905 г.) или от подписи призывов к восстанию (июль 1906 г.) и кончая голосованиями во II и в III Думах в 1907 и 1908 годах.

Точно также неверно второе заявление т. Троцкого, приводимое т. Мартовым. Неверно, что «весь вопрос в том, кто даст содержание правительственной политике, *кто сплотит в ней однородное большинство*» и т. д. Это особенно неверно, когда т. Мартов приводит это как довод против диктатуры пролетариата и крестьянства. Т. Троцкий в этом рассуждении сам допускает «участие представителей демократического населения» в «рабочем правительстве», т. е. допускает правительство из представителей пролетариата *и* крестьянства. На каких условиях до-

*) См. X том Сочинений, стр. 33 — 45 и 156 — 166. *Ред.*

пускать участие пролетариата в правительстве революции, — вопрос особый, и по этому вопросу, очень может быть, большевики *не* сойдутся не только с Троцким, но и с польскими с.-д. Но вопрос о диктатуре революционных классов никоим образом не сводится к вопросу о «большинстве» в том или ином революционном правительстве, об условиях допустимости участия с.-д. в том или ином правительстве.

Наконец, всего более неверно третье из приводимых т. Мартовым мнений т. Троцкого, которое кажется т. Мартову «справедливым»: «пусть даже оно (крестьянство) сделает это («присоединится к режиму рабочей демократии») не с большей сознательностью, чем оно обычно присоединяется к буржуазному режиму». Пролетариат не может ни рассчитывать на несознательность и предрассудки крестьянства, как рассчитывают на них и опираются на них владыки буржуазного режима, ни предполагать сохранение в революционный период хотя бы обычной несознательности и пассивности крестьянства. Факты из истории русской революции показывают, что первая же волна подъема, в конце 1905 года, сразу толкает крестьянство к такой политической организации (Всероссийский Крестьянский Союз), которая, несомненно, являлась зародышем особой крестьянской партии. В I и во II Думах, несмотря на истребление контр-революцией первой смены передовых крестьян, крестьянство — на этот раз впервые в общенациональном масштабе, в всероссийских выборах — сразу кладет основание «Трудовой Группе», несомненному зачатку особой крестьянской партии. В этих зародышах и зачатках много неустойчивого, неопределенного, шаткого, это несомненно, но если начало революции создало такие политические группировки, то не подлежит ни малейшему сомнению, что революция, доведенная до такого «конца» или, вернее, до такой высокой степени развития, как революционная диктатура, создаст более оформленную и более сильную революционно-крестьянскую партию. Рассуждать иначе — значило бы предполагать, что у взрослого человека некоторые существенные органы могут остаться младенческими по величине, форме, степени развития.

Во всяком случае, вывод т. Мартова, что конференция согласилась именно с Троцким в вопросе о взаимоотношении между пролетариатом и крестьянством в борьбе за власть, есть поразительное несоответствие с фактами, есть попытка, поистине, «высосать» из *слова* то, что на конференции вовсе не обсуждалось, не приводилось, не имелось в виду.

IV.

Задевая Каутского, т. Мартов опять-таки в немногих словах сосредоточивает такое обилие неверностей, что для ответа

ему по существу неминуемо приходится рассказывать читателю чуть ли не все с начала.

Совершенно неверно, что «многие, в том числе и Ленин, в предисловии *) к статье Каутского о «Перспективах», решительно отрицали буржуазный характер нашей революции», и точно так же неверно, что Каутский «объявлял русскую революцию не буржуазной». Дело было совсем иначе.

Плеханов обратился с вопросами ко многим представителям международной социал-демократии, при чем в 1-ом вопросе спрашивал об «*общем характере*» русской революции, а во 2-ом — о «поведении социал-демократической партии по отношению к буржуазной демократии, которая по-своему борется за политическую свободу» [26]). В такой формулировке вопросов заключались уже две ошибки т. Плеханова против марксизма: первая ошибка — смешение «общего характера» революции в смысле *ее общественно-экономического содержания* с вопросом о движущих силах революции. Марксисты не могут смешивать этих вопросов, не могут даже *непосредственно* выводить ответ на второй вопрос из ответа на первый без особого конкретного анализа. Вторая ошибка — смешение вопроса о роли крестьянства в нашей революции с ролью буржуазной демократии вообще. На самом деле и крестьянство и либералы подходят под научное понятие «буржуазной демократии», но отношение пролетариата к этим двум разновидностям «буржуазной демократии» неизбежно должно быть существенно различным.

Каутский сразу заметил ошибки т. Плеханова и *исправил их* своим ответом. В смысле общественно-экономического содержания революции Каутский не только не думал отрицать ее буржуазный характер, а, напротив, решительно признал таковой. Вот относящиеся сюда заявления Каутского в тех самых «Перспективах», которые так глубоко неправильно излагает т. Мартов:

«Теперешняя революция» (в России) «может повести в деревне лишь к созданию крепкого крестьянства на основе частной собственности на землю и этим вырыть между пролетариатом и имущей частью сельского населения такую же пропасть, какая существует уже в Западной Европе. Поэтому, нельзя себе представить, чтобы теперешняя русская революция повела уже к введению социалистического способа производства, даже если бы она временно и предоставила социал-демократам кормило правления» (стр. 31 перевода под ред. Н. Ленина).

В предисловии Ленина именно это место имеется в виду, когда говорится (стр. 6, там же): «Нечего и говорить, что основные положения *всех* русских с.-д. о *несоциалистическом* характере крестьянского движения, о невозможности возникновения

*) См. X том Сочинений, стр. 227 — 232. *Ред.*

социализма из мелкого крестьянского производства и т. д. *целиком* (курсив Н. Ленина в предисловии) разделяет Каутский» *).

Утверждение т. Мартова, что Ленин решительно отрицал буржуазный характер нашей революции, решительно противоречит истине. Ленин говорит как раз обратное. Каутский решительно признал нашу революцию буржуазной по общему характеру в смысле общественно-экономического содержания революции.

«На первый вопрос» Плеханова, — писал там же Каутский, — «мне кажется, нельзя ответить просто в том или ином смысле. Время *буржуазных* революций, т.-е. революций, движущей силой которых являлась буржуазия, миновало, миновало также и для России... буржуазия не принадлежит к движущим силам современного революционного движения в России, и постольку это движение не может быть названо буржуазным» (стр. 29). Читатель видит, что Каутский с полнейшей ясностью определяет здесь, о чем идет речь, — с полнейшей ясностью говорит о буржуазной революции *не* в смысле общественно-экономического содержания, *а* в смысле революции, «движущей силой которой является буржуазия».

Далее. Вторую ошибку Плеханова Каутский поправил тем, что ясно и определенно размежевал «либеральную» и крестьянскую буржуазную демократию. Каутский признал, что «в общности интересов промышленного пролетариата и крестьянства заключается революционная сила русской социал-демократии», что «без крестьян мы не можем теперь одержать в России победы» (стр. 31). Интересно отметить, — по тому неинтересному вопросу об «*и*», который наполняет принципиальную дискуссию т. Мартова, — что Каутский в этой же статье, т.-е. в 1906 году, употребляет *на одной странице* и выражение «*опереться*» («на какой класс может опереться русский пролетариат?») и выражение «*союз пролетариата с другими классами* в революционной борьбе должен, прежде всего [27]), основываться на общности экономических интересов» (стр. 30).

Не обвинит ли т. Мартов К. Каутского в том, что он в 1906 году, предвидя Декабрьскую конференцию Р. С.-Д. Р. П. 1908 года, задался целью «сбить с толку читателей», «замазать и заклеить» разногласия между большевиками и польскими с.-д., «крючкотворствовать» и т. п.?

Заметим, что, защищая идею союза пролетариата и крестьянства в буржуазной русской революции, Каутский в сущности не выдвигает никакой «новой» идеи, а всецело идет по стопам Маркса и Энгельса. Маркс писал в 1848 году в «Новой Рейнской Газете»: «Крупная буржуазия, — речь идет о немецкой буржуазии

*) См. X том Сочинений, стр. 230. *Ред.*

после 18 марта 1848 г., — антиреволюционная с самого начала, заключила оборонительный и наступательный союз с реакцией из страха перед народом, т.-е. перед рабочими и демократической буржуазией» (см. третий том изданного Мерингом собрания сочинений Маркса; по-русски вышли пока только два тома). «Немецкая революция 1848 года — писал Маркс 29 июля 1848 года — есть лишь пародия французской революции 1789 г... Французская буржуазия 1789 года ни на минуту не покидала своих союзников, крестьян... Немецкая буржуазия 1848 года без всякого зазрения совести предает крестьян [28])»...

Маркс ясно противополагает здесь по отношению к *буржуазной* революции контр-революционную буржуазию в союзе с реакцией рабочему классу плюс демократическая буржуазия, т.-е., главным образом, крестьянство. И нельзя думать, что этот взгляд объясняется незаконченностью социалистического мировоззрения Маркса в то время. 44 года спустя, в 1892 году, Энгельс писал в своей статье «Об историческом материализме» («Neue Zeit», XI, т. I; по-русски — в сборнике «Исторический материализм»): «...во всех трех великих буржуазных революциях» (реформация и крестьянская война XVI века в Германии, английская революция XVII века и французская — XVIII) «боевой армией являются крестьяне...» «Исключительно благодаря вмешательству крестьянства» (йоманри — в английской революции) «и плебейского элемента городов, борьба была доведена до последнего решительного конца, и Карл I угодил на эшафот» [29]).

Следовательно, особенность русской буржуазной революции состоит только в том, что вместо бывшего на втором месте в XVI, XVII и XVIII веках плебейского элемента городов, в XX веке выступает на первое место пролетариат.

V.

Заключаем. Тов. Мартов задел крайне важный вопрос, который заслуживает обстоятельнейшей дискуссии на страницах Ц. О. партии. Но этот вопрос нельзя «задевать», его надо разбирать по существу, опираясь не только на учение Маркса и Энгельса, но и на опыт русской революции в 1905—1907 годах.

Мысль, что революционная диктатура пролетариата и крестьянства есть народническое пленение социал-демократов, вызывает лишь улыбку. В народническом пленении рассуждающие так quasi-марксисты должны бы были обвинить в первую голову Каутского, Маркса и Энгельса. Во всех великих буржуазных революциях решающую победу мог одерживать только пролетариат (более или менее развитой) в союзе с крестьянством, и таково же условие победы буржуазной революции в России. Опыт 1905—1907 годов *каждым* крупным поворотом событий давал *практи-*

ческое подтверждение этой истины, ибо на деле все решительные выступления, и «боевые» и парламентские, были именно «совместными действиями» пролетариата и крестьянства.

Наша партия твердо стоит на той точке зрения, что роль пролетариата есть *роль вождя* в буржуазно-демократической революции, что для доведения ее до конца необходимы *совместные действия* пролетариата и крестьянства, что без *завоевания политической власти* революционными классами не может быть победы. Отказ от этих истин осуждает социал-демократов неизбежно на шатания, на «движение без цели», на проповедь беспринципных соглашений от случая к случаю, а на деле это и означает кадетское пленение, т.-е. зависимость рабочего класса от либерально-монархической, контр-революционной буржуазии.

«Социал-Демократ» №№ 3 и 4,
22 (9) марта и 3 апреля (21 марта) 1909 г.

КАРИКАТУРА НА БОЛЬШЕВИЗМ.

В № 42 «Пролетария» *) мы дали уже общую оценку «отзовизма» и «ультиматизма». По поводу печатаемой выше резолюции петербургских отзовистов, которая служила платформой их во время выборов на Декабрьскую конференцию Р. С.-Д. Р. П. (и которая, *к сожалению*, доставлена была в редакцию «Пролетария» лишь *после* конференции), нам приходится во многом повторить сказанное там [30]).

Неправильные, немарксистские рассуждения кишмя кишат в этой резолюции, которая почти каждым пунктом подтверждает незрелость мысли авторов или забвение ими азбуки социал-демократии. Пункт 1-ый: «...первый этап революции закончен»... Что это значит? То ли, что закончен этап общественно-экономического развития? Вероятно, нет. Авторы имеют в виду окончание этапа непосредственно революционной борьбы масс. Так должны мы думать, чтобы не приписать отзовистам совсем нелепой мысли. А раз так, то, следовательно, они признают, что на-лицо нет условий для непосредственно-революционной борьбы масс. Но, вынужденные признать это, вынужденные положением вещей, отзовисты не умеют *продумать* выводов отсюда, не умеют свести концов с концами... «Россия... идет навстречу новому революционному подъему»... Правильно! Только еще *идет навстречу* подъему, т.-е. подъема нет, — так выходит по логике и по грамматике! Оказывается, однако, что этот не наступивший еще подъем есть «характеризующийся резким столкновением» и т. д. Выходит бессмыслица: настоящего отзовисты характеризовать не умеют. Будущее, к которому мы «идем навстречу», «характеризуется» — для прикрытия непонимания этого настоящего. Например, «обнищавшая мелкая городская буржуазия» выскакивает бог знает откуда; ссылка на нее не подтверждена даже попыткой анализа; почему будущий подъем «характеризуется» резким столкновением обнищавших мещан, — ни откуда не видно; почему по-

---

*) См. настоящий том, стр. 33 — 36. *Ред.*

надобилось именно теперь добавить обнищавшую мелкую городскую буржуазию, — неизвестно; люмпены отличаются ведь *иногда* резкими столкновениями, *иногда* поразительной неустойчивостью и неспособностью к борьбе. Неясность мысли у отзовистов полная, и нас не удивляет, что на конференции Р. С.-Д. Р. П. за добавление вставки об «обнищавшей мелкой городской буржуазии» голосовали вместе с *двумя* отзовистами *только двое бундовцев!* Подтверждение нашего взгляда, что отзовизм есть оппортунизм наизнанку, получилось блестящее.

С кем же будет резкое столкновение? «С правящим блоком крупной буржуазии и помещиков-крепостников». А не с самодержавием? Отзовисты не умеют отличать абсолютизма, лавирующего между указанными двумя классами, от прямого господства этих классов, и у них выходит абсурд, исчезает куда-то борьба с самодержавием.

«...совершается скрытая работа организации сил»... Скрытой может быть и бывает работа по учету опыта, по перевариванию новых уроков, по накоплению сил, но *организация* сил скрытой быть не может даже при абсолютном господстве нелегальщины. В 1901 — 1903 годах организация сил шла нелегально, но не скрыто. Отзовисты повторяют обрывки заученных слов и искажают их при этом.

Пункт 2-ой: «...разрешение этого столкновения при наличности сильно развитых в России классовых противоречий примет форму революции»... Классовые противоречия в России менее сильно развиты, чем в Европе, не знающей задачи борьбы с самодержавием. Отзовисты не замечают, как, желая углубить свои взгляды, они сближаются со своим антиподом — оппортунистами.

«...революции, которая приведет к вооруженному восстанию»...

О *цели* борьбы нам еще ничего ясного не сказано, о современном моменте в развитии самодержавия — тоже, но о *средстве* борьбы отзовисты спешат сказать, чтобы заявить себя «революционерами». Это ребячество, дорогие товарищи, ибо вы опять показываете, что *заучили* обрывки хороших слов, *не поняв* их смысла. В 1897, 1901 и 1905 годах революционные с.-д. различно относились к вопросу о восстании: только после 9 января 1905 г. они поставили его на очередь дня, хотя и в 1897 и в 1901 г.г. Россия, несомненно, «шла навстречу революционному подъему», шла к «резкому столкновению» и к «революции». Недостаточно заучить лозунги, надо уметь думать о том, когда их уместно выдвигать. Пока «подъем» не наступил, пока «революция» в самом узком и непосредственном значении слова не стала настоящим (а отзовисты говорят о ней *в будущем: «примет* форму революции»), — до тех пор выставлять лозунг *одного* из средств борьбы значит изображать из себя карикатуру на революционных с.-д.

Резолюция конференции говорит о назревающем революционном кризисе и о цели борьбы (завоевание власти революционными классами), и *большего сейчас* сказать нельзя и говорить не нужно.

Каким образом неведомые «муниципальные реформы» попали сюда, да еще в качестве «радикальных реформ», — аллах ведает. Что это значит — не понимают, видимо, и сами отзовисты.

Пункт 3-ий: «...ввиду этого с.-д-тия, как партия последовательно революционная, должна на первом плане поставить внедумскую борьбу»...

И находятся же люди («ультиматисты»), настолько близорукие, что наши разногласия с отзовистами кажутся им только практическими разногласиями, только разной оценкой средств и приемов проведения общей тактики! В 1907-ом году, летом, разногласие о бойкоте III Думы могло быть только практическим, ошибка бойкотистов могла быть только ошибкой в выборе средств для проведения общей всем большевикам тактики. В 1909 году смешно и говорить об этом. Ошибка отзовистов и ультиматистов стала принципиальным отступлением от марксизма. Подумайте в самом деле: «*ввиду этого*», т.-е. ввиду того, что мы «идем навстречу» подъему, и что столкновение «примет форму революции», «ввиду этого» на первый план — внедумскую борьбу! Ведь это же просто набор слов, прикрывающий чудовищный хаос мыслей, товарищи! Ведь вы еще ни звука не сказали о Думе в своей резолюции, а уже состряпали заключение: «ввиду этого» — «внедумская борьба»! Ввиду того, что мы не понимаем значения Думы и задач партии во времена нарастания подъема, провозглашаем внедумскую борьбу, — вот к какой бессмыслице сводятся рассуждения отзовистов. Они повторили обрывки непонятых ими большевистских рассуждений такой эпохи, когда внедумская борьба не провозглашалась только, а *велась массами*, — повторили тогда, когда сами же считают «первый этап революции законченным», т.-е. условия непосредственной массовой борьбы временно отсутствующими.

Они *заучили* правильное положение о подчинении думской работы интересам и направлению рабочего движения, идущего вне Думы, и повторяют *обрывки* заученного некстати и в искаженной до неузнаваемости форме.

Вместо того, чтобы подчеркнуть необходимость, на-ряду с думской работой, отдавать и сейчас максимум сил также выдержанной, длительной и кропотливой внедумской работе организации и агитации среди масс, — отзовисты вместе с социалистами-революционерами подымают «революционный» визг о «внедумской борьбе», о натиске и т. п.

«Непосредственные активные действия невозможны в данное время» — говорят отзовисты в конце резолюции (п. 1), — а в на-

чале *провозглашают* внедумскую борьбу. Ну, разве это не карикатура на большевизм?

...«И работу для доведения революции до полной победы»... Сначала обрывок мысли о средствах борьбы, потом о цели!.. «и для этой цели организацию пролетариата и широких масс крестьянства»... Это — фраза, товарищи, в такой момент, когда речь идет прежде всего и «на первом плане» об укреплении и воссоздании полуразрушенных партийных организаций.

Пункт 4-ый — один из перлов «отзовизма»: «Партия может пользоваться лишь теми формами организационного и агитационного действия, которые не затушевывают и не ослабляют революционной борьбы»...

Такова «практическая» постановка вопроса по мнению «практичных» ультиматистов! Отзовисты *вынуждены* в 1909-м году *выискивать* принципиальные оправдания, и это выискивание неизбежно заводит их в болото. «Лишь те формы действия, которые не затушевывают...» — эти слова ясно метят на думскую работу с.-д. и на использование ими полулегальных и легальных организаций. Выходит, что бывают такие «формы действия», которые затушевывают, и такие, которые не затушевывают. Чтобы избавить людей, не умеющих думать, от работы головой, составим расписание «форм действия» и вычеркнем те, которые «затушевывают», — вот это будет истинно-революционная тактика!!

Например, легальная литература, любезные товарищи? Затушевывает эта «форма организационного и агитационного действия» или не затушевывает? Конечно, «затушевывает» при столыпинском режиме! Значит, надо ее устранить, — так выходит у отзовистов, не умеющих указать *условий* использования революционной социал-демократией *самых различных форм* и потому говорящих бессмыслицу. «Партия должна обратить особое внимание на использование и укрепление существующих и учреждение новых нелегальных, полулегальных и, по возможности, легальных организаций, которые могли бы служить ей опорными пунктами», — так гласит резолюция конференции, предложенная и проведенная большевиками. *Эта* резолюция отличается от отзовизма, как небо от земли. «Лишь *те формы*, которые не затушевывают», — это пустая фраза, один только «визг» вместо революционности. Создание нелегальных партийных «рабочих комитетов» *для использования* и «полулегальных и, по возможности, легальных организаций», это — тактика революционных с.-д., которые считаются с тем, какие «формы организационного и агитационного действия» предписываются современным моментом, которые умеют показать *способы* действительно социал-демократической работы в самых различных «формах».

Долой легальную литературу с.-д., это — пустая фраза, невыполнимая и *потому выгодная только оппортунистам*, прекрасно

сознающим ее невыполнимость. Размежевка партийных социал-демократов, готовых ответить перед партией за свои легальные писания, и беспартийных литераторов-мародеров, это — трудная, но исполнимая задача, дающая действительное направление работы для тех, кто хочет работать с партией. Долой легальную думскую фракцию, долой легальные организации, это — пустая фраза, *выгодная только оппортунистам,* которые очень рады бы были избавиться от контроля партии. Работать и работать над этим контролем, над «использованием» легальных организаций, над *выпрямлением* всякой ошибки и ошибочной тактики социал-демократов — это партийное дело, которым будем заниматься мы и все те, кто желает исполнять решения конференции.

...Конец 4-го пункта: «решительно борясь против всяких сделок контр-революционных слоев буржуазии с самодержавием».

Уф! Непременно *некстати* повторят отзовисты обрывки мыслей из большевистской литературы. Надо же, товарищи, разбирать, что к чему. Во время I и II Дум правительство нащупывало еще пути для *сделок,* а кадеты проповедывали народу сделки, как лозунги «борьбы» (лозунги, сбивавшие с толку даже с.-д. меньшевиков). *Тогда* решительная борьба против *сделок* была действительно лозунгом дня, задачей момента, раскрытием обмана. Теперь сделка нащупана и осуществлена у царизма с теми классами, которые отзовистами же названы «блоком», при чем никто насчет осуществленной в III Думе сделки не обманывается. Теперь делать центром агитации «решительную борьбу против *всяких сделок*» — значит изображать из себя карикатуру на большевизм.

Пункт 5-ый: «...наша Дума не может быть рассматриваема, как парламент, работающий в рамках политической свободы и при известной свободе классовой борьбы пролетариата, а является лишь сделкой между царизмом и крупной буржуазией»... Тут две ошибки. Нельзя говорить: *не* парламент, *а* сделка, ибо целый ряд парламентов мира есть не что иное, как сделка буржуазии (достигшей той или иной степени развития) с различными остатками средневековья. Мы должны были бороться и мы боролись против того, чтобы первым парламентом в России был черносотенно-октябристский парламент, но раз это оказалось фактом вопреки нашим усилиям, раз история заставила нас пройти через такой этап, то просто-на-просто отмахиваться от неприятной действительности одним восклицанием, одной декламацией есть ребячество. Вторая ошибка: у авторов резолюции выходит, что ежели есть «известная свобода», то это «парламент», а ежели нет, то — «подделка». Это — вульгарно-демократический взгляд, достойный кадета, а не марксиста. При III Думе гораздо меньше свободы, чем при II, но III Дума — *менее* фиктивный парламент, ибо она *правильнее выражает* действительное соотношение господствующих в данный момент классов и госу-

дарственной власти. Пока власть в руках царя и крепостников помещиков, — никакого иного парламента в буржуазной России быть не может. Кадетам прилично затушевывать эту неприкрашенную правду, но не социал-демократам.

Пункт 6-ой, в виде исключения, правилен. Но это именно такое исключение, которое подтверждает обратное правило, ибо... ибо в этом пункте отзовисты излагают не свои мысли, а мысли анти-отзовистов, проведших резолюции конференции.

Выводы. Пункт (а) «...Дума, являясь... сделкой... и орудием контр-революции»... Правильно!.. «лишь укрепляет самодержавие»... Это «лишь» — неверно. Самодержавие отсрочило свою гибель, успев сорганизовать такую Думу, но оно не укрепляется этим, а *разлагается* от этого. Дума есть такое «покрытие», которое стоит иного «раскрытия», ибо она впервые открыто на тысяче вопросов показывает зависимость царизма от контрреволюционных слоев, впервые демонстрирует en grand *) имманентный союз Романова и Пуришкевича, царизма и «союза русского народа», самодержавия и Дубровиных-Илиодоров-Половневых.

Что Дума санкционирует преступления царизма, это несомненно, но это — санкция определенных классов, во имя определенных классовых интересов, и дело социал-демократии как раз выяснение с думской трибуны этих поучительных истин классовой борьбы.

«...8-месячная деятельность III Государственной Думы показала, что социал-демократия не может ее использовать»...

Вот в этом гвоздь отзовизма, ошибку которого только прикрывают, запутывая дело, наши «ультиматисты» своей смешной увerткой: раз потратили силы на создание фракции, нельзя легко отзывать ее!

Вопрос стоит прямо, и увертки тут не помогут: доказала ли 8-месячная деятельность возможность или невозможность использования думской трибуны? Ответ отзовистов неверен. Несмотря на громадные трудности партийной работы *над* фракцией, эта работа безусловно *доказала возможность* использования думской трибуны. Падать духом по поводу трудностей и ошибок есть малодушие, есть замена терпеливой, выдержанной, упорной пролетарской работы интеллигентским «визгом». Другие европейские социалистические партии гораздо бóльшие трудности встречали в начале парламентской деятельности, гораздо больше ошибок при этом делали, но не отмахивались от задачи, а умели преодолевать трудности и выправлять ошибки.

(б) «...наша фракция... упорно вела оппортунистическую

---

*) — в большом масштабе. *Ред.*

тактику, не могла и не может быть твердой и последовательной представительницей революционного пролетариата»...

Самые великие истины можно опошлять, товарищи отзовисты, самые великие задачи можно превратить во *фразу,* и вы это делаете. Борьбу с оппортунизмом вы превратили в фразу, играя этим только на руку оппортунистам. Фракция наша делала и делает ошибки, но именно опыт ее работы доказал, что она «могла и может» твердо и последовательно представлять пролетариат,—*могла и может,* когда мы, партия, ее направляем, ей помогаем, даем ей лучшие свои силы в руководители, составляем директивы, проекты речей, разъясняем ей вред и губительность советов мещанской интеллигенции, *всегда и во всем мире,* а не только в России, получающей наиболее легкий доступ во всякие околопарламентские учреждения.

Имейте же, товарищи, мужество признать, что мы еще далеко недостаточно сделали для этого *действительного* направления работ фракции, для помощи ей *делом.* Имейте мужество признать, что мы *можем* вдесятеро больше сделать на этом пути, если мы сумеем укрепить свои организации, сплотить свою партию, связать ее теснее с массами, создать постоянно воздействующие на широкие слои пролетариев партийные органы. Вот на что направлены наши усилия, вот на что должны быть направлены усилия всех тех, кто хочет борьбы с оппортунизмом на деле, а не на словах.

Отзовисты превратили борьбу с оппортунизмом фракции во фразу, ибо они заучили слова, не поняв разницу между анархистской и социал-демократической критикой оппортунизма. Возьмите анархистов: они все подхватывают каждую ошибку, каждого соц.-дем. парламентария, они все кричат о том, что *даже* Бебель тогда-то сказал речь почти в духе патриотизма, тогда-то занял неверную позицию в вопросе об аграрной программе и т. д. и т. п. И это правда, что даже Бебель делал в своей парламентской карьере ошибки оппортунизма [31]). Но какой же отсюда вывод? Для анархиста — вывод тот, что надо отозвать всех рабочих депутатов. Анархисты ругают с.-д. парламентариев, чтобы рвать с ними, ругают, отказываясь работать над выработкой пролетарской партии, пролетарской политики, пролетарских парламентариев. И на деле анархистов превращает их фраза в вернейших пособников оппортунизма, в оборотную сторону его.

Для соц.-дем. вывод из ошибок иной. Вывод тот, что *даже* Бебель не мог стать Бебелем без длительной партийной работы над созданием действительно социал-демократического представительства. Пусть не говорят нам: «у нас нет во фракции Бебелей». Бебелем нельзя родиться. Бебелем надо сделаться. Бебели не выходят готовыми, как Минерва из головы Юпитера, а создаются партией и рабочим классом. Кто говорит: у нас

нет Бебелей, — тот не знает истории немецкой партии, тот не знает, что было время, когда при исключительном законе делал оппортунистические ошибки Август Бебель, и партия исправляла эти ошибки, партия направляла Бебеля *).

(в) «...дальнейшее участие в Государственной Думе с.-д. фракции... может принести лишь вред пролетариату... ронять достоинство и влияние с.-д.»... Для пояснения того, как в этих безмерных преувеличениях «количество переходит в качество», из безмерного преувеличения *вырастает* (независимо от воли и сознания товарищей отзовистов) анархистская фраза, достаточно сослаться на бюджетные прения 1909 года, на речь Белоусова [32]). Если *такие* выступления считать «приносящими вред» и не доказывающими возможность и необходимость использования думской трибуны, то разногласие выходит за пределы оценки выступления, становится принципиальным разногласием об основных вопросах с.-д. тактики.

...(I) «Начать широкую агитацию... за лозунг: «Долой III Государственную Думу»»...

Мы уже говорили в № 39 «Пролетария» **), что этот лозунг, увлекший на некоторое время некоторых рабочих антиотзовистов, — *неверен*. Либо это кадетский лозунг избирательной реформы при самодержавии, либо это повторение заученного слова из той эпохи, когда либеральные Думы прикрывали контрреволюционный царизм, стараясь помешать народу ясно увидеть своего настоящего врага.

(II) «...отозвать... фракцию, что подчеркнет, как... характер... Думы, так и революционную тактику с.-д.».

Это — перефразировка того положения московских отзовистов, что отзыв фракции подчеркнет, что революция не похоронена [33]). Такой вывод — повторим слова № 39 «Пролетария» — «подчеркивает» только *похороны* тех с.-д., которые способны рассуждать подобным образом. Они *хоронят* этим себя, как социал-демократов, они теряют чутье действительно пролетарски-революционной работы и потому вымучивают из себя «подчеркивание» революционной фразы.

(III) «...все свои силы посвятить организации и подготовлению... к открытой... борьбе» (и потому отказаться от открытой проповеди с думской трибуны!)... «и пропаганде» и т. д.

О том, что социал-демократии неприлично отказываться от *пропаганды* с думской трибуны, отзовисты забыли.

Они дают нам здесь довод, повторяемый некоторыми ультиматистами: «не расчет, де, тратить силы на безнадежную думскую

*) На этой поучительной истории и на осуждении *ею* немецких течений, родственных нашему отзовизму, мы надеемся остановиться в особой статье.

**) См. XII том Сочинений, стр. 390 — 403. *Ред.*

работу, давайте *все силы* употребим производительнее». Это не довод расчета, а софизм, который неминуемо порождает—опять-таки независимо от воли и сознания авторов—анархистские выводы. Ибо анархисты во *всех* странах, указывая на ошибки с.-д. парламентариев, зовут бросить «нерасчетливую возню с буржуазным парламентаризмом» и сосредоточить «все эти силы» на «прямом действии» организации. Но это ведет к дезорганизации и подмене широкой и всесторонней работы выкрикиванием «лозунгов», бессильных в своей оторванности. Это только так кажется отзовистам и ультиматистам, будто довод здесь новый и *только* к III Думе приуроченный. Неправда, это общеевропейский, обычный *не* социал-демократический довод.

Итак, отзовизм и ультиматизм есть карикатура на большевизм. Чем же порождена эта карикатура? Конечно, ошибочностью всего большевизма,—спешит заявить меньшевик. Такое заключение, несомненно, очень «выгодно» для меньшевиков. Жаль только, что объективными фактами оно не подтверждается, а опровергается. Эти объективные факты говорят нам, что в развитии не только большевизма, но и *всего* русского марксизма *вообще* был период карикатур на марксизм, и что русский марксизм окреп и вырос в борьбе с этой болезнью роста, болезнью расширения сферы своего влияния. Русский марксизм родился в начале 80-х годов прошлого века, в трудах группы эмигрантов (Группа «Освобождение Труда»).

Но течением русской общественной мысли и составной частью рабочего движения марксизм в России стал лишь с половины 90-годов прошлого века, когда началась «волна» марксистской литературы в России и социал-демократического рабочего движения. И что же? Эта волна принесла *карикатуру на марксизм* в лице струвизма, с одной стороны, рабочедельчества и «экономизма»,—с другой. Марксизм вырос и возмужал потому, что не прикрывал расхождения, не дипломатничал (как дипломатничают меньшевики по отношению к Маслову, Череванину, Кусковой, Прокоповичу, Валентинову, Ерманскому и К°), а вел и провел победоносный *поход* против карикатуры, порожденной печальными условиями русской жизни и переломом в историческом развитии социализма в России. И большевизм вырастет и окрепнет, не прикрывая *начала* искажения его карикатурой, порожденной печальными условиями русской жизни и переломом контр-революционного периода, а открыто разъясняя массам, в какое болото ведут фракцию и партию отзовисты и ультиматисты.

Приложение к № 44 «Пролетария», 17 (4) апреля 1909 г.

«ЛЕВЕНИЕ» БУРЖУАЗИИ И ЗАДАЧИ ПРОЛЕТАРИАТА.

Вопрос о «левении» торгово-промышленной буржуазии давно уже не сходит со страниц нашей легальной печати. Отмечено и признано, что октябристская печать от времени до времени регулярно предается воркотне против «аграрной» (читай: крепостнически-помещичьей) Думы и против соответствующей политики царизма. Отмечено и признано, что целый ряд и местных профессиональных и обще-национальных организаций торговцев и промышленников, — начиная от провинциальных биржевых комитетов и кончая «Советом съездов представителей торговли и промышленности», — выражает именно в последние годы и особенно в последнее время недовольство помещичьей политикой. Описано московское «братанье миллионов с наукой», сиречь закрытые от публики совещания крупнейших московских и петербургских тузов: Крестовникова, Гужона, Вольского и др., с кадетскими профессорами и писателями: Мануиловым, Струве, Кизеветтером и К°. Нечего и говорить, что либеральная печать, вплоть до органов меньшевиков, смакует каждое такое известие и трубит на тысячи ладов о возрождении и обновлении либерализма.

Пресловутое «левение» буржуазии нашло свое выражение в «политических» шагах царского правительства и в думских выступлениях. Излюбленное лицо российского купечества — и в то же время старая бюрократическая крыса — г. Тимирязев назначен министром торговли и промышленности. 26 (13)-го марта он выступил в Думе с большой «программной» речью, — подобные речи министров называются во всех черносотенно-буржуазных и просто буржуазных парламентах мира программными речами исключительно «для ради важности». На деле никакой программы царский министр не изложил, а отделался, как водится, ровно ничего не говорящими любезными кивками по адресу капиталистов, да угрозами по адресу рабочего класса, соединив, конечно, эти угрозы с казенно-лицемерным выражением «сочувствия».

1 апреля (19-го марта) это лобызание министра с вождями капитала было повторено в Москве, где Тимирязев и Крестовников обменялись любезными речами в заседании московского биржевого общества. «Россия больна, но при надлежащем уходе болезнь ее не опасна и скоропреходяща»,—говорил Крестовников, приветствуя глубокоуважаемого Тимирязева. А Тимирязев, благодаря глубокоуважаемого Крестовникова, выражал от имени правительства благосклонное согласие «ухаживать» за больной посредством испытанных столыпинских средств «переходного времени».

Спрашивается, какими объективными причинами вызывается это «левение» буржуазии и каково его классовое значение? В журнале «Возрождение» (№ 1) т. Мартов с неособенно обычной для этого писателя прямотой и ясностью отвечает на эти вопросы в статье, озаглавленной: ««Левение» буржуазии». «Жизнь показала,—пишет он,—что если экономическое развитие созрело именно для буржуазного преобразования, а буржуазия не может явиться его движущей силой, то это лишь значит, что общественный переворот не может завершиться до тех пор, пока дальнейшее развитие данного класса не сделает его «движущей силой»». И в другом месте: «Те, кто полагал, что ныне действующая «конституция» выражает собой более или менее органическое объединение дворянства и буржуазии, как одинаково «контр-революционных факторов»,—те могут видеть в явлениях, вроде вышеуказанных» (т.-е. «левении» буржуазии), «лишь частные эпизоды, не стоящие в необходимой связи с основным направлением общественного развития»... «Эти изолированные явления»... «могут иметь симптоматическое значение лишь в глазах тех, для кого a priori было несомненно, что ход общественного развития неумолимо ведет русскую буржуазию, как класс, к резкому противопоставлению себя режиму... 3 июня» [34]).

Сопоставьте с этим заявление «Голоса С.-Д.» № 12: «...мы солидарны и с предложением кавказцев» (т.-е. Дана, Аксельрода и Семенова на последней конференции Р.С.-Д.Р.П.) «говорить о русской монархии не как о «буржуазной», а как о «плутократической», ибо эта поправка отрицает в корне неверное утверждение большевистской резолюции, будто русский царизм начинает выражать классовые интересы буржуазии» [35]).

Перед нами выступает здесь вся политическая теория нашего меньшевизма со всеми ее выводами. Если наша революция буржуазна, то она не может завершиться, пока буржуазия не станет ее движущей силой. «Левение» буржуазии доказывает, что она становится такой движущей силой, и о контр-революционности ее не может быть и речи. Царизм в России становится плутократическим, а не буржуазным. Само собою понятно, что отсюда вытекает защита оппортунистической тактики рабочей партии в нашей буржуазной революции, тактики поддержки ли-

beралов пролетариатом в противовес тактике, которая указывает пролетариату, присоединяющему к себе крестьянство, руководящую роль в буржуазной революции вопреки шатаниям и изменам либерализма.

Меньшевистская тактика выступает перед нами как фальсификация марксизма, как прикрытие «марксистскими» словечками анти-марксистского содержания. В основе этой тактики лежит метод рассуждения не марксистов, а либералов, переодетых марксистами. Чтобы убедиться в этом, достаточно бросить общий взгляд хотя бы на историю и результаты буржуазной революции в Германии. В «Новой Рейнской Газете» Маркс писал о причинах поражения революции 1848-го года: «Крупная буржуазия, анти-революционная с самого начала, заключила оборонительный и наступательный союз с реакцией из страха перед народом, т.-е. перед рабочими и демократической буржуазией» [36]). На этой точке зрения стоял Маркс и стоят все немецкие марксисты в оценке 1848-го года и последующей тактики немецкой буржуазии. Контр-революционность крупной буржуазии не мешала ей «леветь», например, в эпоху конституционного конфликта 60-х годов, но поскольку не выступал самостоятельно и решительно пролетариат, постольку из этого «левения» не получалась революция, а получалась только робкая оппозиция, побуждавшая монархию становиться все более буржуазной и не разрушавшая союза буржуазии с юнкерами, т.-е. реакционными помещиками.

Так смотрят марксисты. Наоборот, либералы смотрят так, что рабочие своими неумеренными требованиями, своей неразумной революционностью, своими несвоевременными нападками на либерализм помешали успеху дела свободы в Германии, оттолкнув своих возможных союзников в объятия реакции.

Совершенно очевидно, что марксистскими словечками наши меньшевики прикрывают фальсификацию марксизма, прикрывают свой переход *от* марксизма *к* либерализму.

И во Франции после 1789-го года и в Германии после 1848-го года монархия, несомненно, делала «еще шаг по пути превращения в буржуазную монархию». Так же несомненно, что буржуазия после обеих этих революций становилась контр-революционной. Значит ли это, что после 1789-го года во Франции и после 1848-го года в Германии исчезала почва для «левения» буржуазии и для следующей буржуазной революции? Конечно, нет. Французская буржуазия, несмотря на свою контр-революционность, «левела», скажем, в 1830 году, немецкая—в 1863-1864 годах. Поскольку пролетариат не выступал самостоятельно, поскольку он не завоевывал себе хотя бы даже на короткое время политической власти при помощи революционных слоев буржуазии, постольку «левение» буржуазии не приводило к революции

(Германия), а приводило только к дальнейшим шагам превращения монархии в буржуазную монархию. Поскольку пролетариат выступал самостоятельно и завоевывал в союзе с революционными слоями буржуазии политическую власть, свергая старую власть (как было во Франции не раз в XIX веке), постольку «левение» буржуазии оказывалось прологом новой буржуазной революции.

И вот эту азбуку истории забыли и извратили наши меньшевики, переходя на точку зрения либералов: не бывать в России буржуазной революции, пока не станет движущей силой буржуазия! Это—полнейшее непонимание исторической диалектики и уроков XIX века. Наоборот: не бывать в России буржуазной революции, пока пролетариат в союзе с революционными элементами буржуазии (т.-е. у нас с крестьянством) не станет самостоятельной движущей силой вопреки колебаниям и изменам шаткой и контр-революционной буржуазии.

Не при Николае II, любезные т.т. меньшевики, а при Александре II русский царизм начинал превращаться в «плутократическую» монархию, «*начинал* выражать классовые интересы буржуазии». Но он не мог их выразить без самостоятельной классовой *организации* буржуазии. Революция 1905-го года подняла нас на высшую ступень, и старая борьба возобновляется в плоскости более развитых политических отношений. III Дума есть политически оформленный, общенациональный союз политических *организаций* помещиков и крупной буржуазии. Царизм делает попытку решить объективно-необходимые исторические задачи при помощи *организаций* этих двух классов. Удастся ли ему эта попытка?

Нет. Оказывается, что такой задачи не может решить не только плутократический царизм, не знавший организации национального представительства «высших» классов, но и полубуржуазный царизм при помощи черносотенно-буржуазной Думы. Дума помогает ему решить эту задачу. Но этой помощи *оказывается* мало. «Левение» буржуазии вызывается именно тем *объективным* фактом, что, несмотря на столыпинское подновление царизма, обеспечения буржуазной эволюции *не получается.* Подобно тому, как до 1905-го года, в эпоху царизма, не знавшего никаких представительных учреждений, «левение» помещиков и предводителей дворянства было симптомом назревающего кризиса, так и в 1909-м году, в эпоху царизма, давшего национальное представительство Крестовниковым, «левение» этих тузов есть *симптом* того, что «объективные задачи буржуазно-демократической революции в России остаются нерешенными», что «основные факторы»..., «вызвавшие революцию 1905 года, продолжают действовать» (резолюция конференции о современном моменте).

Меньшевики ограничивают свое рассуждение тем, что революция у нас буржуазна и что буржуазия у нас «левеет». Но ограничиваться этим — значит превращать марксизм из «руководства для действия» в мертвую букву, значит фальсифицировать марксизм, переходить фактически на точку зрения либерализма. Возможна буржуазная революция без единой полной победы пролетариата, и в результате — медленное превращение старой монархии в буржуазную и буржуазно-империалистскую (пример: Германия). Возможна буржуазная революция с рядом самостоятельных выступлений пролетариата, дающих и полные победы и тяжелые поражения, а в результате — буржуазную республику (пример: Франция).

Спрашивается: решен ли русской историей вопрос о том или ином пути? Меньшевики не понимают этого вопроса, боятся ставить его, обходят его, не сознавая, что обходить этот вопрос—значит фактически в своей политике идти в хвосте либеральной буржуазии. Мы думаем, что русская история еще не решила этого вопроса, что решит его борьба классов в течение ближайших лет, что первая кампания нашей буржуазной революции (1905—1907 годы) неопровержимо доказала полную шаткость и контр-революционность нашей буржуазии, доказала способность нашего пролетариата быть *вождем* победоносной революции, доказала способность демократических масс крестьянства помочь пролетариату сделать эту революцию победоносной.

И здесь мы встречаем опять-таки чисто либеральную точку зрения меньшевиков на наше *трудовическое* крестьянство. Трудовики полны мелко-буржуазных утопий, их борьба за землю идет во имя нелепых и реакционных лозунгов социализации земли или уравнительного пользования ею — говорят меньшевики; «следовательно», трудовицкая борьба за землю *ослабляет* борьбу за волю, победа трудовиков была бы реакционной победой деревни над городом,—вот к чему сводятся и рассуждения Мартынова в № 10—11 «Голоса С.-Д.» [37]) и рассуждения Мартова в сборнике «Общественное движение в России в начале XX века» [38]).

Такая оценка трудовицкого крестьянства—не менее безобразное искажение марксизма, чем вышеприведенные рассуждения о буржуазной революции. Это—худшее доктринерство, если марксист не умеет разобрать *реального* значения революционной борьбы против всего современного помещичьего землевладения под оболочкой народнической *доктрины*, действительно нелепой, мечтательной и реакционной, при оценке ее как социалистической доктрины. Меньшевики проявляют поразительную слепоту и непонимание диалектики марксизма, не видя того, что при условиях жизни русского крестьянства его буржуазно-демократическая революционность не смогла идеологически выразиться

иначе, как в форме «веры» во всеспасающее действие земельного поравнения. «То, что фальшиво в формально-экономическом смысле, может быть истиной во всемирно-историческом смысле»,—этих слов Энгельса никогда не могли понять наши меньшевики [39]). Разоблачая *фальшь* народнической *доктрины*, они, как педанты, закрывали глаза на *истину* современной борьбы в современной буржуазной революции, выражаемую этими quasi-социалистическими доктринами.

Мы же говорим: решительная борьба с quasi-социалистическими доктринами трудовиков, с.-р., н.-с. и К° и прямое, твердое признание *союза* пролетариата с революционным крестьянством в *буржуазной* революции. Победа этой революции развеет как дым доктрину о всеспасающем действии земельного поравнения, но массы крестьянства в теперешней борьбе выражают этой доктриной именно широту, силу, смелость, увлечение, искренность и непобедимость своего исторического действия, ведущего к очищению России от всех и всяких остатков крепостничества.

Буржуазия левеет, долой трудовицкий утопизм, да здравствует поддержка буржуазии,—рассуждают меньшевики. Буржуазия левеет,—скажем мы,—значит накапливается новый порох в пороховнице русской революции. Если сегодня Крестовниковы говорят: «Россия больна»,—то это значит, что завтра выступит социалистический пролетариат, ведущий за собой демократическое крестьянство, и скажет: «мы ее вылечим!»

«Пролетарий» № 44, 21 (8) апреля 1909 г.

ПИСЬМО РОЗЕ ЛЮКСЕМБУРГ.

18 мая 1909 г.

Werte Genossin! *).

Послал Вам вчера заказной бандеролью экземпляр своей книги по философии—на память о нашей беседе по поводу Маха при последнем нашем свидании.

Если можно, очень просил бы дать для «Neue Zeit» пометку об этой книге в «Verzeichniss den in der Redaktion eingelaufenen Druck-Schriften» **) [40]). Если для этого необходимо именно выполнение формальности, т. е. посылка книги в самую редакцию (не понимающую по-русски), то черкните мне, пожалуйста, об этом и я постараюсь послать особый экземпляр в редакцию «Neue Zeit».

О нашей внутренней борьбе среди большевиков Вы, конечно, слышали от тов. Тышки. Ваша статья против отзовистов и ультиматистов всем очень нравится: жаль только, что Вы *так редко* выступаете по-русски, предпочитаете богатую социал-демократическую партию немцев бедной социал-демократической партии россиян [41]).

Всего лучшего! Привет Тышке. Жму руку.

Н. Ленин.

P. S. Примечание редакции «Neue Zeit» к (прекрасной) статье Ротштейна в № 33 наводит на мысль, что Каутскому его защита Independent Labour Party ***) в Брюсселе самому не очень теперь нравится... Так ли это? [42]).

Впервые напечатано в 1925 г. в «Ленинском Сборнике» III.

Печатается по рукописи.

---

*) — Дорогой товарищ! *Ред.*

**) — «Список поступивших в редакцию произведений печати». *Ред.*

***) — Независимая Рабочая Партия. *Ред.*

ОБ ОТНОШЕНИИ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ К РЕЛИГИИ.

Речь депутата Суркова в Государственной Думе при обсуждении сметы синода и прения в нашей думской фракции при обсуждении проекта этой речи, печатаемые нами ниже, подняли чрезвычайно важный и злободневный как раз в настоящее время вопрос [43]). Интерес ко всему, что связано с религией, несомненно, охватил ныне широкие круги «общества» и проник в ряды интеллигенции, близкой к рабочему движению, а также в известные рабочие круги. Социал-демократия безусловно обязана выступить с изложением своего отношения к религии.

Социал-демократия строит все свое миросозерцание на научном социализме, т.-е. марксизме. Философской основой марксизма, как неоднократно заявляли и Маркс и Энгельс, является диалектический материализм, вполне воспринявший исторические традиции материализма XVIII века во Франции и Фейербаха (1-ая половина XIX века) в Германии, — материализма безусловно атеистического, решительно враждебного всякой религии. Напомним, что весь «Анти-Дюринг» Энгельса, прочтенный в рукописи Марксом, изобличает материалиста и атеиста Дюринга в невыдержанности его материализма, в оставлении им лазеек религии и религиозной философии. Напомним, что в своем сочинении о Людвиге Фейербахе Энгельс ставит в упрек ему то, что он боролся с религией не ради уничтожения ее, а ради подновления, сочинения новой, «возвышенной» религии и т. п. Религия есть опиум народа,—это изречение Маркса есть краеугольный камень всего миросозерцания марксизма в вопросе о религии [44]). Все современные религии и церкви, все и всяческие религиозные организации марксизм рассматривает всегда, как органы буржуазной реакции, служащие защите эксплуатации и одурманению рабочего класса.

И в то же время, однако, Энгельс неоднократно осуждал попытки людей, желавших быть «левее» или «революционнее» социал-демократии, внести в программу рабочей партии пря-

мое признание атеизма в смысле объявления войны религии. В 1874-ом году, говоря о знаменитом манифесте беглецов Коммуны, бланкистов, живших в качестве эмигрантов в Лондоне, Энгельс трактует как глупость их шумливое провозглашение войны религии, заявляя, что такое объявление войны есть лучший способ оживить интерес к религии и затруднить действительное отмирание религии [45]). Энгельс ставит в вину бланкистам неумение понять того, что только классовая борьба рабочих масс, всесторонне втягивая самые широкие слои пролетариата в сознательную и революционную общественную *практику*, в состоянии на деле освободить угнетенные массы от гнета религии, тогда как провозглашение политической задачей рабочей партии войны с религией есть анархическая фраза. И в 1877-ом году в «Анти-Дюринге», беспощадно травя малейшие уступки Дюринга-философа идеализму и религии, Энгельс не менее решительно осуждает, якобы, революционную идею Дюринга о запрещении религии в социалистическом обществе. Объявлять подобную войну религии — значит — говорит Энгельс — «перебисмаркить самого Бисмарка», т.-е. повторить глупость бисмарковской борьбы с клерикалами (пресловутая «борьба за культуру», Kulturkampf, т.-е. борьба Бисмарка в 1870-х годах против германской партии католиков, партии «центра», путем полицейских преследований католицизма). Такой борьбой Бисмарк только *укрепил* воинствующий клерикализм католиков, только повредил делу действительной культуры, ибо выдвинул на первый план религиозные деления вместо делений политических, отвлек внимание некоторых слоев рабочего класса и демократии от насущных задач классовой и революционной борьбы в сторону самого поверхностного и буржуазно-лживого антиклерикализма. Обвиняя, желавшего быть ультра-революционным, Дюринга в желании повторить в иной форме ту же глупость Бисмарка, Энгельс требовал от рабочей партии уменья терпеливо работать над делом организации и просвещения пролетариата, делом, ведущим к отмиранию религии, а не бросаться в авантюры политической войны с религией. Эта точка зрения вошла в плоть и кровь германской социал-демократии, высказывавшейся, например, за свободу для иезуитов, за допущение их в Германию, за уничтожение всяких мер полицейской борьбы с той или иной религией. «Объявление религии частным делом» — этот знаменитый пункт Эрфуртской программы (1891 года) закрепил указанную политическую тактику социал-демократии [46]).

Эта тактика успела уже теперь стать рутинной, успела породить новое искажение марксизма в обратную сторону, в сторону оппортунизма. Стали толковать положение Эрфуртской программы в том смысле, что мы, с.-д., наша партия *считает* религию частным делом, что для нас, как с.-д., для нас, как

партии, религия есть частное дело. Не вступая в прямую полемику с этим оппортунистическим взглядом, Энгельс в 1890-х годах счел необходимым решительно выступить против него не в полемической, а в позитивной форме. Именно: Энгельс сделал это в форме заявления, нарочно им подчеркнутого, что социал-демократия считает религию частным делом *по отношению к государству*, а отнюдь не по отношению к себе, не по отношению к марксизму, не по отношению к рабочей партии [47]).

Такова внешняя история выступлений Маркса и Энгельса по вопросу о религии. Для людей, неряшливо относящихся к марксизму, для людей, не умеющих или не желающих думать, эта история есть комок бессмысленных противоречий и шатаний марксизма: какая-то, дескать, каша из «последовательного» атеизма и «поблажек» религии, какое-то «беспринципное» колебание между р-р-революционной войной с богом и трусливым желанием «подделаться» к верующим рабочим, боязнью отпугнуть их и т. д. и т. п. В литературе анархических фразеров можно найти не мало выходок против марксизма в этом вкусе.

Но кто сколько-нибудь способен серьезно отнестись к марксизму, вдуматься в его философские основы и в опыт международной социал-демократии, тот легко увидит, что тактика марксизма по отношению к религии глубоко последовательна и продумана Марксом и Энгельсом, что то, что диллетанты или невежды считают шатаниями, есть прямой и неизбежный вывод из диалектического материализма. Глубоко ошибочно было бы думать, что кажущаяся «умеренность» марксизма по отношению к религии объясняется так называемыми, «тактическими» соображениями в смысле желания «не отпугнуть» и т. п. Напротив, политическая линия марксизма и в этом вопросе неразрывно связана с его философскими основами.

Марксизм есть материализм. В качестве такового, он так же беспощадно враждебен религии, как материализм энциклопедистов XVIII века или материализм Фейербаха. Это несомненно. Но диалектический материализм Маркса и Энгельса идет дальше энциклопедистов и Фейербаха, применяя материалистическую философию к области истории, к области общественных наук. Мы должны бороться с религией. Это—азбука *всего* материализма и, следовательно, марксизма. Но марксизм не есть материализм, остановившийся на азбуке. Марксизм идет дальше. Он говорит: надо *уметь* бороться с религией, а для этого надо *материалистически* объяснить источник веры и религии у масс. Борьбу с религией нельзя ограничивать абстрактно-идеологической проповедью, нельзя сводить к такой проповеди; эту борьбу надо поставить в связь с конкретной практикой классового движения, направленного к устранению социальных корней религии. Почему держится религия в отсталых слоях городского пролетариата, в

широких слоях полупролетариата, а также в массе крестьянства? По невежеству народа, отвечает буржуазный прогрессист, радикал или буржуазный материалист. Следовательно, долой религию, да здравствует атеизм, распространение атеистических взглядов есть главная наша задача. Марксист говорит: неправда. Такой взгляд есть поверхностное, буржуазно-ограниченное культурничество. Такой взгляд недостаточно глубоко, не материалистически, а идеалистически объясняет корни религии. В современных капиталистических странах это — корни, главным образом, *социальные*. Социальная придавленность трудящихся масс, кажущаяся полная беспомощность их перед слепыми силами капитализма, который причиняет ежедневно и ежечасно в тысячу раз больше самых ужасных страданий, самых диких мучений рядовым рабочим людям, чем всякие из ряда вон выходящие события вроде войн, землетрясений и т. д.,— вот в чем самый глубокий современный корень религии. «Страх создал богов» [48]). Страх перед слепой силой капитала, которая слепа, ибо не может быть предусмотрена массами народа, которая на каждом шагу жизни пролетария и мелкого хозяйчика грозит принести ему и приносит «внезапное», «неожиданное», «случайное» разорение, гибель, превращение в нищего, в паупера, в проститутку, голодную смерть,— вот тот *корень* современной религии, который прежде всего и больше всего должен иметь в виду материалист, если он не хочет оставаться материалистом приготовительного класса. Никакая просветительная книжка не вытравит религии из забитых капиталистической каторгой масс, зависящих от слепых разрушительных сил капитализма, пока эти массы сами не научатся объединенно, организованно, планомерно, сознательно бороться против этого *корня* религии, против *господства капитала* во всех формах.

Следует ли из этого, что просветительская книжка против религии вредна или излишня? Нет. Из этого следует совсем не это. Из этого следует, что атеистическая пропаганда социал-демократии должна быть *подчинена* ее основной задаче: развитию классовой борьбы эксплуатируемых *масс* против эксплуататоров.

Человек, не вдумавшийся в основы диалектического материализма, т.-е. философии Маркса и Энгельса, может не понять (или, по крайней мере, сразу не понять) этого положения. Как это так? Подчинить идейную пропаганду, проповедь известных идей, борьбу с тем врагом культуры и прогресса, который держится тысячелетия (т.-е. с религией),— классовой борьбе, т.-е. борьбе за определенные практические цели в экономической и политической области?

Подобное возражение принадлежит к числу ходячих возражений против марксизма, свидетельствующих о полном непонимании марксовой диалектики. Противоречие, смущающее тех, кто возражает подобным образом, есть живое противоречие

живой жизни, т.-е. диалектическое, не словесное, не выдуманное противоречие. Отделять абсолютной, непереходимой гранью теоретическую пропаганду атеизма, т.-е. разрушение религиозных верований у известных слоев пролетариата, и успех, ход, условия классовой борьбы этих слоев — значит рассуждать недиалектически, превращать в абсолютную грань то, что есть подвижная, относительная грань,—значит насильственно разрывать то, что неразрывно связано в живой действительности. Возьмем пример. Пролетариат данной области и данной отрасли промышленности делится, положим, на передовой слой довольно сознательных социал-демократов, которые являются, разумеется, атеистами, и довольно отсталых, связанных еще с деревней и крестьянством рабочих, которые веруют в бога, ходят в церковь или даже находятся под прямым влиянием местного священника, основывающего, допустим, христианский рабочий союз. Положим, далее, что экономическая борьба в такой местности привела к стачке. Для марксиста обязательно успех стачечного движения поставить на первый план, обязательно решительно противодействовать разделению рабочих в этой борьбе на атеистов и христиан, решительно бороться против такого разделения. Атеистическая проповедь может оказаться при таких условиях и излишней и вредной — не с точки зрения обывательских соображений о неотпугивании отсталых слоев, о потере мандата на выборах и т. п., а с точки зрения действительного прогресса классовой борьбы, которая в обстановке современного капиталистического общества во сто раз лучше приведет христиан-рабочих к социал-демократии и к атеизму, чем голая атеистическая проповедь. Проповедник атеизма в такой момент и при такой обстановке сыграл бы только *на руку* попу и попам, которые ничего так не желают, как замены деления рабочих по участию в стачке делением по вере в бога. Анархист, проповедуя войну с богом во что бы то ни стало, на деле помог бы попам и буржуазии (как и всегда анархисты *на деле* помогают буржуазии). Марксист должен быть материалистом, т.-е. врагом религии, но материалистом диалектическим, т.-е. ставящим дело борьбы с религией не абстрактно, не на почву отвлеченной, чисто-теоретической, всегда себе равной проповеди, а конкретно, на почву классовой борьбы, идущей *на деле* и воспитывающей массы больше всего и лучше всего. Марксист должен уметь учитывать всю конкретную обстановку, всегда находить границу между анархизмом и оппортунизмом (эта граница относительна, подвижна, переменна, но она существует), не впадать ни в абстрактный, словесный, на деле пустой «революционаризм» анархиста, ни в обывательщину и оппортунизм мелкого буржуа или либерального интеллигента, который трусит борьбы с религией, забывает об этой своей задаче, мирится с верой в бога, руководится не интересами

классовой борьбы, а мелким, мизерным расчетцем: не обидеть, не оттолкнуть, не испугать,—премудрым правилом: «живи и жить давай другим», и т. д. и т. п.

С указанной точки зрения следует решать все частные вопросы, касающиеся отношения социал-демократии к религии. Например, часто выдвигается вопрос, может ли священник быть членом с.-д. партии, и обыкновенно отвечают на этот вопрос без всяких оговорок положительно, ссылаясь на опыт европейских с.-д. партий. Но этот опыт порожден не только применением доктрины марксизма к рабочему движению, а и особыми историческими условиями Запада, отсутствующими в России (мы скажем ниже об этих условиях), так что безусловный положительный ответ здесь не верен. Нельзя раз-на-всегда и для всех условий объявить, что священники не могут быть членами социал-демократической партии, но нельзя раз-на-всегда выставить обратное правило. Если священник идет к нам для совместной политической работы и выполняет добросовестно партийную работу, не выступая против программы партии, то мы можем принять его в ряды с.-д., ибо противоречие духа и основ нашей программы с религиозными убеждениями священника могло бы остаться при таких условиях только его касающимся, личным его противоречием, а экзаменовать своих членов насчет отсутствия противоречия между их взглядами и программой партии политическая организация не может. Но, разумеется, подобный случай мог бы быть редким исключением даже в Европе, а в России он и совсем уже мало вероятен. И, если бы, например, священник пошел в партию с.-д. и стал вести в этой партии, как свою главную и почти единственную работу, активную проповедь религиозных воззрений, то партия безусловно должна бы была исключить его из своей среды. Мы должны не только допускать, но сугубо привлекать всех рабочих, сохраняющих веру в бога, в с.-д. партию, мы безусловно против малейшего оскорбления их религиозных убеждений, но мы привлекаем их для воспитания в духе нашей программы, а не для активной борьбы с ней. Мы допускаем *внутри* партии свободу мнений, но в известных границах, определяемых свободой группировки: мы не обязаны идти рука об руку с активными проповедниками взглядов, отвергаемых большинством партии.

Другой пример: можно ли при всех условиях одинаково осуждать членов с.-д. партии за заявление: «социализм есть моя религия» [49]) и за проповедь взглядов, соответствующих подобному заявлению? Нет. Отступление от марксизма (а, следовательно, и от социализма) здесь несомненно, но значение этого отступления, его, так сказать, удельный вес могут быть различны в различной обстановке. Одно дело, если агитатор или человек, выступающий перед рабочей массой, говорит так, чтобы быть понятнее, чтобы

начать изложение, чтобы реальнее оттенить свои взгляды в терминах, наиболее обычных для неразвитой массы. Другое дело, если писатель начинает проповедывать «богостроительство» или богостроительский социализм (в духе, например, наших Луначарского и К°). Насколько в первом случае осуждение могло бы быть придиркой или даже неуместным стеснением свободы агитатора, свободы «педагогического» воздействия, настолько во втором случае партийное осуждение необходимо и обязательно. Положение «социализм есть религия» для одних есть форма перехода *от* религии к социализму, для других — *от* социализма к религии.

Перейдем теперь к тем условиям, которые породили на Западе оппортунистическое толкование тезиса «объявление религии частным делом». Конечно, есть тут влияние общих причин, порождающих оппортунизм вообще, как принесение в жертву минутным выгодам коренных интересов рабочего движения. Партия пролетариата требует *от государства* объявления религии частным делом, отнюдь не считая «частным делом» вопрос борьбы с опиумом народа, борьбы с религиозными суевериями и т. д. Оппортунисты извращают дело таким образом, как будто бы *социал-демократическая* партия *считала* религию частным делом!

Но кроме обычного оппортунистического извращения (совершенно не разъясненного в прениях, которые вела наша думская фракция при обсуждении выступления о религии) есть особые исторические условия, вызвавшие современное, если можно так выразиться, чрезмерное равнодушие европейских с.-д. к вопросу о религии. Это — условия двоякого рода. Во-первых, задача борьбы с религией есть исторически задача революционной буржуазии, и на Западе эту задачу в значительной степени выполнила (или выполняла) буржуазная демократия в эпоху *своих* революций или своих натисков на феодализм и средневековье. И во Франции и в Германии есть традиция буржуазной войны с религией, начатой задолго до социализма (энциклопедисты, Фейербах). В России, соответственно условиям нашей буржуазно-демократической революции, и эта задача ложится почти всецело на плечи рабочего класса. Мелкобуржуазная (народническая) демократия сделала в этом отношении у нас не слишком много (как думают новоявленные черносотенные кадеты или кадетские черносотенцы из «Вех»)[50], а *слишком мало* по сравнению с Европой.

С другой стороны, традиция буржуазной войны с религией успела создать в Европе специфически буржуазное *извращение* этой войны анархизмом, который стоит, как давно уже и многократно разъясняли марксисты, на почве буржуазного мировоззрения при всей «ярости» своих нападок на буржуазию. Анар-

хисты и бланкисты в романских странах, Мост (бывший, между прочим, учеником Дюринга) и К° в Германии, анархисты в 80-х годах в Австрии довели до nec plus ultra *) революционную фразу в борьбе с религией. Неудивительно, что европейские с.-д. теперь *перегибают палку,* согнутую анархистами. Это понятно и, в известной мере, законно, но забывать об особых исторических условиях Запада нам, русским с.-д., не годится.

Во-вторых, на Западе *после* окончания национальных буржуазных революций, *после* введения более или менее полной свободы вероисповедания, вопрос демократической борьбы с религией настолько уже был исторически оттеснен на второй план борьбой буржуазной демократии с социализмом, что буржуазные правительства *сознательно* пробовали отвлечь внимание масс от социализма устройством quasi-либерального «похода» на клерикализм. Такой характер носил и Kulturkampf **) в Германии и борьба с клерикализмом буржуазных республиканцев Франции. Буржуазный антиклерикализм, как средство отвлечения внимания рабочих масс от социализма, — вот что предшествовало на Западе распространению среди с.-д. современного их «равнодушия» к борьбе с религией. И опять-таки это понятно и законно, ибо буржуазному и бисмаркианскому антиклерикализму с.-д. должны были противопоставлять именно *подчинение* борьбы с религией борьбе за социализм.

В России условия совсем иные. Пролетариат есть вождь нашей буржуазно-демократической революции. Его партия должна быть идейным вождем в борьбе со всяким средневековьем, а в том числе и со старой, казенной религией и со всеми попытками обновить ее или обосновать заново или по-иному и т. д. Поэтому, если Энгельс сравнительно мягко поправлял оппортунизм немецких с.-д., подменявших требование рабочей партии, чтобы *государство* объявило религию частным делом, *объявлением* религии частным делом для самих с.-д. и социал-демократической партии, — то понятно, что перенимание русскими оппортунистами этого немецкого извращения заслужило бы *во сто раз* более резкое осуждение Энгельса.

Заявив с думской трибуны, что религия есть опиум народа, наша фракция поступила вполне правильно и создала, таким образом, прецедент, который должен послужить основой для всех выступлений русских с.-д. по вопросу о религии. Следовало ли идти дальше, развивая еще подробнее атеистические выводы? Мы думаем, что нет. Это могло бы грозить преувеличением борьбы с религией со стороны политической партии пролетариата; это могло бы вести к стиранию грани между буржуазной

*) — до самой крайней степени. *Ред.*
**) — борьба за культуру. *Ред.*

и социалистической борьбой с религией. Первое, что должна была выполнить с.-д. фракция в черносотенной Думе, было с честью выполнено.

Второе — и едва ли не главное для с.-д. — разъяснение классовой роли церкви и духовенства в поддержке черносотенного правительства и буржуазии в ее борьбе с рабочим классом — равным образом выполнено было с честью. Конечно, на эту тему можно еще сказать очень многое, и последующие выступления с.-д. найдут, чем дополнить речь тов. Суркова, но все же речь его была превосходна и распространение ее всеми партийными организациями есть прямая обязанность нашей партии [51]).

Третье—следовало со всей обстоятельностью разъяснить *правильный* смысл столь часто искажаемого немецкими оппортунистами положения: «объявление религии частным делом». Этого, к сожалению, тов. Сурков не сделал. Это тем более жаль, что в предыдущей деятельности фракцией была уже допущена по этому вопросу своевременно отмеченная «*Пролетарием*» ошибка тов. Белоусова. Прения во фракции показывают, что спор об атеизме заслонил от нее вопрос о правильном изложении пресловутого требования объявления религии частным делом. Мы не будем винить за эту ошибку всей фракции одного тов. Суркова. Мало того. Признаем прямо, что тут есть вина всей партии, недостаточно разъяснявшей этот вопрос, недостаточно подготовившей в сознании с.-д. значение Энгельсовского замечания по адресу немецких оппортунистов. Прения во фракции доказывают, что это было именно неясное понимание вопроса, а отнюдь не нежелание считаться с учением Маркса, и мы уверены, что ошибка будет исправлена в последующих выступлениях фракции.

В общем и целом, повторяем, речь тов. Суркова превосходна и должна быть распространяема всеми организациями. Обсуждением этой речи фракция доказала вполне добросовестное исполнение ею своего с.-д. долга. Остается пожелать, чтобы корреспонденции о прениях внутри фракции чаще появлялись в партийной печати для сближения фракции с партией, для ознакомления партии с тяжелой внутренней работой, проделываемой фракцией, для установления идейного единства в деятельности партии и фракции.

«Пролетарий» № 45, 26 (13) мая 1909 г.

КЛАССЫ И ПАРТИИ В ИХ ОТНОШЕНИИ К РЕЛИГИИ И ЦЕРКВИ.

Прения в Государственной Думе по вопросу о смете синода, затем о возвращении прав лицам, покинувшим духовное звание, и, наконец, о старообрядческих общинах дали чрезвычайно поучительный материал для характеристики русских политических партий со стороны их отношения к религии и церкви. Бросим общий взгляд на этот материал, останавливаясь, главным образом, на прениях по смете синода (стенографические отчеты о прениях по другим из указанных выше вопросов нами еще не получены).

Первый вывод, который особенно бросается в глаза при рассмотрении думских прений, состоит в том, что воинствующий клерикализм в России не только имеется на-лицо, но явно усиливается и организуется все больше. 29(16)-го апреля епископ Митрофан заявил: «первые шаги нашей думской деятельности были направлены именно к тому, чтобы нам, почтенным высоким избранием народным, чтобы здесь в Думе стать выше партийных дроблений и образовать одну группу духовенства, которая все вопросы освещала бы со своей этической точки зрения»... «что же причиной, что мы не пришли к этому идеальному положению?»... «вина в тех, которые разделяют с вами» (т.-е. с кадетами и «левыми») «эти скамьи, именно, депутаты духовенства, принадлежащие к оппозиции. Они первые возвысили свой голос и заговорили, что это не больше, как нарождение клерикальной партии, и что это в высшей степени нежелательно. Конечно, говорить о клерикализме русского православного духовенства не приходится — никогда тенденций подобного рода у нас не было, и мы, желая выделиться в отдельную группу, преследовали чисто моральные, этические цели, а теперь, господа, когда вследствие такого несогласия, внесенного левыми депутатами в нашу братскую среду, последовало разделение и раздробление, теперь вы» (т.-е. кадеты) «обвиняете нас в этом».

Епископ Митрофан в своей неграмотной речи выболтал тайну

левые, видите, виноваты в том, что отбили часть думских попов от образования особой «моральной» (это слово, конечно, удобнее для надувания народа, чем «клерикальной») группы!

Почти месяц спустя, 26 (13)-го мая, епископ Евлогий прочел в Думе «постановление думского духовенства»: «православное думское духовенство в подавляющем большинстве находит»..., что во имя «первенствующего и господствующего положения православной церкви» недопустимы ни свобода проповеди для старообрядцев, ни явочный порядок открытия старообрядческих общин, ни наименование старообрядческих духовных лиц священнослужителями. «Чисто моральная точка зрения» русских попов вполне обнаружила себя, как чистейший клерикализм. «Подавляющее большинство» думского духовенства, от имени которого говорил епископ Евлогий, составили, вероятно, 29 правых и умеренно правых священников третьей Думы, а может быть, и 8 священников октябристов. К оппозиции отошли, должно быть, 4 священника группы прогрессистов и мирнообновленцев и один из польско-литовской группы.

Какова же «чисто моральная, этическая точка зрения подавляющего большинства думского» (третье-июньского, следует добавить) «духовенства»? Вот несколько выдержек из речей: «Я только говорю, что инициатива этих» (т.-е. церковных) «преобразований должна исходить извнутри церкви, а не извне, не со стороны государства и, конечно, не со стороны бюджетной комиссии. Ведь церковь есть учреждение божественное и вечное, ее законы непреложны, а идеалы жизни государственной, как известно, подвергаются постоянным изменениям» (еп. Евлогий, 27 (14) апреля). Оратор вспоминает «тревожную историческую параллель»: секуляризацию церковных имуществ при Екатерине II. «Кто может поручиться за то, что бюджетная комиссия, выразившая в настоящем году пожелание подчинить их» (церковные средства) «Государственному Контролю, в следующем году не выскажет пожелания переложить их в общегосударственное казначейство, а затем и совсем передать заведывание их из власти церковной к власти гражданской или государственной?»... «церковные правила говорят, что если вверены епископу души христианские, то тем более должны быть вверены церковные имущества»... «ныне предстоит перед вами» (депутатами Думы) «ваша духовная мать, святая православная церковь, не только как перед народными представителями, но и как перед своими духовными детьми» (там же).

Перед нами — чистый клерикализм. Церковь выше государства, как вечное и божественное выше временного, земного. Церковь не прощает государству секуляризации церковных имуществ. Церковь требует себе первенствующего и господствующего положения. Для нее депутаты Думы не только — вернее,

не столько — народные представители, сколько «духовные дети».

Это не чиновники в рясах, как выразился с.-д. Сурков, а *крепостники* в рясах. Защита феодальных привилегий церкви, открытое отстаивание средневековья — вот суть политики большинства третье-думского духовенства. Епископ Евлогий вовсе не исключение. Гепецкий тоже вопит против «секуляризации», как недопустимой «обиды» (27 (14) апреля). Поп Машкевич громит *октябристский* доклад за стремление «подорвать те исторические и канонические устои, на которых стояла и должна стоять наша церковная жизнь», «сдвинуть жизнь и деятельность русской православной церкви с канонического пути на тот путь..., на котором... действительные князья церкви — епископы — должны будут уступить почти все свои права, унаследованные от апостолов, князьям светским»... «Это есть не что иное, как... посягательство на чужую собственность и на права церкви и на ее достояние»... «докладчик нас ведет к разрушению канонического строя церковной жизни, он хочет подчинить православную церковь, со всеми ее хозяйственными функциями, Государственной Думе, такому учреждению, которое состоит из самых разнообразных элементов, и терпимых и нетерпимых вероисповеданий в нашем государстве» (27 (14) апреля).

Русские народники и либералы долго утешали себя или, вернее, обманывали себя «теорией», что в России нет почвы для воинствующего клерикализма, для борьбы «князей церкви» со светской властью и т. п. В числе прочих народнических и либеральных иллюзий наша революция рассеяла и эту иллюзию. Клерикализм существовал в скрытой форме, пока в целости и неприкосновенности существовало самодержавие. Всевластие полиции и бюрократии закрывало от глаз «общества» и народа классовую борьбу вообще, борьбу «крепостников в рясе» с «подлой чернью», в частности. Первая же брешь, пробитая революционным пролетариатом и крестьянством в крепостническом самодержавии, сделала тайное явным. Как только политической свободой, свободой организации масс начали пользоваться, захватив ее в конце 1905 г., пролетариат и передовые элементы буржуазной демократии, так потянулись к самостоятельной и открытой организации и реакционные классы. Они не организовывались и не выступали особенно наглядно при нераздельном абсолютизме не потому, что были слабы, а потому, что были сильны, — не потому, что они не способны были к организации и политической борьбе, а потому, что они не видели еще тогда серьезной надобности в самостоятельной классовой организации. Они не верили в возможность массового движения против самодержавия и крепостников в России. Они полагались всецело на то, что для удержания черни достаточен кнут. Первые же раны, нанесенные самодержавию, заставили социальные элементы,

поддерживающие самодержавие и нуждающиеся в нем, выйти на свет божий. С массами, которые способны были создать 9-ое января, стачечное движение 1905 г. и октябрьско-декабрьскую революцию, нельзя уже бороться *только* старым кнутом. Надо выступать на поприще самостоятельных политических организаций; надо, чтобы Совет объединенного дворянства [52]) организовывал черные сотни и развертывал самую бесшабашную демагогию; надо, чтобы «князья церкви — епископы» организовали реакционное духовенство в самостоятельную силу.

Третья Дума и третье-думский период русской контр-революции характеризуются как раз тем, что эта организация реакционных сил прорвалась наружу, начала развертываться в общенациональном масштабе, потребовала особого черносотенно-буржуазного «парламента». Воинствующий клерикализм показал себя воочию, и российской социал-демократии неоднократно придется теперь быть наблюдательницей и участницей конфликтов буржуазии клерикальной с буржуазией антиклерикальной. Если общая наша задача состоит в том, чтобы помогать пролетариату сплотиться в особый класс, умеющий отделить себя от буржуазной демократии, то в эту задачу входит, как часть, использование всех средств пропаганды и агитации, в том числе и думской трибуны, для разъяснения массам отличия социалистического антиклерикализма от антиклерикализма буржуазного.

Октябристы и кадеты, выступавшие в III Думе против крайних правых, против клерикалов и правительства, чрезвычайно облегчили нам эту задачу, показав наглядно отношение буржуазии к церкви и религии. Легальная печать кадетов и, так называемых, прогрессистов обращает теперь особенное внимание на вопрос о старообрядцах, на то, что октябристы вместе с кадетами высказались против правительства, на то, что они хоть в малом «встали на путь реформ», обещанных 30 (17)-го октября. Нас интересует гораздо больше принципиальная сторона вопроса, т.-е. отношение буржуазии вообще, вплоть до претендующих на звание демократов кадетов, к религии и церкви. Мы не должны позволять, чтобы вопрос сравнительно частный — о столкновении старообрядцев с господствующей церковью, о поведении связанных с старообрядцами и частью зависимых от них даже прямо в финансовом смысле октябристов («Голос Москвы» [53]) издается, как говорят, на средства старообрядцев) — заслонял коренной вопрос об интересах и политике буржуазии, как класса.

Взгляните на речь графа Уварова, октябриста по направлению, вышедшего из фракции октябристов. Говоря после с.-д. Суркова, он сразу отказывается ставить вопрос на ту принципиальную почву, на которую его поставил рабочий депутат. Уваров только нападает на синод и обер-прокурора за нежелание дать Думе сведения о некоторых церковных доходах и о

расходовании приходских сумм. Также ставит вопрос официальный представитель октябристов Каменский (29 (16) апреля), требующий восстановления прихода «в интересах укрепления православия». Эту мысль развивает, так называемый, «левый октябрист» Капустин: «если мы обратимся к народной жизни,— восклицает он, — к жизни сельского населения, то сейчас, теперь, мы видим печальное явление — колеблется религиозная жизнь, колеблется величайшая единственная основа нравственного строя населения»... «чем заменить понятие греха, чем заменить... указание совести? Ведь не может же быть, чтобы это было заменено понятием классовой борьбы и прав того или другого класса. Это — печальное понятие, которое вошло в жизнь нашего обихода. Так вот, с той точки зрения, чтобы религия, как основа нравственности, продолжала существовать, была доступна всему населению, нужно, чтобы проводники этой религии пользовались надлежащим авторитетом»...

Представитель контр-революционной буржуазии хочет укрепить религию, хочет укрепить влияние религии на массы, чувствуя недостаточность, устарелость, даже вред, приносимый правящим классом, «чиновниками в рясах», которые *понижают* авторитет церкви. Октябрист воюет против крайностей клерикализма и полицейской опеки *для усиления* влияния религии на массы, для замены хоть некоторых средств оглупления народа, слишком грубых, слишком устарелых, слишком обветшавших, недостигающих цели, — более тонкими, более усовершенствованными средствами. Полицейская религия уже недостаточна для оглупления масс, давайте нам религию более культурную, обновленную, более ловкую, способную действовать в самоуправляющемся приходе, — вот чего требует капитал от самодержавия.

И кадет Караулов *целиком* стоит на той же самой точке зрения. Этот «либеральный» ренегат (эволюционировавший от «Народной Воли» к правым кадетам) вопит против «денационализации церкви, понимая под этим изгнание народных масс, мирян, из церковного строительства». Он находит «*ужасным*» (буквально так!), что массы «обезвериваются». Он кричит совершенно по-меньшиковски о том, что «огромная самоценность церкви... обесценивается... к громадному вреду не только для дела церковного, но и для дела государственного». Он называет «золотыми словами» отвратительное лицемерие изувера Евлогия на тему о том, что «задача церкви вечна, непреложна... и, значит, связывать церковь с политикой невозможно». Он протестует против союза церкви с черной сотней *во имя того*, чтобы церковь «в большей силе и славе, чем теперь, делала свое великое, святое дело в духе Христовом — любви и свободы».

Товарищ Белоусов очень хорошо сделал, что посмеялся с думской трибуны над этими «лирическими» словами Караулова.

Но такой насмешки далеко еще и далеко не достаточно. Надо было выяснить, — и надо будет при первом удобном случае выяснить с думской трибуны, — что точка зрения кадетов совершенно тождественна с точкой зрения октябристов и выражает не что иное, как стремление «культурного» капитала организовать оглупление народа религиозным дурманом посредством более тонких средств церковного обмана, чем те, которые практиковал живущий в старине рядовой российский «батюшка».

Чтобы держать народ в духовном рабстве, нужен теснейший союз церкви с черной сотней, — говорил устами Пуришкевича дикий помещик и старый держиморда. Ошибаетесь, гг., возражает им устами Караулова контр-революционный буржуа: вы только окончательно оттолкнете народ от религии такими средствами. Давайте-ка действовать поумнее, похитрее, поискуснее, — уберем прочь слишком глупого и грубого черносотенца, объявим борьбу с «денационализацией церкви», напишем на знамени «золотые слова» епископа Евлогия, что церковь выше политики, — только при таком способе действия мы сумеем одурачить хоть часть отсталых рабочих и, в особенности, мещан и крестьян, мы сумеем помочь обновленной церкви выполнить ее «великое, святое дело» поддержания духовного рабства народных масс.

Наша либеральная печать, вплоть до газеты «Речь», усиленно порицала в последнее время Струве и К°, как авторов сборника «Вехи» [54]). Но официальный оратор партии к.-д. в Государственной Думе, Караулов, превосходно разоблачил все гнусное лицемерие этих попреков и этих отречений от Струве и К°. Что у Караулова и у Милюкова на уме, то у Струве на языке. Либералы порицают Струве *только* за то, что он неосторожно выболтал правду, что он слишком раскрыл карты. Либералы, порицающие «Вехи» и продолжающие поддерживать партию к.-д., обманывают народ самым бессовестным образом, осуждая неосторожно-откровенное *слово* и продолжая *делать* то самое *дело*, которое этому слову соответствует.

О поведении трудовиков в Думе во время прений по разбираемым вопросам приходится сказать немногое. Как и всегда, обнаружилась яркая разница между трудовиками-крестьянами и трудовиками-интеллигентами к невыгоде для последних с их большей готовностью следовать за к.-д. Крестьянин Рожков, правда, обнаружил своей речью всю свою политическую бессознательность: он тоже повторил пошлость кадетов насчет того, что союз русского народа помогает не укреплять, а разрушать веру, он не сумел изложить никакой программы. Но зато, когда он бесхитростно стал рассказывать голую, неприкрашенную правду о поборах духовенства, о вымогательствах попов, о том, как требуют за брак кроме денег «бутылку водки, закуски и фунт чаю, *а иногда спрашивают такое, что с трибуны я и*

боюсь говорить» (29 (16) апреля, стр. 2259 стенографического отчета), — черносотенная Дума не вытерпела, раздался дикий вой с правых скамей. «Что это за издевательство? что за безобразие?» — вопили черносотенцы, чувствуя, что простая мужицкая речь о поборах с изложением «таксы» за требы революционизирует массы больше, чем какие-угодно теоретические или тактические противорелигиозные и противоцерковные заявления. И шайка зубров, отстаивающих самодержавие в III Думе, запугала своего лакея, председателя Мейендорфа, и заставила его лишить слова Рожкова (социал-демократы, к которым присоединились некоторые трудовики, к.-д. и пр., подали протест против этого поступка председателя).

Речь трудовика-крестьянина Рожкова, несмотря на чрезвычайную ее элементарность, превосходно показала всю пропасть между лицемерной, рассчитанно-реакционной защитой религии кадетами и примитивной, бессознательной, рутинной религиозностью мужика, в котором условия его жизни порождают — против его воли и помимо его сознания — действительно революционное озлобление против поборов и готовность решительной борьбы со средневековьем. Кадеты — представители контр-революционной буржуазии, которая хочет обновить и укрепить религию против народа. Рожковы — представители революционной буржуазной демократии, неразвитой, бессознательной, забитой, несамостоятельной, раздробленной, но таящей в себе далеко и далеко еще не исчерпанные запасы революционной энергии в борьбе с помещиками, с попами, с самодержавием.

Интеллигент-трудовик Розанов приближался к кадетам гораздо менее бессознательно, чем Рожков. Розанов сумел сказать об отделении церкви от государства, как требовании «левых», но он не удержался от реакционных, мещанских фраз об «изменении избирательного закона в том направлении, чтобы духовенство было устранено от участия в политической борьбе». Революционность, которая сама собой прорывается у типичного, среднего мужика, когда он начинает говорить правду о своем житье-бытье, исчезает у трудовика-интеллигента, сменяясь расплывчатой, а иногда и прямо гнусной фразой. В сотый и в тысячный раз мы видим подтверждение той истины, что только идя за пролетариатом способны русские крестьянские массы свергнуть давящий и губящий их гнет крепостников-землевладельцев, крепостников в рясах, крепостников-самодержавщиков.

Представитель рабочей партии и рабочего класса, с.-д. Сурков, один из всей Думы поднял прения на действительно принципиальную высоту и сказал без обиняков, как относится к церкви и религии пролетариат, как должна относиться к ней вся последовательная и жизнеспособная демократия. «Религия есть опиум народа»... «Ни одного гроша народных денег... этим

кровным врагам народа, затемняющим народное сознание», — этот прямой, смелый, открытый боевой клич социалиста прозвучал как вызов черносотенной Думе и отозвался в миллионах пролетариев, которые распространят его в массах, которые сумеют, когда придет время, претворить его в революционное действие.

«Социал-Демократ» № 6, 17 (4) июня 1909 г.

СОВЕЩАНИЕ РАСШИРЕННОЙ РЕДАКЦИИ «ПРОЛЕТАРИЯ» [55]

4—13 июля (21—30 июня) 1909 г. ПАРИЖ

Напечатано в приложении к № 46 «Пролетария» 16 (3) июля 1909 г.

PRIX 20 centimes. Supplément du „Prolétaire" 16|3 ІЮЛЯ 1909 г.

Россійская Соціалъ-демократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ПРИЛОЖЕНІЕ къ № 46 ГАЗЕТЫ „ПРОЛЕТАРІЙ"

Органа С.-Петербургск. и Московск. комитетовъ Р. С.-Д. Р. П.

Ниже читатели найдутъ текстъ резолюцій, принятыхъ на послѣднемъ совѣщаніи расширенной редакціи «Пролетарія». Составъ совѣщанія былъ слѣдующій: 4 члена редакціи «Пролетарія», 3 представителя большевиковъ, работающихъ въ мѣстныхъ организаціяхъ—Петербургской и области, Москов. (центральн. Россія) и Уральской, и 5 членовъ Ц. К-та — б-ки.

Дебаты, развернувшіеся на совѣщаніи, имѣютъ, несомнѣнно, крупное обще-партійное значеніе. Они придали большую опредѣленность и до извѣстной степени законченность той политической линіи, которую систематически проводитъ за послѣднее время руководящій органъ б-ской фракціи и которая среди извѣстной части т. т., считающихъ себя б-ками, вызываетъ за послѣднее время не мало нападокъ. Необходимое объясненіе произошло на совѣщаніи, на которомъ оппозиція была представлена двумя товарищами.

Въ виду всего этого, ред. «Пролет.» приложитъ всѣ усилія, чтобы изготовить и издать возможно болѣе полные протоколы совѣщанія. Въ настоящемъ-же извѣщеніи мы хотимъ коснуться лишь тѣхъ пунктовъ, которые при извѣстномъ толкованіи могутъ вызвать — и вызываютъ уже среди заграничныхъ товарищей — недоразумѣнія. Пространныя и достаточно опредѣленныя резолюціи совѣщанія говорятъ, въ сущности, сами за себя; протоколы совѣщанія дадутъ достаточно матеріала для исчерпывающаго пониманія резолюцій въ цѣломъ. Задача настоящаго извѣщенія дать указанія, касающіяся главнымъ образомъ *внутри-фракціоннаго* значенія принятыхъ постановленій и резолюцій.

Начнемъ съ резолюціи «объ отзовизмѣ и ультимат».

Что касается части резолюціи, направленной непосредственно противъ отзовизма, то она по существу не встрѣтила крупныхъ возраженій со стороны представителей оппозиціи на совѣщаніи. Оба представителя послѣдней признавали, что отзовизмъ, поскольку онъ складывается въ опредѣленное теченіе, все больше отходитъ отъ соціальдемократіи, что нѣкоторые представители отзовизма, въ частности его признанный вождь, тов. Ст., успѣли пріобрѣсти даже «нѣкоторый налетъ анархизма». Борьба упорная и систематическая съ отзовизмомъ, какъ теченіемъ, *единогласно* признавалась на совѣщаніи необходимой. Иное дѣло ультиматизмъ.

Оба представителя оппозиціи на совѣщаніи—называли себя ультиматистами. И оба они, въ письмен. заявленіи, поданномъ при голос. резолюціи, заявляли, что они—ультиматисты, что резолюція предлагаетъ отмежеваться отъ ульт-зма, что для нихъ это означало бы отмежеваться отъ самихъ себя, подъ чѣмъ они подписаться не могутъ. Впослѣдствіи, когда еще нѣкоторыя резолюціи были приняты противъ голосовъ оппозиціи, два представители послѣдней письменно заявили, что они считаютъ резолюціи совѣщанія незаконными, что, принимая ихъ, совѣщаніе провозглашаетъ расколъ фракціи что подчиняться имъ и проводить ихъ въ жизнь они не будутъ. На этомъ инцидентѣ мы остановимся въ дальнѣйшемъ изложеніи подробнѣе, потому-что онъ формально завершилъ собой отколъ одного изъ представителей оппозиціи, т. Максимова, отъ расширен. редакціи, «Прол». Здѣсь же мы хотимъ подойти къ нему съ другой стороны.

При оцѣнкѣ ультиматизма, какъ, впрочемъ, и при оцѣнкѣ того послѣдовательнаго ультиматизма, имя которому — отзовизмъ, приходится, къ сожалѣнію, имѣть дѣло не столько съ писаніемъ, сколько съ преданіемъ. Ни ультиматизмъ, ни отзовизмъ не получили до сихъ поръ своего выраженія въ сколько-нибудь цѣльной «платформѣ». И приходится брать ультиматизмъ въ его единственно-конкретномъ выраженіи — въ требованіи предъявить думской с.-д. фракціи *ультиматумъ* быть строго-партійной и подчиняться всѣмъ директивамъ партійныхъ центровъ, или отказаться отъ депутатскихъ полномочій. Но утверждать, что такая характеристика ультиматизма *вполнѣ* вѣрна и точна, какъ оказывается, нельзя. И вотъ почему. Т. Маратъ, одинъ изъ двухъ ультиматистовъ, принимавшихъ участіе въ совѣщаніи, заявилъ, что эта характеристика къ нему не подходитъ. Онъ, т. Маратъ, признаетъ, что дѣятельность с.-д. думской фракціи за послѣднее время значительно улучшается и что онъ и не думаетъ предъявлять ей ультиматумъ теперь-же, немедленно. Онъ только находитъ, что партія должна давить на думскую фракцію всѣми средствами, вплоть до предъявленія ей вышеизложеннаго ультиматума.

Съ *такими* ультиматистами сожительство внутри одной фракціи, конечно, возможно. *Такой* ультиматистъ долженъ сводить свой ультиматизмъ на нѣтъ по мѣрѣ того, какъ дѣятельность думской фракціи улучшается. *Такой* ультиматизмъ не исключаетъ, а, напротивъ, подразумѣваетъ длительную работу партіи съ думской фракціей и надъ фракціей, длительную и упорную работу партіи въ смыслѣ умѣлаго использованія думской дѣятельности для нуждъ агитаціи и организаціи. Разъ въ дѣятельности фракціи намѣтилась ясно тенденція къ улучшенію, то нужно, слѣдовательно, дальше упорно и настойчиво работать въ томъ-же направленіи. Ультиматизмъ *тѣмъ самымъ* потеряетъ постепенно свой объективный смыслъ. По отношенію къ *такимъ* ультиматистамъ-бо-викамъ не можетъ быть рѣчи о расколѣ. По отношенію къ нимъ едва-ли умѣстно и то отмежеваніе, о которомъ идетъ рѣчь въ резолюціи «Объ отзовизмѣ и ультиматизмѣ» и въ резолюціи «О задачахъ большевиковъ въ Партіи». *Такой* ультиматизмъ — просто на просто оттѣнокъ въ постановкѣ и рѣшеніи опредѣленнаго практическаго вопроса; сколько-нибудь замѣтнаго принципіальнаго разногласія здѣсь нѣтъ

Ультиматизмъ, отъ котораго резолюція находитъ необходимымъ отмежевать большевизмъ, какъ идейное теченіе въ партіи, — явленіе иного рода. Этотъ ультиматизмъ,—а онъ, несомнѣнно, въ наличности имѣ-

Первая страница приложения к № 46 газеты «Пролетарий» 16(3) июля 1909 г.

Уменьшено.

ИЗВЕЩЕНИЕ О СОВЕЩАНИИ РАСШИРЕННОЙ РЕДАКЦИИ «ПРОЛЕТАРИЯ».

Ниже читатели найдут текст резолюций, принятых на последнем Совещании расширенной редакции «Пролетария». Состав Совещания был следующий: 4 члена редакции «Пролетария», 3 представителя большевиков, работающих в местных организациях, — Петербургской и областной Московской (центральная Россия) и Уральской, — и 5 членов Центрального Комитета — большевики.

Дебаты, развернувшиеся на Совещании, имеют, несомненно, крупное обще-партийное значение. Они придали большую определенность и, до известной степени, законченность той политической линии, которую систематически проводит за последнее время руководящий орган большевистской фракции и которая среди известной части товарищей, считающих себя большевиками, вызывает за последнее время не мало нападок. Необходимое объяснение произошло на Совещании, на котором оппозиция была представлена двумя товарищами.

В виду всего этого, редакция «Пролетария» приложит все усилия, чтобы изготовить и издать возможно более полные протоколы Совещания. В настоящем же извещении мы хотим коснуться лишь тех пунктов, которые при известном толковании могут вызвать — и вызывают уже среди заграничных товарищей — недоразумения. Пространные и достаточно определенные резолюции Совещания говорят, в сущности, сами за себя; протоколы Совещания дадут достаточно материала для исчерпывающего понимания резолюций в целом. Задача настоящего извещения — дать указания, касающиеся, главным образом, *внутри-фракционного* значения принятых постановлений и резолюций.

Начнем с резолюции «Об отзовизме и ультиматизме».

Что касается части резолюции, направленной непосредственно против отзовизма, то она, по существу, не встретила крупных возражений со стороны представителей оппозиции на Совещании. Оба представителя последней признавали, что отзовизм, поскольку

он складывается в определенное течение, все больше отходит от социал-демократии, что некоторые представители отзовизма, в частности его признанный вождь, товарищ Ст., успели приобрести даже «некоторый налет анархизма». Борьба упорная и систематическая с отзовизмом, как течением, *единогласно* признавалась на Совещании необходимой. Иное дело ультиматизм.

Оба представителя оппозиции на Совещании называли себя ультиматистами. И оба они, в письменном заявлении, поданном при голосовании резолюции, заявляли, что они — ультиматисты, что резолюция предлагает отмежевываться от ультиматизма, что для них это означало бы отмежеваться от самих себя, под чем они подписаться не могут. Впоследствии, когда еще некоторые резолюции были приняты против голосов оппозиции, два представителя последней письменно заявили, что они считают резолюции Совещания незаконными, что, принимая их, Совещание провозглашает раскол фракции, что подчиняться им и проводить их в жизнь они не будут. На этом инциденте мы остановимся в дальнейшем изложении подробнее, потому что он формально завершил собой откол одного из представителей оппозиции, товарища Максимова, от расширенной редакции «Пролетария». Здесь же мы хотим подойти к нему с другой стороны.

При оценке ультиматизма, как, впрочем, и при оценке того последовательного ультиматизма, имя которому — отзовизм, приходится, к сожалению, иметь дело не столько с писанием, сколько с преданием. Ни ультиматизм, ни отзовизм не получили до сих пор своего выражения в сколько-нибудь цельной «платформе». И приходится брать ультиматизм в его единственно-конкретном выражении — в требовании предъявить думской социал-демократической фракции *ультиматум* быть строго партийной и подчиняться всем директивам партийных центров, или отказаться от депутатских полномочий. Но утверждать, что такая характеристика ультиматизма *вполне* верна и точна, как оказывается, нельзя. И вот почему. Товарищ Марат, один из двух ультиматистов, принимавших участие в Совещании, заявил, что эта характеристика к нему не подходит. Он, товарищ Марат, признает, что деятельность социал-демократической думской фракции за последнее время значительно улучшается и что он и не думает предъявлять ей ультиматум теперь же, немедленно. Он только находит, что партия должна давить на думскую фракцию всеми средствами, вплоть до предъявления ей вышеизложенного ультиматума.

С *такими* ультиматистами сожительство внутри одной фракции, конечно, возможно. *Такой* ультиматист должен сводить свой ультиматизм на-нет по мере того, как деятельность думской фракции улучшается. *Такой* ультиматизм не исключает, а, напротив, подразумевает длительную работу партии с думской фракцией и над фракцией, длительную и упорную работу партии в смысле

умелого использования думской деятельности для нужд агитации и организации. Раз в деятельности фракции наметилась ясно тенденция к улучшению, то нужно, следовательно, дальше упорно и настойчиво работать в том же направлении. Ультиматизм *тем самым* потеряет постепенно свой объективный смысл. По отношению к *таким* ультиматистам-большевикам не может быть и речи о расколе. По отношению к ним едва ли уместно и то отмежевание, о котором идет речь в резолюции «Об отзовизме и ультиматизме» и в резолюции «Задачи большевиков в Партии». *Такой* ультиматизм — просто-на-просто оттенок в постановке и решении определенного практического вопроса; сколько-нибудь заметного принципиального разногласия здесь нет.

Ультиматизм, от которого резолюция находит необходимым отмежевать большевизм, как идейное течение в партии, — явление иного рода. Этот ультиматизм — а он, несомненно, в наличности имеется — исключает длительную работу партии и ее центров над думской фракцией, исключает длительную, терпеливую работу партии среди рабочих в смысле умелого использования богатого агитационного материала, даваемого III Думой. Этот ультиматизм исключает *положительную, творческую* работу партии над думской фракцией. Единственное орудие такого ультиматизма — это его *ультиматум*, который партия должна повесить над головой своей думской фракции, как Дамоклов меч, и который должен заменить собой для Р. С.-Д. Р. П. весь тот опыт действительно революционного использования парламентаризма, который западноевропейская социал-демократия копила ценою упорной, длительной *выучки*. Отмежевать *такой* ультиматизм от отзовизма — невозможно. Общим им духом *авантюризма* они связаны нераздельно. И как от одного, так и от другого одинаково должен отмежеваться большевизм, как революционное течение в российской социал-демократии.

Но что понимаем мы, что понимало Совещание под этим «отмежеванием»? Имеются ли хоть какие-нибудь данные утверждать, что Совещание провозгласило *раскол большевистской фракции*, как хотят уверить нас некоторые представители оппозиции? Таких данных нет. Совещание заявило своими резолюциями: в большевистской фракции намечаются течения, которые противоречат большевизму с его определенной тактической физиономией. Большевизм представлен у нас большевистской *фракцией* партии. Фракция же не есть партия. Партия может заключать целую гамму оттенков, из которых крайние могут даже резко противоречить друг другу. В германской партии, рядом с ярко-революционным крылом Каутского, мы видим архиревизионистское крыло Бернштейна. Не то — фракция. В партии фракция есть группа *единомышленников*, составившаяся с целью влиять, прежде всего, на партию в определенном направлении, с целью проводить

в партии в возможно более чистом виде свои принципы. Для этого необходимо действительное *единомыслие.* Это различие требований, предъявляемых нами к единству *партии* и к единству *фракции,* должен понять всякий, кто хочет уяснить себе истинное положение вопроса о внутренних трениях в большевистской фракции. *Совещание не провозглашало раскола фракции.* В глубокую ошибку впали бы те местные работники, которые поняли бы резолюции Совещания, как призыв изгонять из организаций *настроенных отзовистски* рабочих или, тем более, колоть немедленно организации там, где имеются отзовистские элементы. Самым решительным образом предостерегаем мы местных работников от подобных шагов. Отзовизма, как оформившегося, *самостоятельного течения,* среди рабочей *массы* нет. Попытки отзовистов самоопределиться, договорить до конца фатально приводят к синдикализму, к анархизму. Сколько-нибудь последовательные сторонники последних течений сами себя исключают и из фракции и из партии. Относить сюда те, может быть, и обширные *группы рабочих,* которые *настроены* отзовистски, было бы нелепостью. Отзовизм этого рода есть, главным образом, продукт неосведомленности о деятельности думской фракции. Самое подходящее орудие борьбы с *таким* отзовизмом — это широкое и полное осведомление рабочих о деятельности фракции, с одной стороны, и предоставление рабочим способов общаться с фракцией и воздействовать на нее, — с другой. Для того, чтобы в значительной степени подорвать отзовистское настроение в Петербурге, достаточно было, например, ряда собеседований товарищей думских депутатов с петербургскими рабочими. Все усилия, таким образом, должны быть направлены к тому, чтобы избежать *организационного раскола* с отзовистами. Сколько-нибудь настойчивая и последовательная *идейная* борьба с отзовизмом и родственным ему синдикализмом скоро сделает всякие разговоры об организационном расколе совершенно праздными, в худшем случае, приведет к единоличным и групповым *отколам* отзовистов от большевистской фракции и от партии.

Именно так обстояло дело, в частности, и в Совещании расширенной редакции «Пролетария». Ультиматизм товарища Максимова оказался совершенно непримиримым с позицией большевизма, еще раз формулированной Совещанием. После того, как были приняты основные принципиальные резолюции, он заявил, что считает их незаконными, несмотря на то, что они были приняты десятью голосами против двух, а некоторые — против одного (Максимова) при одном воздержавшемся (например, резолюция «Об отзовизме и ультиматизме в целом). Тогда Совещание вынесло резолюцию, что оно снимает с себя всякую ответственность за все политические шаги товарища Максимова. Дело ясно: раз т. Максимов решительно отвергает все принципиальные

резолюции, принимаемые столь подавляющим большинством Совещания, то он должен понять, что между ним и Совещанием нет того *единомыслия*, которое есть элементарное условие существования *фракции* внутри *партии*. Но т. Максимов на этом не остановился: он решительно заявил, что не только не намерен проводить эти резолюции в жизнь, *но не будет и подчиняться им*. Совещание обязано было снять с себя всякую ответственность за политическую деятельность товарища Максимова, но при этом оно заявило (см. заявление Спб. делегата М. Т. и других), «что речь идет здесь не о расколе фракции, а об отколе товарища Максимова от расширенной редакции «Пролетария»» *) [56]).

Мы находим также необходимым привлечь все внимание товарищей к резолюциям Совещания: «Задачи большевиков в партии» и «Об отношении к думской деятельности в ряду других отраслей партийной работы». Здесь важно верно понять постановку вопроса о «партийной линии» большевиков и об отношении к легальным возможностям вообще, к думской трибуне, в частности.

Очередной нашей задачей является сохранение и укрепление Р. С.-Д. Р. П. В самом выполнении этой большой задачи есть один крайне важный момент: это борьба с *ликвидаторством* обоих оттенков — с ликвидаторством справа и с ликвидаторством слева. Ликвидаторы справа говорят, что нелегальной Р. С.-Д. Р. П. не надо, что центром тяжести социал-демократической деятельности должны быть исключительно или почти исключительно легальные возможности. Ликвидаторы слева выворачивают дело на-изнанку: легальные возможности для них не существуют в партийной деятельности, нелегальность во что бы то ни стало — для них все. И те и другие — ликвидаторы Р. С.-Д. Р. П., приблизительно в равной мере, ибо без планомерного, целесообразного *сочетания* легальной и нелегальной работы при теперешнем, навязанном нам историей, положении никакое «сохранение и укрепление Р. С.-Д. Р. П.» — немыслимо. Ликвидаторство справа свирепствует, как известно, особенно сильно в меньшевистской фракции, а отчасти в Бунде. Но за последнее время среди меньшевиков наблюдается знаменательное явление возврата к партийности, который нельзя не приветствовать: «меньшинство фракции» (меньшеви-

*) Т. Маратом также было сделано заявление, что *проводить* резолюции Совещания в жизнь он не будет, но *подчиняться им будет*. В особом же заявлении т. Марат оговорил, что, признавая необходимой товарищескую идейную борьбу с отзовизмом, он не признает ни организационной борьбы с последним, ни раскола большевистской фракции. Что касается *вообще* вопроса об *организационном* расколе, то, как видно из резолюции Совещания «О партийной школе, устраиваемой за границей в NN», раскольничий шаг сделан в данном случае отзовистами и сторонниками богостроительства, потому что школа эта есть, несомненно, попытка создать новый *идейно-организационный центр* новой фракции [57]).

ков), — как гласит резолюция Совещания, — «испытав до конца путь ликвидаторства, уже поднимает голос протеста против этого пути и ищет вновь партийной почвы для своей деятельности» *).

Каковы же задачи большевиков по отношению к этой небольшой пока части меньшевиков, ведущей борьбу против ликвидаторства справа? Большевики должны, несомненно, стремиться к сближению с этой частью партийцев — с частью марксистской и партийной. Речь ни в коем случае не идет здесь о ликвидации наших тактических разногласий с меньшевиками. Против меньшевистских отступлений от линии революционной социал-демократии мы ведем и будем впредь вести самую решительную борьбу. Речь ни в коем случае не идет, само собой разумеется, о каком-либо растворении большевистской фракции в партии. В смысле завоеваний партийных позиций большевиками сделано очень много, но много работы в этом направлении еще впереди. Большевистская фракция, как определенное идейное течение в партии, должна существовать по-прежнему. Но надо твердо помнить одно: ответственность «за сохранение и укрепление» Р. С.-Д. Р. П., о которых говорит резолюция Совещания, лежит теперь, главным образом, если не исключительно, на большевистской фракции. Всю, или почти всю, наличную *партийную* работу — особенно на местах — несут на себе теперь большевики. И на них, твердых и последовательных защитниках партийности, лежит теперь задача большой важности — привлекать к делу *партийного строительства* все пригодные для него элементы. И в настоящий тяжелый момент было бы с нашей стороны поистине преступлением не протянуть руку партийцам из других фракций, выступающим в защиту марксизма и партийности — против ликвидаторства.

Эту позицию признало огромное большинство Совещания и, в том числе, все представители большевиков из местных организаций. Оппозиция колебалась, не решаясь занять определенной позиции ни за, ни против нас. Но, тем не менее, именно за эту линию т. Максимов упрекал Совещание в «предательстве большевизма», в переходе на меньшевистскую точку зрения и т. п. Мы на это отвечали одно: скажите это поскорее открыто в печати, перед лицом всей партии и всей большевистской фракции, тогда мы получим возможность еще раз разоблачить истинный смысл вашей «революционности», истинный характер вашей «охраны» большевизма.

Предлагаем товарищам обратить внимание на резолюцию Совещания «Об отношении к думской деятельности и т. д.». Мы указали уже выше на тесную связь вопроса о «легальных воз-

*) Под «расколом в редакции» «Голоса Социал-Демократа» резолюция подразумевает выход т. Плеханова из этой редакции, — выход, по заявлению самого Плеханова, вынужденный не чем иным, как именно ликвидаторскими тенденциями редакции «Голоса Социал-Демократа».

можностях» с ликвидаторством различных оттенков. Борьба с ликвидаторством слева так же обязательна теперь, как и с ликвидаторством справа. Парламентский кретинизм, для которого вся партийная организация должна сводиться к группировке рабочих вокруг «легальных возможностей», в частности, вокруг думской деятельности, так же глубоко противен революционной социал-демократии, как и отзовизм с его непониманием значения легальных возможностей *для партии, в интересах партии*. В резолюциях Совещания использование легальных возможностей *для партии* признано делом огромной важности. Но нигде в этих резолюциях легальные возможности и их использование не рассматриваются, как сама себе довлеющая цель. Везде они поставлены в тесную *связь* с задачами и способами деятельности нелегальной. И эта *связь* заслуживает в настоящее время особенного внимания. Некоторые *практические* указания на этот счет даны в самой резолюции. Но это — лишь *указания*. Вообще же говоря, речь должна идти сейчас не столько о том, каково именно место «легальных возможностей» в ряду других отраслей *партийной* работы, а о том, *как* использовать наличные «легальные возможности» к наибольшей выгоде для партии. В течение долгих лет подпольной работы в партии накопился огромный опыт по части нелегальной работы. Нельзя того же сказать о другой области — об использовании возможностей легальных. Здесь партией, *в частности большевиками*, делалось недостаточно. На использование этой области следует обратить больше внимания, инициативы и усилий, чем это делалось до сих пор. Использованию легальных возможностей надо *учиться* и учиться так же настойчиво, *как* учились и учимся мы приемам нелегальной деятельности. К этой-то *упорной работе* над использованием легальных возможностей в пользу партии Совещание и призывает всех, кому дороги интересы Р.С.-Д.Р.П.

Неизменным по-прежнему остается и должно, конечно, оставаться наше отношение к нелегальной партийной работе. Сохранение и укрепление Р.С.-Д.Р.П.— основная задача, которой все должно быть подчинено. Только достигнув этого укрепления, сможем мы использовать в интересах партии и те же легальные возможности. Самое усиленное внимание должно быть обращено на те рабочие группы, которые формируются в промышленных центрах и в руки которых должно переходить — и постепенно переходит — общее руководство партийной работой. Все наши усилия во всех областях нашей деятельности должны быть направлены к тому, чтобы из этих групп создавались действительно партийные социал-демократические кадры. Только на этой основе сохранение и укрепление Р.С.-Д.Р.П. становится действительно возможным.

РЕЗОЛЮЦИИ СОВЕЩАНИЯ РАСШИРЕННОЙ РЕДАКЦИИ «ПРОЛЕТАРИЯ» [58]).

I. ОБ ОТЗОВИЗМЕ И УЛЬТИМАТИЗМЕ.

Выдвинутый революционным крылом нашей партии лозунг бойкота Булыгинской и I Государственных Дум сыграл в то время большую революционную роль и увлек за собой все наиболее активные и наиболее революционные слои рабочего класса.

Непосредственная революционная борьба широких масс вслед за тем сменилась тяжелой полосой контр-революции; для соц.-дем. стало необходимым применить свою революционную тактику к этой новой политической обстановке, и, в связи с этим, одной из в высшей степени важных задач стало — использование открытой думской трибуны в целях помощи социал-демократической агитации и организации.

Между тем часть рабочих, принимавших участие в непосредственной революционной борьбе, не смогла при этом быстром повороте событий сразу перейти к применению революционно-социал-демократической тактики в новых условиях контр-революции и остановилась на простом повторении лозунгов, *бывших* в эпоху открытой гражданской войны революционными, а теперь при голом их повторении могущих задержать процесс сплочения пролетариата в новых условиях борьбы.

С другой стороны, на почве этого тяжелого перелома, в атмосфере упадка революционной борьбы, апатии и растерянности даже в среде части рабочих, в период разгрома рабочих организаций и их недостаточной силы сопротивления разлагающим влияниям, — в среде части рабочего класса создался индифферентизм к политической борьбе вообще и особенно сильное равнодушие к думской работе социал-демократии.

Среди этих слоев пролетариата при таких условиях могут найти себе временный успех, так называемые, отзовизм и ультиматизм.

Работа III Думы, открыто издевающейся над нуждами рабочих, усиливает отзовистское настроение среди этих же слоев рабочих, неспособных еще, в силу своего недостаточного социал-демократического воспитания, понять того обстоятельства, что эта же деятельность III Думы дает социал-демократам возможность революционного использования этого представительства

эксплуататорских классов для выяснения широким слоям народа истинного характера самодержавия и всех контр-революционных сил, а также — необходимости революционной борьбы.

Отзовистское настроение среди этой части рабочих питалось сверх того теми чрезвычайно серьезными ошибками, которые были допущены социал-демократической думской фракцией, в особенности, в первый год ее деятельности.

Признавая, что это отзовистское настроение имеет отрицательное значение в деле социалистического и революционного воспитания рабочего класса, — большевистская фракция считает необходимым:

a) *по отношению к этим слоям рабочих* — длительную работу с.-д. воспитания и организации, систематическое и настойчивое разъяснение всей политической бесплодности отзовизма и ультиматизма, действительного значения с.-д. парламентаризма и роли думской трибуны для с.-д. в период контр-революции;

b) *по отношению к думской с.-д. фракции и думской работе вообще* — установление тесной связи между думской фракцией и передовыми рабочими, всесторонняя помощь ей и организованный контроль и давление на нее всей партии, между прочим, и путем открытого разъяснения ее ошибок, фактическое осуществление руководства партией деятельностью фракции, как партийного органа, и вообще проведение большевиками в жизнь решений последней общепартийной конференции на этот счет, ибо только усиление внимания рабочих кругов к деятельности думской с.-д. фракции и их организованное участие в думской деятельности с.-д. способно на деле выпрямить тактику нашей думской фракции;

c) *по отношению к правому крылу партии*, увлекающему думскую фракцию на антипартийный путь и отрывающему ее тем самым от рабочего авангарда, — систематическую, непримиримую борьбу и разоблачение этой губительной для партии тактики.

* *
*

К нашей партии в ходе буржуазно-демократической революции примкнул ряд элементов, привлеченных не чисто пролетарской ее программой, а преимущественно ее яркой и энергичной борьбой за демократию и принявших революционно-демократические лозунги пролетарской партии вне их связи со всей борьбой социалистического пролетариата в ее целом.

Такие, недостаточно проникшиеся пролетарской точкой зрения, элементы оказались и в рядах нашей большевистской фракции. На почве безвременья эти элементы выказывают все больше свою недостаточную с.-д. выдержанность и, становясь во все более резкое противоречие с основами революционно-социал-демократической тактики, создают за последний год течение,

пытающееся оформить теорию отзовизма и ультиматизма, а на деле лишь возводящее в принцип и усугубляющее ложные представления о социал-демократическом парламентаризме и думской с.-д. работе.

Эти попытки создать из отзовистского настроения целую систему отзовистской политики приводят к теории, которая по существу выражает идеологию политического индифферентизма, с одной стороны, и анархических блужданий, — с другой. При всей своей революционной фразеологии, теория отзовизма и ультиматизма на деле, в значительной мере, является оборотной стороной конституционных иллюзий, связанных с надеждами на то, что сама Государственная Дума может удовлетворить те или другие насущные требования народа, и по существу подменяет пролетарскую идеологию мелко-буржуазными тенденциями.

Не меньший вред, нежели открытый отзовизм, приносит делу с.-д. работы и, так называемый, ультиматизм (т.-е. то течение, которое принципиально отказывается от использования третье-думской трибуны или практическими соображениями пытается оправдать свое уклонение от выполнения этой обязанности и, стремясь к отзыву думской с.-д. фракции, заменяет длительную работу воспитания и выпрямления думской фракции предъявлением ей немедленного ультиматума). Политически ультиматизм в настоящее время ничем не отличается от отзовизма и лишь вносит еще большую путаницу и разброд прикрытым характером своего отзовизма. Попытки ультиматизма установить свою непосредственную связь с бойкотизмом, практиковавшимся нашей фракцией в определенный момент революции, извращают лишь действительный смысл и характер, совершенно правильно примененного огромным большинством нашей партии, бойкота Булыгинской и I Государственных Дум. Своей попыткой из отдельных применений бойкота представительных учреждений в тот или другой момент революции вывести линию бойкота, как отличительный признак тактики большевизма, в том числе и в период контр-революции, ультиматизм и отзовизм показывают, что эти течения по существу являются оборотной стороной меньшевизма, проповедующего огульное участие во всех представительных учреждениях, независимо от данного этапа развития революции, независимо от отсутствия или наличности революционного подъема.

Все, сделанные до сих пор отзовизмом и ультиматизмом, попытки обосновать принципиально свою теорию неизбежно приводят к отрицанию основ революционного марксизма. Намечаемая ими тактика неизбежно ведет к полному разрыву с приложенной к современным русским условиям тактикой левого крыла международной социал-демократии, приводя к анархическим уклонениям.

Отзовистско-ультиматистская агитация уже стала приносить несомненный вред рабочему движению и социал-демократической работе. При дальнейшем ее продолжении она может стать угрозой единству партии, ибо эта агитация приводила уже к таким уродливым явлениям, как объединение отзовистов и эс-эров (в СПБ) для проведения отказа в помощи нашему партийному думскому представительству, а также к некоторым публичным выступлениям перед рабочими совместно с определенными синдикалистами.

В виду всего этого, расширенная редакция «Пролетария» заявляет, что большевизм, как определенное течение в Р. С.-Д. Р. П., ничего общего не имеет с отзовизмом и ультиматизмом и что большевистская фракция должна вести самую решительную борьбу с этими уклонениями от пути революционного марксизма.

II. ЗАДАЧИ БОЛЬШЕВИКОВ В ПАРТИИ.

В эпоху решительного торжества контр-революции, последовавшую за разгоном II Думы, всей партийной деятельности силой вещей была предписана задача: наперекор усилиям реакции и при глубоком упадке классовой пролетарской борьбы сохранить партийную организацию, созданную в годы высшего подъема пролетарской борьбы, — т.-е. как организацию, сознательно стоящую на почве ортодоксального марксизма и объединяющую все «национальные» социал-демократические организации в целях проведения единой революционной с.-д. тактики.

В ходе этой двухлетней борьбы за партию и партийность с полной ясностью определились, с одной стороны, отмежевка партии от элементов, привнесенных в нее специальными условиями буржуазно-демократической революции, с другой стороны, дальнейшее сплочение революционных социал-демократов. С одной стороны, определились вполне те бывшие попутчики социал-демократии, которые, уходя от партии, перенесли свою деятельность целиком в различные легальные организации (кооперативы, профессиональные союзы, просветительные общества, комиссии при думской фракции) и там не только не проводили партийной политики, но, наоборот, боролись с партией, стремясь оторвать от нее и противопоставить ей эти организации. Возводя легальность в фетиш и узкие формы деятельности, навязанные временной приниженностью и раздробленностью рабочего движения, в принцип, эти элементы — откровенные ликвидаторы партии — с полной для всех очевидностью стали на почву теоретического и тактического ревизионизма. Теснейшая связь между ликвидаторством организационным — борьба с партийными учреждениями — и принципиальной борьбой против марксистской

*

теории и основ программы Р.С.-Д.Р.П. с полной ясностью теперь показана и доказана всей историей навязывания оппортунистической линии нашей думской фракции ее интеллигентскими советчиками, всей борьбой между ликвидаторами и партийцами внутри легальных рабочих организаций и в рабочих группах четырех съездов: народных университетов,[59]) кооперативного,[60]) женского,[61]) фабрично-заводских врачей.[62])

С другой стороны, левое крыло партии, на долю которого выпало руководство партией в этот период решительного торжества контр-революции, теоретически признало и на деле проводило тактику целесообразного соединения нелегальной и легальной партийной работы. Сюда относится вся партийная работа над думской фракцией и вся партийная работа в легальных и полулегальных пролетарских организациях. Именно эти формы работы выдвинуты своеобразными условиями современного исторического момента в дополнение к основным формам партийной работы, как формы воздействия нелегальной партии на более или менее широкие массы. Именно в этих формах деятельности партия практически, на деле сталкивается с ликвидаторством и наносит ему чувствительные удары. На этой же почве практически сближались и сближаются партийные социал-демократы различных фракций*). И здесь же, наконец, на тех же вопросах тактики и организации партии, в условиях третьедумского периода, большевистская фракция открыто отмежевывается от псевдо-революционных, неустойчивых, немарксистских элементов, выступивших против новых форм партийной деятельности под флагом, так называемого, «отзовизма».

В настоящее время, намечая основные задачи большевиков, расширенная редакция «Пролетария» констатирует:

1) что в дальнейшей борьбе за партию и за партийность задачей большевистской фракции, которая должна остаться передовым борцом за партийность и революционную социал-демократическую линию в партии, является всесторонняя деятельная поддержка Ц.К. и Центрального Органа партии. Только общепартийные центральные учреждения могут в настоящий период перегруппировки партийных сил явиться авторитетным и сильным представителем партийной линии, на которой сплотились бы все действительно партийные и действительно социал-демократические элементы;

2) что в меньшевистском лагере партии, при полном пленении официального органа фракции, «Голоса Социал-Демократа»,

---

*) *Единогласно* приняты в Ц.К. резолюции о профессиональных союзах, кооперативах и ряд постановлений о думской работе[63]). Подавляющее большинство за партийную линию на последней общероссийской конференции. Опыт ведения Центрального Органа, рабочие группы вышеназванных съездов и т. п.

меньшевиками-ликвидаторами, меньшинство фракции, испытав до конца путь ликвидаторства, уже поднимает голос протеста против этого пути и ищет вновь партийной почвы для своей деятельности (письмо «выборгских» меньшевиков в С.-Петербурге, раскол меньшевиков в Москве, раскол в редакции «Голоса Социал-Демократа», соответственное разделение в Бунде и т. п.);

3) что при таких обстоятельствах задачей большевиков, которые останутся сплоченным авангардом партии, является не только продолжение борьбы с ликвидаторством и всеми видами ревизионизма, но и сближение с марксистскими и партийными элементами других фракций, как это диктуется общностью целей в борьбе за сохранение и укрепление Р.С.-Д.Р. Партии.

III. ОБ АГИТАЦИИ ЗА ОТДЕЛЬНЫЙ ОТ ПАРТИИ БОЛЬШЕВИСТСКИЙ СЪЕЗД ИЛИ БОЛЬШЕВИСТСКУЮ КОНФЕРЕНЦИЮ.

Принимая во внимание: — что большевистская фракция со времени восстановления партийного единства выделяла и сплачивала сторонников своей политической линии всегда на вопросах, ставших уже предметом обще-партийной дискуссии, и всегда путем идейной борьбы за свое решение этих вопросов на арене обще-партийной — параллельные платформы и дискуссия в партийных ячейках, на обще-партийных съездах;

— что лишь такой путь гарантирует и сплочение действительных единомышленников и привлечение к фракции всех элементов, по существу родственных ей;

— что и для осуществления основной нашей цели, для воздействия на партию в интересах окончательного торжества в ней линии революционной социал-демократии, выделение большевиков только на общепартийной арене является единственно правильным и единственно целесообразным;

— что иной путь — путь созыва особых большевистских конференций и съездов неминуемо привел бы к расколу партии сверху до-низу и нанес бы непоправимый удар той фракции, которая взяла бы на себя инициативу такого окончательного раскола Р.С.-Д.Р. Партии;

принимая все это во внимание, расширенная редакция «Пролетария» постановляет:

1) Предостеречь всех единомышленников против агитации за специально большевистский съезд, как агитации, объективно ведущей к расколу партии и могущей нанести решительный удар той позиции, которая уже завоевана в партии революционной социал-демократией.

2) Ближайшую конференцию большевиков приурочить к очередной партийной конференции, а верховным собранием фракции

в целом явится собрание единомышленников на ближайшем партийном съезде.

3) В виду стоящих на очереди важных вопросов, волнующих партию и фракцию, большевикам в Ц.К. поручено настаивать на возможном ускорении созыва общепартийной конференции (срок 2 — 3 месяца) и, затем, на ускорении созыва партийного съезда.

IV. О ПАРТИЙНОЙ ШКОЛЕ, УСТРАИВАЕМОЙ ЗАГРАНИЦЕЙ В N. N.

Расширенная редакция «Пролетария», рассмотрев вопрос о школе в N. N., признает, что организация этой школы группой инициаторов (в том числе — один из членов расширенной редакции «Пролетария», т. Максимов) шла с самого начала помимо редакции «Пролетария» и сопровождалась агитацией против нее. Сделанные до сих пор группой инициаторов шаги уже с полной ясностью обнаруживают, что под видом этой школы создается новый центр откалывающейся от большевиков фракции. Инициаторы этой школы, помимо общих центров, вступили в сношения со многими русскими комитетами, организовали самостоятельную кассу и сборы денег, организуют свою агентуру, даже не сообщая об этом ни редакции «Пролетария», ни общепартийному центру.

Признавая, что, при современном недостатке опытных партийных работников, целесообразно поставленная и действительно партийная школа, даже находящаяся заграницей, могла бы до известной степени помочь местным организациям в деле выработки годных партийных работников из среды рабочих, и считая необходимым с своей стороны сделать все, что положение нашей организации позволяет для выполнения этой помощи местным организациям, — расширенная редакция на основании всего образа действия инициаторов школы в N. N. констатирует, что эти инициаторы преследуют не общефракционные цели, т.-е. не цели большевистской фракции, как идейного течения в партии, а свои особые, групповые идейно-политические цели. Расширенная редакция «Пролетария» констатирует, что в связи с разногласиями, обнаружившимися в нашей фракции по вопросам об отзовизме, ультиматизме, отношении к проповеди богостроительства [64]) и вообще о внутрипартийных задачах большевиков, в связи с тем, что инициаторами и организаторами школы в N. N. являются исключительно представители отзовизма, ультиматизма и богостроительства, — идейно-политическая физиономия этого нового центра определяется с полной ясностью.

В виду всего этого, расширенная редакция «Пролетария» заявляет, что большевистская фракция никакой ответственности за эту школу нести не может.

V. ОБ ОТКОЛЕ Т. МАКСИМОВА.

Признавая, что в связи со всеми вопросами порядка дня с очевидностью обнаружилось отсутствие принципиального и тактического единства между десятью членами расширенной редакции «Пролетария», с одной стороны, и т. Максимовым, с другой стороны; признавая, далее, что со стороны т. Максимова за последнее время были сделаны шаги, направленные также и к нарушению организационного единства большевистской фракции; констатируя, наконец, что т. Максимов дал отрицательный ответ по вопросу о подчинении постановлениям расширенной редакции «Пролетария» и о проведении их в жизнь, — редакция «Пролетария» в расширенном составе снимает с себя отныне всякую ответственность за все политические шаги т. Максимова.

ЛИКВИДАЦИЯ ЛИКВИДАТОРСТВА.

В особом приложении к настоящему № «Пролетария» читатели найдут сообщение о Совещании большевиков и текст принятых им резолюций *). В настоящей статье мы намерены остановиться на оценке значения этого Совещания и происшедшего на нем откола небольшой части большевиков с точки зрения как нашей фракции, так и всей Р. С.-Д. Р. П. в целом.

Два последние года, начиная приблизительно с государственного переворота 16 (3)-го июня 1907 г. и до настоящего времени, представляют из себя эпоху крутого перелома, тяжелого кризиса в истории русской революции и в развитии российского рабочего движения и Р. С.-Д. Р. П. Всероссийская конференция Р. С.-Д. Р. П. в декабре 1908 г. подвела итоги по вопросам о современном политическом положении, о состоянии революционного движения и перспективах его, о задачах партии рабочего класса в переживаемый момент. Резолюции этой конференции — прочное достояние партии, и те меньшевики-оппортунисты, которые желали во что бы то ни стало критиковать их, только обнаружили с особенной наглядностью бессилие своей «критики», неспособной противопоставить ровно ничего осмысленного, цельного, систематического по разрешенным в этих резолюциях вопросам.

Но партийная конференция дала нам не только это. Она сыграла важнейшую роль в жизни партии тем, что наметила *новые идейные группировки* в обеих фракциях: и у меньшевиков и у большевиков. Борьба этих фракций заполнила собой, можно сказать без преувеличения, всю историю партии, как непосредственно перед революцией, так и во время революции. Поэтому, новые идейные группировки представляют из себя очень важное в жизни партии явление, которое должны продумать, понять, усвоить все социал-демократы, чтобы уметь сознательно отнестись к новым вопросам нового положения.

---

*) См. настоящий том, стр. 85 — 103. *Ред.*

Эти новые идейные группировки могут быть кратко охарактеризованы, как появление на обоих крайних флангах партии ликвидаторства и как борьба с ним. У меньшевиков ликвидаторство обнаружилось к декабрю 1908 г. с полной ясностью, борьба же с ним шла тогда почти исключительно со стороны других фракций (большевиков, польских, латышских с.-д., части бундовцев). Меньшевики-партийцы, меньшевики-противники ликвидаторства, едва-едва намечались в то время, как течение, не выступая сколько-нибудь сплоченно и открыто [65]). У большевиков определенно обрисовались и открыто выступили обе части: и подавляющее большинство ортодоксальных большевиков, которые решительно боролись с отзовизмом и провели в своем духе все резолюции конференции, и меньшинство «отзовистов», которые защищали свои взгляды, как отдельная группа, получая неоднократно поддержку от колеблющихся между ними и ортодоксальными большевиками «ультиматистов». Что отзовисты (и ультиматисты, поскольку они скатываются к ним) представляют из себя меньшевиков наизнанку, ликвидаторов нового вида, это неоднократно было уже сказано и показано в «Пролетарии» (см. особенно №№ 39 *), 42, 44 **). Итак: у меньшевиков подавляющее большинство ликвидаторов и едва намечающееся начало протеста и борьбы партийцев с ними; у большевиков полное господство ортодоксальных элементов при открыто выступавшем меньшинстве отзовистов,— таково было внутрипартийное положение, обрисовавшееся на Декабрьской Всероссийской конференции Р. С.-Д. Р. П.

Что же такое это ликвидаторство? в чем причина его появления? почему отзовисты (и богостроители, о которых мы скажем несколько слов ниже) представляют из себя тоже ликвидаторов, меньшевиков наизнанку? одним словом, каков социальный смысл и каково социальное значение новой идейной группировки внутри нашей партии?

Ликвидаторство в тесном смысле слова, ликвидаторство меньшевиков, состоит идейно в отрицании революционной классовой борьбы социалистического пролетариата вообще и, в частности, в отрицании гегемонии пролетариата в нашей буржуазно-демократической революции. Отрицание это принимает, разумеется, различные формы, происходит более или менее сознательно, резко, последовательно. В пример можно привести Череванина и Потресова. Первый дал такую оценку роли пролетариата в революции, что *вся* редакция «Голоса Социал-Демократа» еще до раскола внутри нее (т.-е. и Плеханов и Мартов — Дан — Аксельрод — Мартынов) оказалась вынуждена отречься от Череванина, хотя сделала она это в сугубо неприличной форме, именно: она отреклась

---

*) См. XII том Сочинений, стр. 390 — 403. *Ред.*

**) См. настоящий том, стр. 33 — 36 и 52 — 61. *Ред.*

от последовательного ликвидатора в «Vorwärts'e» перед немцами, *не приведя своего заявления в «Голосе Социал-Демократа» для русских читателей!* [66]) Потресов в своей статье в «Общественном движении в России в начале XX века» так успешно ликвидировал идею гегемонии пролетариата в русской революции, что Плеханов вышел из коллективной ликвидаторской редакции [67]).

Организационно ликвидаторство есть отрицание необходимости нелегальной социал-демократической партии и связанное с этим отречение от Р. С.-Д. Р. П., выход из нее, борьба против нее на страницах легальной печати, в легальных рабочих организациях, профессиональных союзах, кооперативах, на съездах, где участвуют рабочие депутаты и т. д. Примерами такого ликвидаторства меньшевиков кишит история любой партийной организации в России в последние два года. Как особенно наглядный пример ликвидаторства был уже указан нами («*Пролетарий*» № 42, перепечатано в брошюре: «Всероссийская конференция Р.С.-Д.Р.П. в декабре 1908 г.») случай, когда меньшевики-цекисты пытались прямо *сорвать Ц.К. партии,* прекратить функционирование этого учреждения [68]). Как на признак почти полного распада нелегальных меньшевистских организаций в России, можно указать на то, что «кавказская делегация» последней партийной конференции сплошь состояла из заграничников, а редакция «Голоса Социал-Демократа» была утверждена (в начале 1908 г.) Ц. К. партии, как отдельная литературная группа вне всякой связи с той или иной действующей в России организацией.

Меньшевики не подводят итогов всем этим проявлениям ликвидаторства. Отчасти они скрывают их, отчасти путаются сами, не сознавая значения отдельных фактов, теряясь в мелочах, казусах, личностях, не умея обобщать, не понимая смысла происходящего.

А смысл этот состоит в том, что оппортунистическое крыло рабочей партии в эпоху буржуазной революции неизбежно должно было при кризисах, распаде и развале оказаться либо сплошь ликвидаторским, либо в плену у ликвидаторов. В эпоху буржуазной революции *неизбежно* присоединение к пролетарской партии мелко-буржуазных *попутчиков* (Mitläufer называется это по-немецки), наименее способных усвоить пролетарскую теорию и тактику, наименее способных удержаться в эпоху развала, наиболее склонных до конца доводить оппортунизм. Наступил распад — масса интеллигентов меньшевиков, литераторов-меньшевиков фактически ушла в либералы. Отхлынула интеллигенция от партии — *следовательно,* распались более всего меньшевистские организации. Те меньшевики, которые искренне сочувствовали пролетариату и пролетарской классовой борьбе, пролетарской революционной теории (а такие меньшевики всегда были, оправдывавшие свой оппортунизм в революции желанием учитывать все повороты ситуации, все изгибы запутанного исторического пути),

оказались «еще раз в меньшинстве», в меньшинстве среди меньшевиков, без решимости вести борьбу с ликвидаторами, без сил для успешного ведения этой борьбы [69]). Но попутчики-оппортунисты идут все дальше и дальше в либерализм, Плеханову становится не втерпеж от Потресова, «Голосу Социал-Демократа» — от Череванина, московским рабочим меньшевикам — от интеллигентов-меньшевиков *и так далее*. Меньшевики-партийцы, меньшевики-ортодоксальные марксисты начинают откалываться и силою вещей они оказываются, раз они идут *к партии*, плущими к большевикам. И наша задача — понять это положение, всячески и везде постараться отделить ликвидаторов от партийцев-меньшевиков, сблизиться с последними не в смысле стирания принципиальных разногласий, а в смысле сплочения действительно единой рабочей партии, в которой разногласия не должны мешать общей работе, общему натиску, общей борьбе.

Но составляют ли мелко-буржуазные попутчики пролетариата исключительное достояние одной меньшевистской фракции? Нет. Мы уже указывали в № 39 «*Пролетария*» *), что они имеются и у большевиков, как об этом свидетельствует весь способ аргументации последовательных отзовистов, весь характер их попыток обосновать «новую» тактику. Ни одна сколько-нибудь значительная часть массовой рабочей партии не могла, по самой сути дела, избегнуть того, чтобы в эпоху буржуазной революции включить то или иное число «попутчиков» различных оттенков. Это явление неизбежно даже в наиболее развитых капиталистических странах после полного завершения буржуазной революции, ибо пролетариат всегда соприкасается с самыми разнообразными слоями мелкой буржуазии, всегда рекрутируется снова и снова из этих слоев. В этом явлении нет ничего ненормального и ничего страшного, *если только* пролетарская партия умеет переваривать инородные элементы, подчинять их себе, а не подчиняться им, умеет во-время сознать, что те или иные элементы — действительно инородные элементы и что от них необходимо при известных условиях ясно и открыто отмежеваться. Различие между обеими фракциями Р. С.-Д. Р. П. в этом отношении сводится именно к тому, что меньшевики оказались в плену у ликвидаторов (т.-е. у «попутчиков»), — об этом свидетельствуют из рядов самих меньшевиков и московские их сторонники в России [70]) и Плеханов своим отделением от Потресова и от «Голоса Социал-Демократа» заграницей, а у большевиков ликвидаторские элементы отзовизма и богостроительства оказались с самого начала в небольшом меньшинстве, оказались с самого начала обезвреженными, а затем и отодвинутыми.

---

*) См. XII том Сочинений, стр. 390 — 403. *Ред.*

Что отзовизм есть меньшевизм наизнанку, что он неизбежно ведет тоже к ликвидаторству, только несколько иного вида, в этом не может быть сомнения. Речь идет, конечно, не о лицах и не об отдельных группах, а об объективной тенденции этого направления, раз оно перестает быть только настроением и пытается сложиться в особое направление. Большевики с полной определенностью заявляли до революции, во-первых, что они хотят не создать особое направление в социализме, а применить к новым условиям нашей революции основные принципы всей международной революционной, ортодоксально-марксистской социал-демократии; во-вторых, что они сумеют выполнить свой долг и на самой тяжелой, медленной, серой будничной работе, если после борьбы, после исчерпания всех наличных революционных возможностей история заставит нас тащиться путями «самодержавной конституции». Эти заявления найдет всякий сколько-нибудь внимательный читатель в литературе социал-демократов 1905-го года. Эти заявления имеют громадное значение, как обязательство всей фракции, как сознательный выбор пути. Чтобы выполнить это обязательство перед пролетариатом, надо было неуклонно переваривать, воспитывать тех, кого привлекали к с.-д-тии дни свободы (—сложился даже тип «социал-демократов дней свободы»—), кого увлекала, главным образом, решительность, революционность, «яркость» лозунгов, у кого не хватало выдержки, чтобы бороться не только в дни революционных праздников, но и в контр-революционные будни. Часть этих элементов постепенно втянулась в пролетарскую работу и усвоила себе марксистское мировоззрение. Другая часть только заучила, а не усвоила, несколько лозунгов, повторяя старые слова и не умея применить старые принципы революционной соц.-демократической тактики к изменившимся условиям. Судьба той и другой части наглядно иллюстрируется эволюцией тех, кто хотел бойкотировать III Думу. В июне 1907 года таковых было большинство большевистской фракции. Но «*Пролетарий*» неуклонно вел анти-бойкотистскую линию. Жизнь давала проверку этой линии, и через год «отзовисты» оказались *в меньшинстве* среди большевиков (14 голосов против 18 летом 1908 г.) в Московской организации)—твердыне былого «бойкотизма». Еще через год, после всестороннего и многократного разъяснения ошибочности отзовизма, большевистская фракция — и в этом значение недавнего Совещания большевиков — окончательно ликвидировала отзовизм и скатывающийся к нему ультиматизм, окончательно ликвидировала эту своеобразную форму ликвидаторства.

Пусть не упрекают нас поэтому за «новый раскол». Мы объясняем подробно в сообщении о нашем Совещании наши задачи и наше отношение к делу. Мы исчерпали все возможности и все средства убеждения несогласных товарищей, мы работали

над этим больше $1\frac{1}{2}$ года. Но, как фракция, т.-е. союз единомышленников в партии, мы не можем работать без единства в основных вопросах. Откол от фракции не то, что откол от партии. Отколовшиеся от нашей фракции нисколько не теряют возможности работать в партии. Либо они останутся «дикими», т.-е. вне фракций, и общая обстановка партийной работы должна будет втянуть их. Либо они попытаются создать новую фракцию — это их законное право, если они хотят отстаивать и развивать свой особый оттенок взглядов и тактики — и тогда *вся партия* очень быстро увидит воочию проявление на деле тех *тенденций*, идейное значение которых мы старались оценить выше.

Большевикам приходится вести партию. Чтобы вести, надо знать путь, надо перестать колебаться, перестать тратить время на убеждение колеблющихся, на борьбу внутри фракции с несогласными. Отзовизм и скатывающийся к нему ультиматизм несовместимы с той работой, которой требуют теперь от революционных с.-д. данные обстоятельства. Мы научились во время революции «говорить по-французски», т.-е. вносить в движение максимум толкающих вперед лозунгов, поднимать энергию и размах непосредственной массовой борьбы. Мы должны теперь, во время застоя, реакции, распада, научиться «говорить по-немецки», т.-е. действовать медленно (иначе нельзя, пока не будет нового подъема), систематически, упорно, двигаясь шаг за шагом, завоевывая вершок за вершком. Кому скучна эта работа, кто не понимает необходимости сохранения и развития революционных основ с.-д. тактики *и на этом пути, на этом повороте пути*, тот всуе приемлет имя марксиста.

Наша партия не может идти вперед без решительной ликвидации ликвидаторства. А к ликвидаторству относится не только прямое ликвидаторство меньшевиков и их оппортунистическая тактика. Сюда относится и меньшевизм наизнанку. Сюда относятся отзовизм и ультиматизм, противодействующие выполнению партией очередной задачи, составляющей своеобразную особенность момента, задачу использования думской трибуны и создания опорных пунктов из всех и всяческих полулегальных и легальных организаций рабочего класса. Сюда относится богостроительство и защита богостроительских тенденций, в корне порывающих с основами марксизма. Сюда относится непонимание партийных задач большевиков,— задач, которые в 1906—1907 годах состояли в *свержении* меньшевистского Ц. К., *не опиравшегося* на большинство партии (не только поляки и латыши, даже бундовцы не поддерживали тогда чисто меньшевистского Ц. К.), — задач, которые теперь состоят в терпеливом воспитании партийных элементов, в сплочении их, в создании действительно единой и прочной пролетарской партии. Большевики очищали почву для партийности своей непримиримой борьбой против

антипартийных элементов в 1903—1905 и в 1906—1907 годах. Большевики должны теперь *построить партию*, построить из фракции партию, построить партию при помощи тех позиций, которые завоеваны фракционной борьбой.

Таковы задачи нашей фракции в связи с переживаемым политическим моментом и общим положением всей Р.С.-Д.Р.П. Эти задачи еще раз и с особенной детальностью повторены и развиты в резолюциях недавнего большевистского Совещания. Ряды перестроены для новой борьбы. Изменившиеся условия учтены. Путь выбран. Вперед по этому пути — и революционная Социал-Демократическая Рабочая Партия России станет быстро складываться в силу, которую не поколеблет никакая реакция и которая встанет во главе всех борющихся классов народа в следующей кампании нашей революции *).

«Пролетарий» № 46, 24 (11) июля 1909 г.

---

*) Недавно вышли в свет № 15 «Голоса Социал-Демократа» и № 2 «Откликов Бунда» [71]). В изданиях этих нагромождена вновь куча отборных образчиков ликвидаторства, которые потребуют разбора и оценки в отдельной статье в ближайшем № «Пролетария».

ПО ПОВОДУ ПИСЬМА М. ЛЯДОВА В РЕДАКЦИЮ «ПРОЛЕТАРИЯ» [72]).

Охотно даем место открытому выступлению т. Лядова и заметим ему лишь следующее:

Блюсти традиции большевизма — ортодоксально-марксистского течения в Р. С.-Д. Р. П. — дело, конечно, прекрасное, т. Лядов. Но соблюдать эту традицию значит, между прочим, оберегать большевизм от карикатуры на него. А ведь именно карикатурой на большевизм — как мы пространно доказали в ряде статей и как теперь официально признала большевистская фракция — являются потуги отзовизма и богостроительства.

Что касается «революционной этики», к которой апеллирует т. Лядов, то на этот счет мы можем его спокойно предоставить самому себе, а вот свою «принципиальную позицию» т. Лядову и его единомышленникам давно бы следовало изложить открыто перед всей партией, а то до сих пор приходилось верить им на слово, что у них есть что-нибудь кроме отзовизма и богостроительства.

В заключение выскажем уверенность, что т. Лядов, много лет поработавший в рядах революционной социал-демократии, не так долго останется в новой фракции богостроителей-отзовистов, или — как их для краткости называют — «божественных отзовистов», и вернется во фракцию большевиков.

«Пролетарий» № 46, 24 (11) июля 1909 г.

ПОЕЗДКА ЦАРЯ В ЕВРОПУ И НЕКОТОРЫХ ДЕПУТАТОВ ЧЕРНОСОТЕННОЙ ДУМЫ В АНГЛИЮ.

Полвека тому назад за Россией прочно укреплена была слава международного жандарма. Наше самодержавие в течение прошлого века сделало не мало для поддержки всяческой реакции в Европе и даже для прямого военного подавления революционных движений в соседних странах. Достаточно вспомнить хотя бы венгерский поход Николая I и неоднократные расправы с Польшей, чтобы понять, почему вожди международного социалистического пролетариата, начиная с 40-х годов, неоднократно указывали европейским рабочим и европейской демократии на царизм, как на главный оплот реакции во всем цивилизованном мире.

Революционное движение в России, начиная с последней трети XIX века, понемногу изменило это положение дела. Чем сильнее колебался царизм под ударами растущей революции в его собственной стране, тем слабее становился он в качестве врага свободы в Европе. Но в Европе вполне сложилась к этому времени международная реакция буржуазных правительств, видевших восстания пролетариата, сознавших неизбежность борьбы не на живот, а на смерть между трудом и капиталом и готовых приветствовать каких угодно авантюристов и разбойников на троне ради совместной борьбы против пролетариата. И когда в начале XX века японская война и революция 1905 года нанесли сильнейшие удары царизму, международная буржуазия бросилась на помощь ему, поддержала его миллиардными займами, приложила все усилия для локализации революционного пожара, для восстановления «порядка» в России. Услуга за услугу. Царизм помогал не раз контр-революционным буржуазным правительствам Европы во времена их борьбы с демократией. Теперь буржуазия Европы, ставшая контр-революционной по отношению к пролетариату, помогла царизму в его борьбе с революцией.

Союзники празднуют победу. Николай Кровавый едет в Европу приветствовать монархов и президента Французской респу-

блики. Монархи и президент неистовствуют и готовятся чествовать вождя черносотенной контр-революции в России. Но победа далась этим благородным рыцарям черносотенной и буржуазной реакции не благодаря уничтожению их врага, а благодаря раздроблению его сил, благодаря неодновременному созреванию пролетариата в разных странах. Победа далась объединенным врагам рабочего класса ценою отсрочки решительной битвы, ценою расширения и углубления того источника, который — может быть, более медленно, чем мы бы того желали, но неуклонно — умножает число пролетариев, увеличивает их сплоченность, закаляет их в борьбе, приучает к операциям против объединенного врага. Этот источник — капитализм, разбудивший некогда патриархальную «вотчину» дворян Романовых и будящий теперь одно за другим азиатские государства.

Союзники празднуют победу. А каждое празднество Николая Кровавого и вождей буржуазных европейских правительств провожает, точно эхо, голос революционных рабочих масс. Мы задавили революцию, — восклицают Николай и Вильгельм, Эдуард и Фалльер, протягивая друг другу руки под охраной густой сети солдат или длинного ряда военных судов. Мы свергнем вас всех вместе, — отвечает, как эхо, революция устами вождей сознательного пролетариата всех стран.

Николай Кровавый едет из России. Его провожают слова социал-демократического депутата черносотенной Думы, который провозглашает республиканские убеждения всех сознательных рабочих России и напоминает о неминуемом крахе монархии [73]). Николай едет в Швецию. Его чествуют во дворце. Его приветствуют солдаты и шпионы. Его встречает речь вождя шведских рабочих масс, соц.-демократа Брантинга, который протестует против опозорения его страны визитом палача. Николай едет в Англию, во Францию, в Италию. Его готовятся чествовать короли и придворные, министры и полицейские. Его готовятся встретить рабочие массы: митингом протеста в Англии, демонстрацией народного негодования во Франции, всеобщей забастовкой в день омрачения страны его приездом в Италию. Социалистические депутаты всех этих трех стран — Торн в Англии, Жорес во Франции, Моргари в Италии — последовали уже призыву Международного Социалистического Бюро и заявили перед всем миром о той ненависти, о том презрении, с которыми относится рабочий класс к Николаю-Погромщику, к Николаю-Вешателю, к Николаю, давящему теперь персидский народ и наводняющему теперь русскими шпионами и провокаторами Францию [74]).

Буржуазная, «солидная» пресса всех этих стран неистовствует от бешенства, не зная, какое еще подыскать ругательство против выступлений социалистов, как еще поддержать своих

министров и президентов, которые обрывали социалистов за их речи. Но это бешенство не помогает, ибо нельзя заткнуть рта парламентским представителям пролетариата, нельзя помешать митингам в действительно конституционных странах, нельзя скрыть ни от себя, ни от других, что русский царь не смеет показаться ни в Лондоне, ни в Париже, ни в Риме.

Торжественное празднество вождей международной реакции, празднество по поводу подавления революции в России и Персии *сорвано* единодушным и мужественным протестом социалистического пролетариата всех европейских стран.

И на фоне этого протеста социалистов от Петербурга до Парижа и от Стокгольма до Рима, протеста против царского самодержавия, протеста во имя революции и ее лозунгов, с особенной наглядностью вырисовывается презренное лакейство перед царизмом наших российских либералов. Несколько депутатов черносотенной Думы, начиная от умеренно-правых и кончая кадетами, с председателем Думы во главе, гостят в Англии. Они гордятся тем, что представляют большинство Думы, ее истинный центр — без крайних правых и крайних левых. Они корчат из себя представителей «конституционной» России, они восхваляют «обновленный» строй и обожаемого монарха, «даровавшего народу» Думу. Они топорщатся и надуваются, как крыловская лягушка, изображая себя победителями черносотенной реакции, которая, де, хочет отмены «конституции» в России. Вождь «конституционно-*демократической*» (не шутите!) партии, г. Милюков, провозгласил в своей речи за завтраком у лорда-мэра: «пока в России существует законодательная палата, контролирующая бюджет, русская оппозиция останется оппозицией Его Величества, а не Его Величеству» (телеграмма Спб. агентства от 19-го июня старого стиля). Орган октябристской партии «Голос Москвы» в передовой статье от 4 июля (21 июня), носящей хлестаковское заглавие «Европа и обновленная Россия», горячо приветствует выступление лидера кадетов и заявляет, что его «умеренно-конституционная» речь, «может быть, знаменует собой поворотный момент в кадетской политике, отказ от неудачной тактики делания оппозиции ради оппозиции».

Полицейская «Россия» от 6 июля (23-го июня) посвящает передовицу речи Милюкова и, воспроизведя «знаменитую» фразу об оппозиции его величества, заявляет: «г. Милюков взял на себя в Англии известное обязательство за русскую оппозицию и если он выполнит это обязательство, он окажет такую услугу родине, за которую ему простится не мало прежних прегрешений»[75]). Дослужились, гг. кадеты: «Вехи» вообще и Струве, в частности, одобрен Антонием волынским, «владыкой» черносотенных изуверов; вождь партии Милюков одобрен полицейски-продажной газеткой. Дослужились!

Нам остается только напомнить, что октябристскую природу кадетов мы разоблачали еще с 1906-го года, когда трескучие думские «победы» кружили головы многим и многим корыстно-наивным и бескорыстно-наивным людям.

Нам остается напомнить, что *суть* обнаружившейся теперь особенно наглядно игры царизма в III Думе мы разоблачили *более 20-ти месяцев* тому назад, говоря в №№ 19—20 «Пролетария» (ноябрь 1907-го года) об итоге выборов в III Думу. В III Думе — говорили мы и говорила резолюция Всероссийской конференции Р. С.-Д. Р. П. в ноябре 1907-го года — возможны *два* большинства: черносотенно-октябристское и кадетско-октябристское и *оба* эти большинства — контр-революционны. «Такое положение в Думе — гласит тогдашняя резолюция Спб. соц.-дем. организации (№ 19 «*Пролетария*») и резолюция III Всероссийской конференции Р. С.-Д. Р. П. (№ 20 «*Пролетария*») — чрезвычайно благоприятствует двойной политической игре и со стороны правительства и со стороны кадетов» *).

Эта характеристика положения подтвердилась теперь *полностью,* обнаружив недальновидность тех, кто готов был провозглашать паки и паки «поддержку» кадетов социал-демократами.

Кадеты воюют с октябристами не как принципиальные противники, а как *конкуренты.* Нужно «завоевывать» избирателя — мы провозглашаем себя партией «народной свободы». Нужно доказать свою «солидность» — мы двигаем в III Думе Маклаковых, мы заявляем перед Европой через Милюкова, что мы «оппозиция его величества». А верному слуге черносотенного царизма, Столыпину, только того и надо. Пусть черносотенная царская шайка *на деле* хозяйничает в стране во всю, пусть она и только она решает все действительно важные вопросы политики. А октябристско-кадетское большинство «нам» нужно для игры, для «представительства» в Европе, для облегчения добывания займов, для «исправления» крайностей черной сотни, для надувания простаков «реформами»,... исправляемыми Государственным Советом.

Его величество знает *свою* оппозицию. Оппозиция кадетов знает *своего* Столыпина и *своего* Николая. И наши либералы и наши министры без труда переняли нехитрую науку европейского парламентского лицемерия и надувательства. И те и другие успешно учатся приемам европейской буржуазной реакции.

И тем и другим объявляет неуклонную революционную войну социалистический пролетариат России, сплачивающийся все теснее с социалистическим пролетариатом всего мира.

«Пролетарий» № 46, 24 (11) июля 1909 г.

---

*) См. XII том Сочинений, стр. 102—111. *Ред.*

ПИСЬМО К ОРГАНИЗАТОРАМ КАПРИЙСКОЙ ПАРТИЙНОЙ ШКОЛЫ.

18 августа 1909 г.

Уважаемые товарищи!

Получил на днях Ваше приглашение. Программы школы, о которой (программе) Вы пишете, что она прилагается, не получил.

Мое отношение к школе на острове Капри выражено в резолюции расширенной редакции «*Пролетария*» (приложение к № 46 и № 46 «*Пролетария*») *). Если Вы не видели «*Пролетария*» и приложений к нему, а также особого письма о школе, разосланного членам партии большевикам в виде печатного листка, то редакция с удовольствием пошлет Вам все эти материалы. По существу дела я должен ответить Вам, что, разумеется, мой взгляд на каприйскую школу, как на предприятие *новой* фракции в нашей партии, — фракции, которой я не сочувствую, — что этот взгляд нисколько не вызывает отказа читать лекции товарищам, присланным из России местными организациями. Каких бы взглядов эти товарищи ни держались, я всегда охотно соглашусь прочесть им ряд лекций по вопросам, интересующим социал-демократию. На Капри читать лекции я, конечно, не поеду, но в Париже прочту их охотно. Приехать в Париж девяти посланным из России товарищам (я беру цифру, о которой сообщал известный Вам тов. Лева), — это предприятие даже в финансовом отношении стоило бы меньше, чем поездка трех лекторов (мне известно Ваше обращение к Леве и Иннокентию) [76]) из Парижа на Капри. А помимо финансовых соображений есть еще целый ряд других, несравненно более важных и несомненно вполне для Вас понятных соображений в пользу Парижа, как места действи-

---

*) См. настоящий том, стр. 85 — 111. *Ред.*

тельно партийной школы заграницей. Во всяком случае могу поручиться, что редакция «*Пролетария*» сделала бы все, от нее зависящее, для организации желаемых Вами лекций в Париже.

С с.-д. приветом Н. Ленин.

P. S. Вы забыли сообщить официальный адрес школы.

Напечатано в 1909 г. в листке: «К вопросу о партийной школе». Издание партийной школы.

Печатается по рукописи.

ПИСЬМО УЧЕНИКАМ КАПРИЙСКОЙ ПАРТИЙНОЙ ШКОЛЫ: ТОВАРИЩАМ ЮЛИЮ, ВАНЕ, САВЕЛИЮ, ИВАНУ, ВЛАДИМИРУ, СТАНИСЛАВУ И ФОМЕ.

30 августа нового стиля 1909 г.

Уважаемые товарищи! Получив от Вас программу школы и два письма, в последнем из которых Вы задаете мне вопрос о мотивах объявления школы новой фракцией, я считаю долгом еще раз объяснить Вам свой взгляд.

«Фракционная подкладка школы — чистейшая фикция», пишете Вы. «Гегемония над школой немыслима, ибо большинство Совета, это — мы».

Я утверждаю, что это — явный самообман с Вашей стороны. Совсем не в том дело, чтобы Вас обвиняли в «непосредственном фракционерстве»; совсем не в том дело, у кого большинство в Совете. Дело в том, что школа устроена: 1) по почину новой фракции; 2) исключительно на средства новой фракции; 3) в таком месте, где есть *только* лекторы новой фракции; 4) в таком месте, где *не могут быть*, за самыми редкими исключениями, лекторы других фракций.

Все эти условия не зависят от Вашей воли. Изменить их Вы не можете. А эти условия уже *предопределяют* характер школы, предопределяют настолько, что никакие добрые намерения с Вашей стороны и никакие решения Вашего Совета решительно не в состоянии изменить что-либо существенное.

Во всякой школе самое важное — идейно-политическое направление лекций. Чем определяется это направление? Всецело и исключительно *составом лекторов*. Вы прекрасно понимаете, товарищи, что всякий «контроль», всякое «руководство», всякие «программы», «уставы» и проч., все это — звук пустой по отношению к составу лекторов. Никакой контроль, никакие программы и т. д. абсолютно не в состоянии изменить того направления занятий, которое определяется составом лекторов. И никогда и ни-

где в мире ни единая уважающая себя организация, фракция или группа *не возьмется* разделить ответственность за школу, направление которой уже предопределено составом лекторов, если это направление враждебное.

Посмотрите же теперь на состав лекторов, предопределивший характер и направление школы. Вы, товарищи, подписались в Вашем письме ко мне, но Ваше письмо в Ц. К. (копия с этого письма получена мною вместе с программой школы) от имени учеников и *лекторов* школы не содержит подписей лекторов. Поэтому я не могу знать состава лекторов со всею точностью. Но и то, что̀ мне известно, достаточно для суждения о составе лекторов.

Нам писали из России местные организации Центрально-Промышленного района, что самым энергичным, если не единственным агитатором за каприйскую школу был товарищ Станислав, которого и выбрали уже в лекторы некоторые социал-демократические кружки, прослушавшие его реферат. Этот тов. Станислав — самый решительный отзовист и «критик» марксизма в философии. Достаточно напомнить (1) как он разнес Каутского в своей известной философской книжке; (2) как он выделился на партийной конференции декабря 1908 г. в особую фракцию отзовистов вместе с петербургским отзовистом Вс.; (3) как редактированную им статью «Рабочего» — отзовиста — в № 5 «Рабочего Знамени» *само это «Рабочее Знамя»* признало проникнутой взглядами *анархизма* [77]).

Посмотрите, далее, на тех лекторов, которых Вы видите сейчас перед собой на Капри. Большевиков среди них нет. За то все сторонники новой фракции (фракции защитников отзовизма и богостроительства) представлены почти полностью. Я едва ли во многом ошибусь, если скажу, что Вы видите среди каприйских лекторов т.т. Максимова, Луначарского, Лядова, Алексинского. Это — как раз та группа товарищей, которые с весны 1908-го года образовали оппозицию «Пролетарию», вели против него агитацию в России и заграницей, выделялись в особую фракцию (или поддерживали ее) на партийной конференции в декабре 1908 г. и, наконец, окончательно выделились в особую фракцию. Отрицать, что вся эта группа товарищей ведет агитацию против «Пролетария», поддерживая и защищая отзовистов, значило бы насмехаться над известными всем в партии фактами. Отрицать, что остров Капри получил уже известность даже в общей русской литературе, как литераторский центр богостроительства, значило бы издеваться над фактами. Вся русская печать давно уже указала на то, что Луначарский с острова Капри повел проповедь богостроительства; ему помогал в России Базаров. Однородные философские взгляды защищал в десятке русских легальных книг и статей, в десятке заграничных рефератов Богданов. Я был на о. Капри в апреле 1908 г. и объявил всем этим трем

товарищам о безусловном расхождении с ними по философии (при чем, я предложил им тогда употребить общие средства и силы на *большевистскую историю революции*, в противовес меньшевистски-ликвидаторской истории революции, но каприйцы отвергли мое предложение, пожелав заняться не общебольшевистским делом, а пропагандой своих особых философских взглядов). Из группы каприйских Ваших лекторов большинство — литераторы, и *ни один* из этих литераторов *ни разу* не напал *в печати* на богостроительскую пропаганду Луначарского и Базарова!

Если, несмотря на все это, Вы пишете мне, товарищи, что считать школу связанной с богостроительством и отзовизмом есть «недоразумение», и притом «сплошное», с моей стороны, ибо «таковые цели здесь в школе не только не ставились, о них не могло быть и речи», — то мне остается только подивиться Вашей крайней наивности. Повторяю: *действительный* характер и направление школы определяются не добрыми пожеланиями местных организаций, не решениями «Совета» учащихся, не «программами» и т. п., а *составом лекторов*. И, если состав лекторов всецело определяется и определился кругом членов новой фракции, то отрицать фракционный характер школы — прямо смешно.

Чтобы покончить с вопросом о составе лекторов, я приведу Вам еще один факт, рассказанный мне товарищем Иннокентием и показывающий, до какой степени очевидно *для всех* в партии то, что Вы пытаетесь отрицать, именно: особый фракционный характер каприйской школы. Незадолго до последнего собрания расширенной редакции «*Пролетария*» т. Максимов в Париже обратился к *Троцкому*, приглашая его в лекторы каприйской школы. Троцкий рассказал об этом т. Иннокентию и заявил ему: если это партийное дело, я с удовольствием приму участие; если это особое предприятие каприйских литераторов, — Максимова, Луначарского и К°, — то я участвовать не буду. Иннокентий ответил: подождите решений редакции «Пролетария», я Вам пришлю эти решения. Таким образом, и нефракционный товарищ Троцкий сразу понял (как поймет это всякий сколько-нибудь опытный партийный работник), что устраивать школу на о. Капри значит *прятать школу от партии*, значит заранее связывать школу с одной особой и именно с новой фракцией.

Теперь перейду к вопросу о Париже. Я писал Вам, что если Вас интересуют действительно лекции мои и моих единомышленников, то Вы должны приехать в Париж. Вы отвечаете мне: «поездка в Париж, принимая во внимание расходы, будет совсем несообразна».

Посмотрим же, кто из нас говорит действительно нечто несообразное.

Вы приехали на о. Капри через Вену. Если Вы возвращаетесь тем же путем, то Вам придется из северной Италии повернуть

в Париж, а оттуда прямо проехать в Вену. Это удорожит поездку, наверное, не больше как на 60 франков с человека (сужу по тому, что из Женевы, где я долго жил, билет стоит в Париж 30 франков). Ваше письмо подписано 8 именами, причем 1 объявил, что «воздерживается от дальнейшей переписки», т.-е., очевидно, не имеет даже и желания слушать мои беседы. Остается 7 товарищей. Расход = 7 × 60 = 420 франков.

Лекторов Вы приглашали из Парижа четырех (Леву, меня, Григория и Иннокентия). Расход на поездку из Парижа на Капри и обратно — около 140 фр. Итого 4 × 140 = 560 фр.

Заехать в Париж 8-ми ученикам *дешевле,* чем отправить 4-х лекторов на Капри.

Но финансовый вопрос, как я уже писал Вам в прошлом письме *), далеко не самый важный. Подумайте, приезжим ли ученикам или здешним лекторам легче выбрать место? Вы приехали заграницу специально для занятий в школе. Значит, у Вас не может быть препятствий к приезду туда, где есть большое число лекторов, где возможна действительно партийная постановка дела.

А лекторы *не могут* из партийного центра ехать на о. Капри. Буду говорить о себе. Я не могу бросить редакции «Пролетария», — я не могу бросить редакции Ц. О., — я не могу бросить основанной в Париже комиссии содействия думской социал-демократической фракции [78]), — я должен выступать в клубе «Пролетария» в рабочих кварталах Парижа, где живут сотни и тысячи русских рабочих, и т. д. Поездка партийных литераторов из Парижа на о. Капри — абсолютно невозможная вещь.

Но ведь для школы, как для партийного дела, важны не только большевистские лекторы. Париж — самый большой эмигрантский центр, где читаются постоянно публичные рефераты *всех* фракций, происходят дискуссии, ведутся разнообразные кружки, имеются 2-3 недурных русских библиотеки, имеются десятки долго действовавших в партии с.-д. организаторов и т. д. В Париже выходят 3 с.-д. русские газеты [79]). Одним словом, для всякого, кто хоть капельку знаком с заграницей, ясно, как ясен ясный божий день: тот, кто едет учиться социал-дедемократизму в Париж, едет учиться действительно социал-демократизму. Тот, кто едет учиться на Капри, едет учиться *особой* фракционной «*науке*».

Тот, кто устраивает школу в Париже, устраивает действительно партийную школу. Тот, кто устраивает школу на о. Капри, тот *прячет школу от партии.*

Школа на Капри есть школа, *нарочно спрятанная от партии.*

Никакой контроль, никакое «идейное руководство» по отно-

---

*) См. настоящий том, стр. 116. *Ред.*

шению к *каприйской* школе *абсолютно* невозможны ни со стороны Ц. К., к которому Вы обращаетесь сегодня, ни со стороны редакции «Пролетария», к которой Вы обращались вчера. Говорить тут о контроле и об идейном руководстве — пустые слова. Никому не придет в голову нелепая мысль посылать на Капри партийных «инспекторов» над школой; никогда *не может* быть осуществлена посылка действительно партийных лекторов на Капри (за самыми ничтожными исключениями). Если этого не знали местные российские организации, то это *прекрасно знали* устроители школы. Именно поэтому они и устроили школу на Капри, чтобы *прикрыть* ее фракционный характер, чтобы спрятать школу от партии.

Возьмите нефракционных русских с.-д., выдающихся по знакомству с движением рабочего класса заграницей: Парвуса и Розу Люксембург (Германия), Ш. Раппопорта (Франция), Ротштейна (Англия). Возьмите нефракционных литераторов с.-д., вроде Рязанова, — Вы увидите сразу (если не захотите закрыть глаза, чтобы не видеть), что в Париже прочесть лекции они в большинстве случаев, при некоторых усилиях со стороны партии, смогут, а на Капри абсолютно не в состоянии будут приехать. Те деньги, которые выброшены устроителями школы для отправки учеников и лекторов в самый отдаленный заграничный пункт (Капри), были бы *уже достаточны* для организации чтений хотя бы некоторых из этих лекторов в Париже.

Возьмите, далее, новые группировки среди с.-д., группировки, с которыми так важно ознакомиться русским товарищам (борьба партийных и ликвидаторских элементов в Бунде; борьба большевистской части латышей с меньшевистской; P. S. D. с левицей P. P. S.; раскол в меньшевизме, выступление Плеханова с «Дневником», разоблачающим ликвидаторство Потресова и официальных меньшевиков; попытки создания «революционного меньшевизма» и т. д.) [80]). На Капри *нельзя* как следует ознакомиться с этими партийно-важными явлениями. В Париже есть полная возможность из первых рук узнать положение дела, не по наслышке только.

Возьмите, наконец, программу занятий каприйской школы. Из четырех отделов один (III-ий) озаглавлен: «философия пролетарской борьбы». В международной социал-демократии есть десятки и сотни (если не тысячи) программ пропагандистских занятий подобного же типа. Но Вы *нигде* не найдете «философии пролетарской борьбы». Есть философский материализм Маркса и Энгельса, но нигде нет «философии пролетарской борьбы». И никто из европейских с.-д. не поймет, что это значит. Поймут это только те, кто знаком с сочинениями философов: Станислава (А. Вольского), Богданова, Луначарского, Базарова. Прежде чем «философию пролетарской борьбы» преподавать, надо такую фи-

лософию выдумать. А выдумкой этой *особой* философии, которая тем чаще божится словом «пролетарская», чем дальше она от пролетарского миросозерцания, занималась и занимается только указанная группа членов новой фракции.

Заканчиваю: если Вы, товарищи, будете настаивать на своем нежелании приехать в Париж (уверяя в то же время в своем желании слушать мои лекции), то Вы окончательно докажете этим, что узко-кружковой политикой новой богостроительски-отзовистской фракции заражены не только лекторы, но и некоторые ученики каприйской школы.

С с.-д. приветом Н. Ленин.

Впервые напечатано в 1926 г. в журнале «Пролетарская Революция» № 2 (49).

Печатается по рукописи.

ПО ПОВОДУ ОТКРЫТОГО ПИСЬМА ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ МОСКОВСКОГО ОКРУЖНОГО КОМИТЕТА [81]).

По поводу этой резолюции о пресловутой «школе» мы должны заметить, что рабочих, с радостью ухватившихся за возможность поехать за границу поучиться, мы ни в чем не обвиняем. Рабочие эти «связались» и с нами и с Ц. К., — (в только что полученном письме и И.К. М.О.К. сообщает, что 1 из учеников прислал уже и ей отчет) — и мы разъяснили им значение, так называемой, школы. Кстати, вот несколько цитат из полученного нами гектографированного «Отчета» этой школы. «Принято решение открыть занятия при наличном числе слушателей (9 товарищей) и лекторов (6 товарищей)». Из этих 6 лекторов хорошо известны партии: Максимов, Луначарский, Лядов, Алексинский. Тов. Алексинский «указал» (при открытии школы): «для школы выбрано определенное место в виду нахождения там многих лекторов». Тов. Алексинский выразился чересчур скромно: «там» находятся не «многие», а *все* лекторы (некоторые даже говорят: все инициаторы, и организаторы, и агитаторы, и деятели) *новой фракции*. Наконец: «Тов. Алексинский начал практические занятия по организационному вопросу». Смеем надеяться, что на этих «практических» занятиях подробно разъясняется значение намеков в «Отчете» Максимова, касающихся стремления редакции «*Пролетария*» завладеть имуществом всей фракции...

«Пролетарий» № 47 — 48, 18 (5) сентября 1909 г.

К ВЫБОРАМ В ПЕТЕРБУРГЕ [82]).

ЗАМЕТКА.

На 4 октября (21 сентября) назначены выборы в С.-Петербурге. При чрезвычайно тяжелых условиях рабочей партии приходится проводить эти выборы. Но их значение в высшей степени велико, и все социал-демократы должны напрячь все свои силы в предстоящей — отчасти уже начинающейся — выборной кампании.

Выборы происходят в обстановке самой бешеной реакции, при полном разгуле контр-революционного неистовства царской правительственной шайки, — тем важнее, чтобы этой реакции была противопоставлена кандидатура, выдвигаемая социал-демократической партией, единственной партией, которая сумела и с трибуны черносотенной III Думы возвысить свой голос, заявить свои непреклонные социалистические убеждения, повторить лозунги славной революционной борьбы, развернуть республиканское знамя перед лицом октябристски-черносотенных героев контр-революции и либеральных (кадетских) идеологов и защитников контр-революции.

Выборы происходят при условиях, совершенно исключающих участие широких масс рабочего класса: рабочие исключены из числа избирателей, ряды избирателей скошены торжествующей дворянской бандой, проведшей государственный переворот 16 (3)-го июня 1907-го года,— тем важнее, чтобы перед этой, наименее способной вообще сочувствовать идеям социал-демократии, аудиторией выступила партия, соединяющая борьбу за социализм с борьбой за последовательную и решительную демократическую революцию в буржуазной стране. Как ни узка, как ни стеснена была работа социал-демократической партии среди рабочих масс за последнее время, работа эта все же непрерывно велась и ведется. Сотни рабочих групп и кружков поддерживают традиции социал-демократической партии, продолжают ее дело, воспитывают новых пролетарских борцов. Рабочие-социал-демократы через своих депутатов, своих агитаторов, своих

уполномоченных выступят теперь перед массой мелко-буржуазных избирателей и напомнят им о тех задачах действительного демократизма, которые забыты партиями и группками буржуазной демократии.

Выборы происходят при абсолютном изгнании социал-демократической партии и всех, каких бы то ни было, организаций рабочего класса из пределов легальности, — при полной невозможности рабочих собраний, при полном запрещении рабочей печати, при полном обеспечении (мерами полиции) монополии на «оппозицию» партии кадетов, которая проституировала себя рядом неслыханно лакейских выходок в черной Думе и помогла самодержавию собирать деньги в Европе на тюрьмы и виселицы, помогла проделать перед европейскими капиталистами комедию конституционного самодержавия. Тем важнее, чтобы эта кадетская монополия, огражденная лесом виселиц и «заработанная» беспредельным либеральным холопством перед царизмом, была *сломана,* сломана во что бы то ни стало, сломана перед широкой массой, которая видит выборы, слышит о выборах, следит за судьбою кандидатов и за результатами выборов. Если буржуазным политиканам всех стран, начиная от русских кадетов и кончая «свободомыслящими» Германии или «радикалами» буржуазной демократии во Франции, важнее всего непосредственный успех, важнее всего заполучить депутатское местечко, то для социалистической партии важнее всего пропаганда и агитация в массах, важнее всего проповедь идей социализма и последовательной, беззаветной борьбы за полную демократию. А эта пропаганда измеряется далеко, далеко не одним только числом голосов, специально подобранных по закону 16 (3)-го июня, проведенному господами дворянами.

Посмотрите на нашу кадетскую печать: с какой удивительной наглостью использует она свою, заработанную милюковской услужливостью и защищаемую Столыпиным, монополию. «В исходе С-Петербургских выборов — пишет *«Речь»* в передовице от 14 (1) августа — никто не сомневается... Если кандидатура Кутлера, одного из наиболее авторитетных депутатов II Думы, фиксируется, то избирательная победа будет еще более импозантной» [83]). Ну, еще бы! Чтó может быть «импозантнее» победы над «левыми», которых «отстранил» черносотенный государственный переворот? Чтó может быть импозантнее победы над социализмом, проповедывающим свои старые идеалы в нелегальной печати и в нелегальных рабочих организациях, победы со стороны «демократов», свободно умещающих свой демократизм в рамки столыпинской конституции? Чтó может быть «авторитетнее» в глазах мещанина, в глазах обывателя, в глазах запуганного российского человека, чем *бывший министр* г. Кутлер? Для партии «народной свободы» *авторитетность* депутата

в Думе измеряется его авторитетом в глазах Романова, Столыпина и К°.

«Надо полагать, — величественно продолжает «*Речь*», — что на этот раз не будет допущено и бесцельного дробления голосов между прогрессивными кандидатами. В таком именно смысле высказался один из представителей «левого блока» В. Водовозов».

Как солнце в малой капле вод, отражает эта маленькая тирада всю природу наших кадетов. Дробить голоса «бесцельно» (кадеты уже не говорят: опасно перед лицом черносотенцев, ибо глупую либеральную побасенку о черносотенной опасности слишком наглядно опровергли революционные социал-демократы и опровергли события), — почему же «бесцельно», господа? Потому, что *не пройдет*, это — первый и последний довод кадетов. Да ведь это — довод *октябристский*, любезнейшие воители с октябризмом; это — довод *подчинения* закону 16 (3)-го июня, того самого любовного подчинения и радостного повиновения, в котором вы упрекаете октябристов! В том-то и суть вашей природы, что перед выборами, перед избирателем, перед толпой вы изобличаете октябристов в неумении вести принципиальную линию, в оппортунизме фраз о «бесцельности», а *на* выборах, *перед* начальством, перед царем и Столыпиным вы ведете ту же самую октябристскую политику. «Бесцельно» голосовать против бюджета — будем голосовать за бюджет. «Бесцельно» отстаивать идеалы революции и свободы — будем поносить их, создадим «Вехи», будем обливать помоями революцию, наймем побольше ренегатов — Изгоевых, Галичей, Струве и т. д. для демонстрации нашего отречения от революции. «Бесцельно» бороться против поддержки самодержавия иностранным капиталом — будем помогать самодержавию заключать займы, отправим Милюкова в качестве выездного на запятках колымаги Николая Кровавого.

Но если фраза о «бесцельности» идейной борьбы на выборах искренно передает «идейную» природу кадетов, то следующая фраза — образец прямого избирательного мошенничества. Пользуясь монополией «оппозиции его величества» [84]), «*Речь*» оболгала, во-первых, социал-демократов, которые никогда и нигде не высказывались против дробления голосов (и которые — это очень важно — *повели* за собой трудовиков при знаменитом левом блоке, повели твердой решимостью выставить социал-демократического кандидата *во что бы то ни стало*), а во-вторых, и трудовика Водовозова.

Кроме передовицы, № от 14 (1) августа дает еще заметку, в которой Водовозову приписаны слова, будто избиратели высказались уже за кадетов, и трудовики должны либо голосовать за кадетов, либо воздержаться. Только в номере от 19 (6)-го августа орган партии «народной свободы» помещает на задворках (после «Дачной жизни») письмо г. Водовозова, заявляющего, что

приписанных ему слов он *«никогда не говорил»*. И *«Речь»* ни капельки этим не смущена, а принимается полемизировать с Вodovozовым. Дело сделано, читатель обманут, монополия разрешаемой г.г. Столыпиными печати использована, а прочее все трын-трава. Наконец, в номере от 22 (9)-го августа появляется пара строк о социал-демократическом кандидате Соколове и о том, что многие трудовики предполагают отдать ему свои голоса. Все сообщение передовицы 14 (1)-го августа относительно левых оказывается сплошной уткой...

Трудности задачи, перед которой оказались петербургские социал-демократы, не испугают их, а заставят удесятерить усилия. Не только все партийные организации, каждый кружок рабочих, каждая группа сочувствующих социал-демократам в каком бы то ни было слое общества, — хотя бы эта группа состояла из двух-трех лиц и была оторвана от живой политической работы, как только может быть оторван от политики русский гражданин в эпоху столыпинской конституции, — все и каждый могут и должны принять участие в социал-демократической избирательной кампании. Одни составят и распространят избирательные воззвания социал-демократов; другие помогут делу распространением думских речей социал-демократов; третьи организуют обход избирателей для проповеди социал-демократических идей и разъяснения задач социал-демократической избирательной кампании; четвертые выступят на собрании избирателей или в частных собраниях; пятые извлекут из кадетской литературы и кадетских речей букет, способный отбить охоту голосовать за кадетов у всякого, сколько-нибудь честного демократа; шестые... но не нам в заграничной газете указывать пути и способы агитации, которые во сто раз богаче, живее и разнообразнее будут найдены на местах, в Петербурге. Члены думской социал-демократической фракции могут, в силу своего положения, оказать особенно ценные услуги избирательной кампании в С.-Петербурге; на социал-демократических депутатов ложится здесь особенно полезная и особенно благодарная роль. Никакие запрещения администрации, никакие уловки полиции, никакие конфискации социал-демократической литературы, никакие аресты социал-демократических агитаторов не помешают рабочей партии выполнить ее долг: использовать целиком и всесторонне избирательную кампанию для проповеди в массах всей, неукороченной программы социалистического пролетариата, передового борца в русской демократической революции.

P. S. Заметка наша была уже сдана в печать, когда мы прочли в номере *«Речи»* от 26 (13)-го августа следующее крайне важное сообщение: «11-го августа состоялось первое собрание трудовиков, посвященное выборам в Государственную Думу... единогласно решено поддержать на выборах кандидатуру с.-д.

Н. Д. Соколова, *при чем постановлено не обусловливать этой поддержки никакими политическими обязательствами».*[85]) Нечего и говорить, что на других условиях социал-демократия и не смогла бы принять поддержки.

«Пролетарий» № 47—48, 18 (5) сентября 1909 г.

РАЗОБЛАЧЕННЫЕ ЛИКВИДАТОРЫ.

Читателям известно, конечно, что за последний год нашей партии пришлось иметь дело с, так называемым, ликвидаторским течением в социал-демократии. Ликвидаторы, это — те наиболее безбоязненные оппортунисты, которые стали проповедывать ненужность нелегальной социал-демократической партии в современной России, ненужность Р. С.-Д. Р. П. Читателям известно также, что борьбу с этим ликвидаторским течением повел и провел большевизм, — провел, по крайней мере, настолько, что на Всероссийской партийной конференции декабря 1908 года ликвидаторство было самым решительным и бесповоротным образом осуждено против голосов меньшевиков и части бундовцев (другая часть бундовцев восстала против ликвидаторства).

Однако, официальный орган меньшевистской фракции «Голос Социал-Демократа» не только не признавал себя ликвидаторским, а, напротив, выступал все время с видом необыкновенно «гордым и благородным», отвергая всякую свою причастность к ликвидаторству. Факты были на-лицо. Но «Голос Социал-Демократа» величественно игнорировал факты. Вышедший недавно № 9 «Дневника Социал-Демократа» Плеханова (август 1909 г.) чрезвычайно ценен тем, что один из вождей меньшевизма окончательно разоблачает здесь ликвидаторство[86]. Этим не исчерпывается значение «Дневника», но на этой стороне дела приходится остановиться прежде всего.

В № 45 «Пролетария» было напечатано письмо меньшевиков Выборгского района (в С.-Петербурге), протестующих против меньшевиков-ликвидаторов. В № 14 «Голоса» (май 1909 г.) это письмо перепечатывается, и *редакция* замечает: «Редакция «Пролетария» притворяется, будто усмотрела в «письме» «т.т. выборжцев «шаг» *от* газеты «Голос Социал-Демократа»»...[87]).

Выходит «Дневник» Плеханова. Автор его показывает *все содержание* ликвидаторских идей в статье, помещенной без всякой оговорки редакции (и при том в статье, выражающей целиком те же взгляды, каковы взгляды редакции) в № 15 «Голоса».

Плеханов цитирует при этом письмо выборжцев и говорит: «Письмо это показывает нам, как влияют подчас на широкие рабочие организации люди, покинувшие нашу партию под предлогом «новой» работы (стр. 10 «Дневника»). Это — именно тот «предлог», который выставлялся всегда «Голосом»! Такое влияние—продолжает Плеханов—отнюдь не есть соц.-демократическое влияние; это влияние по духу своему *совершенно враждебное соц.-демократии*» (стр. 11).

Итак, Плеханов цитирует письмо выборжцев *против* № 15 «Голоса Социал-Демократа». Мы спрашиваем читателя, *кто же на самом деле «притворяется»?* «Пролетарий» ли «притворялся», обвиняя «Голос» в ликвидаторстве, или «Голос» *притворялся*, отрицая всякую свою связь с ликвидаторством?

Редакция «Голоса» разоблачена *в литературной нечестности*, разоблачена ее вчерашним членом Плехановым.

Но это еще далеко не все.

В № 15 «Голоса» (июнь 1909 г.) в статье, за подписью *Ф. Дана*, находим заявление, что репутация внефракционности предохраняет «Правду» [88]) «от нелепых и заведомо недобросовестных обвинений в «ликвидаторстве»» (стр. 12). Сильнее выразиться нельзя. Изобразить на своей физиономии более возвышенное, более благородное негодование по поводу обвинения «Голоса» в ликвидаторстве трудно.

Выходит «Дневник» Плеханова. Автор показывает *все содержание* ликвидаторских идей в одной из статей № 15 «Голоса» и заявляет по адресу меньшевиков, которые разделяют эти идеи: «Зачем обижаться на упрек в «ликвидаторстве», когда в самом деле очень сильно грешишь этим грехом?» (стр. 5)... «товарища С.» (автора разбираемой Плехановым статьи в № 15 «Голоса») не только можно, но и должно обвинить в ликвидаторстве, потому что план, излагаемый и защищаемый им в своем письме, действительно не что иное, как план «ликвидации» нашей партии» («Дневник», стр. 6). А этот т. С. прямо говорит в своей статье о своей солидарности с «*кавказской делегацией», т.-е. с редакцией «Голоса»*, имевшей, как известно, два мандата из трех в этой делегации.

Плеханов продолжает:

«Тут нужно выбирать: *или* «ликвидаторство», *или* борьба с ним... (третьего нет). Говоря это, я имею в виду, разумеется, товарищей, руководящихся не своими личными интересами, а интересами нашего общего дела. Для тех, которые руководствуются своими личными интересами; для тех, которые думают только о своей революционной карьере,—есть ведь и такая карьера!—для них существует, конечно, третий выход. Великие и малые люди этого калибра могут и даже должны в настоящее время лавировать между «ликвидаторским» и анти-«ликвидаторским»

*

течениями; они должны при настоящих условиях всеми силами отговариваться от прямого ответа на вопрос о том, нужно ли бороться с ликвидаторством; они должны отделываться от такого ответа «иносказаниями и гипотезами пустыми», потому что ведь еще неизвестно, какое течение возьмет верх,—«ликвидаторское» или анти-«ликвидаторское»,—а этим мудрым дипломатам хочется, во всяком случае, быть у праздника: они, во что бы то ни стало, желают быть на стороне победителей. Повторяю, для таких людей есть и третий выход. Но т. С., вероятно, согласится со мной, если я скажу, что это не настоящие люди, а только «игрушечного дела людишки». О них толковать не стоит: они—прирожденные оппортюнисты; их девиз:—«чего изволите?»» (стр. 7—8 «Дневника»).

Это называется: тонкий намек... на толстое обстоятельство. Действие пятое и последнее, сцена 1-ая. На сцене редакторы «Голоса», все без одного. Редактор Имярек, обращаясь к публике с видом особенного благородства: «направленные против нас обвинения в ликвидаторстве не только нелепы, но и *заведомо недобросовестны*».

Сцена 2-ая. Те же и «он», редактор «Голоса», только что благополучно вышедший из редакции (делает вид, что не замечает никого из редакторов и говорит, обращаясь к солидарному с редакцией сотруднику С.): «Или ликвидаторство, или борьба с ним. Третий выход есть только у революционных карьеристов, которые лавируют, отговариваются от прямого ответа, выжидают, кто возьмет верх. Тов. С., вероятно, согласится со мною, что это не настоящие люди, а игрушечного дела людишки. О них толковать не стоит: они — прирожденные оппортунисты; их девиз — «чего изволите»».

Поживем — увидим, действительно ли согласится с Плехановым «тов. С.», коллективно-меньшевистский тов. С., или он предпочтет сохранить себе в качестве руководителей некоторых игрушечного дела людишек и прирожденных оппортунистов. Одно мы можем смело заявить уже теперь: из меньшевиков-*рабочих*, если им полностью изложат свои взгляды Плеханов, Потресов («убежденный ликвидатор» по отзыву Плеханова, стр. 19 «Дневника»)[89]) и «игрушечного дела людишки» с девизом «чего изволите?», не найдется, наверное, десяти из сотни *за* Потресова и *за* «чего изволите» *вместе*. За это можно ручаться. Плехановского выступления достаточно, чтобы меньшевиков-*рабочих* оттолкнуть и от Потресова и от «чего изволите». Наше дело — позаботиться о том, чтобы рабочие-меньшевики, особенно те, которые трудно поддаются пропаганде, исходящей от большевиков, *ознакомились* полностью с № 9 «Дневника» Плеханова. Наше дело — позаботиться о том, чтобы рабочие-меньшевики всерьез взялись теперь за выяснение *идейных основ* расхождения

между Плехановым, с одной стороны, Потресовым и «чего изволите», — с другой.

По этому, особенно важному, вопросу Плеханов дает в № 9 «Дневника» материал тоже чрезвычайно ценный, но далеко, далеко не достаточный. «Да здравствует «генеральное межевание!»» — восклицает Плеханов, приветствуя размежевание большевиков с анархо-синдикалистами (так называет Плеханов наших отзовистов, ультиматистов и богостроителей) и заявляя, что «мы, меньшевики, должны отмежеваться от ликвидаторов» (страница 18 «Дневника»)[90]. Разумеется, мы, большевики, проведшие уже у себя *генеральную межу,* от всей души присоединимся к этому требованию генерального межевания внутри меньшевистской фракции. Мы с нетерпением будем ждать этого генерального межевания у меньшевиков. Мы посмотрим, *где* пройдет у них генеральная межа. Мы посмотрим, будет ли это действительно *генеральная* межа.

Плеханов изображает раскол внутри меньшевиков из-за ликвидаторства, как раскол по организационному вопросу. Но в то же время он дает материал, показывающий, что дело далеко не ограничивается организационным вопросом. Плеханов проводит *пока* две межи, из которых *ни одна* еще не заслуживает названия генеральной. Первая межа решительно отделяет Плеханова от Потресова, вторая нерешительно отделяет его от «фракционных дипломатов», игрушечного дела людишек и прирожденных оппортунистов. Про Потресова Плеханов говорит, что он еще осенью 1907 года «высказался, как убежденный ликвидатор». Но этого мало. Кроме этого словесного заявления Потресова по организационному вопросу, Плеханов ссылается на известную коллективную работу меньшевиков «Общественное движение в России в начале XX века» и говорит, что он, Плеханов, вышел из редакции этого сборника, ибо статья Потресова оказалась (даже после исправлений и переработки, потребованных Плехановым и произведенных при посредничестве Дана и Мартова) неприемлемой для Плеханова. «Я вполне убедился в том, что статья Потресова неисправима» (стр. 20). «Я увидел, — пишет он в «Дневнике», — что «ликвидаторская» мысль, высказанная Потресовым в Мангейме, прочно утвердилась в его уме, и что он совершенно потерял способность смотреть на общественную жизнь, в ее настоящем и прошлом, глазами революционера» (стр. 19—20). «Я Потресову не товарищ... мне с Потресовым не по дороге» (стр. 20).

Здесь уже речь идет совсем не о современных организационных вопросах, которых Потресов в своей статье не затрогивал и не мог затрогивать. Речь идет *об основных программных и тактических идеях социал-демократии,* «ликвидируемых» *коллективным* меньшевистским «трудом», выходящим под *коллективной* меньшевистской редакцией *Мартова, Маслова и Потресова.*

Чтобы провести *здесь* действительно генеральную межу, недостаточно порвать с Потресовым и сделать «тонкий» намек на героев «чего изволите». Для этого нужно *вскрыть обстоятельно*, в чем именно, когда именно, почему и как именно «потерял Потресов способность смотреть на общественную жизнь глазами революционера». Ликвидаторство — говорит Плеханов — ведет в «болото самого позорного оппортюнизма» (стр. 12). «Новое вино превращается у них (ликвидаторов) в кислятину, годную разве только на приготовление мелко-буржуазного уксуса» (стр. 12). Ликвидаторство «облегчает вторжение в пролетарскую среду мелко-буржуазных тенденций» (стр. 14). «Я не раз принимался доказывать влиятельным товарищам-меньшевикам, что они делают большую ошибку, обнаруживая подчас готовность идти рука об руку с господами, от которых в большей или меньшей степени отдает оппортюнизмом» (стр. 15). «Ликвидаторство» по прямой линии направляется в невылазное болото оппортюнизма и враждебных соц.-демократии мелко-буржуазных стремлений» (стр. 16). Сопоставьте все эти отзывы Плеханова с признанием Потресова убежденным ликвидатором. Совершенно очевидно, что Потресов обрисован Плехановым (признан теперь Плехановым, вернее будет сказать), как *мелко-буржуазный демократ-оппортунист*. Совершенно очевидно, что, поскольку меньшевизм, представляемый всеми влиятельнейшими литераторами фракции (кроме Плеханова), *участвует* в этой потресовщине (в «Общественном движении»), *постольку* меньшевизм признан теперь Плехановым за *мелко-буржуазное оппортунистическое течение*. Поскольку меньшевизм, как фракция, мирволит Потресову и прикрывает его, меньшевизм признан теперь Плехановым за *мелко-буржуазную оппортунистическую фракцию*.

Вывод ясен: если Плеханов останется одинок, если он не сгруппирует вокруг себя массу или хотя бы значительную часть меньшевиков, если он не вскроет перед всеми меньшевиками рабочими всех корней и проявлений этого мелко-буржуазного оппортунизма, тогда наша оценка меньшевизма окажется подтвержденной меньшевиком, наиболее теоретически выдающимся и наиболее далеко заведшим меньшевиков в тактике 1906 — 1907 годов.

Поживем—увидим, *в силах ли* будет провозглашенный Плехановым «революционный меньшевизм» [91]) провести борьбу со всем кругом идей, родивших Потресова и ликвидаторство.

Говоря о генеральном межевании у большевиков, Плеханов сравнивает большевистских марксистов, социал-демократов, с гоголевским Осипом, который подбирал всякий хлам, всякую веревочку (вплоть до эмпириокритицизма и богостроительства). Теперь большевистский Осип — шутит Плеханов — начал «распространять вокруг себя пространство», выгонять антимарксистов, выкидывать прочь «веревочку» и прочий хлам.

Шутка Плеханова затрогивает не шуточный, а основной и серьезнейший вопрос русской социал-демократии: *какое* направление внутри нее *больше* служило на пользу хлама, «веревочки», т.-е. на пользу *буржуазно-демократических* влияний в пролетарской среде. Все «тонкости» фракционных споров, все долгие перипетии борьбы из-за различных резолюций, лозунгов и т. д.— вся эта «фракционность» (которую так часто осуждают ныне голыми криками против «фракционности», *поощряющими всего более беспринципность*),— вся эта «фракционность» вращается вокруг этого основного и серьезнейшего вопроса русской социал-демократии: какое направление внутри ее всего более податливо было буржуазно-демократическим влияниям (неизбежным в той или иной степени, на то или иное время, при буржуазной революции в России, как неизбежны эти влияния во всякой капиталистической стране). Ко всякому направлению в социал-демократии неизбежно пристает то бо́льшее, то меньшее количество не чисто пролетарских, а полупролетарских, полумелко-буржуазных элементов,— вопрос в том: *какое направление* меньше подчиняется им, скорее избавляется от них, успешнее борется с ними. Это и есть вопрос о социалистическом, пролетарском, марксистском «Осипе» по отношению к либеральной или анархической, мелкобуржуазной, антимарксистской «веревочке».

Большевистский марксизм—говорит Плеханов—есть «более или менее узко и дубовато понятый марксизм [92]). Меньшевистский, очевидно, «более или менее широкий и тонкий». Посмотрите на результаты революции, на результаты *шести* лет истории социал-демократического движения (1903—1909); и каких шести лет! Большевистские «Осипы» уже провели «генеральную межу» и «показали дверь» большевистской мелко-буржуазной «веревочке», которая хныкает теперь, что ее «вышибли» и «устранили».

Меньшевистский «Осип» оказался одиноким, вышедшим и из официальной меньшевистской редакции и из коллективной редакции важнейшей меньшевистской работы, одиноким протестантом против «мелко-буржуазного оппортюнизма» и ликвидаторства, царящего *и* в той *и* в другой редакции. Меньшевистский «Осип» оказался *спутанным* меньшевистской «веревочкой». Не он подобрал ее, а она подобрала его. Не он осилил ее, а она его.

Скажите, читатель, предпочли ли бы вы оказаться в положении большевистского или меньшевистского «Осипа»? Скажите, тот ли марксизм в истории рабочего движения оказывается «узким и дубоватым», который прочнее связан с пролетарскими организациями и который успешнее справляется с мелко-буржуазной «веревочкой»?

«Пролетарий» № 47—48, 18 (5) сентября 1909 г.

О ФРАКЦИИ СТОРОННИКОВ ОТЗОВИЗМА И БОГОСТРОИТЕЛЬСТВА

Напечатано 24 (11) сентября 1909 г. в приложении к № 47—48 «Пролетария»

PRIX 20 centimes. Supplément du „Prolétaire“ №№ 47-48 11|24 СЕНТЯБРЯ 1909 г.
Цѣна 20 сант
Россійская Соціалъ-Демократическая Рабочая Партія.
Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ПРИЛОЖЕНІЕ къ № 47-48 ГАЗЕТЫ „ПРОЛЕТАРІЙ“

Органа С.-Петербургск. и Московск. комитетовъ Р. С.-Д. Р. П.

О фракціи сторонниковъ отзовизма и богостроительства.

Т. т. Максимовъ и Николаевъ выпустили особый листокъ подъ названіемъ «Отчетъ тов. большевикамъ устраненныхъ членовъ расширенной редакціи «Пролетарія». Горько-прогорько жалуются публикѣ наши устраненные на то, какія обиды нанесла имъ редакція и какъ она ихъ устранила.

Чтобы показать партіи рабочаго класса, какого сорта эта публика горько жалующихся устраненныхъ, разсмотримъ прежде всего принципіальное содержаніе листка. Изъ № 46 «Пролетарія» и изъ приложенія къ этому №-ру читатели знаютъ, что совѣщаніе расширенной редакціи «Прол.» признало т. Максимова однимъ изъ организаторовъ новой фракціи въ нашей партіи, фракціи, съ которой большевизмъ не имѣетъ ничего общаго, и сняло съ себя «всякую отвѣтственность за всѣ политическіе шаги т. Максимова». Изъ резолюцій совѣщанія видно, что основой расхожденія съ отколовшейся отъ большевиковъ новой фракціей (или вѣрнѣе: съ отколовшимся Максимовымъ и его пріятелями) является, во 1-хъ, отзовизмъ и ультиматизмъ; во 2-хъ, богостроительство. Въ трехъ подробныхъ резолюціяхъ изложенъ взглядъ большевистской фракціи на то и на другое теченіе.

Что же отвѣчаютъ теперь горько жалующіеся устраненные?

I.

Начнемъ съ отзовизма. Устраненные подводятъ итоги парламентскаго или думскаго опыта за истекшіе годы, оправдываютъ бойкотъ Булыгинской и Виттевской Думы, а также участіе во 2-ой Думѣ и продолжаютъ:

«При острой и усиливающейся реакціи все это опять таки измѣняется. Партія не можетъ тогда провести крупной и яркой избирательной кампаніи, не можетъ получить достойнаго себя парламентскаго представительства»..

Первая же фраза самостоятельнаго, не списаннаго изъ старыхъ большевистскихъ изданій разсужденія,— и передъ нами вся бездонная пропасть отзовистскаго политическаго недомыслія. Ну, подумайте-ка, любезнѣйшіе, можетъ партія при острой и усиливающейся реакціи провести «крупное и яркое» устройство «инструкторскихъ группъ и школъ» для боевиковъ, о чемъ вы говорите на той же самой страницѣ, въ томъ же столбцѣ вашего произведенія? Подумайте-ка, любезнѣйшіе, можетъ партія получить «достойное себя представительство» въ такихъ школахъ? Если-бы вы умѣли думать и сколько-нибудь способны были разсуждать политически, о несправедливо устраненные, то вы замѣтили бы, что выходитъ у васъ величайшая несуразица. Вмѣсто того, чтобы политически *мыслить*, вы цѣпляетесь за «*яркую*» вывѣску и отъ этого оказываетесь въ положеніи партійныхъ иванушекъ. Вы болтаете объ «инструкторскихъ школахъ» и объ «усиленіи (!) пропаганды въ войскахъ» (тамъ-же), потому что вы, какъ и всѣ политическіе недоросли изъ лагеря отзовистовъ и ультиматистовъ, считаете такого рода дѣятельность особенно «яркой», но подумать объ условіяхъ дѣйствительнаго (а не словеснаго) примѣненія этихъ формъ дѣятельности вы не умѣете. Вы *заучили* обрывки большевистскихъ словечекъ и лозунговъ, но *понять* въ нихъ вы ровнехонько ничего не поняли. «При острой и усиливающейся реакціи» партіи *трудна* всякая работа, но, какъ ни велики трудности, а добиться достойнаго парламентскаго представительства все же *возможно*. Это доказываетъ, напр., и опытъ германской с.-д-тіи въ эпоху «острой и усиливающейся реакціи» хотя бы временъ введенія исключительнаго закона. Отрицая эту возможность, Максимовъ и Ко обнаруживаютъ только свое полнѣйшее политическое невѣжество. Рекомендовать «инструкторскія школы» и «*усиленіе* пропаганды въ войскахъ» «при острой и усиливающейся реакціи» — и въ тоже время отрицать *возможность* для партіи имѣть достойное парламентское представительство, это значитъ говорить наглядныя несообразности, достойныя помѣщенія въ сборникъ логическихъ нелѣпостей для учениковъ низшихъ классовъ гимназіи. И инструкторскія школы и усиленіе пропаганды въ войскахъ предполагаютъ обязательное нарушеніе старыхъ законовъ, прорывъ ихъ, — тогда какъ парламентская дѣятельность вовсе не обязательно и во всякомъ случаѣ неизмѣримо рѣже предполагаетъ прорывъ старыхъ законовъ новою общественною силою. Теперь подумайте, любезные, когда легче прорывать старые законы: при острой и усиливающейся реакціи или при подъемѣ движенія? Подумайте, о несправедливо устраненные, и постыдитесь того вздора, который вы говорите, защищая милыхъ вашему сердцу отзовистовъ.

Далѣе. Какого рода дѣятельность предполагаетъ большій размахъ энергіи массъ, большее вліяніе массъ на непосредственную политическую жизнь, — парламентская-ли дѣятельность по закону, созданному старой властью, или военная пропаганда, подрывающая сразу и прямикомъ орудія матеріальной силы этой власти? Подумайте, любезные, и вы увидите, что парламентская дѣятельность въ указанномъ отношеніи стоитъ позади. А изъ этого что слѣдуетъ? А изъ этого слѣдуетъ то, что чѣмъ сильнѣе непосредственное движеніе массъ, чѣмъ больше размахъ ихъ энергіи, другими словами, чѣмъ больше можно говорить объ «остромъ и усиливающемся» револ. натискѣ народа, а не объ «острой и усиливающейся реакціи»,—*тѣмъ болѣе* возможной, тѣмъ болѣе неизбѣжной, тѣмъ болѣе успѣшной будетъ становиться и пропаганда въ войскахъ и боевыя выступленія, дѣйствительно связаныя съ массовымъ движеніемъ, а не сводящіяся къ авантюризму оголтѣлыхъ боевиковъ. Именно поэтому, о неспра-

Первая страница приложения к № 47—48 газеты «Пролетарий» — 24 (11) сентября 1909 г.

Уменьшено

Т.т. Максимов и Николаев выпустили особый листок, под названием «Отчет тов. большевикам устраненных членов расширенной редакции «Пролетария»». Горько-прегорько жалуются публике наши устраненные на то, какие обиды нанесла им редакция и как она их устранила.

Чтобы показать партии рабочего класса, какого сорта эта публика горько жалующихся устраненных, рассмотрим прежде всего принципиальное содержание листка. Из № 46 «Пролетария» и из приложения к этому номеру читатели знают, что Совещание расширенной редакции «Пролетария» признало тов. Максимова одним из организаторов новой фракции в нашей партии, — фракции, с которой большевизм не имеет ничего общего, и сняло с себя «всякую ответственность за все политические шаги тов. Максимова» *). Из резолюций Совещания видно, что основой расхождения с отколовшейся от большевиков новой фракцией (или вернее: с отколовшимся Максимовым и его приятелями) является, во-первых, отзовизм и ультиматизм; во-вторых, богостроительство. В трех подробных резолюциях изложен взгляд большевистской фракции на то и на другое течение.

Что же отвечают теперь горько жалующиеся устраненные?

I.

Начнем с отзовизма. Устраненные подводят итоги парламентского или думского опыта за истекшие годы, оправдывают бойкот Булыгинской и Виттевской Думы, а также участие во II Думе и продолжают:

> «...При острой и усиливающейся реакции все это опять-таки изменяется. Партия не может тогда провести крупной и яркой избирательной кампании, не может получить достойного себя парламентского представительства»...

---

*) См. настоящий том, стр. 85 — 111. *Ред.*

Первая же фраза самостоятельного, не списанного из старых большевистских изданий рассуждения, — и перед нами вся бездонная пропасть отзовистского политического недомыслия. Ну, подумайте-ка, любезнейшие, может партия при острой и усиливающейся реакции провести «крупное и яркое» устройство «инструкторских групп и школ» для боевиков, о чем вы говорите на той же самой странице, в том же столбце вашего произведения? Подумайте-ка, любезнейшие, может ли партия получить «достойное себя представительство» в таких школах? Если бы вы умели думать и сколько-нибудь способны были рассуждать политически, о, несправедливо устраненные, то вы заметили бы, что выходит у вас величайшая несуразица. Вместо того, чтобы политически *мыслить*, вы цепляетесь за «*яркую*» вывеску и от этого оказываетесь в положении партийных иванушек. Вы болтаете об «инструкторских школах» и об «усилении (!) пропаганды в войсках» (там же), потому что вы, как и все политические недоросли из лагеря отзовистов и ультиматистов, считаете такого рода деятельность особенно «яркой», но подумать об условиях действительного (а не словесного) применения этих форм деятельности вы не умеете. Вы *заучили* обрывки большевистских словечек и лозунгов, но *понять* в них вы ровнехонько ничего не поняли. «При острой и усиливающейся реакции» партии *трудна* всякая работа, но, как ни велики трудности, а добиться достойного парламентского представительства все же *возможно*. Это доказывает, например, и опыт германской социал-демократии в эпоху «острой и усиливающейся реакции» хотя бы времен введения исключительного закона. Отрицая эту возможность, Максимов и К° обнаруживают только свое полнейшее политическое невежество. Рекомендовать «инструкторские школы» и «*усиление* пропаганды в войсках» «при острой и усиливающейся реакции» — и в то же время отрицать *возможность* для партии иметь достойное парламентское представительство, это значит говорить наглядные несообразности, достойные помещения в сборник логических нелепостей для учеников низших классов гимназии. И инструкторские школы и усиление пропаганды в войсках предполагают обязательное нарушение старых законов, прорыв их, — тогда как парламентская деятельность вовсе не обязательно и, во всяком случае, неизмеримо реже предполагает прорыв старых законов новою общественною силою. Теперь подумайте, любезные, когда легче прорывать старые законы: при острой и усиливающейся реакции или при подъеме движения? Подумайте, о, несправедливо устраненные, и постыдитесь того вздора, который вы говорите, защищая милых вашему сердцу отзовистов.

Далее. Какого рода деятельность предполагает больший размах энергии масс, большее влияние масс на непосредственную

политическую жизнь, — парламентская ли деятельность по закону, созданному старой властью, или военная пропаганда, подрывающая сразу и прямиком орудия материальной силы этой власти? Подумайте, любезные, и вы увидите, что парламентская деятельность в указанном отношении стоит позади. А из этого что̀ следует? А из этого следует то, что чем сильнее непосредственное движение масс, чем больше размах их энергии, другими словами: чем больше можно говорить об «остром и усиливающемся» революционном натиске народа, а не об «острой и усиливающейся реакции», — *тем более* возможной, тем более неизбежной, тем более успешной будет становиться и пропаганда в войсках и боевые выступления, действительно связанные с массовым движением, а не сводящиеся к авантюризму оголтелых боевиков. Именно поэтому, о, несправедливо устраненные, большевизм умел выдвинуть и боевую деятельность и пропаганду в войсках особенно сильно в период «острого и усиливающегося» революционного подъема; — именно поэтому большевизм умел проводить (начиная с 1907 года) и окончательно провел к 1909-му году отделение своей фракции от того боевизма, который «при острой и усиливающейся реакции» *свелся*, неизбежно свелся к авантюризму.

У наших героев, которые заучили обрывки большевистских слов, выходит все наоборот: высшие формы борьбы, неудавшиеся нигде и никогда в мире без непосредственного натиска масс, рекомендуются на первом плане, как «возможные» в эпоху острой реакции, — а низшие формы борьбы, предполагающие не столько непосредственный прорыв закона борьбой масс, сколько *использование* закона для пропаганды и агитации, *подготовляющей сознание* масс для борьбы, объявляются «невозможными»!!

Отзовисты и их «устраненные» подголоски слыхали и заучили, что большевизм считает непосредственную борьбу масс, вовлекающую в движение даже войска (т.-е. наиболее заскорузлую часть населения, наименее подвижную, наиболее защищенную от пропаганды и т. д.) и превращающую боевые выступления в действительное начало восстания, — формой движения высшей, а парламентскую деятельность без непосредственного движения масс — формой движения низшей. Отзовисты и их подголоски, вроде Максимова, это слыхали и заучили, но не поняли, и потому оскандалились. Высшее — значит «яркое», думает отзовист и т. Максимов, — ну-ка, я закричу «поярче»: наверное, выйдет всех революционнее, а разбирать, что̀ к чему, это от лукавого!

Послушайте дальше рассуждение Максимова (мы продолжаем цитату на прерванном месте):

...«Механическая сила реакции разрывает связь уже создавшейся партийной фракции с массами и страшно затрудняет влияние на нее партии, а это приводит к неспособности такого представительства вести достаточно широкую и глубокую организационно-пропагандистскую работу

в интересах партии. При ослаблении же самой партии не исключается даже опасность вырождения фракции, ее уклонения от основного пути социал-демократии»...

Неправда ли, как это бесподобно мило? Когда речь идет о низших, подзаконных формах борьбы, тогда нас начинают запугивать: «механическая сила реакции», «неспособность вести достаточно широкую работу», «опасность вырождения». А когда речь идет о высших, прорывающих старые законы, формах классовой борьбы, тогда «механическая сила реакции» исчезает, никакой «неспособности» вести «достаточно широкую» работу в войсках не оказывается, ни о какой «опасности вырождения» инструкторских групп и школ не может быть, изволите видеть, и речи!

Вот наилучшее оправдание редакции «Пролетария», почему она должна была *устранить* политических деятелей, несущих *такие* идеи в массы.

Зарубите-ка себе на носу, о, несправедливо устраненные: когда имеются на-лицо действительно условия острой и усиливающейся реакции, когда механическая сила этой реакции действительно разрывает связь с массами, затрудняет достаточно широкую работу и ослабляет партию, именно тогда специфической задачей партии становится овладение парламентским оружием борьбы; и это не потому, о, несправедливо устраненные, что парламентская борьба выше других форм борьбы; нет, это именно потому, что она *ниже* их, ниже, например, такой борьбы, которая втягивает в массовое движение *даже* войско, которая создает массовые стачки, восстания и проч. Каким же образом овладение низшей формой борьбы может стать специфической (т.-е. отличающей данный момент от других моментов) задачей партии? А таким образом, что чем сильнее механическая сила реакции и чем более ослаблена связь с массами, тем больше выдвигается на очередь задача подготовки сознания масс (а не задача прямого действия), тем больше выдвигается на очередь *использование созданных старой властью* путей пропаганды и агитации (а не непосредственный натиск масс против самой этой старой власти).

II.

Для всякого марксиста, который хоть сколько-нибудь вдумывался в миросозерцание Маркса и Энгельса, для всякого социал-демократа, который хоть сколько-нибудь знаком с историей международного социалистического движения, это превращение одной из низших форм борьбы в специфическое орудие борьбы особого исторического момента не представляет из себя ровно ничего удивительного. Анархисты этой нехитрой вещи абсолютно и никогда понять были не в состоянии. Теперь наши отзовисты и их

устраненные подголоски пытаются перенести в русскую социал-демократическую среду методы мышления анархизма, крича (подобно Максимову и К°), что у «Пролетария» господствует теория «*парламентаризма во что бы то ни стало*».

Чтобы разъяснить, до какой степени неумны и не социал-демократичны эти крики Максимова и К°, приходится опять-таки начать с азов. Подумайте-ка, о, несправедливо устраненные, что составляет специфическое отличие политики и тактики немецкой социал-демократии по сравнению с социалистическими рабочими партиями других стран? Использование парламентаризма; превращение буржуазно-юнкерского (по-русски, примерно: октябристски-черносотенного) парламентаризма в орудие социалистического воспитания и организации рабочих масс. Значит ли это, что парламентаризм есть высшая форма борьбы социалистического пролетариата? Анархисты всего мира думают, что значит. Значит ли это, что немецкие социал-демократы стоят на точке зрения парламентаризма во что бы то ни стало? Анархисты всего мира думают, что значит, а потому нет у них врага, более ненавистного, чем немецкая социал-демократия, нет для них мишени, более излюбленной, чем немцы социал-демократы. И в России, когда наши социал-революционеры начинают заигрывать с анархистами и рекламировать свою «революционность», они обязательно пытаются вытащить те или иные действительные или мнимые промахи немецких социал-демократов и сделать отсюда выводы против социал-демократии.

Теперь пойдем дальше. В чем ошибка рассуждения анархистов? В том, что они, ввиду в корне неправильных представлений о ходе общественного развития, не умеют учесть особенностей конкретного политического (и экономического) положения в разных странах, обусловливающих специфическое значение *для известного периода времени* то одного, то другого средства борьбы. На самом деле немецкая социал-демократия не только не стоит на точке зрения парламентаризма во что бы то ни стало, не только не подчиняет все и вся парламентаризму, а напротив: как раз она всего лучше в международной армии пролетариата развернула такие внепарламентские орудия борьбы, как социалистическую печать, как профессиональные союзы, как систематическое использование народных собраний, как воспитание молодежи в социалистическом духе и т. д. и т. п.

В чем же тут суть? В том, что совокупность целого ряда исторических условий сделала для Германии *известного периода* парламентаризм *специфическим* орудием борьбы, не главным, не высшим, не крупным, не существенным по сравнению с другими, а именно специфическим, наиболее характерным по сравнению с другими странами. Уменье использовать парламентаризм *оказалось* поэтому *симптомом* (не условием, а симптомом) образцовой

постановки *всего* социалистического дела, во *всех* его, вышеперечисленных нами, разветвлениях.

Перейдем от Германии к России. Те, кто вздумал бы целиком приравнять условия той или другой страны, впали бы в целый ряд крупнейших ошибок. Но попробуйте поставить вопрос так, как обязательно ставить его марксисту: в чем специфическая особенность политики и тактики русских социал-демократов данного момента? Мы должны сохранить и укрепить нелегальную партию, — как и до революции. Мы должны неуклонно готовить массы к новому революционному кризису, — как и в 1897—1903 годах. Мы должны всячески укреплять связь партии с массой, развивать и использовать в целях социализма всевозможные рабочие организации, — как и всегда и везде все социал-демократические партии. Специфической особенностью момента является именно попытка (и неудачная попытка) старого самодержавия разрешить новые исторические задачи при помощи октябристски-черносотенной Думы. Поэтому и специфической задачей тактики для социал-демократов является использование этой Думы *в своих* целях, в целях распространения идей революции и идей социализма. Не в том суть, чтобы эта специфическая задача была особенно высока, чтобы она открывала широкие перспективы, чтобы она равнялась или, хотя бы, приближалась по своему значению к тем задачам, которые возникали перед пролетариатом, например, в 1905—1906 годы. Нет. Суть в том, что это — особенность тактики сегодняшнего момента, отличие ее от периода миновавшего и от периода грядущего (ибо этот грядущий период, *наверное*, принесет нам специфические задачи, более сложные, более высокие, более интересные, чем задача использования III Думы). Нельзя овладеть современным моментом, нельзя решить всей совокупности тех задач, которые он ставит перед социал-демократической партией, не решив этой специфической задачи момента, не превратив черносотенно-октябристской Думы в *орудие* социал-демократической агитации.

Отзовистские пустомели болтают, например, вслед за большевиками об учете опыта революции. Но они не понимают, что они говорят. Они не понимают, что в учет опыта революции *входит* отстаивание идеалов и задач и методов революции *извнутри Думы*. Не суметь извнутри Думы, через наших партийных рабочих, которые могут пройти и которые прошли в эту Думу, *отстоять* эти идеалы, задачи и методы — значит не уметь сделать *первого* шага в деле политического учета опыта революции (ибо речь идет здесь, конечно, не об учете опыта теоретическом, в книгах и в исследованиях). Этим первым шагом наша задача отнюдь и ни в коем случае не исчерпывается. Несравненно важнее, чем первый шаг, будут шаги второй и третий: т.-е. превращение уже учтенного массами опыта в идейный багаж для

нового исторического действия. Но если сами же эти отзовистские пустомели говорят о «межреволюционной» эпохе, то они должны бы были понять (если бы они умели думать, умели рассуждать по социал-демократически), что «межреволюционный» как раз и значит *выдвигающий элементарные, предварительные задачи на очередь дня.* «Межреволюционный» есть характеристика неустойчивого, неопределенного положения, когда старая власть, убедившись в невозможности править при помощи одних только старых орудий, *пытается* использовать *новое* орудие в общей обстановке старых порядков. Это — внутренне-противоречивая, невозможная попытка, на которой самодержавие опять идет, неминуемо идет к краху, опять ведет нас к повторению славной эпохи и славных битв 1905 года. Но оно идет *не так,* как шло в 1897 — 1903 годах, *ведет* народ к революции *не так,* как вело до 1905 года. Вот это «не так» надо уметь понять; надо уметь видоизменить свою тактику, *прибавляя* ко всем основным, всеобщим, первостепенным и важнейшим задачам революционной социал-демократии еще одну, не очень крупную, но специфическую задачу данного момента, нового момента: задачу революционно-социал-демократического использования черносотенной Думы.

Как всякая новая задача, эта задача кажется труднее других, ибо она требует от людей не простого повторения заученных лозунгов (у отзовистов и Максимова дальше этого повторения ума нехватает), а некоторой инициативы, гибкости ума, изобретательности, самостоятельной работы над *оригинальной* исторической задачей. Но на самом деле эта задача особенно трудной может казаться только неумеющим самостоятельно мыслить и самостоятельно работать людям: на деле эта задача, как всякая специфическая задача момента, легче других, ибо ее разрешимость лежит именно в условиях данного момента. В эпоху «острой и усиливающейся реакции» решить задачу действительно серьезной постановки «инструкторских школ и групп», т.-е. такой постановки, при которой бы они были действительно связаны с массовым движением, действительно подчинены ему, *вовсе нельзя,* ибо задача поставлена глупо, поставлена людьми, *списавшими* формулировку этой задачи с хорошей брошюрки, учитывающей условия *другого* момента. А решить задачу подчинения массовой партии и интересам массы — речей, выступлений, политики социал-демократов в III Думе *можно.* Не легко, если считать «легким» делом повторение заученного, но *осуществимо.* Как бы мы ни напрягали сейчас всех сил партии, мы не можем решить задачи социал-демократической (а не анархистской) постановки «инструкторских школ» в данный, «межреволюционный» момент, ибо для разрешимости этой задачи нужны совсем другие исторические условия. Наоборот, напрягая все силы, мы решим (и мы уже *начинаем решать*) задачу революционно-социал-

демократического использования III Думы, — решим ее не для того, о, обиженные устранением и обиженные богом отзовисты и ультиматисты!, чтобы возвести парламентаризм на какой-то высокий пьедестал, чтобы провозгласить «парламентаризм во что бы тони стало», а для того, чтобы *после* решения «межреволюционной» задачи, соответствующей сегодняшнему «межреволюционному» моменту, *перейти* к решению более высоких революционных задач, которые будут соответствовать завтрашнему, более высокому, т.-е. более революционному моменту.

III.

Особенно курьезны эти глупенькие крики Максимова и К° о «*парламентаризме во что бы то ни стало*» у большевиков с точки зрения действительной истории отзовизма. Курьезно то, что о преувеличении парламентаризма закричали *как раз* те люди, которые создали и создают особое направление *исключительно* на вопросе о своем отношении к парламентаризму! Как вы себя сами зовете, любезнейшие Максимов и К°? Вы зовете себя «отзовистами», «ультиматистами», «бойкотистами». Максимов до сих пор не может налюбоваться на себя, как на бойкотиста III Думы, и свои редкие партийные выступления обязательно сопровождает подписью: «докладчик бойкотистов на июльской конференции 1907-го г.». Один писатель подписывался в старину: «действительный статский советник и кавалер». Максимов подписывается: «докладчик бойкотистов» — тоже ведь кавалер!

При том политическом положении в июне 1907 года, когда Максимов защищал бойкот, ошибка была еще совсем, совсем невелика. Но когда в июле 1909 года, выступая с своего рода манифестом, Максимов продолжает любоваться на свой «бойкотизм» по отношению к III Думе, то это уже совсем глупо. И бойкотизм, и отзовизм, и ультиматизм — одни уже эти выражения означают создание *направления* из вопроса об отношении к парламентаризму и *только* из этого вопроса. А выделить себя по этому вопросу, продолжать (два года спустя после решения дела в принципе партией!) выделять себя по этому вопросу — это признак беспредельного узколобия. Именно те, кто поступает так, т.-е. и «бойкотисты» (1909 года), и отзовисты, и ультиматисты доказывают *тем самым*, что мыслят они не по социал-демократически, что парламентаризм они возводят на особый пьедестал, что совершенно аналогично анархистам они создают *направление* из отдельных рецептов: бойкотировать такую-то Думу, отозвать из такой-то Думы, поставить ультиматум такой-то фракции в Думе. Поступать так и значит быть карикатурным большевиком. У большевиков направление определяется *общим* взглядом их на русскую революцию, и тысячу раз подчеркивали боль-

шевики (как бы заранее предостерегая политических недорослей), что отождествлять большевизм с бойкотизмом или с боевизмом есть нелепое искажение и опошление взглядов революционной социал-демократии. Наш взгляд на обязательность участия социал-демократов в III Думе, например, вытекает *с неизбежностью* из нашего взгляда на современный момент, на попытки самодержавия сделать шаг вперед по пути создания буржуазной монархии, на значение Думы, как организации контр-революционных классов в представительном учреждении общенационального масштаба. Как анархисты обнаруживают парламентский кретинизм наизнанку, когда они *выделяют* вопрос о парламенте из всего цельного вопроса о буржуазном обществе вообще и пытаются создать направление из выкриков, направляемых против буржуазного парламентаризма (хотя критика буржуазного парламентаризма в принципе однородна с критикой буржуазной прессы, буржуазного синдикализма и т. п.), — так наши отзовисты-ультиматисты-бойкотисты обнаруживают совершенно такой же меньшевизм наизнанку, когда они *выделяются* в направление по вопросу об отношении к Думе, по вопросу о средствах борьбы с уклонениями социал-демократической думской фракции (а не с уклонениями буржуазных литераторов, мимоходом забегающих в социал-демократию, и т. п.).

До Геркулесовых столпов этот парламентский кретинизм наизнанку дошел в знаменитом рассуждении вождя московских отзовистов, прикрываемого Максимовым: отозвание фракции должно *подчеркнуть,* что революция не похоронена! А Максимов с ясным челом не стесняется заявлять публично: «отзовисты никогда (о, разумеется, *никогда!*) не высказывались в смысле антипарламентаризма вообще» [93]).

Это прикрывание отзовистов Максимовым и К° — одна из самых характерных черт в физиономии новой фракции, и мы должны остановиться на этой черте с тем большей подробностью, что неосведомленная публика особенно часто попадается тут на удочку горько жалующихся устраненных. Прикрывание, во-первых, состоит в том, что Максимов и К° неустанно заявляют, бия себя в грудь: мы не отзовисты, мы вовсе не разделяем мнений отзовистов! Во-вторых, Максимов и К° обвиняют большевиков в *преувеличении* борьбы с отзовистами. Повторяется *точь-в-точь* история с отношением рабочедельцев (в 1897 — 1901 годах) к рабочемысленцам. Мы не экономисты, — восклицали, бия себя в грудь, рабочедельцы, — мы не разделяем взглядов «*Рабочей Мысли*», мы спорим с ней (совершенно так же, как «спорил» Максимов с отзовистами!), это только злые искровцы взвели на нас напраслину, оклеветали нас, «раздули» экономизм и проч. и т. д. и т. п. Поэтому среди рабочемысленцев — открытых и честных экономистов — было не мало людей, которые заблуждались

искренно, не боясь защищать своего мнения, и которым нельзя было отказать в уважении, — а у заграничной компании «Рабочего Дела» преобладало специфическое интриганство, заметание следов, игра в прятки, обманывание публики. Точь-в-точь таково же отношение последовательных и открытых отзовистов (вроде известных партийным кругам Всев. и Стан.) к заграничной компании Максимова.

Мы не отзовисты,— кричит эта компания. Но заставьте любого из них сказать пару слов о современном политическом положении и задачах партии, и вы услышите целиком все отзовистские рассуждения, чуточку разведенные (как мы видели у Максимова) водицей иезуитских оговорочек, добавлений, умалчиваний, смягчений, запутываний и проч. Этот иезуитизм не освобождает вас, о, несправедливо устраненные, от обвинения в отзовистском недомыслии, а удесятеряет вашу вину, ибо прикрытая идейная путаница во сто раз больше развращает пролетариат, во сто раз больше вредит партии *).

Мы не отзовисты,— кричит Максимов и К°. А между тем с июня 1908 года, выйдя из узкой редакции «Пролетария», Максимов образовал официальную оппозицию внутри коллегии, потребовал и получил свободу дискуссии для этой оппозиции, потребовал и получил особое представительство для оппозиции в важнейших исполнительных органах, связанных с распространением газеты, организации. Само собой разумеется, что, начиная с того же времени, т.-е. более года, все отзовисты всегда пребывали в рядах этой оппозиции, совместно организовавшей российскую агентуру, совместно налаживавшей в целях агентуры заграничную школу (о ней ниже) и т. д. и т. п.

Мы не отзовисты,— кричит Максимов и К°. А между тем па Всероссийской партийной конференции в декабре 1908 года, когда более честные отзовисты из состава этой оппозиции выделились перед всей партией в особую группу, в особое идейное течение и получили в качестве такового право выставить своего оратора (на конференции было постановлено, что только особые идейные течения или особые организации могут выставлять — ввиду краткости срока — особого оратора), то *оратором* от отзовистской фракции оказался — по чисто случайным причинам! по совершенно случайным причинам! — *т. Максимов*...

---

*) Маленький пример, иллюстрирующий кстати уверения Максимова будто *только* «Пролетарий» из-за злостности своей возводит небылицы на ультиматистов. Осенью 1908-го года Алексинский явился на съезд польских социал-демократов и предложил там *ультиматистскую* резолюцию. Дело было *до* открытия в «Пролетарии» решительной кампании против новой фракции. И что же? Польские социал-демократы осмеяли Алексинского и его резолюцию, сказав ему: «вы просто трусливый отзовист и ничего более» [94]).

Это обманывание партии путем укрывания отзовизма ведется заграничной группой Максимова систематически. В мае 1908 г. отзовизм потерпел поражение в открытой борьбе: его провалила 18 голосами против 14-ти общегородская конференция в Москве (в этом районе в июле 1907 года почти все без исключения социал-демократы были бойкотисты, сумевшие, однако, в отличие от Максимова уже к июню 1908 г. понять, что настаиванье на «бойкоте» III Думы было бы непростительной глупостью). *После* этого т. Максимов заграницей организует формальную оппозицию «Пролетарию» и начинает, никогда до тех пор не практиковавшуюся, дискуссию на страницах большевистского периодического органа. И вот, когда *осенью* 1908 года, при выборах на Всероссийскую конференцию, *вся* петербургская организация делится на отзовистов и незовистов (выражение рабочих), когда по *всем* районам и подрайонам Петербурга ведутся дискуссии по платформе не большевиков и меньшевиков, а отзовистов и незовистов, то *платформа отзовистов прячется от глаз публики*. В «Пролетарий» ее не сообщают. В печать ее не пускают. На Всероссийской конференции декабря 1908 года ее не сообщают партии. *Лишь после конференции*, по настойчивым требованиям редакции, эта платформа была нам доставлена и напечатана нами в № 44 «Пролетария» («Резолюция петербургских отзовистов»).

В Московской области известный всем вождь отзовистов «редактировал» помещенную в № 5 «Рабочего Знамени» статью рабочего отзовиста, но собственной платформы вождя мы до сих пор не получили. Нам прекрасно известно, что еще весной 1909 года, когда шли приготовления к областной конференции центрального промышленного района, платформа вождя отзовистов читалась и ходила по рукам. Нам известно из сообщений большевиков, что в этой платформе перлов несоциал-демократического рассуждения было еще несравненно больше, чем в петербургской. *Но текста платформы нам так и не доставили*,— вероятно, тоже по столь же случайным, совершенно случайным причинам, по каким Максимов говорил на конференции, уполномоченный фракцией отзовистов [95]).

Вопрос об использовании легальных возможностей Максимов с К° тоже прикрыли «гладкой» фразой о том, что это-де «само собой разумеется». Интересно бы знать, «само ли собой разумеется» это теперь и для практических вождей максимовской фракции *тов. Лядова и Станислава, которые еще три месяца тому назад провели* в находившемся тогда в их руках Областном Бюро Центрально-промышленной области (того самого состава Областного Бюро, которое утвердило пресловутую «школу»; состав Областного Бюро теперь изменился) резолюцию *против участия социал-демократов в съезде фабрично-заводских*

врачей). [96]) Как известно, это был первый съезд, на котором революционные социал-демократы были в большинстве. И против участия в этом съезде агитировали все виднейшие отзовисты и ультиматисты, объявляя «изменой делу пролетариата» участие в нем. А Максимов заметает следы — «само собой разумеется». «Само собою разумеется», что более откровенные отзовисты и ультиматисты открыто подрывают в России практическую работу, а Максимов и К°, которым не дают спать лавры Кричевского с Мартыновым, замазывают суть дела: никаких расхождений нет, никаких противников использования легальных возможностей не имеется.

Восстановление заграничных партийных органов, заграничных групп по организации сношений и т. д. неизбежно приводит и к повторению старых злоупотреблений, с которыми необходимо самым беспощадным образом бороться. Повторяется целиком история с «экономистами», которые в России вели агитацию против политической борьбы, а заграницей прикрывались «Рабочим Делом». Повторяется целиком история с буржуазно-демократическим «кредо» (кредо = символ веры), которое в России пропагандировалось Прокоповичем и К° и которое *против воли авторов* было оглашено в печати революционными социал-демократами. Нет ничего более развращающего партию, чем эта игра в прятки, чем это использование тяжелых условий нелегальной работы против партийной гласности, чем этот иезуитизм, когда Максимов и К°, действуя *целиком и во всем* рука об руку с отзовистами, печатно бьют себя в грудь, уверяя, что весь этот отзовизм нарочно раздувается «Пролетарием».

Мы — не крючкотворы, не формалисты, а люди революционной работы. Нам важны не словесные различия, которые можно устанавливать между отзовизмом, ультиматизмом, «бойкотизмом» (III Думы). Нам важно действительное содержание социал-демократической пропаганды и агитации. И если, под прикрытием большевизма, в нелегальных русских кружках проповедуются взгляды, ничего общего не имеющие ни с большевизмом, ни с социал-демократизмом вообще, то люди, мешающие полному разоблачению этих взглядов, полному разъяснению их ошибочности перед всей партией, такие люди поступают, как враги пролетариата.

IV.

В вопросе о богостроительстве эти люди также показали себя. Расширенная редакция «Пролетария» приняла и опубликовала две резолюции по этому вопросу: одну по существу дела, другую специально по поводу протеста Максимова. Спрашивается, что же говорит теперь этот Максимов в своем «Отчете»? Он

пишет «Отчет» для того, чтобы замести следы — совершенно в духе того дипломата, который говорил, что язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли. Распространяются какие-то «неверные сведения» о «якобы-богостроительском» направлении максимовской компании, только и всего.

«Неверные сведения», — говорите Вы? О нет, любезнейший, Вы именно потому заметали тут следы, что прекрасно знаете полную верность «сведений» относительно богостроительства, имеющихся у «Пролетария». Вы прекрасно знаете, что эти «сведения», как то и изложено в оглашенной резолюции, относятся прежде всего к литературным произведениям, исходящим из *вашей* литераторской компании. Эти литературные произведения *указаны* с полнейшей точностью в нашей резолюции; в ней не добавлено только, — не могло быть добавлено в резолюции, — что около полутора лет сильнейшее недовольство «богостроительством» ваших соратников высказывается среди руководящих кругов большевиков, и что именно на этой почве (кроме почвы указанной выше) новая фракция карикатурных большевиков отравляла нам всякую возможность работы увертками, хитростями, придирками, претензиями, кляузами. Одна из наиболее замечательных этих кляуз особенно хорошо известна Максимову, ибо это есть написанный и формально внесенный в редакцию «Пролетария» *протест* против помещения статьи «Не по дороге» (№ 42 «Пролетария»). Может быть, это тоже «неверные сведения», о, несправедливо устраненный? Может быть, это тоже был «якобы-протест»?

Нет, знаете ли, политика заметания следов не всегда удается, а в нашей партии она вам никогда не удастся. Нечего играть в прятки и пытаться жеманно сделать секрет из того, что известно всякому, интересующемуся русской литературой и русской социал-демократией. Есть литераторская компания, наводняющая нашу легальную литературу при помощи нескольких буржуазных издательств систематической проповедью богостроительства. К этой компании принадлежит и Максимов. Эта проповедь стала систематической именно за последние полтора года, когда русской буржуазии в ее контр-революционных целях *понадобилось* оживить религию, поднять спрос на религию, сочинить религию, привить народу или по-новому укрепить в народе религию. Проповедь богостроительства приобрела поэтому общественный, политический характер. Как в период революции целовала и зацеловала буржуазная пресса наиболее ретивых меньшевиков за их кадетолюбие, так в период контр-революции целует и зацеловывает буржуазная пресса богостроителей из среды — шутка сказать! — из среды марксистов и даже из среды «тоже большевиков». И когда официальный орган большевизма в редакционной статье заявил, что большевизму *не по дороге* с подобной проповедью

(это заявление в печати было сделано после неудачи бесчисленных попыток путем писем и личных бесед побудить к прекращению позорной проповеди), — тогда тов. Максимов подал формальный письменный протест в редакцию «Пролетария». Он, Максимов, выбран Лондонским съездом и поэтому его «приобретенное право» нарушено теми, кто посмел официально отречься от позорной проповеди богостроительства. «Да что же наша фракция в кабале, что ли, у богостроительских литераторов!» Это замечание вырвалось во время бурной сцены в редакции *у т. Марата,* — да, да, у того самого тов. Марата, который так скромен, благожелателен, примирителен, добросердечен, что он до сих пор не может хорошенько решить, идти ли ему с большевиками или с божественными отзовистами.

Или, может быть, все это тоже «неверные сведения», о, несправедливо устраненный Максимов? Нет никакой компании богостроительских литераторов, не было никакой защиты их Вами, не было Вашего протеста против статьи «Не по дороге»? а?

О «неверных сведениях» насчет богостроительского направления т. Максимов говорит в своем «Отчете» по поводу *заграничной школы,* которая устраивается новой фракцией. Т. Максимов так усиленно подчеркивает это «устройство *первой* (курсив Максимова) партийной школы заграницей», публику так усиленно ведет за нос по этому вопросу, что придется сказать о пресловутой «школе» поподробнее.

Т. Максимов горько жалуется:

«Ни единой попытки не только оказать содействие школе, но хотя бы даже взять в свои руки контроль над нею, со стороны редакции («Пролетария») не делалось; распространяя неизвестно откуда добытые ложные сведения о школе, редакция не сделала организаторам школы ни единого запроса с целью проверки этих сведений. Таково было отношение редакции ко всему этому делу».

Так. Так. «Ни единой попытки хотя бы даже взять в свои руки контроль над школой»... Иезуитизм Максимова в этой фразе дошел до того, что разоблачает сам себя.

Припомните, читатель, Ерогинское общежитие в эпоху первой Думы. Отставной земский начальник (или какой-то вообще в этом роде чиновный кавалер) Ерогин организовал в Петербурге общежитие для приезжих крестьянских депутатов, желая оказать содействие «видам правительства». Неопытные деревенские мужички, попадая в столицу, перехватывались Ерогинскими агентами и направлялись в Ерогинское общежитие, где, разумеется, находили *школу,* в которой опровергались превратные учения «левых», обливались помоями трудовики и т. д., в которой новички-члены Думы обучались «истинно-русской» государственной премудрости. К счастью, нахождение Государственной Думы

в Петербурге заставило Ерогина устроить в Петербурге же свое общежитие, а так как Петербург — достаточно широкий и свободный центр идейной и политической жизни, то, разумеется, Ерогинские депутаты очень скоро стали покидать Ерогинское общежитие и перекочевывать в лагерь трудовиков или в лагерь самостоятельных депутатов. Из затеи Ерогина вышел только срам и для него, и для правительства.

Теперь представьте себе, читатель, что подобное сему Ерогинское общежитие устроено не в каком-нибудь заграничном Петербурге, а в каком-нибудь заграничном Царевококшайске. Если вы представите себе это, то вы должны будете согласиться, что отзовистско-богостроительские ерогины использовали свое знакомство с Европой для того, чтобы оказаться похитрее истинно-русского Ерогина. Люди, называющие себя большевиками, собрали свою кассу, — независимую от той единственной, насколько мы знаем, общебольшевистской кассы, из которой покрываются расходы по изданию и распространению «Пролетария», — организовали свою агентуру, свезли нескольких «своих» агитаторов в Царевококшайск, привезли туда нескольких партийных социал-демократических рабочих и провозгласили это (запрятанное от партии в Царевококшайск) Ерогинское общежитие «*первой* партийной» (партийной — потому, что запрятано от партии) «школой заграницей».

Спешим оговориться — ввиду того, что устраненный т. Максимов поднял с особенным усердием вопрос о том, законно или противозаконно его устранение (об этом вопросе ниже) — спешим оговориться, что в образе действий отзовистски-богостроительских ерогинцев нет ровно ничего «противозаконного». Абсолютно ничего. Все тут вполне законно. Законно то, что единомышленники в партии группируются вместе. Законно то, что единомышленники собирают кассу и затевают одно общее пропагандистски-агитационное предприятие. Законно то, что формой этого предприятия они желают выбрать в данный момент, скажем к примеру, не газету, а «школу». Законно то, что они считают ее официально партийной, раз ее устраивают члены партии, и раз есть хоть одна, какая угодно организация партии, берущая на себя политическую и идейную ответственность за предприятие. Все тут вполне законно и все было бы очень хорошо, если бы... если бы не было иезуитизма, если бы не было лицемерия, если бы не было обмана своей собственной партии.

Разве это не обман партии, если вы публично подчеркиваете партийность школы, т.-е. ограничиваетесь вопросом о формальной ее подзаконности и *не называете имен* инициаторов и устроителей школы, т.-е. умалчиваете об идейно-политическом направлении школы, как предприятия *новой фракции* в нашей партии? В редакции «Пролетария» было две «бумажки» об этой школе

(сношения редакции с Максимовым уже более года идут не иначе, как при помощи «бумажек» и дипломатических нот). Первая бумажка была вовсе не подписана, абсолютно никем не подписана — просто рассуждение о пользе просвещения и о просветительном значении учреждений, называемых школами. Вторая бумажка была подписана подставными лицами [97]). Теперь, выступая печатно перед публикой с восхвалением «первой партийной школы заграницей», т. Максимов *умалчивает* попрежнему о *фракционном* характере школы.

Эта политика иезуитизма вредит партии. Эту «политику» мы разоблачим. Инициаторами и устроителями школы являются *на деле* товарищи «Ер» (назовем так всем в партии известного вождя московских отзовистов, читавшего рефераты о школе, организовавшего школу учеников и выбранного несколькими рабочими кружками в лекторы), Максимов, Луначарский, Лядов, Алексинский *и т. д.* Мы не знаем и не интересуемся знать, какую роль, в частности, играли те или другие из этих товарищей, как они размещаются в разных официальных учреждениях школы, в ее «Совете», в ее «исполнительной комиссии», в ее лекторской коллегии и т. п. Мы не знаем, какие «нефракционные» товарищи могут в том или ином отдельном случае дополнить эту компанию. Все это совсем неважно. Мы утверждаем, что *действительное* идейно-политическое направление этой школы, как нового фракционного центра, *определяется именно* названными именами и что, скрывая это от партии, Максимов ведет политику иезуитизма. Не то дурно, что в партии возник новый фракционный центр, — мы отнюдь не принадлежим к людям, которые не прочь составить себе политический капиталец на дешевенько-популярных криках против фракционности, — напротив, это хорошо, что получил возможность особого выражения в партии особый оттенок, раз таковой имеется. Дурно то, что партия вводится в обман и вводятся в обман и рабочие, сочувствующие — само собой разумеется — всякой *школе*, как всякому просветительному предприятию.

Разве это не лицемерие, когда т. Максимов жалуется публике, что редакция «Пролетария» не пожелала «даже» («*даже*»!) «взять в свои руки контроль над школой»? Подумайте только: в июне *1908 года* т. Максимов вышел из узкой редакции «Пролетария», с тех пор почти непрерывно идет в *тысяче* форм внутренняя борьба в большевистской фракции; Алексинский — заграницей, «Ер» и К° — заграницей и в России на тысячу ладов повторяют за Максимовым все отзовистско-богостроительские благоглупости против «Пролетария». Максимов подает письменные и формальные протесты против статьи «Не по дороге»; о грядущем неизбежном расколе у большевиков говорят все, хоть по наслышке знающие партийные дела (достаточно указать, что

меньшевик Дан на Всероссийской конференции декабря 1908 года во всеуслышанье на официальном собрании заявил: «кто же не знает, что Ленина обвиняют теперь большевики в предательстве большевизма»!), — а тов. Максимов, разыгрывая роль невинного, ну совсем-таки невинного младенца, вопрошает почтеннейшую публику: почему это редакция «Пролетария» не пожелала «даже» взять в свои руки контроль над партийной школой в богостроительском Царевококшайске? «Контроль» над школой! Сторонники «Пролетария» в качестве «*инспекторов*», присутствующих при лекциях Максимова, Луначарского, Алексинского и К°!! Ну, к чему играть эту недостойную, позорную комедию? К чему? К чему втирать очки публике рассылкой ничего не говорящих «программ» и «отчетов» «школы» вместо того, чтобы прямо и открыто признать идейных руководителей и вдохновителей нового фракционного центра!

К чему? — мы сейчас дадим ответ на этот вопрос, а пока закончим по вопросу о школе: Царевококшайск может поместиться в Петербурге и переместиться (по крайней мере большей своей частью) в Петербург, но Петербург не может ни поместиться в Царевококшайске, ни переместиться в Царевококшайск. Кто поэнергичнее, посамостоятельнее из учеников новой партийной школы, тот сумеет найти себе дорогу от узкой новой фракции к широкой партии, от «науки» отзовистов и богостроителей к науке социал-демократизма вообще и большевизма, в частности. А кто хочет ограничиться ерогинским просвещением, с тем ничего не поделаешь. Редакция «Пролетария» готова оказать и окажет *всяческую* помощь *всем* рабочим, каких бы взглядов они ни были, раз они пожелают переехать (или съездить) из заграничного Царевококшайска в заграничный Петербург и познакомиться со взглядами большевизма. Лицемерную же политику устроителей и инициаторов «*первой* заграничной *партийной* школы» мы разоблачим перед всей партией.

V.

К чему все это лицемерие Максимова — спрашивали мы и отложили ответ на этот вопрос до окончания разговора о школе. Но, говоря строго, не вопрос «к чему?», а вопрос «почему?» заслуживает здесь выяснения. Неверно было бы думать, что лицемерная политика ведется всеми членами новой фракции сознательно ради определенной цели. Нет. Дело обстоит так, что в самом положении этой фракции, в условиях ее выступления и ее деятельности есть причины (несознаваемые многими отзовистами и богостроителями), которые порождают лицемерную политику.

Давно уже сказано, что лицемерие есть дань, которую порок платит добродетели. Но это изречение относится к области личной морали. По отношению к идейно-политическим направлениям надо сказать, что лицемерие есть то прикрытие, за которое хватаются группы, внутренно неоднородные, составленные из разношерстных, случайно сошедшихся элементов, чувствующих себя слабыми для открытого, прямого выступления.

Состав новой фракции определяет то, что она схватилась за это прикрытие. Штаб фракции божественных отзовистов составляют непризнанные философы, осмеянные богостроители, уличенные в анархистском недомыслии и бесшабашной революционной фразе отзовисты, запутавшиеся ультиматисты, наконец, те (немногие, к счастью, в большевистской фракции) боевики, которые сочли ниже своего достоинства переход к невидной, скромной, лишенной внешнего блеска и «яркости», революционной социал-демократической работе, соответствующей условиям и задачам «межреволюционной» эпохи, и которых ублаготворяет Максимов «яркой» фразой об инструкторских школах и группах... в 1909 году. Единственное, что крепко сплачивает в настоящую минуту эти разнокалиберные элементы, это — горячая ненависть к «Пролетарию» и, вполне заслуженная им, ненависть за то, что *ни единая* попытка этих элементов получить в «Пролетарии» свое выражение, или хотя бы свое косвенное признание, или малейшую защиту и прикрытие *не оставалась никогда без самого решительного отпора.*

«Оставь надежду навсегда» — вот что говорил этим элементам «Пролетарий» каждым своим номером, каждым редакционным собранием, каждым выступлением по какому бы то ни было очередному вопросу партийной жизни.

И вот, когда очередными вопросами оказались — (в силу объективных условий развития нашей революции и нашей контрреволюции оказались) в области литературы — богостроительство и теоретические основы марксизма, а в области политической работы — использование III Думы и третьедумской трибуны социал-демократией, — тогда эти элементы сплотились и произошел естественный и неизбежный взрыв.

Как и всякий взрыв, он произошел сразу, — не в том смысле, чтобы тенденции не намечались раньше, чтобы не было отдельных проявлений этих тенденций, — а в том смысле, что политическое сплочение разнокалиберных тенденций, в том числе и весьма далеких от политики тенденций, оказалось почти внезапным. Широкая публика поэтому склонна, как и всегда, поддаться прежде всего *обывательскому* объяснению нового раскола, объяснению его какими-либо дурными качествами того или иного из руководителей, влиянием заграницы, кружковщины и проч. и т. п. Нет сомнения, что заграница, став неизбежным,

в силу объективных условий, местом операционной базы всех центральных революционных организаций, наложила свой отпечаток на *форму* раскола. Нет сомнения, что на этой *форме* сказались и особенности того литераторского кружка, который *одним своим боком* входил в социал-демократию. Мы называем обывательским объяснением не учет этих обстоятельств, ничего кроме формы, поводов, «внешней истории» раскола объяснить неспособных, а нежелание или неспособность понять *идейно-политические* основы, причины корней расхождения.

Непонимание этих основ новой фракцией является также источником того, что она схватилась за старое прикрытие, заметая следы, отрицая *неразрывную* связь с отзовизмом и т. д. Непонимание этих основ вызывает со стороны новой фракции *спекуляцию на обывательское объяснение раскола и на обывательское сочувствие.*

В самом деле, разве это не спекуляция на обывательское сочувствие, если Максимов и К° плачутся теперь публично по поводу их «вышибания», их «устранения»? Подайте милостыньку вашего сочувствия, христа ради, невинно вышибленным, несправедливо устраненным... Что этот прием безошибочно верно рассчитан на *обывательское* сочувствие, это доказывает тот оригинальный факт, что *даже* тов. Плеханов, враг всякого богостроительства, всякой «новой» философии, всякого отзовизма и ультиматизма и т. д., *даже* тов. Плеханов подал милостыньку христа ради, воспользовавшись хныканьем Максимова, и обозвал большевиков по этому случаю еще и еще раз «жестоковыйными» (см. «Дневник Социал-Демократа» Плеханова, август 1909) [98]). Если Максимов выпросил милостыню сочувствия даже у Плеханова, то вы можете себе представить, читатель, сколько слез сочувствия Максимову будет пролито обывательскими элементами внутри социал-демократии и около социал-демократии по поводу «вышибания» и «устранения» добрых, благонамеренных и скромных отзовистов и богостроителей.

Вопрос о «вышибании» и «устранении» *разрабатывается* т. Максимовым и с формальной стороны и по существу дела. Посмотрим на эту разработку.

С формальной стороны устранение Максимова «противозаконно»,— говорят нам устраненные,— и «мы не признаем этого устранения», ибо Максимов «выбран большевистским съездом, т.-е. большевистской частью партийного съезда». Читая листок Максимова и Николаева, публика видит тяжелое обвинение («противозаконное устранение»), не получая ни точной формулировки его, ни материала для суждения о деле. Но ведь именно таков всегдашний прием известной стороны при заграничных расколах: затенять принципиальное расхождение, прикрывать его, замалчивать идейные споры, прятать своих идейных друзей и

шуметь побольше об организационных конфликтах, которые публика не в состоянии разобрать точно и не вправе разбирать детально. Так поступали рабочедельцы в 1899 г., крича, что «экономизма» никакого нет, а что вот Плеханов украл типографию. Так поступали меньшевики в 1903 году, крича, что никакого поворота к рабочедельчеству у них нет, а что вот Ленин «вышиб» или «устранил» Потресова, Аксельрода и Засулич и т. д. Так поступают люди, спекулирующие на заграничных любителей скандальчика, сенсации. Ни отзовизма нет, ни богостроительства нет, а есть «противозаконное устранение» Максимова «большинством редакции», которое желает «*оставить в своем полном распоряжении*» «*имущество всей фракции*», — пожалуйтека в нашу лавочку, господа, мы вам порасскажем об этом самое что ни на есть пикантное...

Старый прием, тт. Максимов и Николаев! Нельзя *не* сломать себе шеи тем политикам, которые прибегают к этому приему.

О «противозаконности» говорят наши «устраненные» потому, что редакцию «Пролетария» они считают не вправе решать вопрос о судьбе большевистской фракции и об ее расколе. Очень хорошо, господа. Если редакция «Пролетария» и выбранные на Лондонском съезде 15 большевиков членов Ц.К. и кандидатов в члены Ц.К. не вправе представлять большевистскую фракцию, то вы имеете полную возможность заявить это во всеуслышание и повести кампанию за свержение или за перевыбор этого негодного представительства. Да вы и вели *эту кампанию* и, только потерпев некоторый ряд некоторых неудач, вы предпочли жаловаться и хныкать. Если вы подняли вопрос о съезде или конференции большевиков, тт. Максимов и Николаев, то почему не рассказали вы публике, что тов. «Ер» *несколько месяцев тому назад* вносил уже в Московский Комитет проект резолюции о недоверии «Пролетарию» и о конференции большевиков для выбора нового идейного центра большевиков? [99]).

Почему вы умолчали об этом, о, несправедливо устраненные?

Почему вы умолчали о том, что резолюция «Ера» отклонена всеми голосами против него одного?

Почему вы умолчали о том, что осенью 1908-го года во всей петербургской организации, вплоть до низов, шла борьба по платформам двух течений в большевизме, отзовистов и противников отзовизма, при чем отзовисты потерпели поражение?

Максимову и Николаеву хочется похныкать перед публикой, потому что они потерпели поражение неоднократно в России. И «Ер» и петербургские отзовисты имели право, не дожидаясь никакой конференции и *не опубликовывая* своих платформ перед всей партией, вести борьбу против большевизма вплоть до низов.

Но редакция «Пролетария», с июня 1908-го года объявившая открытую войну отзовизму, не имела права после года борьбы,

года дискуссий, года трений, конфликтов и т. д., после вызова трех делегатов от областей из России и нескольких русских членов расширенной редакции, не участвовавших ни в одном заграничном столкновении, не имела права заявить *то, что есть,* заявить, что Максимов *откололся от нее,* заявить, что большевизм ничего общего не имеет с отзовизмом, ультиматизмом и богостроительством?

Перестаньте лицемерить, господа! Вы боролись там, где вы считали себя особенно сильными, и потерпели поражение. Вы несли отзовизм в массы вопреки решению официального центра большевиков и не дожидаясь никакой особой конференции. И теперь вы принимаетесь хныкать и жаловаться потому, что вы оказались в ничтожном до смешного меньшинстве в расширенной редакции, в Совещании с участием делегатов областей!

Перед нами опять-таки чисто рабочедельческий прием заграничников: играть в «демократию», когда нет на-лицо условий для полной демократии, — спекулировать на разжигание всякого недовольства «заграницей» и в то же время из той же заграницы направлять (посредством «школы») свою отзовистски-богостроительскую пропаганду, — начинать раскол среди большевиков и плакаться потом о расколе, — устроить свою фракцию (под прикрытием «школы») и лицемерно лить слезы по поводу «раскольнической» политики «Пролетария».

Нет, довольно уже этой склоки! Фракция есть свободный союз *единомышленников* внутри партии, и после борьбы более чем в течение года, борьбы и в России и за границей, мы имели полное право, мы были обязаны сделать решительный вывод. И мы его сделали. Вы имеете полное право бороться против него, выставлять свою платформу, завоевывать ей большинство. Если вы не делаете этого, если вы вместо открытого союза с отзовистами и выставления общей платформы продолжаете играть в прятки и спекулировать на дешевеньком заграничном «демократизме», — то вы получите в ответ только заслуженное вами презрение.

Вы ведете двойную игру. С одной стороны, вы объявляете, что «Пролетарий» целый год уже «сплошь» ведет не большевистскую линию (и ваши сторонники в России *не раз* пытались провести эти взгляды в резолюциях П.К. и М.К.). С другой стороны, вы плачетесь о расколе и отказываетесь признать «устранение». С одной стороны, вы идете *на деле* во всем рука об руку с отзовистами и богостроителями, с другой, — вы отрекаетесь от них и корчите из себя примиренцев, желающих примирить большевиков с отзовистами и богостроителями.

«Оставьте надежду навсегда»! Вы можете завоевывать себе большинство. Вы можете одерживать среди незрелой части большевиков какие-угодно победы. Ни на какое примирение мы не

пойдем. Стройте свою фракцию, вернее: продолжайте строить ее, как вы уже начали это делать, но не обманывайте партии, не обманывайте большевиков. Никакие конференции, никакие съезды в мире не примирят теперь большевиков с отзовистами, ультиматистами и богостроителями. Мы сказали, и мы повторяем еще раз: каждый социал-демократ большевик и каждый сознательный рабочий должен сделать решительный и окончательный выбор.

VI.

Прикрывая свою идейную родню, боясь развернуть свою настоящую платформу, новая фракция старается пополнить нехватку в своем идейном багаже посредством заимствования *слов* из багажа старых расколов. «Новый Пролетарий», «новопролетариевская линия»,—кричат Максимов и Николаев, подражая старой борьбе против новой «Искры».

Прием, способный очаровать некоторых политических младенцев.

Но даже и слов-то старых вы не умеете повторить, господа. «Соль» лозунга «против новой «Искры»» состояла в том, что меньшевики, получив «Искру», *должны были* сами начать новую линию, тогда как съезд (II съезд Р. С.-Д. Р. П. в 1903 году) утвердил именно линию старой «Искры». «Соль» была в том, что меньшевикам пришлось (устами Троцкого в 1903—1904 г.г.) провозгласить: между старой и новой «Искрой» лежит пропасть. И до сих пор Потресов и К° стараются стереть с себя «следы» той эпохи, когда их вела старая «Искра».

«Пролетарий» выходит теперь 47-м номером. Ровно три года тому назад, в августе 1906 года, вышел первый номер. В этом *первом* номере «Пролетария», помеченном 3 сентября (21 августа) 1906 года, находим *редакционную* статью «*О бойкоте*» и в этой статье черным по белому: «*Теперь как-раз наступило время, когда революционные с.-д. должны перестать быть бойкотистами*» *). Ни единого номера «Пролетария» не было с тех пор, где бы *хоть строчка* была допущена в пользу «бойкотизма» (после 1906 года), отзовизма и ультиматизма, без опровержения этой *карикатуры на большевизм.* И теперь карикатурные большевики поднимаются на ходули, пытаясь сравнить себя с людьми, *сначала* проведшими трехлетнюю кампанию старой «Искры» и закрепившими ее линию II-м съездом партии, а *потом* показавшими поворот новой «Искры»!

«Бывший редактор популярной рабочей газеты «Вперед»»—подписывается теперь т. Максимов, желая напомнить читателю,

---

*) См. X том Сочинений, стр. 29. *Ред.*

что-де «гуси Рим спасли». Ваше отношение к линии газеты «Вперед» — ответим мы Максимову на это напоминание — совершенно такое же, как отношение Потресова к старой «Искре». Потресов был ее редактором, но не он вел старую «Искру», а старая «Искра» вела его. Как только он захотел изменить линию, — от него отвернулись староискровцы. И теперь даже сам Потресов из кожи лезет, чтобы очиститься от «греха молодости», от участия в редакторстве старой «Искры».

Не Максимов вел газету «Вперед», а газета «Вперед» вела Максимова. Доказательство: бойкотизм III Думы, в пользу которого *ни единого* слова не сказала и не могла сказать газета «Вперед». Максимов поступал очень разумно и хорошо, когда давал вести себя газете «Вперед». Максимов стал выдумывать теперь (или, все равно, помогать отзовистам выдумывать) такую *линию*, которая неизбежно ведет его в болото, как и Потресова.

Запомните это, т. Максимов: в основу сравнения надо брать цельность идейно-политического направления, а не «слова», не «лозунги», которые кое-кто *заучивает*, не понимая их смысла. Большевизм провел за три года, 1900—1903, старую «Искру» и вышел на борьбу с меньшевизмом, как цельное направление. Меньшевики долго путались с новым для них союзом, с антиискровцами, с рабочедельцами, пока не отдали Прокоповичу Потресова (да и одного ли Потресова?). Большевизм провел в духе решительной борьбы с «бойкотизмом» и т. п. *старый* «Пролетарий» (1906—1909 г.г.) и вышел, как цельное направление, на борьбу с людьми, которые выдумывают теперь «отзовизм», «ультиматизм», «богостроительство» и т. п. Меньшевики хотели исправить старую «Искру» в духе Мартынова и экономистов — и сломали себе на этом шею. Вы хотите исправить старый «Пролетарий» в духе «Ера», отзовистов и богостроителей — и вы сломаете на этом шею.

А «поворот к Плеханову», — торжествует Максимов. А создание «новой *фракции центра*»? И наш «тоже большевик» объявляет «дипломатией» «отрицание» того, будто «имеется в виду осуществление идеи «центра»»!

Эти крики Максимова против «дипломатии» и против «объединения с Плехановым» сто́ят того, чтобы над ними посмеяться. Карикатурные большевики и тут верны себе: они твердо *заучили*, что Плеханов вел в 1906—1907 годах архи-оппортунистическую политику. И они думают, что если твердить это почаще, не разбираясь в происходящих изменениях, то это будет означать наибольшую «революционность».

На самом деле «дипломаты» «Пролетария», начиная с Лондонского съезда, открыто вели все время и провели политику партийности против карикатурных преувеличений фракционности, политику защиты марксизма против критики его. И теперешний

источник криков Максимова двоякий: с одной стороны, начиная с Лондонского съезда, имелись всегда отдельные большевики (пример: Алексинский), твердившие о подмене линии большевизма линией «примиренчества», линией «польско-латышской» и т. п. В серьез большевики редко брали эти совсем глупенькие речи, свидетельствующие только о заскорузлости мышления. С другой стороны, та литературная компания, к которой принадлежит Максимов и которая всегда одним лишь своим боком подходила к социал-демократии, в течение долгого времени видела главного врага своим богостроительским и т. п. тенденциям в Плеханове. Нет ничего страшнее Плеханова для этой компании. Нет ничего более разрушающего *ее надежды* на прививку своих идей рабочей партии, как «объединение с Плехановым».

И вот, эти двоякого рода элементы: заскорузлая фракционность, не понимающая задач большевистской фракции по созданию партии, и литераторски-кружковые элементы богостроителей и прикрывателей богостроительства — сплотились теперь на «платформе»: *против* «объединения с Плехановым», против «примиренческой», «польско-латышской» линии «Пролетария» и т. п.

Вышедший теперь № 9 «Дневника» Плеханова избавляет нас от необходимости особенно подробно разъяснять читателю всю карикатурность этой «платформы» карикатурных большевиков. Плеханов разоблачил ликвидаторство в «Голосе Социал-Демократа», дипломатию его редакторов и объявил, что ему «не по дороге» с Потресовым, который перестал быть революционером. Для всякого социал-демократа теперь ясно, что *рабочие* меньшевики пойдут за Плехановым против Потресова. Для всякого ясно, что раскол среди меньшевиков подтверждает линию большевиков. Для всякого ясно, что провозглашение Плехановым *партийной* линии против раскольничества ликвидаторов означает *громадную* победу большевизма, который занимает теперь главенствующее положение в партии.

Эту громадную победу большевизм одержал потому, что он вел свою партийную политику *вопреки* крикам «левых» недорослей и богостроительских литераторов. Только эти люди способны бояться сближения с тем Плехановым, который разоблачает и изгоняет из рабочей партии Потресовых. Только в застоявшемся болоте богостроительского кружка или героев заученной фразы может иметь успех «платформа»: «против объединения с Плехановым», *то-есть* против сближения с партийными меньшевиками для борьбы с ликвидаторством, против сближения с ортодоксальными марксистами (это невыгодно ерогинской компании литераторов), против дальнейшего завоевания партии для революционной социал-демократической политики и тактики.

Мы, большевики, можем указать на великие успехи в деле такого завоевания. Роза Люксембург и Карл Каутский — социал-

демократы, пишущие нередко для русских и постольку входящие в нашу партию — завоеваны нами идейно, несмотря на то, что в начале раскола (1903 г.) все симпатии их были на стороне меньшевиков. Завоеваны они были тем, что большевики не делали поблажек «критике» марксизма, тем, что большевики отстаи-…ли букву *своей*, непременно *своей* фракционной теории, а общий дух и смысл революционно-социал-демократической тактики. Мы и впредь пойдем тем же путем, поведем еще более беспощадную войну против буквоедского недомыслия и бесшабашной игры с заученными фразами, против теоретического ревизионизма богостроительского кружка литераторов.

Два ликвидаторские течения обрисовались теперь вполне ясно у русских социал-демократов: потресовское и максимовское. Потресов вынужден бояться Социал-Демократической Партии, ибо в ней безнадежно отныне проведение его линии. Максимов вынужден бояться Социал-Демократической Партии, ибо в ней безнадежно теперь проведение *его* линии. И тот и другой будут поддерживать и прикрывать всеми правдами и неправдами проделки особых литераторских кружков с их своеобразными видами ревизионизма в марксизме. И тот и другой будут цепляться, как за последнюю тень надежды, за сохранение духа кружковщины против партийности, ибо Потресов может еще иногда побеждать в отборной компании заскорузлых меньшевиков, Максимова могут еще иногда увенчать лаврами отборно заскорузлые кружки большевиков, но ни тому, ни другому никогда не занять прочного места ни среди марксистов, ни в действительно социал-демократической рабочей партии. И тот и другой представляют две противоположные, но взаимно друг друга пополняющие, одинаково ограниченные, мелко-буржуазные тенденции в социал-демократии.

VII.

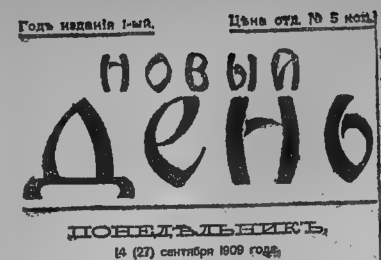
Мы показали, каков штаб новой фракции. Откуда может рекрутироваться ее армия? Из буржуазно-демократических элементов, примкнувших к рабочей партии во время революции. Пролетариат везде и всегда рекрутируется из мелкой буржуазии, везде и всегда бывает связан с ней тысячами переходных ступеней, граней, оттенков. Когда рабочая партия растет особенно быстро (как это было у нас в 1905—1906 годах), проникновение в нее массы элементов, пропитанных мелко-буржуазным духом, неизбежно. И в этом нет ничего худого. Историческая задача пролетариата — переваривать, переучивать, перевоспитывать все элементы старого общества, которые оно оставляет ему в наследство в виде выходцев из мелкой буржуазии. Но для этого нужно, чтобы пролетариат перевоспитывал выходцев, чтобы он

влиял на них, а не они на него. Очень многие «социал-демократы дней свободы», впервые став социал-демократами в дни увлечения, праздника, в дни ярких лозунгов, в дни побед пролетариата, круживших головы даже чисто буржуазной интеллигенции, стали *учиться серьезно*, учиться марксизму, учиться выдержанной пролетарской работе, — они всегда останутся социал-демократами и марксистами. Другие не успели или не умели перенять от пролетарской партии ничего, кроме нескольких заученных слов, зазубренных «ярких» лозунгов, пары фраз о «бойкотизме», «боевизме» и т. п. Когда такие элементы вздумали навязывать свои «теории», свое миросозерцание, т.-е. свою ограниченность рабочей партии, раскол с ними стал неизбежен.

Судьба бойкотистов III Думы превосходно показывает на наглядном примере различие тех и других элементов.

Большинство большевиков, искренно увлеченное желанием непосредственной и немедленной борьбы с героями 16 (3)-го июня, склонилось к бойкоту III Думы, но очень быстро сумело справиться с новым положением. Они не твердили заученных слов, а внимательно всматривались в новые исторические условия, вдумывались в то, почему жизнь пошла так, а не иначе, работали головой, а не только языком, они вели серьезную и выдержанную пролетарскую работу и они быстро поняли всю глупость, все убожество «отзовизма». Другие уцепились за слово, стали сочинять из непереваренных слов «свою линию», стали кричать о «бойкотизме, отзовизме, ультиматизме», стали заменять этими криками пролетарски-революционную работу, предписанную данными историческими условиями, стали подбирать новую фракцию из всех и всяческих незрелых элементов большевизма. Скатертью дорога, любезные! Мы сделали все, что могли, чтобы научить вас марксизму и социал-демократической работе. Мы объявляем теперь самую решительную и непримиримую войну и ликвидаторам справа и ликвидаторам слева, развращающим рабочую партию теоретическим ревизионизмом и мещанскими методами политики и тактики.

Годъ изданія 1-ый. Цѣна отд. № 5 коп.



ПОНЕДѢЛЬНИКЪ,
14 (27) сентября 1909 года.
№. 9.

ЕЩЕ О ПАРТИЙНОСТИ И БЕСПАРТИЙНОСТИ.

Вопрос о партийных и беспартийных, нужных и «ненужных» кандидатурах, несомненно, один из самых важных—если не самый важный—при современных выборах в современную Думу. Прежде всего и больше всего избиратели и широкая масса, следящая за выборами, должны дать себе отчет в том, *зачем* нужны выборы, *какая* задача стоит перед думским депутатом, *какова* должна быть тактика петербургского депутата в III Думе. А дать себе действительно полный и точный отчет во всем этом можно только при условии партийности всей избирательной кампании.

Для тех, кто хочет отстаивать на выборах интересы действительно широких и самых широких масс населения, на первый план выдвигается задача развития политического сознания масс. В неразрывной связи с развитием этого сознания яснее определяется группировка масс, соответствующая действительным интересам тех или иных классов населения. Всякая беспартийность всегда означает, даже при исключительно удачных случаях, неясность и неразвитость политического сознания и кандидата, и поддерживающей его группы или поддерживающих его партий, и участвующей в его выборах массы.

Для всех беспорядочных партий, преследующих на выборах задачи удовлетворения интересов тех или иных небольших групп имущего населения, развитие сознания масс всегда отходит на второй план, а ясность классовой группировки масс почти всегда представляется нежелательной и опасной. Для тех, кто не хочет встать на защиту буржуазных партий, ясность политического сознания и ясность классовой группировки выше всего. Это не исключает, конечно, при известных, особого рода условиях, временных совместных действий разного рода партий, но это безусловно исключает всякую беспартийность и всякое ослабление или затушевывание партийности.

Но именно потому, что мы отстаиваем партийность принципиально, в интересах широких масс, в интересах их освобождения от всякого рода буржуазных влияний, в интересах полной и полнейшей ясности классовых группировок, именно поэтому

нам надо всеми силами добиваться того и строжайше следить за тем, чтобы партийность была *не словом* только, *а делом.*

Беспартийный кандидат Кузьмин-Караваев, получивший уже прозвище «ненужного» кандидата, излагает, что партийных кандидатов в строгом смысле на выборах в Петербурге нет [100]). Это мнение настолько неверное, что на опровержении его не стоит и останавливаться. В партийности кандидатур Кутлера и Н. Д. Соколова сомневаться невозможно. Кузьмина-Караваева сбило отчасти с толку то обстоятельство, что нет вполне открытой партийной жизни у обеих партий, выставивших ту и другую кандидатуру. Но это обстоятельство затрудняет партийное ведение выборов, не уничтожает необходимости в нем. Поддаваться *таким* затруднениям, спасовать перед ними — совершенно то же самое, что поддаваться желанию г. Столыпина слышать из уст «оппозиции» (якобы оппозиции) подтверждение его «конституционности».

Для массы, участвующей в петербургских выборах, особенно важно теперь проверить, *какие* партии *спасовали* перед этими затруднениями и какие сохранили во всей целости и свою программу и свои лозунги; какие пытались «приспособиться» к реакционному режиму в смысле сокращения, сужения до рамок этого режима своей думской деятельности, своей прессы, своей организации, и какие приспособились в смысле видоизменения некоторых форм деятельности, отнюдь не в смысле урезывания своих лозунгов в Думе, отнюдь не в смысле сужения своей прессы, организации и т. д. до рамок этого режима. Такая проверка, всесторонняя, основанная на истории партий, основанная на фактах их думской и внедумской деятельности, составляет главное содержание избирательной кампании. Массы должны познакомиться еще раз в новой, более трудной для демократии, обстановке с *партиями,* которые претендуют на название демократических. Массы должны познакомиться еще и еще раз с отличиями буржуазной демократии от той, которая выдвинула на этот раз Н. Д. Соколова, с отличиями их миросозерцания, их конечной цели, их отношения к задаче великого международного освободительного движения, их способности отстоять идеалы и пути освободительного движения в России. Массы должны выйти из этой избирательной кампании более партийными, более отчетливо сознающими интересы, задачи, лозунги, точки зрения и методы действия различных классов, — вот тот неразрушимый результат, который политическое направление, представляемое Н. Д. Соколовым, ценит выше всего и которого оно сумеет добиться самой упорной, стойкой, выдержанной, всесторонней работой.

«Новый День» [101]*) № 9, 27 (14) сентября 1909 г.*
Подпись: Вл. Ильин.

БЕСЕДА С ПЕТЕРБУРГСКИМИ БОЛЬШЕВИКАМИ.

Когда настоящий номер «Пролетария» попадет в Россию, избирательная кампания в С.-Петербурге будет уже окончена. Теперь вполне уместно поэтому побеседовать с петербургскими большевиками — а также и со всеми русскими социал-демократами — о той борьбе с ультиматистами, которая едва не разгорелась до полного раскола в Петербурге во время выборов и которая имеет громадное значение для всей Социал-Демократической Рабочей Партии в России.

Четыре этапа этой борьбы должны быть прежде всего ясно установлены, а затем мы подробно остановимся на значении борьбы и на некоторых разногласиях между нами и частью петербургских большевиков. Эти четыре этапа следующие: 1) На заграничном Совещании расширенной редакции «Пролетария» окончательно определено отношение большевиков к отзовизму и ультиматизму, а также констатирован откол т. Максимова (№ 46 «Пролетария» и приложение к нему *)). — 2) В особом листке, отпечатанном и распространенном тоже за границей, под названием «Отчет товарищам большевикам устраненных членов расширенной редакции «Пролетария»», тт. Максимов и Николаев (условно и частично поддержанные тт. Маратом и Домовым) излагают свои взгляды на линию «Пролетария», как «меньшевистскую» и т. д. и защищают свой ультиматизм. Разбор этого листка дан в особом приложении к № 47—48 «Пролетария» **).— 3) В самом начале избирательной кампании в С.-Петербурге исполнительная комиссия Петербургского Комитета нашей партии приняла ультиматистскую резолюцию по поводу выборов. Текст этой резолюции приводится ниже.—4) Принятие этой резолюции вызывает настоящую бурю в партийных кругах петербургских большевиков. Буря идет, если позволительно так выразиться,

---

*) См. настоящий том, стр. 85—111. *Ред.*
**) См. настоящий том, стр. 137—167. *Ред.*

и сверху и снизу. «Сверху», это — негодование и протесты представителей Центрального Комитета и членов расширенной редакции «Пролетария». «Снизу», это — созыв частного междурайонного совещания рабочих и работников социал-демократов в Петербурге. Совещание приняло резолюцию (текст — ниже) солидарности с редакцией «Пролетария», но резко осудило «раскольнические шаги» и *этой редакции* и отзовистов-ультиматистов. Затем было собрано новое собрание СПБ. Комитета и Исполнительной Комиссии, и ультиматистская резолюция *была отменена.* Принята была новая резолюция в духе линии «Пролетария». Текст этой резолюции приведен полностью в хронике настоящего номера [102]).

Такова основная канва событий. Значение пресловутого «ультиматизма» в нашей партии освещено теперь *на практике* с полнейшей ясностью, и все русские социал-демократы должны внимательно вдуматься в спорные вопросы. Далее, осуждение нашей «раскольнической» линии частью наших единомышленников в Петербурге дает нам желанный повод, чтобы окончательно *объясниться* со всеми большевиками и по этому важному вопросу. Теперь же «объясниться» до конца лучше, чем порождать новые трения и «недоразумения» на каждом шагу практической работы.

Прежде всего восстановим *точно*, какую позицию по вопросу о расколе заняли мы сразу после Совещаний расширенной редакции «Пролетария». В «Извещении» об этом Совещании (приложение к № 46 «Пролетария» *)) сказано с самого начала, что ультиматизм, как направление, предлагающее поставить социал-демократической думской фракции ультиматум, колеблется между отзовизмом и большевизмом. Один из наших ультиматистов заграничных — сказано в извещении — «признает, что деятельность с.-д. думской фракции за последнее время значительно улучшается и что он и не думает предъявлять ей ультиматум теперь же, немедленно» [103]).

«С *такими* ультиматистами — буквально продолжает «Извещение» — сожительство внутри одной фракции, конечно, возможно... По отношению к *таким* ультиматистам-большевикам не может быть и речи о расколе». Смешно было бы даже и говорить об этом.

Далее, на второй странице «Извещения» читаем:

«В глубокую ошибку впали бы те местные работники, которые поняли бы резолюцию Совещания, как призыв изгонять из организации *настроенных отзовистски* рабочих или, тем более, колоть немедленно организации там, где имеются отзовистские элементы. Самым решительным образом предостерегаем мы местных работников от подобных шагов».

*) См. настоящий том, стр. 89—96. *Ред.*

Казалось бы, яснее выразиться нельзя. Откол тов. Максимова, *отказывающегося подчиняться* резолюциям Совещания, неизбежен. Раскола с колеблющимися, неопределенными отзовистски-ультиматистскими элементами мы не только не провозглашали, а решительно предостерегали от него.

Теперь взгляните на второй этап борьбы. Тов. Максимов и К⁰ выпускают заграничный листок, в котором, с одной стороны, нас обвиняют в расколе, а, с другой стороны, линия нового «Пролетария» (якобы, изменившего старому «Пролетарию», старому большевизму) объявляется меньшевистской, «думистской» и т. п. Не смешно ли жаловаться на раскол фракции, *т.-е. союза единомышленников внутри партии,* если сами признаете отсутствие единомыслия? Защищая свой ультиматизм, тов. Максимов и К⁰ писали в своем листке, что «партия не может тогда (т.-е. при условиях острой и усиливающейся реакции, характеризующих современный момент) провести крупной и яркой избирательной кампании, не может получить достойного себя парламентского представительства», — что «вопрос о самой полезности участия в псевдо-парламентском учреждении становится тогда сомнительным и спорным», — что «Пролетарий» «по существу» дела «переходит на меньшевистскую точку зрения парламентаризма во что бы то ни стало». Эти фразы сопровождаются уклончивой защитой отзовизма («отзовисты никогда (!!!) не высказывались в смысле анти-парламентаризма вообще») и уклончивым отречением от него (мы-де не отзовисты; партия не должна ликвидировать теперь думской социал-демократической фракции; «партия должна»... «решить, не было ли в конечном счете все данное предприятие — участие в III Думе — *для* нее невыгодным», как будто бы партия уже *не решила* этого вопроса!).

Эта уклончивость Максимова и К⁰ многих обманывала и обманывает; говорят: ну, какой же вред могут принести партии или даже фракции люди, которые вовсе не отказываются исполнять партийные решения и только осторожно защищают свою несколько иную оценку тактики?

Подобный взгляд на проповедь Максимова и К⁰ сильно распространен среди недумающей публики, берущей на веру *слова,* не учитывающей *конкретное политическое значение* уклончивых, осторожных, дипломатических фраз в обстановке *данного* партийного положения. Эта публика получила теперь превосходный урок.

Листок Максимова и К⁰ помечен 3/16 июля 1909 года. *В августе* Исполнительная Комиссия СПБ. Комитета *тремя* ультиматистскими голосами против двух приняла следующую резолюцию по поводу предстоявшей (теперь уже оконченной) избирательной кампании в Петербурге:

«Исполнительная Комиссия по вопросу о выборах постановила: не придавая особо важного значения Государственной Думе и нашей фракции в ней, но руководствуясь обще-партийным постановлением, произвести выборы, не затрачивая всех имеющихся сил, лишь выставляя собственных кандидатов для впитывания социал-демократических голосов и организуя избпрательную комиссию, подчинив ее через своего представителя Исполнительной Комиссии Петербургского Комитета».

Пусть сравнят читатели эту резолюцию с заграничным листком Максимова. Сравнение этих двух документов — самое лучшее и самое верное средство для раскрытия публике глаз на *настоящее* значение заграничной группы Максимова. Резолюция эта совершенно так же, как и листок Максимова, выражает подчинение партии — и совершенно так же, как Максимов, *принципиально* защищает ультиматизм. Мы отнюдь не хотим сказать, что петербургские ультиматисты прямо руководились листком Максимова, — об этом у нас нет никаких данных. Да это и не важно. Мы утверждаем, что *идейное* тождество политической позиции здесь несомненно. Мы утверждаем, что на данном примере особенно наглядно обнаружилось *применение* «осторожного», «дипломатического», тактичного, уклончивого — называйте, как хотите — ультиматизма *на деле*, применение, знакомое всякому близко стоящему к партийной работе человеку из *сотни* аналогичных случаев, менее «ярких», не закрепленных официальными документами, касающихся того, о чем социал-демократ не может рассказать публике по конспиративным причинам и т. п. Конечно, петербургская резолюция менее искусна в литераторски-техническом отношении, чем листок Максимова. Но ведь на практике взгляды Максимова всегда (или в 999 случаях из 1000) будут применяться в местных организациях не самим Максимовым, а его менее «искусными» сторонниками. Для партии интересно не то, кто «искуснее» заметает следы, а то, каково *действительное* содержание партийной работы, каково *действительное* направление, даваемое работе теми или иными вождями.

И мы спрашиваем любого беспристрастного человека, можно ли работать в одной фракции, т.-е. в одном союзе партийных единомышленников, сторонникам «Пролетария» и авторам подобных резолюций? Можно ли говорить *серьезно* о проведении в жизнь партийного решения об использовании Думы и думской трибуны при подобного рода резолюциях высших органов местных комитетов?

Что резолюция Исполнительной Комиссии *на деле* бросает палки под колеса начинающейся избирательной кампании, что эта резолюция на деле *срывает* избирательную кампанию, — это сразу поняли все (кроме ее авторов и кроме ультиматистов, восхищенных «искусством» Максимова в деле заметания следов). О том, как отозвались на эту резолюцию большевики в С.-Петер-

бурге, мы уже сказали и скажем еще ниже. Что касается до нас, то мы немедленно написали статью «Отзовистски-ультиматистские штрейкбрехеры», — штрейкбрехеры потому, что своей позицией ультиматисты явно *предавали* социал-демократическую избирательную кампанию *кадетам*, — обрисовали в ней всю позорность подобной резолюции для социал-демократов и пригласили принявшую сию резолюцию Исполнительную Комиссию немедленно *снять* с «Пролетария» заголовок «орган СПБ. Комитета», если эта Исполнительная Комиссия претендует на выражение взглядов петербургских социал-демократов: мы лицемерить не хотим, — говорилось в этой статье, — мы органом *подобных*... тоже-большевиков *не были и не будем*.

Статья была уже набрана и даже сверстана, когда мы получили письмо из Петербурга *об отмене* пресловутой резолюции. Номер пришлось отложить (№ 47—48 вышел от этого несколькими днями позже, чем следовало). О резолюции ультиматистов приходится говорить теперь, к счастью, не в связи с ведущейся избирательной кампанией, а в очерке того, что было... и что хорошо бы сделало, если бы совсем «быльем поросло».

Вот текст резолюции, принятой петербургскими большевиками на собрании частного характера, созванном после принятия пресловутой резолюции:

«Частное межрайонное совещание рабочих и работников социал-демократов, обсудив резолюции расширенной редакции «Пролетария», выражает полную солидарность с политической линией, выраженной в резолюциях: «О задачах большевиков в партии», «Об отношении к думской деятельности и т. д.» и «Об ультиматизме и отзовизме».

В то же время совещание резко расходится с методами борьбы с товарищами ультиматистами, занятыми редакцией в тех же резолюциях, считая такие методы препятствием к разрешению основных задач, намеченных редакцией «Пролетария» — воссоздание партии.

В той же мере совещание протестует против раскольнических шагов со стороны товарищей ультиматистов и отзовистов».

После принятия этой резолюции было собрано новое собрание Петербургского Комитета, отменившее ультиматистскую резолюцию и принявшее новую (см. хронику). Эта новая резолюция заканчивается: «Считая весьма важным и необходимым использование предстоящей избирательной кампании, Петербургский Комитет постановляет принять в ней деятельное участие».

Прежде, чем переходить к ответу товарищам, несогласным с нашей раскольнической, якобы, политикой, приведем несколько выдержек из письма одного из этих товарищей:

... «Но если между участниками совещания (частного межрайонного совещания), на $^2/_3$ состоящего из рабочих, наблюдалось единомыслие по вопросу об оценке момента и вытекающих из него наших тактических

шагов, то не менее единодушно оно было против предлагаемых редакцией «Пролетария» методов борьбы с нашими тактическими противниками-ультиматистами. Оно не согласилось с выраженной в резолюциях «Пролетария» необходимостью фракционно отмежеваться от этих товарищей, видя в такой отмежевке опасный шаг для существования самой партии... Я уверен, что я правильно выражу мнение и настроение совещания, если скажу: *мы не допустим раскола*. Товарищи! вы там за границей нарисовали себе страшного ультиматистского чорта, которого в действительности у нас не существует. *Случайный* состав Петербургского Комитета и Исполнительной Комиссии дал большинство ультиматистов, и в результате была принята нелепая, безграмотная резолюция, которая нанесла этим ультиматистам такой моральный удар, от которого вряд ли они оправятся... На заседании Петербургского Комитета, принявшем эту резолюцию, не было представителей трех районов, а, как выяснилось теперь, представитель четвертого района не имел решающего голоса. Итак, не было, значит, представителей четырех районов, и один голос, давший большинство ультиматистам, оказывается «разъясненным». Выходит, что и это неполное заседание Петербургского Комитета не дало большинства ультиматистам... По отношению к резолюции Петербургского Комитета о выборах совещание постановило добиваться пересмотра резолюции, и безусловно на первом же заседании Петербургского Комитета, где, как выяснилось теперь, большинство будет наше, будет принята иная резолюция. И сами ультиматисты, стыдясь своей резолюции, согласны на ее пересмотр. Все, не исключая, кажется, и ее автора, согласны, что она нелепа во всех отношениях, но — и это я подчеркиваю — она не преступна. Товарищи ультиматисты, голосовавшие за нее, заявили о своем несогласии с автором резолюции, действительно придерживающимся пословицы, рекомендующей поступать так, «чтобы и невинность соблюсти и капитал приобрести»... [104])

Итак, наш единомышленник обвиняет нас в том, что мы нарисовали за границей страшного ультиматистского чорта, что своей раскольнической борьбой с ультиматистами мы затрудняем (или губим) дело воссоздания партии.

Лучший ответ на эти «обвинения»—история того, что произошло в Петербурге. Поэтому мы и рассказали так подробно эту историю. Факты говорят сами за себя.

Мы признали отколовшимся от фракции т. Максимова, который отказался подчиняться резолюциям расширенной редакции и организовал под видом пресловутой «школы» идейно-организационный центр новой организации за границей. Нас обвиняют за это некоторые наши единомышленники, которые должны были в Петербурге *добиваться путем самых экстренных мер* (особое частное совещание влиятельных рабочих и пересмотр принятого уже решения!) *отмены «нелепой во всех отношениях»* резолюции, воспроизводящей взгляды Максимова!!

Нет, товарищи, обвиняя нас в расколе и в «малевании чорта», вы доказали нам только еще и еще раз настоятельную необхо-

димость признать Максимова отколовшимся от фракции, вы доказали только то, что мы безнадежно осрамили бы большевизм и нанесли бы непоправимый удар партийному делу, если бы мы не отмежевались от Максимова накануне выборов в Петербурге. Ваши *дела* — товарищи, обвиняющие нас в расколе — опровергают ваши *слова*.

Вы «расходитесь только» с *нашими* методами борьбы против ультиматистов. Мы не расходимся вовсе с *вашими* методами борьбы против ультиматистов, мы вполне и безусловно приветствуем и ваши методы борьбы и вашу победу, — но мы вместе с тем глубочайше убеждены, что *ваши* методы и есть не что иное, как *приложение на деле* «наших» методов к известной партийной среде.

В чем состоят наши «худые» методы? В том, что мы призывали к отмежевке от Максимова и К°. В чем состоят ваши, хорошие, методы? В том, что вы признали резолюцию, целиком проводящую взгляды Максимова, «нелепой во всех отношениях», созвали особое совещание, подняли поход против этой резолюции, добились того, что сами авторы ее устыдились, добились ее отмены и замены резолюцией *не* ультиматистской, *а* большевистской.

Ваш «поход», товарищи, есть *продолжение* нашего похода, а не опровержение его.

Но мы никого не признавали отколовшимся, скажете вы. Прекрасно. Чтобы «опровергнуть» наш, худой, метод, попробуйте за границей сделать то, что вы сделали в Петербурге. Попробуйте добиться того, чтобы Максимов и его сторонники (хотя бы в месте нахождения знаменитой ерогинской «школы») признали листок Максимова («Отчет товарищам большевикам») по идейному содержанию всецело «нелепым во всех отношениях», добиться того, чтобы Максимов и его компания «устыдились» этого листка, чтобы пресловутая «школа» создала листок *прямо противоположного* идейного содержания *). Если вы добьетесь

*) Вот, между прочим, иллюстрация заметания следов Максимовым и пресловутой «школой». Школа выпустила помеченный 26 августа 1909 года печатный листок, содержащий программу школы, письмо Каутского (очень мягко советующего «не выдвигать на первый план» философских разногласий и заявляющего, что он «не считает справедливой резкую критику социал-демократической думской фракции» — не говоря уже об «ультиматизме»!), письмо Ленина (см. настоящий том, стр. 116. *Ред.*) и резолюцию Совета школы. Этот забавный Совет заявляет, что «фракционные распри абсолютно не имеют отношения к ее (школы) строго общепартийным целям и задачам». Читаем подпись под листком. Лектора: Максимов, Горький, Лядов, Луначарский, Михаил, Алексинский. Подумайте только: школа с *таким* составом лекторов «абсолютно не имеет отношения» к «фракционным распрям»! Послушайте, дорогие товарищи: ... сочиняйте, но знайте же меру! — Нам скажут: школа «приглашала» и других лекторов.

этого, то вы действительно *опровергнете* наши методы борьбы, и мы охотно признаем «ваши» методы лучшими.

В Петербурге есть живое, неотложное, общее партийное дело: выборы. В Петербурге социал-демократический пролетариат сразу *призвал к порядку* ультиматистов и *так* призвал, что они сразу послушались: чувство партийности перевесило, близость пролетарской массы оказала благотворное влияние; сразу всем стало ясно, что с ультиматистской резолюцией вести дела нельзя. Сразу был поставлен *ультиматум* ультиматистам, и петербургские ультиматисты *(к чести их надо сказать)* ответили на ультиматум большевиков подчинением партии, подчинением большевикам, а не борьбой с большевиками (по крайней мере, на выборах; прекратят ли они борьбу и после выборов, мы еще не знаем).

Максимов с К⁰ — ультиматисты не только по настроению. Они из ультиматизма стремятся сделать целую линию. Они строят целую систему ультиматистской политики (не говорим уже об их дружбе с богостроителями, в чем, вероятно, неповинны питерские ультиматисты), они на этом создают новое направление, они начали систематическую войну с большевизмом. Конечно, потерпят (и уже терпят) поражение и эти вдохновители отзовистов, но для того, чтобы скорее избавить нашу фракцию и партию от отзовистско-ультиматистской болезни, *тут* нужны были более решительные меры, и тем скорее мы избавим партию от этой болезни, чем решительнее мы поведем свою борьбу против явных и скрытых отзовистов.

«Случайное большинство» ультиматистов — говорят петербуржцы. Глубоко ошибаетесь, товарищи. Вы видите сейчас у себя маленькую частицу *общего* явления и объявляете «случайностью» то, связь чего с целым вам неясна. Припомните факты. Весной 1908 года отзовизм всплывает в центральной области и собирает 14 голосов (из 32) на Московской Общегородской конференции. Летом и осенью 1908 года отзовистская кампания в Москве: «Рабочее Знамя» открывает дискуссию и опровергает отзовизм. Начинается дискуссия с августа 1908 года и в «Пролетарии». Осень 1908 года: выделение отзовистов в «течение» на партийной Всероссийской конференции. Весна 1909 года: кампания отзовистов в Москве (см. № 47 — 48 «Пролетария», «Конференция Московской Окружной Организации»). Лето 1909 го-

---

Во-первых, школа приглашала, зная, что другие почти никогда не смогут приехать. Во-вторых, школа приглашала, но... «Но школа не могла предложить им—(другим лекторам) — материальных средств для их поездки и содержания на время лекций» (Листок 26 августа 1909). Неправда ли, хорошо? Мы абсолютно нефракционеры, но средства на поездку мы «не можем предложить» никому, кроме «своих»...

да: ультиматистская резолюция Исполнительной Комиссии Петербургского Комитета.

Перед лицом этих фактов говорить о «случайности» ультиматистского большинства прямо наивно. В отдельных местностях неизбежны самые резкие колебания в составе организаций,— пока реакция так сильна, пока личный состав социал-демократических организаций так слаб, как теперь. Сегодня большевики объявляют ультиматистское большинство «случайностью» в N.N., завтра ультиматисты объявляют большевистское большинство «случайностью» в М. М. Перекоряться по этому поводу есть тьма охотников,—мы не из их числа. Надо понять, что эти перекоры и перебранки есть *продукт* глубокого идейного расхождения. Только поняв это, мы поможем социал-демократам заменить бесплодные и унизительные перекоры (из-за «случайного» большинства, из-за того или иного организационного конфликта, из-за денег, из-за связей и т. д.) *выяснением идейных причин расхождения.* Мы прекрасно знаем, что во многих городах борьба ультиматистов с большевиками распространилась на самые различные отрасли работы, внесла разлад, разброд и в деятельность среди легальных союзов, обществ, съездов, собраний. Мы имеем письма «с поля битвы» об этом разладе и разброде—к сожалению, требования конспирации позволяют нам опубликовать *в этой области* только одну десятую, если не одну сотую, получаемого. Мы утверждаем самым категорическим образом, что борьба с ультиматистами в СПБ. на выборах *не случайность,* а одно из бесчисленных проявлений общей болезни.

И мы повторяем поэтому еще и еще раз всем товарищам большевикам, всем рабочим, ценящим дело революционной социал-демократии: нет ничего ошибочнее и вреднее, как попытки прикрыть эту болезнь. Надо вскрыть со всей отчетливостью причины, характер и значение нашего расхождения со сторонниками отзовизма, ультиматизма, богостроительства. Надо ясно отделить, отмежевать фракцию большевиков, т.-е. союз единомышленников-большевиков, желающих *вести* партию в известном всем направлении «*Пролетария*», от новой фракции, неизбежно приводящей своих сторонников сегодня к «случайным» анархистским фразам в московской и петербургской отзовистских платформах, завтра к «случайному» карикатурному большевизму в листке Максимова, послезавтра к «случайной» петербургской «нелепой» резолюции. Надо понять эту болезнь и дружно взяться за лечение ее. Там, где возможно лечение методами петербуржцев, т.-е. немедленной и успешной апелляцией к социал-демократическому сознанию передовых рабочих, там такое лечение есть самое лучшее, там *никто и никогда* не проповедывал откола и отмежевки во что бы то ни стало. Но там, где, в силу различных условий, складываются сколько-нибудь прочные центры, кружки,

ведущие пропаганду идей новой фракции, размежевка необходима. Там размежевка с новой *фракцией* есть *залог* практического единства на работе в рядах *партии*, ибо невозможность такой работы под знаменем ультиматизма признали только что сами петербургские практики.

«Пролетарий» № 49, 16 (3) октября 1909 г.

ПРИМЕЧАНИЕ К СТАТЬЕ «ПЕТЕРБУРГСКИЕ ВЫБОРЫ» [105]).

Против утрировки этой большевистской идеи возразили только большевики. Когда в газете «Новый День» была допущена неверная нота недостаточной принципиальной отмежевки от трудовиков и народных социалистов, трое литераторов-большевиков сделали попытку исправить это стирание программных расхождений и направить агитацию в газете и на избирательных собраниях на более выдержанный *классовый, социалистический* путь. Эта попытка не удалась, насколько мы знаем, *не по вине большевиков*. Точно также не удалась попытка одного большевика возразить на рассуждения Иорданского в «Новом Дне» по поводу взглядов социал-демократии на законность и порядок. Иорданский, как и многие оппортунисты, опошлил известное заявление Энгельса о «красных щеках», наживаемых социал-демократией на почве «законности». Энгельс сам решительно протестовал против распространительного толкования этого его взгляда (см. его письма в «Neue Zeit»), относившегося к определенному моменту развития Германии (при всеобщем избирательном праве и т. д.). Иорданский счел уместным толковать об этом при «законности» 3-го июня [106]).

«Пролетарий» № 49, 16 (3) октября 1909 г.

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ ОБ УКРЕПЛЕНИИ ПАРТИИ И ЕЕ ЕДИНСТВА [107]).

Редакция Ц. О. признает, что укрепление нашей партии и ее единства в настоящее время может состояться исключительно путем наметившегося уже *сближения* определенных сильных и влиятельных в практическом рабочем движении *фракций,* а не путем морализирующего хныканья на тему об их уничтожении, при чем, сближение это должно состояться и развиваться на базе революционно-социал-демократической *тактики* и организационной политики, направленной к решительной борьбе с ликвидаторством и «слева» и «справа», особенно справа, ввиду меньшей опасности разбитого уже «левого» ликвидаторства.

Написано 2—5 ноября (20—21 октября) 1909 г.
Публикуется впервые.

Печатается по рукописи.

1//

Редакція Ц.О. признаетъ, что укрѣпленіе нашей партіи и ея единства въ настоящее время состоитъ исключительно теперь (налаживающагося уже) сближенія опредѣленно-ствующихъ и внутреннихъ въ практическомъ рабочемъ движеніи фракцій, а не ~~[illegible]~~ ихъ уничтоженія, причемъ сближеніе это должно состоять и развиваться на базѣ револю-

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ПРОЕКТА РЕЗОЛЮЦИИ ОБ УКРЕПЛЕНИИ ПАРТИИ И ЕЕ ЕДИНСТВА, НАПИСАННОГО В. И. ЛЕНИНЫМ 2—3 НОЯБРЯ (20—21 ОКТЯБРЯ) 1909 г.

ЦАРЬ ПРОТИВ ФИНСКОГО НАРОДА.

Черносотенные бандиты Зимнего дворца и октябристские шулера III Думы начали новый поход против Финляндии. Уничтожение конституции, которой защищены права финляндцев от произвола русских самодержцев, уравнение Финляндии с прочей Россией в бесправии исключительных положений — вот цель этого похода, начало которому положено царским указом о решении вопроса о воинской повинности помимо сейма и назначением новых сенаторов из числа русских чиновников. Праздным было бы останавливаться на разборе тех доводов, которыми разбойники и шулера пытаются доказать законность и справедливость требований, предъявленных Финляндии под угрозой миллиона штыков. Суть дела не в этих доводах, а в цели, которая преследуется. В лице демократической и свободной Финляндии царское правительство и его сподвижники хотят уничтожить последний след *народных* завоеваний 1905 года. А потому — о деле всего русского народа идет речь в эти дни, когда казачьи полки и артиллерийские батареи спешно занимают городские центры Финляндии.

Русская революция, поддержанная финляндцами, заставила царя разжать пальцы, которыми он в течение нескольких лет сжимал горло финляндского народа. Царь, желавший распространить свое самодержавие на Финляндию, конституции которой клялись его предки и он сам, должен был признать не только изгнание с финляндской земли палачей бобриковцев и отмену всех своих незаконных указов, но и введение в Финляндии всеобщего и равного избирательного права. Подавив русскую революцию, царь принимается за старое, но с той разницей, что теперь он чувствует за собою поддержку не только старой гвардии, своих наемных шпионов и казнокрадов, но и той своры имущих, которая, во главе с Крупенскими и Гучковыми, совместно выступает в III Думе от имени русского народа.

Все благоприятствует разбойничьему предприятию. Революционное движение в России страшно ослаблено, и забота о нем

не отвлечет коронованного изверга от облюбованной добычи. Западно-европейская буржуазия, некогда посылавшая царю адреса с просьбой оставить в покое Финляндию, не шевельнет пальцем о палец, чтобы остановить бандитов. Ведь ей только что *поручились* за честность и «конституционность» намерений царя те люди, которые в те времена призывали Европу осудить царскую политику в Финляндии. Именующие себя «представителями русской интеллигенции» и «представителями русского народа», кадетские вожди торжественно заверили европейскую буржуазию, что они, а вместе с ними и народ русский,—*солидарны с царем.* Русские либералы приняли все меры к тому, чтобы Европа так же безучастно отнеслась к новым набегам двуглавого хищника на Финляндию, как она отнеслась к его экскурсиям против свободной Персии.

Свободная Персия собственными усилиями дала отпор царизму. Финляндский народ—и впереди его финляндский пролетариат—готовит твердый отпор наследникам Бобрикова.

Финляндский пролетариат сознает, что ему придется вести борьбу в крайне тяжелых условиях. Он знает, что западноевропейская буржуазия, кокетничающая с самодержавием, не станет вмешиваться; что русское имущее общество, частью подкупленное столыпинской политикой, частью развращенное кадетской ложью, не окажет Финляндии той нравственной поддержки, которую она имела до 1905 года; что наглость русского правительства необычайно возросла с тех пор, как ему удалось нанести удар революционной армии в самой России.

Но финляндский пролетариат также знает, что политическая борьба не решается одним сражением, что она подчас требует долголетних упорных усилий и что побеждает, в конце концов, тот, за кого сила исторического развития. Свобода Финляндии восторжествует, потому что без нее немыслима свобода России, а без торжества дела свободы в России немыслимо экономическое развитие последней.

Финляндский пролетариат знает также, по славному опыту, как вести долгую, упорную революционную борьбу за свободу, рассчитанную на то, чтобы утомить, дезорганизовать, опозорить гнусного врага, пока обстоятельства позволят нанести ему решительный удар.

Вместе с тем, пролетариат Финляндии знает, что с первых же шагов своей новой борьбы он будет иметь на своей стороне социалистический пролетариат всей России, готовый, каковы бы ни были тяжелые условия современного момента, выполнить свой долг, *весь свой долг.*

Социал-демократическая фракция сейма послала депутацию к социал-демократической фракции III Думы, чтобы сообща обсудить план борьбы с насильниками. С высоты думской три-

буны наши депутаты поднимут свой голос, как уже делали в прошлом году, чтобы заклеймить царское правительство и сорвать маску с его лицемерных союзников в Думе. Пусть же все социал-демократические организации и все рабочие приложат все усилия, чтобы голос наших депутатов в Таврическом дворце не звучал одиноко, чтобы враги русской и финляндской свободы видели, что весь русский пролетариат солидарен с финляндским народом. Долг товарищей на местах использовать все представляющиеся возможности, чтобы манифестировать отношение российского пролетариата к финляндскому вопросу. Начиная с обращений к русской и финской социал-демократическим фракциям и продолжая более активными формами протеста, партия найдет достаточно способов нарушить то позорное молчание, среди которого русская контр-революция терзает тело финского народа.

За дело всероссийской свободы ведется борьба в Финляндии. Какие бы горькие минуты новая борьба ни несла столь мужественному финляндскому пролетариату, новыми узами солидарности свяжет она рабочий класс Финляндии и России, приготовляя его к тому моменту, когда он будет в силах доделать то, что он начал в октябрьские дни 1905 года и что пытался продолжать в славные дни Кронштадта и Свеаборга.

«Социал-Демократ» № 9, 13 ноября (31 октября) 1909 г.

ДВА ПИСЬМА А. М. ГОРЬКОМУ.

I.

16 ноября 1909 г.

Дорогой Алексей Максимович! Я был все время в полнейшем убеждении, что Вы и тов. Михаил — самые твердые фракционеры новой фракции, с которыми было бы нелепо мне пытаться поговорить по-дружески. Сегодня увидел в первый раз т. Михаила, покалякал с ним по душам и о делах и о Вас, и увидел, что ошибался жестоко. Прав был философ Гегель, ей-богу: жизнь идет вперед противоречиями, и живые противоречия во много раз богаче, разностороннее, содержательнее, чем уму человека спервоначалу кажется. Я рассматривал школу *только* как центр новой фракции. Оказалось, это неверно — не в том смысле, чтобы она не была центром новой фракции (школа была этим центром и состоит таковым сейчас), а в том смысле, что это неполно, что это не вся правда. Субъективно некие люди делали из школы такой центр, объективно была она им, а кроме того школа черпнула из настоящей рабочей жизни настоящих рабочих передовиков. Вышло так, что, кроме противоречия старой и новой фракции, на Капри развернулось противоречие между частью социал-демократической интеллигенции и рабочими-русаками, которые вывезут социал-демократию на верный путь *во что бы то ни стало* и что бы ни произошло, вывезут вопреки всем заграничным склокам и сварам, «историям» и пр. и т. п. Такие люди, как Михаил, тому порукой. А еще оказалось, что в школе развернулось противоречие между элементами каприйской социал-демократической интеллигенции.

Из слов Михаила я вижу, дорогой А. М., что Вам теперь очень тяжело. Рабочее движение и социал-демократию пришлось Вам сразу увидать с такой стороны, в таких проявлениях, в таких формах, которые не раз уже в истории России и Западной Европы приводили интеллигентских маловеров к отчаянию в рабочем движении и в социал-демократии. Я уверен, что с Вами этого не случится, и после разговора с Михаилом мне

I

16.XI.09.

Дорогой Алексей Макси-
мович! Я был все время в полной
уверенности, что Вы и тов. Ми-
хаил — самые твердые фракционе-
ры новой фракции, с которыми
было бы нелепо мне пытаться погово-
рить по-дружески. Сегодня увидал
в первый раз т. Михаила, пока-
лякал с ним по душам и о
делах и о Вас и увидел, что оши-
бался жестоко. Прав был фило-
соф Гегель, ей-богу: жизнь

Первая страница письма В. И. Ленина А. М. Горькому, — 16 ноября 1909 г.

Уменьшено

хочется крепко пожать Вашу руку. Своим талантом художника Вы принесли рабочему движению России — да и не одной России — такую громадную пользу, Вы принесете еще столько пользы, что ни в каком случае непозволительно для Вас давать себя во власть тяжелым настроениям, вызванным эпизодами заграничной борьбы. Бывают условия, когда жизнь рабочего движения порождает неминуемо эту заграничную борьбу и расколы, и свару, и драку кружков — это не потому, чтобы рабочее движение было внутренне слабо или социал-демократия внутренне ошибочна, а потому, что слишком разнородны и разнокалиберны те элементы, из которых приходится рабочему классу выковывать себе свою партию. Выкует во всяком случае, выкует превосходную революционную социал-демократию в России, выкует скорее, чем кажется иногда с точки зрения треклятого эмигрантского положения, выкует вернее, чем представляется, если судить по некоторым внешним проявлениям и отдельным эпизодам. Такие люди, как Михаил, тому порукой.

Жму крепко руку и Вам и Марии Федоровне, ибо теперь у меня есть надежда, что нам с Вами придется встретиться еще не врагами.

Ваш Ленин.

Wl. Ulianoff.
4. Rue Marie Rose. 4.
Paris. XIV.

Впервые напечатано в 1924 г. в «Ленинском Сборнике» II.

Печатается по рукописи.

II.

Дорогой А. М.! Насчет приезда — это Вы напрасно. Ну, к чему я буду ругаться с Максимовым, Луначарским и т. д.? Сами же пишете: ершитесь промеж себя — и зовете ершиться на народе. Не модель. А насчет отталкиванья рабочих — тоже напрасно. Вот коли примут наше приглашение и заедут к нам, — мы с ними покалякаем, повоюем за взгляды одной газетины, которую некие фракционеры ругают (давно я это от Лядова и других прослышал) скучнейшей, малограмотной, никому не нужной, в пролетариат и социализм не верящей [108]).

Насчет нового раскола — не кругло у Вас выходит. С одной стороны, оба нигилисты (и «славянские анархисты» — э, батенька, да неславянские европейцы во времена, вроде нашего, дрались, ругались и раскалывались в сто раз почище!), — а с другой, раскол будет не менее глубок, чем у бе[большевиков] и ме[меньшевиков]. Ежели дело в «нигилизме» «ершей», в малограмотности и пр. кое-кого, неверящего в то, что он пишет, и т. п., — тогда, значит, не глубок раскол, и даже не раскол. А ежели глубже раскол, чем бе [большевики] и ме[меньшевики], — значит, дело не в нигилизме и не в неверящих в свои писания писателях. Не кругло выходит, ей-ей! Ошибаетесь Вы на счет теперешнего раскола и справедливо *) говорите: «Людей понимаю, а дела их не понимаю».

То, что Вам и Максимову кажется неискренностью и никчемностью и проч. в «Пролетарии», объясняется совсем иной точкой зрения на весь современный момент (и на марксизм, конечно). Мы почитай-что два года топчемся на месте, жуя те вопросы, которые Максимову все еще кажутся «спорными», которые давно решила жизнь. И ежели бы продолжали мы «спорить» о них, мы бы и сейчас топтались зря. А разойдясь, мы покажем рабочим ясно, прямо, определенно два выхода. Выбор рабочие социал-демократы сделают легко и быстро, ибо тактика хранения (в консервах) революционных *слов* 1905 — 1906 годов вместо применения революционного *метода* к новой, иной обстановке, к измененной эпохе, требующей иных приемов и

---

*) Добавление насчет «справедливо»: оговариваюсь. Не понимая дел, нельзя понять и людей иначе, как... внешне. Т.-е. можно понять психологию того или другого участника борьбы, но не *смысл* борьбы, не *значение* ее партийное и политическое.

иных форм организации, это — тактика мертвая. К революции пролетариат идет и придет, — но *не так*, как до 1905 года: тем, кто «верит», что идет и придет, но *не понимает* этого «не так», — тем наша позиция *должна* казаться неискренней, никчемной, скучной, на неверии в пролетариат и социализм основанной, и т. д., и т. д. Вытекающее отсюда расхождение, несомненно, достаточно глубоко, чтобы сделать раскол — по крайней мере, заграничный — неизбежным. Но даже и отдаленно не приближается он к глубине раскола бе[большевиков] и ме[меньшевиков], если говорить о глубине раскола партии, социал-демократии, марксистов.

Вы удивляетесь, как я не вижу истеричности, недисциплинированности (не вам бы говорить, не Михаилу бы слушать) и прочих злокачеств Михаила. Да, вот я на малом его имел случай проверить: я думал, что беседы у нас с Вами не выйдет, что писать не к чему. Под впечатлением разговора с Михаилом написал сразу, сгоряча, не перечитав даже письма, не отложив до завтра. На-завтра думаю: сглупил, поверил Михаилу. А оказалось, что как бы Михаил ни увлекался, а *постольку* прав он вышел, ибо беседа у нас с Вами *все* же получилась, — не без задоринок, конечно, не без изничтожения «Пролетария», ну, да ведь чего уж тут поделаешь!

Жму крепко руку. Н. Ленин.

Написано в ноябре-декабре 1909 г.
Впервые напечатано в 1924 г. в «Ленинском Сборнике» II.

Печатается по рукописи.

ПИСЬМО И. А. ТЕОДОРОВИЧУ [109]).

Дорогой друг! Получил Ваше письмо от 20 сентября 1909 г. и чрезвычайно обрадовался вести от Вас. Жаль, что раньше не было вестей от Вас — мы здесь страшно оторваны теперь, пробовали связаться с Вами и Вяч., но не удалось. Годы, действительно, адски-трудные, и возможность сношений с старыми друзьями вдесятеро ценнее поэтому. Буду Вам отвечать по порядку. Вы видели газету до декабря 1908 г. С тех пор много воды утекло.

С, так называемыми, «левыми» у нас полный раскол, закрепленный весной 1909 г. Если Вам случится увидеть мою книжку по философии (книгу эту я Вам послал тотчас по выходе, т.-е. в начале лета 1909 г.) и газету за 1909 г., то навряд ли Вы скажете, что мы делаем уступки левоглупистам. С Максимовым и максимовцами — полный и формальный раскол. Драка во-всю. Возможно, что они создадут свой орган, — возможно, что нет. Мутят они в С.-Петербурге и в Одессе [110]), но силой стать не могут: это — агония «отзовизма-ультиматизма», по-моему. Раскол с Максимовым и К° отнял у нас не мало сил и времени, но я думаю, что он был неизбежен и будет полезен, в конце-концов. Зная Ваши взгляды, думаю, даже уверен, что тут мы согласны.

Но вот насчет того, что пора «ликвидировать веру во второе пришествие общедемократического натиска», решительно с Вами не согласен. Этим Вы сыграли бы только на руку отзовистам (очень склонным к такому «максимализму»: буржуазная революция позади, — впереди «чисто пролетарская») и крайним правым меньшевикам-ликвидаторам. (Кстати: знаете ли Вы о расколе у меньшевиков? Плеханов вышел из редакции их газеты «Голос Социал-Демократа» и из редакции коллективного их труда: «Общественное движение в России XX в.». В августе 1909 г. он выпустил «Дневник» № 9, где обозвал меньшевиков пособниками ликвидаторов, а Потресову прописал, что он, де, мне не товарищ, что Потресов перестал быть революционером и пр. У нас идет дело на сближение с меньшевиками-плеханов-

цами в целях укрепления партии.) Но главное, по-моему, это то-что такой взгляд теоретически неверен. «Немецкие рельсы» *возможны* — слов нет. И мы это прямо признали в начале еще 1908 года. Но эта возможность превратится в действительность не иначе, как через ряд «общедемократических» натисков (или подъемов, или кризисов и т. п.), подобно тому, как Франция пришла к концу «общедемократических» натисков не после 1789—1793, а после 1871 (т.-е. после 1830, 1848 и 1871), — Германия не в 1849 — 1850, а также после 1871, т.-е. после Verfassungsstreit *) 60-х годов. Струве, Гучков и Столыпин из кожи лезут, чтобы «совокупиться» и народить бисмарковскую Россию, — но не выходит. Не выходит. Импотентны. По всему видно, и сами признают, что не выходит. Аграрная политика Столыпина правильна с точки зрения бисмарковщины. Но Столыпин сам «просит» двадцать лет, чтобы ее довести до того, чтобы «вышло». А двадцать лет и даже меньший срок невозможен в России без 30 — 48 — 71 г.г. (ежели по-французски) и 63 — 65 г.г. (ежели по-немецки). Невозможен. А все эти даты (и 30 — 48 — 71 и 63 — 65) и есть «общедемократический натиск».

Нет, мы не можем «ликвидировать» идею «общедемократического натиска»: это было бы коренной ошибкой. Мы должны признать возможность «немецких рельсов», но не забывать, что их пока *нет*. Нет и нет. Мы не должны связывать судьбу пролетарской партии с удачей или неудачей буржуазной революции, — это бесспорно. Мы должны работу поставить так, чтобы она при всяком ходе событий была прочным, неотъемлемым приобретением, — это верно. Но мы обязаны исполнить свой долг руководителей демократического, «общедемократического», движения до конца, до русского 1871 года, до полного поворота крестьянства на сторону Ordnungspate **).

А до этого поворота в России еще, ой-ой, как не близко! Мы не можем отрицать возможность «немецкого», сиречь «гнилого», разрешения «общедемократических» вопросов; но мы обязаны *все* сделать, обязаны долго и упорно работать над тем, чтобы это решение было не «гнилое», не немецкое, а французское, т.-е. по типу 30 — 48—71, а не по типу 63 — 65 (только «конституционный» кризис). Ручаться невозможно, выйдет ли у нас наш 63 — 65 «гнилым» или успешным, но наше дело, дело рабочей партии, все сделать, чтобы из «*гнилого*» развилось *успешное*, из немецкого Verfassungsstreit — французская хорошенькая передряга. И таких законов истории нет, чтобы гнилой кризис не мог превратиться в хорошенькую передрягу. Нет таких законов. Все зависит от обстоятельств, от нищей массы крестьян (коих Столыпин

*) — Спор о конституции. *Ред.*
**) — крестный отец порядка. *Ред.*

придавил, но не удовлетворил), от силы рабочей партии, от условий, трений и конфликтов между Гучковым и «сферами» и т. д., и т. д. Мы должны заботиться о том, чтобы мы были сильнее (и мы будем сильнее к нашему 63—65, чем немцы тогда), чтобы крестьяне послушались тогда нас, а не либералов. Только борьба решит, насколько это удастся. Будем требовать всего в смысле «общедемократического натиска»: при успехе получим *все*, при неуспехе — часть; но, идя на бой, ограничиваться требованием части нельзя. По-новому строиться, по-новому организоваться, по-новому идти к кризису — такова *суть* момента; но поддержать и развить, усилить *все* старые лозунги, требование «*всего*». Крепко, крепко жму руку и желаю здоровья и бодрости.

Весь Ваш Старик.

Написано 2 декабря 1909 г.
Впервые напечатано в 1922 г. в журнале «Пролетарская Революция» № 5.

Печатается по копии, хранящейся в Центрархиве.

ПОЗОРНЫЙ ПРОВАЛ.

Читатель помнит краткую, но поучительную историю «партийной» школы в NN. Вот эта история. Большевистская фракция после года внутренней борьбы решительно отгораживается от «новых» течений — отзовизма, ультиматизма и богостроительства. Большевистское Совещание в особой резолюции объявляет школу в NN *центром новой фракции* сторонников этих течений *). Заграничные вожди новой фракции, построенной на этих трех китах, откалываются от большевиков организационно. Отличаясь необычайным политическим мужеством и непоколебимой верой в свою позицию, герои новой фракции не решаются выступить с открытым забралом в собственном органе и т. п. Вместо этого они выбирают путь простого *обманывания* партии и фракции: они образуют заграничную школу, которую называют «партийной» и действительную идейную физиономию которой они тщательно скрывают. После ряда усилий им в эту мнимо-партийную школу удается свезти до 13 человек рабочих, которых начинает «обучать» группа, состоящая из Максимова, Алексинского, Лядова и Луначарского. Все время эта компания не только конспирирует тот факт, что «школа» есть центр новой фракции, но изо всех сил подчеркивает, что «школа» не связана ни с какой фракцией, а есть предприятие общепартийное. Максимов, Алексинский, Лядов и К° — в роли «нефракционных» товарищей!..**).

И, наконец, теперь — последняя стадия. Из рабочих, приехавших в мнимо-партийную школу, около половины начинают бунт против «дурных пастырей». Ниже мы печатаем два письма учеников пресловутой «школы» и несколько сообщений из Москвы,

---

*) См. настоящий том, стр. 102. *Ред.*

**) Кстати, пусть т. Троцкий теперь, ознакомившись с помещаемыми ниже письмами рабочих, решит — не пора ли ему выполнить свое обещание поехать преподавать в NN-скую «школу» (если правильно передает это обещание один из отчетов школы) [111]. Пожалуй, сейчас самая пора явиться на «поле брани» с пальмовой ветвью мира и сосудом «нефракционного» елея в руках.

которые окончательно разоблачают авантюру Максимова-Алексинского-Лядова и К⁰. Все описанное в них само говорит за себя. Здесь все хорошо: и «форменное сражение», и «самая отчаянная полемика каждый день», и высовывание преподавателем Алексинским языка слушателям-рабочим и т. п. В широковещательных отчетах школы все это, вероятно, превратится в «практические занятия» по вопросам агитации и пропаганды, в курс «об общественных мировоззрениях» и т. д. Но, увы, теперь уже никто не поверит этой жалкой, позорной комедии!

Два месяца вожди новой фракции нашептывали рабочим на ухо о преимуществах отзовизма и богостроительства перед революционным марксизмом. А потом не удержались и стали открыто приставать к ним с отзовистско-ультиматистской «платформой». И наиболее передовые и самостоятельные рабочие, конечно, запротестовали. Мы не хотим быть ширмой для нового идейного центра отзовистов и богостроителей; школа не контролируется ни «снизу», ни «сверху» — говорят товарищи рабочие в их письмах. И это лучшая гарантия того, что среди *партийных* рабочих непременно обанкротится политика игры в прятки и демагогического «демократизма». — Местные организации сами будут управлять школой в NN — говорили рабочим Максимов и К⁰. Теперь эта игра разоблачена теми рабочими, которые раньше верили этой компании.

В заключение — одна просьба, господа божественные отзовисты. Когда вы в своем богоспасаемом Царевококшайске закончите — будем надеяться, что вы закончите — выработку своей платформы, — не прячьте ее от нас, по примеру вашего прошлого образа действий. С большим или меньшим опозданием мы все равно ее достанем и опубликуем в партийной печати. Так уже лучше не срамиться лишний раз.

Напечатано 11 декабря (28 ноября) 1909 г.
в отдельном оттиске из № 50 «Пролетария».

О НЕКОТОРЫХ ИСТОЧНИКАХ СОВРЕМЕННОГО ИДЕЙНОГО РАЗБРОДА.

В настоящем номере «Пролетария» напечатано одно из многочисленных писем, указывающих на громадный идейный разброд среди социал-демократов. Особенного внимания заслуживают рассуждения насчет «германских рельсов» (т.-е. повторения у нас пути развития Германии после 1848 года). Чтобы разобрать источники ошибочных взглядов по этому важнейшему вопросу, без уяснения которого невозможна правильная тактика рабочей партии, возьмем меньшевиков и «Голос Социал-Демократа», с одной стороны, польскую статью тов. Троцкого, — с другой [112]).

I.

Основой тактики большевиков в революции 1905 — 1907 г.г. было то положение, что полная победа этой революции возможна лишь как диктатура пролетариата и крестьянства. Каково *экономическое* обоснование этого взгляда? Начиная с «Двух тактик» (1905 г.) *) и продолжая многочисленными статьями в газетах и сборниках 1906 и 1907 г.г., мы всегда давали следующее обоснование: буржуазное развитие России уже вполне предрешено и неизбежно, но оно возможно в двух формах — в, так называемой, «прусской» форме (сохранение монархии и помещичьего землевладения, создание крепкого, т.-е. буржуазного, крестьянства на данной исторической почве и т. д.) и в, так называемой, «американской» форме (буржуазная республика, уничтожение помещичьего землевладения, создание фермерства, т.-е. свободного буржуазного крестьянства путем резкого перелома данной исторической обстановки). Пролетариат должен бороться за второй путь, ибо он обеспечивает наибольшую свободу и быстроту развития производительных сил капиталистической России,

*) См. VIII том Сочинений, стр. 27 — 127. *Ред.*

а победа в такой борьбе возможна только при революционном союзе пролетариата и крестьянства.

Именно этот взгляд проведен в резолюции Лондонского съезда о народнических или трудовых партиях и об отношении к ним социал-демократов. Меньшевики, как известно, всего враждебнее относятся к этой резолюции именно по тому специальному вопросу, который мы здесь разбираем. Но как шатко *экономическое* обоснование их позиции, видно из следующих слов влиятельнейшего меньшевистского писателя по аграрному вопросу в России, т. Маслова. Во втором томе «Аграрного вопроса», вышедшем в 1908 году (предисловие помечено 28 (15) декабря 1907 года), Маслов писал: «*пока* (курсив Маслова) не сложились чисто-капиталистические отношения в деревне, *пока* продовольственная аренда» (Маслов напрасно употребляет этот неудачный термин вместо термина: кабально-крепостническая аренда) «имеет место, не исчезнет и возможность наиболее выгодного для демократии решения аграрного вопроса. Прошлое всемирной истории дает два типа образования капиталистического строя: тип, преобладающий в Западной Европе (кроме Швейцарии, некоторых уголков в других европейских государствах), являющийся результатом компромисса между дворянством и буржуазией, и тип земельных отношений, создавшийся в Швейцарии, Соед. Штатах Сев. Америки, английских и др. колониях. Приведенные нами данные о положении земельного вопроса в России не дают нам достаточных оснований определенно утверждать, который тип земельных отношений у нас утвердится, а делать субъективные и произвольные выводы не позволяет «научная совесть»»... (стр. 457).

Это верно. И это есть полное признание экономического обоснования большевистской тактики. Не в «революционном угаре» дело (как думают веховцы и Череванины), а в *объективных*, экономических условиях, *дающих* возможность «американского» пути капитализма в России. В своей истории крестьянского движения в 1905—1907 г.г. Маслов должен был признать наши основные посылки. Аграрная «программа кадетов — пишет он там же — является наиболее утопической, так как нет такого широкого общественного класса, который был бы заинтересован в желательном для них решении вопроса: победят или интересы землевладельцев с грядущими политическими уступками» (Маслов хочет сказать: при чем неизбежны уступки землевладельческой буржуазии) «или интересы демократии» (стр. 456).

И это верно. Отсюда следует, что «утопична» была в революции тактика поддержки кадетов пролетариатом. Отсюда следует, что *силы* «демократии», т. е. демократической революции, суть силы пролетариата и крестьянства. Отсюда следует, что есть *две* дороги *буржуазного* развития: по одной ведут «землевладельцы, делающие уступки буржуазии», по другой хотят и могут вести

рабочие и крестьяне (ср. Маслов, стр. 446: «Если бы все помещичьи земли перешли даром в пользование крестьянства, то и тогда... происходил бы процесс капитализации крестьянского хозяйства, но более безболезненный»...).

Мы видим, что когда Маслов рассуждает как марксист, он рассуждает по-большевистски. А вот пример, как, разнося большевиков, он рассуждает подобно либералу. Пример этот находится, само собой разумеется, в ликвидаторской книге: «Общественное движение в России в начале XX века», выходящей под редакцией Мартова, Маслова и Потресова; в отделе «Итоги» (т. I) находим статью Маслова: «Развитие народного хозяйства и влияние его на борьбу классов в XIX веке». В этой статье, на странице 661, читаем:

«... некоторые из социал-демократов стали рассматривать буржуазию, как безнадежно реакционный класс и ничтожную величину. Сила и значение буржуазии не только не доценивались, но и историческая роль этого класса рассматривалась вне исторической перспективы: игнорировалось участие средней и мелкой буржуазии в революционном движении и сочувствие ему крупной буржуазии в первый период движения, предрешалась и на будущее время реакционная роль буржуазии и т. д.» (так и стоит: «и т. д.»!). «Отсюда делался вывод о неизбежности диктатуры пролетариата и крестьянства, которая противоречила бы всему ходу хозяйственного развития».

Вся эта тирада — целиком веховская. Весь этот «марксизм» брентановский, зомбартовский или струвистский. Позиция автора этой тирады есть именно позиция либерала в отличие от буржуазного демократа. Ибо либерал потому и либерал, что он не видит иного пути, мысли не допускает об ином пути буржуазного развития кроме данного пути, т.-е. руководимого землевладельцами, которые делают «уступки» буржуазии. Демократ потому и демократ, что он видит иной путь, борется за него, именно за путь, руководимый «народом», т.-е. мелкой буржуазией, крестьянством и пролетариатом, но не видит буржуазности и этого пути. В «Итогах» ликвидаторской книги Маслов забыл все о *двух* путях буржуазного развития, о *силе* буржуазии американской (по-русски: вырастающей *из* крестьянства, *на почве* революционным путем очищенной от помещичьего землевладения), о *слабости* буржуазии прусской (закабаленной «землевладельцами»), о том, что большевики никогда не говорили о «неизбежности» «диктатуры», а о необходимости ее *для* победы американского пути, забыл о том, что большевики выводили «диктатуру» не из слабости буржуазии, а из *объективных*, экономических условий, дающих возможность двоякого развития буржуазии. В теоретическом отношении приведенная тирада — сплошной комок путаницы (от которой отрекся сам Маслов во II томе «Аграрного вопроса»); в практически-политическом отношении

эта тирада есть либерализм, есть идейная защита крайнего ликвидаторства.

Посмотрите теперь, как шаткость позиции по основному *экономическому* вопросу ведет к шаткости политических выводов. Вот цитата из статьи Мартова «Куда идти?» (№ 13 «Голоса Социал-Демократа»): «В современной России никто не может в данный момент определить, создадутся ли при новом политическом кризисе благоприятные объективные условия для коренной демократической революции; мы можем лишь наметить те конкретные условия, при наличности которых такая революция станет неизбежной. Пока история не решила этого вопроса о будущем так, как его решила для Германии в 1871 году, до тех пор социал-демократия не должна отказываться от задачи идти к неизбежному политическому кризису с своим революционным решением политической, аграрной и национальной проблемы (демократическая республика, конфискация поместного землевладения и полная свобода самоопределения). Но она должна именно *идти* к тому кризису, который окончательно решит вопрос о «германском» или «французском» завершении революции, а не *стоять* в ожидании пришествия кризиса».

Верно. Прекрасные слова, пересказывающие как раз резолюцию партийной конференции декабря 1908 г. Такая постановка вполне соответствует словам Маслова *во втором томе «Аграрного вопроса»* и тактике большевиков. Такая постановка отличается решительно от позиции, выраженной знаменитым восклицанием: «большевики на конференции декабря 1908 г. постановили переть туда, где были раз разбиты». Идти со своим революционным решением аграрного вопроса» можно только с *революционными* слоями буржуазной демократии, т.-е. только с крестьянством, а не с либералами, удовлетворяющимися «уступками землевладельцев». Идти к конфискации вместе с крестьянством — эта формулировка ничем кроме словесной разницы не отличается от положения: идти к диктатуре пролетариата и крестьянства. Но Мартов, в № 13 «Голоса» вплотную пододвинувшийся к позиции нашей партии, не выдерживает этой позиции последовательно, сбиваясь постоянно к Потресову-Череванину, как в ликвидаторской книге «Общественное движение», так и в том же самом № 13. Например, задачу момента он определяет в той же статье, как «борьбу за *открытое* рабочее движение, в том числе и за завоевание собственного (социал-демократической партии) открытого существования». Сказать так, значит сбиться на уступку ликвидаторам: мы хотим укрепления социал-демократической партии, использующей все легальные возможности и все случаи открытого выступления; ликвидаторы хотят обкарнания партии до рамок легального и открытого (при Столыпине) существования. Мы боремся за революционное свержение столыпинского само-

державия, пользуясь *для такой борьбы* всяким открытым выступлением, расширяя пролетарскую базу движения к такой цели. Ликвидаторы борются за открытое существование рабочего движения... при Столыпине. Слова Мартова о том, что мы обязаны бороться за республику и конфискацию земли, формулированы так, что *исключают* ликвидаторство; слова его о борьбе за открытое существование партии формулированы так, что *не исключают* ликвидаторства. В области политики тут та же неустойчивость, что у Маслова в области экономики *).

У Мартынова в аграрной статье (№ 10—11) эта неустойчивость доходит до геркулесовых столпов. Мартынов пытается хлестко полемизировать с «Пролетарием», но у него выходит, благодаря неумению *поставить* вопрос, беспомощное и неуклюжее барахтанье. У «Пролетария», видите ли, выходит по Ткачеву: «Теперь или еще немножко, или никогда!» [118]). Это «выходит» и у Маслова и у Мартова, любезный т. Мартынов; это должно выйти у всякого марксиста, ибо речь идет не о *социалистической* революции (как у Ткачева), а об одном из двух методов завершения *буржуазной*. Подумайте-ка, т. Мартынов: могут ли марксисты вообще обязаться поддерживать конфискацию крупного землевладения или они обязаны это делать лишь «пока» («теперь или еще немножко» — или еще довольно долго, этого мы с вами не знаем) буржуазный строй окончательно не «утвердится»? Еще пример. Закон 22 (9) ноября 1906 года «посеял в деревне великую смуту, настоящую междоусобную войну, доходящую подчас до поножевщины»,—говорит справедливо Мартынов. Вывод его: «в ближайшем будущем рассчитывать на сколько-нибудь единодушное и внушительное революционное выступление крестьянства, на крестьянское восстание, совершенно немыслимо в виду этой междоусобицы». Противополагать восстание, т.-е. гражданскую войну, «междоусобной войне», смешно, любезный тов. Мартынов, а вопрос о ближайшем будущем тут не при чем, ибо речь идет не о практических директивах, а о *линии* всего аграрного развития. Еще пример. «Выделение из общин идет форсированным маршем». Верно. Вывод ваш?.. «Очевидно, что «помещичья ломка» будет совершаться с успехом и что в течение небольшого ряда лет, как раз в тех обширных районах России, где недавно еще аграрное движение принимало самые резкие формы, община будет разрушена, а вместе с ней исчезнет главное гнездо трудовической идеологии. Таким образом, одна из двух перспектив «Пролетария», именно «отрадная»,—отпадает».

Не в общине дело, любезный т. Мартынов, ибо Крестьянский Союз в 1905 году и трудовики в 1906—1907 г.г. требовали

*) Мы взяли для примера только *одно* из проявлений политической неустойчивости Мартова, который в той же статье № 13 говорит о грядущем кризисе, как кризисе «конституционном», и т. под.

передачи земель не общинам, а отдельным лицам, или свободным товариществам. Общину разрушает *и* столыпинская помещичья ломка старого землевладения *и* крестьянская ломка, т.-е. конфискация для создания новых земельных распорядков. «Отрадная» перспектива «Пролетария» связана не с общиной и не с трудовичеством, как таковым, а с *возможностью* «американского» развития, создания свободного фермерства. Поэтому, говоря, что отрадная перспектива отпадает, и в то же время заявляя, что «лозунг экспроприации крупных землевладельцев не умрет», тов. Мартынов путает безбожно. Если «прусский» тип утвердится, то лозунг этот умрет, и марксисты скажут: мы сделали все возможное за более безболезненное развитие капитализма, нам остается теперь борьба за уничтожение самого капитализма. Если же этот лозунг не умрет, то значит будут на-лицо *объективные* условия для перевода «поезда» на американские «рельсы». И тогда марксисты сумеют, если не захотят превращаться в струвистов, за реакционно-«социалистической» фразеологией мелких буржуа, выражающей их субъективные взгляды, видеть объективно-реальную борьбу масс за лучшие условия капиталистического развития.

Резюмируем. Пусты споры о тактике, если они не опираются на ясный анализ экономических возможностей. Вопрос о прусском и американском типе аграрной эволюции России поставлен борьбой 1905—1907 годов, доказавшей его реальность. Столыпин делает еще один шаг вперед по прусскому пути,— было бы смешной боязнью горькой правды не видеть этого. Мы должны изжить своеобразный исторический этап на почве этого нового шага. Но не только смешным, а преступным было бы не видеть того, что *пока* Столыпин только запутал и обострил старое положение, не создав нового. Столыпин «ставит ставку на сильных» и просит «20 лет мира и покоя» для «реформирования» (читай: ограбления) России помещиками [114]). Пролетариат должен ставить ставку на демократию, не преувеличивая ее сил, не ограничиваясь простым «упованием» на нее, а неуклонно развивая работу пропаганды, агитации, организации, поднимающую все силы демократии,— крестьянские массы в первую голову и больше всего,— зовущую их к союзу с передовым классом, к «диктатуре пролетариата и крестьянства» в целях полной демократической победы и обеспечения самых лучших условий наиболее быстрого и свободного развития капитализма. Отказ от этого выполнения пролетариатом его демократического долга неизбежно ведет к шатаниям, *объективно* играет только на руку контр-революционным либералам вне рабочего движения и ликвидаторам внутри его.

«Пролетарий» № 50, 11 декабря (28 ноября) 1909 г.

ПРИЕМЫ ЛИКВИДАТОРОВ И ПАРТИЙНЫЕ ЗАДАЧИ БОЛЬШЕВИКОВ.

Кризис, переживаемый нашей партией в настоящее время, объясняется, как мы уже не раз говорили, неустойчивостью мелкобуржуазных элементов, примкнувших к движению рабочего класса в революции и приведших теперь к ликвидаторству меньшевиков на одном фланге, к отзовизму-ультиматизму — на другом. Борьба на два фланга является поэтому необходимой задачей для отстаивания правильной революционно-социал-демократической тактики и для строительства партии. Эту борьбу и ведет неуклонно большевистская фракция, тем самым выковывая и сплачивая все действительно партийные, действительно марксистские, социал-демократические элементы.

Чтобы успешно вести эту борьбу за партию, — ибо *партия* решительно осудила ликвидаторство на Декабрьской конференции 1908 г. и так же решительно отмежевалась от отзовизма-ультиматизма на той же конференции, — надо ясно представлять себе ту обстановку, в которой приходится вести эту борьбу внутри социал-демократии. «Голос Социал-Демократа» № 16 — 17 и новая почти-газетка отзовистов-ультиматистов (8-ми стр. листок т.т. Максимова и Луначарского: «Ко всем товарищам») заслуживают внимания больше всего именно потому, что наглядно рисуют эту обстановку [115]). И «Голос», и Максимов и К° прячут ликвидаторов. Одинаковость приемов ликвидаторов справа и ликвидаторов слева бросается в глаза, доказывая тем самым одинаковую шаткость той и иной позиции.

Ликвидаторство — «нарочито-расплывчатое, злостно-неопределенное словечко», — уверяет передовик «Голоса». Максимов уверяет, что «Пролетарий» увеличивает и раздувает практические разногласия с ультиматистами до степени принципиальных. Бедный «Голос»! До сих пор он мог валить всю «злостность выдумки» на большевиков, т.-е. «фракционных противников». Теперь приходится в злостности выдумки обвинять Плеханова и Бунд (см. № 3 «Откликов Бунда» [116]) о ликвидаторстве в Бунде). Плеханов

ли и бундовцы или «Голос» «злостно» виляют, что правдоподобнее?

Мы — не ликвидаторы, уверяет «Голос», мы только иначе толкуем членство партии; параграф 1 устава мы в *Стокгольме* приняли *большевистский*, но это не беда; как раз теперь, после обвинения нас Плехановым в ликвидаторстве, мы вытащим § 1 и будем толковать все наше пресловутое ликвидаторство так, что мы хотим только расширить понятие партии. Партия, видите ли, не только сумма партийных организаций (как мы сами уступили большевикам в *Стокгольме*), но и все те, кто работает *вне* организации партии, под контролем и руководством партии!

Какая великолепная увертка, какая гениальная выдумка: никакого ликвидаторства — только старые споры о § 1! Беда только, что этим вы *подтверждаете* обвинение Плеханова, любезные голосовцы, ибо *на деле*, как это всякий партийный социал-демократ и всякий рабочий социал-демократ поймет сразу, вы вытащили старый хлам о § 1 *именно для защиты* ликвидаторства (= замены партийной организации «бесформенной» легальной: см. резолюцию Декабрьской конференции 1908 г.). *На деле* вы как раз этим и открываете дверь ликвидаторам, сколько бы вы ни уверяли *на словах*, что «хотите» открыть дверь для социал-демократических рабочих.

Точь в точь Максимов, уверяющий, что он не защитник отзовизма, что он только (только!) считает вопрос об участии в Думе «очень и очень спорным». § 1 спорен, участие в Думе спорно, — при чем тут «злостные» выдумки об отзовизме и о ликвидаторстве?

Мы — не ликвидаторы, уверяет «Голос», мы только находим, что Плехановым «благополучно обойден вопрос о том, как же быть, если строение ячейки мешает ни чему иному, а именно ее перестройке». На деле Плеханов не обошел, а открыто и прямо решил этот вопрос: призывом к партийности, осуждением раскола и ликвидаторства он ответил на устранение большевиками отзовистов-ультиматистов. Ячейка есть тип нелегальной партийной организации, в которой по общему правилу господствуют большевики и перестройке которой (для участия в Думе, для участия в легальных обществах и т. д.) *мешали* отзовисты. Партийные меньшевики не могли иначе ответить на устранение отзовистов большевиками, как ответил Плеханов. «Голос» же виляет и на деле *поддерживает* ликвидаторов, *повторяя* в заграничном нелегальном издании сплетню *либералов* на тему о заговорщическом характере организаций большевиков, на тему о нежелании их строить широкие рабочие организации, участвовать в съездах и прочее (ибо, *участвуя* в новых «возможностях», ячейки тем самым и перестраивались для участия, тем самым учились на деле перестройке). Говорить, что «*строение*» ячейки

мешает ее перестройке, значит — *на деле* проповедывать раскол, оправдывать раскольничьи шаги ликвидаторов *против* партии, состоящей из суммы построенных именно теперешним образом ячеек [117]).

Мы — не ликвидаторы, не легалисты, мы только уверяем в «партийном» (по вывеске!), в «нелегальном» (но одобряемом г-жей Кусковой!) издании, что строение ячейки (и суммы ячеек, партии) *мешает* перестройке партии. Мы — не отзовисты, не разрушители думской работы социал-демократии, мы только уверяем (в 1909 году), что вопрос об участии в Думе «очень спорный» и что «думизм» заслоняет собой все для нашей партии. Которые из этих двоякого типа ликвидаторов более вредят партии?

Плеханов вышел из «Общественного движения», заявив, что Потресов перестал быть революционером. Потресов пишет письмо Мартову: за что меня обидели? я не знаю. Мартов отвечает: я тоже не знаю. Оба редактора производят «изыскания» (выражение «Голоса»!) насчет причин недовольства Плеханова. Оба редактора пишут третьему редактору, Маслову, но и Маслов, оказывается, не знает, из-за чего уходит Плеханов [118]). Они годами работали с Плехановым, они пробовали исправить *по указанию Плеханова* статью Потресова и, когда им было брошено печатно и открыто обвинение, они вдруг оказались не понимающими того, в чем обвиняет Плеханов Потресова, они производят «изыскания» об этом! До этой несчастной оказии они были все такими искусными, такими опытными литераторами, — теперь они превратились в детей, которые «не знают», каким духом отречения от революции веет от статей Череванина, от Потресова, от всего «Общественного движения». Роланд-Гольст заметила этот дух у Череванина, очевидно, тоже из злостности! Но Череванин, продолжая *вкупе с Потресовым* писать в *том же* духе, поместил вот там-то *оговорочку*... при чем же тут ликвидаторство [119])? Кадеты = веховцы с оговорочками. Череванин, Потресов и «Общественное движение» = отречение от революции с оговорочками. Да, да, какое это нарочито-расплывчатое, злостно-неопределенное словечко «ликвидаторство»!

Но столь же нарочито-расплывчато, злостно-неопределенно словечко «богостроительство», кричат Максимов и Луначарский. Череванина можно прикрыть, написав *оговорочку;* чем же Луначарский хуже Череванина и Потресова? И Луначарский с Максимовым сочинят *оговорочку*. «Почему я отказываюсь от этой терминологии?» — так озаглавлен главный параграф в статье Луначарского. Заменим неудобные термины, не будем говорить ни о религии, ни о богостроительстве... можно побольше говорить о «культуре»... поди там потом разбери, что мы вам преподнесем под видом новой, истинно-новой и истинно-социалистической

«культуры». Партия так навязчива, так нетерпима (параграф: О «нетерпимости» у Луначарского) — ну, заменим «терминологию», ведь они же не против идей борются, а против «терминологии».

А что, любезные голосовцы, не собираетесь ли вы в № 18 — 19 заявить об отказе от терминологии... например, насчет ликвидаторства? А что, редакторы «Общественного движения», не собираетесь ли вы в томах III — X *разъяснить*, что «вас не поняли», что никакой «идеи гегемонии» вы не оспаривали, что ни малейшего духа ликвидаторства... ничуть!.. вы не одобряете?

Петербургские отзовисты-ультиматисты, давно уже *портящие всю работу Петербургского Комитета*, провели накануне выборов в Думу (в сентябре 1909 г.) резолюцию, на деле срывающую выборы. Рабочие начали бунт во имя партии и *вырвали* у ликвидаторов слева отмену нелепой резолюции. Максимов виляет теперь: резолюция-де «крайне ошибочна», но товарищи «сами отказались от нее». «Ясное дело»,— пишет Максимов,— «ультиматизм сам по себе в этой ошибке не при чем». Не это ясно, товарищ Максимов, а ясно ваше прикрывание *губительного* для партии ликвидаторства слева. — Меньшевики Выборгского района в СПБ выступили против ликвидаторства (тоже наверное из-за единственной их злостности!). «Голос» сначала одобрил их (после «Пролетария»). Теперь ликвидатор меньшевик *Г — г* выступает в № 16 — 17 «Голоса» и на чем свет стоит ругает выборжцев, ругает самыми худыми словами — можете себе представить? в меньшевистском органе ругает меньшевиков *большевиками!* Редакция «Голоса» становится скромной, скромной, невинной, невинной и по-Максимовски умывает руки: «не берем на себя ответственности» (стр. 2, столбец 2 приложения к № 16—17), «это — вопрос факта»...

... Ну, какие это злостные клеветники выдумали «легенду» (выражение Мартова в «Vorwärts'e»), будто «Голос» прикрывает ликвидаторство, помогает ликвидаторству! Разве это не клевета, будто помогает ликвидаторам тот, кто в нелегальном органе высмеивает думскую работу Центрального Комитета, инсинуируя, что эта работа развилась «с тех пор, как большинство членов Ц. К. стало жить за границей» (там же),— благо опровергнуть эти инсинуации, т. е. *рассказать* правду про думскую работу нелегального Центрального Комитета *нельзя*...[120]).

Максимов уверяет, что вопрос о возможности *партийного* руководства думской фракцией очень и очень спорный (после двухлетнего опыта). «Голос» уверяет, что это руководство со стороны *партии* — пустые слова («с тех пор, как большинство членов Центрального Комитета стало жить за границей»). И Максимов и голосовцы бьют себя в грудь, уверяя, что только клеветники пускают слухи об *антипартийной* работе правых и левых ликвидаторов.

И Максимов и голосовцы объясняют всю борьбу с ликвидаторством «вышибательскими» склонностями лиц и групп. Максимов именно это слово и употребляет. «Голос» с негодованием характеризует Плехановский призыв к генеральному межеванию, как «хирургию», метод «стричь, брить и кровь отворять», приемы «Собакевича-Ленина», приемы «удальца» П. (П. = меньшевик-плехановец, не побоявшийся открыто сказать правду о ликвидаторстве Череваниных, Лариных, Потресовых). «Пролетарий» дипломатничает, заигрывает с Плехановым (Максимов), «Пролетарий» подслуживается к Плеханову («Голос»: услужливый по отношению к Плеханову «фельетонист» «Пролетария»). Вы видите: максимовцы и голосовцы совершенно одинаково объясняют новые расколы и новые группировки [121]).

Предоставим игрушечного дела людишкам этакие объяснения и перейдем к делу.

Ликвидаторство — глубокое социальное явление, неразрывно связанное с контр-революционным настроением либеральной буржуазии, распадом и развалом среди демократической мелкой буржуазии. Тысячами способов либералы и мелко-буржуазные демократы стараются разложить революционную социал-демократическую партию, подорвать, свалить ее, расчистить почву для таких легальных рабочих обществ, в которых они могли бы иметь успех. И в такое время ликвидаторы идейно и организационно борются с важнейшим остатком революции вчерашней, с важнейшим оплотом революции завтрашней. Голосовцы (от которых ничего большего не просит партия, как честной, прямой, безоговорочной войны *с ликвидаторами*) своим влиянием *служат ликвидаторам.* Меньшевизм припёрт историей контр-революции к стене: либо воюй с ликвидаторством, либо становись его пособником. Меньшевизм наизнанку, т. е. отзовизм-ультиматизм, ведет на деле тоже к усилению ликвидаторства: если продолжать «спорить» о думской и легальной работе, если пытаться сохранить старую организацию, не приспособляя ее к новому историческому моменту, к изменившимся условиям, то это *фактически* означает политику революционного безделья и разрушения нелегальной организации.

У большевиков возникает задача борьбы на два фланга — «центровая» задача (сути которой не понял Максимов, видящий тут неискренность и дипломатию). Нельзя сохранить и укрепить нелегальной социал-демократической организации, если не перестраивать ее систематически, неуклонно, шаг за шагом *для* овладения современным тяжелым моментом, *для* длительной работы через «опорные пункты» всех и всяческих легальных возможностей.

Объективные условия предписали эту задачу партии. Кто будет решать ее? Те же объективные условия предписали *сближение*

партийцев всех фракций и частей партии, прежде всего сближение большевиков с партийцами меньшевиками, с меньшевиками типа выборжцев в С.-Петербурге, плехановцев за границей. Большевики со своей стороны открыто провозгласили необходимость этого сближения, и мы зовем к нему *всех меньшевиков,* способных открыто воевать с ликвидаторством, открыто поддержать Плеханова, и, конечно, меньшевиков рабочих прежде всего и больше всего. Сближение пойдет быстро и широко, если возможно *соглашение* с плехановцами: соглашение на основе борьбы за партию и за партийность против ликвидаторства, без всяких идейных компромиссов, без всякого замазывания тактических и иных разногласий *в пределах* партийной линии. Пусть же все большевики и особенно большевики рабочие на местах сделают все для осуществления таких соглашений.

Если плехановцы окажутся слишком слабы, или неорганизованны, или не захотять пойти на соглашение, — тогда мы пойдем к той же цели более длинным путем, но мы пойдем к ней и придем к ней во всяком случае. Тогда фракция большевиков остается одна строительницей партии, сейчас же и немедленно, в области практической работы (ибо Плеханов помогает ей только литературно). Напряжем все усилия, чтобы двинуть это строительство, будем беспощадны к презренным уловкам и вилянию голосовцев и максимовцев, будем на каждом шаге практической партийной работы разоблачать и клеймить перед пролетариатом антипартийность тех и других.

Рабочий класс на всю буржуазную революцию в России наложил отпечаток своей, пролетарской, революционно-социал-демократической тактики. Никакие усилия либералов, ликвидаторов и пособников ликвидаторства не вытравят этого факта. И передовые рабочие будут строить и построят революционную социал-демократическую партию *вместе* с теми, кто хочет им в этом помочь, *против* тех, кто не хочет или неспособен в этом помочь.

«Пролетарий» № 50, 11 декабря (28 ноября) 1909 г.

«ГОЛОС СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТА» И ЧЕРЕВАНИН.

Товарищ Череванин — тип и образчик идейного ликвидатора среди меньшевиков. Он выразил это полностью в своей известной книге: «Пролетариат и т. д.». Ликвидаторство настолько сильно в ней, что известная голландская писательница, марксистка Роланд-Гольст, автор предисловия к немецкому переводу, не могла удержаться от выражения своего протеста против искажения марксизма и подмены его ревизионизмом. *Тогда* редакция «Голоса Социал-Демократа» напечатала в «Vorwärts'е» отречение от Череванина, заявив, что виднейшие меньшевики с ним не согласны. «Пролетарий» указал на иезуитизм подобного отречения, *не* перепечатанного в «Голосе» и не сопровождающегося систематическим разъяснением в русской печати «ошибок» Череванина *). Разве не так именно поступают буржуазные министры, начиная от Столыпина и кончая Брианом: оговорка, поправка, отречение от зарвавшегося единомышленника, от не в меру усердного сторонника и под прикрытием этого — продолжение старой линии?

В № 16—17 «Голос» дает письмо в редакцию Череванина и свою приписку. «Пролетарий» обвиняется в «клеветничестве», ибо мы-де «скрыли» от публики, что Череванин сам «исправил ошибку» в своей книге: «Современное положение и возможное будущее» (М. 1908).

Покажем же читателям еще и еще раз, *каковы приемы* голосовцев и что это означает, когда они обвиняют «Пролетарий» за «клеветы» об их ликвидаторстве.

Ограничимся немногими цитатами из названной новой книги Череванина. Стр. 173: «В общем я нисколько не отказываюсь от того анализа, который я дал в своей книге: «Пролетариат в революции». Пролетариат и социал-демократия сделали, несомненно, ряд ошибок, которые не могли не затруднить победу революции, *даже если бы эта победа была возможна* (курсив Череванина). Но теперь уже нужно поставить вопрос, действительно ли эта победа была возможна и одни ли ошибки пролетариата

*) См. настоящий том, стр. 104—111. *Ред.*

и социал-демократии были причинами поражения революции. Уже самая постановка этого вопроса невольно подсказывает и ответ на него. Поражение революции настолько глубоко и положение водарившейся реакции, по крайней мере, для ближайшего ряда лет настолько прочно, что свести причины этого к каким-нибудь ошибкам пролетариата было бы совершенно невозможно. Дело тут, очевидно, не в ошибках, а в каких-то более глубоких причинах».

Вот вам «исправление ошибки» Череванина, по заявлению «Голоса»! Череванин не отказывается от своего «анализа», а *усугубляет* его, доходя до целого ряда новых перлов (вроде статистического определения «сил революции» в *четверть* всего населения, 21,5% — 28%; об этом перле в другой раз!). Череванин к тезису — революционный пролетариат ошибался — добавляет: революция не имела «*возможной*» силы (стр. 197, курсив Череванина) больше четверти населения, — а голосовцы называют это «исправлением» и кричат о клеветничестве «Пролетария».

Стр. 176: «Представим себе, что меньшевики все время последовательно держались своих меньшевистских позиций, а не становились под влиянием революционного угара большевиками, участвуя в ноябрьской петербургской стачке, введении 8-часового рабочего дня захватным путем, бойкоте первой Думы». (Вывод: тактика пролетариата улучшилась бы, но поражение все же последовало бы.)

Стр. 138: «Может быть, в своих перспективах насчет радикальной ломки аграрных и политических отношений революционные и оппозиционные (слушайте!) партии в бурный 1905 год зашли слишком далеко».

Кажется, довольно? Повторенное и усугубленное ликвидаторство и ренегатство «Голос Социал-Демократа» называет исправлением. Завтра выйдет немецкий перевод «Современного положения» — голосовцы поместят *для немцев* новое отречение — Череванин опубликует новую «оговорку» — ликвидаторская проповедь будет усиливаться — «Голос» будет благородно негодовать по поводу клеветнических обвинений его в ликвидаторстве. Старая, но вечно новая история.

Маслов, Мартов и Потресов никак не могут понять, решительно не могут понять, какой «дух» писаний Потресова взорвал — наконец! — даже зашедшего очень далеко в маневрировании около кадетов марксиста Плеханова. Так-таки и не понимаете, любезные голосовцы? И после цитат из «исправленной» книги Череванина все еще не понимаете? Как иногда удобна бывает непонятливость!

«Пролетарий» № 50, 11 декабря (28 ноября) 1909 г.

БАСНЯ БУРЖУАЗНОЙ ПЕЧАТИ ОБ ИСКЛЮЧЕНИИ ГОРЬКОГО.

Вот уже несколько дней, как буржуазные газеты Франции («L'Eclair», «Le Radical»), Германии («Berliner Tageblatt») и России («Утро России», «Речь», «Русское Слово», «Новое Время») смакуют самую сенсационную новость: исключение Горького из социал-демократической партии. «Vorwärts» поместил уже опровержение этого вздора. Редакция «Пролетария» тоже послала в несколько газет опровержение, но буржуазная печать игнорирует его и продолжает раздувать сплетню [121]).

Источник этой сплетни ясен: какой-нибудь борзописец, услыхав краем уха о разногласиях в связи с отзовизмом и богостроительством (— вопрос, чуть не год уже открыто обсуждающийся в партии вообще и в «Пролетарии», в частности —), безбожно переврал обрывки сведений и «славно заработал» на сочиненных «интервью» и т. п.

Цель сплетнической кампании не менее ясна. Буржуазным партиям *хочется*, чтобы Горький вышел из социал-демократической партии. Буржуазные газеты из кожи лезут, чтобы разжечь разногласия внутри социал-демократической партии и представить их в уродливом виде.

Напрасно стараются буржуазные газеты. Товарищ Горький слишком крепко связал себя своими великими художественными произведениями с рабочим движением России и всего мира, чтобы ответить им иначе, как презрением.

«Пролетарий» № 50, 11 декабря (28 ноября) 1909 г.

ПИСЬМО И. И. СКВОРЦОВУ-СТЕПАНОВУ [123]).

16 декабря 1909 г.

Дорогой коллега! Получил Ваш ответ и берусь за перо для продолжения беседы.

Вы *хотите* перенести вопрос побольше на теоретическую (а не тактическую) почву. Согласен. Напомню только, что исходный пункт *у Вас* был тактический: Вы ведь отвергали «классическую постановку» основного тактического положения. Это тактическое решение Вы намечали (не договаривая тактических *выводов* из него) в связи с отрицанием «возможности американской». Поэтому я не считаю правильным изложение наших разногласий, которое Вы даете словами: «Вы (т.-е. я) подчеркиваете факт движения *крестьянства*. Я признаю факт движения *пролетаризирующегося* крестьянства». Не в этом разногласие. Не отрицаю же я в самом деле, что крестьянство пролетаризируется. Разногласие в том, утвердился ли в России настолько буржуазный аграрный строй, чтобы сделать объективно невозможным крутой переход от «прусского» развития аграрного капитализма к «американскому» развитию аграрного капитализма? Если да, тогда «классическая» постановка основного вопроса тактики падает. Если нет, она сохраняется.

И вот, я стою за то, что она должна быть сохранена. Я не отрицаю возможности «прусского» пути; я признаю, что марксист не должен ни «ручаться» за *один* из этих путей, ни *связывать* себя *только* с одним из них; я признаю, что политика Столыпина делает *еще* шаг вперед по «прусскому» пути, и что на этом пути на известной ступени *может* наступить диалектический перелом, *снимающий* с очереди все надежды и виды на «американский» путь. Но я утверждаю, что *сейчас* этот перелом, *наверное*, еще не наступил и что поэтому абсолютно недопустимо для марксиста, абсолютно неверно теоретически отказываться от «классической» постановки вопроса. Вот в чем наши разногласия.

Теоретически они сводятся к двум, если я не ошибаюсь, главным пунктам: 1) Ваш «союзник» В. Ильин должен быть

уничтожен мной, чтобы оправдать мою позицию. Другими словами, эта позиция противоречит итогам марксистского анализа предреволюционной экономики России. 2) «Классическая» постановка может и должна быть сопоставляема с аграрным оппортунизмом ревизионистов (Давида и К°), ибо нет никакой существенной, принципиальной, коренной разницы между постановкой вопроса об отношении рабочего к «мужичку» в России и в Германии.

Оба эти положения я считаю глубочайше неверными.

Ad *) 1) (Чтобы не касаться «тактики», отстраню Мартыновский набег на Ильина и перейду только к Вашей постановке теоретического вопроса [124]).

Что доказывал и доказал Ильин? Что развитие аграрных отношений в России идет капиталистически *и* в помещичьем хозяйстве, *и* в крестьянском, *и* вне, *и* внутри «общины». Это раз. Что это развитие уже *бесповоротно* определило *не* иной путь развития, как капиталистический, *не* иную группировку классов, как капиталистическую. Это два.

Из-за этого был спор с народниками. Это надо было доказать. Это было доказано. Это остается доказанным. Вопрос сейчас ставится (и движением 1905—1907 г.г. *поставлен*) *иной*, дальнейший, *предполагающий* решение вопроса, Ильиным (и не им одним, конечно) решенного, но предполагающий *не только* это, а нечто большее, более сложное, нечто новое. *Кроме* вопроса, решенного окончательно и верно решенного в 1883—1885, в 1895—1899 г.г., история XX века в России поставила нам *дальнейший* вопрос, — и нет ничего ошибочнее теоретически, как пятиться от него назад, отделываться, отмахиваться от него ссылкой на решенное раньше. Это значило бы вопросы второго, так сказать, т.-е. высшего, класса сводить к вопросам низшего, первого класса. Нельзя оставаться при *общем* решении вопроса о капитализме, когда *новые* события (и события всемирно-исторической важности, каковы 1905—1907 г.г.) поставили вопрос более конкретный, более детальный, вопрос о борьбе *двух* путей или методов *капиталистического* аграрного развития. Когда мы боролись с народниками за доказательство того, что этот путь неизбежно и бесповоротно — капиталистический, мы были вполне правы и мы не могли *не* сосредоточить всей силы, всего внимания на вопросе: капитализм *или* «народное производство». Это было и естественно, и неизбежно, и законно. Но теперь этот вопрос *решен* и теорией и жизнью (ибо мелкобуржуазность трудовика en masse **) доказана новейшей русской историей), а на очередь поставлен другой, высший вопрос: капитализм типа *а*

*) — К. *Ред.*
**) — в массе. *Ред.*

или капитализм типа β? И, по моему крайнему разумению, Ильин был прав, когда в предисловии ко второму изданию книги указал, что из нее *вытекает* возможность *двух* видов капиталистического аграрного развития и что историческая борьба *этих видов* еще не кончена [125]).

Особенность русского оппортунизма в марксизме, т. е. меньшевизма в наше время, состоит в том, что он связан с доктринерским упрощением, опошлением, извращением буквы марксизма, изменой духу его (так было и с рабочедельством и с струвизмом). Воюя с народничеством, как с неверной доктриной *социализма,* меньшевики доктринерски просмотрели, прозевали исторически реальное и прогрессивное историческое *содержание* народничества, как теории массовой *мелкобуржуазной* борьбы капитализма демократического против капитализма либерально-помещичьего, капитализма «американского» против капитализма «прусского». Отсюда их чудовищная, идиотская, ренегатская идея (насквозь пропитавшая и «*Общественное движение*»), что крестьянское *движение* реакционно, что кадет прогрессивнее трудовика, что «диктатура пролетариата и крестьянства» (= классическая постановка) *противоречит* «*всему ходу* хозяйственного развития» (стр. 661 ме-ковского «Общественного движения»). «Противоречит *всему ходу* хозяйственного развития» — это ли не реакционность? [126])

Я стою на том, что борьба с этим чудовищным извращением марксизма была основой «классической постановки» и основой *верной,* хотя, к сожалению, в силу естественных условий эпохи велась эта борьба очень усердно тактически и недостаточно усердно теоретически. Впрочем, сожаление тут неверное слово, которое надо выкинуть!

Вот *этот* аграрный вопрос и есть *теперь* в России *национальный* вопрос буржуазного развития. Вот чтобы не впасть в ошибочное (механическое) перенесение к нам во многом верного и во всех отношениях крайне ценного немецкого образца, надо ясно себе представить, что национальным вопросом *вполне* утвердившегося буржуазного развития Германии было объединение и т. п., но не аграрный вопрос, а *национальным* вопросом окончательного утверждения в России буржуазного развития *является* именно аграрный (даже уже: крестьянский) вопрос.

Вот — чисто теоретическая основа *отличия* в *применении* марксизма в Германии *48 — 68* (примерно) и к России 1905 — 19?? годов.

Чем могу я доказать, что у нас национальное значение для буржуазного развития *получил аграрный* вопрос, а не другой какой-нибудь? Я не знаю даже, нужно ли это доказывать. Я думаю, — это бесспорно. Но именно здесь *теоретическая* основа и именно *сюда* надо *свести* все частные вопросы. Ежели спор

будет, укажу вкратце (пока вкратце), что именно ход событий, факты, *история* 1905—1907 годов и *доказали* указанное мною значение аграрного (крестьянского и, конечно, мелкобуржуазно-крестьянского, а не общинно-крестьянского) вопроса в России. Это же доказывает *теперь* и закон 16 (3) VI — 07, и состав, и деятельность III Думы, и частность — 3. XII (20. XI) — 09, и (важное особенно) аграрная политика правительства).

Если мы согласимся в том, что *новейшая* история России, история 1905 — 9 годов *доказала* коренное, первостепенное, национальное (в этом смысле) значение аграрного вопроса в утверждении буржуазной эволюции определенного типа в России, то мы можем идти дальше. Если нет, то нет.

Буржуазное развитие России к 1905 году было уже вполне зрело для того, чтобы требовать немедленной ломки устаревшей надстройки — устаревшего, средневекового землевладения (Вы, конечно, понимаете, почему я здесь из *всей* надстройки беру одно землевладение). Мы живем в эпоху *этой* ломки, которую разные классы *буржуазной* России *стараются* довершить, доделать посвоему: крестьяне (+ рабочие) путем национализации (я очень рад, что мы согласны с Вами насчет полной нелепости муниципализации; цитаты из Theorien über Mehrwerth *) в пользу национализации я уже привел в одной своей работе, напечатанной *частицей* по-польски) **), — помещики (+ буржуазия старая, жирондистская буржуазия) путем 22 (9). XI — 06 и т. д. Национализация земли = крестьянская ломка старого землевладения есть экономическая основа американского пути. Закон 22 (9). XI — 06 г. = помещичья ломка старого землевладения есть экономическая основа прусского пути. Наша эпоха, 1905 — 19 ?? годы, есть эпоха революционной и контр-революционной борьбы *этих* путей, — *подобно* тому, как *1848 — 1871* г.г. в Германии были эпохой революционной и контр-революционной борьбы двух путей объединения (= решения *национальной* проблемы буржуазного развития Германии), пути *через* великогерманскую республику и пути *через* прусскую монархию. *Только к 1871-му* году второй путь *окончательно* (вот куда относится мое «вполне») *победил*. И тогда Либкнехт отказался от бойкота парламента. И тогда *умер* спор лассальянцев с эйзенахцами. И тогда *умер* вопрос об обще*демократической* революции в Германии, — а Науман, Давид и К° стали в 90-х г.г. (двадцать лет *спустя!*) оживлять труп [127]).

У нас *еще* идет борьба. Еще не победил один из двух аграрных путей. У нас при всяком кризисе *нашей* эпохи (1905 — 1909 — 19?? г.г.) *выступит*, обязательно выступит «*обще*-демократическое» движение «мужичка», и игнорирование этого было бы

*) — Теории прибавочной стоимости. *Ред.*
**) См. XII том Сочинений, стр. 276 — 296. *Ред.*

коренной ошибкой, *на деле* приводящей к меньшевизму, хотя бы *в теории* спор ставили на иную плоскость. Не я «свожу» спор к «меньшевизму», а *история* нашей эпохи *сводит* игнорирование пролетариатом национальной задачи буржуазного развития России к меньшевизму, ибо в этом *суть* меньшевизма и состоит.

Nebenbei *). Читали у *Череванина* в «Современном положении» об *оппортунизме* «классической постановки» вопроса большевиков? [128]) Прочтите!

Ad 2) В сущности, я почти все ad 2 уже сказал. В Германии поддержка *рабочим* пожелания «мужичка» получить *себе* (т.-е. мужичку) землю крупного помещика, юнкера — *реакционна*. Не так ли? Не правда ли? В России *реакционен* в 1905—1909—19?? гг. *отказ* от этой поддержки. Hic Rhodus, hic salta! **) Тут либо отказ от всей аграрной программы и переход... почти что к кадетизму — либо *признание принципиальной* разницы в постановке вопроса в Германии и в России, принципиальной не в смысле того, чтобы у нас была некапиталистическая, а в смысле того, что *совсем* иные, принципиально иные *эпохи* капитализма: эпоха *до* окончательного утверждения национального пути капитализма и эпоха *после* такого утверждения.

Пока кончаю. Постараюсь послать Вам вырезки на тему наших бесед. Пишите, когда улучите свободную минуту. Жму крепко руку.

Ваш Старик.

Впервые напечатано в 1924 г. в журнале «Пролетарская революция» № 5 (28).

Печатается по рукописи.

---

*) — между прочим. *Ред.*

**) — Здесь Родос, здесь прыгай! *Ред.*

О «ВЕХАХ» [129].

Известный сборник «Вехи», составленный влиятельнейшими к.-д. публицистами, выдержавший в короткое время несколько изданий, встреченный восторгом всей реакционной печати, представляет из себя настоящее знамение времени. Как бы ни «исправляли» к.-д. газеты слишком бьющие в нос отдельные места «Вех», как бы ни отрекались от них отдельные кадеты, совершенно бессильные повлиять на политику всей к.-д. партии или задающиеся целью обмануть массы насчет истинного значения этой политики, — остается несомненный факт, что *«Вехи» выразили несомненную суть современного кадетизма.* Партия кадетов есть партия «Вех».

Ценя выше всего развитие политического и классового сознания масс, рабочая демократия должна приветствовать «Вехи», как великолепное разоблачение идейными вождями кадетов сущности их политического направления. «Вехи» написаны господами: Бердяевым, Булгаковым, Гершензоном, Кистяковским, Струве, Франком и Изгоевым. Одни уже эти имена известных депутатов, известных ренегатов, известных кадетов говорят достаточно много за себя. Авторы «Вех» выступают как настоящие идейные вожди целого общественного направления, давая в сжатом наброске целую энциклопедию по вопросам философии, религии, политики, публицистики, оценки всего освободительного движения и всей истории русской демократии. Назвав «Вехи» «сборником статей о русской интеллигенции», авторы сузили этим подзаголовком действительную тему своего выступления, ибо «интеллигенция» выступает у них на деле в качестве духовного вождя, вдохновителя и выразителя всей русской демократии и всего русского освободительного движения. «Вехи» — крупнейшие вехи на пути *полнейшего разрыва* русского кадетизма и русского либерализма вообще с русским освободительным движением, со всеми его основными задачами, со всеми его коренными традициями.

I.

Энциклопедия либерального ренегатства охватывает три основные темы: 1) борьба с идейными основами всего миросозерцания русской (и международной) демократии; 2) отречение от освободительного движения недавних лет и обливание его помоями; 3) открытое провозглашение своих «лакейских» чувств (и соответствующей «лакейской» политики) по отношению к октябристской буржуазии, по отношению к старой власти, по отношению ко всей старой России вообще.

Авторы «Вех» начинают с философских основ «интеллигентского» миросозерцания. Красной нитью проходит через всю книгу решительная борьба с материализмом, который аттестуется не иначе, как догматизм, метафизика, «самая элементарная и низшая форма философствования» (стр. 4 — ссылки относятся к 1-му изданию «Вех»). Позитивизм осуждается за то, что он был «для нас» (т.-е. для уничтоженной «Вехами» русской «интеллигенции») «тождественен с материалистической метафизикой»... или истолковывался «исключительно в духе материализма» (15), тогда как — «ни один мистик, ни один верующий не может отрицать *научного* позитивизма и науки» (11). Не шутите! «Вражда к идеалистическим и религиозно-мистическим тенденциям» (6) — вот за что нападают «Вехи» на «интеллигенцию». «Юркевич был, во всяком случае, настоящим философом по сравнению с Чернышевским» (4).

Вполне естественно, что, стоя на этой точке зрения, «Вехи» неустанно громят атеизм «интеллигенции» и стремятся со всей решительностью и во всей полноте восстановить религиозное миросозерцание. Вполне естественно, что, уничтожив Чернышевского, как философа, «Вехи» уничтожают Белинского, как публициста. Белинский, Добролюбов, Чернышевский — вожди «интеллигентов» (134, 56, 32, 17 и др.). Чаадаев, Владимир Соловьев, Достоевский — «вовсе не интеллигенты». Первые — вожди направления, с которым «Вехи» воюют не на живот, а на смерть. Вторые «неустанно твердили» то именно, что твердят и «Вехи», но «их не слушали, интеллигенция шла мимо них», гласит предисловие к «Вехам».

Читатель уже может видеть отсюда, что не на «интеллигенцию» нападают «Вехи», это только искусственный, запутывающий дело, способ выражения. Нападение ведется по всей линии против демократии, против демократического миросозерцания. А так как идейным вождям партии, которая рекламирует себя, как «конституционно-демократическую», неудобно назвать вещи их настоящими именами, то они позаимствовали терминологию у «*Московских Ведомостей*», они отрекаются не от демокра-

тии,—(какая недостойная клевета!),—а только от «интеллигентщины».

Письмо Белинского к Гоголю, вещают «Вехи», есть «пламенное и классическое выражение интеллигентского настроения» (56). «История нашей публицистики, начиная после Белинского, в смысле жизненного разумения — сплошной кошмар» (82).

Так, так. Настроение крепостных крестьян против крепостного права, очевидно, есть «интеллигентское» настроение. История протеста и борьбы самых широких масс населения с 1861 по 1905 год против остатков крепостничества во всем строе русской жизни есть, очевидно, «сплошной кошмар». Или, может быть, по мнению наших умных и образованных авторов, настроение Белинского в письме к Гоголю не зависело от настроения крепостных крестьян? История нашей публицистики не зависела от возмущения народных масс остатками крепостнического гнета?

«*Московские Ведомости*» всегда доказывали, что русская демократия, начиная хотя бы с Белинского, отнюдь не выражает интересов самых широких масс населения в борьбе за элементарнейшие права народа, нарушаемые крепостническими учреждениями, а выражает только «интеллигентское настроение».

Программа «Вех» и «Московских Ведомостей» одинакова и в философии, и в публицистике. Но в философии либеральные ренегаты решились сказать всю правду, раскрыть *всю* свою программу (война материализму и материалистически толкуемому позитивизму; восстановление мистики и мистического миросозерцания), а в публицистике они виляют, вертятся, иезуитничают. Они порвали с самыми основными идеями демократии, с самыми элементарными демократическими тенденциями, но делают вид, что рвут только с «интеллигентщиной». Либеральная буржуазия решительно повернула от защиты прав народа к защите учреждений, направленных против народа. Но либеральные политиканы желают сохранить название «демократов».

Тот же самый фокус, который проделали над письмом Белинского к Гоголю и над историей русской публицистики, проделывается над историей недавнего движения.

II.

В действительности нападение ведется в «Вехах» только на такую интеллигенцию, которая была выразителем демократического движения, и только за то, в чем она проявила себя, как настоящий участник этого движения. «Вехи» с бешенством нападают на интеллигенцию именно за то, что эта «маленькая подпольная секта вышла на свет божий, приобрела множество последователей и на время стала идейно-влиятельной и даже

реально-могущественной» (176). Либералы сочувствовали «интеллигенции» и тайком поддерживали иногда ее, *пока* она оставалась *только* маленькой подпольной сектой, пока она не приобрела множества последователей, пока она не становилась реально-могущественной; это значит: либерал сочувствовал демократии, пока демократия не приводила в движение настоящих масс, ибо без вовлечения масс она только служила своекорыстным целям либерализма, она только помогала верхам либеральной буржуазии пододвинуться к власти. Либерал отвернулся от демократии, когда она втянула массы, начавшие осуществлять *свои* задачи, отстаивать *свои* интересы. Под прикрытием криков против демократической «интеллигенции», *война кадетов ведется на деле против демократического движения масс.* Одно из бесчисленных наглядных разоблачений этого в «Вехах» состоит в том, что великое общественное движение конца XVIII века во Франции они объявляют «примером достаточно продолженной интеллигентской революции, с обнаружением всех ее духовных потенций» (57).

Неправда ли, хорошо? Французское движение конца XVIII века представляет из себя, изволите видеть, не образец самого глубокого и широкого демократического движения масс, а образец «интеллигентской» революции! Так как нигде в мире и никогда демократические задачи не осуществлялись без движения *однородного* типа, то совершенно очевидно, что идейные вожди либерализма порывают именно с демократией.

В русской интеллигенции «Вехи» бранят именно то, что является *необходимым* спутником и выражением *всякого* демократического движения. «Прививка политического радикализма, интеллигентских идей к социальному радикализму народных инстинктов *) совершилась с ошеломляющей быстротой» (141) — и в этом была «не просто политическая ошибка, не просто грех тактики. Тут была ошибка моральная». Там, где нет исстрадавшихся народных масс, не может быть и демократического движения. А демократическое движение отличается от простого «бунта» как раз тем, что оно идет под знаменем известных радикальных политических идей. Демократическое движение и демократические идеи не только политически ошибочны, не только тактически неуместны, но и морально греховны, — вот к чему сводится истинная мысль «Вех», ровно ничем не отличающаяся от истинных мыслей Победоносцева. Победоносцев только честнее и прямее говорил то, что говорят Струве, Изгоевы, Франки и К°.

Когда «Вехи» приступают к более точному определению содержания ненавистных «интеллигентских» идей, они, есте-

---

*) «Исстрадавшихся народных масс» — говорится на той же странице, двумя строками ниже.

ственно, говорят о «левых» идеях вообще, о народнических и марксистских, в частности. Народники обвиняются в «ложной любви к крестьянству», марксисты — «к пролетариату» (9). И те и другие уничтожаются в пух и прах за «народопоклонничество» (59, 59 — 60). У ненавистного «интеллигента» «бог есть народ, единственная цель есть счастие большинства» (159). «Бурные речи атеистического левого блока» (29),—вот что всего больше запомнилось во II Думе кадету Булгакову, вот что особенно возмутило его. И нет ни малейшего сомнения, что Булгаков выразил здесь несколько рельефнее, чем иные, общекадетскую психологию, выразил заветные думы всей кадетской партии.

Что для либерала стирается различие между народничеством и марксизмом, — это не случайно, а неизбежно, оно не «фортель» литератора (прекрасно знающего эти различия), а закономерное выражение современной сущности либерализма. Ибо в *данное* время либеральной буржуазии в России страшно и ненавистно не столько социалистическое движение рабочего класса в России, сколько демократическое движение и рабочих и крестьян, т.-е. страшно и ненавистно то, что есть общего у народничества и марксизма, их защита демократии путем обращения к массам. Для современной эпохи характерно то, что либерализм в России решительно повернул против демократии; совершенно естественно, что его не интересуют ни различия внутри демократии, ни дальнейшие цели, виды и перспективы, открывающиеся на почве осуществленной демократии.

Словечки, вроде «народопоклонничество», так и кишат в «Вехах». Это не удивительно, ибо либеральной буржуазии, испугавшейся народа, ничего не остается, как кричать о «народопоклонничестве» демократов. Отступления нельзя не прикрыть особенно громким барабанным боем. Нельзя же в самом деле прямо отрицать, что обе первые Думы выражали именно в лице рабочих и крестьянских депутатов настоящие интересы, требования, взгляды рабочих и крестьянских масс. А между тем именно эти «интеллигентные» депутаты*) и внушили кадетам бездонную *ненависть k «левым»* за разоблачение вечных кадетских отступлений от демократизма. Нельзя же, в самом деле, прямо отрицать хотя бы и «четыреххвостку»; а между тем ни один сколько-нибудь честный политический деятель не усумнился в том, что выборы по «четыреххвостке», выборы действительно демократичевкие, дали бы в современной России подавляющее

---

*) Извращение «Вехами» обычного смысла слова «интеллигент» прямо-таки забавно. Достаточно перелистать списки депутатов обеих первых Дум, чтобы сразу увидеть подавляющее большинство крестьян у трудовиков, преобладание рабочих у с.-д. и сосредоточение массы буржуазной интеллигенции у к.-д.

большинство депутатам трудовикам вместе с депутатами рабочей партии.

Ничего не остается повернувшей вспять либеральной буржуазии, как прикрывать свой разрыв с демократией словечками из словаря «*Московских Ведомостей*» и «*Нового Времени*»; эти словечки положительно пестрят весь сборник «Вех».

«Вехи» — сплошной поток реакционных помоев, вылитых на демократию. Понятно, что публицисты «*Нового Времени*», Розанов, Меньшиков и А. Столыпин, бросились целовать «Вехи». Понятно, что Антоний Волынский пришел в восторг от этого произведения вождей либерализма.

«Когда интеллигент — пишут «Вехи» — размышлял о своем долге перед народом, он никогда не додумывался до того, что выражающаяся в начале долга идея личной ответственности должна быть адресована не только к нему, интеллигенту, но и к народу» (139). Демократ размышлял о расширении прав и свободы народа, облекая эту мысль в слова о «долге» высших классов перед народом. Демократ никогда не мог додуматься и никогда не додумается до того, что в дореформенной стране или в стране с «конституцией» 3 июня может зайти речь об «ответственности» народа перед правящими классами. Чтобы «додуматься» до этого, демократ, или якобы демократ, должен окончательно превратиться в контр-революционного либерала.

«Эгоизм, самоутверждение — великая сила, — читаем мы в «Вехах», — именно она делает западную буржуазию могучим бессознательным орудием божьего дела на земле» (85). Это не что иное, как приправленный лампадным маслом пересказ знаменитого «Enrichissez vous!.. — обогащайтесь!» или нашего российского: «мы ставим ставку на сильных» [130]). Когда буржуазия помогала народу бороться за свободу, она объявляла эту борьбу божьим делом. Когда она испугалась народа и повернула к поддержке всякого рода средневековья против народа, — она объявила божьим делом «эгоизм», обогащение, шовинистическую внешнюю политику и т. п. Это было везде в Европе. Это повторяется и в России.

«Актом 17 октября по существу и формально революция должна была бы завершиться» (136). Это и есть альфа и омега октябризма, т. е. программы контр-революционной буржуазии. Октябристы всегда это говорили и сообразно с этим открыто действовали. Кадеты действовали *тайком* так же (начиная с 30 (17) октября), но желали прикидываться при этом демократами. Для успеха дела демократии полная, ясная, открытая размежевка между демократами и ренегатами — самая полезная, самая необходимая вещь. Надо использовать «Вехи» для этого нужного дела. «Надо иметь, наконец, смелость сознаться, — пишет ренегат Изгоев, — что в наших Государственных Думах огромное

большинство депутатов, за исключением трех-четырех десятков к.-д. и октябристов, не обнаружило знаний, с которыми можно было бы приступить к управлению и переустройству России» (208). Ну, разумеется, где же мужицким депутатам трудовикам или каким-то рабочим браться за такое дело. Для этого нужно большинство к.-д. и октябристов, а для такого большинства нужна III Дума...

А чтобы народ и народопоклонники понимали свою «ответственность» перед вершителями дел в III Думе и в третьедумской России, для этого нужно проповедывать народу — вместе с Антонием Волынским—«покаяние» («Вехи», 26), «смирение» (49), борьбу с «гордыней интеллигента» (52), «послушание» (55), «простую, грубую пищу старого моисеева десятословия» (51), борьбу с «легионом бесов, вошедших в гигантское тело России» (68). Если крестьяне выбирают трудовиков, а рабочие — социал-демократов, это, разумеется,— именно такое бесовское навождение, ибо, собственно говоря, по натуре своей, как давно уже открыли Катков и Победоносцев, народ питает «ненависть к интеллигенции» (87; читай: к демократии).

Русские граждане должны поэтому — научают нас «Вехи»,— «благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас («интеллигентов») от ярости народной» (88).

Эта тирада хороша тем, что откровенна, — полезна тем, что вскрывает правду относительно действительной сущности политики всей к.-д. партии за всю полосу 1905 — 1909 годов. Эта тирада хороша тем, что вскрывает в краткой и рельефной форме весь дух «Вех». А «Вехи» хороши тем, что вскрывают весь дух *действительной* политики русских либералов и русских кадетов, в том числе. Вот почему кадетская полемика с «Вехами», кадетское отречение от «Вех» — одно сплошное лицемерие, одно безысходное празднословие. Ибо на деле кадеты, как коллектив, как партия, как общественная сила, вели и ведут *именно* политику «Вех». Призывы идти в Булыгинскую Думу в августе и сентябре 1905 года, измена делу демократии в конце того же года, систематическая боязнь народа и народного движения и систематическая борьба с депутатами рабочих и крестьян в обеих первых Думах, голосование за бюджет, речи Караулова о религии и Березовского об аграрном вопросе в III Думе, поездка в Лондон, — все это бесчисленные *вехи* именно той, именно *такой* политики, которая идейно провозглашена в «Вехах».

Русская демократия не может сделать ни шага вперед, пока она не поймет сути этой политики, не поймет ее классовых корней.

«Новый День» № 15, 26 (13) декабря 1909 г.

Подпись: В. Ильин.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА К ПРОЕКТУ ГЛАВНЫХ ОСНОВАНИЙ ЗАКОНА О 8-МИЧАСОВОМ РАБОЧЕМ ДНЕ.

II *).

В настоящей, второй, части объяснительной записки мы намерены остановиться на вопросе о *типе* социал-демократического законопроекта о 8-мичасовом рабочем дне для III Думы и о *мотивах*, объясняющих *основные черты* данного *законопроекта*.

Первоначальный проект, имевшийся в думской социал-демократической фракции и доставленный в нашу подкомиссию, мог быть взят за основу, но требовал ряда переделок.

Основная цель законопроектов, вносимых социал-демократами в III Думу, должна состоять в *пропаганде* и *агитации* социал-демократической программы и тактики. Всякие надежды на «реформаторство» III Думы были бы не только смешны, но и грозили бы полным извращением характера социал-демократической революционной тактики, превращением ее в тактику оппортунистического, либерального социал-реформаторства. Нечего и говорить, что подобное извращение социал-демократической думской тактики прямо и решительно противоречило бы общеобязательным решениям нашей партии, именно: резолюциям Лондонского съезда Р.С.-Д.Р.П. и утвержденным Центральным Комитетом резолюциям Всероссийских партийных конференций ноября 1907 г. и декабря 1908 года.

Для того, чтобы законопроекты, вносимые социал-демократической думской фракцией, удовлетворяли своей задаче, необходимы следующие условия:

---

*) Первая часть или первая глава объяснительной записки должна включать в себя популярное и наиболее агитационно, по возможности, написанное развитие соображений в пользу 8-мичасового рабочего дня вообще, с точки зрения производительности труда, санитарных, культурных интересов пролетариата, вообще интересов его освободительной борьбы.

(1

Объяснительная записка

къ проекту главныхъ основаній

закона о 8-мичасовомъ рабочемъ днѣ.

II [1)]

Въ настоящей, второй, части объяснительной записки мы намѣрены остановиться на вопросѣ о значеніи сд. законопроекта о 8-мичас. р. днѣ для III Думы и о мотивахъ, объясняющихъ основныя черты даннаго законопроекта.

1) Первая часть или первая глава объяснительной записки должна включать въ себя популярное и наиболѣе агитаціонно изъ возможнаго написанное развитіе соображеній въ пользу 8-мичасов. раб. дня вообще съ точки зрѣнія производительности труда, санитарныхъ, культурныхъ интересовъ пролетаріата, общихъ интересовъ его освободительной борьбы.

**Первая страница рукописи В. И. Ленина:
«Объяснительная записка к проекту главных оснований закона о 8-мичасовом рабочем дне» — 1909 г.**

(1) законопроекты должны в наиболее ясной и отчетливой форме излагать отдельные требования социал-демократии, вошедшие в нашу партийную программу minimum, или с необходимостью вытекающие из этой программы;

(2) законопроекты не должны быть ни в коем случае загромождаемы обилием юридических тонкостей; они должны давать *главные основания* предполагаемых законов, а не подробно разрабатываемые тексты законов со всеми деталями;

(3) законопроекты не должны чрезмерно изолировать различные области социальной реформы и демократических преобразований, как это могло бы казаться необходимым с узко-юридической, административной или «чисто-парламентарной» точки зрения; напротив, преследуя цели социал-демократической пропаганды и агитации, законопроекты должны давать рабочему классу возможно более определенное представление о *необходимой связи* фабричных (и социальных вообще) реформ с *демократическими* политическими преобразованиями, без которых все и всяческие «реформы» столыпинского самодержавия неизбежно осуждены на «зубатовское» их извращение и на полное сведение к мертвой букве. Само собою разумеется, что это указание связи экономических реформ с политикой должно достигаться не включением во все законопроекты требований последовательной демократии в их целом, а выдвиганием соответствующих каждой отдельной реформе демократических и специально пролетарски-демократических учреждений, неосуществимость которых без радикальных политических преобразований должна подчеркиваться в объяснительной записке к законопроекту;

(4) ввиду крайней затрудненности при теперешних условиях легальной с.-д. пропаганды и агитации в массах, законопроекты должны составляться так, чтобы и отдельно взятый законопроект и отдельно взятая объяснительная записка к нему *могли достигнуть своей цели*, попадая в массы (путем ли перепечатки в несоциал-демократических газетах, путем ли распространения отдельных листков с текстом законопроекта и т. п.), т.-е. могли быть прочтены рабочими с улицы, неразвитыми рабочими, с пользой для дела развития их классового самосознания; в этих целях законопроекты должны быть проникнуты во *всем* своем построении духом пролетарского недоверия к предпринимателям и к государству, как органу, служащему предпринимателям: другими словами, дух классовой борьбы должен пропитывать все построение законопроекта, должен вытекать из суммы отдельных постановлений;

наконец, (5) законопроекты при теперешних русских условиях, т.-е. при отсутствии с.-д. прессы и с.-д. собраний, должны давать достаточно *конкретное* представление о требуемом с.-д.-ами преобразовании, не ограничиваясь простым *провозглашением*

принципа; рабочий с улицы, рабочий серый должен быть заинтересован с.-д. законопроектом, захвачен конкретной картиной преобразования с тем, чтобы потом перейти от этой отдельной картины ко всему миросозерцанию с.-д.-тии в целом.

Исходя из этих основных посылок, следует признать тип законопроекта, выбранный автором первоначального законопроекта о 8-мичасовом рабочем дне, *более соответствующим* русским условиям, чем те, например, законопроекты о сокращении рабочего дня, которые вносимы были французскими и немецкими социалистами в их парламенты. Например, законопроект о 8-мичасовом рабочем дне, внесенный Жюлем Гэдом во французскую палату депутатов 22 мая 1894-го года, содержит две статьи: первая — запрещает работать более 8 часов в сутки и 6-7 дней в неделю; вторая — разрешает работу в несколько смен с тем, чтобы число рабочих часов в неделю не превышало 48-ми *). Немецкий социал-демократический законопроект 1890-го года содержит 14 строк, предлагая 10-тичасовой рабочий день немедленно, 9-тичасовой с 1 января 1894 года и 8-мичасовой с 1 января 1898 года. В сессию 1900 — 1902 г.г. немецкие социал-демократы внесли еще более краткое предложение об ограничении рабочего дня немедленно 10-тью часами в сутки, а затем в срок, подлежащий особому определению, 8-ью часами в сутки **).

Разумеется, подобные законопроекты, во всяком случае, вдесятеро рациональнее с социал-демократической точки зрения, чем попытки «приспособиться» к *осуществимому для* реакционных или для буржуазных правительств. Но если во Франции и в Германии, при свободе прессы и собраний, достаточно сделать законопроект одним *провозглашением принципа*, то у нас в России, в данное время, необходимо добавить еще в *самый* законопроект *конкретно-агитационный* материал.

Поэтому *тип*, принятый автором первоначального проекта, мы считаем более целесообразным, но в этот проект необходимо внести ряд поправок, ибо автор в нескольких случаях делает крайне важную, на наш взгляд, и крайне опасную ошибку, именно: принижает требования нашей программы-minimum без всякой надобности (например, устанавливая еженедельный отдых в 36 часов, а не в 42, или умалчивая о необходимости согласия рабочих организаций для допущения ночной работы). В некоторых случаях автор как будто бы пытается приспособиться к «осуществимости» своего законопроекта, предоставляя, например, *мини-*

---

*) Jules Guesde: «Le problème et la solution; les huit heures à la chambre». Lille. S. d. (Жюль Гэд. «Проблема и ее решение; восьмичасовой рабочий день в Палате Депутатов». *Ред.*).

**) M. Schippel: «S.-d. Reichstagshandbuch», Brl. 1902, S.S. 882 und 886 (М. Шиппель. «Справочник для социал-демократов рейхстага». *Ред.*).

стру разрешать ходатайства об изъятиях (со внесением дела в законодательные учреждения) и не упоминая ни разу о роли профессиональных организаций рабочих в деле осуществления закона о 8-мичасовом рабочем дне.

Предлагаемый нашей подкомиссией законопроект вносит в первоначальный проект ряд поправок в указанном направлении. В частности, остановимся на мотивировке следующих изменений первоначального проекта.

По вопросу о том, к каким предприятиям применим законопроект, надо расширить область его применимости включением всех отраслей и промышленности, и торговли, и транспорта, и всяческих учреждений (вплоть до казенных: почта и т. п.), и работы на дому. В объяснительной записке, вносимой в Думу, с.-д. должны особенно подчеркнуть необходимость такого расширения и уничтожения всяких границ и разделений (по этому вопросу) между пролетариатом фабричным, торговым, служебным, транспортным и т. д.

Может возникнуть вопрос о сельском хозяйстве, ввиду требования нашей программой-minimum 8-мичасового рабочего дня «для всех наемных рабочих». Но мы думаем, что русским с.-д. выступать с инициативой 8-мичасового рабочего дня в сельском хозяйстве *в данное время* едва ли уместно. Лучше оговорить в объяснительной записке, что партия предоставляет себе [право] внести дальнейший законопроект и относительно сельского хозяйства, и относительно прислуги, и т. п.

Далее. Во всех случаях, когда речь идет в законопроекте о допустимости изъятий из закона, мы вставили требование согласия профессионального союза рабочих на каждое изъятие. Это необходимо, чтобы ясно показать рабочим неосуществимость действительного сокращения рабочего дня без самодеятельности рабочих организаций.

Затем следует остановиться на вопросе о *постепенности* введения 8-мичасового рабочего дня. Автор первоначального проекта ни словом не упоминает об этом, ограничиваясь простым требованием 8-мичасового рабочего дня, подобно проекту Ж. Гэда. Напротив, наш проект примыкает к образцу Парвуса *) и проекта немецкой социал-демократической фракции в рейхстаге, устанавливая *постепенность* введения 8-мичасового рабочего дня (немедленный, т.-е. через 3 месяца со дня вступления закона в силу, 10-тичасовой день и сокращение по часу в год). Конечно, различие между тем и другим проектом не так уже существенно.

*) *Parvus*: «Die Handelskrisis und die Gewerkschaften. Nebst Anhang: Gesetzentwurf über den achtstundigen Normalarbeitstag». München. 1901 (*Парвус*. «Торговый кризис и профессиональные союзы. С приложением: Законопроект о нормальном восьмичасовом рабочем дне». *Ред.*).

Но при максимальной технической отсталости русской промышленности, при крайне слабой организованности русского пролетариата, при громадности масс рабочего населения (кустари и т. п.), не участвовавшего еще ни в какой крупной кампании в пользу сокращения рабочего дня, — при всех этих условиях целесообразнее будет *тут же*, в *самом* законопроекте ответить на неизбежное возражение, что крутой переход невозможен, что заработок рабочих при таком переходе понизится и т. д. *). Установление постепенности введения 8-мичасового рабочего дня (немцы растягивали введение на 8 лет; Parvus — на 4 года; мы предлагаем 2 года) дает сразу ответ на это возражение: работа сверх 10-ти часов в сутки безусловно нерациональна экономически и недопустима по гигиеническим и культурным соображениям. Годовой же срок для сокращения рабочего дня на один час вполне достаточен для того, чтобы технически отсталые предприятия подтянулись и преобразовались, чтобы рабочие перешли к новому порядку без заметной разницы в производительности труда.

Постепенность введения 8-мичасового рабочего дня следует установить не для того, чтобы «приспособить» проект к мерке капиталистов или правительства (об этом не может быть и речи, и если бы подобные мысли возникли, то, конечно, мы предпочли бы выкинуть всякое упоминание о постепенности), а для того, чтобы наглядно показать всем и каждому техническую и культурную и экономическую осуществимость программы социал-демократии в одной из наиболее даже отсталых стран.

Серьезным возражением против постепенности введения 8-мичасового рабочего дня в *русском* с.-д. законопроекте было бы то, что таким образом как бы дезавуируются, хотя бы косвенно, революционные Советы Рабочих Депутатов в 1905 году, проводившие *немедленное* осуществление 8-мичасового рабочего дня. Мы считаем это возражение серьезным, ибо самомалейшее дезавуирование Советов Рабочих Депутатов *в этом отношении* было бы прямым ренегатством или, во всяком случае, поддержкой ренегатов и контр-революционных либералов, прославивших себя таким дезавуированием.

Мы думаем поэтому, что, *во всяком случае*, независимо от того, будет ли постепенность включена в законопроект с.-д. дум-

---

*) По вопросу *о постепенности* введения 8-мичасового рабочего дня Парвус говорит, по нашему мнению, вполне справедливо, что эта постепенность в его законопроекте вызывается «не желанием сообразоваться с предпринимателями, а желанием сообразоваться с рабочими. Мы должны следовать тактике профессиональных союзов: они проводят сокращение рабочего дня чрезвычайно постепенно, ибо они хорошо знают, что таким образом легче всего противодействовать *сокращению заработной платы*» (курсив Парвуса, цитир. брош., стр. 62—63).

ской фракции или нет, — *во всяком случае*, совершенно необходимо, чтобы и в объяснительной записке, подаваемой в Думу, и в думской речи с.-д. представителя была совершенно определенно выражена мысль, безусловно исключающая самомалейшее дезавуирование, безусловно *включающая* наше признание действий Советов Рабочих Депутатов принципиально правильными, вполне законными и необходимыми.

«С.-д.-тия — так, примерно, должно бы было гласить заявление представителей социал-демократии или их объяснительная записка — ни в каком случае не отрекается от *немедленного* введения 8-мичасового рабочего дня; напротив, при *известных* исторических условиях, когда борьба обостряется, когда энергия и инициатива массового движения высоки, когда столкновение старого общества и нового принимает резкие формы, когда для успеха борьбы рабочего класса, например, со средневековьем *необходимо* ни перед чем не останавливаться, — одним словом, при условиях, подобных тем, которые были в ноябре 1905 года, социал-демократия считает *немедленное* введение 8-мичасового рабочего дня не только законным, но и *необходимым*. Вводя в свой законопроект в настоящее время постепенность введения 8-мичасового рабочего дня, социал-демократия желает только показать этим полную возможность введения в жизнь программных требований Р. С.-Д. Р. П. даже при наихудших исторических условиях, даже при наименее быстром темпе экономического, социального и культурного развития».

Повторяем: *подобное* заявление со стороны с.-д. в Думе и в их объяснительной записке к законопроекту о 8-мичасовом рабочем дне мы считаем *безусловно* и, во всяком случае, необходимым, а вопрос о том, вносить ли в самый законопроект постепенность установления 8-мичасового рабочего дня, сравнительно менее важным. —

Остальные изменения, внесенные нами в первоначальный законопроект, касаются частных деталей и не требуют особых комментариев.

Написано осенью 1909 г.

Впервые напечатано в 1924 г. в журнале «Пролетарская Революция» № 4 (27).

Печатается по рукописи.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО РУССКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА.

Российская социал-демократия подвела основные итоги урокам революции в лондонской резолюции о непролетарских партиях. Социал-демократический пролетариат точно и ясно выразил в ней оценку взаимоотношения классов в революции, определил социальную основу всех главных партий и общие задачи рабочего движения в борьбе за демократию. Резолюция Декабрьской партийной конференции 1908 года дала дальнейшее развитие этим основным взглядам с.-д.

Теперь, через год после этой конференции, через $2^1/_2$ года после Лондонского съезда, чрезвычайно поучительно посмотреть, к каким взглядам на современное положение и на задачи демократии приходят наиболее влиятельные представители русского либерализма. Недавнее «совещание» деятелей к.-д. партии особенно интересно в этом отношении [131]). «Совещание» одобрило доклад вождя партии г. Милюкова, который напечатал его теперь в «Речи» под заглавием: «Политические партии в стране и в Думе». Доклад этот — крайне важный политический документ. Мы имеем в нем отныне официальную платформу к.-д. партии. А кроме того мы имеем здесь ответ на вопросы, давно поставленные и решенные социал-демократической партией, — ответ, даваемый одним из искуснейших дипломатов и политиканов либерализма, а в то же время и одним из наиболее сведущих историков, кой-чему научившимся у исторического материализма, под явным влиянием которого был этот историк... в бытность свою историком.

Историк Милюков пытается поставить вопрос вполне научно, т.-е. материалистически. Для получения «твердых опорных точек» партийной тактики необходимо «одинаковое понимание того, что̀ происходит в стране». А чтобы понять это, необходимо посмотреть на то, как главные политические партии или «политические течения» стремятся «найти себе опору» в «широких кругах населения».

Метод превосходен. Применение его сразу показывает нам

1

Русская социал-демократия подвела основные итоги урокам революции в лондонской резолюции о непролетарских партиях. С.-д. пролетариат точно и ясно выразил в ней оценку взаимоотношения классов в революции, определил социальную основу всех главных партий и общие задачи рабочего движения в борьбе за демократию. Резолюция декабрьской партийной конференции 1908 года дала дальнейшее развитие этим основным взглядам с.-д.

Теперь, через год после этой конференции, через 2½ года после Лондонского съезда,

Первая страница рукописи В. И. Ленина: «Последнее слово русского либерализма» — 1909 г.

Уменьшено

превращение сведущего историка в дюжинного либерального сикофанта: кадеты и все, что̀ правее их, это, видите ли, «три главные политические течения», а все, что̀ «левее» кадетов, это — «политическая судорога». Спасибо за откровенность, г. либерал! Но посмотрим все же, что̀ вы нам скажете, как историк. Три главные течения: первое — «демагогический монархизм». Его «смысл» — «защита старых социальных основ быта», «соединение неограниченного самодержавия»... (либерал, конституционный демократ, незаметно для себя переходит на точку зрения октябриста, защищающего ограниченное самодержавие)... «с крестьянством на почве тех полупатриархальных отношений, при которых дворянство является естественным посредником между тем и другим»... В переводе с либерального на русский язык это означает господство крепостников («патриархальность») помещиков и черносотенного царизма. Г. Милюков верно отмечает, что этот царизм становится «демагогическим», что он «отказывается от старой искусственной беспартийности, или надпартийности и вмешивается активно в процесс организации партий в стране». Именно в этом, между прочим, состоит тот шаг по пути превращения самодержавия в буржуазную монархию, о котором говорит резолюция Декабрьской конференции социал-демократов 1908 года. Именно в этом состоит то новое, что составляет *специфическую* особенность современного момента и что учла наша партия в ее *современной* постановке тактических задач. Верно отмечая некоторые черты процесса, г. Милюков, во 1-х, не додумывает до конца насчет экономических основ его, а, во 2-х, *боится* сделать неизбежный вывод о причинах силы крепостников-помещиков. Эта сила сводится к тому, что в Европейской России, по казенной статистике 1905 г., 10 миллионов беднейших крестьян имеют 75 милл. десятин земли, а 30.000 крупнейших помещиков (в том числе уделы, т.-е. семейка Николая Романова) имеют 70 милл. десятин земли. Может ли Россия быть избавлена от «патриархальных» отношений *без полного уничтожения* этих крепостнических латифундий верхних тридцати тысяч, как вы думаете, г. историк?

Второе течение — «буржуазный конституционализм». Так называет г. Милюков октябристов. «Для крупной буржуазии — пишет он — данное течение, быть может, слишком консервативно по своей тесной связи со старыми элементами: бюрократией и дворянством». Объединяет их «отрицательная задача: общая оборона против более радикальных социальных или политических течений». «Буржуазные конституционалисты 16 (3) июня и 22 (9) ноября», ища себе опоры, пытаются «ассимилировать себе хотя бы верхний слой крестьянской массы» (сильных и крепких г. Столыпина). «Но этого рода социальный базис — пока еще весь в будущем». «Вот почему в поисках социального

базиса данное течение, быть может, наиболее слабо обеспечено»!!...

У нас любят — даже, к сожалению, среди людей, желающих быть социал-демократами, — разносить «революционные иллюзии». Но может ли быть что-либо наивнее этой *либеральной* иллюзии, будто социальный базис контр-революционной буржуазии («общая оборона») и помещиков — «слаб», будто их можно разбить иначе, как самым решительным и беспощадным революционным натиском масс, восстанием масс? Серьезный историк опять уступает место дюжинному либералу.

Третье течение — кадеты. Г. Милюков называет его «демократическим конституционализмом» и поясняет, что «сущность этой позиции заключается в соединении радикальной политической и радикальной социальной программы». Историк совсем стушевался перед дипломатом-политиканом. На деле — вся политика кадетов идет против радикализма масс. На словах — особенно на «совещании», где есть провинциальные кадеты, несколько ближе чувствующие настроение масс, — мы радикальны, мы печемся о демократизме и о массах.

Г. Милюков (особенно под впечатлением «совещания», должно быть) не заблуждается насчет масс. Он признает бесспорным, что «рост сознательности за последние годы огромный», что «причины массового недовольства не исчезли; быть может, они даже увеличились в числе и действие их усилилось в той же мере, в какой возросла сознательность». Но, если историк вынужден признать это, то либерал все же берет верх: «...в массах, по несчастью, оказалась» (в революции) «возможной лишь более смелая тайная демагогия, которая льстила традиционным взглядам и привычным ожиданиям массы. Эта демагогия связывала чисто искусственным образом понятный и законный лозунг массы «земля» с непонятным и неверно истолкованным лозунгом «воля». При этих условиях даже усвоение народным сознанием естественной связи между двумя лозунгами явилось лишь источником новых недоразумений и плодило те самые иллюзии» и т. д. и т. д. вплоть до «принципа»: ни революции, ни реакции, а «легальная конституционная борьба». На вопрос о возвращении к «старой тактике» 1905 года «необходимо категорически и резко ответить отрицательно».

Читатель видит, что все добрые намерения историка Милюкова искать опоры для тактики партий в широких кругах населения рассыпались в прах, как только дошло дело до крестьянства и до пролетариата. Относительно последнего г. Милюков махает рукой, признавая, что «в городской демократии демократический конституционализм имеет более широкий, более организованный и сознательный социальный базис, чем может его представить какая бы то ни было политическая партия, *за исключением опирающейся на рабочий класс социал-демокра-*

тии» [132]). Относительно же крестьян г. Милюков не теряет надежды. «Несмотря... на наличность таких препятствий», как «демагогия» и пр., — пишет он, — «не исключена возможность *параллельной»* (курсив Милюкова) «деятельности демократического конституционализма с непосредственными выражениями желаний народных масс».

Параллельная деятельность! — вот новое словечко для старой либеральной тактики. Параллельные линии никогда не встречаются. Либерализм буржуазной интеллигенции понял, что ему не встретиться *никогда* с массами, т.-е. не стать *их* выразителем и вождем в России, — «никогда» в силу выросшей после 1905 года сознательности. Но либералы, типа кадетов, продолжают рассчитывать на массы, как на *пьедестал* своих успехов, своего господства. Идти «параллельно», это значит, в переводе на простой и ясный язык, политически эксплуатировать массы, ловя их словами о демократизме и предавая их на деле. «Поддерживать их (октябристов) систематически в вопросах конституционных» — эти слова доклада г. Милюкова выражают *суть* политики кадетов. На деле кадеты — пособники октябризма, крыло буржуазного конституционализма. Струве и прочие веховцы прямо, грубо, прямолинейно признают это и требуют, чтобы кадеты перестали «косить глаза влево и заискивать перед презирающими их революционерами» (слова известного ренегата г. Изгоева в «Московском Еженедельнике», 1909, № 46, стр. 10) [133]). Милюков и К° недовольны *только* грубостью и прямолинейностью веховцев, *только* тем, что веховцы портят их дипломатию, мешают им водить за нос отсталые элементы массы. Милюков — практический политик, Струве — доктринер либерализма, но их мирное сожительство в одной партии не случайность, а необходимое явление, ибо буржуазный интеллигент *по сути дела* колеблется между упованием на массы (которые помогут, де, каштаны из огня таскать) и упованием на октябристскую буржуазию.

«Невозможность для современной власти допустить свободное общение между политически-сознательными элементами демократии и демократической массой и делает неосуществимыми главные обещания манифеста 17 октября» — пишет г. Милюков. Нечаянно он сказал тут более глубокую правду, чем хотел. Ибо, во-первых, если правда, что для современной власти *невозможно* допустить общение масс с демократами (а это несомненная правда), то отсюда следует необходимость *революционной* тактики, а не «конституционной» борьбы, необходимость вести народ к *свержению* этой власти, а не к реформированию ее. А во-вторых, и октябрь-декабрь 1905 г., и I Дума, и II Дума *доказали*, что не только «для современной власти», но и *для русского либерализма, для русских кадетов* «невозможно допустить

свободное общение между «демократической массой»» и социал-демократами, и даже народниками всех оттенков. Кадеты не могли руководить демократией не только рабочей, но и крестьянской во время свобод октября-декабря 1905 г., и даже во время оберегаемых Горемыкиными и Столыпиными Дум демократия не мирилась с главенством кадетов.

Политическое значение кадетского «совещания» конца 1909 года и доклада г. Милюкова состоит в том, что образованные представители либерализма, будучи злейшими врагами революционной с.-д-тии, дали превосходное подтверждение правильности ее учета момента и ее тактики. Все, что есть ценного и верного в докладе, есть только размазывание и пережевывание нашего основного тезиса о шаге самодержавия по пути превращения в буржуазную монархию, как о главной отличительной черте переживаемого момента. В этом именно его отличие от вчерашнего и от завтрашнего. В этом основа своеобразной тактики с.-д., тактики, которая должна *применить* принципы революционного марксизма к изменившейся ситуации, а не просто *повторить* те или иные лозунги.

Либералы признали контр-революционность крупной буржуазии, признали рост сознательности и недовольства масс. Почему же они не идут решительно на службу к крупной буржуазии, если они отрекаются от революции, от 1905 г., от «демагогии» «земли и воли», если они признают, что октябризм слишком консервативен для крупной буржуазии? Потому, что «совещание» провинциалов особенно ясно показало им *неудачу* новой, столыпинской, буржуазной политики самодержавия. Новый социальный базис для монархии «*пока еще весь в будущем*», — вот наиболее ценное признание либерализма. Упорядоченный буржуазный конституционализм, с монархией во главе, превосходная вещь, но *ее не выходит*, ее *не выйдет без нового движения масс*, — вот *итог* кадетского «совещания». Нам ненавистно движение масс, ненавистна «демагогия» «земли и воли», ненавистны «политические судороги», но мы реальные политики, мы должны считаться с фактами, мы должны направлять свою политику так, чтобы идти *параллельно* с движением масс, раз оно неизбежно. «Не исключена возможность» успешной борьбы за руководство крестьянскими и городскими (кроме рабочих) массами: попытаемся словами о нашем «радикализме» обеспечить себе местечко в народном движении, как словами об оппозиции его величества мы обеспечили себе местечко в Лондоне.

Тактику нашей партии превосходно подтвердило, не подозревая того, кадетское совещание. Мы должны изжить новый исторический момент, когда самодержавие *по новому* пытается спасти себя и когда оно явно идет *опять* к краху по этому новому пути. Мы должны изжить этот момент, систематически, упорно,

терпеливо работая над более широкой и крепкой организацией более сознательных масс социалистического пролетариата и демократического крестьянства. Мы должны использовать все условия и возможности партийной деятельности в такое время, когда и черная Дума и монархия вынуждены встать на путь партийности. Мы должны использовать это время, как эпоху подготовки новых масс, на новой почве, при новых условиях, к более решительной революционной борьбе за наши старые требования. Революция и контр-революция показали на деле полную несовместимость монархии с демократией, с господством народа, с свободой народа, — мы должны нести в массы пропаганду уничтожения монархии, пропаганду республиканизма, как *условия* победы народа, — мы должны лозунг «долой монархию» сделать такой же популярной «народной поговоркой», какой сделался после долгих лет упорной с.-д. работы в 1895—1904 годы лозунг «долой самодержавие». Революция и контрреволюция показали на деле всю силу и все значение класса помещиков, — мы должны нести в массы крестьянства пропаганду полного уничтожения этого класса, полного разрушения помещичьего землевладения. Революция и контр-революция показали на деле природу либералов и буржуазной интеллигенции, — мы должны нести в массы крестьянства ясное понимание того, что руководство либералов есть гибель их дела, что без самостоятельной революционной борьбы масс они неизбежно останутся, при всяких кадетских «реформах», останутся в кабале у помещика. Революция и контр-революция показали нам союз самодержавия и буржуазии, союз русской и международной буржуазии, — мы должны воспитать, сплотить и сорганизовать втрое большие, чем в 1905 г., массы пролетариата, который один только, руководимый самостоятельной с.-д. партией и идущий рука об руку с пролетариатом передовых стран, в состоянии завоевать для России свободу.

«Социал-Демократ» № 10, 6 января (24 декабря) 1910 г.

Печатается по рукописи.

1re ANNÉE BULLETIN PÉRIODIQUE N° 2
DU
Bureau Socialiste International
Periodisches Bulletin des Internationalen Socialistischen Bureau
Periodical Bulletin of the International Socialist Bureau
Adresse Adresse Address | Camille HUYSMANS, Maison du Peuple, rue Joseph Stevens, n° 17 | Bruxelles Brüssel Brussels

РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ М. С. Б. ПО ВОПРОСУ О РАСКОЛЕ В ГОЛЛАНДСКОЙ С.-Д. РАБОЧЕЙ ПАРТИИ.

ПО ОТЧЕТУ «БЮЛЛЕТЕНЯ» М. С. Б.

Предложение Адлера как будто считает раскол чем-то неизбежным, новую партию рассматривает как фракцию голландской секции и признает за нею право представительства на Международном Конгрессе. Что касается числа голосов, которыми она будет представлена на Международном Конгрессе, то этот вопрос должен быть обсужден голландской национальной секцией, и, если результаты будут неудовлетворительны, то новая партия имеет право апеллировать к Международному Социалистическому Бюро. Впрочем, тов. Роланд Гольст написала письмо в Бюро, ходатайствуя о приеме новой партии [134]).

Напечатано 7 ноября 1909 г. в «Bulletin Périodique du Bureau Socialiste International» № 2, Bruxelles. (Бюллетень Международного Социалистического Бюро» № 2, Брюссель).

ОДИННАДЦАТАЯ СЕССИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО БЮРО.

7 ноября нового стиля в Брюсселе состоялось одиннадцатое заседание Международного Социалистического Бюро. Заседанию Бюро предшествовала, по установившемуся в последние годы обычаю, конференция социалистических журналистов разных стран. На конференции обсуждались некоторые практические вопросы, касающиеся установления более регулярных сношений между ежедневными социалистическими газетами разных стран.

Что касается до заседания Международного Социалистического Бюро, то, помимо мелких текущих дел, в порядке дня стояло два крупных вопроса: во-1-х, о Международном Социалистическом Конгрессе 1910 года в Копенгагене и, во-2-х, о расколе в голландской партии.

По первому вопросу был назначен, прежде всего, срок Конгресса, именно: на 28 августа — 3 сентября нового стиля. По поводу места съезда был поднят вопрос, смогут ли русские социалисты свободно приехать в Копенгаген. Представитель датских социалистов Кнудсен ответил, что по их сведениям и по всем тем данным, которые у них есть относительно намерений датского правительства, русских делегатов на съезд полиция не потревожит. Если бы накануне самого съезда выяснилось обратное, то Международное Социалистическое Бюро, несомненно, озаботилось бы переменой места Конгресса.

Порядок дня Копенгагенского съезда намечен такой: 1) кооперативное движение; 2) международная организация помощи крупным стачкам; 3) безработица; 4) разоружение и третейское разбирательство международных конфликтов; 5) результаты рабочего законодательства разных стран и вопрос о международной организации его, в особенности, вопрос о восьмичасовом рабочем дне; 6) улучшение сношений национальных партий с Международным Социалистическим Бюро; 7) отмена смертной казни.

Предполагалось сначала поставить в порядок дня аграрный

вопрос. Вальян и Молькенбур высказались против, находя затруднительным обсуждение такого вопроса на Международном съезде без предварительной, более обстоятельной подготовки его на съездах национальных партий. Выражено пожелание, чтобы съезды национальных партий обсудили этот вопрос специально, так, чтобы он мог быть подготовлен к Международному съезду 1913 года.

Приняв резолюции сочувствия шведским рабочим, организовавшим одну из величайших всеобщих стачек последнего времени, и рабочим Испании, геройски боровшимся с военной авантюрой их правительства, а также резолюции протеста против зверств и убийств царизма в России, правительств в Испании, в Румынии и в Мексике[135]), Международное Социалистическое Бюро перешло к главному вопросу своего дальнейшего порядка дня — к вопросу о расколе в Голландии.

В Голландии давно уже ведется борьба оппортунистов и марксистов социалистической партии. В аграрном вопросе оппортунисты стояли за пункт программы, требующий наделения землей сельских рабочих. Марксисты энергично боролись против этого пункта (который был защищаем главой оппортунистов, Трульстра) и добились его отмены в 1905 году. Затем, оппортунисты, приспособляясь к религиозно настроенной части голландских рабочих, дошли до защиты выдачи государственных средств на субсидии преподаванию религии в школах. Марксисты горячо боролись с этим. Оппортунисты, с Трульстра во главе, противопоставляли парламентскую с.-д. фракцию партии и противодействовали решениям Ц. К. Оппортунисты вели политику сближения с либералами и поддержки их социалистами (разумеется, «оправдывая» это целью добиться социальных реформ, которые либералы обещали и... не проводили). Оппортунисты предприняли пересмотр старой, марксистской, программы голландской с.-д. партии и выставили, между прочим, такие тезисы этого пересмотра, как отречение от «теории крушения» (известная идея Бернштейна), или пожелание, чтобы признание программы обязывало членов партии признавать политико-экономические, «*но не философские взгляды Маркса*». Борьба марксистов против такой линии все обострялась. Оттесненные из Ц. О. партии, марксисты (в том числе известная писательница Роланд-Гольст, затем Гортер, Паннекук и др.) основали свою газету «Трибуна». Трульстра, не разбираясь в средствах, преследовал эту газету, обвиняя марксистов в стремлении «вышибить» его лично, подбивая мещански-настроенную часть голландских рабочих против «драчунов», любителей полемики, нарушителей мира—марксистов. Кончилось тем, что экстренный съезд партии в Дэвенте (13—14 февраля 1909 г.), дав большинство сторонников Трульстра, постановил *закрыть* «*Трибуну*» и основать вместо нее «приложение»

при оппортунистическом Ц. О. партии! Понятно, что редакторы «Трибуны» не пошли на это (кроме Роланд-Гольст, занявшей, к сожалению, безнадежную примиренческую позицию) и *были исключены из партии.*

Получился раскол. Старая, оппортунистическая партия, во главе с Трульстра и Ван-Колем («знаменитым» со времени оппортунистических выступлений его по колониальному вопросу в Штутгарте), сохранила название «с.-д. раб. партия (S.-D. A. P.). Новая, марксистская партия — гораздо более малочисленная — приняла название «с.-д. партия». (S.-D.P.).

Исполнительный Комитет Международного Социалистического Бюро попытался взять на себя посредничество по восстановлению единства в Голландии, но сделал это крайне неудачно: занял формальную позицию и, явно сочувствуя оппортунистам, обвинил в расколе марксистов. Их просьба включить новую партию в Интернационал была поэтому отвергнута Исполнительным Комитетом Международного Социалистического Бюро.

На заседании самого Международного Социалистического Бюро 7 ноября 1909 г. стоял вопрос о допущении марксистов голландцев в Интернационал. Все желали избежать прений по существу и ограничиться указанием процедуры, т.-е. направить дело в том или ином порядке, указать способ резрешения конфликта, хотя, разумеется, *суть* дела, *суть* борьбы двух направлений в Голландии не могла не быть ясной большинству членов Бюро.

В конце концов, два направления выставили две резолюции: Зингер — в пользу марксистов, Адлер — против них. Текст резолюции Зингера гласил:

«Международное Социалистическое Бюро постановляет: Партия, основанная в Голландии под именем новой с.-д. партии (ошибка в названии: следует: «с.-д. партии»), должна быть допущена на Международные Социалистические Конгрессы, так как она удовлетворяет условиям, которые поставлены уставом Интернационала. Что касается до участия ее делегата в Бюро и до числа ее голосов на Конгрессе, то вопрос этот подлежит решению Копенгагенского Конгресса, если голландские товарищи не придут сами к улажению этого спора».

Из этого текста видно, что Зингер не сходил с формальной позиции, предоставляя окончательное решение вопроса голландской секции Международному конгрессу, но в то же время подчеркивая ясно признание марксистской голландской партии Интернационалом. Адлер не решился сказать обратное, не решился заявить, что он не признает марксистов-голландцев членами Интернационала, что он разделяет позицию Исполнительного Комитета, прямо отказавшего марксистам. Адлер предложил резолюцию: «Просьба С.-Д.П. передается голландской секции. Если

соглашения внутри этой секции не последует, тогда предоставляется апелляция к Бюро». Формальная позиция та же, что у Зингера, но из текста ясно, что симпатии этой резолюции на стороне оппортунистов, ибо о признании марксистов членами Интернационала ничего не говорится. И голосование резолюций сразу показало, что *дух* той и другой был вполне схвачен членами бюро. За Зингера было подано 11 голосов: 2 голоса Франции, 2 — Германии, 1 — Англии (с.-д.), 2 — Аргентины, 1 — Болгарии, 1 — России (с.-д.), 1 — Польши (с.-д.), 1 — Америки (социалистическая рабочая партия). За Адлера было подано 16 голосов: 1 — Англии («независимая» рабочая партия), 2 — Дании, 2 — Бельгии, 2 — Австрии, 2 — Венгрии, 1 — Польши (П. П. С.), 1 — России (с.-р.), 1 — Америки (социалистическая партия), 2 — Голландии (Ван-Коль и Трульстра!), 1 — Швеции.

Орган немецких революционных с.-д., «Лейпцигская Народная Газета» (№ 259), справедливо назвала это решение Международного Социалистического Бюро достойным сожаления. «В Копенгагене пролетарский Интернационал должен пересмотреть это решение» — заключила она вполне основательно [136]). «Тов. Адлер — писала другая газета того же направления, «Бременская Гражданская Газета», «Bremer Bürgerzeitung» 11 ноября 1909 г. — выступает как адвокат международного оппортунизма, блещущего всеми красками». Его резолюция прошла, «благодаря поддержке оппортунистической мешанины» (Sammelsurium) [137]).

К этим справедливым словам мы, русские с.-д., можем только прибавить, что наши с.-р., разумеется, поспешили вместе с П. П. С. занять местечко в оппортунистической компании.

После окончания сессии Международного Социалистического Бюро, 8 ноября 1909 г. в Брюсселе состоялось 4 заседания межпарламентской социалистической комиссии, т.-е. членов социалистических парламентских фракций разных стран. Фракции были представлены вообще слабо (русская с.-д. думская фракция не представлена вовсе). Делегаты обменялись сообщениями по вопросу о страховании рабочих на случай старости, о состоянии законодательства в различных странах, о проектах рабочих депутатов. Наилучшее сообщение было сделано Молькенбуром на основании статьи, помещенной им в «Neue Zeit» [138]).

«Социал-Демократ» № 10, 6 января (24 декабря) 1910 г.

К ЕДИНСТВУ.

Ровно год тому назад, в феврале 1909 года, в № 2 «Социал-Демократа» мы характеризовали работы партийной конференции Р. С.-Д. Р. П., как выводящие партию «на дорогу» после «года развала, года идейно-политического разброда, года партийного бездорожья» (статья: «На дорогу») *). Мы указывали там, что тяжелый кризис, переживаемый нашей партией, несомненно, не только организационный, но и идейно-политический. Мы усматривали залог успешной борьбы партийного организма с разлагающими влияниями контр-революционного периода прежде всего в том, что тактические решения конференции верно решили основную задачу: полное подтверждение рабочей партией ее революционных целей, вынесенных из недавнего времени бури и натиска, ее революционно-социал-демократической тактики, подтвержденной опытом непосредственной борьбы масс, и в то же время учитывание громадных экономических и политических изменений, происходящих у нас перед глазами, попытки самодержавия приспособиться к буржуазным условиям эпохи, сорганизоваться в буржуазную монархию, обеспечить интересы царизма и черносотенных помещиков путем открытого, широко и систематически проводимого союза с буржуазными верхами деревни и с воротилами торгово-промышленного капитализма. Мы отмечали организационную задачу партии, связанную с новым историческим моментом,— задачу использования нелегальной партией всевозможных легальных учреждений, и думской социал-демократической фракции в том числе, для создания опорных пунктов революционной социал-демократической работы в массах. Указывая сходство этой организационной задачи с той, которую решили наши немецкие товарищи в эпоху исключительного закона, мы говорили о «печальном уклонении от выдержанной пролетарской работы» в виде отрицания думской работы социал-демократии или отказа от прямой и открытой критики

*) См. настоящий том, стр. 24 — 33. *Ред.*

линии нашей думской фракции, в виде отрицания или принижения нелегальной социал-демократической партии, попыток заменить ее бесформенной нелегальной организацией, укоротить наши революционные лозунги и т. д.

Бросив этот взгляд назад, мы можем правильнее оценить значение недавно состоявшегося пленума Центрального Комитета нашей партии [139]). Читатели найдут в другом месте настоящего номера текст важнейших резолюций, принятых пленумом. Значение этих резолюций — крупный шаг к фактическому единству партии, к сплочению всех партийных сил, к *единогласному* признанию тех основных положений относительно тактики партии и ее организации, которые определяют *дорогу* социал-демократии в наше трудное время. Эта дорога была указана год тому назад *верно*, и на нее вступает теперь *вся* партия, в ее верности убедились *все* фракции в партии. Пережитый год был годом новых фракционных дроблений, новой фракционной борьбы, годом обострения опасности *развала* партии. Но условия работы на местах, трудное положение социал-демократической организации, неотложные задачи экономической и политической борьбы пролетариата,— все это толкало к сплочению социал-демократических сил всей фракции. Чем больше укреплялась, наглела и неистовствовала контр-революция, чем шире распространялось подлое ренегатство и отречение от революции в либеральных и мелко-буржуазно-демократических слоях, тем сильнее была тяга к *партии* у всех социал-демократов. Крайне характерно, что под влиянием всей этой совокупности условий во второй половине 1909 года за партийность высказывались столь далеко между собой расходящиеся члены нашей партии, как меньшевик товарищ Плеханов, с одной стороны, и группа «Вперед» (группа большевиков, отошедших от ортодоксального большевизма), [140])— с другой. Первый решительно выступил в августе 1909 года против раскола и линии раскола партии с лозунгом: «борьба за влияние в партии» [141]). Вторая выпустила платформу, в которой говорится, правда, в начале о «борьбе за восстановление единства большевизма», но в конце решительно осуждается фракционность, «партии в партии», «обособленность и замкнутость фракций», решительно требуется их «растворение» в партии, их «слияние», превращение фракционных центров в центры «действительно лишь *идейные* и *литературные*» (стр. 18 и 19 брошюры: «Современные положение и задачи партии»).

Ясно намеченную большинством партии дорогу признали теперь — разумеется, не в деталях, а в *основном* — единогласно все фракции. Год обостренной фракционной борьбы привел к решительному шагу в пользу уничтожения *всех* фракций и *всякой* фракционности, в пользу единства партии. Решено сплотить все силы на неотложных задачах экономической и политиче-

ской борьбы пролетариата; объявлено о закрытии фракционного органа большевиков; единогласно принято решение о необходимости закрытия «Голоса Социал-Демократа», т.-е. фракционного органа меньшевиков. Единогласно принят ряд резолюций, из которых мы должны особо выделить здесь, как наиболее важные, резолюцию о положении дел в партии и о созыве ближайшей партийной конференции. Первая из этих резолюций, будучи, так сказать, платформой объединения фракций, заслуживает особенно обстоятельного разбора.

Она начинается словами: «в развитие основных положений резолюций партийной конференции 1908 года»... Мы привели выше эти основные положения трех главных резолюций Декабрьской конференции 1908 года: об оценке момента и о политических задачах пролетариата, об организационной политике партии, и об отношении ее к думской социал-демократической фракции. Не может подлежать ни малейшему сомнению, что в партии нет единогласия относительно каждой детали, относительно каждого пункта этих резолюций, что для их критики, для их переработки, соответственно указаниям опыта и урокам усложняющейся экономической и политической борьбы, должны быть широко открыты двери партийной печати, что эту работу критики, применений, улучшений должны рассматривать отныне *все* фракции, вернее: все *течения* в партии, как дело своего собственного самоопределения, как дело уяснения своей собственной линии. Но работа критики и исправления партийной линии не должна мешать единству партийного *действия*, которое не может приостановиться ни на минуту, которое не может быть колеблющимся, которое должно *во всем* направляться сообразно основным положениям указанных резолюций.

Развивая эти положения, первый пункт постановления Центрального Комитета напоминает «принципиальные основы» социал-демократической тактики, которая, согласно методу всей международной социал-демократии, не может быть рассчитываема — особенно в такую эпоху, какую переживаем мы — «на данную лишь конкретную обстановку ближайшего момента», а должна быть рассчитана на различные пути, на все возможные ситуации: и на случай «быстрой ломки» и на случай «сравнительной неподвижности обстановки». Пролетариату впервые открывается возможность планомерно и последовательно применять этот тактический метод. Тактика нашей партии должна в одно и то же время, в одном и том же действии пролетариата, в одной и той же сети организационных ячеек, «делать пролетариат готовым к новой открытой революционной борьбе» (без этого мы утратили бы право причислять себя к революционной социал-демократии, мы не исполнили бы основного своего дела, завещанного эпохой 1905 года и предписываемого каждой черточкой

современной экономической и политической обстановки), и «давать пролетариату возможность использовать *для себя* все противоречия неустойчивого режима контр-революции» (без этого наша революционность превратилась бы в фразу, в *повторение* революционных слов вместо *применения* всей суммы революционного опыта, знаний и уроков международной социал-демократии к *каждому* практическому действию, к использованию *каждого* противоречия и колебания царизма, его союзников и всех буржуазных партий).

Второй пункт резолюции дает характеристику того перелома, который переживает рабочее движение в России. Сплотимся и пойдем на помощь новому поколению социал-демократических рабочих, чтобы оно смогло решить свою историческую задачу, обновить партийную организацию, выработать новые формы борьбы, нисколько не отказываясь от «задач революции и методов ее», а, напротив, отстаивая их, готовя более широкую и более прочную базу для более победоносного применения этих методов в грядущей новой революции.

Третий пункт резолюции обрисовывает те условия, которые вызвали повсюду у сознательных рабочих «тягу к концентрации партийных социал-демократических сил, к укреплению партийного единства». Во главе этих условий стоит широкое контр-революционное течение. Враг сплачивается и наступает. К старым врагам — царизму, произволу и насилию чиновников, к угнетению и бесстыдному надругательству со стороны помещиков-крепостников — присоединяется новый враг: все более объединяющаяся на сознательной, собственным опытом подкрепленной, вражде к пролетариату буржуазия. Революционеров истребляют, пытают и мучат, как никогда. Революцию стараются оплевать, опозорить, вытравить из памяти народа. Но рабочий класс ни в одной стране никогда не давал еще врагам отнять главное завоевание всякой, сколько-нибудь заслуживающей этого названия, революции, именно: опыт массовой борьбы, убеждение миллионов трудящихся и эксплоатируемых в ее необходимости для всякого серьезного улучшения в своем положении. И рабочий класс России через все испытания вынесет ту готовность к революционной борьбе, тот героизм массы, с которым он побеждал в 1905 году и сумеет победить еще не раз.

Нас сплачивает не только гнет контр-революции и разгул контр-революционных настроений. Нас сплачивает и каждый шаг скромной, повседневной практической работы. Думская работа социал-демократии идет неуклонно вперед, освобождаясь от ошибок, неизбежных в начале, преодолевая скептицизм и равнодушие, выковывая ценимое всеми социал-демократами орудие революционной пропаганды, агитации, организованной классовой борьбы. И всякий легальный съезд, в котором участвуют рабочие, всякое

легальное учреждение, куда просачивается пролетариат и приносит свою классовую сознательность, открытую защиту интересов труда и требований демократии,— ведут к сплочению сил и к развитию движения в целом. Никакие преследования правительства, никакие ухищрения его черносотенных и буржуазных союзников не в силах уничтожить проявлений пролетарской борьбы в самых различных и подчас неожиданных формах, ибо самый капитализм каждым шагом своего развития обучает и сплачивает, умножает ряды и усиливает возмущение своих могильщиков.

В том же направлении (тяга к партийности) действует разрозненность социал-демократических групп и «кустарничество» в работе, от которых так страдает наше движение в течение последних полутора-двух лет. Практическую работу становится невозможным поднять без концентрации сил, без создания руководящего центра. Центральным Комитетом принят ряд решений об организации и функционировании этого центра, о расширении его состава практическими силами, о более тесном соединении его работы с работой на местах и т. д. Теоретические интересы, которые неизбежно выдвигаются вперед во времена застоя, равным образом требуют сплочения на защите социализма вообще и марксизма, как единственно научного социализма, в особенности, пред лицом буржуазной контр-революции, которая мобилизует все силы для борьбы против идей революционной социал-демократии.

Наконец, последний пункт резолюции говорит об идейно политических задачах социал-демократического движения. Острый процесс внутри социал-демократического движения в 1908—1909 годах привел к тому, что и эти задачи ставились до сих пор чрезвычайно остро и решались самой ожесточенной борьбой фракций. Это было не случайностью, а необходимым явлением в обстановке кризиса и развала партийных организаций. Но это именно *было* необходимостью, и единогласное принятие разбираемой резолюции показало наглядно общее стремление пойти вперед, от борьбы за спорные основные положения перейти к признанию их бесспорными и к дружной усиленной работе на почве этого признания.

Резолюция признает, что двоякого рода уклонения в сторону от правильного пути порождаются неизбежно современной исторической обстановкой и буржуазным влиянием на пролетариат. Одно из этих уклонений, по сути дела, характеризуется следующими чертами: «отрицание нелегальной социал-демократической партии, принижение ее роли и значения, попытки укоротить программные и тактические задачи и лозунги революционной социал-демократии и т. д.». Понятна связь этих ошибок внутри социал-демократии с контр-революционным буржуазным потоком вне ее. Ничто так не ненавистно буржуазии и царизму, как нелегальная социал-демократическая партия, своей работой

доказывающая свою верность заветам революции, свою непреклонную готовность к беспощадной борьбе с основами столыпинской «легальности». Ничто так не ненавистно буржуазии и слугам царизма, как революционные задачи и лозунги социал-демократии. Отстаивание того и другого есть наша безусловная задача, и именно сочетание нелегальной и легальной работы особенно требует от нас борьбы со всяким «принижением роли и значения» нелегальной партии. Именно необходимость на более мелких вопросах, в более скромных размерах, по частным поводам, в легальных рамках защищать партийную позицию особенно требует наблюдения за тем, чтобы эти задачи и лозунги не *укорачивались*, чтобы изменение формы борьбы не ликвидировало ее содержания, не ослабляло ее непримиримости, не уродовало исторической перспективы и исторической цели пролетариата: вести всех трудящихся и эксплуатируемых, вести все массы народа через ряд буржуазных революций, завоевывающих демократическую республику, к пролетарской революции, ниспровергающей самый капитализм.

Но, с другой стороны,— и здесь мы переходим к характеристике другого уклонения,— нельзя вести на практике повседневно-революционной социал-демократической работы, если не научиться видоизменять ее формы, приспособляя их к своеобразию каждого нового исторического момента. «Отрицание думской работы с.-д. и использование легальных возможностей, непонимание важности того и другого» представляет из себя как раз такое уклонение, при котором на деле ведение классовой социал-демократической политики становится невозможным. Новый этап исторического развития России ставит перед нами новые задачи; это не значит, чтобы старые задачи уже были решены, чтобы от них позволительно было отречься,— нет; но это значит, что нужно учесть эти новые задачи, найти новые формы борьбы, выработать соответствующие им тактику и организацию.

Раз в партии начало устанавливаться согласие относительно этих основных вопросов, согласие относительно необходимости «*преодолеть*», главным образом, путем расширения и углубления социал-демократической работы, оба указанные уклонения,—главное (для правильного определения «идейно-политических задач социал-демократического движения») достигнуто. Надо теперь систематически провести это достигнутое в жизнь, добиться полной ясности понимания этих задач всеми кругами партии, всеми местными работниками, довести до конца разъяснение опасности обоих уклонений во *всех* областях работы, поставить работу так, чтобы *сделать невозможными* шатания в ту или другую сторону. Практические шаги по осуществлению принятых решений, потребности самой экономической и политической борьбы покажут затем сами собою, что и как тут остается доделать.

В числе этих потребностей есть одна, входящая в обычный ход партийной жизни (когда есть этот «обычный ход»). Мы говорим о партийной конференции, которая бы свела вместе *действительно занятых работой на местах* представителей партийных социал-демократических организаций и групп со всех концов России. Как ни скромна эта задача, но современный развал страшно затруднил ее. Резолюция Центрального Комитета учитывает новые трудности (выбор областных делегатов отдельными местными ячейками, а не областными конференциями, раз созыв таковых невозможен) и новые задачи (привлечение с совещательным голосом партийных деятелей из легального движения).

Объективные условия требуют того, чтобы в основе организации партии лежали скромные по размерам и по теперешним формам работы нелегальные рабочие ячейки. Но, чтобы научиться вести революционную социал-демократическую работу систематически, неуклонно, планомерно при современной тяжелой обстановке,— от них требуется гораздо больше инициативы и самодеятельности, чем прежде, тем более, что помощи от опытных, старых товарищей в массе случаев им не дождаться. И эти ячейки не могут решить задачи постоянного влияния на массы и взаимодействия с массами без создания, во-первых, прочной связи друг с другом, а во-вторых, без создания опорных пунктов в виде всяческих и всевозможных легальных учреждений. Отсюда необходимость конференции делегатов этих нелегальных ячеек,— в первую голову, прежде всего, немедленно и во что бы то ни стало. Отсюда необходимость привлечения *партийцев* социал-демократов из легального движения, привлечение представителей «от социал-демократических групп в легальном движении, готовых установить *прочную организационную* связь с местными партийными центрами». Кто действительно, на деле, а не на словах только, партиец из наших легальных социал-демократов, кто из них действительно понял отмеченные выше новые условия работы и сочетание с ними старых задач революционной социал-демократии, кто искренно готов работать над выполнением этих задач, какие группы действительно готовы установить прочную организационную связь с партией,— это может быть определено только на местах, в самом ходе повседневной нелегальной работы.

Будем надеяться, что на этой работе сплотятся теперь все социал-демократические силы, что за подготовку конференции возьмутся со всей энергией партийные работники в центре и на местах, что эта конференция поможет окончательно закрепить наше партийное единство и дружно двинуть вперед создание более широкой, более прочной, более гибкой пролетарской базы для грядущих революционных битв.

«Социал-Демократ» № 11, 26 (13) февраля 1910 г.

ПИСЬМО ЛЕО ТЫШКО.

28 марта 1910 г.

Дорогой товарищ! Благодарю за присылку статей Розы Люксембург [142]).

По главному вопросу—насчет замены Варского Ледером — я должен протестовать самым решительным образом. Помилуйте, Вы нас ставите в невозможнейшее положение! Я не буду говорить о личных особенностях Ледера (насколько они бросались в глаза при совместной работе на съездах и конференциях: впечатления на этих съездах *не* свидетельствовали совсем о знаниях, способностях, литературных вкусах, понимании дела, а свидетельствовали часто о мелкой придирчивости etc. etc.—я Вам пишу тоже, конечно, privatissime *)). Я не буду говорить о том, что нельзя заменять опытного литератора, умного марксиста и прекрасного товарища неопытным и малодушным человеком.

Но я буду говорить о положении редакции Ц.О. и *о кризисе* партии. Не может быть, чтобы Вы не видели, что положение критическое. Мы с Варским пишем в Центральный Комитет о перемене состава Ц.О. (Дан срывает его явно). Ликвидаторы срывают Центральный Комитет. И в такое время, когда *безусловно* необходим человек, бывший на пленуме, испытанный на работе, спевшийся в коллегии, начавший серьезную войну с серьезным врагом,—в такое время заменять его новичком!! Побойтесь бога—ведь это значит парализовать Ц.О.! Ведь Ц.О. остался пока *единственным* органом руководства *всей* партией (пока Ц.К. не соберется после срыва его ликвидаторами). Работоспособность Ц.О. чертовски важна—и в такое время «начинать сначала», «вводить в работу» новичка, *спорить* вместо дела. Поймите же, что меньшевики, опираясь на пленум (а они формально имеют бесспорное право опираться на него) *спорят* положительно о каждом слове резолюции, о каждом умолчании резолюции, о каждом инциденте (даже мельчайшем) на пленуме,

*) — самым частным образом. *Ред.*

чтобы найти *лазейки*. Ну, как же мыслим тут в роли маятника человек, *не бывший* на пленуме и не работавший с нами в центрах Р.С.-Д.Р.П. *давным давно?* Да ведь это же абсолютно невозможно! Это значит застопорить дело—и в такое время, когда нужно *решать* на каждом собрании *важнейшие* вопросы. Ведь Ледер вынужден будет говорить: «не знаю» на *тысячи* доводов и придирок меньшевиков (которые дьявольски ловки на использование всякого fraktioneller Dreck *), как Вы отлично знаете). Ну, разве мыслим такой человек в такое время?

Нет. Нет. Мы не требуем чрезмерного от P.S.D. **). Мы знаем ее силы, ее нужды, требования польской работы. Мы не обременяем Варского и не отрываем его от польской *литературной* работы. Но Вы должны непременно оставить нам его в Ц.О., как мы условливались об этом во время пленума. Без Варского мы *абсолютно* не в состоянии «преодолеть» время кризиса— добиться перемены в составе Ц.О. Вот когда кончится кризис, когда изменится состав Ц.О., тогда... но и тогда, ради всего святого, *не* Ледера. Дайте тогда Карского, если невозможно—и тогда оставить Варского. Теперь же Варский абсолютно, абсолютно необходим.

Жму руку. Привет Розе.

Ваш Ленин.

Впервые напечатано в 1925 г. в «Ленинском Сборнике» III.

Печатается по рукописи.

---

*)—фракционной гадости. *Ред.*

**)—Польской социал-демократии. *Ред.*

«ГОЛОС» ЛИКВИДАТОРОВ ПРОТИВ ПАРТИИ.

ОТВЕТ «ГОЛОСУ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТА».

«Голос Социал-Демократа» № 19—20 и манифест тт. Аксельрода, Дана, Мартова и Мартынова, изданный отдельно, под названием «Письмо к товарищам», представляют из себя такую бомбу, предназначенную для взрыва партии тотчас после объединительного пленума, что мы вынуждены выступить с немедленным, хотя бы кратким, хотя бы неполным предупреждением, обратиться с предостережением ко всем социал-демократам [143]).

Начнем с того, что «Голос Социал-Демократа» стреляет против нас, против редакции Ц.О. Он обвиняет нас, устами т. Мартова, в направлении статьи этого последнего в «Дискуссионный Листок». «...... Моя статья вовсе не *дискутирует* о решениях пленума»,— пишет и подчеркивает т. Мартов; буквально повторено это в «Письме к товарищам».

Всякий, кто пожелает прочесть статью т. Мартова, озаглавленную «На верном пути», увидит, что она *прямо дискутирует* решения пленума, прямо выступает *против* решения о составе Ц.О., подробно мотивирует теорию равноправия течений, «*нейтрализации*» течений. Вопиющая неправда, которую говорит т. Мартов и вся редакция «Голоса», будто спорная статья «не дискутирует» решений пленума, похожа на прямое издевательство над партийным решением.

Если кому-нибудь неясно различие между дискутированием решений пленума и добросовестным ведением *линии* пленума в самом Ц.О., то мы приглашаем таких людей, *и особенно меньшевиков,* подумать над поучительной статьей т. Плеханова в настоящем № Ц. О. и над не менее поучительным № 11 «Дневника Социал-Демократа» того же автора [144]). Ни один меньшевик, который не пожелает издеваться над партийным решением и над партийным объединением, не сможет отрицать, что в «Дневнике» т. Плеханов *дискутирует* решения пленума, а в статье «В защиту подполья» он защищает *партийную линию.* Можно ли не

Россійская Соціальдемократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь

Отдѣльный оттискъ изъ № 12 „Соціальдемократа", Ц. О. Р. С.-Д. Р. П.

„Голосъ"- ликвидаторовъ противъ партіи.

(Отвѣтъ „Голосу Соціаль-Демократа").

«Голосъ С.-Д.» № 19—20 и манифестъ т. т. Аксельрода, Дана, Мартова и Мартынова, изданный отдѣльно подъ названіемъ «Письмо къ товарищамъ», представляютъ изъ себя такую бомбу, предназначенную для взрыва партіи тотчасъ послѣ объединительнаго пленума, что мы вынуждены выступить съ немедленнымъ, хотя бы краткимъ, хотя бы неполнымъ предупрежденіемъ, обратиться съ предостереженіемъ ко всѣмъ соціальдемократамъ.

Начнемъ съ того, что «Голосъ С.-Д.» стрѣляетъ противъ насъ, противъ редакціи Ц. О. Онъ обвиняетъ насъ, устами т. Мартова, въ направленіи статьи этого послѣдняго въ «Дискуссіонный Листокъ». «Моя статья вовсе не дискутируетъ о рѣшеніяхъ пленума», пишетъ и подчеркиваетъ т. Мартовъ, буквально повторено это въ «Письмѣ къ товарищамъ».

Всякій, кто пожелаетъ прочесть статью т. Мартова, озаглавленную «На вѣрномъ пути», увидитъ, что она прямо дискутируетъ рѣшенія пленума, прямо выступаетъ противъ рѣшенія о составѣ Ц. О., подробно мотивируетъ теорію равноправія теченій, «нейтрализаціи» теченій. Вопіющая неправда, которую говоритъ т. Мартовъ и вся редакція «Голоса», будто спорная статья «не дискутируетъ» рѣшеній пленума, похожа на прямое издѣвательство надъ партійнымъ рѣшеніемъ.

Если, кому-нибудь неясно различіе между дискутированіемъ рѣшеній пленума и добросовѣстнымъ веденіемъ линіи пленума въ самомъ Ц. О., то мы приглашаемъ такихъ людей, и особенно меньшевиковъ, подумать надъ поучительной статьей т. Плеханова въ настоящемъ № Ц. О. и надъ не менѣе поучительнымъ № 11 «Дневника С.-Д.» того же автора. Ни одинъ меньшевикъ, который не пожелаетъ издѣваться надъ партійнымъ рѣшеніемъ и надъ партійнымъ объединеніемъ, не сможетъ отрицать, что въ «Дневникѣ» тов. Плехановъ дискутируетъ рѣшенія пленума, а въ статьѣ «Въ защиту подполья» онъ защищаетъ партійную линію. Можно-ли не понять этой разницы, если не преслѣдовать злостной цѣли сорвать рѣшенія пленума?

Но мало того, что т. Мартовъ и вся редакція «Голоса» говорятъ вопіющую неправду, будто въ статьѣ «На вѣрномъ пути» не дискутируются рѣшенія пленума. Въ статьѣ есть нѣчто гораздо худшее. Статья построена вся на теоріи равноправія нелегальной партіи т. е. Р. С.-Д. Р. П. — съ одной стороны и оторвавшихся отъ партіи легалистовъ, желающихъ именоваться с.-д-ами, — съ другой. Статья построена вся на теоріи раскола этихъ «двухъ частей» рабочаго авангарда, «двухъ частей соціальдемократіи», долженствующихъ соединиться на тѣхъ же началахъ «равноправія и нейтрализаціи», на которыхъ всегда соединяются всякія расколовшіяся части цѣлаго.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ умножать цитаты въ подтвержденіе такой характеристики взглядовъ Мартова. Это будетъ сдѣлано въ рядѣ другихъ статей, если это понадобится вообще, ибо отрицать «теорію равноправія» у Мартова едва-ли кто рѣшится.

А эта новая теорія есть прямое выступленіе противъ постановленій пленума, болѣе того: есть прямое издѣвательство надъ ними. Ясный для всѣхъ добросовѣстно исполняющихъ рѣшенія пленума смыслъ этихъ рѣшеній состоитъ въ томъ, что устраненію подлежитъ расколъ партійныхъ меньшевиковъ и партійныхъ большевиковъ, расколъ этихъ старинныхъ фракцій, а вовсе не «расколъ» между всѣми вообще легалистами и нашей нелегальной Р. С.-Д. Р. П. Оторвавшіеся отъ партіи легалисты отнюдь не разсматриваются какъ подобная партія или равноправная партія «часть соціальдемократіи». Напротивъ, ихъ зовутъ назадъ въ партію подъ опредѣленно выраженнымъ условіемъ разрыва съ ликвидаторствомъ (т. е. съ легализмомъ во что бы то ни стало) и перехода на партійную точку зрѣнія, перехода къ «партійному образу жизни». Письмо Ц. К. о конференціи, этотъ оффиціальный и безусловно обязательный для партіи комментарій къ резолюціямъ пленума, говоритъ съ полнѣйшей ясностью, что судить о томъ, партійны-ли легалисты на дѣлѣ, должны нелегальныя организаціи[1] т. е. специально отвергаетъ «теорію равноправія».

Это письмо Ц. К. составлено по спеціальному постановленію пленума особой комиссіей изъ тт. Гр—ія, Ин—ія и Мартова. Письмо утверждено всей этой комиссіей единогласно. Теперь т. Мартовъ — точно подъ вліяніемъ какого-то злого духа — мѣняетъ фронтъ, пишетъ статью, насквозь пропитанную прямо обратной теоріей и еще жалуется, точно насмѣхаясь надъ партіей, когда эту статью объявляютъ дискуссіонной.

Само собою очевидно, что эта теорія равноправія, выраженная во всѣхъ остальныхъ статьяхъ «Голоса» еще гораздо болѣе рѣзко и грубо, чѣмъ у Мартова, — на дѣлѣ ведетъ къ подчиненію партіи ликвидаторамъ, ибо такой легалистъ, который противопоставляетъ себя нелегальной партіи, считая себя равноправнымъ съ ней, и есть не что иное, какъ ликвидаторъ. «Равноправіе» травимаго полиціей нелегальнаго с.-д. съ легалистомъ, обезпеченнымъ своей легальностью и своей оторванностью отъ партіи, на дѣлѣ есть «равноправіе» рабочаго и капиталиста.

Все это до такой степени очевидно, издѣвательство «Голоса» надъ рѣшеніемъ пленума и разъясненіемъ его въ письмѣ Ц. К. до такой степени явно, что статью Мартова нельзя назвать иначе, какъ указывающей «вѣрный путь»... къ побѣдѣ ликвидаторовъ надъ партіей.

Партійные меньшевики уже увидѣли эту опасность. Доказательство — № 11 «Дневника С.-Д.», въ которомъ меньшевикъ Плехановъ, только прочитавши резолюціи пленума, не видя еще «Письма» Ц. К., спеціально указываетъ на то, что при «невнимательномъ отношеніи» къ словамъ резолюціи о легалистахъ, «готовыхъ установить прочную организаціонную связь съ мѣстными партійными центрами» — «ликвидаторы могутъ продѣлать тутъ для себя удобную лазейку» (стр. 20).

Не очевидно-ли, что Плехановъ прекрасно изучилъ своихъ голосовцевъ? Онъ указалъ ту самую лазейку ликвидаторовъ, которую изо всѣхъ силъ, почти во всѣхъ статьяхъ, отъ первой до послѣдней строчки «разрабатываетъ» «Гол. С.-Д.» № 19-20. Не вправѣ ли мы назвать его «Голосомъ» ликвидаторовъ?

До чего доходитъ защита ликвидаторства у голосовцевъ показываетъ слѣдующее мѣсто въ «Письмѣ къ товарищамъ»: ... «Ц. О. ...долженъ завоевать себѣ довѣріе, какъ среди жизнеспособныхъ элементовъ старыхъ подпольныхъ организацій...» (подпольныя партійныя организаціи оказываютъ полное довѣріе и Ц. К. и Ц. О.: тутъ смѣшно и говорить о «завоеваніи») ... «такъ и среди новыхъ открытыхъ организацій, являющихся теперь главнымъ очагомъ» (вотъ какъ!) с.-д.-ой работы». Итакъ, оторвавшіеся отъ партіи легалисты — главный очагъ. Не они должны завоевать довѣріе партіи, стать партійцами на дѣлѣ, войти въ партію, вернуться къ партійности, а партія въ лицѣ Ц. О. должна «завоевать ихъ довѣріе» — очевидно, той прикрытой защитой ликвидаторства, тѣмъ подготовленіемъ лазеекъ для ликвидаторства, которыя мы видимъ въ «Голосѣ»!!

Вся статья т. Ф. Дана «Борьба за легальность» насквозь пропитана ликвидаторскимъ духомъ, доходящимъ до прямого реформизма. Говоря, что «борьба за легальность» есть «одна изъ основныхъ революціонныхъ задачъ», есть «знамя» и т. д. т. Данъ защищаетъ не с.-д.-ую, а кадетскую точку зрѣнія. «Нелегальное сплоченіе, какъ необходимое въ борьбѣ за легальность» — провозглашаетъ т. Данъ. Это по кадетски. У кадетовъ партія нелегальна, но ихъ нелегальность есть имен-

1. См. № 11 Ц. О., стр. 11-12: «Только мѣстныя организаціи смогутъ обезпечить, чтобы это дополнительное представительство распространялось лишь на *дѣйствительныхъ* (курсивъ «Письма») партійцевъ; мѣстные наши работники будутъ судить не только по словамъ этихъ дѣятелей легальнаго движенія, но и по ихъ дѣламъ и приложатъ всѣ усилія къ тому, чтобы привлечены были только тѣ, кто по существу дѣла и теперь составляетъ часть нашей партіи, кто хочетъ идти въ нашу партійную организацію, чтобы дѣйствительно работать на нее, укрѣплять ее, подчиняться и служить ей» и т. д.

Отдельный оттиск из № 12 газеты «Социал-Демократ» — 1910 г

Уменьшено

понять этой разницы, если не преследовать злостной цели *сорвать* решения пленума?

Но мало того, что т. Мартов и вся редакция «Голоса» говорят вопиющую неправду, будто в статье «На верном пути» не дискутируются решения пленума. В статье есть нечто гораздо худшее. Статья построена вся на *теории равноправия* нелегальной партии, т.-е. Р. С.-Д. Р. П., с одной стороны, и оторвавшихся от партии *легалистов*, желающих именоваться социал-демократами,—с другой. Статья построена вся на теории раскола *этих «двух частей»* рабочего авангарда, «*двух частей социал-демократии*», долженствующих соединиться на тех же началах «равноправия и нейтрализации», на которых всегда соединяются всякие расколовшиеся части целого!

Недостаток места не позволяет нам умножать цитаты в подтверждение такой характеристики взглядов Мартова. Это будет сделано в ряде других статей, если это понадобится вообще, ибо отрицать «теорию равноправия» у Мартова едва ли кто решится.

А эта новая теория есть прямое выступление против постановлений пленума, более того: есть *прямое издевательство* над ними. Ясный для всех, добросовестно исполняющих решения пленума, смысл этих решений состоит в том, что устранению подлежит раскол партийных меньшевиков и партийных большевиков, раскол этих старинных *фракций*, а вовсе не «раскол» между *всеми* вообще легалистами и нашей нелегальной Р. С.-Д. Р. П. Оторвавшиеся от партии легалисты отнюдь не рассматриваются, как подобная партии или равноправная партии «часть социал-демократии». Напротив, их зовут *назад в партию* под определенно выраженным *условием* разрыва с ликвидаторством (т.-е. с легализмом во что бы то ни стало) и перехода на партийную точку зрения, перехода к «партийному образу жизни». Письмо Ц. К. о конференции, этот *официальный* и безусловно обязательный для партии комментарий к резолюциям пленума, говорит с полнейшей ясностью, что *судить* о том, *партийны* ли легалисты *на деле*, должны *нелегальные организации* *), т.-е. специально отвергает «теорию равноправия»!

Это письмо Ц. К. составлено по специальному постановлению пленума особой комиссией из т.т. Григория, Иннокентия и

*) См. № 11 Ц. О., стр. 11—12: «Только местные организации смогут обеспечить, чтобы это дополнительное представительство распространилось лишь на *действительных* (курсив «Письма») партийцев; местные наши работники будут судить не только по словам этих деятелей легального движения, но и по *их делам*, и приложат все усилия к тому, чтобы привлечены были только те, кто по существу дела и теперь составляет часть нашей партии, кто хочет идти в нашу партийную организацию, чтобы действительно работать на нее, укреплять ее, подчиняться и служить ей» и т. д.

Мартова. Письмо утверждено *всей* этой комиссией *единогласно* [145]). Теперь т. Мартов — точно под влиянием какого-то злого духа — меняет фронт, пишет статью, насквозь пропитанную *прямо обратной* теорией, и еще жалуется, точно насмехаясь над партией, когда эту статью объявляют дискуссионной!

Само собою очевидно, что эта теория равноправия, — выраженная во всех остальных статьях «Голоса», еще гораздо более резко и грубо, чем у Мартова, — *на деле* ведет к *подчинению партии ликвидаторам,* ибо такой легалист, который противопоставляет себя нелегальной партии, считая себя равноправным с ней, и есть не что иное, как ликвидатор. «Равноправие» травимого полицией нелегального с.-д. с легалистом, обеспеченным своей легальностью и своей оторванностью от партии, на деле есть «равноправие» рабочего и капиталиста.

Все это до такой степени очевидно, издевательство «Голоса» над решением пленума и разъяснением его в письме Ц. К. до такой степени явно, что статью Мартова нельзя назвать иначе, как указывающей «*верный путь*»... к победе ликвидаторов над партией.

Партийные меньшевики уже увидели эту опасность. Доказательство — № 11 «Дневника Социал-Демократа», в котором меньшевик Плеханов, только прочитавши резолюцию пленума, не видя еще «Письма» Ц. К., *специально* указывает на то, что при «невнимательном отношении» к словам резолюции о легалистах, «готовых установить прочную организационную связь с местными партийными центрами» «*„ликвидаторы" могут сделать тут для себя удобную лазейку*» (стр. 20).

Не очевидно ли, что Плеханов прекрасно изучил своих голосовцев? Он указал ту самую *лазейку ликвидаторов,* которую изо всех сил, почти во всех статьях, от первой до последней строчки «разрабатывает» «Голос Социал-Демократа» № 19—20. Не вправе ли мы назвать его «Голосом» *ликвидаторов?*

До чего доходит защита ликвидаторства у голосовцев, показывает следующее место в «Письме к товарищам»:

«... Ц.О..... должен завоевать себе доверие, как среди жизнеспособных элементов старых подпольных организаций...» (подпольные партийные организации оказывают полное доверие и Ц. К. и Ц. О.; тут смешно и говорить о «завоевании»)... «так и среди новых открытых организаций, являющихся теперь главным очагом (вот как!) социал-демократической работы». Итак, оторвавшиеся от партии легалисты — *главный очаг.* Не они должны завоевать доверие партии, стать партийцами на деле, войти в партию, вернуться к партийности, а партия в лице Ц.О. должна «завоевать их доверие» — очевидно, той прикрытой защитой ликвидаторства, тем подготовлением лазеек для ликвидаторства, которые мы видим в «Голосе»!!

Вся статья т. Ф. Дана «Борьба за легальность» насквозь пропитана ликвидаторским духом, доходящим до прямого реформизма. Говоря, что «борьба за легальность» есть «одна из основных революционных задач», есть «знамя» и т. д., т. Дан защищает не социал-демократическую, а кадетскую точку зрения. «*Нелегальное* сплочение, как необходимое орудие в борьбе за *легальность*»—провозглашает т. Дан. Это по кадетски. У кадетов партия нелегальна, но их нелегальность есть именно лишь «необходимое орудие в борьбе за легальность». У социал-демократии *легальное* сплочение является в настоящее время одним из необходимых орудий *нелегальной партии*.

«...В свете ее» (борьбы за легальность), «во имя ее только и возможна в настоящее время такая борьба пролетариата, которая ставит себе... целью... низвержение самодержавия»...

Это рассуждение опять-таки необходимо перевернуть наизнанку, чтобы оно стало *социал-демократическим* рассуждением. Только в свете борьбы за низвержение самодержавия, только во имя ее возможна действительно социал-демократическая работа в легальных организациях. Только во имя борьбы за неукороченные революционные требования пролетариата, только в свете программы и тактики революционного марксизма возможно действительно успешное использование социал-демократией всех и всяческих легальных возможностей, возможно и необходимо самое упорное отстаивание их и превращение в опорные пункты нашей партийной работы.

Но и это еще не все. Голосовцы прямо бьют в лицо решениям пленума, когда выступают и в своем письме и в своей газете с агитацией за *продолжение* «*Голоса*» вопреки решениям Ц. К. Мы не станем здесь разбирать той смешной и жалкой софистики, которой хотят оправдать срыв партийного решения. Мы ограничимся лучше—по крайней мере, в настоящей краткой статейке—ссылкой на *голос партийного меньшевизма,* на № 11 «Дневника». Товарищ Плеханов и эту лазейку ликвидаторов предвидел, сказав прямо, просто и ясно то, в чем не может сомневаться ни один лойяльный социал-демократ: «агитация *против* закрытия «Голоса»»—пишет он на стр. 18—есть «агитация против уничтожения фракции, т.-е. *за* сведение к нулю самого главного из возможных результатов пленарного заседания Ц.К.». Что такое «Голос Социал-Демократа» для «меньшевиков» известного направления? Это их фактический фракционный—и притом безответственный—центр.

Именно так. *Сведение к нулю* объединения—вот к чему сводится дело «Голоса» № 19—20 и манифеста четырех редакторов «Голоса» против решений пленума. После объединительного пленума они выступили с гораздо более откровенной, гораздо более бесцеремонной защитой ликвидаторства, чем до пленума.

*

Когда их манифест сообщает меньшевикам, что письмо З. Б. Ц. К. по группам, письмо, зовущее к созданию действительного единства, *принято против голосов меньшевистского и бундовского членов З. Б. Ц. К.*, то всякий понимает, что перед нами плохо прикрытый *призыв к неподчинению этому* письму, к срыву заграничного единения [146]). Пусть партийные меньшевики, осуждающие голосовцев, перейдут от осуждения *к делу*, если они хотят во что бы то ни стало отстоять партийное объединение. От партийных меньшевиков зависит теперь это объединение, от их *готовности и способности провести прямую борьбу* и с заграничным и с русским «фактическим центром» голосовцев-ликвидаторов.

Этот русский центр, русский *М. Ц.* (меньшевистский центр) выступает прямо в № 19—20 «Голоса», выступает с «открытым письмом», в котором Плеханов объявляется «ликвидатором идей меньшевизма». Уход меньшевиков из партии этот русский М. Ц. объясняет, — а вернее будет сказать: оправдывает, — «общеизвестным явлением омертвелости партийных ячеек»!! Уходящие — говорит нам манифест М. Ц. — «облыжно именуются ликвидаторами» (стр. 24 «Голоса»).

Мы спрашиваем сколько-нибудь способных на беспристрастие социал-демократов, мы спрашиваем в особенности рабочих социал-демократов, без различия течений, не означает ли появление такого манифеста М. Ц. на другой день после пленума *сведение к нулю* дела объединения?

Мы считаем своим долгом сообщить всей партии имена подписавших этот знаменитый — мы уверены, что он станет геростратовски знаменитым, — документ: 1) Августовский, 2) Антон, 3) Вадим, 4) В. Петрова, 5) Георгий, 6) Георг, 7) Евг. Га—аз, 8) Крамольников, 9) Д. Кольцов, 10) Нат. Михайлова, 11) *Роман*, 12) Ромул, 13) Соломонов, 14) Череванин (ну, еще бы!), 15) *Юрий*, 16) Я. П—ий.

«Эти подписи — пишет редакция «Голоса» — принадлежат старым партийным работникам, хорошо известным редакции; некоторые из них занимали в партии ответственные посты» [147]).

Эти имена, ответим мы, будут пригвождены к позорному столбу всеми сознательными социал-демократическими рабочими, когда они прочтут «Голос С.-Д.» № 19—20, когда они ознакомятся с решениями пленума, когда они узнают следующий факт:

Русское Бюро Ц. К. на этих днях прислало официальное письмо в З. Б. Ц. К. (заграничный исполнительный орган Ц. Комитета). В этом письме буквально говорится:

«... *Мы обратились к товарищам Михаилу, Роману и Юрию*» (*мы подчеркнули эти имена выше*) «*с предложением вступить в работу, но получили от них ответ,*

гласящий, что они считают не только решения пленума вредными, но находят вредным самое существование Ц.К. На этом основании они отказываются даже явиться на одно заседание для кооптации *)...

(Поясним от себя: главари меньшевистского центра не только сами отказываются поддерживать Ц. К., но и отказываются явиться для кооптации других меньшевиков, для кооптации меньшевистских рабочих, прекрасно зная, что отказ от явки для кооптации *тормозит* работу Ц. К., *тормозит его составление,* вынуждает, может быть на месяцы, *отсрочку* в самом приступе Ц. К. к работе, как Ц.К.)

Итак, те самые люди, которые печатно заявляют, при содействии и одобрении Аксельрода, Дана, Мартова и Мартынова, что Плеханов их «облыжно именует «ликвидаторами»», — прямо срывают самое существование Ц.К., провозглашают его существование вредным.

Те самые люди, которые кричат в подпольной печати (через «Голос») и в легальной печати (через либералов) об «общеизвестном явлении омертвелости партийных ячеек», *сами срывают попытки* наладить, восстановить, пустить в ход эти ячейки и даже такую ячейку, как Ц.К.

Пусть знают теперь все с.-д., кого разумеет манифест т.т. Аксельрода, Дана, Мартова, Мартынова, когда он говорит про «деятелей открытого движения, занявших теперь главные аванпосты борющегося пролетариата». Пусть знают теперь все с.-д., к кому обращается редакция «Голоса», когда она пишет: «нам хотелось бы, чтобы товарищи» (Михаилы, Романы, Юрии) «оценили значение той бреши, которая ныне пробита в официальной догме, действительно осуждавшей партийную организацию на

---

*) Приводим дополнительно *все* места из писем (российского Бюро Ц. К. и одного из действующих в России членов Ц. К. [148]), относящиеся к созыву Ц. К. в России:

«... Просим товарищей Мартова и меньшевиков-цекистов немедленно сообщить нам имена и адреса товарищей, которых они предлагают кооптировать (петербургские меньшевики от этого отказались)»... «Собрать русскую коллегию пока нельзя: почти никто не соглашается быть кооптированным, пока согласился только один большевик, да и то условно. *Меньшевики (Михаил, Роман и Юрий) категорически отказались, считая вредной работу Ц.К. Резолюции пленума, по мнению Михаила и других, также вредны. Вмешательство Ц.К. в тот стихийный процесс группировки с.-д. сил в легальных организациях, который теперь происходит, подобно, по их словам, вырыванию плода из чрева матери на 2 месяце беременности.* Просим немедленно указать нам других товарищей, к которым можно обратиться с предложением кооптировать их. *А также желательно опубликовать отношение товарищей к такому поступку Михаила и др.».* (В тексте отдельного оттиска сноска отсутствует. *Ред.)*

неминуемое омертвение, и попытались занять открываемые им» (Михаилам, Романам, Юриям) «этой брешью позиции».

Мы обращаемся ко всем организациям, ко всем группам нашей партии и мы спрашиваем их, намерены ли они терпеть это издевательство над социал-демократией? Позволительно ли теперь оставаться пассивным зрителем происходящего, или обязательно выступить с решительной борьбой против течения, подрывающего самое существование партии?

Мы спрашиваем всех российских с.-д., могут ли они еще сомневаться теперь, в чем состоит практическое, реально-политическое значение «теории равноправия» течений, равноправия легалистов и нелегальной партии, теории «борьбы за легальность» и т. д. и т. п.?

Эти теории, эти рассуждения, эти лазейки есть *словесный щит,* за которым прячутся такие *враги социал-демократии* как Михаилы, Романы, Юрии, такие политические пособники их, как шестнадцать меньшевиков-Геростратов, такие идейные вожди их, как литераторы, ведущие «Голос *ликвидаторов*».

Итак: № 19—20 «Голоса Социал-Демократа» и раскольнический манифест четырех редакторов «Голоса» «К товарищам» есть прямая агитация:

за фракционный орган против единства,
против объединения за границей,
в защиту явного ликвидаторства,
в защиту прямых противников самого существования Ц.К.

Против партии!

Заговор против партии раскрыт. Все, кому дорого существование Р.С.-Д.Р.П., встаньте на защиту партии!

Напечатано во второй половине марта 1910 г. отдельным оттиском из № 12 «Социал-Демократа».

Печатается по тексту «Социал-Демократа» № 12, 5 апреля (23 марта) 1910 г., сверенному с текстом отдельного оттиска.

ЗА ЧТО БОРОТЬСЯ?

Недавние выступления господствующей в Думе партии октябристов, в связи с думскими и внедумскими речами правых кадетов, имеют, несомненно, крупное симптоматическое значение. «Мы изолированы в стране и в Думе», — жаловался глава партии контр-революционных капиталистов, г. Гучков. А веховец г. Булгаков как бы вторит ему в «Московском Еженедельнике»: «...и реакция, и революция отрицают «неприкосновенность личности»; напротив, и телом и душой исповедуют ее «прикосновенность», — совершенно одинаково Марков 2-ой, с травлей инородцев и погромной моралью, и с.-д. Гегечкори, во имя неприкосновенности личности, апеллирующий ко «второй великой русской революции» (№ 8, 20 февраля 1910 г., стр. 25).

«Мы ждем», обращался г. Гучков в Думе к царскому правительству, констатируя этим, что до сих пор буржуазия, душой и телом отдавшаяся контр-революции, не может признать свои интересы обеспеченными, не может видеть ничего действительно прочного и устойчивого в смысле создания пресловутого «обновленного» строя.

А веховец Булгаков вторит: «...я с неутихающей болью думаю старую, горькую и больную думу: да, ведь это одно и то же (т.-е. и реакция и революция все то же, именно —)... тот же насильственно осуществляемый максимализм... Ведь в последнее время *иные опять уже начинают вздыхать о новой революции*, как будто теперь, после пережитого опыта, можно от нее ожидать чего-либо, кроме окончательного развала России» (стр. 32).

И думский вождь самой крупной буржуазной партии и популярный в либеральном «обществе» право-кадетский публицист («Вехи» выходят *пятым* изданием) — оба жалуются, оба стонут, оба констатируют, что *они изолированы*. Изолированы идейно, среди максималистов реакции и «максималистов» революции, среди героев черной сотни и «вздыхающих о новой революции» (либералов?), — «изолированы в Думе и в стране» [149]).

Это изолирование «центра», изолирование буржуазии, желающей изменения старого режима, но не желающей борьбы с ним, желающей «обновления» царизма, но боящейся свержения его, — явление не новое в истории русской революции. В 1905 году, когда неуклонно росло массовое революционное движение, нанося удар за ударом царизму, «изолированными» чувствовали себя и кадеты и октябристы. Кадеты (тогдашние «освобожденцы») начали упираться уже после 19 (6) августа 1905 г., высказываясь против бойкота Булыгинской Думы. Октябристы окончательно «уперлись» после 30 (17) октября. В 1906 — 1907 г.г. кадеты были «изолированы» в обеих Думах, бессильны использовать свое большинство, беспомощны в метаниях между царизмом и революцией, между черносотенными помещиками и пролетарски-крестьянским натиском. Несмотря на большинство в обеих Думах, кадеты были все время изолированы, были сжаты между Треповым и подлинным революционным движением и бесславно сошли со сцены, не одержав ни единой победы. В 1908 — 1909 г.г. октябристы были в большинстве в III Думе, шли рука об руку с правительством, поддерживали его не за страх, а за совесть, — и они вынуждены признать теперь, что на деле командовали не они, а черносотенцы, что октябристская буржуазия *изолирована*.

Таковы итоги относительно исторической роли буржуазии в русской буржуазной революции. Опыт пятилетия (1905 — 1909 годы), наиболее богатого событиями и наиболее открыто развернувшего борьбу масс, борьбу классов в России, доказал *фактически*, что оба крыла нашей буржуазии, и кадетское и октябристское, оказались *на деле* нейтрализованными борьбой революции и контр-революции, оказались бессильными, беспомощными, жалкими, мечущимися между враждебными лагерями.

Своими беспрерывными изменами революции буржуазия вполне заслужила те грубые пинки, те надругательства, то оплевание, которые достаются ей в течение столь долгого времени от черносотенного царизма, от царско-помещичьей черной сотни. И, конечно, не какие-нибудь особые моральные свойства вызвали эти измены со стороны буржуазии и это историческое возмездие, полученное ею, а противоречивое экономическое положение капиталистического класса в нашей революции. Этот класс боялся революции больше, чем реакции, победы народа — больше, чем сохранения царизма, конфискации помещичьих земель — больше, чем сохранения власти крепостников. Буржуазия не принадлежала к тем элементам, которым нечего было терять в великой революционной битве. Таким элементом в нашей буржуазной революции был только пролетариат, а за ним миллионы разоренного крестьянства.

Русская революция подтвердила тот вывод, который сделан был Энгельсом из истории великих буржуазных революций За-

пада, именно: чтобы добиться даже только того, что непосредственно необходимо буржуазии, революции надо было *зайти дальше* требований буржуазии [150]). И пролетариат России вел, ведет и *поведет* нашу революцию вперед, толкая события дальше того, где бы их хотели остановить капиталисты и либералы.

В банкетной кампании 1904 года либералы всячески удерживали с.-д., боясь их бурного вмешательства. Рабочие не дали себя запугать призраком запуганного либерала и повели движение вперед, к 9-му января, к всероссийской волне непрерывных стачек.

Либеральная буржуазия, вплоть до «нелегальных» в ту пору «освобожденцев», звала пролетариат к участию в Булыгинской Думе. Пролетариат не дал себя запугать призраком запуганного либерала и повел движение вперед, к октябрьской великой стачке, к первой народной победе.

Буржуазия раскололась после 17 октября. Октябристы решительно встали на сторону контр-революции. Кадеты отстранились от народа и метнулись в переднюю к Витте. Пролетариат пошел вперед. Он мобилизовал, встав во главе народа, такие миллионные массы к самостоятельному историческому действию, что несколько недель настоящей свободы раз-на-всегда положили неизгладимую грань между старой и новой Россией. Пролетариат поднял движение до высшей возможной формы борьбы, — до вооруженного восстания в декабре 1905 года. Он потерпел поражение в этой борьбе, но он не был разбит. Его восстание подавили, но он достиг того, что сплотил в бою все революционные силы народа, не дал деморализовать себя отступлением, показал массам — впервые в новейшей истории России показал массам — возможность и необходимость борьбы до конца. Пролетариат был отброшен назад, но он не выпустил из рук великого знамени революции, и в то время, когда кадетское большинство I и II Думы отрекалось от революции, старалось потушить ее, уверяло Трепова и Столыпиных в своей готовности и способности потушить ее, — пролетариат открыто поднимал это знамя, продолжал звать к борьбе, воспитывать, сплачивать, организовывать силы для борьбы.

Советы Рабочих Депутатов во всех крупных промышленных центрах, ряд экономических завоеваний, вырванных у капитала, Советы Солдатских Депутатов в армии, крестьянские комитеты в Гурии и в других местах, наконец, мимолетные «республики» в нескольких городах России, — все это было *началом* завоевания политической власти пролетариатом, опирающимся на революционную мелкую буржуазию, в особенности, на крестьянство.

Декабрьское движение 1905 г. велико потому, что оно в первый раз превратило «жалкую нацию, нацию рабов» (как говорил Н. Г. Чернышевский в начале 60 годов [151])) в нацию, *способную* под руководством пролетариата довести до конца борьбу

с гадиной самодержавия и потянуть к этой борьбе *массы*. Это движение велико потому, что пролетариат показал здесь на опыте *возможность* завоевания власти демократическими массами, возможность республики в России, показал, «*как это делается*», показал практический приступ масс к конкретному выполнению этой задачи. Декабрьской борьбой пролетариат оставил народу одно из тех наследств, которые способны идейно-политически быть маяком для работы нескольких поколений.

И чем темнее теперь сгущаются тучи бешеной реакции, чем больше зверства контр-революционной царской черной сотни, чем чаще приходится видеть, как *даже* октябристы качают головой, говоря, что «они ждут» реформ и не могут дождаться, чем чаще «вздыхают о новой революции» либералы и демократы, чем подлее речи веховцев («нужно сознательно *не хотеть* революции»: Булгаков, там же, стр. 32), — тем энергичнее должна рабочая партия напоминать народу, *за что бороться*.

О том, что бороться за цели, поставленные 1905 годом, за задачи, к осуществлению которых вплотную подошло тогдашнее движение, необходимо теперь в иных формах, в силу изменившихся условий, в силу иной обстановки данного исторического момента, об этом мы говорили уже неоднократно. Попытки самодержавия перестроиться по типу буржуазной монархии, длительные сговоры его с помещиками и буржуазией в III Думе, новая буржуазная аграрная политика и т. д.,— все это ввело Россию в своеобразную полосу развития, поставило перед рабочим классом на очередь длительные задачи подготовки новой пролетарской армии,— и новой революционной армии,— задачи воспитания и организации сил, использования думской трибуны и всех возможностей полуоткрытой легальной деятельности.

Надо уметь вести *нашу* тактическую линию, надо уметь построить нашу организацию таким образом, чтобы, учитывая изменившуюся обстановку, *не умалять* задач борьбы, не укорачивать их, не принижать идейно-политического содержания даже самой скромной, неяркой, мелкой на первый взгляд работы. Было бы именно таким умалением задач и выхолащиванием идейно-политического содержания борьбы, если бы мы поставили, напр., перед социал-демократической партией лозунг борьбы за открытое рабочее движение.

Как самостоятельный лозунг, это — не социал-демократический, а кадетский лозунг, ибо только либералы мечтают о возможности открытого рабочего движения без новой революции (и, мечтая об этом, проповедуют народу фальшивые учения). Только либералы ограничивают свои задачи подсобной целью, рассчитывая — как и либералы Западной Европы — примирить пролетариат с «реформированным», подчищенным, «улучшенным» буржуазным обществом.

Социал-демократический пролетариат не только не боится такого исхода, а, напротив, он уверен в том, что всякая заслуживающая этого названия реформа, всякое расширение рамок его деятельности, базы его организации, свободы его движения удесятерит его силы и увеличит революционную массовидность его борьбы. Но как раз для того, чтобы добиться действительного расширения рамок своего движения, чтобы добиться частичного улучшения,— как раз для этого нужно ставить перед пролетарскими массами не урезанные, не укороченные лозунги борьбы. Частичные улучшения могут быть (и всегда бывали в истории) лишь побочным результатом революционной классовой борьбы. Только ставя перед рабочими массами во всей их широте, во всем их величии те задачи, которые завещал нашему поколению 1905 год, мы в состоянии на деле расширить основу движения, втянуть в него большие массы, вдохнуть в них то настроение беззаветной революционной борьбы, которое всегда вело угнетенные классы к победе над их врагами.

Не пренебрегать ни малейшей, ни единой возможностью открытого действия, открытого выступления, расширения базы движения, вовлечения в него новых и новых слоев пролетариата, использования всякого слабого пункта в позиции капиталистов для нападения на нее и завоевания улучшения быта, — и в то же время наполнение всей этой деятельности духом революционной борьбы, разъяснение на *каждом* шагу движения и при каждом повороте его *всей полноты* задач, к которым мы подошли в 1905 году и которых мы не решили тогда, — вот какова должна быть политика и тактика Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

«Социал-Демократ» № 12, 5 апреля (23 марта) 1910 г.

ПИСЬМО А. М. ГОРЬКОМУ.

11 апреля 1910 г.

Дорогой А. М.! Только сегодня удалось мне получить Ваше и М. Ф. письмо, посланное через М. С. Боткину. Чтобы не забыть: мне можно писать и на мой личный адрес (Oulianoff. 4 rue Marie Rose. 4. Paris XIV) и на адрес партии — тогда вернее в 2-х конвертах, и на внутреннем: личное для Ленина (110. Avenue d'Orléans. Mr. Kotliarenko. Paris. XIV).

Просимые Вами издания постараюсь выслать Вам завтра же.

Ругал ли я Вас и где? Должно быть в «Дискуссионном Листке» № 1 (издается при Ц. О.). Посылаю его. Если сообщавшие Вам имели в виду не это, то другого я сейчас не припомню. Не писал больше за это время ничего.

Теперь насчет объединения. Факт или анекдот? — спрашиваете Вы. Об этом придется рассказывать издалека, ибо есть в сем факте и «анекдотического» кое-что (больше мелкого) и серьезное, по моему убеждению.

К партийному объединению вели и ведут серьезные, глубокие факторы: необходимость очистки социал-демократии от ликвидаторства и отзовизма, в области идейной; страшно трудное положение партии и всей с.-д. работы и назревание нового типа социал-демократа рабочего в области практической.

На пленуме Ц. К. («долгом пленуме», — три недели маета была, издергали все нервы, сто тысяч чертей!) к этим серьезным и глубоким факторам, сознанным далеко не всеми, прибавились мелкие, мелочные, прибавилось настроение «примиренчества вообще» (без ясной мысли, с кем, к чему, как), прибавилась ненависть к Большевистскому Центру за его беспощадную идейную войну, прибавилась склока и желание поскандалить у меньшевиков — и вышел ребенок с нарывами.

Теперь вот и маемся. Либо — на хороший конец — нарывы вскроем, гной выпустим, ребенка вылечим и вырастим.

Либо — на худой конец — помрет ребенок. Тогда поживем некоторое время бездетно (сиречь: опять восстановим большевистскую фракцию), а потом родим более здорового младенца.

У меньшевиков к серьезному объединению идут (не вполне сознательно, медленно, пошатываясь, но идут и, главное, не могут не идти) плехановцы, идут *партийцы*, идут рабочие. А голосовцы виляют, путают, гадят. У них складывается сильный, легальный, оппортунистический центр в России (Потресов и К° в литературе: см. «Нашу Зарю» № 2 — экий подлец этот Потресов! [152]) — и Михаил, Роман, Юрий + 16 авторов «Открытого Письма» в № 19/20 «Голоса» — в практической, организационной работе).

Пленум Ц. К. желал объединить *всех*. Теперь голосовцы *отпадают*. Сей нарыв *надо* удалить. Без склоки, скандалов, маеты, грязи и «накипи» сего не сделаешь.

Мы сейчас сидим в самой гуще этой склоки. Либо русский Ц. К. обкарнает голосовцев, удалив их из важных учреждений (вроде Центрального Органа и т. п.), — либо придется восстановлять фракцию.

Плеханов в № 11 «Дневника» дал такую оценку пленума, которая ясно показала, что у него *теперь* преобладает искреннее и серьезное желание борьбы с оппортунизмом над мелким и мелочным желанием *использовать* оппортунистов-голосовцев *против* большевиков. Тут тоже сложная канитель идет, но сложившийся в России легалистский, ликвидаторский центр меньшевиков *неизбежно* ведет к отталкиванию от них серьезных социал-демократов.

Теперь — у «впередовцев». Одно время мне казалось, что и внутри этой группы есть два течения: к партии, к марксизму, к отказу от махизма и от отзовизма, и—обратное. Для первого— партийное объединение открывало бы дорогу для удобного, не-неловкого, партийного пути к исправлению явных нелепостей отзовизма и т. п. Но второе течение, видимо, берет у них верх. Алексинский (дитюшко совсем в политике, но озлившееся и делающее глупость за глупостью дитюшко) со скандалом вышел и из редакции «Дискуссионного Листка» и из партийной школьной комиссии. Должно быть, они будут таки устраивать *свою* школу, опять фракционную, опять в сторонке. Коли будет так,— повоюем паки, отвоюем у них рабочих.

Вот и выходит так, что «анекдотическое» в объединении сейчас преобладает, выдвигается на первый план, подает повод к хихиканью, смешкам и пр. Говорят, что с.-р. Чернов написал даже водевиль по поводу объединения у с.-д., под названием «буря в стакане воды», и что сей водевиль дают здесь на днях в одной из (падких на сенсацию) групп эмигрантской колонии [153]).

Сидеть в гуще этого «анекдотического», этой склоки и скандала, маеты и «накипи» тошно; наблюдать все это — тоже тошно. Но непозволительно давать себя во власть настроению. Эмигрантщина теперь во 100 раз тяжеле, чем было до революции. Эмигрантщина и склока неразрывны.

Но склока отпадет; склока остается на $^9/_{10}$ заграницей; склока, это — аксессуар. А развитие партии, развитие с.-д. движения идет и идет вперед через все дьявольские трудности теперешнего положения. Очищение с.-д. партии от *ее* опасных «уклонений», от ликвидаторства и отзовизма *идет вперед* неуклонно; в рамках объединения оно *подвинулось значительно дальше*, чем прежде. С отзовизмом мы уже покончили идейно, в сущности, до пленума. С ликвидаторством не докончили тогда, меньшевикам удалось на время *скрыть змею*, а теперь ее вытащили на свет божий, теперь ее все видят, теперь ее будем уничтожать и уничтожим!

И это очищение — вовсе не одна только «идейная» задача, вовсе не одна только «литературщина», как думает болван (или жулик) Потресов, так же *заступающийся* за махистов, как заступались меньшевики в пленуме за «впередовцев». Нет, это очищение неразрывно связано с самой гущей рабочего движения, которое учится постановке с.-д. работы в теперешнее трудное время, именно путем отрицания учится, путем отрицания ликвидаторства и отзовизма выходит на дорогу. Только пустозвон Троцкий воображает, что можно это отрицание обойти, что это лишнее, что рабочих это не касается, что вопросы ликвидаторства и отзовизма ставятся *не* жизнью, *а* печатью злых полемистов.

Могу себе представить, как тяжело наблюдать этот тяжелый рост нового с.-д. движения тем, кто не видал и не пережил тяжелого роста конца 80-х и начала 90-х годов. Тогда подобных с.-д. были десятки, если не единицы. Теперь — сотни и тысячи. Отсюда — кризис и кризисы. И социал-демократия в *целом* изживает их открыто и изживет их честно.

Жму крепко руку.

Ваш Ленин.

Впервые напечатано в 1924 г. в «Ленинском Сборнике» I.

Печатается по рукописи.

ПОХОД НА ФИНЛЯНДИЮ.

30 (17) марта 1910 г. Столыпин внес в Государственную Думу проект «о порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения». Под этим казенно-бюрократическим заглавием кроется самый наглый поход самодержавия против свободы и самостоятельности Финляндии.

Речь идет в законопроекте Столыпина о том, чтобы передать на решение Государственной Думы, Государственного Совета и Николая II все те финляндские дела, которые «относятся не к одним только внутренним делам этого края». Финляндскому Сейму предоставляется только давать «заключения» по этим делам, причем заключения эти не обязательны ни для кого: Финляндский Сейм сводится в его отношении к империи на положение Булыгинской Думы.

Что понимается при этом под «законами и постановлениями, которые относятся не к одним только внутренним делам» Финляндии? Не приводя всего перечня, занимающего в проекте Столыпина 17 пунктов, мы отметим, что сюда входят и отношения между Финляндией и др. местами империи по таможенной части, и изъятия из финляндских уголовных законов, и железно-дорожное дело, и денежная система в Финляндии, и правила о публичных собраниях, и законы о печати в Финляндии, и проч.

На решение черносотенно-октябристской Думы передать все вопросы подобного рода! *Полное разрушение финляндской свободы* — вот что предпринимает самодержавие, рассчитывая опереться на представителей помещиков и купеческих верхов, объединенных третье-июньской конституцией.

Расчет безошибочный, конечно, поскольку речь идет только о тех, кто легализован этой «конституцией»: пятьдесят крайних правых, сто националистов и «правых октябристов», сто двадцать пять октябристов — вот та черная рать, которая собрана уже в Думе и подготовлена долгой травлей правительственной печати к проведению любой меры насилия против Финляндии.

Старый национализм самодержавия, давящего всех «инородцев», подкреплен теперь, во-первых, ненавистью всех контр-революционных элементов к народу, сумевшему воспользоваться октябрьской кратковременной победой российского пролетариата для того, чтобы создать под боком у черносотенного царя одну из самых демократических конституций всего мира, создать свободные условия для организации рабочих масс Финляндии, неуклонно стоящих на стороне социал-демократии. Финляндия воспользовалась российской революцией, чтобы обеспечить себе несколько лет свободы и мирного развития. Контр-революция в России спешит воспользоваться полным затишьем у «себя дома», чтобы возможно больше отнять из финляндских завоеваний.

История как бы демонстрирует на примере Финляндии, что пресловутый «мирный» прогресс, из которого делают себе божка все филистеры, представляет из себя как раз такое кратковременное, непрочное, эфемерное исключение, которое вполне подтверждает правило. А правило это состоит в том, что только революционное движение масс и пролетариата во главе их, только победоносная революция в состоянии внести прочные изменения в жизнь народов, в состоянии серьезно подорвать господство средневековья и полуазиатские формы капитализма.

Только тогда вздохнула свободно Финляндия, когда российский рабочий класс поднялся гигантской массой и тряхнул русским самодержавием. И только в соединении с революционной борьбой масс в России может искать теперь финляндский рабочий путь к избавлению от нашествия черносотенных башибузуков.

Буржуазия Финляндии обнаружила свои контр-революционные свойства даже в этой мирной стране, проделавшей революцию *за счет* русских октябрьских дней, отстоявшей свободу *за спиной* декабрьской борьбы и двух оппозиционных Дум в России. Буржуазия Финляндии травила красную гвардию финских рабочих и обвиняла их в революционизме; она делала все, что могла, чтобы тормозить полную свободу социалистических организаций в Финляндии; она думала услужливостью (в роде выдач политиков в 1907 году) уберечь себя от насилий царизма; она обвиняла социалистов своей страны в том, что их *испортили* русские социалисты, заразив их своей революционностью.

Теперь и буржуазия в Финляндии может видеть, к чему приводит политика уступок, услужливости, «угоды», политика прямого или косвенного предавания социализма. Вне борьбы социалистически обученных и социалистами организованных масс финский народ не найдет выхода из своего положения; вне пролетарской революции нет средства для отпора Николаю II.

Другое подкрепление старого национализма, как политики нашего самодержавия, дал рост классового сознания и сознательной контр-революционности нашей российской буржуазии. Шо-

винизм вырос в ней вместе с ростом ненависти к пролетариату, как международной силе. Шовинизм усиливался в ней параллельно росту и обострению конкуренции международного капитала. Шовинизм явился, как реванш за поражение в войне с японцами, за бессилие против привилегированных помещиков. Шовинизм нашел себе поддержку в аппетитах истинно-русского промышленника и купца, который рад «завоевать» Финляндию, если не удалось урвать кусок пирога на Балканах. Поэтому организация представительства помещиков и крупнейшей буржуазии дает царизму верных союзников *для расправы* с свободной Финляндией.

Но если расширилась база контр-революционных «операций» над свободной окраиной, то расширилась и база *отпора* этим операциям. Если вместо одной бюрократии и горстки тузов мы имеем организованное в третье-думском представительстве поместное дворянство и богатейшее купечество на стороне врагов Финляндии, то на стороне ее друзей мы имеем все те миллионные массы, которые создали движение 1905 г., которые выдвинули революционное крыло и I и II Думы. И как бы ни велико было в *данный* момент политическое затишье, а эти массы живут и растут, несмотря ни на что. Растет и новый *мститель* за новое поражение российской революции, ибо поражение финляндской свободы есть поражение российской революции.

Наша русская либеральная буржуазия тоже изобличается теперь — паки и паки — в своей трусости и бесхарактерности. Кадеты, конечно, *против* похода на Финляндию. Они, конечно, подадут голоса не с октябристами. Но не они ли сделали *больше всего* для подрыва сочувствия в «публике» к той непосредственной революционной борьбе, к той октябрьско-декабрьской «тактике», которая *одна только* и дала родиться финляндской свободе? — дала продержаться ей вот уже свыше 4-х лет? Не кадеты ли объединили русскую буржуазную интеллигенцию на отречении от такой борьбы и от такой тактики? Не кадеты ли из кожи лезли вон, чтобы поднять националистские чувства и настроения во всем русском образованном «обществе»?

Как оправдались слова с.-д. резолюции (декабрь 1908 г.), что своей националистской агитацией кадеты *на деле* служат службу именно царизму и никому иному! [154]) Та «оппозиция», которую хотели чинить самодержавию кадеты по случаю дипломатических поражений России на Балканах, оказалась — как и следовало ожидать — мизерной, беспринципной, лакейской оппозицией, *льстившей* черносотенцам, *разжигавшей* аппетиты черносотенцев, *журившей* черносотенного царя за то, что он, черносотенный царь, недостаточно силен.

Ну, вот, жните теперь, господа «гуманные» кадеты, то, что

вы посеяли. Вы доказали царизму, что он слаб в отстаивании «национальных» задач: царизм показывает вам свою силу в *националистической* травле инородца. В вашем национализме, неославизме и т. п. была корыстная, узко-классовая буржуазная сущность и звонкая либеральная фраза. Фраза осталась фразой, а сущность *пошла на пользу* человеконенавистнической политике самодержавия.

Так всегда бывало, так всегда будет с либеральными фразами. Они *только прикрашивают* узкую корысть и грубое насилие буржуазии; они только украшают фальшивыми цветами народные цепи; они только одурманивают народное сознание, *мешая* ему распознать его настоящего врага.

Но каждый шаг царской политики, каждый месяц существования третьей Думы все беспощаднее разрушает либеральные иллюзии, все больше обнажает бессилье и гнилость либерализма, все шире и обильнее бросает семена новой революции пролетариата.

Придет время — за свободу Финляндии, за демократическую республику в России поднимется российский пролетариат.

«Социал-Демократ» № 13, 9 мая (26 апреля) 1910 г.

БОЯТСЯ ЗА АРМИЮ.

Думские прения по запросу социал-демократов и трудовиков о нарушении царским правительством статьи 96 основных законов еще не закончены. Но они настолько уже обрисовали положение дела; газеты столько уже накричали о пресловутой Столыпинской «декларации 13 апреля (31 марта)», что вполне уместно будет остановиться на этом поучительном эпизоде в истории третьеиюньского режима [155]).

Наша думская фракция была вполне права, предъявляя запрос правительству о нарушении им статьи 96 основных законов и выступая *постольку* как бы «в защиту» законности, «в защиту права», «в защиту третьеиюньской легальности» и т. д. и т. п. Говорим: «постольку», ибо с.-д. брались здесь несомненно за сложную задачу, за которую *надо уметь* взяться; — пускали в ход оружие, несомненно, обоюдоострое, способное при малейшей ошибке или даже при неловкости употребляющих его поранить самого носителя оружия, — говоря без метафор: способное незаметно отвести с.-д. в сторону от позиции классовой борьбы на позицию либерализма.

Социал-демократы сделали бы такую ошибку, если бы они говорили просто-на-просто о «защите» ими основных законов, без пояснения *особого* характера этой «защиты». Социал-демократы сделали бы еще большую ошибку, если бы они из защиты основных законов или законности вообще сделали своего рода лозунг вроде «борьбы за легальность», — это было бы по-кадетски.

К счастью, наши думские товарищи не сделали ни того, ни другого. Первый оратор по запросу, Гегечкори, *специально* начал с выяснения *особого* характера социал-демократического выступления *за* основные законы. Гегечкори чрезвычайно удачно начал с доноса графа Бобринского, который на съезде объединенного дворянства вопил, намекая более чем прозрачно на социал-демократов, о необходимости «изъять этих смутьянов из недр Государственной Думы» [156]). «Я заявляю, — ответил Гегечкори, —

что, несмотря на донос, несмотря на насилия и угрозы, фракция, которая заседает в этих стенах, ни на иоту не отступит от предначертанных ею задач и целей защиты интересов рабочего класса».

Бобринский приглашал правительство выгнать из Думы тех, кто систематически агитирует против третье-июньской законности. Гегечкори начал с заявления, что ни насилия, ни угрозы не заставят с.-д. отступить от ее деятельности.

Гегечкори подчеркнул специально: «Мы, конечно, меньше, чем кто-либо другой, заботимся о поддержании авторитета, если таковой имеется, третьей Государственной Думы...» «именно мы, принципиальные противники существующего политического строя, протестовали всякий раз, когда реакция стремилась в свою пользу урезать права народного представительства»... «когда открыто делаются посягательства на Основные Законы, то мы, принципиальные противники этих Основных Законов, принуждены взять их под свою защиту». И в заключение своей речи, Гегечкори, отделяя себя от фетишистов легальности, сказал: «...если мы вносим этот запрос, если мы пускаемся в экскурсии или в область юридических толкований, то это только для того, чтобы лишний раз раскрыть лицемерие правительства» (стр. 1988 стенографического отчета)...

Гегечкори выразил последовательно демократические, республиканские взгляды социалистов, сказав: «наши Основные Законы только тогда будут соответствовать интересам и потребностям масс населения, когда они будут продиктованы *непосредственной волей народа*», и «*шум справа*»[157]), отмеченный в этом месте стенографическим отчетом, особо подчеркнул, что стрела попала в цель.

А другой с.-д. оратор, т. Покровский, еще яснее и определеннее сказал в своей речи, говоря о политическом значении запроса: «Пусть же они (октябристы) делают это прямо и открыто. Пусть откровенно примут лозунг правых: долой права народного представительства и да здравствует министерская передняя. Нет сомнения, что большинство работает над тем, чтобы создать в России такой момент, когда конституционные иллюзии совершенно погибнут, останется черная действительность, из которой русский народ сделает соответствующие выводы» (цитирую по отчету «Речи» от 14 (1) апреля).

Вот эта постановка всего вопроса на почву разоблачения лицемерия правительства и октябристов, на почву разрушения конституционных иллюзий есть единственно правильная социал-демократическая постановка запроса о нарушении статьи 96 основных законов, запроса, внесенного в III Думу. В нашей партийной агитации, на рабочих собраниях, в кружках и группах, наконец, и в частных беседах с чуждыми всякой организации рабочими по поводу думских происшествий необходимо выдви-

гать на первый план именно эту сторону дела, необходимо разъяснять роль рабочей партии, *разоблачающей* буржуазно-черносотенный обман в самой буржуазно-черносотенной Думе. Поскольку в *такой* Думе не могло быть *полной* ясности постановки вопроса и полной договоренности точки зрения революционного социал-демократа, постольку наша задача — дополнять сказанное нашими товарищами на трибуне Таврического Дворца и популяризировать в массах, делать понятными и близкими массам их выступления.

В чем *суть* истории с нарушением 96 статьи? Эта статья находится в главе 9-й «о законах» и определяет случаи изъятия из общего порядка, случаи, когда положения и наказы военного и военно-морского ведомств представляются *непосредственно* царю, а *не через* Государственную Думу и Государственный Совет. Новые расходы требуют ассигновок (разрешений) по постановлению Государственной Думы — вот к чему сводится эта статья.

Год тому назад обсуждались в Государственной Думе штаты морского генерального штаба. Возникли горячие споры, подлежит ли учреждение этих штатов ведению Государственной Думы или нет. Правые (черная сотня) утверждали, что *нет*, что Дума тут вмешиваться не в праве, что она не смеет посягать на права «державного вождя» армии, т.-е. царя, который *один только, без всякой Думы*, имеет право утверждать военные и морские штаты.

Октябристы, кадеты и левые утверждали, что это — право Думы. Вопрос стоял, следовательно, о том, что черная сотня, с Николаем II во главе, хотела истолковать ограничительно права Думы, хотела *урезать* и без того невероятно уже урезанные права Думы. Черносотенные помещики и во главе их самый богатый и самый черносотенный помещик, Николай Романов, сделали из частного, мелкого вопроса вопрос принципа, вопрос о правах царя, вопрос о правах самодержавия, обвиняя буржуазию (и даже октябристскую буржуазию) в покушении урезать права царя, ограничить его власть, «отделить вождя армии от армии» и т. п.

Толковать ли власть царя в смысле совершенно неограниченного самодержавия, совсем по старому, или хоть в смысле самого скромного *ограничения* царской власти — вот к чему свелись споры. И эти споры разгорелись год тому назад почти до размеров «политического кризиса», т.-е. до угроз прогнать вон Столыпина, которого черносотенцы обвиняли в «конституционализме», до угроз разогнать Думу октябристов, которых черная сотня называла «младотурками»...

И Государственная Дума, и Государственный Совет утвердили штаты морского генерального штаба, т.-е. признали этот вопрос *подведомственным* себе. Все ждали, утвердит ли Николай II решение Думы и Государственного Совета. 10 мая (27 апреля)

1909 г. Николай II издал рескрипт Столыпину, *отказав* в утверждении штатов и поручив министрам выработать «правила» о применении 96 статьи.

Другими словами: царь еще и еще раз открыто и решительно встал на сторону черной сотни и выступил против самомалейших попыток ограничения его власти. Поручение министрам составить новые правила было наглым приказом *нарушить закон*, истолковать его так, чтобы он оказался уничтоженным, «разъяснить» его в смысле пресловутых российских сенатских «разъяснений». При этом говорилось, конечно, что правила должны оставаться «в пределах основных законов», но эти слова были самым вопиющим лицемерием. Министры выработали *такие* «правила», — и царь Николай II утвердил их (они называются правилами 24 августа 1909 г. по времени их утверждения), — что закон оказался обойденным! По разъяснению «правил», утвержденных без всякой Думы, статья 96 основных законов оказалась сведенной на-нет! Штаты военные и морские оказались по этим «правилам» *изъятыми* из ведения Думы.

Получилась превосходная картина всей призрачности русской «конституции», всей наглости черной сотни, всей близости царя к черной сотне, всего издевательства самодержавия над основными законами. Конечно, переворот 16 (3) июня 1907 года дал уже в сто раз более яркую, более законченную, более доступную и открытую для широких народных масс картину на эту тему. Конечно, если наши с.-д. в Думе не смогли внести запроса о нарушении основных законов актом 16 (3) июня, — не смогли только потому, что буржуазные демократы и трудовики, в том числе, не дали достаточного числа подписей, чтобы собрать требующиеся для запроса тридцать имен, — то это показывает всю узость границ специально думской формы пропаганды и агитации. Но невозможность внести запрос об акте 16 (3) июня не помешала социал-демократам постоянно характеризовать в своих речах этот акт, как государственный переворот. И, разумеется, отказываться от разоблачения того, как издевается самодержавие над основными законами и над правами народного представительства, с.-д. не могли и не должны были даже по сравнительно частному поводу.

Сравнительная неважность, мелкость, незначительность такого вопроса, как вопрос о штатах морского генерального штаба, с особенной резкостью подчеркнула зато всю чувствительность нашей контр-революции, — подчеркнула ее *боязнь за армию*. Октябристский докладчик в Думе, г. Шубинский, в своей второй речи 8 апреля (26 марта) самым определенным образом повернул к черносотенцам, обнаружив, что именно *боязнь за армию* вызвала эту крайнюю чувствительность контр-революции к вопросу о том, дозволительно ли самомалейшее вмешательство предста-

вительных учреждений в утверждение военных и морских штатов. «...Имя Вождя Державного Российской армии есть действительно великое имя»... — воскликнул буржуазный лакей Николая Кровавого. «...Какие бы утверждения вы (депутаты Государственной Думы) здесь ни делали, какие бы ни говорили слова о том, что у кого-то какие-то права хотят отнять, но от армии ее Державного Вождя вы не отнимете».

И Столыпин в своей «декларации» 31 марта, постаравшись запутать свой ответ совершенно пустыми, ничего не говорящими и явно лживыми речами об «успокоении» и об ослаблении будто бы репрессий,—встал вполне определенно, тем не менее, на сторону черносотенцев *против* прав Думы. Если октябристы оказались согласны с Столыпиным, то это не ново. Но если «Речь» гг. Милюкова и К° назвала ответ Столыпина «скорее примирительным по отношению к правам Государственной Думы» (№ 89 от 14 (1) апреля — редакционная статья, следующая за передовой), — то перед нами лишний образец того, как низко пала кадетская партия [158]). «История последних лет показывает, — говорил Столыпин, — что армию нашу не могла подточить ржавчина революции»... Не могла подточить — это фактически неверно, ибо общеизвестные события солдатских и матросских восстаний 1905—1906 годов, общеизвестные отзывы реакционной печати того времени свидетельствуют, что революция *подтачивала* и, следовательно, *могла подточить* армию. Не подточила до конца — это так. Но если в разгар контр-революции 1910 года, несколько лет спустя после последнего «волнения» в войсках, Столыпин говорит (в той же декларации), что им «*овладела тревожная мысль при слушании речей нескольких предыдущих ораторов*», что эта «тревожная мысль» состоит в «*недобром впечатлении какого-то разлада разных факторов* [159]) в государственности в отношении к нашим вооруженным силам», то это целиком выдает Столыпина и всю черносотенную шайку двора Николая II вместе с ним! Это доказывает, что царская шайка продолжает не только бояться, продолжает прямо *трепетать за армию*. Это доказывает, что контр-революция до сих пор твердо продолжает стоять на точке зрения гражданской войны, на точке зрения непосредственной и насущной нужды в средствах военного подавления народного возмущения. Вникните в следующую фразу Столыпина:

«История... учит, что армия приходит в расстройство тогда, когда она перестает быть единой в повиновении одной священной воле. Вложите в этот принцип яд сомнения, *внушите ей хотя бы отрывки мысли о том, что устройство ее зависит от коллективной воли*, и мощность ее перестанет покоиться на неизменной силе — на верховной власти». И в другом месте: «Я знаю, многие хотели... возбудить *споры, гибельные для нашей*

армии, относительно прав» (именно: прав Государственной Думы, прав «коллективной воли»).

Как убийцам чудятся призраки их жертв, так героям контрреволюции вспоминается «гибельное» влияние на армию «коллективной воли». Столыпину, как верному слуге черной сотни, чудятся в октябристах «младотурки», ведущие к *«расстройству армии»* путем подчинения ее коллективной воле, путем допущения «отрывков мысли» о таком подчинении!

Палачи и убийцы третье-июньской монархии бредят на-яву, они дошли до прямого умоисступления, если в октябристах мерещатся им младотурки. Но эти бредовые идеи, это умоисступление — болезнь политическая, порожденная чувством непрочности своего положения, чувством острой боязни за армию. Будь эти господа Столыпины, Романовы и К° сколько-нибудь способны отнестись хоть с чуточкой хладнокровия к вопросу об отношении «коллективной воли» к армии, они сразу увидали бы, что молчаливое утверждение царем решений Думы и Государственного Совета о морских штатах прошло бы *для армии* вдесятеро менее заметно, чем *думские прения по вопросу о правах Думы,* по вопросу о возможном *«расстройстве армии».* Но именно то и характерно для нашей контр-революции, что она сама выдает себя своими страхами, что она также *не в состоянии* спокойно отнестись к вопросу о расстройстве армии, как убийца не может спокойно слышать об участниках и обстановке убийства.

Принципиальную постановку сравнительно мелкому и неважному вопросу о морских штатах дали именно черносотенцы, дал Николай II, дал г. Столыпин, и нам остается только выразить удовольствие по поводу их неловкости, вызванной их страхами. Нам остается только сопоставить превосходные слова т. Покровского о гибели «конституционных иллюзий», о необходимости для народа самому сделать выводы из несомненной «черной действительности» с превосходными по своей откровенности рассуждениями «Московских Ведомостей» о «декларации 13 апреля (31 марта)».

В передовице от 16 (3) апреля эта газета пишет:

«...Самое дело это, как мы выяснили еще в прошлом году, очень просто. Государь император не утвердил поведенного в законодательном порядке дела... о штатах, и установил их в порядке верховного управления, на что даже существующий закон (не касаясь вопроса о естественных правах верховной власти) дает ясные полномочия»...

Вот. Вот. «Естественное право» русской монархии—нарушать основные законы. В этом весь гвоздь.

«...Думская оппозиция, однако, имела дерзость внести по этому поводу запрос, который касался действий верховной власти»...

Именно! «Московские Ведомости» правильно договаривают то, чего не могли договорить с.-д. в Думе. Запрос сводился именно к признанию действий царя (и подчинившегося ему министра Столыпина) нарушением основных законов.

Далее, «Московские Ведомости» нападают на «революционную оппозицию» и «революционную печать» за теорию *завоевания* народных прав революцией и опровергают, будто в «декларации 13 апреля (31 марта)» могли быть какие бы то ни было «обещания».

«...Самые толки об «обещаниях» смешны и составляют выражение того, до какой степени революционно затуманены умы даже у лиц, официально к революционному лагерю не причисляющихся. Какие такие «обещания» может давать кабинет?»

«...Кабинет будет исполнять свои законные обязанности, верный руководству верховной власти... И можно лишь пожелать, чтобы эта декларация была *поглубже* понята Думой во всем своем смысле, и этим помогла излечению гг. депутатов от застарелой заразы революционных «директив».

Именно так: *поглубже* понять декларацию (и позицию) правительства и «излечить» посредством нее от *конституционных иллюзий* — в этом как раз и состоит политический урок запроса социал-демократов о нарушении 96-ой статьи.

«Социал-Демократ» № 13, 9 мая (26 апреля) 1910 г.

ПАРТИЙНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ ЗАГРАНИЦЕЙ.

Заграничная база необходима и неизбежна для партии, которая действует в таких условиях, как наша. Это признает всякий, кто подумает над положением партии. Сколь ни пессимистически смотрят российские товарищи на «заграницу», однако, *знать* о том, что здесь происходит, в особенности после недавнего пленума, будет им очень небесполезно.

Достигнуто ли объединение за границей? Нет. И по очень простой причине: одна из сторон — голосовцы — не обнаруживает никакого желания пойти навстречу единодушному призыву Ц.К. устранить раскол за границей. Фракционный «Голос», вопреки единогласному решению Ц.К., не закрылся, хотя в пленуме один из редакторов его, т. Мартов, официально заявил (см. протоколы пленума), что он, во всяком случае, будет добиваться временной приостановки его *). Не успело еще З.Б.Ц.К. сделать какие-нибудь шаги к объединению, как четыре редактора «Голоса» (двое из них входят и в редакцию Ц.О.!!) выпустили манифест, с плохо прикрытым призывом не идти на объединение. Существующее за границей «Ц.Б.З.Г.» («Центральное Бюро Заграничных Групп», выбранное в Базеле $1^1/_2$ года назад на *фракционном* съезде меньшевиков) сделало то же. Это «Ц.Б.З.Г.» теперь представляет даже не всех меньшевиков, а только голосовскую их часть. Но при поддержке «Голоса» оно оказывается достаточно сильным, чтобы сорвать объединение [160]. З.Б.Ц.К. остается апеллировать к самим группам, к партийным элементам и, в первую голову, к рабочим. Но — по причинам, о которых речь ниже — это не делается, или делается крайне неудо-

---

*) Вот это заявление текстуально:

«Тов. Мартов заявляет, что, хотя он *формально* от имени редакции «Голоса Социал-Демократа» говорить не может, но за себя лично заявляет, что в редакции «Голоса Социал-Демократа» не встретится препятствий к тому, чтобы после выпуска ближайшего № «Голоса» *приостановить* «Голос» временно (месяца на два или больше) в виде опыта, чтобы выждать результатов работы новой редакции Ц.О.».

влетворительно. По-прежнему Ц. К. заграницей может рассчитывать пока только на поддержку большевистских групп. К ним прибавляются, однако, за последнее время меньшевики-партийцы, враги ликвидаторства (большей частью, это — сторонники «Дневника» т. Плеханова).

Принципиальное расслоение среди меньшевиков за границей имеет, несомненно, крупное значение, как симптом, как отражение того, что происходит — быть может, менее явственно — и в России. Меньшевики-партийцы вынесли уже ряд резолюций по этому поводу. Вот несколько выдержек из них. Парижские меньшевики-антиголосовцы (их до 20 человек) пишут: «...в № 19—20 этого органа («Голоса») бесспорно обозначается новый курс, между прочим, в статье тов. Дана «Борьба за легальность», заменяющей с.-д. лозунги специфическим лозунгом, по меньшей мере, двусмысленным, напоминающим, как две капли воды, лозунг «экономического» периода: *борьба за права*»..., «отрицавшееся до сих пор редакцией «Голоса» ликвидаторство нашло себе откровенное выражение в последнем номере этой газеты». Женевские меньшевики-партийцы (14 человек) находят, «что прекращение фракционного «Голоса Социал-Демократа» является необходимым... условием упрочения партийного единства».

Ниццская группа меньшевиков-партийцев полагает (единогласно), что «в № 19—20 этого органа («Голоса») ликвидаторство нашло себе уже откровенное выражение в ряде статей. Группа находит такую позицию «Голоса Социал-Демократа» вредной и отказывает ему в какой бы то ни было поддержке. Группа возмущена поступком Михаила, Романа, Юрия, которые не оправдали доверия последнего партийного съезда и довели ликвидаторские тенденции до их страшного по своим практическим проявлениям конца». Группа меньшевиков-партийцев в Сен-Ремо «единогласно отказывается от какой бы то ни было поддержки указанного издания («Голоса»), так как не разделяет его ликвидаторских тенденций. Группа не может удержать негодования, вызванного поведением... Михаила, Романа и Юрия». Меньшевики-партийцы в Льеже в своей резолюции пишут: «Письмо Стивы Новича и статья Ф. Дана «Борьба за легальность» (в № 19—20 «Голоса») вполне определяют антипартийное направление органа... «Голос Социал-Демократа» является центром, около которого группируются ликвидаторские течения». На такой же точке зрения стоит значительная часть меньшевистской группы в Цюрихе и большинство группы в Берне. Сторонники меньшевиков-партийцев имеются и в других городах [161]).

Только сплотив эти элементы *партийных* меньшевиков с большевиками и нефракционными *партийцами* противниками ликвидаторства, З.Б.Ц.К. могло бы добиться результатов, могло бы помочь работе в России. Заграничные большевики именно к

этому и призывают всех товарищей (см. резолюцию второй Парижской группы)[162]. Борьба с голосовцами, срывающими объединение, и отзовистами-ультиматистами, вышедшими из редакции «Дискуссионного Листка» и общепартийного комитета школы, и тоже подрывающими партийное объединение, неизбежна, в интересах сплочения всех действительных партийцев. Дело это падает пока на частную инициативу партийцев, ибо З.Б.Ц.К. *пока* оказалось неспособным занять должную позицию. По новому уставу 3 из 5 членов З.Б.Ц.К. назначаются «националами»; таким образом, личный состав большинства З.Б.Ц.К. определяется *не* Ц.К. партии, и на этой почве получаются неожиданные сюрпризы. Так, например, на недавней сессии З.Б.Ц.К. сложилось большинство *против* линии Ц.К. Выработанный непосредственно после пленума Ц.К. «модус» объединения групп (в духе решений пленума, т.-е. с требованием отдачи всех средств Ц.К., а *не* фракционным органам) новое большинство из одного голосовца и двух, якобы, «нефракционных» националов отказалось подтвердить. Оно отклонило предложение (большевика и п. с.-д.) в письме по группам выдвинуть лозунг: все средства общепартийным учреждениям, а не фракционным газетам (*т.-е.* «Голосу Социал-Демократа»). Это решение вызвало решительный протест 2-х членов З.Б.Ц.К. (большевика и п. с.-д.), которые перенесли этот свой протест в Ц.К.)

«Социал-Демократ» № 13, 9 мая (26 апреля) 1910 г.

ОДНО ИЗ ПРЕПЯТСТВИЙ ПАРТИЙНОМУ ЕДИНСТВУ.

В то время, как *партийные* меньшевики в целом ряде заграничных групп сплачиваются и выступают все более решительно против явно-ликвидаторского направления «Голоса Социал-Демократа», венская «Правда» ведет себя все еще уклончиво. В № 12 находим статью «К единству — через все препятствия». В этой статье нельзя не одобрить первого, хотя и очень робкого, очень неполного, приступа к выполнению резолюции Ц.К. о *разъяснении* опасности ликвидаторства. Но зато вся первая часть статьи есть образец того, насколько некоторые, якобы, нефракционные с.-д. дальше от защиты партийности, чем *партийные* меньшевики.

Здесь «Правда» говорит прямую неправду, будто бы редакция Ц.О. в статье «Голос ликвидаторов против партии» *) объявила «сорванным все соглашение». Всякий, кто прочел № 12 Ц.О., видит, что ничего подобного мы не объявляли. Соглашение было с меньшевиками *на условии* признания ими партийности и искреннего, последовательного отречения от ликвидаторства. «Голос Социал-Демократа» и группа его единомышленников в России *сорвали* это соглашение: одни, как Михаил, Роман, Юрий и т. д. в России, тем, что само соглашение открыто объявили вредным («вредны резолюции Ц.К.»; вредно само существование Ц.К.; партию нечего ликвидировать, ибо она уже ликвидирована), другие, как «Голос», тем, что защищают выступления первых. Меньшевики-партийцы, с Плехановым во главе, восстали против голосовцев за это нарушение ими соглашения. Если «Правда», тем не менее, хочет по-прежнему, говоря о меньшевиках «вообще», иметь в виду только голосовцев, замалчивая плехановцев и партийных меньшевиков, то такой образ действий мы будем разоблачать всегда и всюду.

«Правда» заявляет, что «не может и не хочет входить в

---

*) См. настоящий том, стр. 254 — 263. *Ред.*

обсуждение» конфликтов после пленума, во-первых, потому, что «не располагает необходимым для правильного суждения фактическим материалом».

На это мы ответим: если до сих пор заграничная «Правда» не усмотрела достаточно «материала» в поведении голосовцев-ликвидаторов, то она *никогда* не усмотрит его. Чтобы видеть правду, надо не бояться смотреть в лицо правде.

«... Во-вторых,—и это важнее всего,—потому, что организационные конфликты требуют организационного же, а не литературного вмешательства».

Этот принцип верен. Но именно партийные меньшевики «вмешались», как и следовало сделать всякому члену партии, в оценку принципиального, а не организационного конфликта. «Правда» поступает наоборот. Выставляя принцип, она не следует ему на деле. На деле весь первый абзац своей статьи «Правда» посвятила как раз «вмешательству» в *организационный* конфликт. Мало того. Излагая *организационный* конфликт, «Правда» льет воду на мельницу ликвидаторов, называя «в высшей степени резкой» нашу статью, но *не оценивая* при этом антипартийного поступка голосовцев; — говорит *неправду*, называя *фракционным* столкновением борьбу *партийного Ц.О.* с *антипартийной* частью меньшевиков (именно с голосовцами);— говорит *половину* правды, умалчивая о раскольническом манифесте 4-х редакторов «Голоса Социал-Демократа»; и т. д.

Рабочая газета должна была либо не касаться «организационного» конфликта, либо излагать его полно и правдиво до конца.

Одним из серьезных препятствий партийному единству являются попытки прикрыть антипартийность «Голоса». Молчание об его ликвидаторстве или легкомысленное отношение к нему только усугубляет его опасность.

«Социал-Демократ» № 13, 9 мая (26 апреля) 1910 г.

ЗАМЕТКИ ПУБЛИЦИСТА

Напечатано 19 (6) марта
и 7 июня (24 мая) 1910 г.
в «Дискуссионном Листке» №№ 1 и 2
Подпись: Н. Ленин

Печатается по тексту
«Дискуссионного Листка»

ЦѢНА 15 сант.
PRIX 15 cent.

Supplément du Social-Démocrate N° 1

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ДИСКУССІОННЫЙ ЛИСТОКЪ

Приложеніе къ Центральному Органу

„СОЦІАЛЬДЕМОКРАТЪ"

№ 1. **Суббота 6|19 марта** **1910 г.**

Отъ редакціи. Мы выпускаемъ въ свѣтъ первый номеръ «Дискуссіоннаго Листка» съ тремя только статьями, чтобы возможно скорѣе приступить къ осуществленію новаго дѣла, намѣченнаго Центральнымъ Комитетомъ на его послѣднемъ пленарномъ засѣданіи. — Въ дальнѣйшемъ дискуссіонный листокъ будетъ выходить по мѣрѣ накопленія матеріала.

Приглашая всѣхъ товарищей безъ различія теченій къ участію въ «Дискуссіонномъ Листкѣ», редакція съ своей стороны считала бы полезнымъ поставить на обсужденіе слѣдующіе вопросы: національный вопросъ, аграрный вопросъ, вопросъ о характерѣ современной русской монархіи, объ отношеніи русскаго революціоннаго [illegible] ніи пролетаріата въ россійской революціи, объ оцѣнкѣ работъ послѣдняго пленума Ц. К., о детализаціи рабочихъ требованій нашей программы-минимумъ и т. д. Товарищи съ своей стороны имѣютъ полную возможность выдвигать и освѣщать въ «Дискуссіонномъ Листкѣ» и другіе вопросы.

Въ слѣдующемъ номерѣ «Дискуссіоннаго Листка» пойд[illegible] статья т. Р. Люксембургъ о національномъ вопросѣ и с.-д-іи.

Замѣтки публициста.

I. О „платформѣ" сторонниковъ и защитниковъ [illegible]

Недавно вышла въ свѣтъ въ Парижѣ, въ изданіи группы «Впередъ», брошюра: «Современное положеніе и задачи партіи. Платформа, выработанная группой большевиковъ». Это — та самая группа большевиковъ, объ образованіи которой новой фракціи расширенная редакція «Прол.» заявила весной прошлаго года. Теперь эта группа «въ составѣ 15 членовъ партіи — 7 рабочихъ и 8 интеллигентовъ» (какъ она намъ сообщаетъ), выступаетъ съ попыткой цѣльнаго, систематическаго, положительнаго изложенія своей особой «платформы». Текстъ этой платформы носитъ на себѣ явные слѣды осторожной и заботливой коллективной обработки, направленной къ сглаживанію всѣхъ шероховатостей, къ стиранію острыхъ угловъ, къ подчеркиванію не столько того, въ чемъ группа съ партіей расходится, сколько того, въ чемъ она съ ней сходится. Тѣмъ цѣннѣе для насъ новая платформа, какъ оффиціальное изложеніе взглядовъ извѣстнаго теченія.

Группа большевиковъ излагаетъ сначала, какъ она «понимаетъ современное историческое положеніе нашей страны» (§ I, с. 3—13), затѣмъ, какъ она «понимаетъ большевизмъ» (§ II, с. 13—17). И то и другое понимаетъ она плохо.

Возьмемъ первый вопросъ. Взглядъ большевиковъ (и взглядъ партіи) изложенъ въ резолюціи декабрьской конференціи 1908 г. о современномъ моментѣ. Раздѣляютъ-ли авторы новой платформы взгляды, выраженные въ этой резолюціи? Если да, отчего бы имъ не сказать этого прямо? Если да, къ чему было составлять особую платформу, браться за изложеніе своего особаго «пониманія» момента? Если нѣтъ, почему опять таки не сказать ясно, въ чемъ именно отступаетъ новая группа въ отношеніи взглядамъ партіи?

Въ томъ-то и дѣло, что новой группѣ самой не ясно значеніе этой резолюціи. Новая группа безсознательно (или на половину безсознательно) клонитъ ко взглядамъ отзовистовъ, непримиримыхъ съ этой резолюціей. Новая группа даетъ въ своей брошюрѣ популярное истолкованіе не всѣхъ положеній этой резолюціи, а лишь одной ея части, не понимая (можетъ быть даже не замѣчая значенія) другой части. Основные факторы, вызвавшіе революцію 1905 г., продолжаютъ дѣйствовать, — говоритъ резолюція. Новый революціонный кризисъ назрѣваетъ (пунктъ е). Цѣлью борьбы остается сверженіе царизма и завоеваніе республики; пролетаріатъ долженъ играть «руководящую» роль въ борьбѣ и стремиться къ «завоеванію [illegible] (п. п. 3 и 1). Условія мирового рынка и міровой политики дѣлаютъ «международную обстановку все болѣе революціонной» (п. ж.). Вотъ эти положенія новая платформа популярно истолковываетъ и *постольку* она идетъ вполнѣ рука объ руку съ большевиками и съ партіей, *постольку* она излагаетъ правильные взгляды и дѣлаетъ полезную работу.

Но въ томъ-то и бѣда, что приходится подчеркивать это *постольку*. Въ томъ-то и бѣда, что *другихъ* положеній этой резолюціи новая группа *не понимаетъ*, не понимаетъ ихъ связи съ остальными, не понимаетъ въ особенности ихъ связи съ тѣмъ непримиримымъ отношеніемъ къ отзовизму, которое свойственно большевикамъ и которое несвойственно этой группѣ.

Революція снова неизбѣжна. Революція снова должна свергать и свергнуть самодержавіе — говорятъ авторы новой платформы. Вѣрно. Но это не все, что надо знать и помнить *современному* революціонеру с.-д. Онъ долженъ умѣть понять, что эта революція идетъ къ намъ по новому, что мы должны идти къ ней по новому (иначе, чѣмъ прежде; не только такъ, какъ прежде; не только съ тѣми орудіями и средствами борьбы, какъ прежде), что само самодержавіе есть не то, что прежде. Вотъ этого-то и не хотятъ видѣть защитники отзовизма! Они упорно хотятъ оставаться однобокими и [illegible], вопреки своей волѣ, независимо отъ своего сознанія, они *оказываютъ услугу* оппортунистамъ и ликвидаторамъ, они однобокостью въ одну сторону поддерживаютъ однобокость въ другую сторону.

Самодержавіе вступило въ *новую* историческую полосу. Оно дѣлаетъ шагъ по пути превращенія въ буржуазную монархію. 3-я Дума есть союзъ съ опредѣленными классами, 3-я Дума есть не случайное, а необходимое учрежденіе въ системѣ этой новой монархіи. Новая аграрная политика самодержавія тоже не случайность, а необходимое, буржуазно-необходимое и въ своей буржуазности необходимое составное звено политики новаго царизма. Передъ нами *своеобразная* историческая полоса съ *своеобразными* условіями нарожденія новой революціи. Нельзя овладѣть этимъ своеобразіемъ, нельзя подготовиться къ этой новой революціи, если дѣйствовать только по старому, если не умѣть использовать самой думской трибуны и т. д.

Вотъ этого послѣдняго положенія не могутъ понять отзовисты. А защитники отзовизма, объявляющіе его «законнымъ оттѣнкомъ» (страница 28 разсматриваемой брошюры), не могутъ до сихъ поръ понять *связи* этого положенія съ *цѣлымъ кругомъ идей*, съ признаніемъ своеобразія сов-

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ПРИЛОЖЕНИЯ К ГАЗЕТЕ «СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТ»
«ДИСКУССИОННЫЙ ЛИСТОК» № 1 — 19 (6) МАРТА 1910 г.

Уменьшено

1.

О «ПЛАТФОРМЕ» СТОРОННИКОВ И ЗАЩИТНИКОВ ОТЗОВИЗМА.

Недавно вышла в свет в Париже, в издании группы «Вперед», брошюра: «Современное положение и задачи партии. Платформа, выработанная группой большевиков». Это — та самая группа большевиков, об образовании которой (новой фракции) расширенная редакция «Пролетария» заявляла весной прошлого года. Теперь эта группа «в составе 15 членов партии — 7 рабочих и 8 интеллигентов» (как она нам сообщает) выступает с попыткой цельного, систематического, положительного изложения своей особой «платформы». Текст этой платформы носит на себе явные следы осторожной и заботливой коллективной обработки, направленной к сглаживанию всех шероховатостей, к стиранию острых углов, к подчеркиванию не столько того, в чем группа с партией расходится, сколько того, в чем она с ней сходится. Тем ценнее для нас новая платформа, как официальное изложение взглядов известного течения.

Группа большевиков излагает сначала, как она «понимает современное историческое положение нашей страны» (§ I, стр. 3—13), затем, как она «понимает большевизм» (§ II, стр. 13—17). И то и другое понимает она плохо.

Возьмем первый вопрос. Взгляд большевиков (и взгляд партии) изложен в резолюции Декабрьской конференции 1908 г. о современном моменте. Разделяют ли авторы новой платформы взгляды, выраженные в этой резолюции? Если да, отчего бы им не сказать это прямо? Если да, к чему было составлять особую платформу, браться за изложение своего особого «понимания» момента? Если нет, почему опять-таки не сказать ясно, в чем именно вступает новая группа в оппозицию взглядам партии?

В том-то и дело, что новой группе самой не ясно значение этой резолюции. Новая группа бессознательно (или на половину бессознательно) клонит ко взглядам отзовистов, *непримиримым*

с этой резолюцией. Новая группа дает в своей брошюре популярное истолкование не всех положений этой резолюции, а лишь одной ее части, не понимая (может быть, даже не замечая значения) другой части. Основные факторы, вызвавшие революцию 1905 года, продолжают действовать, — говорит резолюция. Новый революционный кризис назревает (пункт е). Целью борьбы остается свержение царизма и завоевание республики; пролетариат должен играть «руководящую» роль в борьбе и стремиться к «завоеванию политической власти» (пункты д и 1). Условия мирового рынка и мировой политики делают «международную обстановку все более революционной» (пункт ж). Вот *эти* положения новая платформа популярно истолковывает и *постольку* она идет вполне рука об руку с большевиками и с партией, *постольку* она излагает правильные взгляды и делает полезную работу.

Но в том-то и беда, что приходится подчеркивать это *постольку*. В том-то и беда, что *других* положений этой резолюции новая группа *не понимает*, не понимает их связи с остальными, не понимает, в особенности, их *связи* с тем непримиримым отношением к отзовизму, которое свойственно большевикам и которое несвойственно этой группе.

Революция снова неизбежна. Революция снова должна свергать и свергнуть самодержавие — говорят авторы новой платформы. Верно. Но это не все, что надо знать и помнить *современному* революционеру социал-демократу. Он должен уметь понять, что эта революция идет к нам по-новому, что мы должны идти к ней по-новому (иначе, чем прежде; не только так, как прежде; не только с теми орудиями и средствами борьбы, как прежде), что само самодержавие есть не то, что прежде. Вот этого-то и не хотят видеть защитники отзовизма! Они упорно хотят оставаться однобокими *и этим,* вопреки своей воле, независимо от своего сознания, они *оказывают услугу* оппортунистам и ликвидаторам, они однобокостью в одну сторону поддерживают однобокость в другую сторону.

Самодержавие вступило в *новую* историческую полосу. Оно делает шаг по пути превращения в буржуазную монархию. III Дума есть союз с определенными классами. III Дума есть не случайное, а необходимое учреждение в системе этой новой монархии. Новая аграрная политика самодержавия тоже не случайность, а необходимое, буржуазно-необходимое и в своей буржуазности необходимое составное звено политики нового царизма. Перед нами *своеобразная* историческая полоса с *своеобразными* условиями нарождения новой революции. Нельзя овладеть этим своеобразием, нельзя подготовиться к этой новой революции, если действовать только по-старому, если не уметь использовать самой думской трибуны и т. д.

Вот этого последнего положения не могут понять отзовисты. А защитники отзовизма, объявляющие его «законным оттенком» (стр. 28 рассматриваемой брошюры), не могут до сих пор понять *связи* этого положения с *целым кругом идей*, с признанием своеобразия современного момента, с стремлением *учесть* это своеобразие в своей тактике! Они повторяют, что мы переживаем «меж-революционный период» (стр. 29), что «современное положение» есть «переходное между двумя волнами демократической революции» (стр. 32), но в чем *своеобразие* этого «*перехода*», они понять не в состоянии. А не поняв этого *перехода*, нельзя изжить его с пользой для революции, нельзя подготовиться к новой революции, нельзя *перейти* ко второй волне! Ибо подготовка к новой революции не может ограничиться повторением того, что она неизбежна; подготовка должна состоять в такой постановке пропаганды, агитации и организации, которая бы учитывала *своеобразие этого переходного положения.*

Вот вам пример того, как люди о *переходном* положении говорят, а в чем этот *переход* состоит, не понимают. «Что в России никакой действительной конституции нет, а Дума—лишь ее призрак, без власти и значения, это не только по опыту знают хорошо массы населения, но теперь это становится ясным всему миру» (стр. 11). Сопоставьте с этим оценку III Думы декабрьской резолюцией: «Открыто закреплен и признан государственным переворотом 3-го июня и учреждением III Думы союз царизма с черносотенными помещиками и верхами торгово-промышленной буржуазии».

Неужели не «ясно всему миру», что авторы платформы тактики и не поняли резолюции, хотя ее в течение года жевали и разжевывали в партийной прессе на тысячу ладов? И не поняли не в силу своей непонятливости, конечно, а в силу тяготения над ними отзовизма и отзовистского круга идей.

Наша III Дума есть черносотенно-октябристская Дума. Что октябристы и черносотенцы в России не имеют «власти и значения» (как это вышло у авторов платформы), это—нелепость. Отсутствие «действительной конституции», сохранение полноты власти за самодержавием нисколько не исключает того своеобразного исторического положения, когда эта власть вынуждена организовывать контр-революционный союз известных классов в общенациональном масштабе, в открыто действующих учреждениях, имеющих общегосударственное значение, и когда известные классы сами организуются, снизу, в контр-революционные блоки, протягивающие руку царизму. Если «союз» царизма с этими классами (союз, стремящийся сохранить власть и доходы за крепостниками-помещиками) есть своеобразная форма господства классов и господства царя с его шайкой в данный, *переходный* период, форма, порождаемая буржуазной эволюцией страны

при условии поражения «первой волны революции», — тогда *не может быть и речи* об использовании переходного времени без использования думской трибуны. Своеобразная тактика использования той трибуны, с которой говорят контр-революционеры, *в целях* подготовки революции является тогда *обязательной*, вытекающей из своеобразия *всей* исторической обстановки. Если же Дума есть лишь «призрак» конституции «без власти и значения», тогда никакого *нового* этапа в развитии буржуазной России, буржуазной монархии, в развитии формы господства высших классов и т. д. перед нами нет, и тогда отзовисты, конечно, *принципиально* оказываются правыми!

И не думайте, что приведенная нами фраза платформы есть случайная обмолвка. В специальной главе «О Государственной Думе» (стр. 25 — 28) мы читаем с самого начала: «все Государственные Думы до настоящего времени представляли учреждения, не имеющие реальной силы и власти, не выражающие действительного соотношения общественных сил в стране. Правительство созывало их под натиском народного движения для того, чтобы, с одной стороны, отвести массовое возбуждение от путей непосредственной борьбы на пути мирно-избирательные, с другой стороны, чтобы столковаться в этих Думах с теми общественными группами, которые могли бы поддержать правительство в борьбе с революцией»... Это — целый клубок путаных мыслей или обрывков мыслей. Если правительство созывало Думы, чтобы столковаться с контр-революционными классами, то отсюда выходит как раз то, что первая и вторая Думы *не* имели «силы и власти» (чтобы помочь революции), а III *имела и имеет* (чтобы помочь контр-революции). Революционеры могли (а при известных условиях и должны были) не участвовать в учреждении, которое бессильно было помочь революции. Это бесспорно. Объединяя вместе такие учреждения революционного периода с Думой «меж-революционного периода», которая имеет силу помогать контр-революции, авторы платформы совершают чудовищную ошибку. Они распространяют правильные большевистские рассуждения как раз на такие случаи, на которые они на самом деле не распространяются! Это именно и значит превращать большевизм в карикатуру.

Резюмируя свое «понимание» большевизма, авторы платформы выдвинули даже особый пункт d (стр. 16), в котором эта «карикатурная» революционность нашла себе классическое, можно сказать, выражение. Вот этот пункт полностью:

«d) Впредь до завершения революции все полу-легальные и легальные способы и пути борьбы рабочего класса, в том числе также участие в Гос. Думе, не могут иметь самостоятельного и решающего значения, но являются лишь средством собирания и подготовки сил для прямой революционной, открыто-массовой борьбы».

Выходит, что *после* «завершения революции» легальные способы борьбы, и парламентаризм «в том числе», *могут* иметь самостоятельное и решающее значение!

Неверно. И тогда не могут. В платформе «впередовцев» написана бессмыслица.

Далее. Выходит, что «до завершения революции» все способы борьбы, *кроме* легальных и полулегальных, т.-е. *все нелегальные* способы борьбы *могут* иметь самостоятельное и решающее значение!

Неверно. Есть такие нелегальные способы борьбы, которые и *после* «завершения революции» (например, нелегальные кружки пропаганды) и «до завершения революции» (например, захват денежных средств у неприятеля или освобождение насилием арестованных или убийство шпионов и т. д.) «*не* могут иметь самостоятельного и решающего значения, но являются *лишь*» и т. д., как в тексте «*платформы*».

Далее. О каком это «завершении революции» здесь говорится? Очевидно, *не* о завершении социалистической революции, ибо тогда не будет борьбы рабочего класса, раз не будет вообще классов. Значит, речь идет о завершении *буржуазно-демократической* революции. Теперь посмотрим, что же «понимали» авторы платформы под *завершением* буржуазно-демократической революции?

Вообще говоря, под этим термином можно понимать две вещи. Если его употребляют в широком смысле, то под ним разумеют решение объективных исторических задач буржуазной революции, «завершение» ее, т.-е. устранение самой почвы, способной родить буржуазную революцию, завершение *всего цикла* буржуазных революций. В этом смысле, например, во Франции буржуазно-демократическая революция *завершена* была лишь 1871-ым годом (а начата в 1789 г.). Если же употребляют слово в узком смысле, то имеют в виду революцию отдельную, одну из буржуазных революций, одну из «волн», если хотите, которая бьет старый режим, но не добивает его, не устраняет почвы для следующих буржуазных революций. В этом смысле революция 1848-го года в Германии была «завершена» в 1850 году или в 50-х годах, нисколько не устранив этим почвы для революционного подъема 60-х годов. Революция 1789 года во Франции была «завершена», скажем, в 1794 году, нисколько не устранив этим почвы для революции 1830, 1848 годов.

Толковать ли слова платформы «впредь до завершения революции» в широком или узком значении, — во всяком случае, смысла в них не доискаться. Нечего и говорить, что пытаться определить теперь тактику революционной социал-демократии *впредь* до завершения всего периода возможных буржуазных революций России — было бы совсем нелепо. А про революционную

«волну» 1905—1907 г.г., т.-е. про первую буржуазную революцию в России, платформа сама вынуждена признать, что «первую волну революции оно (самодержавие) победило» (стр. 12), что мы переживаем период «меж-революционный», «между двумя волнами демократической революции».

В чем же источник этой бесконечной и безысходной путаницы в «платформе»? Да именно в том, что платформа дипломатично отгораживается от отзовизма, нисколько не выходя из круга идей отзовизма, не поправляя его основной ошибки и даже не замечая ее. Именно в том, что для «впередовцев» отзовизм «законный оттенок», *т.-е.* для них *законом,* образцом, непревзойденным образцом является отзовистский оттенок карикатурного большевизма. Кто встал на эту наклонную плоскость, тот неудержимо катится и будет катиться в болото безысходной путаницы; тот *повторяет* слова и лозунги, не умея *продумать* условия применимости и пределы значения их.

Почему, например, большевики в 1906—1907 г.г. так часто противопоставляли оппортунистам лозунг: революция не кончилась? Потому, что объективные условия были таковы, что о завершении революции в узком смысле слова не могло быть и речи. Возьмите хоть период II Думы. Самый революционный парламент в мире и едва ли не самое реакционное самодержавное правительство. Отсюда не было непосредственного выхода кроме переворота сверху или восстания снизу и, как бы ни качали теперь головой великомудрые педанты, а до переворота никто не мог ручаться, что он правительству удастся, что он сойдет гладко, что Николай II не сломит себе на нем шеи. Лозунг «революция не кончилась» имел самое живое, непосредственно важное, практически ощутимое значение, ибо *только* он правильно выражал, что есть, к чему дело идет в силу объективной логики событий. А теперь, когда отзовисты сами признают данное положение «меж-революционным», пытаться представить этот отзовизм «законным оттенком революционного крыла» — «впредь до завершения революции», — разве это не беспомощная путаница?

Чтобы выбраться из этого безысходного круга противоречий, надо не дипломатничать с отзовизмом, а подрезать его идейные основы; надо встать на точку зрения декабрьской резолюции и продумать ее до конца. Данный межреволюционный период объясняется не случайностью. Теперь уже нет сомнений, что перед нами особый этап развития самодержавия, развития буржуазной монархии, буржуазно-черносотенного парламентаризма, буржуазной политики царизма в деревне, поддержки всего этого контрреволюционной буржуазией. Этот период, несомненно, есть *переходный* период «между 2 волнами революции», но чтобы подготовиться ко второй революции, необходимо как раз овладеть

своеобразием этого перехода, уметь приспособить свою тактику и организацию к этому трудному, тяжелому, темному, но навязанному нам ходом «кампании» переходу. Использование думской трибуны, как и всяких других легальных возможностей, принадлежит к числу весьма невысоких средств борьбы, ничего «яркого» с собой не несущих. Но переходный период потому и есть переходный, что его специфической задачей является подготовка и собирание *сил*, а не их непосредственное, не их решительное выступление. Уметь поставить эту лишенную внешнего блеска деятельность, уметь использовать для нее все те полуоткрытые учреждения, которые свойственны эпохе черносотенно-октябристской Думы, уметь отстоять *и на этой почве* все традиции революционной социал-демократии, все лозунги ее недавнего геройского прошлого, весь дух ее работы, всю непримиримость ее по отношению к оппортунизму и реформизму,—вот *задача партии*, вот задача момента.

Мы разобрали первое отступление новой платформы от той тактики, которая изложена в резолюции Декабрьской конференции 1908 г. Мы видели, что это есть отступление в сторону идей отзовистских, в сторону идей, ничего общего не имеющих ни с марксистским анализом переживаемого момента, ни с основными посылками тактики революционных социал-демократов вообще. Нам надо рассмотреть теперь вторую оригинальную черту новой платформы.

Это—провозглашаемая новой группой задача «создавать» и «распространять в массах новую, пролетарскую» культуру: «развивать пролетарскую науку, укреплять истинно-товарищеские отношения в пролетарской среде, вырабатывать пролетарскую философию, направлять искусство в сторону пролетарских стремлений и опыта» (стр. 17).

Вот образчик той наивной дипломатии, которая служит в новой платформе для прикрытия сути дела! Ну, разве это не наивно, когда *между* «наукой» и «философией» вставляют «укрепление истинно-товарищеских отношений»? В *платформу* вносит новая группа свои предполагаемые *обиды*, свои обвинения других групп (именно: ортодоксальных большевиков, в первую голову) в нарушении *ими* «истинно-товарищеских отношений». Именно таково *реальное* содержание этого забавного пункта.

«Пролетарская наука» выглядит здесь тоже «грустно и некстати». Во-первых, мы знаем теперь только одну пролетарскую науку—марксизм. Авторы платформы почему-то систематически избегают этого единственно точного термина, ставя везде слова: «научный социализм» (стр. 13, 15, 16, 20, 21). Известно, что на этот последний термин претендуют у нас в России и прямые противники марксизма. Во-вторых, если ставить в платформу задачу развития «пролетарской науки», то надо сказать ясно,

какую именно идейную, теоретическую борьбу нашего времени имеют здесь в виду и на чью именно сторону становятся авторы платформы. Молчание об этом есть наивная хитрость, ибо *суть дела* ясна всякому, кто знает литературу с.-д. 1908—1909 годов. В *наше* время в области науки, философии, искусства выдвинулась борьба марксистов с махистами. По меньшей мере, смешно закрывать глаза на этот общеизвестный факт. «Платформы» следует писать не для затушевания разногласий, а для разъяснения их.

Неловко же выдают себя наши авторы цитированным местом платформы. Всем известно, что *на деле* под «пролетарской философией» имеется в виду именно *махизм,*—и всякий толковый социал-демократ сразу раскроет «новый» *псевдоним.* Не к чему было и выдумывать этот псевдоним. Не к чему прятаться за него. На деле самое влиятельное литераторское ядро новой группы есть махистское, которое считает не-махистскую философию не-«пролетарской».

Так и надо было сказать, если хотели говорить об этом в платформе: новая группа объединяет людей, которые будут бороться против не-«пролетарских», т.-е. не-махистских теорий в философии и искусстве. Это было бы прямое, правдивое, открытое выступление всем известного *идейного* течения, выступление на борьбу с другими течениями. Когда идейной борьбе придают важное значение для партии, то именно с прямым объявлением войны и выступают, а не прячутся.

И мы будем звать всех к определенному, ясному ответу на прикрытое выставление философской борьбы с марксизмом в платформе. *На деле* именно *борьбу с марксизмом* прикрывают все фразы о «пролетарской культуре». «Оригинальность» новой группы та, что она в партийную платформу внесла *философию,* не сказав прямо, какое *именно* течение в философии она защищает.

Впрочем, нельзя было бы сказать, что целиком отрицательным является то реальное содержание, которое имеют цитированные слова платформы. За ними кроется и некоторое положительное содержание. Это положительное содержание можно выразить одним словом: М. Горький.

В самом деле, не к чему скрывать факта, о котором прокричала уже (исказив и извратив его) буржуазная пресса, именно, что М. Горький принадлежит к сторонникам новой группы. А Горький—безусловно крупнейший представитель *пролетарского* искусства, который много для него сделал и еще больше может сделать. Всякая фракция социал-демократической партии может законно гордиться принадлежностью к ней Горького, но на этом основании вставлять в *платформу* «пролетарское искусство» значит выдавать этой платформе свидетельство о бед-

ности, значит сводить свою группу к литераторскому *кружку*, который изобличает себя сам именно в «авторитарности»... Авторы платформы очень много говорят против признания авторитетов, не поясняя прямо, в чем дело. Дело в том, что им кажется отстаивание материализма в философии и борьба с отзовизмом у большевиков предприятием отдельных «авторитетов» (тонкий намек на толстое обстоятельство!), которым враги махизма, дескать, «слепо доверяют». Подобные выходки, конечно, совершенно детские. Но с авторитетами именно «впередовцы» обращаются нехорошо. Горький — авторитет в деле пролетарского искусства, это бесспорно. Пытаться «использовать» (в идейном, конечно, смысле) *этот* авторитет для укрепления махизма и отзовизма — значит давать *образчик* того, как с *авторитетами* обращаться не следует.

В деле пролетарского искусства М. Горький есть громадный *плюс*, несмотря на его сочувствие махизму и отзовизму. В деле развития социал-демократического пролетарского движения *платформа*, которая обособляет в партии группу отзовистов и махистов, выдвигая в качестве специальной групповой задачи развитие, якобы, «пролетарского» искусства, есть *минус*, ибо эта платформа в деятельности крупного авторитета хочет закрепить и использовать как раз то, что составляет его слабую сторону, что входит отрицательной величиной в сумму приносимой им пролетариату громадной пользы.

II.

«ОБЪЕДИНИТЕЛЬНЫЙ КРИЗИС» В НАШЕЙ ПАРТИИ.

Прочтя это заглавие, иной читатель, пожалуй, не сразу поверит своим глазам. «Этого еще не доставало! каких только кризисов не было в нашей партии — и вдруг еще новый кризис, *объединительный*?»

Выражение, которое звучит так странно, заимствовано мною у Либкнехта. Он употребил его в 1875 году в письме (от 21 апреля) к Энгельсу, рассказывая об объединении лассалеанцев и эйзенахцев. Маркс и Энгельс полагали тогда, что из этого объединения ничего хорошего не выйдет. Либкнехт опровергал их опасения и уверял, что немецкая социал-демократическая партия, пережившая успешно всякие кризисы, перенесет и «объединительный кризис» (см. Gustav Mayer: «Johann Baptist von Schweitzer und die Sozialdemokratie». Jena 1909. S. 424).

Не подлежит ни малейшему сомнению, что и наша партия, Р. С.-Д. Р. П., успешно переживет *свой* объединительный кризис. А что она сейчас переживает таковой, это видит всякий, кто знаком с решениями пленарного собрания Ц. К. и с событиями

после пленума. Если судить по резолюциям пленума, — объединение может казаться самым полным и совершенно законченным. Если судить по тому, что есть теперь, в начале мая 1910 г., по решительной борьбе Ц. О. с «Голосом Социал-Демократа», издаваемым ликвидаторами, по разгоревшейся полемике Плеханова и других партийных меньшевиков с «голосовцами», по архиругательному выступлению против Ц. О. «группы Вперед» (см. только что вышедший листок ее: «К товарищам большевикам») [163]), — то человеку, стоящему в стороне, легко может показаться *всякое* объединение призраком.

Ликуют прямые враги партии. Неистово бранятся сторонники и прикрыватели отзовизма «впередовцы». Еще озлобленнее ругаются вожди ликвидаторов — Аксельрод, Мартынов, Мартов, Потресов и другие — в своем «Необходимом дополнении к Дневникам Плеханова» [164]). Разводят руками, жалуются и говорят беспомощные фразы «примиренцы» (см. резолюцию, принятую 17 апреля 1910 г. «Венским партийным социал-демократическим клубом», стоящим на точке зрения Троцкого [165]).

Но на самый важный и основной вопрос *о причинах* того, почему наше партийное объединение идет так, а не иначе, почему (кажущееся) полное объединение на пленуме сменилось теперь (кажущимся) полным разъединением, а также на вопрос о том, каково, в силу «соотношения сил» внутри и вне нашей партии, *должно* быть направление дальнейшего ее развития, — на эти основные вопросы не дают никакого ответа ни ликвидаторы (голосовцы), ни отзовисты (впередовцы), ни примиренцы (Троцкий и «венцы»).

Брань и фраза не ответ.

1. ДВА ВЗГЛЯДА НА ОБЪЕДИНЕНИЕ.

Ликвидаторы и отзовисты с трогательным единодушием ругают на все корки большевиков (первые еще Плеханова). Виноваты большевики, виноват Большевистский Центр, виноваты «индивидуалистические» замашки Ленина и Плеханова» (стр. 15 «Необходимого дополнения»), виновата «безответственная группа» «бывших членов Большевистского Центра» (см. листок группы «Вперед»). Солидарность у ликвидаторов и отзовистов в этом отношении полнейшая; их *блок* против ортодоксального большевизма (блок, характеризовавший *не раз* и борьбу на пленуме, о чем особо ниже) есть бесспорный факт; представители двух крайних течений, одинаково выражающих подчинение буржуазным идеям, одинаково антипартийных, сходятся целиком в своей внутрипартийной политике, в борьбе с большевиками и провозглашении Ц. О. «большевистским». Но самая сильная брань Аксельрода и Алексинского только прикрывает их полное непонима-

ние смысла и значения партийного объединения. Резолюция Троцкого (— венцев) только по внешности отличается от «излияний» Аксельрода и Алексинского. Она составлена очень «осторожно» и претендует на «сверхфракционную» справедливость. Но в чем ее смысл? Во всем виноваты-де «большевистские вожди», — это та же «философия истории», что у Аксельрода и Алексинского.

В первом же абзаце венской резолюции говорится: «..представители всех фракций и течений... своим решением» (на пленуме) «сознательно и обдуманно брали на себя ответственность за проведение принятых резолюций *в данных условиях, в сотрудничестве с данными лицами, группами и учреждениями*». Речь идет о «конфликтах в Ц.О.». Кто «ответственен за проведение резолюций» пленума в Ц.О.? Ясно: большинство Ц.О., т.-е., большевики с поляками; они и ответственны за проведение резолюций пленума — «*в сотрудничестве с данными лицами*», т.-е. с голосовцами и впередовцами.

О чем говорит главная резолюция пленума, в той своей части, которая посвящена наиболее «больным» вопросам нашей партии, вопросам, которые были всего более спорны до пленума и которые должны были стать всего менее спорными после пленума?

О том, что *проявлением буржуазного влияния на пролетариат* является, с одной стороны, отрицание нелегальной социал-демократической партии, принижение ее роли и значения и т. д., с другой стороны, отрицание думской работы с.-д. и использования легальных возможностей, непонимание важности того и другого и т. д.

Теперь спрашивается, какой же смысл имеет эта резолюция:

Тот ли, что голосовцы должны были искренне и бесповоротно поставить крест над отрицанием нелегальной партии, принижением ее и т. д., должны были признать это уклонением, должны были избавиться от него, вести положительную работу в духе, враждебном этому отклонению; — что впередовцы должны были искренне и бесповоротно поставить крест над отрицанием думской работы и легальных возможностей и т. д.; — что большинство Ц.О. должно было всячески привлечь к «сотрудничеству» голосовцев и впередовцев *при условии* искреннего, последовательного и бесповоротного отречения их от подробно описанных в резолюции пленума «уклонений»?

Или смысл резолюции тот, что большинство Ц.О. ответственно за проведение резолюций (о преодолении ликвидаторских и отзовистских уклонений) «*в сотрудничестве с данными*» голосовцами, *продолжающими* по-прежнему и даже еще грубее защищать ликвидаторство, с данными впередовцами, продолжающими по-прежнему и даже еще грубее отстаивать законность отзовизма, ультиматизма и т. п.?

Достаточно поставить этот вопрос, чтобы видеть, как бессодержательны звонкие фразы в резолюции Троцкого, — как они служат *на деле* отстаиванию той же самой позиции, на которой стоят Аксельрод и К°, Алексинский и К°.

Троцкий выразил в первых же словах своей резолюции весь дух самого худого примиренчества, «примиренчества» в кавычках, примиренчества кружкового, обывательского, берущего «данных лиц», а не данную линию, не данный дух, не данное идейно-политическое содержание партийной работы.

Ведь в этом вся бездна различия между «примиренчеством» Троцкого и К°, — которое на деле служит самую верную службу ликвидаторам и отзовистам, а потому является тем более опасным злом в партии, чем хитрее, изысканнее, фразистее оно прикрывается, якобы, партийными и, якобы, анти-фракционными декламациями, — и между партийностью действительной, которая состоит в очищении партии от ликвидаторства и отзовизма.

Что нам дано, в самом деле, как задача партии?

«Даны» ли «данные лица, группы и учреждения», которые надо «примирить» независимо от их линии, независимо от содержания их работы, независимо от их отношения к ликвидаторству и отзовизму?

Или нам дана партийная линия, дано идейно-политическое направление и содержание всей нашей работы, дана задача очищения этой работы от ликвидаторства и отзовизма, — задача, которая должна осуществляться независимо от «лиц, групп и учреждений», вопреки противодействию несогласных с этой линией или не проводящих ее «лиц, учреждений и групп»?

Возможны два взгляда на значение и условия осуществления какого бы то ни было партийного объединения. Понять различие этих взглядов крайне важно, ибо они перепутываются и смешиваются в ходе развития нашего «объединительного кризиса», и без отмежовки одного взгляда от другого невозможно разобраться в этом кризисе.

Один взгляд на объединение может ставить на первый план «примирение» «данных лиц, групп и учреждений». Единство их взглядов на партийную работу, на линию этой работы — дело второстепенное. Разногласия надо стараться замалчивать, а не выяснять их корней, их значения, их объективных условий. «Примирить» лица и группы — в этом главное. Если они не сходятся на проведении общей линии, — надо истолковать эту линию так, чтобы она была приемлема для всех. Живи и жить давай другим. Это — «примиренчество» обывательское, неизбежно приводящее к кружковой дипломатии. «Заткнуть» источники разногласий, замолчать их, «уладить» во что бы то ни стало «конфликты», нейтрализовать враждующие направления — вот на что направлено главное внимание подобного «примиренчества». По-

нятно, что в условиях заграничной базы для операций нелегальной партии эта кружковая дипломатия открывает настежь двери для «лиц, групп и учреждений», играющих роль «честных маклеров» при всяческих попытках «примирения» и «нейтрализации».

Вот как рассказывает об одной такой попытке на пленуме Мартов в № 19—20 «Голоса»:

«Меньшевики, «правдисты» и бундовцы предлагали такой состав Ц. О., который обеспечил бы «*нейтрализацию*» двух противоположных течений партийной мысли, не дал бы определенного большинства ни одному из них и тем самым *вынуждал* бы партийный орган вырабатывать по каждому существенному вопросу ту *среднюю линию*, которая может объединить большинство партийных работников».

Предложение меньшевиков, как известно, не прошло. Троцкий, поставивший свою кандидатуру в Ц.О. в качестве *нейтрализатора*, провалился. Кандидатура на ту же должность бундовца — эту кандидатуру в своих речах предлагали меньшевики — не ставилась и на голосование.

Вот вам *фактическая* роль тех «примиренцев» в худом смысле слова, которые писали венскую резолюцию и взгляды которых выражены в сейчас только полученной мной статье Ионова в № 4 «Откликов Бунда» [166]). Меньшевики *не решались* предлагать Ц.О. с большинством *их* направления, — признавая в то же время, как видно из приведенного мною рассуждения Мартова, *два противоположные течения* в партии. Меньшевикам и в голову не приходило предлагать Ц.О. с большинством *их* направления. Они даже и не покушались добиваться Центрального Органа с определенным направлением (до такой степени ясно было на пленуме отсутствие направления у меньшевиков, от которых только еще требовалось, только еще ожидалось искреннее и последовательное отречение от ликвидаторства). Меньшевики добивались в Ц.О. «нейтрализации» и в качестве *нейтрализаторов* выдвигали бундовца или Троцкого. Бундовец и Троцкий должны были играть роль свахи, которая взяла бы на себя «сочетание браком» «данных лиц, групп и учреждений» независимо от того, отреклась ли бы одна сторона от ликвидаторства или нет.

Эта точка зрения свахи и составляет всю «идейную основу» примиренчества Троцкого и Ионова. Когда они жалуются и плачут по поводу того, что объединения не вышло, то это следует понимать cum grano salis*). Это надо понимать так, что сватовства не вышло. «Неудача» тех надежд на объединение, которые питали Троцкий и Ионов, надежд на объединение с «*данными лицами, группами и учреждениями*» независимо от их отношения к ликвидаторству, означает только неудачу свах, означает

*) — с большим ограничением. *Ред.*

неверность, безнадежность, мизерность точки зрения свахи, но вовсе еще не означает неудачи партийного объединения.

Есть другой взгляд на это объединение. Этот другой взгляд состоит в том, что целый ряд глубоких, объективных причин, независимых от того или иного состава «данных (пленуму и на пленуме) лиц, групп и учреждений», давно уже начал вызывать и продолжает неуклонно вызывать в двух старых, двух главных русских фракциях с.-д. такие изменения, которые создают — иногда вопреки воле и даже сознанию кое-кого из «данных лиц, групп и учреждений», создают — идейные и организационные основы объединения. Эти объективные условия коренятся в особенностях переживаемой нами эпохи буржуазного развития России, эпохи буржуазной контр-революции и попыток самодержавия реорганизоваться по типу буржуазной монархии. Эти объективные условия создают в одно и то же время и в неразрывной связи одно с другим изменения в характере рабочего движения, в составе, типе, облике рабочего с.-д. авангарда и изменения в идейно-политических задачах социал-демократического движения. Поэтому, не случайностью, не какой-нибудь индивидуальной злонамеренностью, глупостью или ошибкой, а неизбежным результатом действия этих объективных причин — и неотделимой от «базиса» надстройкой над всем рабочим движением современной России — является то буржуазное влияние на пролетариат, которое создает ликвидаторство (= полулиберализм, желающий причислять себя к с.-д.) и отзовизм (= полуанархизм, желающий причислять себя к с.-д.). Сознание опасности, несоциал-демократичности, вреда для рабочего движения обоих уклонений вызывает сближение элементов различных фракций и пролагает дорогу партийному объединению «через все препятствия».

С этой точки зрения объединение может идти медленно, трудно, с колебаниями, шатаниями, рецидивами, но оно не может не идти. С этой точки зрения объединение идет вовсе не обязательно между «*данными лицами, группами и учреждениями*», а независимо от данных лиц, подчиняя их себе, отбрасывая из «данных» тех, кто не сознает или не хочет сознать требований объективного развития, выдвигая и привлекая новых лиц, к составу «данных» не принадлежащих, производя изменения, перетасовки, перегруппировки внутри старых фракций, течений, делений. С этой точки зрения объединение неотделимо от его идейной основы, оно только на основе идейного сближения и вырастает, оно связано с появлением, развитием, ростом таких уклонений, как ликвидаторство и отзовизм, не случайной связью тех или иных полемических выступлений, той или иной литературной борьбы, а внутренней, неразрывной связью, как связаны причина и следствие.

2. «БОРЬБА НА ДВА ФРОНТА» И ПРЕОДОЛЕНИЕ УКЛОНЕНИЙ.

Таковы два принципиально различных, коренным образом между собой расходящихся, взгляда на сущность и значение нашего партийного объединения.

Теперь спрашивается, какой из этих взглядов лежит в основе резолюции пленума? Кто захочет вдуматься в нее, тот увидит, что *в основе* лежит второй взгляд, но в некоторых местах резолюция явно носит следы частных «поправок» в духе первого, причем эти «поправки», *ухудшая* резолюцию, *нисколько не устраняют ее основы*, ее главного содержания, насквозь проникнутого вторым взглядом.

Чтобы показать, что это так, что «поправки» в духе кружковой дипломатии носят действительно характер частных поправок, что они не меняют сути дела и принципиальной основы резолюции, я остановлюсь на затронутых уже партийной прессой отдельных пунктах и отдельных местах резолюции о положении дел в партии. Начну с конца.

Обвиняя «руководителей старых фракций» в том, что они все делают, чтобы помешать установлению единства, что они и на пленуме вели себя так же, что «каждый шаг приходилось брать у них с бою», Ионов пишет:

> «Не хотел т. Ленин «преодолевать опасные уклонения» путем «расширения и углубления социал-демократической работы». Он достаточно энергично добивался постановки в центре всех партийных начинаний теории «борьбы на два фронта». Он и мысли не допускал об уничтожении в партии «положения об усиленной охране» (стр. 22, ст. 1).

Речь идет о § 4, п. 6, резолюции о положении дел в партии. Проект этой резолюции внесен был в Ц. К. мною, и данный пункт был изменен уже после работы комиссии самим пленумом, изменен по предложению Троцкого, против которого я безуспешно боролся. У меня стояли в этом пункте если не буквально слова: «борьба на два фронта», то во всяком случае слова, выражающие эту мысль. «Преодоление путем расширения и углубления» вставлено по предложению Троцкого. Я очень рад, что т. Ионов своим рассказом о моей борьбе против этого предложения дает мне удобный повод высказаться о значении «поправки».

Ничто не возбуждало на пленуме такого ярого — зачастую комического — негодования, как мысль о «борьбе на два фронта». Одно упоминание об этом выводило из себя и впередовцев и меньшевиков. Это негодование исторически вполне объяснимо, ибо большевики провели *на деле*, с августа 1908 г. до января 1910 года, борьбу на два фронта, т.-е. борьбу с ликвидаторами

и отзовистами. Комично же было это негодование потому, что сердившиеся на большевиков только доказывали этим свою виновность, доказывали, что их продолжает задевать всякое осуждение ликвидаторства и отзовизма. На воре шапка горит.

Предложение Троцкого поставить вместо борьбы на два фронта — «преодоление путем расширения и углубления» встретило горячую поддержку меньшевиков и впередовцев.

И теперь ликуют по поводу этой «победы» и Ионов, и «Правда», и венская резолюция, и «Голос Социал-Демократа». Но, спрашивается, изгнав из этого пункта слова о борьбе на два фронта, изгнали ли признание необходимости этой борьбы из резолюции? *Нисколько*, ибо раз признаны «уклонения», признана их «опасность», признано необходимым «разъяснять» эту опасность, признано, что уклонения суть «проявление буржуазного влияния на пролетариат», то этим, *по сути дела*, как раз борьба на два фронта признана! Изменили в одном месте «неприятный» (для того или иного кума) термин, но оставили основную мысль! Получилось только запутывание, разжижение водицей, ухудшение фразой одной части одного пункта.

В самом деле, это — именно фраза и беспомощная увертка, если в данном параграфе говорится о преодолении путем расширения и углубления работы. Никакой ясной мысли тут нет. Работу расширять и углублять необходимо всегда и безусловно; об этом весь *третий* параграф резолюции говорит подробно, говорит раньше перехода к специфическим, — не всегда и не безусловно обязательным, а условиями особого периода порожденным, — «идейно-политическим задачам». Только этим особым задачам посвящен § 4-ый, и в введении ко всем его трем пунктам прямо говорится, что эти идейно-политические задачи «*выдвинулись* в свою очередь».

Что же получилось? Получилась бессмыслица, будто задача расширения и углубления работы *тоже* выдвинулась в свою очередь! Как будто *может* быть такая историческая «очередь», когда *эта* задача не стоит, как и всегда!

И каким образом можно преодолевать уклонения *путем* расширения и углубления социал-демократической работы? При всяком расширении и при всяком углублении неизбежно встанет вопрос, как расширять и как углублять; если ликвидаторство и отзовизм не случайность, а порожденные социальными условиями течения, то они могут пробиться во всякое расширение и во всякое углубление работы. Можно расширять и углублять работу в духе ликвидаторства — это делают, например, «Наша Заря» и «Возрождение» [167]); можно делать это и в духе отзовизма. С другой стороны, преодоление уклонений, в настоящем значении слова «преодоление», неизбежно отвлекает известные силы, время, энергию от непосредственного расширения и углубления правильной

социал-демократической работы. Например, тот же Ионов на той же странице своей статьи пишет:

«Пленум кончился. Участники его разъехались. Центральному Комитету приходится при налаживании работы преодолевать неимоверные трудности, среди которых не последнее место занимает поведение, так называемых» (только так называемых, т. Ионов, а не настоящих, не доподлинных?), «ликвидаторов, существование которых т. Мартов так настойчиво отрицал».

Вот вам материал — маленький, но характерный материал — для пояснения того, насколько пусты фразы Троцкого и Ионова. Преодоление ликвидаторских шагов Михаила, Юрия и К⁰ отнимало силы и время Ц. К. от непосредственного расширения и углубления действительно социал-демократической работы. Если бы не было поступков Михаила, Юрия и К⁰, если бы не было ликвидаторства среди тех, кого мы ошибочно продолжаем считать своими товарищами, тогда расширение и углубление социал-демократической работы шли бы успешнее, ибо внутренняя борьба не отвлекала бы силы партии. Значит, если понимать под расширением и углублением социал-демократической работы непосредственное развитие агитации, пропаганды, экономической борьбы и т. д. в действительно социал-демократическом духе, то для этой работы преодоление уклонений социал-демократов от социал-демократизма есть минус, вычет, так сказать, из «положительной деятельности», а, следовательно, фраза о преодолении уклонений *путем* расширения и т. д. не имеет смысла.

Эта фраза на самом деле выражает смутное пожелание, доброе, невинное пожелание, чтобы внутренней борьбы среди социал-демократов было поменьше! Ничего кроме этого невинного пожелания не отразилось в этой фразе; это — *вздох*, так называемых, примиренцев: о, если бы поменьше борьбы с ликвидаторством и отзовизмом!

Политическое значение подобного «воздыхания» — нуль, хуже нуля. Если есть люди в партии, которым выгодно «настойчиво отрицать» существование ликвидаторов (и отзовистов), то они используют «вздох» «примиренцев» для прикрытия зла. Так «Голос Социал-Демократа» и поступает. И поэтому, защитники подобных благонамеренно-пустых фраз в резолюциях — лишь, *так называемые*, «примиренцы». На деле они пособники ликвидаторов и отзовистов, на деле они углубляют не социал-демократическую работу, а укрепляют именно уклонения от нее, укрепляют именно зло, временно пряча его, затрудняя исцеление от него.

Чтобы иллюстрировать т. Ионову значение этого зла, я напомню ему одно место из статьи т. Ионова в № 1 «Дискуссионного Листка». Тов. Ионов удачно сравнил ликвидаторство и отзовизм с *доброкачественным нарывом*, который «в процессе нарывания

стягивает к себе со всего организма всякие вредные элементы и таким образом способствует его оздоровлению» [168]).

Вот именно. Процесс нарывания, выводящий из организма «вредные элементы», ведет к оздоровлению. А то, что затрудняет очистку организма от таких элементов, приносит ему вред. Пусть т. Ионов подумает над этой полезной мыслью т. Ионова!

3. УСЛОВИЯ ОБЪЕДИНЕНИЯ И КРУЖКОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ.

Далее. Редакционная статья «Голоса» об итогах пленума заставляет нас коснуться вопроса об удалении из резолюции слов: ликвидаторство и отзовизм. В этой редакционной статье (№ 19—20, стр. 18) с необыкновенной, невиданной нигде (кроме как у наших голосовцев)... смелостью заявляется, что термин «ликвидатор» — каучуковый, что он «*плодил всякие недоразумения*» (sic!!) и т. д., почему «Ц. К. решил устранить из резолюции этот термин» [169]).

Как назвать такое изложение решений Ц. К. об устранении термина, когда редакторы «Голоса» не могут не знать того, что это изложение противоречит истине? На что рассчитывали эти редакторы, двое из которых были на пленуме и знают «историю» устранения термина? Неужели они рассчитывали на то, что их не разоблачат?

В комиссии, вырабатывавшей резолюцию, большинство утвердило сохранение термина. Из двух меньшевиков, бывших в комиссии, один (Мартов) голосовал за его устранение, *другой* (склонявшийся неоднократно к позиции Плеханова) *против*. На пленуме всеми националами (2 поляка + 2 бундовца + 1 латыш) и Троцким было внесено следующее заявление:

> «Находя, что по существу было бы желательно назвать «ликвидаторством» указанное в резолюции течение, с которым необходимо бороться, но, принимая во внимание заявление тт. меньшевиков, *что и они считают необходимым бороться с этим течением*, но употребление в резолюции такого термина имеет фракционный, направленный против них, меньшевиков, характер, — мы, в интересах уничтожения всяких лишних помех к объединению партии, предлагаем выкинуть этот термин из резолюции».

Итак, большинство Ц. К., и притом именно все нефракционные элементы, заявляет письменно, что слово ликвидаторство по существу правильно и что бороться с ликвидаторством необходимо, а редакция «Голоса» объясняет устранение термина его непригодностью по существу!!

Большинство Ц. К., и притом именно все нефракционные элементы, заявляет письменно, что соглашается на устранение термина, уступая настояниям меньшевиков (вернее: уступая ульти-

матуму, ибо меньшевики заявили, что иначе резолюция не будет единогласной), ввиду их обещания «*бороться с этим течением*», а редакция «Голоса» пишет: резолюция дала «недвусмысленный ответ на вопрос о, так называемой, «борьбе с ликвидаторством»» (стр. 18 там же)!!

На пленуме они обещают исправиться, просят: не употребляйте «направленного против *нас* термина», ибо мы отныне сами будем бороться с этим течением, — а в первом номере «Голоса» после пленума провозглашают борьбу с ликвидаторством, так называемой, борьбой.

Ясно, что мы имеем здесь со стороны голосовцев полный и решительный поворот к ликвидаторству, поворот, который станет понятным, если взглянуть, как на нечто цельное, связное, причинно-обусловленное, на то, что произошло после пленума, — особенно на выступления «Нашей Зари», «Возрождения» и господ, вроде Михаила, Юрия, Романа и К⁰. Об этом мы будем говорить ниже, и нам придется показать там всю поверхностность точки зрения Троцкого, склонного сваливать все на «нарушение нравственно-политических обязательств» (венская резолюция), тогда как перед нами, очевидно, не личное или групповое «нарушение обязательств», не моральный, не юридический акт, а *политический*, именно: сплочение антипартийных легалистов в России.

Теперь же следует остановиться на другом вопросе, именно на вопросе о причинах и значении такого шага пленума, как устранение слова ликвидаторство из резолюции. Объяснять это исключительно усердием не по разуму таких примиренцев, как Троцкий, Ионов и К⁰, было бы неправильно. Тут есть еще другой момент. Дело в том, что значительная часть решений пленума проводилась не по обычному принципу подчинения меньшинства большинству, а по принципу *соглашения* двух фракций, большевиков и меньшевиков, при посредничестве националов. На это обстоятельство, повидимому, намекает в «Откликах Бунда» тов. Ионов, когда он пишет: «Товарищи, цепляющиеся теперь за формалистику, прекрасно знают, чем бы кончился последний пленум, если бы он стал на формальную точку зрения».

Тов. Ионов в этой фразе говорит намеками. Подобно Троцкому, он считает такой способ изложения своих мыслей особенно «тактичным», нефракционным и специфически-партийным. На самом деле это именно образ действия кружковых дипломатов, ничего не приносящий, кроме вреда, партии и партийности. Намеки пропадают для одних, разжигают кружковое любопытство других, подстрекают к сплетне и наушничанию третьих. Поэтому намеки Ионова необходимо расшифровать. Если он говорит здесь не о том, что пленум по ряду вопросов стремился к соглашению (а не простому решению большинством), то

приглашаем его выразиться яснее и не вводить в соблазн заграничных кумушек.

Если же Ионов говорит здесь о соглашении фракций на пленуме, то его слова против «товарищей, цепляющихся теперь за формалистику», наглядно показывают нам еще одну черту тех, якобы, примиренцев, которые на деле тайком помогают ликвидаторам.

Ряд единогласных решений принят на пленуме по *соглашению* фракций. Почему это было необходимо? Потому, что фактически фракционные отношения равнялись расколу, а при всяком расколе всегда и неизбежно дисциплина целого коллектива (в данном случае: партии) приносится в жертву дисциплине части коллектива (в данном случае: фракции).

К единству нельзя было итти при русских партийных отношениях иначе, как через соглашение фракций (всех ли фракций или главных, частей ли фракций или фракций полностью, это — вопрос другой). Отсюда — необходимость компромисса, т.-е. таких уступок в некоторых пунктах, которые не признавались большинством, а требовались меньшинством. Одной из таких компромиссных уступок было удаление из резолюции слова: ликвидаторство. Особенно рельефным проявлением этого компромиссного характера решений пленума является *условная* передача большевиками их *фракционного* имущества *третьим* лицам. Часть партии условно передает свое имущество третьим лицам (из международной социал-демократии), которые должны будут решать, отдать ли эти деньги Ц. К. или вернуть фракции. Совершенно необычный и невозможный в нормальной, нерасколовшейся партии характер этого договора ясно показывает, на каких *условиях* большевики принимали соглашение. Декларация большевиков, напечатанная в № 11 Ц. О., говорит ясно, что основным идейно-политическим условием является проведение резолюции, «осуждающей ликвидаторство и отзовизм и признающей борьбу с этими течениями за неотъемлемый элемент политической линии партии», что одним из обеспечений проведения этой линии в жизнь является состав Ц. О., что продолжение фракционного органа и фракционной политики меньшевиками дает право большевикам «потребовать от держателя возврата денег». Ц. К. *принял* эти условия, прямо сославшись в резолюции о фракционных центрах на эту декларацию большевиков [170]).

Спрашивается, подлежат эти условия выполнению или нет? Формальны эти условия или нет? Тов. Ионов, пренебрежительно говорящий о «формалистике», не понял самого элементарного различия между соглашением, как основой договора (= условия о передаче большевиками денег, условия, утвержденного единогласной резолюцией Ц. К. о фракционных центрах), и соблюдением формальных условий договора, как основой сохранения единства.

Если тов. Ионов теперь, после единогласной резолюции Ц. К. о фракционных центрах, презрительно махает рукой на «формалистику», то он этим махает рукой на *все* решение Ц. К. о фракционных центрах. Софизм тов. Ионова сводится вот к чему: сумма решений Ц. К. достигнута не только проведением резолюций по большинству голосов, но и соглашением враждующих течений по некоторым важнейшим вопросам; — следовательно, и *впредь* не обязательны формально эти решения, а меньшинство вправе требовать соглашения! *Так как* в решениях Ц. К. есть элемент соглашения, то *всегда* можно эти решения рвать, ибо соглашение дело добровольное!

Разве подобная софистика не есть плохо прикрытая защита ликвидаторов?

Но если софизмы Ионова не более, как смешны, то в стремлении Ц. К. (пленума) сделать максимум возможных уступок был момент психологически и политически верный, правильный. Меньшевики и отзовисты сходились в бешеных нападках на Б. Ц. (Большевистский Центр), против которого выдвигались самые свирепые обвинения. Не принципиальные разногласия, а «злостность» Б. Ц. — вот что нас больше всего и в первую голову отдаляет от партии, говорили и меньшевики и отзовисты *).

Это — очень важное обстоятельство, не уяснив которого нельзя понять, почему именно таким, а не другим, является ход нашего объединительного кризиса. Принципиальных защитников ликвидаторства и отзовизма *не было*: ни меньшевики, ни впередовцы *не решались* занимать подобной позиции. Тут сказалась давно уже отмеченная в нашей литературе (и не раз отмечавшаяся в международной литературе против оппортунистов) черта современных «критиков» марксизма и критиков действительно марксистской тактики: нерешительность, беспринципность, прятанье «новой» линии, прикрывание последовательных представителей ликвидаторства и отзовизма. Мы — не ликвидаторы, это фракционный термин, — кричали меньшевики. Мы — не отзовисты, это фракционное преувеличение, — вторили им впередовцы. И тысячи обвинений против Б. Ц. по всем и всяческим делам вплоть до, так называемой, «уголовщины» (читай: экспроприации) сыпались *в целях* затушевания и оттеснения на второй план принципиально-политических разногласий.

Большевики ответили на это: хорошо, господа, пусть Ц. К. разберет *все* ваши обвинения и учинит по ним «суд и расправу». Пять национальных социал-демократов входят в пленум, — от них зависит решение вообще, тем более единогласное решение. Пусть

*) Ср. отзыв Ионова: «Не менее настойчиво твердил пленуму т. Мартов, что «опасные уклонения» вправо — выдумка злостных большевиков, что один враг у Партии, это — большевистский центр с его фракционным хозяйничанием» (стр. 22 цитир. ст.).

они и явятся «судьями» в разборе ваших (т.-е. меньшевистских и впередовских) обвинений и удовлетворении ваших претензий к Б. Ц. Большевики пошли дальше. Они согласились на максимум компромиссов в резолюциях, потребованных меньшевиками и впередовцами.

И вот максимум уступок в резолюциях о положении дел в партии и о конференции сделан, все «обвинения» рассмотрены и *все претензии к Б. Ц. удовлетворены* на основании решения *всех пяти националов социал-демократов.*

Только таким путем можно было отнять у противников партийной линии, т.-е. анти-ликвидаторской линии, *всякую возможность отговорок, всякую возможность увернуться от принципиальной постановки вопроса.* И эту возможность у них отняли.

Если теперь Аксельрод и Мартов с К° в «Необходимом дополнении», Алексинский и К° в листке впередовцев пытаются опять вытащить на свет божий обвинения против Б. Ц., сплетни, клеветы, ложь и инсинуации, — то эти господа сами изрекают себе приговор. Отрицать то, что пленум *единогласно все* обвинения их рассмотрел, *все* обвинения своей резолюцией отмел и признал отметенными, — отрицать этого нельзя, отрицать этого ни те, ни другие герои склоки не могут. А если так, то для всех и каждого ясно теперь, что поднимающие опять склоку (Аксельрод, Мартов, Алексинский и К°)—просто политические шантажисты, желающие сплетней замять принципиальные вопросы. И иначе, как политических шантажистов, мы их третировать не будем. Иными вопросами, кроме вопроса о проведении партией анти-ликвидаторской и анти-отзовистской линии, мы заниматься не будем, предоставляя Аксельроду, Мартову, Алексинскому купаться в помоях сколько им угодно.

Компромиссы и уступки большевиков, их согласие на резолюции, во многом недостаточно решительные, были необходимы для чистоты принципиальной размежевки. Удовлетворив *все* претензии меньшевиков и отзовистов, признанные правильными большинством националов *), большевики добились того, что для социал-демократов без различия направлений, для всех, кроме профессиональных шантажистов, вопрос встал исключительно о проведении партийной линии, анти-ликвидаторской и анти-отзовистской. Никому, ни единому человеку в партии, не был загражден доступ к партийной работе, к участию в проведении этой линии; никаких помех ее проведению, никаких посторонних мешающих обстоятельств не осталось по решению, которое зависело от националов социал-демократов. И если теперь снова и еще более

*) Напомним, что решающие голоса имели на пленуме 4 меньшевика, 4 большевика, 1 впередовец, 1 латыш, 2 бундовца и 2 поляка, т.-е. против меньшевиков и впередовцев большевики не имели большинства даже с поляками и латышем: решали бундовцы.

явно показали себя ликвидаторы, то этим *доказано*, что посторонние помехи были выдумкой, отводом глаз, сплетнической уверткой, приемом кружковых интриганов, не более того.

Поэтому, размежевка и разборка и началась настоящим образом только после пленума; идет эта разборка исключительно по важнейшему принципиальному вопросу — о ликвидировании нашей партии. Те «примиренцы», которые ошеломлены, огорчены, удивлены тем, что размежевка началась после пленума, доказали своим удивлением только свое пленение кружковой дипломатией. Кружковой дипломат мог думать, что условное соглашение с Мартовым и Мартыновым, Максимовым и вторым впередовцем[171]) есть конец всякой размежевки, ибо принципиальные разногласия для такого дипломата — дело второстепенное. Наоборот, для кого принципиальный вопрос о ликвидаторстве и отзовизме стоит на первом месте,—нет ничего удивительного в том, что именно *после* удовлетворения *всех* претензий Мартова, Максимова и проч., именно *после* максимальных уступок им в вопросах организационных и т. п., должна была начаться размежевка чисто принципиальная.

То, что происходит в партии после пленума, не есть крах партийного объединения, а есть начало объединения тех, кто действительно может и хочет работать в партии и по-партийному, есть начало очистки действительно партийного блока большевиков, партийцев-меньшевиков, националов, нефракционных социал-демократов от враждебных партии ренегатов, от полулибералов и полуанархистов *).

4. О ПАРАГРАФЕ 1-ом РЕЗОЛЮЦИИ О ПОЛОЖЕНИИ ДЕЛ В ПАРТИИ.

Продолжая разбор недостатков резолюций пленума, я должен остановиться теперь на первом пункте резолюции о положении дел в партии. Этот пункт не затрагивает, правда, таких вопросов, которые непосредственно связаны с тем или иным пониманием партийного объединения, но мне придется сделать отступление,

---

*) Между прочим. К характеристике блока голосовцев и впередовцев против большевиков (блока, вполне подобного блоку жоресистов и эрвеистов против гэдистов) может служить следующий факт. В «Необходимом дополнении» Мартов издевается над Плехановым за то, что он придает значение составу комиссии о школе. Мартов фальшивит. На пленуме тот же Мартов, вместе со всеми меньшевиками, вместе с Максимовым и при помощи Троцкого *боролся за резолюцию* о признании отзовистской школы в NN партийною, с которой Ц. К. *должен войти в соглашение!* Нам с трудом удалось провалить этот антипартийный блок.

Конечно, раз голосовцы и впередовцы входят в партию, они вполне *вправе* входить в блоки. Дело не в праве, а в принципиальности блока. Это — *блок беспринципных* против партийности и принципиальности.

ибо толкование этого первого пункта вызвало уже не мало споров в партии.

В моем проекте резолюции вовсе не было этого пункта, и я — как и вся редакция «Пролетария» — боролся против него самым решительным образом. Пункт был проведен меньшевиками и поляками, которых часть большевиков предупреждала самым настойчивым образом, что толкование этого неясного, туманного пункта неминуемо будет плодить недоразумения или — еще хуже — служить службу ликвидаторам.

Нечего и говорить, что целый ряд положений этого пункта критиковался мною на пленуме ввиду их бессодержательности, пустоты, тавтологичности. Говорить, что тактика социал-демократов всегда едина в своей принципиальной основе — и не определять, в чем эти принципиальные основы состоят, почему и о каких именно основах (марксизм вообще или то или иное из положений марксизма) здесь идет речь; — говорить, что тактика с.-д. всегда рассчитана на максимум результатов и не определять ни ближайшей цели (ближайших возможных результатов) борьбы в данный момент, ни специфических приемов борьбы этого данного момента; — говорить, что тактика рассчитана на различные пути, которыми может пойти развитие, и не определять конкретно этих путей, — говорить труизмы о том, что тактика должна содействовать накоплению сил, делать пролетариат готовым и к открытой борьбе и к использованию противоречий неустойчивого режима, — все это недостатки очевидные, бросающиеся в глаза, превращающие весь пункт в ненужный и негодный балласт.

Но есть еще нечто худшее в этом пункте. Есть в нем лазейка для ликвидаторов, на которую было указано во время пленума различными членами его, не только большевиками, но и одним из бундовцев и даже Троцким. Это — фраза о том, что для сознательного пролетариата «*впервые* открывается возможность, организуясь в массовую социал-демократическую партию, применять сознательно, планомерно и последовательно этот тактический метод международной социал-демократии». (Какой *этот* метод? Речь шла раньше о принципиальных основах тактики, а не о методе ее и тем менее о каком-либо определенном методе.)

Почему *впервые*, — спрашивали критики этого пункта на пленуме. Если потому, что всякий шаг развития страны дает нечто новое, более высокое и в уровне техники и в определенности классовой борьбы и т. п., тогда перед нами опять банальность. Тогда всякий момент всегда и безусловно дает нечто такое, что является *впервые* по сравнению с прошлым моментом. Но мы переживаем определенный момент, момент контр-революционного упадка, момент громадного понижения энергии масс и социал-демократического рабочего движения после революционного подъема. И

если такой момент характеризуется, как дающий *впервые* пролетариату возможность применять сознательно и т. д. метод международной социал-демократии, то и эти слова неминуемо поведут к толкованию ликвидаторскому, к чисто либеральному превознесению третье-думского, якобы, мирного и, якобы, законного периода над периодом бури и натиска, над периодом революции, когда борьба пролетариата шла в непосредственно революционных формах и либералы ругали ее «безумием стихии».

Чтобы обратить особое внимание на эту опасность ликвидаторского толкования архи-неясного пункта, я внес целый ряд письменных заявлений на этом заседании пленума, подчеркивая ряд мест из речей ораторов. Вот два моих заявления:

1) «По требованию Ленина заносится в протокол из слов тов. Т. (польского с.-д.): «совершенно ложно толкование, что здесь принижение тактики революции по сравнению с контр-революцией».

2) «По требованию Ленина заносится в протокол восклицание т. Мартова («правильно!») к словам И. (большевика, защищавшего этот пункт), что спорные слова не принижают, а возвышают значение революции и ее методов по сравнению с контрреволюционными».

Оба заявления констатируют, что поляк и большевик, при согласии Мартова, категорически отрекались от самомалейшей допустимости ликвидаторского толкования этого пункта. В намерения этих двух товарищей вовсе такое толкование, разумеется, не входило.

Но давно уже известно, что применению подлежит закон, а не мотивы закона, не намерения законодателя. Значение данного пункта в агитации и пропаганде определится не благими намерениями тех или других из его авторов, не их заявлениями на пленуме, а объективным соотношением сил и направлений внутри русской части с.-д. (нерусские социал-демократы едва ли обратят особое внимание на этот неясный пункт).

Поэтому, я с особым интересом ждал, как будут теперь толковать этот пункт в печати, предпочитая не торопиться с выражением своего мнения, предпочитая сначала выслушать отзывы небывших на пленуме социал-демократов или отзывы голосовцев.

Первый же номер «Голоса» после пленума дал вполне достаточный материал к оценке нашего спора о том, как будут толковать этот пункт.

В редакционной статье «Голоса» об итогах пленума читаем:

«Совершенно немыслимо и нелепо было бы, конечно, предположить, что Ц. К. этими словами» («впервые» и т. д.) «хотел выразить косвенное осуждение нашей прошлой тактике, *поскольку она была приспоблена к революционной обстановке*» (курсив автора; № 19—20, стр. 18).

Очень хорошо! Автор объявляет ликвидаторское толкование немыслимым и нелепым. Однако, читая дальше, мы в том же самом абзаце встречаем следующее утверждение:

«Этими словами официально признана сравнительная отсталость нашей политической жизни в прошлом вопреки революционным формам, в которых она проявлялась, что, кстати говоря, было одной из главных причин поражения революции; этими словами официально признана чрезмерная элементарность нашей прошлой тактики, на которую ее обрекали отсталые общественные отношения; этими словами, наконец, официально признано, что, какова бы ни была политическая ситуация в будущем, всякая попытка вернуться к диктатуре замкнутых подпольных кружков в движении со всей связанной с этим политикой была бы решительным шагом назад».

Не правда ли, хорошо?

Не знаешь, с чего начать в разборе этого богатства «перлов».

Начну с троекратной ссылки на «официальное признание». Сколько насмешек сыпалось из того же «Голоса» на всякое официальное признание той или иной резолюцией оценки прошлого, оценки революции, оценки роли буржуазных партий и т. д.! Вот вам образчик искренности криков против «официальности»: когда голосовцам не нравится *ясное* решение партии, они подсмеиваются над претензиями «официально» решать сложные, де, научные вопросы и т. д. и т. п. — как «Sozialistische Monatshefte» *) смеются над дрезденской резолюцией против оппортунистов или как бельгийские министериалисты в наши дни смеются над амстердамской резолюцией [172]). Но зато, как только голосовцу показалось, что есть лазейка ликвидаторству, он *трижды* клянется и божится, что это «признано официально».

А когда голосовец клянется и божится, знайте, что он... уклоняется от истины. Говорить об «официальном признании» *его* толкования со стороны автора статьи тем более неумно, что *спорность толкования* этого пункта специально была предметом дебатов в Ц. К., при чем из *официально занесенных в протокол* — да, да! вот уже действительно «официально»! — заявлений, *проведших эти слова* поляка и большевика, явствует, что они толкования «Голоса» никогда не признают правильным. Осрамился только наш автор с криками об официальном признании.

Слово «впервые» признает «сравнительную отсталость прошлого» — это еще куда ни шло, хотя ни откуда не видно, почему это надо отнести именно к политической жизни, а не к другим сторонам общественного развития; но добавлять: «вопреки революционным формам» — значит высовывать слишком неосторожно ослиное ухо веховца. Можно биться об заклад, что из сотни

*) — «Социалистические Ежемесячники». *Ред.*

либералов не менее 90, прочитав это место, облобызают голосовцев, а из сотни рабочих не менее 90 отвернутся от оппортунистов. А «кстати» добавление о «причинах поражения революции» выдает участников ликвидаторского пятитомника головой: им хочется протащить свои либеральные взгляды на роль пролетариата в революции под прикрытием неясной резолюции. Поэтому они говорят об «элементарности» и даже — это заметьте! — о *чрезмерной* элементарности «нашей прошлой тактики». «Чрезмерная» элементарность тактики, — это, видите ли, вытекает из слова «впервые применять сознательно, планомерно и последовательно (в массовой партии) метод международной социал-демократии» *). Тактика эпохи открытой борьбы, эпохи сравнительной свободы печати, массовых союзов, выборов при участии революционных партий, всеобщего возбуждения населения, быстрых колебаний в политике правительства, эпохи некоторых крупных побед над правительством — эта тактика была *чрезмерно* элементарной, очевидно, по сравнению с неэлементарной тактикой 1909—1910 годов! Какой запас отреченства, какую мизерность социал-демократического понимания событий надо иметь, чтобы делать подобные толкования!

Но выводить из слова «впервые» осуждение «диктатуры (!!) замкнутых подпольных кружков» — это уже совсем бесподобно. В эпоху «чрезмерно элементарной» тактики 1905—1907 годов руководство партией рабочих гораздо больше походило, изволите видеть, на «диктатуру», чем в 1909—1910 годах, гораздо более исходило от «подпольных» организаций и именно «кружков», которые были более «замкнуты», чем в наше время! Чтобы придать этому забавному глубокомыслию вид правдоподобия, надо вспомнить, что оппортунисты и кадетолюбы чувствовали себя среди рабочих «замкнутым кружком» во время революции и находят, что теперь в *борьбе за легальность* (не шутите!) они не «замкнуты» (сам Милюков рядом с нами), они не «кружок» (у нас открытые ренегатские журналы есть), не «подпольные» и т. д. и т. п.

Впервые пролетариат, организуясь в массовую социал-демократическую партию, наблюдает среди людей, желающих считать себя его руководителями, такое *планомерное и последовательное* тяготение к либеральному ренегатству.

С этим уроком толкования пресловутого пункта о «*впервые*» должны будут волей-неволей посчитаться тот товарищ поляк

---

*) В этом духе толкует резолюцию Ц. К. и тов. Ан. (см. его статью «По поводу письма с Кавказа» в настоящем № «Дискуссионного Листка»). Тов. Ан. своей статьей подтверждает самые тяжелые обвинения автора «Письма с Кавказа», т. К. С., хотя и называет это письмо «пасквилем».[178]) К любопытной во многих отношениях статье т. Ан. мы еще вернемся.

и тот товарищ большевик *), которые официально заявляли, что находят ликвидаторское толкование *их* пункта совершенно ложным.

5. ЗНАЧЕНИЕ ДЕКАБРЬСКИХ (1908 Г.) РЕЗОЛЮЦИЙ И ОТНОШЕНИЕ К НИМ ЛИКВИДАТОРОВ.

Последние замечания о недостатках резолюции пленума приходится отнести к вводным словам к первому пункту, гласящим: «В развитие основных положений резолюций партийной конференции 1908 г., Ц. К. постановляет»... Такая формулировка есть результат уступки меньшевикам, и на этом обстоятельстве тем более приходится остановиться, что мы опять имеем здесь образец вопиюще нелойяльного отношения к уступке или вопиющей неспособности понять значение партийных определений тактики.

В проекте резолюции, одобренном большинством комиссии, и, следовательно, имевшем обеспеченное большинство голосов пленума, стояло: «*в подтверждение* резолюций декабря 1908 г. и в развитие их»... Меньшевики и здесь заявили ультимативное требование уступки, отказываясь голосовать за резолюцию в целом, если останутся слова «в подтверждение», ибо резолюции декабря 1908 г. они считают верхом «фракционности». Мы сделали требуемую уступку, не отказавшись голосовать за резолюцию без слов о подтверждении. Жалеть об этой уступке я не был бы нисколько склонен, если бы она достигла цели, т. е. встретила то лойяльное отношение меньшевиков к партийному решению, без которого совместная работа невозможна. У нашей партии *нет* иного определения ее основных задач тактики, организации думской работы в эпоху III Думы, кроме как в резолюциях декабря 1908 г. Не отрицая того, что фракционная борьба была в то время очень сильна, мы не станем настаивать на том или ином резком слове тогдашних, направленных против ликвидаторов, резолюций. Но на основных положениях их мы настаиваем безусловно, ибо говорить о партии, партийности, партийной организации — значило бы всуе бросать большие слова, если бы мы отмахивались от единственного, данного партией и подтвержденного годом работы, ответа на важнейшие, коренные вопросы, без ответа на которые нельзя сделать ни шагу ни в пропаганде, ни в агитации, ни в организации. Мы вполне готовы признать необходимость совместной работы над исправлением этих ре-

*) На пленуме эти товарищи толковали § 1 в смысле указания на рост классовой дифференциации, прогресс чисто социалистического сознания рабочих масс, на усиление буржуазной реакции. Эти мысли верны, конечно, но они *не выражены* (и *не они* выражены) в положениях, составивших § 1.

золюций, пересмотра их сообразно критике товарищей *всех* фракций и партийных меньшевиков в том числе, конечно; мы знаем, что некоторые положения этих резолюций останутся, вероятно, довольно долго в партии спорными и иначе, как по большинству голосов, решать их в ближайшем будущем не удастся. Но, *пока* этот пересмотр не предпринят и не закончен, *пока* партия не дала нового ответа на вопрос об оценке третье-думской эпохи и вытекающих из нее задач, мы *безусловно требуем*, чтобы все партийные социал-демократы, каких бы взглядов они ни были, руководились в своем действии именно этими резолюциями.

Казалось бы, это — азбука партийности? Казалось бы, иного отношения к партийным решениям и быть не могло? Но поворот к ликвидаторству, сделанный «Голосом» после пленума, заставил его и по этому вопросу воспользоваться уступкой большинства партии не для перехода к лойяльной партийной позиции, а для немедленного заявления своего недовольства размером уступки! (Голосовцы забыли только, повидимому, что кто первый поднял спор по поводу единогласно принятой компромиссной резолюции, заявив недовольство ею и требование новых уступок, новых исправлений, тот тем самым дал другой стороне право требовать исправлений в другую сторону. И мы этим правом, разумеется, воспользуемся.)

Цитированная уже мною редакционная статья «Голоса» № 19—20 об итогах пленума заявляет сразу, что вступительные слова в резолюцию есть *компромисс*. Это — правда, превращающаяся в неправду при умолчании о том, что компромиссом, который вынужден был ультиматумом меньшевиков, был отказ большинства Ц. К. от прямого *подтверждения* всех резолюций декабря 1908 г., а не только их основных положений!

«С нашей точки зрения, — продолжает «Голос», — эта фраза очень плохо вяжется с недвусмысленным содержанием важнейших пунктов резолюции, знаменуя известный перелом в партийном развитии, она, тем не менее, конечно, стоит в преемственной связи со всем прошлым российской социал-демократии, но меньше всего» (!!) «она связана именно с «лондонским наследством» [174]). Однако, мы были бы неисправимыми доктринерами, если бы мы думали, что можно с одного удара достичь абсолютного единомыслия в нашей партии, если б мы жертвовали крупным шагом вперед в движении ради местничества» (!!). «Исправление этих ошибок резолюции мы можем предоставить историкам».

Это звучит так, как если бы бывшие на пленуме голосовцы получили нагоняй за свою «уступчивость большевикам» от своих русских легалистов, вроде Потресова и К⁰, или от небывших на пленуме редакторов «Голоса» и как будто бы они извинялись перед ними. Мы, де, не доктринеры, — пусть историки исправляют ошибки резолюции!

Осмелимся заметить на это великолепное заявление, что партийные социал-демократы составляют резолюции не для историков, а для того, чтобы руководиться *на деле* этими резолюциями *в своей работе* пропаганды, агитации, организации. Другого определения задач этой работы для эпохи III Думы у партии нет. Для ликвидаторов партийные резолюции, конечно, — ноль, ибо для них вся партия ноль, для них и всей партией (а не только ее резолюциями) только «историки» могут заниматься с пользой и с интересом. Но с ликвидаторами ни большевики, ни партийные меньшевики в одной организации работать не хотят и не будут. Ликвидаторов мы попросим идти к беззаглавцам [175]) или к эн-эсам.

Если бы голосовцы лойяльно относились к партии, если бы они считались на деле с партией, а не с Потресовым и К°, с организацией революционных социал-демократов, а не с кружком легалистов-литераторов, то они свое недовольство резолюциями декабря 1908 г. выразили бы иначе. Они именно теперь, после пленума, бросили бы неприличное, только кадетам свойственное, презрительное хихиканье по поводу каких-то там «подпольных» «решений». Они принялись бы за деловой разбор этих решений и исправление их, сообразно своей точке зрения, сообразно их взгляду на опыт 1907 — 1910 годов. Вот это было бы работой для действительного партийного объединения, для сближения на одной линии социал-демократической деятельности. Отказываясь от этого, голосовцы на деле выполняют именно программу ликвидаторов. В самом деле, какова программа ликвидаторов по этому вопросу? Их программа состоит в том, чтобы игнорировать решения подпольной, осужденной на гибель и т. п. партии, противопоставляя решениям партии бесформенную «работу» вольных стрелков, называющих себя социал-демократами и устроившихся, вперемежку с либералами, народниками и беззаглавцами, в разных легальных журнальчиках, легальных обществах и т. п. Не нужно никаких резолюций, никакой «оценки момента», никакого определения наших ближайших целей борьбы и нашего отношения к буржуазным партиям, — это всё мы зовем (вслед за Милюковым!) «диктатурой замкнутых подпольных кружков» (не замечая, что своей бесформенностью, неорганизованностью, раздробленностью мы фактически отдаем «диктатуру» либеральным кружкам!).

Да, да, несомненно, что ликвидаторы ничего иного не могут требовать от голосовцев в вопросе об отношении к партийным резолюциям, как презрительной насмешки и игнорирования их.

Серьезно разбирать взгляд, что резолюция Ц. К. о положении дел в партии в 1909 — 1910 году «менее всего» связана с лондонским наследством, нельзя, потому что нелепость этого взгляда бьет в лицо. Над партией издеваются, говоря: мы готовы считаться «со всем прошлым» ее, но не с тем прошлым, которое

непосредственно связано с настоящим, и не с настоящим! Другими словами: мы готовы считаться с тем, что не определяет нашего теперешнего поведения. Мы готовы (в 1910 году) считаться «со всем прошлым» социал-демократии, кроме того прошлого, которое содержит решения о партии кадетов эпохи 1907—1908—1909 годов, о партиях трудовых эпохи 1907 — 1908 — 1909 годов, о задачах борьбы эпохи 1907 — 1908 — 1909 годов. Мы готовы считаться со всем, кроме того, с чем надо считаться, чтобы теперь быть партийцем на деле, вести партийную работу, проводить партийную работу, проводить партийную тактику, направлять партийным образом третьедумскую социал-демократическую деятельность.

К стыду Бунда надо сказать, что он дает в своем органе место таким же ликвидаторским насмешкам над лондонским наследством в статье т. Ионова (стр. 22). «Скажите на милость,— пишет Ионов, — какое отношение имеют резолюции лондонского съезда к настоящему моменту и вопросам, стоящим теперь на очереди? Смею надеяться, что этого и т. Ленин со всеми его присными не знают».

Ну, где же мне знать такую мудреную вещь! Где же мне знать, что никакого существенного изменения в основных группах буржуазных партий (черносотенцев, октябристов *), кадетов, народников), в их классовом составе, в их политике, в их отношении к пролетариату и к революции не произошло с весны 1907 г. по весну 1910 года? Где же мне знать, что те небольшие частные изменения, которые можно и стоит отметить в этой области, указаны в резолюциях декабря 1908 года? Где мне знать все это?

Для Ионова это все, должно быть, не имеет отношения к настоящему моменту и к вопросам, стоящим на очереди. Для него это—лишнее, какое-то там партийное определение тактики по отношению к непролетарским партиям. К чему себя обременять? Не проще ли обозвать это стремление вырабатывать партийное определение пролетарской тактики «усиленной охраной» и т. п.? Не проще ли превратить социал-демократов в вольных стрелков, в *диких*, которые «свободно», без всякой «усиленной охраны» будут решать очередные вопросы — сегодня вместе с либералами в журнале «Наши Помои», завтра с безголовцами на съезде прихлебателей от литературы, послезавтра с поссианцами в кооперативе [176]). Только... только, любезная божья коровка, чем же это будет отличаться от того, чего добиваются легалисты-ликвидаторы? Ровно ничем!

Партийные социал-демократы, которые недовольны решениями лондонскими или резолюциями декабря 1908 г. и которые

*) В первоисточнике: «х-стов.» *Ред.*

хотят работать в партии, по партийному будут критиковать эти резолюции в партийной печати, будут предлагать поправки, убеждать товарищей, завоевывать для себя большинство в партии. С такими людьми мы можем не соглашаться, но их отношение к делу будет партийным, они будут помогать *не разброду*, как помогают ему Ионов, «Голос» и К°.

Вот посмотрите на г. Потресова.

Сей «социал-демократ», демонстрирующий публике свою независимость от социал-демократической партии, восклицает в «Нашей Заре» № 2, стр. 59: «И сколько их, этих вопросов, без разрешения которых невозможно и шагу ступить, нельзя русскому марксизму быть идейным течением, подлинно вобравшим в себя всю энергию и силу» (нельзя ли поменьше фраз, любезный г. независимец!) «революционного сознания эпохи! Как идет экономическое развитие России, какие перемещения сил производит оно под сурдинку реакции, что творится в деревне и в городе, какие изменения несет это развитие в социальный состав рабочего класса России и пр. и пр.? Где ответы или приступ к ответу на эти вопросы, где экономическая школа русского марксизма? А что сталось с политической работой мысли, которою когда-то жил меньшевизм? С его организационными исканиями, с его анализом прошлого, с его оценкой настоящего?» [177]).

Если бы сей независимец не бросал на ветер вымученных фраз, а действительно думал над тем, что он говорит, то он увидел бы весьма простую вещь. Если действительно нельзя и шагу ступить революционному марксисту без разрешения этих вопросов (а это правда), то решением их — не в смысле научной законченности, научных исследований, а в смысле определения того, какие шаги и как делать надо—решением должна заниматься *социал-демократическая партия*. Ибо «революционный марксизм» *вне* социал-демократической партии есть просто салонная фраза легального болтуна, желающего иногда похвастать тем, что «и мы тоже» почти социал-демократы. Социал-демократическая партия дала *приступ к ответу* на указанные вопросы и дала *именно в резолюциях* декабря 1908 г.

Независимцы устроились довольно хитро: в легальной печати они бьют себя в грудь и вопрошают, «где приступ к ответу у революционных марксистов?» Независимцы знают, что в легальной печати ответить им нельзя. А в нелегальной печати друзья этих независимцев (голосовцы) презрительно отмахиваются от ответа на вопросы, «без разрешения которых невозможно *и шагу* ступить». Достигается все, что нужно независимцам (т.-е. ренегатам социализма) во всем мире: звонкая фраза на-лицо, фактическая независимость от социализма и от социал-демократической партии тоже на-лицо.

6. О ГРУППЕ НЕЗАВИСИМЦЕВ-ЛЕГАЛИСТОВ.

Перейдем теперь к выяснению того, что произошло после пленума. На этот вопрос Троцкий и Ионов дают согласный и простой ответ. «Ни во внешних условиях политической жизни,— гласит венская резолюция, — ни во внутренних отношениях нашей партии *не произошло после пленума никаких реальных изменений,* которые затруднили бы работу по строительству партии»... Фракционный рецидив, неизжитое наследие фракционных отношений, вот и все.

У Ионова то же объяснение «в лицах».

«Пленум кончился. Участники его разъехались... Руководители старых фракций очутились на свободе, эмансипировались от всяких сторонних влияний и давлений. К тому же подоспели изрядные подкрепления. Для одних — в лице т. Плеханова, усиленно проповедующего в последнее время объявление партии на военном положении. Для других—в лице шестнадцати «старых партийных работников, хорошо известных редакции «Голоса Социал-Демократа»» (см. № 19 — 20 «Открытое письмо»). «Как же при таких условиях не ринуться в бой? Вот и принялись за старое «дело» взаимного истребления» («Отклики Бунда» № 4, стр. 22).

Подоспели «подкрепления» к фракционерам и — опять подрались, только и всего. Правда, в качестве «подкрепления» большевикам подоспел партийный меньшевик, Плеханов, «подоспел» с войной против ликвидаторов, но это все равно для Ионова. Ионову не нравится, очевидно, плехановская полемика с Потресовым, т. И. (предлагавшим «распустить все») и т. д. [178]). Это его право, конечно, порицать эту полемику. Но как же это назвать ее «объявлением *партии* на военном положении»? Война с *ликвидаторами* есть объявление *партии* на военном положении — запомним эту «философию» тов. Ионова.

Для меньшевиков заграничных подкреплением явились меньшевики русские. Но это обстоятельство нисколько не заставляет т. Ионова задуматься.

Понятно, какой практический вывод вытекает из подобной «оценки момента» Троцким и Ионовым. Ничего особенного не произошло. Просто фракционная драка. Поставить новых нейтрализаторов — и дело будет в шляпе. Все объясняется с точки зрения кружковой дипломатии. Все практические рецепты — одна кружковая дипломатия. Даны «ринувшиеся в бой», даны желающие «примирять»: тут выкинуть упоминание о «фундаменте», здесь добавить имя-река в «учреждение», там «уступить» легалистам в приемах созыва конференции... Старая, но вечно новая история заграничной кружковщины!

*

Наш взгляд на то, что произошло после пленума, иной.

Добившись единогласных резолюций, устранив *все* «склочные» обвинения, пленум окончательно припер к стене ликвидаторов. Прятаться за склоку более нельзя. Ссылаться на неуступчивость и «механическое подавление» (вариант: усиленная охрана, военное положение, осадное положение и т. п.) более нельзя. Отойти от партии можно только из-за ликвидаторства (как впередовцы могут отойти только из-за отзовизма и из-за анти-марксистской философии).

Припертые к стене, ликвидаторы обнаружили свое «лицо». Их русский центр — все равно формальный или не формальный, полунелегальный (Михаил и К°) или вполне легальный (Потресов и К-о) — *ответил отказом* на призыв вернуться в партию. Русские легалисты-ликвидаторы окончательно порвали с партией, сплотившись в группу *независимых социалистов* (независимых от социализма и зависимых от либерализма, конечно). Ответ Михаила и К°, с одной стороны, выступления «Нашей Зари» и «Возрождения», с другой, — знаменуют именно сплочение антипартийных кружков «социал-демократов» (вернее: якобы с.-д.) в группу *независимых социалистов*. Поэтому «примиренческие» потуги Троцкого и Ионова *теперь* смешны и жалки. Только полным непониманием происходящего можно объяснить эти потуги, которые теперь безвредны, ибо за ними нет никого, кроме кружковых дипломатов за границей, кроме непонимания и незнания где-нибудь в захолустье.

Примиренцы à la Троцкий и Ионов ошиблись тем, что приняли особые условия, давшие расцвесть примиренческой дипломатии на пленуме, за общие условия теперешней партийной жизни. Они ошиблись тем, что дипломатию, сыгравшую свою роль на пленуме *благодаря* наличности условий, породивших *глубокие* стремления к примирению (— партийному объединению) в обеих главных фракциях, — эту дипломатию они приняли за самодовлеющую цель, за длительное орудие игры промежду «*данных лиц, групп и учреждений*».

На пленуме для дипломатии действительно было место, ибо партийное объединение партийных большевиков и партийных меньшевиков было необходимо, а без уступок, без компромисса оно было невозможно. При определении меры уступок «честные маклера» неизбежно выдвинулись на первое место — неизбежно, ибо для партийных меньшевиков и партийных большевиков вопрос о мере уступок был второстепенным вопросом, пока оставалась в силе принципиальная база всего объединения. Выдвинувшись на пленуме на первое место, получив возможность сыграть роль в качестве «нейтрализаторов», в качестве «судей» для устранения склоки, для удовлетворения «претензий» против Б. Ц., «примиренцы» à la Троцкий и Ионов вообразили, что,

пока есть «данные лица, группы и учреждения», они всегда смогут играть эту роль. Забавное заблуждение. Маклера нужны, когда нужно определять меру уступок, необходимых для получения единогласия. Меру уступок нужно определять, когда есть заведомо общая принципиальная база объединения. Вопрос о том, кто войдет в это объединение после всех уступок, оставался тогда открытым, ибо в принципе неизбежно было условное допущение того, что все социал-демократы пожелают войти в партию, все меньшевики пожелают лояльно проводить резолюцию анти-ликвидаторскую, все впередовцы—резолюцию анти-отзовистскую.

Теперь же маклера не нужны, им нет места, ибо нет вопроса о мере уступок. А вопроса о мере уступок нет, ибо нет вопроса ни о каких уступках. Все уступки (и даже чрезмерные) сделаны на пленуме. Теперь вопрос стоит исключительно о принципиальной позиции борьбы с ликвидаторством, и притом не вообще с ликвидаторством, а с определенной группой ликвидаторов-независимцев, группой Михаила и К°, группой Потресова и К°. Если с данными лицами, группами и учреждениями вздумают теперь «мирить» партию Троцкий и Ионов, то для нас, для всех партийных большевиков и для всех партийных меньшевиков, они будут просто изменниками партии, не более того.

Примиренцы-дипломаты были «сильны» на пленуме исключительно потому и постольку, поскольку и партийные большевики и партийные меньшевики мира хотели, и вопросу об условиях мира отдавали подчиненное значение по отношению к вопросу об анти-ликвидаторской и анти-отзовистской тактике партии. Я, например, находил уступки чрезмерными и боролся из-за меры уступок (на что намекает «Голос» в № 19—20 и о чем прямо говорит Ионов). Но я готов был тогда помириться и готов был бы теперь помириться даже с чрезмерными уступками, раз *линия* партии этим не подрывалась, раз уступки не вели к отрицанию этой линии, раз уступки служили мостками для привлечения людей от ликвидаторства и от отзовизма к партии. Но, после сплочения и выступления Михаила и К°, Потресова и К° против партии и против пленума, я не пойду ни на какие разговоры ни о каких уступках, ибо партия обязана теперь порвать с этими независимцами, обязана решительно бороться с ними, как с вполне и окончательно определившимися ликвидаторами. И я могу уверенно говорить не только за себя, а за *всех* партийных большевиков. Партийные меньшевики достаточно ясно высказались, устами Плеханова и других, в том же духе, и при таком положении дел в партии «примиренцы»-дипломаты à la Троцкий и Ионов должны будут либо бросить свою дипломатию, либо уйти к независимцам от партии.

Чтобы убедиться в окончательном сплочении легалистов

в группу независимых социалистов, достаточно бросить общий взгляд на события после пленума, достаточно оценить их по существу, а не только с той точки зрения мелкой и мелочной истории «конфликтов», которой напрасно ограничивается Ионов.

1) Михаил, Роман и Юрий объявляют и резолюции Ц. К. (пленума) и самое существование его вредным. Со времени опубликования этого факта прошло около 2-х месяцев, и факт не опровергнут. Ясно что он верен *).

2) Шестнадцать русских меньшевиков, в том числе, по меньшей мере, двое из вышеназванной тройки и ряд виднейших литераторов меньшевиков (Череванин, Кольцов и т. д.), выступают в «Голосе», при одобрении редакции, с оправданием ухода меньшевиков из партии, выступают с чисто ликвидаторским манифестом.

3) Меньшевистский легальный журнал «Наша Заря» помещает программную статью г. Потресова, в которой говорится прямо, что «нет партии, как цельной и организованной иерархии учреждений» (№ 2, стр. 61), что нельзя ликвидировать «чего на самом деле уже нет, как организованного целого» (там же). В числе сотрудников этого журнала значатся Череванин, Кольцов, Мартынов, Августовский, Маслов, Мартов, — тот самый Л. Мартов, который в состоянии занимать место в «организованной иерархии учреждений» нелегальной партии, имеющей центр, как у «организованного целого», и состоять в легальной группе, с милостивого разрешения Столыпина объявляющей эту нелегальную партию несуществующей.

4) В популярном меньшевистском журнале «Возрождение» (№ 5, 30 марта 1910 г.), при *том же* составе сотрудников, неподписанная, т.-е. редакционная, статья расхваливает вышеназванную статью г. Потресова из «Нашей Зари» и добавляет, после приведения той же самой цитаты, которая приведена выше мной:

«Ликвидировать нечего, — и, прибавим мы» (т.-е. редакция «Возрождения») «от себя, — мечта о восстановлении этой иерархии в ее старом, подпольном виде просто вредная, реакционная утопия, знаменующая потерю политического чутья у представителей самой реалистической когда-то партии» (стр. 51) [180].

Кто все эти факты считает случайностью, тот, очевидно, не хочет видеть правды. Кто думает объяснить эти факты «рецидивом фракционности», тот убаюкивает себя фразой. При чем тут фракционность и фракционная борьба, от которой и группа Михаила и К⁰, и группа Потресова и К⁰ стоят давным-давно

*) Только что вышел № 21 «Голоса Социал-Демократа». На стр. 16 Мартов и Дан *подтверждают* верность этого факта, говоря об «отказе трех товарищей» (??) «вступить в Ц. К.». Как водится, они прикрывают при этом трех-этажною бранью по адресу «Тышко-Ленина» тот факт, что группа Михаила и К⁰ окончательно превратилась в группу независимцев [179]).

в стороне? Нет, для того, кто не хочет нарочно закрывать глаз, тут никакие сомнения невозможны. Пленум устранил все препятствия (действительные или мнимые) для возврата партийных легалистов в партию, все препятствия к постройке нелегальной партии с учетом новых условий и новых форм использования легальных возможностей. Четыре меньшевика цекиста и двое редакторов «Голоса» признали *все* препятствия к совместной партийной работе устраненными. Группа русских легалистов *дала свой ответ пленуму*. Этот ответ *отрицательный*: заниматься восстановлением и укреплением нелегальной партии не хотим, ибо это — реакционная утопия.

Этот ответ — крупнейший политический факт в истории социал-демократического движения. Окончательно сплотилась и окончательно порвала с социал-демократической партией группа *независимых* (от социализма) *социалистов*. Насколько оформлена эта группа, состоит ли она из одной организации или из ряда отдельных кружков, весьма lose (свободно, некрепко) между собою связанных, этого мы пока не знаем, да это и неважно. Важно то, что тенденции к образованию независимых от партии групп — давно бывшие у меньшевиков — привели теперь к новому политическому образованию. И отныне все российские социал-демократы, которые не хотят себя обманывать, должны считаться, как с фактом, с существованием этой группы независимцев.

Чтобы уяснить значение этого факта, напомним прежде всего «независимых социалистов» Франции, которые в наиболее передовом, наиболее очищенном от всего старого, буржуазном государстве довели до самого конца тенденции этого политического направления. Мильеран, Вивиани, Бриан принадлежали к социалистической партии, но неоднократно действовали независимо от ее решений, вопреки им, и вступление Мильерана в буржуазное министерство, под предлогом спасения республики и охраны интересов социализма, привело к разрыву его с партией. Буржуазия наградила изменников социализма должностями министров. Тройка французских ренегатов продолжает называть себя и свою группу независимыми социалистами, продолжает оправдывать свое поведение интересами рабочего движения и социальной реформы.

Наших независимцев, конечно, буржуазное общество не может наградить так быстро: они начинают в условиях, неизмеримо более отсталых, они должны довольствоваться похвалами и помощью либеральной буржуазии (издавна поддерживавшей тенденции меньшевиков к «независимству»). Но основная тенденция и тут и там одна: независимость от социалистической партии мотивируется интересами рабочего движения; «борьба за легальность» (лозунг в *Дановской* формулировке, подхваченный со всем усердием в ренегатском «*Возрождении*», № 5, стр. 7) провозглашается

лозунгом рабочего класса; группируются на деле буржуазные интеллигенты (парламентарии во Франции, литераторы у нас), действующие вперемежку с либералами; подчинение партии отвергается; партию объявляют недостаточно «реалистическою» и Мильеран и К°, и «Возрождение» с «Голосом»; про партию говорят, что она есть «диктатура замкнутых подпольных кружков» («Голос»), что она замыкается в узко-революционное сообщество, вредящее широкому прогрессу (Мильеран и К°).

Возьмите далее, для уяснения позиции наших независимцев, историю образования нашей русской «народно-социалистической партии». Эта история поможет понять суть дела тем, кто не видит родства наших независимцев с Мильераном и К° из-за громадной разницы внешних условий их «работы». Что наши «эн-эсы» представляют из себя легалистское и умеренное крыло мелко-буржуазной демократии, это общеизвестно, и из марксистов, кажется, никто в этом не сомневался. Народные социалисты выступили, как ликвидаторы программы, тактики и организации революционной партии мелко-буржуазных демократов на съезде с.-р. в конце 1905 года; они выступали в теснейшем блоке с с.-р. в газетах дней свободы осенью 1905 г. и весной 1906 г. Они легализовались и отделились в самостоятельную партию осенью 1906 года, что не помешало им на выборах во II Думу и во II Думе почти сливаться от времени до времени с эс-эрами.

Осенью 1906 года мне случилось писать в «Пролетарии» об народных социалистах, и я назвал их «эс-эровскими меньшевиками» *). Прошло три с половиной года, и Потресов с К° сумел доказать партийным меньшевикам, что я был прав. Надо только признать, что даже гг. Пешехоновы с К° поступили политически честнее, чем г. Потресов и его группа, когда, после ряда фактически независимых от партии с.-р. политических актов, они объявили себя открыто независимой от эсеров, отдельной политической партией. Конечно, эта «честность» обусловлена, между прочим, и соотношением сил: Пешехонов считал партию с.-р. бессильной и полагал, что от неформального соединения с ней *проигрывает* он; Потресов считает, что он *выигрывает* от политической азефщины, продолжая числиться социал-демократом при фактической независимости от социал-демократической партии.

Г. Потресов и К° считают пока наиболее для себя выгодным прикрываться чужим именем, пользоваться воровски престижем Р. С.-Д. Р. П., разлагая ее изнутри, действуя фактически против нее, а не только независимо от нее. Возможно, что группа наших независимцев будет стараться как можно дольше рядиться в чужие перья; возможно, что после какого-либо удара партии, после большого провала нелегальной организации, или

*) См. X том Сочинений, стр. 67—75. *Ред.*

при особо соблазнительной конъюнктуре, вроде возможности пройти, скажем, в Думу независимо от партии, независимцы сами сбросят с себя маску; — мы не можем предвидеть всех и всяческих эпизодов их политического шарлатанства.

Но одно мы знаем твердо, именно, что партии рабочего класса, Р. С.-Д. Р. П., прикрытая деятельность независимцев вредна, губительна и что мы должны во что бы то ни стало разоблачать ее, вывести независимцев на свежую воду и объявить о разрыве всякой их связи с партией. Пленум сделал громадный шаг вперед по этому пути: как это ни странным может показаться на первый взгляд, но именно согласие (неискреннее или бессознательное) Мартова и Мартынова, именно максимальные, даже чрезмерные уступки им и помогли вскрыть нарыв ликвидаторства, нарыв независимства в нашей партии. Ни один добросовестный социал-демократ, ни один партиец, какой бы фракции он ни сочувствовал, не может отрицать теперь, что группа Михаила и К⁰, группа Потресова и К⁰ суть *независимцы*, что они на деле партии не признают, партии не хотят, против партии работают.

Насколько быстро или насколько медленно идет процесс назревания откола независимцев и образования ими особой партии, зависит, конечно, от многих причин и обстоятельств, не поддающихся учету. У народных социалистов особая группа существовала до революции, и отделение этой группы, временно и неполно примыкавшей к социалистам-революционерам, было особенно легко. У наших независимцев есть еще личные традиции, связи с партией, задерживающие процесс откола, но эти традиции все ослабевают, да, кроме того, революция и контрреволюция выдвигает новых людей, свободных от всяких революционных и партийных традиций. Окружающая обстановка «веховских» настроений с чрезвычайной быстротой толкает зато бесхарактерную интеллигенцию к независимству. «Старое» поколение революционеров сходит со сцены; Столыпин травит изо всех сил представителей этого поколения, большей частью раскрывших все свои псевдонимы и всю свою конспирацию в дни свободы, в годы революции. Тюрьма, ссылка, каторга, эмиграция все увеличивают ряды выбывающих из строя, а новое поколение растет медленно. У интеллигенции, особенно той, которая «пристроилась» к той или иной легальной деятельности, развивается полное неверие в нелегальную партию, нежелание тратить силы на особенно трудную и особенно неблагодарную в наши времена работу. «Друзья сказываются в несчастьи», и рабочий класс, переживающий тяжелые годины натиска и старых и новых контрреволюционных сил, неизбежно будет наблюдать отпадение многих и многих из его интеллигентских «друзей на час», друзей на время праздника, друзей только на время революции, — друзей,

которые были революционерами во время революции, но поддаются эпохе упадка и готовы провозгласить «борьбу за легальность» при первых удачах контр-революции.

В ряде европейских стран контр-революционным силам удавалось начисто смести остатки революционных и социалистических организаций пролетариата после 1848, например, года. Буржуазный интеллигент, во дни юности примкнувший к социал-демократии, в силу всей своей мещанской психологии склонен махнуть рукой: так было — так будет; отстаивать старую нелегальную организацию дело безнадежное, создавать новую — еще того более безнадежное; мы вообще «преувеличили» силы пролетариата в буржуазной революции, мы ошибочно приписали роли пролетариата «универсальное» значение, — все эти идейки ренегатского «Общественного Движения» прямо и косвенно толкают к отречению от нелегальной партии. Вставши раз на наклонную плоскость, независимец не замечает того, как он катится все ниже, не замечает того, что он работает рука об руку со Столыпиным: Столыпин физически, полицейски, виселицей и каторгой разрушает нелегальную партию; либералы прямо делают то же открытой пропагандой веховских идей; независимцы среди социал-демократов косвенно содействуют разрушению нелегальной партии, крича об ее «омертвелости», отказываясь помогать ей, оправдывая (см. письмо 16-ти в № 19 — 20 «Голоса») уход из нее. Со ступеньки на ступеньку.

Не будем закрывать глаза на то, что борьба за партию станет для нас тем более тяжелой, чем дальше затянется контрреволюционный период. Что партийцы не преуменьшают опасности, что они прямо смотрят ей в глаза, это показывает, например, статья тов. К. в № 13 Ц. О. [181]). Но решительное и прямое признание слабости партии, распада организаций и трудности положения не вызывает у т. К. — как не вызывает и ни у одного партийца — ни минуты колебания насчет того, нужна ли она, нужно ли работать над восстановлением ее. Чем труднее наше положение, чем больше растет число врагов, — позавчера к ним прибавились веховцы, вчера народные социалисты, сегодня независимцы социал-демократы, — тем теснее сплотятся все социал-демократы без различия оттенков на защиту партии. Многих с.-д., которых мог расколоть вопрос о том, как вести на штурм революционно-настроенные и верящие социал-демократии массы, — не сможет не сплотить вопрос о том, обязательно ли бороться за сохранение и укрепление нелегальной социал-демократической рабочей партии, созданной 1895 — 1910 годами.

Что касается до «Голоса» и голосовцев, то они замечательно рельефно подтвердили сказанное про них резолюцией расширенной редакции «Пролетария» в июле прошлого года. «В меньшевистском лагере партии — гласит эта резолюция (см. Приложение

к № 46 «Пролетария», стр. 6) — при полном пленении оффициального органа фракции, «Голоса С.-Д.», меньшевиками-ликвидаторами, меньшинство фракции, испытав до конца путь ликвидаторства, уже поднимает голос протеста против этого пути и ищет вновь партийной почвы для своей деятельности»...*) До «конца» пути ликвидаторства расстояние оказалось более длинным, чем мы тогда думали, но правильность основной мысли приведенных слов доказана с тех пор фактами. Особенно подтвердился термин «пленение ликвидаторами» в применении к «Голосу Социал-Демократа». Это — именно — пленные ликвидаторов, не смеющие ни прямо защищать ликвидаторство, ни прямо восстать против него. Они и на пленуме приняли единогласно резолюции не как свободные люди, а как пленные, на короткий срок получившие от своих «хозяев» отпуск и снова вернувшиеся в рабство на другой день после пленума. Не будучи в состоянии защищать ликвидаторство, они напирали изо всех сил на все возможные (и все вымышленные!) препятствия, не связанные с принципиальными вопросами, но мешающие им отречься от ликвидаторства. И когда все эти «препятствия» были устранены, когда все их посторонние, личные, организационные, денежные и прочие претензии были удовлетворены, — они против воли «голоснули» отречение от ликвидаторства. Бедняжки! они не знали, что в это время манифест 16-ти уже находился в пути по направлению к Парижу, что группа Михаила и К°, группа Потресова и К° окрепли в своей защите ликвидаторства. И они покорно повернули за 16-тью, за Михаилом, за Потресовым опять к ликвидаторству!

Величайшее преступление бесхарактерных «примиренцев», вроде Ионова и Троцкого, защищающих или оправдывающих этих людей, состоит в том, что они губят их, подкрепляя их зависимость от ликвидаторства. В то время, как решительное выступление всех нефракционных социал-демократов против Михаила и К°, против Потресова и К° (*эти* группы не решаются ведь защищать ни Троцкий, ни Ионов!) могло бы вернуть к партии кое-кого из голосовских пленников ликвидаторства, — ужимки и жеманство «примиренцев», нисколько не примиряя партию с ликвидаторами, только внушают голосовцам «бессмысленные надежды».

Впрочем, эти ужимки и это жеманство, несомненно, объясняются в немалой степени и простым непониманием положения. Только в силу непонимания может тов. Ионов ограничиваться вопросом о помещении или непомещении статьи Мартова, могут венские сторонники Троцкого сводить вопрос к «конфликтам» в Ц. О. И статья Мартова («На верном пути»... к ликвидаторству) и конфликты в Ц. О. — лишь частные эпизоды, которых нельзя

*) См. настоящий том, стр. 101. *Ред.*

понять вне связи с целым. Например, статья Мартова ясно показала нам, изучившим за год все оттенки ликвидаторства и голосовства, что *Мартов повернул* (или его повернули). *Не мог* один и тот же Мартов подписывать «Письмо» Ц. К. о конференции и писать статьи: «На верном пути». Вырывая статью Мартова из цепи событий, из предшествующего ей «Письма» Ц. К., из следующего за ней № 19—20 «Голоса», манифеста 16-ти, статей Дана («Борьба за легальность»), Потресова и «Возрождения»,— вырывая из той же цепи событий «конфликты» в Ц. О., Троцкий и Ионов отнимают у себя возможность понять происходящее *). И наоборот, все становится вполне понятным, раз в центре поставить то, что *лежит в основе всего,* именно: окончательное сплочение русских независимцев и их окончательный разрыв с «реакционной утопией» восстановления и укрепления нелегальной партии.

7. О ПАРТИЙНОМ МЕНЬШЕВИЗМЕ И ОБ ЕГО ОЦЕНКЕ.

Последним вопросом, который мы должны рассмотреть для уяснения «объединительного кризиса» в нашей партии, является вопрос о, так называемом, партийном меньшевизме и об оценке его значения.

Взгляды нефракционных—т.-е. желающих считаться нефракционными — Ионова и Троцкого (№ 12 «*Правды*» [182]) и Венская резолюция) крайне характерны в этом отношении. Троцкий решительно и упорно игнорирует партийный меньшевизм, — на что было уже указано в № 13 Ц. О. **), — а Ионов выдает «заветную» мысль своего единомышленника, объявляя, что значение выступлений «т. Плеханова» (других партийных меньшевиков Ионов не хочет видеть) сводится к «подкреплению» фракционной борьбы большевиков, к проповеди «объявления партии на военном положении».

Неправильность этой позиции Троцкого и Ионова должна бы была броситься им в глаза просто уже потому, что ее опровергают факты. Из № 13 Ц. О. видно, что не менее как в семи заграничных группах содействия партии—в Париже, Женеве, Берне, Цюрихе, Льеже, Ницце, Сан-Ремо—поднялись плехановцы или, вернее, партийные меньшевики против «Голоса» с требованием выполнения решений пленума, с требованием закрытия «Голоса», с указанием на ликвидаторский характер идейной позиции, занятой в № 19—20 «Голоса». Тот же процесс, хотя, быть

---

*) Возьмите еще, для примера, «теорию равноправия» легальных одиночек нелегальной партии. Неужели не ясно, *после* выступлений Михаила и К°, Потресова и К°, что смысл и значение этой теории есть признание группы независимцев-легалистов и подчинение им партии?

**) См. настоящий том, стр. 285 — 287. *Ред.*

может, менее наглядно, происходит и среди работников в России. Замалчивать эти факты смешно. Пытаться, вопреки им, представить борьбу Плеханова с голосовцами, как литераторскую «фракционную» борьбу, значит — *объективно* — становиться на сторону группы независимцев-легалистов против партии.

Явно фальшивая, явно неудержимая позиция, которую заняли указанные «примиренцы», должна бы открыть им глаза на неверность их исходной точки зрения, будто политическое значение объединения на пленуме состояло в соглашении «с данными лицами, группами и учреждениями». Не надо давать себя обманывать внешним формам партийных событий и личным особенностям их, надо оценивать идейно-политическое значение происходящего. По внешности судя, соглашение было с голосовцами-имя-реками. Но ведь основой, условием соглашения был переход голосовцев на позицию Плеханова: это ясно из анализа резолюции о положении дел в партии, который дан выше *). По внешности, именно голосовцы оказались представителями меньшевизма в партии, — например, если судить по составу Ц. О. На деле Ц. О. стал превращаться после пленума в орган «сотрудничества» партийных большевиков и плехановцев при полном противодействии со стороны голосовцев. Получился зигзаг в развитии партийного объединения: сначала как-будто бы что-то вроде общепримиренческой каши без ясного определения идейного базиса объединения, но потом логика политических тенденций взяла свое, отцеживание независимцев от партии оказалось ускорено этим допущением максимальных уступок голосовцам на пленуме.

Когда я слышал на пленуме и видел в «Голосе» (№ 19—20, стр. 18) бешеные выходки против лозунга «соглашение сильных фракций для борьбы с ликвидаторами справа и слева» (этот лозунг взят «Голосом» в кавычки, но почему-то не сказано, прямо, что я защищал его до пленума и на пленуме), то я думал про себя: «abwarten!», «wait and see» (поживем — увидим!). Подождите, гг. голосовцы, ибо вы хотите подвести счет «без хозяина»: дело не в том, что пленум дал всем возможность участвовать в соглашении, а не только «сильным», своей идейно-политической позицией сильным, фракциям. Дело в том, позволят ли ваши «хозяева»—т.-е. группы независимцев-легалистов — превратиться этой возможности в действительность.

Прошло несколько месяцев — и только слепые могут не видеть теперь, что на деле именно «соглашение сильных фракций»

---

*) Из 4-х цекистов меньшевиков, бывших на пленуме, двое все усилия направляли на то, чтобы, сделав максимальные уступки голосовцам, фактически перевести их на позицию Плеханова. Это не значит, что эти двое были твердыми партийцами, что они гарантированы от возврата к голосовцам. Это значит, что меньшевизм был застигнут в такой момент, когда он не мог еще *отречься* от партийности.

составляет партийное объединение, двигает его вперед «через все препятствия». Так должно быть, так только и может быть в силу реального соотношения сил в партии. Несомненно, что в ближайшем будущем либо все руководящие учреждения партии будут формально перестроены так, чтобы выражать это соглашение, либо жизнь партии и развитие ее объединения пойдет на время помимо руководящих ее учреждений.

Конечно, называть «сильной фракцией» партийных меньшевиков кажется на первый взгляд странным, ибо в данный момент сильнее,—по крайней мере за границей,—видимо, голосовцы. Но мы, социал-демократы, о силе судим не по тому, как высказываются заграничные группы, как группируются литераторы меньшевиков, а по тому, чья позиция объективно верна и чья осуждена логикой политического положения на подчинение «независимцам». Рабочедельцы были сильнее искровцев и за границей и в России в 1898—1900 годах, но все же они не были «сильной фракцией».

Теперь, когда голосовцы мобилизовали все силы против Плеханова и выдвинули против него все свои ушаты с помоями — вплоть до г. Потресова и до воспоминаний о том, как «обижали» Мартова в *1901—1903* (sic!) годах — теперь это бессилие голосовцев становится особенно явным. Аксельрод и К° уже безнадежно опоздали политически, издавая в апреле за границей, сборник личной ругани против Плеханова, когда в России февральская «Наша Заря» и мартовское «Возрождение» перенесли вопрос совсем в иную плоскость, когда Плеханов в № 13 Ц. О. перешел уже от истории своих столкновений с голосовцами к борьбе против современной политики их. Голосовцы так же беспомощно барахтаются, вспоминая старые (вплоть до 1901 года!) «обиды», как впередовцы, все еще взывающие к добрым сердцам о защите от Б. Ц. [183]).

И посмотрите, как выдают себя все больше и больше наши «обиженные», которые совершенно так же беснуются в 1910 году при одной мысли о соглашении «Ленина-Плеханова» (их терминология!), как год тому назад бесновался из-за этого Максимов. Подобно Максимову голосовцы стараются представить дело так, будто речь идет чуть ли не о личном соглашении «Ленина с Плехановым», при чем, действия последнего объясняются «диким капризом» (стр. 16 «Необходимого Дополнения»), «обращением Савла в Павла», «порханием» и т. д. и т. п. Мартов из кожи лезет, чтобы, вспоминая «*пятилетнюю деятельность*» [184]) (ibid.) Плеханова в роли меньшевика, скомпрометировать его (задним числом) за это порхание, не замечая, что он как раз этим всего больше оплевывает сам себя.

В том же самом «Необходимом Дополнении» коллективная редакция «Голоса» уверяет нас (стр. 32), что Плеханов был «велик» именно в течение указанного пятилетия (1904—1908 годы).

Посмотрите-ка, что отсюда выходит. Меньшевики объявляют «великим» Плеханова за деятельность его не в течение тех 20 лет (1883—1903), когда он оставался верен себе, когда он не был ни меньшевиком, ни большевиком, а был основателем социал-демократии, — а именно в течение тех пяти лет, когда, по признанию самих же меньшевиков, он «порхал», т.-е. не держался последовательной меньшевистской линии. Выходит, что «величие» состояло в том, чтобы не падать целиком в болото меньшевизма.

Но именно пятилетняя история меньшевизма, которую Аксельрод и Мартов вспомнили на голову себе, дает ряд фактов, помогающих *объяснить* раскол меньшевиков не такими мизерными, личными причинами, на которые напирает Мартов.

Плеханов кооптирует Аксельрода и Мартова в 1903 г., объявляя в № 52 «Искры», в статье «Чего не делать», что хочет *маневрировать* с *оппортунистами* и маневрами *исправить* их. Он доходит при этом до самых крайних нападок на большевиков. Он старается вытащить в конце 1904 года явно скатившегося к либерализму Аксельрода («План земской кампании»), но делает это так, что не говорит ни единого слова по поводу таких перлов, как объявление демонстраций перед земцами «высшим типом демонстраций» (в брошюре «Письмо к Ц. К.», изданной *только* для членов партии). Весной 1905 г. Плеханов убеждается в безнадежности «маневров» и уходит от меньшевиков, основывая «Дневник» и проповедуя соединение с большевиками. № 3 «Дневника» (ноябрь 1905 г.) совсем не меньшевистский.

Потратив около полутора года на маневр с оппортунистами внутри партии (с конца 1903 до весны 1905 г.), Плеханов с начала 1906 года и в течение 1907 года предпринимает *маневрирование* с кадетами. Он доходит при этом до гораздо больших оппортунистических крайностей, чем остальные меньшевики. Но, когда он, провозгласивший «маневрирование» во время I Думы, после разгона ее (в № 6 «Дневника»), предлагает соглашение революционных партий для борьбы за Учредительное собрание, то «*Пролетарий*» (№ 2, от 29 августа 1906 г., в статье «Тактические колебания») тотчас отмечает, что эта позиция совсем не меньшевистская *).

Весной 1907 года, на Лондонском съезде, Плеханов — по рассказу Череванина, цитированному уже мною в предисловии к сборнику «За 12 лет» — борется с *организационным анархизмом* меньшевиков **). Ему нужен «рабочий съезд», как маневр *для* развития партии, а не *против* партии. Во второй половине 1907 года, как поведал в «Необходимом Дополнении» Мартов, Плеханову «пришлось еще потратить немало красноречия», чтобы отстоять необходимость нелегального (т.-е. партийного) органа

---

*) См. X том Сочинений, стр. 54—58. *Ред.*
**) См. XII том Сочинений, стр. 57—71. *Ред.*

меньшевиков против Аксельрода (предпочитавшего, очевидно, легальные органы, фактически непартийные). В 1908 году конфликт из-за статьи Потресова является поводом к его разрыву с ликвидаторами.

О чем говорят эти факты? О том, что теперешний раскол меньшевиков не случайность, а неизбежность. «Маневрирование» не оправдывает того, кто делал ошибки во имя маневров, и я ничего из того, что писано мною против этих ошибок Плеханова, не беру назад. Но «маневрирование» *объясняет*, почему одним меньшевикам *легко* уйти к независимцам, а другим *трудно* и даже невозможно. Социал-демократ, который, маневрируя, ведет рабочий класс за кадетами, приносит ему не меньший вред, чем тот, кто делает это в силу имманентного тяготения к оппортунизму. Но первый сумеет, сможет, успеет остановиться там, где вторые скатятся в яму. Русская пословица говорит: заставь известного человека богу молиться—он лоб расшибет. Плеханов мог бы сказать: заставь Потресовых и Данов идти вправо для маневра—они пойдут вправо для принципа.

То, на чем остановились известные меньшевики, вполне оправдывает их название: «партийные меньшевики». Они остановились на борьбе за партию—против независимцев-легалистов. От этого простого и ясного вопроса тщетно пытаются увильнуть г. Потресов и редакция «Голоса Социал-Демократа» в «Необходимом Дополнении».

И Энгельс боролся с S.-D. F. (английские социал-демократы)—вертится Потресов (стр. 24). Софистика, любезнейший. Энгельс поправлял партию, а вы ведь не говорите, как поправить партию, вы даже не говорите прямо: нужна теперь нелегальная социал-демократическая партия, нужна Р. С.-Д. Р. П. или нет. Перед лицом Столыпина вы говорите: *нет* («Наша Заря»), а перед лицом членов партии, в нелегальной печати, вы этого не *смеете* сказать, вы виляете и вертитесь.

«Ленин-Плеханов рекомендуют войну против новых форм рабочего движения» (стр. 31), «мы *исходим*... из состояния, условий и запросов действительного рабочего движения» (стр. 32)—уверяет редакция. Софистика, любезнейшие. Вы сами признали, что пленум сделал *все* для признания этих новых форм, да и большевики своей борьбой *до* пленума *доказали* это. Не из-за того мы расходимся, нужны ли «новые формы», нужно ли вести легальную работу, нужно ли основывать легальные общества, совсем не из-за этого. Мы расходимся из-за того, позволительно ли ведущим подобную работу легалистам, вроде группы Михаила и К°, группы Потресова и К°, считать себя социал-демократами, *будучи независимыми от партии социал-демократов*, или социал-демократические партийцы *обязаны* признавать партию, проповедывать ее необходимость, работать в ней, работать

над ее организацией, устраивать нелегальные ячейки везде и во всех союзах для правильных сношений с ней и т. д. И вы прекрасно понимаете, что расходимся мы *теперь* — после пленума — *только* из-за этого.

Голосовцы стараются представить наше стремление сблизиться с партийными меньшевиками, войти в соглашение с ними для борьбы за партию против независимцев, как личный блок «Ленина и Плеханова». Они ругательски ругают автора статьи против Потресова в № 47—48 «*Пролетария*» за тон «льстивого царедворца», «спекулирующего, де, на соглашение» с Плехановым[185]).

Я открываю эту статью и читаю на стр. 7-ой:

«Конечно, и все ошибки Плеханова во время революции проистекли именно из того, что он *не* провел последовательно той линии, которую сам вел в старой «*Искре*».

Пусть судят читатели, что больше похоже на «лесть» и на «спекуляцию»: это ли прямое указание на то, что большевики считают ошибкой Плеханова, или объявление Плеханова «великим», как раз за тот период, когда он был меньшевиком и когда он «порхал», по словам меньшевиков.

«Плеханов будет с нами»,—пишет редакция «Голоса Социал-Демократа»,—когда «наступит снова время *ответственных*» (курсив «Голоса») «политических действий» (стр. 32 «Необходимого Дополнения»).

Это—политически безграмотно, но в отношении «спекуляции» достаточно ясно. Безграмотно, ибо *теперь* как раз время *во сто раз* более *ответственных* политических действий для старых вождей, чем при открытой борьбе, когда масса сама гораздо легче найдет дорогу. Ясно в смысле «спекуляции», ибо выражается готовность опять признать Плеханова меньшевиком, когда он начнет снова «маневрировать».

Мы удивляемся, что голосовцы не понимают того, какое значение имеют подобные выходки с их стороны на-ряду, например, с фразой Аксельрода: «мы не пожелали унизиться «(перед Плехановым)» до роли угодливых лакеев» (стр. 19). Вы именно ведете себя, как указанный в последних словах *род людей*. Ваше отношение к Плеханову как раз соответствует «формуле» *этих* людей: «либо в зубы, либо ручку пожалуйте».

Пять лет вы просили «ручку», теперь даете на 32-х страницах двойного формата «в зубы», а на 32-ой странице «выражаете готовность»: согласны и опять меньшевиком признать, и «ручку» попросить.

Что касается нас, то мы вправе сказать, что за время «порханий» Плеханов никогда не был большевиком. Мы его большевиком не считаем и никогда не будем считать. Но его, как и

всякого меньшевика, способного восстать против группы независимцев-легалистов и до конца довести борьбу с ними, мы считаем *партийным* меньшевиком. Мы считаем безусловным долгом всех большевиков в теперешние трудные времена, когда на очереди дня борьба за марксизм в теории и за партию в практике рабочего движения, приложить все усилия для сближения с такими социал-демократами.

8. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. О ПЛАТФОРМЕ БОЛЬШЕВИКОВ.

Партийная конференция, намеченная пленумом, не сможет и не должна ограничиться тем порядком дня, который предположен был им при условии перехода всех меньшевиков на партийную позицию. Этого не вышло—и играть в прятки перед самим собой нам не пристало.

Лозунгом выборов на эту конференцию, лозунгом созыва ее и подготовки ее должно быть *сплочение партийцев* в борьбе с группой независимцев-легалистов. Соответственно этой задаче и учитывая антипартийную позицию голосовцев, мы должны со всей решительностью перестроить все руководящие учреждения партии, чтобы они занимались не склокой, которую уготовляет им и будет уготовлять отныне всякий голосовец, а *действительной работой по строению партии*. Голосовцы не хотят ее строить, они хотят помогать тайком группе независимцев-легалистов.

Такова должна быть платформа большевиков для этой конференции. Строить партию согласно декабрьским (1908 г.) резолюциям и в духе их. Продолжать дело пленума, проведя отмеченные выше исправления его решений, предписываемые всем ходом событий после пленума. Направить все усилия на систематическое, неуклонное, всестороннее и упорное использование всех и всяческих легальных возможностей, чтобы собирать силы пролетариата, чтобы помогать ему группироваться и сплачиваться, воспитываться к борьбе и расправлять свои члены,—и также неуклонно восстановлять, учась приспособлять их к новым условиям, нелегальные ячейки, нелегальные чисто партийные и преимущественно, в первую голову чисто пролетарские организации, которые одни только могут направить всю работу в легальных организациях, пропитать ее революционным социал-демократическим духом, провести непримиримую борьбу с ренегатами и независимцами-легалистами, подготовить то время, когда наша партия, наша Р.С.-Д.Р.П., сохранив все традиции революции и великих побед пролетариата в 1905 году, укрепив и расширив партийную пролетарскую армию, поведет ее в новый бой, на новые победы.

Julijā 1910 gadā

Kreewijas Sozialdemokratiskā Strahdn. Partija.

Wisu semju proletareeschi, saweenojatees!

Zihna

Bes zihnas naw uswaras!

100 Latwijas Sozialdemokratijas Zentralorgans. 100

ЮБИЛЕЙНОМУ НОМЕРУ «ZIHNA» [186]).

Когда делегированный Центральным Комитетом социал-демократии Латышского Края товарищ на пленарном заседании Ц.Комитета Р.С.-Д.Р.П. делал отчет о состоянии работы в социал-демократии Латышского Края (этот отчет вкратце был изложен в № 12 Центрального Органа нашей партии), у нас осталось впечатление об особенно «нормальном», безболезненном развитии латышской социал-демократии в переживаемое нами тяжелое время. Это впечатление было создано тем, что социал-демократия Латышского Края, будучи по своему составу наиболее пролетарской и руководимая преимущественно самими рабочими, уже совершила требуемый объективными обстоятельствами переход к выработке особой тактики и разрешению организационных задач затянувшегося периода контр-революции. Во время революции латышский пролетариат и латышская социал-демократия занимали одно из первых, наиболее важных мест в борьбе против самодержавия и всех сил старого строя. Не безынтересно, между прочим, отметить, что официальная статистика стачек за 1905 год (изданная министерством торговли и промышленности) показывает [187]), что Лифляндская губерния стоит на первом месте по настойчивости пролетарской стачечной борьбы. В 1905 г. в Лифляндской губернии насчитывалось всего 53.917 фабрично-заводских рабочих, а число стачечников — 268.567, т.-е. почти в пять раз (4,98 раза) больше! Каждый фабрично-заводской рабочий в Лифляндской губ. бастовал в среднем 5 раз в этом году. За Лифляндской губ. следует Бакинская губ., где каждый фабрично-заводской рабочий бастовал 4,56 раза, Тифлисская губерния — 4,49 раза, Петроковская губерния — 4,98 раза и Петербургская — 4,19. В Московской губ. в 1905 г. бастовавших рабочих числилось 276.563, то-есть немного больше, чем в Лифляндской губ., в то время как общее количество фабрично-заводских рабочих в Московской губ. в 5 раз больше, чем в Лифляндской губ. (285.769 против 53.917). Из этого видно, насколько сознательнее,

единодушнее и революционнее выступал латышский пролетариат. Но известно также, что его руководящая роль авангарда в наступлении на абсолютизм не ограничивалась забастовочной борьбой: он шел в авангарде вооруженного восстания, он больше всех содействовал поднятию движения на наивысшую ступень, то-есть на ступень восстания. Он больше, чем кто-либо другой, втянул в великую революционную борьбу против царизма и помещиков латышский сельско-хозяйственный пролетариат и латышское крестьянство.

Будучи одним из передовых отрядов российской социал-демократии во время революции, латышская рабочая партия оказалась впереди и в тяжелый период контр-революции. Из упомянутого выше отчета нам стало известно, что у латышской социал-демократии не народилось особого течения ни от увлечения революционной фразой (вроде наших «отзовистов»), ни от увлечения легальными возможностями (вроде наших *ликвидаторов*, которые отрицают нелегальную партию, махают рукой на задачи восстановления и укрепления Р. С.-Д. Р. П.). Латышские социал-демократические рабочие сумели поставить работу по использованию всяческих легальных возможностей: легальных союзов, различных рабочих обществ, думской трибуны и т. д.; при чем, они ничуть не «ликвидировали» нелегальную, революционную социал-демократическую партию, а, наоборот, сохранили везде партийные нелегальные рабочие ячейки, которые будут защищать и развивать традиции великой революционной борьбы, настойчиво и неуклонно подготовляя все более и более широкие и сознательные массы борцов из молодых поколений рабочего класса.

Несомненно, что среди тех причин, которыми объясняются успехи латышской социал-демократии, необходимо поставить на первое место более высокую ступень развития капитализма, как в городе, так и в деревне, большую ясность и определенность классовых противоречий, обострение их национальным гнетом, концентрацию латышского населения и более высокую ступень его культурного развития. Во всех этих отношениях обстановка, при которой приходится развиваться и действовать русскому рабочему классу, значительно менее развита. Эта неразвитость и порождает теперь более острый кризис в русской части Р. С.-Д. Р. П. Мелкобуржуазная интеллигенция в нашем движении играет большую роль, принося вместе с плюсами и минусы: вместе с разработкой вопросов теории и тактики она приносит «разработку» каждого отклонения от социал-демократического пути в особое «направление», как, например, «отзовизм» и «ликвидаторство».

Мы позволяем себе высказать надежду, что латышская социал-демократия, которая имеет полное основание гордиться своими успехами, не будет столь надменной, что махнет рукою на эти больные вопросы Р. С.-Д. Р. П.

Чем сознательнее пролетариат, тем яснее представляет он себе свои социал-демократические цели, тем энергичнее борется он против всяких мелко-буржуазных извращений в рабочем движении, тем более заботится он об освобождении своих менее развитых товарищей рабочих от влияния мелко-буржуазного оппортунизма.

Ликвидаторское направление в Р.С.-Д.Р.П. есть продукт российских мелко-буржуазных отношений. Либеральная буржуазия вся становится против революции, отказывается от нее, проклинает тактику 1905 г., которая, мол, «кровава и бесплодна», пресмыкается перед власть имущими, призывает народ держаться только одних методов *легальной* борьбы. И находящаяся в нашей партии мелко-буржуазная интеллигенция поддается влиянию контрреволюционного либерализма. Издается история революции в пяти томах («Общественное движение в России в начале XX века», под редакцией Маслова, Мартова и Потресова), и в этой истории фактически пропагандируется учение ренегатов, что пролетариат «переоценил» свои силы, «недооценил» силы буржуазии и т. д.[188]) На самом деле массы пролетариата недооценили предательство буржуазии, переоценили силы буржуазии в борьбе за свободу, недооценили своих собственных сил, — сил наступления миллионов угнетенных и эксплуатируемых.

Издаются легальные журналы («Наша Заря» и «Возрождение»), в которых проповедуется, что восстановление и укрепление нелегальной партии, нашей старой, испытанной годами Р.С.-Д.Р.П., есть «реакционная утопия». В нелегальном меньшевистском органе — «Голосе Социал-Демократа» — защищаются тому подобные господа и провозглашается лозунг: «борьба за легальность».[189]) Один из наиболее видных вождей меньшевизма, Плеханов, выходит из редакции и из состава сотрудников всех этих изданий, объявляя им войну и призывая меньшевиков — *партийцев* поддерживать и укреплять революционную, нелегальную партию пролетариата — Р. С.-Д. Р. П.

Таким образом, наша партия вступила в решающий бой против всех независимых групп легалистов, которые (т.-е. легалисты) неправильно именуют себя социал-демократами. В действительности же они разрушают дело социал-демократов, разрушают социал-демократическую организацию рабочего класса, разменивают ее на бесформенные легальные группы, которые не имеют никаких принципов и которые фактически делают рабочий класс зависимым от либеральной идеологии и либерального политического руководства.

Лет десять тому назад наша партия провела успешную борьбу против, так называемого, «экономизма», который весьма родственен теперешнему «ликвидаторству». Теперь борьба труднее, поскольку все силы контр-революции — не только старой, но и

новой (современной), либерально-буржуазной контр-революции — направлены на то, чтобы уничтожить в пролетариате традиции 1905 г., чтобы уничтожить его нелегальную социал-демократическую партию. Но рабочий класс, который умел быть вождем в революции 1905 г., несомненно, преодолеет все эти отклонения от социал-демократического пути.

До революции 1905 г. социал-демократы работали 20 лет в совершенно нелегальных кружках и построили партию, которая ведет миллионы на штурм самодержавия. После революции мы можем — и, следовательно, мы должны — не только продолжать работу нелегальных ячеек, но в десятки раз ее усилить, окружать эти ячейки густою сетью легальных организаций, использовать для нашей агитации трибуну черной Думы, внедрять в рабочие массы уроки, полученные в революционной борьбе, и создать социал-демократическую партию, которая поведет десятки миллионов на новый штурм самодержавия.

Напечатано 6 июле 1910 г.
в газете «Zihna» № 100.
Подпись: Н. Ленин.

Перевод с латышского.

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ О КООПЕРАТИВАХ РОССИЙСКОЙ С.-Д. ДЕЛЕГАЦИИ КОПЕНГАГЕНСКОГО КОНГРЕССА [190]).

Конгресс признает,

1) что пролетарские кооперативы дают возможность рабочему классу улучшить свое положение уменьшением посреднической эксплуатации, воздействием на условия труда у поставщиков, улучшением положения служащих в самих кооперативах и т. д.;

2) что пролетарские кооперативы получают все более важное значение в массовой экономической и политической борьбе рабочего класса, оказывая помощь при стачках, локаутах, преследованиях и т. п.;

3) что пролетарские кооперативы, когда они организуют массы рабочего класса, обучают его самостоятельному ведению дел и организации консума, подготовляя его в этой области к роли организатора экономической жизни в будущем социалистическом обществе.

Конгресс признает, с другой стороны,

1) что достижимые кооперативами улучшения ограничены очень узкими границами до тех пор, пока средства производства и обмена остаются в руках класса, экспроприация которого есть главная цель социализма;

2) что кооперативы, будучи чисто коммерческими учреждениями и в силу давления условий конкурренции, имеют тенденцию вырождаться в буржуазные акционерные общества;

3) что кооперативы, не будучи организациями непосредственной борьбы с капиталом, способны порождать и порождают иллюзии, будто они являются средством решения социального вопроса.

Конгресс призывает поэтому рабочих всех стран:

а) вступать в пролетарские кооперативные общества и всесторонне содействовать их развитию, направляя их организацию в строго демократическом духе;

б) неустанной работой и агитацией внутри союза содействовать распространению идей классовой борьбы и социализма среди рабочих масс;

в) по мере роста социалистического сознания в кооперативах, завязывать и укреплять органические связи между кооперативами и партией социалистов, а также профессиональными союзами;

г) вместе с тем конгресс указывает, что производственные кооперативы имеют значение для борьбы рабочего класса лишь в том случае, если они являются составными частями кооперативов потребительных.

Написано 29—30 августа 1910 г.
Публикуется впервые.

Печатается по рукописи.

ПИСЬМО В МЕЖДУНАРОДНОЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ БЮРО О ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВЕ Р.С.-Д.Р.П.

2 сентября 1910 г. Копенгаген.

Центральный Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии на пленарном заседании в январе 1910 г. постановил просить Международное Социалистическое Бюро принять в Бюро в качестве представителей партии двух товарищей: Г. Плеханова и Вл. Ленина, чтобы подчеркнуть серьезность своих стремлений к единству. Само собою разумеется, что социал-демократическая рабочая партия претендует только на один голос в Бюро, но она, по примеру Франции, хотела бы более полного представительства.

Это решение — присоединить к теперешнему представителю, Вл. Ленину, тов. Плеханова — было единогласно поддержано социал-демократической делегацией на Конгрессе.

Представитель Р. С.-Д. Р. П. в Международном Социалистическом Бюро.

Вл. Ленин.

Напечатано в 1911 г. в книге: «Huitième Congrès socialiste International», Gand («Восьмой Международный Социалистический Конгресс», Ганд.

О ФРАКЦИИ «ВПЕРЕДОВЦЕВ».

Группа «Вперед» выпустила в Париже «сборник статей по очередным вопросам», под названием «Вперед» [191]). В связи с брошюрой тов. Сажина («К вопросу о возрождении партии»), которая «издана на частные средства» и которую можно получить через редакцию сборника «Вперед», в связи с отдельным листком за подписью группы «Вперед» и с платформой этой группы, партия имеет теперь более чем достаточно материала для суждения о «впередовцах».

Платформа впередовцев характеризуется тремя следующими особенностями. Во-первых, из всех групп и фракций нашей партии впервые выдвигает она философию и при том под прикрытием псевдонима. «Пролетарская культура», «пролетарская философия», — вот что стоит в платформе. Скрывается под этим псевдонимом *махизм*, т.-е. защита философского идеализма под разными соусами (эмпириокритицизм, эмпириомонизм и т. д.). Во-вторых, в области политики группа объявила отзовизм «законным оттенком» и сообщила о том, что некоторые отзовисты, члены этой группы, несогласны с определением задач партии по отношению к Государственной Думе. Самое определение это дано в платформе впередовцев так неясно и запутано, что иначе, как подлаживанием к отзовистскому кругу мыслей, охарактеризовать этого определения нельзя. В-третьих, наконец, платформа решительно осуждала фракционность и требовала объединения фракций, слияния их в партии.

Итак, в итоге мы имеем — если начать с конца — одно весьма хорошее пожелание и два прикрытия весьма плохим идейно-политическим направлениям, выражающим разрыв с марксизмом и подчинение пролетариата буржуазной идеологии и политике. Сборник «Вперед» наглядно показывает, какие продукты могут получаться из такой смеси.

Автор передовой статьи сборника, Максимов, строго выдерживает дипломатию платформы, говоря о «пролетарской культуре» без всякого пояснения того, что он под этим понимает.

В статье, написанной с претензией на популярность изложения, эта игра в прятки особенно бросается в глаза. Какая же это популярность, если *ни один* читатель, кроме *лично* знающих Максимова или проследивших уже *весь* спор о махизме и в связи с махизмом, *не может* понять истинного смысла подобной фразы? Какая же это популярность, когда тот же Максимов на странице 4 сборника говорит об «опасности для пролетарского социализма» тех выходцев из интеллигенции, которые «без критики принимают и пропагандируют неправильные и вредные для пролетариата идеи буржуазной науки и философии...»?

Многоточие принадлежит Максимову. Должно ли оно обозначать стыдливое умолчание, мы не знаем. Но мы твердо знаем, что говорить, особенно в «популярной» статье, о вреде для пролетариата «*буржуазной философии*» и не определять точно и ясно, *какая* именно философия имеется в виду, значит прибегать к худшего вида фракционной дипломатии. Если вы считаете вопрос о буржуазной философии важным, если вы выдвигаете его в передовице «популярного» сборника, то имейте же мужество говорить прямо, защищайте свои идеи, а не прячьте их.

Тов. Сажин, в качестве «практика» должно быть, разрушает дипломатию Максимова весьма невежливо *). Он требует на странице 31 своей брошюры, чтобы «членам партии» была «*обеспечена*» «*полная свобода их революционной и философской мысли*».

Это — лозунг насквозь оппортунистический. Во всех странах подобный лозунг извнутри социалистических партий выдвигался только оппортунистами и не означал на деле ничего иного, кроме «свободы» развращения рабочего класса буржуазной идеологией. «Свободы мысли» (читай: свободы печати, слова, совести) мы требуем от *государства* (а не от партии) наравне с свободой союзов. Партия же пролетариата есть свободный союз, учреждаемый *для борьбы* с «мыслями» (читай: с идеологией) буржуазии, для защиты и проведения в жизнь одного определенного, именно: марксистского миросозерцания. Это — азбука. И эту азбуку заставила забыть Максимова, Сажина и К° фальшь их политического положения. Не их личное лицемерие, а именно политическая фальшь позиции породила у них проповедь буржуазных лозунгов. Фальшь состоит в том, что одни «впередовцы»

*) В сборнике «Вперед», другой «практик», московский «Ткач И—н» тоже не очень дипломатично пробалтывается: «кстати сказать,—пишет он,—книга Бельтова «Монистический взгляд» особенно может вызвать такое неправильное представление об историческом материализме» (Сборник, стр. 57). Ну, еще бы! Самое правильное «представление об историческом материализме» дают, конечно, книги русских богостроителей и махистов — какому же «впередовцу» это не известно? И где же книге, на которой воспиталось целое поколение русских марксистов, тягаться с философскими произведениями Юшкевичей, Богдановых, Валентиновых и Луначарских...

всей душой хотят тащить пролетариат *назад*, к идеям буржуазной философии (махизм), другие же равнодушны к философии и требуют лишь «полной свободы»... для махизма. Все вместе *вынуждены* поэтому дипломатничать, путать, играть в прятки, хвататься за буржуазные лозунги.

А что значит *на деле* «полная свобода революционной мысли»? Ничего, кроме *свободы для* отзовистских и других полуанархистских идей. Другими словами, здесь сказано то же, что в «платформе» впередовцев выражено фразой: признание отзовизма «законным оттенком». Получается опять мелкая дипломатия с идеями, опять игра в прятки, опять лицемерие, объясняемое всецело той же фальшивой идейно-политической позицией: мы, де, не махисты, но за «полную свободу» махизма (в партии); мы не отзовисты, но за «полную свободу» отзовистского оттенка или общее: «революционной мысли»! Путаницу довершает еще то, что *двое* впередовцев за своими *личными* подписями (Сажин и Рабочий Ар.) высказываются решительно за важность и необходимость использования легальных возможностей и думской трибуны. «Социал-демократия — пишет *Рабочий Ар.* — должна бороться с теми, кто ведет агитацию» (кто же это ведет такую агитацию, т. Ар.? Не ваши ли впередовцы?) «против *какого бы то ни было*» (вот мы как!) «использования легальных возможностей, потому что такой образ действий не социал-демократичен» (стр. 48—49 сборника). И тот же самый *Ар., повторяя* эти слова большевиков направления «*Пролетария*», ругательски ругает «*Пролетарий*» (задним числом) за то, что он будто бы малевал впередовцев страшными красками! Вот, что называется: отступать по всей линии, сдавать все свои позиции, осуждать в печати (опять-таки: не говоря этого прямо) тех своих друзей, тех впередовцев, которые в свое время принимали резолюцию, например, о бойкоте съезда фабрично-заводских врачей, — и прикрывать свое отступление, свою капитуляцию барабанным боем. Мизерная фракционная дипломатия!

Взгляните на писания «впередовцев» по вопросу о фракциях и фракционности. «Платформа» осуждала фракции и требовала распущения их. Сажин громит фракционные центры, «заграничных вождей» и пр. и проч. Слез пролито впередовцами по поводу фракционности целое море, слов наговорено без конца.

А дела их? Вся история группы «Вперед» со времени январского (1910) «объединительного» пленума есть *создание фракции из-за границы*. Вот выдержка из одного письма (от 15 июля 1910 г.), посланного русским работником члену З. Б. Ц. К.:

«Есть Комитет (в Петербурге) и, кроме того, существует группа «впередовцев» с отдельной кассой и секретарем. Деньги получились из-за границы. В Москве...» — дальше названо лицо,

очень близкое к одному из наиболее видных отзовистов, и указано на ведение подобной же политики.

Ни один человек, сколько-нибудь знакомый с партийными делами, сколько-нибудь внимательно относившийся к позиции литературной группки «Вперед», не мог ни на минуту сомневаться в организации ею фракции из-за границы. Что пресловутая «школа в NN» была заграничным центром новой фракции, это было заявлено печатно в июне 1909 года *), и с тех пор в этом убедились даже самые беззаботные и неосведомленные социал-демократы. Пресловутая «платформа» выработана за границей 8 интеллигентами и 7 рабочими-учениками. Роль этих рабочих, подмахнувших лозунги «пролетарская философия» и признание отзовизма «законным оттенком», слишком ясна, чтобы стоило еще говорить об этом. Перед нами чистейший образчик создания фракции группой заграничных литераторов, которые именно подобны «ханам» (выражение Воинова в сборнике «Вперед»), ибо произвол свой они чувствуют сами, *прикрывал* перед публикой то, что им особенно дорого, т.-е. буржуазную философию махизма и отзовизма. «Впередовцы» кричат против «заграничных вождей» и сами устраивают организацию, являющуюся фактически простым *придатком* к горстке заграничных литераторов; — кричат против фракции и сами строят *тайком* новую, мелкую, сугубо безжизненную, сектантски-эмпириомонистическую фракцию. *Политический* источник всего этого лицемерия — невозможность открытого, прямого выступления за то, что действительно дорого действительным вожакам фракции.

Ограничимся двумя примерами особенно вопиющего лицемерия. На странице 53 сборника *Рабочий Ар.* заявляет, что бюро Ц.К. в России «ни черта не делает» (слова эти приписаны, конечно, рабочему «ленинцу», который будто бы агитировал в таком духе «впередовца». О, наивная хитрость «рабочего-Ар.»!) и что впередовец (опять вместе с «ленинцем» и, конечно, по его наущению) предлагал «объявить Московскую организацию независимой от русского Ц. К. и не подчиняющейся директивам его».

Бюро русского Ц. К., начиная с января 1910 года, билось над восстановлением организации центра, *вопреки* противодействию и ликвидаторов-голосовцев (известная история с Михаилом, Романом, Юрием) и впередовцев (строивших в это время из-за границы *свою* фракцийку *против* Ц. К.). И теперь эти же впередовцы проливают крокодиловы слезы о «бездеятельности» бюро Ц. К.! Эти впередовцы, на деле вполне «*независимые*» от партии, вполне антипартийные фракционеры, пишут в популярном сборнике о необходимости объявить местные организации «независимыми» от Ц. К.

---

*) См. настоящий том, стр. 102. *Ред.*

Другой пример. В том же сборнике анонимный «член партии» упражняется в наезднической критике денежного отчета З. Б. Ц. К. Анонимный наездник пишет, между прочим, на стр. 60-ой: «Какие-такие «держатели» (в отчете говорится о получении денег от держателей), почему они «держат» или «держали» деньги Ц. К., на какие «специальные цели» эти деньги предназначены,—ничего и никто не поймет здесь».

Так и напечатано. *Ничего и никто не поймет.*

Это пишут члены той самой группы «Вперед», от которой двое представителей было на январском пленуме, принявшем заявление большевиков об их условной передаче денег «держателям» (т.-е. трем известнейшим представителям международной соц.-дем.). Какие деньги, какого происхождения, кто держатели и т. д.,— все это *досконально* известно было пленуму, т.-е. *всем* фракциям, *т.-е. и впередовцам, в том числе.* А впередовцы в «популярном» сборнике для обманывания рабочих пишут: «ничего никто не поймет».

Это пишут в том самом сборнике «Вперед», в котором две первые статьи написаны *Максимовым и Домовым.* Оба этих «впередовца» *прекрасно знают всю историю* получения большевиками этих денег и передачи их держателям. И вот, так как им «неловко» выступать лично и заявлять, что «ничего никто не поймет», то они для этого поручения избирают *анонимных наездников,* называющих себя «членами партии» по случаю своего антипартийного поведения. Максимов и Домов через анонимных наездников говорят рабочим в «популярном» сборнике *заведомую неправду,* будто «ничего никто не поймет» насчет того, какие-такие «держатели» денег и т. д. И эти господа бьют себя в грудь и распинаются против «фракций» и против «заграничных вождей».

Они «критикуют» через анонимного «члена партии» денежный отчет Ц.К., а сами сообщают на первой странице своего сборника, что до сих пор их группе мешал издавать газету «недостаток материальных средств» и что *«теперь это препятствие удалось устранить».* Теперь группа «Вперед» получила, значит, деньги. Известие приятное для впередовцев, слов нет. Только какой же это «лоб» надо иметь, о, почтеннейшие «впередовцы», чтобы печатно, в «популярном» сборнике говорить через анонимного наездника заведомую неправду про Ц.К., будто «ничего никто не поймет», какие-такие «держатели» и какие у них деньги, и в то же время *ни звука не говорить* ни Ц.К., ни другим фракциям, *какие-такие деньги получила группа «Вперед» и какие литераторы ими распоряжаются?* Партия, должно быть, обязана отчетом перед впередовцами, а впередовцы не обязаны отчетом перед партией?

Еще и еще раз надо повторить, что это лицемерие впере-

довцев объясняется не личными качествами Петра или Сидора, а *политической* фальшью всей их позиции, объясняется тем, что литераторы-махисты и отзовисты *не могут* вступить *прямо и открыто* в борьбу за дорогие им не социал-демократические идейки. Кто поймет эти *политические* условия, тот не будет останавливаться растерянно, недоуменно, тоскливо перед одной внешней стороной явления, перед суммой личных конфликтов, склоки, руготни и пр. Кто поймет эти политические условия, тот не удовлетворится примиренческой фразой (à la Троцкий) о том, что нужна «*не* борьба с отзовистами, *а* преодоление отзотвизма», ибо это пустая и бессодержательная фраза. Объективные условия контр-революционной эпохи, эпохи распада, эпохи богостроительства, эпохи махизма, отзовизма, ликвидаторства,— эти объективные условия *поставили* нашу партию в условия борьбы с кружками литераторов, организующих свои фракции, и от этой борьбы фразой отделаться нельзя. Отстраниться же от этой борьбы—значит отстраниться от одной из современных задач рабочей с.-д. партии.

«Социал-Демократ» № 15-16, 30 (17) сентября 1910 г.

ПИСЬМО Ю. Ю. МАРХЛЕВСКОМУ.

7 октября 1910 г.

Дорогой товарищ! Получил вчера поздно вечером Ваше и Вурма письмо и Вашу статью. Согласно Вашей и Каутского просьбе lasse ich es bei Ihrem Artikel bewenden *).

Я написал уже около половины большой статьи против Мартова и Троцкого вместе. Придется оставить. Займусь статейкой против Троцкого. Каутскому, раз Вы его видаете, будьте добры сказать, чтобы он все же считал ответ Троцкому *за мной*. Если немцы так боятся полемики, то я думаю не так уже важно, неделей раньше или неделей позже придет ответ?

Обидно чрезвычайно, что даже Kautsky und Wurm **) не видят пошлости и гнусности таких статей, как Мартова и Троцкого. Попробую написать Каутскому хоть частное письмо, чтобы выяснить дело. Ведь это прямо скандал, что Мартов и Троцкий безнаказанно лгут и пишут пасквили под видом «научных» статеек!! [192]).

Кстати, не поможете ли Вы мне выяснить два практических вопроса. 1-ый: можно ли в Берлине найти переводчика (для статей в «Neue Zeit») с русского на немецкий? Или это ненадежно и дорого стоит, так что лучше поискать здесь? Я попробую, во всяком случае, найти здесь, но хотелось бы знать Ваше мнение, ибо у Вас ведь много опыта по этой части.

2-ой: что если бы я написал брошюру (размером à la Череванин — Das Proletariat in der russischen Revolution ***) на тему русской революции, ее уроках, классовой борьбе и т. д. Нашелся-ли бы партийный немецкий издатель или нет? Платят немцы за такие вещи или надо искать платы только у русских, а немцы чтобы nebenbei ****) обслуживались?

---

*) — я соглашаюсь ограничиться Вашей статьей. *Ред.*

**) — Каутский и Вурм. *Ред.*

***) — Пролетариат в русской революции. *Ред.*

****) — между прочим. *Ред.*

В связи с ответом Мартову я «влез» еще в интереснейшую статистику стачек 1905—8 г.г. и хотел бы очень ее обработать. [193]) Тема такая, что подходит больше к книге или брошюре, чем к статье *). А немцы позорно «бессознательны» в вопросах оценки русской революции!

Прилагаю краткий перечень того, что желательно бы добавить против Мартова. Если Вы включите хоть часть в свою статью, будет очень хорошо.

Beste Grüsse **).

Жму руку. Ваш Ленин.

А что финал вопроса о массовой стачке в Магдебурге (принятие резолюции Розы и взятие ею обратно 2-ой части) не послужит к *миру* ее с Каутским? и Vorstand'ом? ***) Или нескоро? [194]) (Розе Люксембург я писал недели 2 тому назад из Стокгольма).

Адрес мой: Vl. Oulianoff. 4. Rue Marie Rose. 4. Paris. XIV.

Вот главнейшие (далеко еще не все), по-моему, пункты лжи и фальши у Мартова, которые (если не полностью, то хотя частью) желательно отметить:

Говоря, что т. Радек цитирует неверно, т. Мартов бросает заподозривание, не доказав его. У нас же есть *точное* доказательство, что Мартов цитирует фальшиво. «Мы до сих пор говорили по французски» («Neue Zeit» 1910) — цитирует Мартов Ленина. *Цитата извращена.* Ленин сказал: «мы *научились* во время революции говорить «по французски»» («Пролетарий» № *46*) ****). Извратив цитату, Мартов прикрывает как раз то, что он (подобно всем оппортунистам) зовет рабочих *разучиться* приемам революционной борьбы.

«Говорить по-французски» — «richtiger gesagt: blanquistisch» *****), поправляет Мартов. Благодарим за откровенность. Называть участие французского пролетариата в революциях Франции «бланкизмом», это — именно «суть» взглядов Мартова и Квесселя.

«In ganz Westeuropa — пишет Мартов — betrachtet man die Bauernmassen in dem Masse für bündnisfähig, als sie die schweren Folgen der kapitalistischen Umwälzung der Landwirtschaft zu spüren bekommen... für Russland aber malte man sich ein Bild aus, wie mit dem numerisch schwachen Proletariat sich die 100 Millionen Bauern vereinigen... die noch nicht von der kapitalistischen Bourgoisie in

*) См. XV том Сочинений, стр. 25—50. *Ред.*
**) — Лучшие пожелания. *Ред.*
***) — Центральным Комитетом. *Ред.*
****) См. настоящий том, стр. 104—111. *Ред.*
*****) — «вернее сказать: по-бланкистски». *Ред.*

die Schule genommen worden sind» («Neue Zeit», Seite 909). Das ist eben russisches Quesseltum! *).

Русский Квессель *забыл* сказать, что в *аграрной программе* русских социал-демократов (принятой в Стокгольме в 1906 году, когда меньшевики имели большинство!!) стоит «поддержка революционных выступлений крестьянства вплоть до *конфискации* помещичьих земель». Есть ли что-нибудь подобное в «Европе»,— о, русский Квессель? Нет, ибо в Европе уже нет *революционной* постановки вопросов *буржуазной* революции. «Школа капиталистической буржуазии» для русских крестьян есть школа измен и предательств либеральной буржуазии (которая *предавала* крестьян помещикам и абсолютизму), и защищать такую *школу* могут только крайние оппортунисты.

Высмеивая «соединение с пролетариатом 100 миллионов крестьян», Мартов высмеивает всю революцию, показавшую *на деле* такое соединение как на арене восстания (X, XI—XII 1905), так и на арене *обеих* первых дум (1906 и 1907).

Мартов беспомощно колеблется между либералами (они *против* «конфискации земель», *против* «революционных выступлений крестьянства») и социал-демократами, которые до сих пор не отказались ничуть от поддержки крестьянского *восстания* и *заявления* об этом в своей *программе*.

Мартов думает, что на очереди дня стоял в годы революции (1905—7) *не* вопрос о республике, *а* «die Frage der *Unabhängigkeit* der Volksvertretung» (Seite 918) **). Независимость *от* кого? от монархии, *совершавшей Staatsstreiche?* ***). Русские оппортунисты забывают хотя бы связь аграрной и политической революции (можно ли бороться за конфискацию земель, не борясь за республику?),—забывают, что эпоха der Staatsstreiche, der Aufstände, der Niederwerfungsstreike ****) в силу *объективных* своих условий, а не нашей воли, *ставит* в порядок дня вопрос о республике. «Республика», как лозунг дня в 1905 г. = «романтизм»; «независимость» (от совершающей Staatsstreiche и ведущей den Bürgerkrieg *****) монархии)=Realpolitik ******),—не так ли, о, русский Квессель?

---

*) — «Во всей Западной Европе крестьянские массы считают годными к союзу лишь по мере того, как они знакомятся с тяжелыми последствиями капиталистического переворота в земледелии, в России же нарисовали себе картину объединения численно слабого пролетариата с 100 миллионами крестьян,... которые еще не были в школе капиталистической буржуазии». («Neue Zeit», стр. 909). Вот это и есть русская квессельщина. *Ред.*

**) — «вопрос о независимости народного представительства». *Ред.*

***) — государственные перевороты. *Ред.*

****) — государственных переворотов, восстаний, политических забастовок. *Ред.*

*****) — гражданскую войну. *Ред.*

******) — реальная политика. *Ред.*

A propos *). Rosa Luxemburg спорила с Kautsky о том, *наступил ли* для Германии момент Niederwerfungsstrategie **), при чем, Kautsky *ясно и прямо* сказал, что считает этот момент неизбежным и близким, но ненаступившим. А Мартов, «углубляя» (verballhornend) Каутского, отрицает применимость der Niederwerfungsstrategie к 1905-му году в России!! Мартов находит, что восстание XII. 1905 было «*kunstlich*» ***) вызвано («Neue Zeit», Seite 913). Die Leute, welche so glauben, können nur *künstlich* zur Socialdemokratie gerechnet werden. *Natürlich* sind sie Nationalliberale ****).

Мартов высмеивает тот взгляд, что пролетариат «die ausschlaggebende Macht» (Seite 909) *****) в революции. Только либералы до сих пор решались (да и то не всегда) отрицать бесспорный исторический факт, что русский пролетариат *на деле* сыграл в 1905 г. роль «der ausschlaggebenden Macht». И когда теория, отрицающая «гегемонию пролетариата в русской революции», взяла верх в пятитомном «Общественном Движении» (под редакцией Мартова и Потресова), то Плеханов *вышел* из этой редакции и объявил «Общественное Движение» трудом ликвидаторов. Мартов представляет теперь не весь меньшевизм, а только такой, от которого отрекся и который объявил оппортунизмом оставшийся меньшевиком Плеханов.

Мартов противопоставляет защите бойкота («политического воздержания») «in ganz Westeuropa» ******) анархистами русский бойкот 1906 года. О бойкоте 1906 г. мы говорили особо (сказано уже у Вас). Но почему, говоря о бойкоте вообще, Мартов *забыл* главное применение бойкота в русской революции, бойкот Булыгинской Думы (закон 19 (6) августа 1905)?? Против этого бойкота были все либералы, даже *левые* («Союз Освобождения»), за этот бойкот были социал-демократы большевики. Потому ли молчит о нем Мартов, что *этот* бойкот победил? Потому ли, что *этот* бойкот был лозунгом *победоносной* Niederwerfungsstrategie?

Все меньшевики (особенно в «Нашей Заре», «Возрождении» и «Жизни») подхватили спор Розы Люксембург с Каутским, чтобы объявить К. Каутского «меньшевиком». И Мартов из кожи лезет, пуская в ход kleinliche und miserable Diplomatie *******), чтобы *углубить* пропасть между Розой Люксембург и К. Каутским. Эти

---

*) — кстати. *Ред.*

**) — стратегии ниспровержения. *Ред.*

***) — «искусственно». *Ред.*

****) — люди, которые так думают, могут только *искусственно* считаться социал-демократами. *По существу*, они национал-либералы. *Ред.*

*****) — «ведущая, руководящая сила» (гегемон), стр. 909. *Ред.*

******) — «во всей Западной Европе». *Ред.*

*******) — мелкую и ничтожную дипломатию. — *Ред.*

elende *) приемы не могут удаться. Революционные социал-демократы могли спорить о *времени* наступления Niederwerfungsstrategie в Германии, но не об *уместности* Nieder*wer*fungsstrategie в России *1905 г*. Отрицать ее уместность для России 1905 г. и в голову не приходило Каутскому. Отрицать это могут только либералы да немецкие и русские Квессели!

Впервые напечатано в 1925 г. в «Ленинском Сборнике» III.

Печатается по рукописи.

*) — жалкие. *Ред.*

ВОПРОС О КООПЕРАТИВАХ НА МЕЖДУНАРОДНОМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ КОНГРЕССЕ В КОПЕНГАГЕНЕ. [195])

В настоящей статье я намерен ограничиться изложением хода занятий Конгресса по указанному в заголовке вопросу и характеристикой тех направлений социалистической мысли, которые боролись здесь между собою.

До Конгресса были опубликованы три проекта резолюций о кооперативах. Бельгийский проект (№ 5 «Периодического Бюллетеня Международ. Соц. Бюро», который выходит нерегулярно на трех официальных языках Международных Конгрессов) начинает с предостережения рабочих-социалистов против учения тех, кто видит в кооперативах нечто самодовлеющее, некое средство для разрешения социального вопроса. Признавая затем, что рабочий класс чрезвычайно заинтересован в том, чтобы утилизировать кооперативы, как орудие своей классовой борьбы, проект бельгийской партии указывает непосредственные выгоды кооперативов (борьба с торговой эксплуатацией, улучшение условий труда у поставщиков и т. д.) и выражает пожелание, чтобы между социалистическими партиями и кооперативами устанавливались «органические, все более и более тесные связи».

Проект большинства французской социалистической партии составлен в духе Жореса. Кооперативы превозносятся до небес и выставляются — совсем как у буржуазных реформаторов — в качестве «необходимого» элемента «социального преобразования». Говорятся туманные фразы о превращении кооперативов из союза отдельных лиц во всеобщие федерации ассоциаций. Смешиваются пролетарские кооперативы с кооперативами мелких хозяйчиков (в земледелии). Проповедуется нейтральность кооперативов, описывается вред того, чтобы на кооперативы возлагали какие-нибудь обязательства по отношению к социалистической партии.

Наконец, проект меньшинства французских социалистов (гэдистский) решительно заявляет, что сами по себе кооперативы

отнюдь не являются классовыми организациями (каковы, например, профессиональные союзы), что значение их определяется тем употреблением, которое из них делают. Рабочие, входя массами в кооперативы, могут извлекать из них пользу для своей борьбы с капиталом, могут до известной степени уяснять себе на примере, чем было бы социалистическое общество, организуемое после уничтожения противоречий современного строя. Проект подчеркивает поэтому ограниченное значение кооператовов и призывает социалистические партии к содействию пролетарским кооперативам, предостерегает от кооперативных иллюзий, рекомендует сплочение социалистов внутри кооперативов в целях разъяснения массам их настоящей задачи: завоевания политической власти и превращения средств производства и обмена в общую собственность.

Совершенно очевидно, что здесь намечаются две основные линии: одна — линия пролетарской классовой борьбы, признание за кооперативами ценности для этой борьбы, как ее орудия, как одного из подсобных средств ее, и определение условий, при которых кооперативы играли бы действительно такую роль, а не оставались простыми торговыми предприятиями. Другая линия — мелко-буржуазная, затемняющая вопрос о роли кооперативов в классовой борьбе пролетариата, раздвигающая значение кооперативов за пределы этой борьбы (т.-е. смешивающая пролетарские и хозяйские взгляды на кооперативы), определяющая цели кооперативов такими общими фразами, которые приемлемы и для буржуазного реформатора, этого идеолога прогрессивных хозяев и хозяйчиков.

К сожалению, две указанные линии именно только *намечались* в трех заранее приготовленных проектах, а не были ясно, отчетливо, резко противопоставлены друг другу, как *два направления*, борьба которых должна решить вопрос. И поэтому занятия Конгресса шли неровно, спутанно, как бы стихийно. На разногласия ежеминутно «натыкались», но их не выяснили вполне, и в результате получилась резолюция, отражающая сбивчивость мысли, не дающая *всего*, что могла и должна была бы дать резолюция Конгресса социалистических партий.

В комиссии по вопросу о кооперативах сразу наметились два течения. Одно — Жореса и Эльма. Эльм был одним из четырех немецких делегатов в кооперативной комиссии и выступал в качестве представителя немцев, выступал в определенно оппортунистическом духе. Другое направление — бельгийское. Посредником, примирителем явился австриец Карпелес, видный деятель австрийского кооперативного движения, не защищавший определенно принципиальной линии, но (вернее: не «но», а именно потому) склонявшийся гораздо чаще к оппортунистам. Да и бельгийцев заставлял спорить с Жоресом и Эльмом гораздо

больше инстинкт действительно пролетарской постановки кооперативного дела, чем отчетливое понимание враждебности и непримиримости пролетарской и мелко-буржуазной точки зрения на вопрос. Поэтому, например, Ансель (председатель кооперативной комиссии) говорил горячие и превосходные речи в комиссии против нейтральности кооперативов, против преувеличения их значения, за необходимость *нам* быть *социалистами*-кооператорами, а не *кооператорами*-социалистами, — а при выработке резолюции тот же Ансель мог прямо привести в отчаяние своей уступчивостью по отношению к формулировкам Жореса и Эльма, своим нежеланием вникнуть в причины расхождения.

Но вернусь к заседаниям комиссии. Понятно, что решающее влияние на ход работ имели представители наций с сильно развитым кооперативным движением. Сразу обнаружилось при этом расхождение бельгийцев и немцев к громадной невыгоде этих последних. Бельгийцы, во всяком случае, вели пролетарскую линию, хотя и не вполне последовательно, не вполне отчетливо. Эльм выступал оппортунистом чистой воды (особенно в подкомиссии, о чем ниже). Естественно, что руководящая роль принадлежала бельгийцам. Австрийцы склонялись к ним и к концу работ комиссии была прочтена резолюция *австро-бельгийская*, тогда как Эльм, внесший немецкую резолюцию, прямо заявил, что считает вполне возможным соглашение ее с жоресистским проектом. Так как у французов было сильное меньшинство против Жореса (за его точку зрения было 202 мандата, а за гэдовскую 142), а у немцев, наверное, получилось бы не менее сильное меньшинство против Эльма (если бы ясно и резко встал вопрос о двух точках зрения), то австро-бельгийский союз имел верные шансы на победу. И дело шло, конечно, не столько о «победе» в узком смысле слова, сколько об отстаивании последовательно пролетарской точки зрения на кооперативы. Этой последовательности не удалось добиться в силу чрезмерных уступок, сделанных подкомиссией Жоресу и Эльму.

Что касается нас, русских с.-д., то мы старались поддержать в комиссии австро-бельгийскую линию и с этой целью раньше еще, чем оглашен был австро-бельгийский примирительный проект, внесли свой проект резолюции следующего содержания:

«ПРОЕКТ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ РОССИИ.

Конгресс полагает:

1) Что пролетарские потребительные товарищества улучшают положение рабочего класса в том отношении, что суживают размеры эксплуатации со стороны всякого рода торговых посредников, что влияют на условия труда рабочих, занятых в заведениях поставщиков, и улучшают положение собственных служащих.

2) Что эти товарищества могут получить большое значение для экономической и политической массовой борьбы пролетариата, поддерживая рабочих во время стачек, локаутов, политических преследований и проч.

С другой стороны, Конгресс указывает на то:

1) что улучшения, которые могут быть достигнуты при помощи потребительных товариществ, могут быть лишь весьма незначительны до тех пор, пока средства производства находятся в руках того класса, без экспроприации которого не может быть осуществлен социализм;

2) что потребительные товарищества не являются организациями непосредственной борьбы с капиталом и существуют на-ряду с подобного же рода организациями других классов, могущими породить иллюзию, что эти организации являются средством, при помощи которого социальный вопрос может быть решен без классовой борьбы и экспроприации буржуазии.

Конгресс призывает рабочих всех стран:

a) вступать в пролетарские потребительные товарищества и всячески содействовать их развитию, отстаивая при этом демократический характер этих организаций;

b) путем неустанной социалистической пропаганды в потребительных товариществах, способствовать распространению среди рабочих идей классовой борьбы и социализма;

c) стремиться, вместе с тем, достигнуть возможно более полного сближения всех форм рабочего движения.

Конгресс отмечает также, что производительные товарищества в том только случае имеют значение для борьбы рабочего класса, когда являются составной частью товариществ потребительных».

Все проекты резолюций сданы были в подкомиссию (комиссии Международных Конгрессов так велики, — каждая нация посылает по 4 делегата в каждую комиссию, — что о выработке текста резолюций в полном собрании комиссии не может быть и речи). В подкомиссию вошло 10 человек: два бельгийца (Ансель и Вандервельд), один француз (Жорес), один австриец (Карпелес), один немец (Эльм), один голландец (марксист Вибо), по одному: итальянец, датчанин, англичанин, русский с.-д. (Воинов и я, — наша с.-д. делегация не успела собраться для выбора представителя, поэтому мы присутствовали оба, а голосовал один).

В подкомиссии пошла уже чисто деловая работа составления текста резолюции. Принятый Конгрессом текст, за самыми мелкими, стилистическими изменениями, и есть тот, который выработан подкомиссией; читатели найдут текст резолюции Конгресса в другом месте настоящего номера. Борьба в подкомиссии — в отличие от комиссии — сосредоточилась не на вопросе об отношениях кооперативов к партии, а на более принципиальном вопросе о значении и роли кооперативов. Бельгийцы клонили к совершенно верному принципиально определению их роли, как одного из возможных (при известных условиях) подсобных орудий пролетарской классовой борьбы за «полную экспроприацию» (exproriation intégrale) класса капиталистов. Эльм, поддержи-

ваемый Жоресом, восстал решительно и показал весь свой оппортунизм целиком. Он говорил, что неизвестно, дойдет ли вообще дело до экспроприации, что он лично считает это совершенно невероятным, что для «большинства» (!) это вопрос спорный, что в программе немецкой с.-д. партии экспроприации нет, что следует сказать «Ueberwindung des Kapitalismus» — «преодоление капитализма». Знаменитые слова Бебеля в Ганновере, сказанные в заключение споров с Бернштейном, «es bleibt bei der Expropriation» — «мы стоим по-прежнему за экспроприацию», были забыты одним из вождей немецкого оппортунизма[196]). В связи с этими спорами возник «вопрос о социализации». Жорес ультимативно требовал, чтобы в определении значения кооперативов стояло: «они помогают рабочим (как и стоит в тексте принятой Конгрессом резолюции) подготовлять демократизацию и социализацию средств производства и обмена».

Это — одна из тех расплывчатых, неопределенных, вполне приемлемых для идеологов мелкого хозяйчика и для теоретиков буржуазного реформизма фраз, на которые Жорес такой мастер и до которых он такой охотник. Что такое «демократизация средств производства и обмена»? (В комиссии потом, когда проект вернулся туда из подкомиссии, французы заменили слово средств — moyens — словом сил — forces, но дело от этого нисколько не изменилось.) Крестьянское производство (говорил я в комиссии) «демократичнее», чем крупное капиталистическое. Значит ли это, что мы, социалисты, хотим создания мелкого производства? Что такое «социализация»? Под этим можно понимать превращение в собственность всего общества, но можно также понимать и какие угодно частичные меры, какие угодно реформы в рамках капитализма, начиная от крестьянских товариществ и кончая муниципальными банями и писсуарами. Ссылался же Жорес в подкомиссии на датские сельско-хозяйственные товарищества, полагая, очевидно, вслед за буржуазными экономистами, будто это не капиталистические предприятия.

Организуя противодействие этому оппортунизму, мы (русские и польские с.-д.) пытались апеллировать от Эльма к Вурму, соредактору «Neue Zeit», бывшему тоже в кооперативной комиссии от немцев. Вурм не одобрял фразы о «демократизации и социализации», предлагал (приватно) ряд поправок, парламентировал между Эльмом и марксистами, но Эльм проявил такую «твердокаменность», что Вурм ничего не добился. Уже после Конгресса я прочитал в «Leipziger Volkszeitung» (№ 201, 31 августа 1910 г., 3 Beilage), что в немецкой делегации был поднят еще во вторник вопрос о кооперативах. «Р. Фишер спрашивал, — пишет корреспондент этой газеты, — нет ли разногласий по вопросу о кооперативах среди немецких делегатов». *Эльм* отвечал: «Есть. С сегодня на завтра их не устранить. Решения Конгрессов — всегда

решения компромиссные, и в данном вопросе дело тоже кончится, вероятно, компромиссом». *Вурм*: «Мои воззрения на вопрос о кооперативах совершенно иные (durchaus andere), чем воззрения фон-Эльма; но мы все же сойдемся, вероятно, на общей резолюции». Делегация сочла после этого дальнейшее обсуждение ненужным.

Это сообщение подтверждает то явление, которое вполне обрисовалось уже на Штуттгартском Международном Съезде. Немецкая делегация составляется поровну из представителей партии и профессиональных союзов. От этих последних проходят почти сплошь оппортунисты, ибо выбирают обыкновенно секретарей и прочую союзную «бюрократию». В общем немцы неспособны вести выдержанной принципиальной линии на Международных Съездах, и гегемония в Интернационале подчас ускользает из их рук. Бессилие Вурма перед Эльмом только лишний раз иллюстрировало тот кризис в германской социал-демократии, который состоит в нарастании неизбежной решительной разверстки с оппортунистами.

По вопросу о денежной поддержке кооперативами партии Эльм и Жорес в подкомиссии тоже добились чрезмерной уступки от бельгийцев, которые согласились на формулировку: «кооперативам каждой страны предоставляется решать, следует ли им и в какой степени помогать непосредственно из своих средств политическому и профессиональному движению».

Когда проект подкомиссии вернулся в комиссию для окончательного утверждения, мы обратили все внимание именно на эти два пункта. Вместе с Гэдом мы внесли две (главные) поправки: во-первых, заменить слова: «(кооперативы) помогают рабочим подготовлять демократизацию и социализацию производства и обмена» словами: «(кооперативы) помогают в известной степени подготовлять функционирование производства и обмена после экспроприации класса капиталистов». Смысл этой поправки, формулированной стилистически не совсем удачно, состоял не в том, что кооперативы теперь *не* могут помогать рабочим, а в том, что *подготовляемое* уже теперь кооперативами функционирование будущего производства и обмена может наступить *лишь после* экспроприации капиталистов. Вторая поправка относилась к пункту, который говорит об отношении кооперативов к партии. Мы предлагали либо добавить слова: «что (т.-е. помощь рабочей борьбе) во всяком случае желательно с точки зрения социализма», либо заменить весь этот пункт другим, прямо рекомендующим *социалистам* в кооперативах проповедовать и отстаивать необходимость прямой помощи классовой борьбе пролетариата.

Обе поправки были отклонены комиссией, собрав лишь около 15 голосов. Социалисты-революционеры голосовали — как и всегда на Международных Съездах — за Жореса. Перед русской

публикой они не прочь упрекнуть в оппортунизме даже Бебеля, а перед европейской они идут за Жоресом и за Эльмом! Вурм попробовал было исправить конец резолюции посредством перестановки трех последних абзацов. Пусть сначала будет сказано, что желательно соединение кооперативов в одну федерацию (абзац второй с конца). Пусть потом будет заявлено, что от кооперативов зависит, оказывать ли прямую помощь партии или нет (абзац третий с конца). И пусть последний абзац начнется словами: «но» (*но* Конгресс заявляет, что желательны все более интимные отношения между партией, профессиональными союзами и кооперативами). Тогда из *общего* контекста будет ясно, что Конгресс *рекомендует* кооперативам помогать партии. Эльм отверг даже эту поправку! Вурм взял ее тогда назад. Тогда Вибо поставил ее от себя, мы голосовали за нее, но поправка была отклонена.

По вопросу о том, как держаться на пленуме Конгресса, мы имели совещание с Гэдом. Гэд полагал,—и его мнение разделили немецкие революционные с.-д.,— что из-за частных поправок не следует поднимать войны на пленуме Конгресса, что голосовать надо в общем *за* резолюцию. Недостатки ее состоят в *допущении* одной ревизионистской фразы, которая не заменяет собой определения цели социализма, а стоит *рядом* с таким определением,—и в одном *недостаточно-сильном* выражении той мысли, что рабочие кооперативы должны помогать рабочей классовой борьбе. Такие недостатки следовало постараться исправить, но поднимать из-за них борьбу на пленуме нет основания. Мы согласились с этим мнением Гэда, и резолюция была принята на пленуме Конгресса единогласно.

Подводя итог работам Конгресса по вопросу о кооперативах, мы должны сказать,—не скрывая ни от себя, ни от рабочих недостатков резолюции, — что Интернационал дал правильное, в основных чертах, определение задач пролетарских кооперативов. Всякий член партии, всякий с.-д. рабочий, всякий сознательный рабочий-кооператор должен руководиться принятой резолюцией и вести всю свою деятельность в ее духе.

Копенгагенский Конгресс знаменует ту стадию развития рабочего движения, когда оно шло, так сказать, преимущественно вширь и *начало* захватывать в русло классовой борьбы пролетарские кооперативы. Разногласия с ревизионистами наметились, но до выступления ревизионистов с самостоятельной программой еще далеко. Борьба с ревизионизмом отсрочена, но эта борьба придет неизбежно.

«Социал-Демократ» № 17, 8 октября (25 сентября) 1910 г.
Подпись: Н. Ленин.

О ТОМ, КАК НЕКОТОРЫЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ ЗНАКОМЯТ ИНТЕРНАЦИОНАЛ С ПОЛОЖЕНИЕМ ДЕЛ В Р.С.-Д.Р.П.

В связи с Копенгагенским Международным Конгрессом в ряде изданий появились статьи о положении дел в нашей партии. Мы остановимся коротко на трех статьях, написанных представителями трех различных партийных (вернее: *анти*-партийных) течений.

На первом месте по своей бесцеремонности заслуживает быть поставленной статья, появившаяся, к сожалению, в центральном органе наших германских товарищей («Vorwärts» от 28 августа). Статья эта — анонимная. Она носит подзаголовок: «От нашего русского корреспондента».

Из нее читатель узнает, что «никогда еще русские эмигранты, которые в нашей партии играют непропорционально большую роль, не были так чужды интересам и потребностям русского рабочего движения, как теперь», что Ц.О. нашей партии «Социал-Демократ» «ведется в узко-фракционном духе» и что большевики отличаются «формальным и внешним радикализмом», что они лишь в результате эволюции пришли, наконец, к «признанию» парламентаризма и т. д. Большинством нашей партии наш автор крайне недоволен. Все положение партии рисуется автору в весьма мрачном свете. Одну лишь светлую точку заметил наш автор в жизни Р.С.-Д.Р.П. Это — «выходящая в Вене... рабочая газета «Правда», которая с самого начала стоит совершенно в стороне от фракционной полемики и ставит себе задачей политическую агитацию» и пр.

Не начинаете ли догадываться, читатель, чьему «не фракционному» перу принадлежит эта статья? Вы, конечно, не ошибаетесь. Да, это «нефракционный» т. Троцкий не постеснялся выступить с откровенной рекламой газетке своей фракции. Это он перед недостаточно осведомленными немецкими читателями дает ту

же оценку позиции партийного большинства, что и ликвидаторы *).

Задачу оклеветать нашу партию в органе германских ревизионистов взял на себя другой литератор: *Р. Стрельцов.* Его статья появилась в «Sozialistische Monatshefte», редактируемом г. Блохом, которого Бебель в Магдебурге справедливо назвал национал-либералом. Р. Стрельцов — коллега г. Прокоповича по газете «Товарищ» — уже открыто берет под свою защиту ликвидаторов. «Нет ничего абсурднее того обвинения, которое против них выдвигается». Настоящие с.-д. это—именно ликвидаторы. А партийное большинство, оно, видите ли, «считает лишним использование, так называемых, легальных возможностей, т.-е. участие с.-д. в профсоюзах, кооперативах, открытых съездах и т. д.» [197]). Да, правильное представление получит немецкий читатель, если историю русской революции он будет изучать по Череванину, а современное положение и тактическую борьбу внутри нашей партии — по Стрельцову и Троцкому!..

Третья статья принадлежит перу ультиматиста (он же богостроитель) Воинова, выступившего в органе бельгийских товарищей «Le Peuple» **). И хотя Воинов дал превратное представление бельгийским товарищам о «тактических течениях в нашей партии» (заглавие его статьи), однако, в одном отношении его статья принесла значительную пользу: она раскрыла нам еще раз суть отзовистско-ультиматистской тактики [198]). Бывают же такие благословенные писатели в группе «Вперед», которые открыто излагают цели отзовистов-ультиматистов, а не замазывают их, как это делается обычно в литературных выступлениях «впередовцев». Послушайте сами. Какой «впередовец» признает вам теперь прямо, что отзовисты-ультиматисты носятся теперь с мечтой о боевых дружинах и пр.? А откровенный Воинов прямо пишет, что он и его друзья хотят «продолжать и развивать нашу боевую подготовку», тогда как поправевший Ленин отрицает для данного момента, «например, необходимость инструкторских школ». Какой «впередовец» теперь говорит прямо о необходимости «ультиматума» по адресу думской фракции? А добрый Воинов откровенно сообщает нам, что «возрождение партии» необходимо его друзьям для того, чтобы «поставить нашим

---

*) То обстоятельство, что эта статья появилась в таком органе, как «Vorwärts», заставило наших делегатов на Копенгагенский Конгресс обратиться с протестом в Ц.К. германской партии. Этот протест подан делегатами нашего Ц.О. (Г. В. Плехановым и А. Варским) и представителем партии в Международное Бюро (Н. Лениным). При обсуждении этого вопроса в социал-демократической делегации т. Троцкий и открыл нам тот секрет, что эта пресловутая статья написана им.

**) При этом Воинов предусмотрительно сообщил читателям, что он — «делегат на Интернациональный Конгресс в Копенгагене».

депутатам ультиматум»... Какой «впередовец» скажет вам в печати, для чего отзовистам-ультиматистам нужна «партийная школа» за границей? А разговорчивый Воинов не преминул сообщить, что «школа» нужна для подготовки «нового съезда» партии и выбора другого Ц. К. вместо нынешнего «правого» Центрального Комитета *). Не похвалят же Воинова за эту откровенность впередовские «дипломаты»!

Троцкий, Воинов и Стрельцов братски подали друг другу руки в борьбе против партийной линии...

«Социал-Демократ» № 17, 8 октября (25 сентября) 1910 г.

---

*) Тут Воинов счел полезным... прихвастнуть еще, будто «некоторые из членов Ц. К., выбранные на съезде, но недовольные новым направлением Ц. К., подали в отставку». Где, когда, товарищ Воинов?

№ 1-5

Россійская Соціалдемократическая Рабочая Партія

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

РАБОЧАЯ ГАЗЕТА

JOURNAL OUVRIER

№ 1 — 12 ноября (31 октября) 1910 г. — Цѣна 10 коп.

Уроки революціи

[illegible]

ЛѢТНІЯ СТАЧКИ И ЗАДАЧИ РАБОЧИХЪ

[illegible]

Первая страница «Рабочей Газеты» № 1 — 1910 г.
Уменьшено

УРОКИ РЕВОЛЮЦИИ.

Минуло пять лет с тех пор, как в октябре 1905 года рабочий класс России нанес первый могучий удар царскому самодержавию. Пролетариат поднял в те великие дни миллионы трудящихся па борьбу с их угнетателями. Он завоевал себе в несколько месяцев 1905 года такие улучшения, которых рабочие десятки лет тщетно ждали от «начальства». Пролетариат завоевал всему русскому народу, хотя и на короткое время, невиданную на Руси свободу печати, собраний, союзов. Он смел с своей дороги поддельную Булыгинскую Думу, вырвал у царя манифест о конституции и раз-на-всегда сделал невозможным управление Россией без представительных учреждений.

Великие победы пролетариата оказались полупобедами, потому что царская власть не была свергнута. Декабрьское восстание кончилось поражением, и царское самодержавие стало отбирать одно за другим завоевания рабочего класса по мере того, как ослабевал его натиск, ослабевала борьба масс. В 1906 году рабочие стачки, крестьянские и солдатские волнения были гораздо слабее, чем в 1905 году, но все-таки были еще очень сильны. Царь разогнал Первую Думу, во время которой стала опять развиваться борьба народа, но не посмел сразу изменить избирательный закон. В 1907 году борьба рабочих еще более ослабела, и царь, разогнав Вторую Думу, совершил государственный переворот (3 июня 1907 года); он нарушил все свои самые торжественные обещания не издавать законов без согласия Думы и изменил избирательный закон так, что большинство в Думе наверняка доставалось помещикам и капиталистам, партии черносотенцев и их прислужникам.

И победы и поражения революции дали великие исторические уроки русскому народу. Чествуя пятилетнюю годовщину 1905 года, постараемся выяснить себе главное содержание этих уроков.

Первый и основной урок — тот, что *только* революционная

борьба масс способна добиться сколько-нибудь серьезных улучшений в жизни рабочих и в управлении государством. Никакое «сочувствие» рабочим со стороны образованных людей, никакая геройская борьба одиночек-террористов не могли подорвать царского самодержавия и всевластия капиталистов. Только борьба самих рабочих, только совместная борьба миллионов могла сделать это, и, когда ослабевала *такая* борьба, сейчас же начиналось отнятие того, что рабочие завоевали. Русская революция подтвердила то, о чем поется в международной рабочей песне:

«Никто не даст нам избавленья,
Ни бог, ни царь и ни герой;
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой».

Второй урок—тот, что недостаточно подорвать, ограничить царскую власть. Ее надо *уничтожить*. Пока царская власть не уничтожена, уступки царя всегда будут непрочны. Царь давал уступки, когда натиск революции усиливался, и брал назад все уступки, когда натиск ослабевал. Только завоевание демократической республики, свержение царской власти, переход власти в руки народа может избавить Россию от насилия и произвола чиновников, от черносотенно-октябристской Думы, от всевластия помещиков и помещичьих прислужников в деревне. Если бедствия крестьян и рабочих стали теперь, после революции, еще более тяжелыми, чем прежде, то это расплата за то, что революция была слаба, что царская власть не была свергнута. 1905 год, а затем две первые Думы и их разгон научили народ очень многому, научили прежде всего общей борьбе за политические требования. Народ, пробуждаясь к политической жизни, сначала требовал от самодержавия уступок: чтобы царь созвал Думу, чтобы царь заменил старых министров новыми, чтобы царь «дал» всеобщее избирательное право. Но самодержавие не шло и не могло идти на такие уступки. На просьбы об уступках самодержавие отвечало штыками. И тогда народ начал приходить к сознанию о необходимости *борьбы* против самодержавной власти. Теперь Столыпин и черная, господская Дума еще с большей силой вбивают, можно сказать, это понимание в голову крестьянам. Вбивают и вобьют.

Царское самодержавие тоже извлекло для себя урок из революции. Оно увидело, что полагаться на веру крестьян в царя нельзя. Оно укрепляет теперь свою власть посредством союза с черносотенными помещиками и октябристскими фабрикантами. Чтобы свергнуть царское самодержавие, нужен теперь гораздо более сильный натиск революционной массовой борьбы, чем в 1905 году.

Возможен ли такой гораздо более сильный натиск? Ответ на

этот вопрос приводит нас к *третьему и самому главному* уроку революции. Этот урок состоит в том, что мы видели, *как* действуют различные классы русского народа. До 1905-го года многим казалось, что весь народ одинаково стремится к свободе и хочет одинаковой свободы; по крайней мере, у громадного большинства не было никакого ясного понятия о том, что различные классы русского народа различно относятся к борьбе за свободу и добиваются неодинаковой свободы. Революция рассеяла туман. В конце 1905 года, а затем также и во время Первой и Второй Думы *все* классы русского общества выступили открыто. Они показали себя на деле, обнаружили, каковы их настоящие стремления, за что они могут бороться и насколько сильно, упорно, энергично они способны бороться.

Фабрично-заводские рабочие, промышленный пролетариат вел самую решительную и самую упорную борьбу с самодержавием. Пролетариат начал революцию девятым января и массовыми стачками. Пролетариат довел борьбу до конца, поднявшись на вооруженное восстание в декабре 1905 года, на защиту расстреливаемых, избиваемых, истязуемых крестьян. Число бастовавших рабочих в 1905 году было около *трех миллионов* (а с железнодорожниками, почтовыми служащими и т. д., наверное, до четырех миллионов), в 1906 году — один миллион, в 1907— $^3/_4$ миллиона. Подобной силы стачечного движения не видывал еще мир. Русский пролетариат показал, какие непочатые силы таятся в рабочих массах, когда назревает действительно революционный кризис. Величайшая в мире стачечная волна 1905 года далеко еще не исчерпала всех боевых сил пролетариата. Например, в московском фабричном округе было 567 тысяч фабрично-заводских рабочих и 540 тысяч стачечников, а в петербургском — 300 тысяч фабрично-заводских рабочих и 1 миллион стачечников. Значит, рабочие московского района далеко еще не развили такого упорства в борьбе, как петербургские. А в Лифляндской губернии (город Рига) на 50 тысяч рабочих было 250 тысяч стачечников, то-есть каждый рабочий бастовал, в среднем, более чем по пяти раз в 1905 году. Теперь во всей России никак не менее трех миллионов фабричных, горных и железнодорожных рабочих, и число это каждый год возрастает; при такой силе движения, как в Риге в 1905 году, они могли бы выставить армию в *15 миллионов стачечников.*

Перед таким натиском не устояла бы никакая царская власть. Но всякий понимает, что подобного натиска нельзя вызвать искусственно, по желанию социалистов или передовых рабочих. Такой натиск возможен только тогда, когда всю страну охватывает кризис, возмущение, революция. Чтобы подготовить такой натиск, нужно втянуть в борьбу самые отсталые слои рабочих, нужно вести годы и годы упорную, широкую, неуклонную

пропагандистскую, агитационную и организационную работу, создавая и укрепляя всякого вида союзы и организации пролетариата.

По силе борьбы рабочий класс России стоял впереди всех остальных классов русского народа. Самые условия жизни рабочих делают их способными к борьбе и толкают на борьбу. Капитал собирает рабочих большими массами в крупных городах, сплачивает их, обучает совместным действиям. На каждом шагу рабочие сталкиваются лицом к лицу со своим главным врагом— с классом капиталистов. Борясь с этим врагом, рабочий становится *социалистом,* приходит к сознанию необходимости полного переустройства всего общества, полного уничтожения всякой нищеты и всякого угнетения. Становясь социалистами, рабочие с беззаветной отвагой борются против всего, что стоит им поперек пути, и прежде всего против царской власти и крепостников-помещиков.

Крестьяне тоже выступили на борьбу против помещиков и против правительства в революции, но их борьба была гораздо более слабой. Сосчитано, что из фабричных рабочих участвовало в революционной борьбе, в стачках — большинство (до $^{3}/_{5}$), а из крестьян, несомненно, только меньшинство: наверное, не больше одной пятой или одной четвертой части. Крестьяне боролись менее упорно, более разрозненно, менее сознательно, все еще надеясь нередко на доброту царя-батюшки. В 1905 — 1906 годах крестьяне, собственно, только попугали царя и помещиков. А их надо не попугать, их надо *уничтожить, их* правительство — *царское* правительство — надо стереть с лица земли. Теперь Столыпин и черная, помещичья Дума стараются создать из богатых крестьян новых помещиков-хуторян, союзников царя и черной сотни. Но чем больше помогает царь и Дума крестьянам-богатеям разорять массу крестьян, тем сознательнее становится эта масса, тем меньше будет она сохранять веру в царя, веру крепостных рабов, веру забитых и темных людей. С каждым годом все больше становится в деревне сельских рабочих, — им негде искать спасения, кроме как в союзе с городскими рабочими для общей борьбы. С каждым годом все больше становится в деревне разоренных, обнищавших до конца, изголодавшихся крестьян, — из них миллионы и миллионы пойдут, когда поднимется городской пролетариат, на более решительную, на более сплоченную борьбу с царем и помещиками.

В революции принимала участие также либеральная буржуазия, т.-е. либеральные помещики, фабриканты, адвокаты, профессора и т. д. Они составляют партию «народной свободы» (к.-д., кадеты). Они много обещали народу и много шумели о свободе в своих газетах. Они имели большинство депутатов в Первой и Второй Думах. Они сулились «мирным путем» до-

биться свободы, они осуждали революционную борьбу рабочих и крестьян. Крестьяне и многие из крестьянских депутатов («трудовиков») верили этим посулам и шли покорно и послушно за либералами, сторонясь от революционной борьбы пролетариата. В этом состояла величайшая ошибка крестьян (и многих горожан) во время революции. Либералы одной рукой, да и то очень-очень редко, помогали борьбе за свободу, а другую руку всегда протягивали царю, обещая ему сохранить и укрепить его власть, помирить крестьян с помещиками, «утихомирить» «буйных» рабочих.

Когда революция дошла до решительной борьбы с царем, до декабрьского восстания 1905 года, либералы все целиком подло изменили свободе народа, отшатнулись от борьбы. Царское самодержавие воспользовалось этим предательством народной свободы либералами, воспользовалось темнотою крестьян, во многом веривших либералам, и разбило восставших рабочих. А когда был разбит пролетариат, никакие Думы, никакие сладкие речи кадетов, никакие их посулы не удержали царя от уничтожения всех остатков свободы, от восстановления самодержавия и всевластия крепостников-помещиков.

Либералы оказались обманутыми. Крестьяне получили тяжелый, но полезный урок. Не бывать на Руси свободе, пока широкие массы народа верят либералам, верят в возможность «мира» с царской властью, сторонятся от революционной борьбы рабочих. Никакая сила на земле не удержит наступления свободы в России, когда поднимется на борьбу масса городского пролетариата, отодвинет колеблющихся и предательских либералов, поведет за собой сельских рабочих и разоренное крестьянство.

А что пролетариат России подымется на такую борьбу, что он станет вновь во главе революции, — за это ручается все экономическое положение России, весь опыт революционных годов.

Пять лет тому назад пролетариат нанес первый удар царскому самодержавию. Для русского народа блеснули первые лучи свободы. Теперь опять восстановлено царское самодержавие, опять царят и правят крепостники, опять повсюду насилия над рабочими и крестьянами, везде азиатское самодурство властей, подлое надругательство над народом. Но тяжелые уроки не пропадут даром. Русский народ не тот, что был до 1905 года. Пролетариат обучил его борьбе. Пролетариат приведет его к победе.

«Рабочая Газета» [109]) *№ 1, 12 ноября (31 октября) 1910 г.*

ПИСЬМО А. М. ГОРЬКОМУ.

22 ноября 1910.

Дорогой А. М.! Писал Вам несколько дней тому назад, посылая «Рабочую Газету», и спрашивал, что вышло из журнала, о котором мы летом беседовали и о котором Вы обещали мне написать.

Сегодня читаю в «*Речи*» объявление о «*Современнике*», издаваемом «при ближайшем и *исключительном* (так и напечатано! неграмотно, но тем более претенциозно и многозначительно) участии Амфитеатрова» и при Вашем постоянном сотрудничестве [200]).

Что это? Как это? «Большой ежемесячный» журнал, с отделами «политики, науки, истории, общественной жизни», — ведь это совсем, совсем не то, что сборники, стремившиеся концентрировать лучшие силы художественной литературы. Ведь такой журнал либо должен иметь вполне определенное, серьезное, выдержанное *направление*, либо он будет неизбежно срамиться и срамить своих участников. Есть направление у «*Вестника Европы*» — плохое, жидкое, бездарное, но направление, служащее определенному элементу, известным слоям буржуазии, объединяющее тоже определенные круги профессорской, чиновничьей и, так называемой, интеллигенции из «приличных» (желающих быть приличными, вернее) либералов. Есть направление у «*Русской Мысли*» — поганое, но направление, служащее очень хорошую службу контр-революционной либеральной буржуазии. Есть направление у «*Русского Богатства*» — народническое, народнически-кадетское, но направление, десятки лет держащее свою линию, обслуживающее известные слои населения. Есть направление и у «*Современного Мира*» — зачастую меньшевистски-кадетское (теперь с уклоном в сторону партийного меньшевизма), но направление. Журнал без направления — вещь нелепая, несуразная, скандальная и вредная. А какое же направление может быть при «исключительном участии» Амфи-

театрова? Ведь не Г. Лопатин способен дать направление, а если верны разговоры (говорят, попавшие и в газеты) об участии Качоровского, то это — «направление», но направление из тупоумных, эсеровское.

Когда мы беседовали с Вами летом и я рассказал вам, что совсем было написал Вам огорченное письмо об «*Исповеди*», но не послал его из-за начавшегося тогда раскола с махистами, то Вы ответили: «*напрасно* не послали». Затем Вы же попрекали меня тем, что в каприйскую школу я не поехал, и говорили, что откол махистов-отзовистов мог бы Вам стоить, при ином течении дел, меньше нервов, меньше растраты сил. Помня эти беседы, я решил теперь писать Вам, не откладывая и не дожидаясь никаких проверок, под свежим впечатлением новости.

Я думаю, что политический и экономический толстый журнал, при исключительном участии Амфитеатрова, — вещь еще во много раз худшая, чем особая фракция махистов-отзовистов. Плохого в этой фракции было и есть то, что *идейное* течение отходило и отходит от марксизма, от социал-демократии, не договариваясь однако до разрыва с марксизмом, а только путая.

Амфитеатровский журнал (хорошо сделало его «Красное Знамя», что во время умерло! [201]) есть политическое выступление, политическое предприятие, в котором даже и сознания нет о том, что общей «левизны» для политики мало, что после 1905-го года всерьез говорить о политике без выяснения отношений к марксизму и к социал-демократии нельзя, невозможно, немыслимо.

Выходит скверно. Настроение у меня грустное.

Ваш Ленин.

Марии Федоровне salut et fraternité *)!

Впервые напечатано в 1924 г. в «Ленинском Сборнике» I.

Печатается по рукописи.

---

*) — братский привет! *Ред.*

ДВА МИРА.

О Магдебургском съезде германской с.-д. партии писали уже много во всех газетах, и все главные события на этом съезде, все перипетии борьбы достаточно известны[202]). Внешняя сторона борьбы ревизионистов с ортодоксами, драматические эпизоды съезда чересчур заполняли внимание читателей в ущерб уяснению принципиального значения этой борьбы, идейно-политических корней расхождения. А между тем, магдебургские прения — главным образом, по вопросу о голосовании баденцев за бюджет — дали в высшей степени интересный материал, характеризующий два мира идей и две классовые тенденции *внутри* с.-д. рабочей партии Германии. Голосование за бюджет лишь одно из проявлений этого расхождения двух миров, расхождения столь глубокого, что ему несомненно предстоит выразиться по поводам гораздо более серьезным, гораздо более глубоким и важным. И теперь, когда в Германии явно для всех *надвигается* великая революционная буря, следует взглянуть на магдебургские прения, как на маленький смотр небольшой частички армии (ибо вопрос о голосовании за бюджет есть лишь небольшая частичка основных вопросов с.-д. тактики) *перед* началом кампании.

Что показал этот смотр относительно понимания своих задач разными частями пролетарской армии? Что говорит нам этот смотр о том, как будут себя вести эти разные части армии? — вот вопросы, на которых мы намерены остановиться.

Начнем с одного частного (на первый взгляд) столкновения. Вождь ревизионистов, Франк, усердно подчеркивал, как и все баденцы, что министр фон-Бодман сначала отрицал «равноправие» с.-д. с другими, буржуазными, партиями, а потом как бы взял это «оскорбление» назад. Бебель в своем реферате сказал по этому поводу:

... «Если министр современного государства, представитель существующего государственного и общественного порядка — а целью современного государства, как политического учреждения,

является защита и поддержание существующего государственного и общественного строя против всех нападений со стороны социал-демократов, защита при надобности и посредством насилия, — если такой министр говорит, что он не признает равноправия социал-демократии, то он с своей точки зрения вполне прав». Франк перебивает Бебеля и кричит: «Неслыханно!» Бебель продолжает, отвечая ему: «Я нахожу это вполне естественным». Франк снова восклицает: «Неслыханно!»

Почему так возмущен был Франк? Потому, что он насквозь пропитан верой в буржуазную «законность», в буржуазное «равноправие», не понимая исторических *пределов* этой законности, не понимая, что вся эта законность *должна*, неизбежно должна разлететься вдребезги, раз дело коснется основного и главного вопроса о сохранении буржуазной собственности. Франк целиком пропитан мелкобуржуазными конституционными иллюзиями; поэтому он не понимает исторической *условности* конституционных порядков даже в такой стране, как Германия; он верит в абсолютное значение, в абсолютную силу буржуазной (вернее: буржуазно-феодальной) конституции в Германии, искренне *оскорбляясь* тем, что конституционный министр не хочет признать «равноправия» его, Франка, члена парламента, человека, действующего вполне по закону. Упиваясь этой законностью, Франк доходит до того, что забывает непримиримость буржуазии с пролетариатом, и незаметно для себя переходит на позицию тех, кто считает эту буржуазную законность вечной, кто считает социализм умещающимся в рамках этой законности.

Бебель сводит вопрос с этих конституционных иллюзий, свойственных буржуазной демократии, на реальную почву классовой борьбы. Можно ли «оскорбляться» тем, что равноправия на почве буржуазного права не признает за нами, врагами всего буржуазного строя, защитник этого строя? Ведь одно уже допущение того, что меня может оскорблять это, показывает непрочность моих социалистических убеждений!

И Бебель старается втолковать Франку социал-демократические взгляды посредством наглядных примеров. Нас не мог «оскорбить» — говорил Бебель Франку — исключительный закон против социалистов; мы были полны гнева и ненависти, «и если бы мы тогда могли, мы ринулись бы в бой, как нам того от души хотелось, мы разбили бы вдребезги все, что стояло нам поперек пути» (*бурные возгласы одобрения* — отмечает в этом месте стенографический отчет). «Мы были бы изменниками нашему делу, если бы мы не сделали этого» (*Правильно!*). «Но мы не могли этого сделать».

Меня оскорбляет, что конституционный министр не признает равноправия социалистов, — рассуждает Франк. Вас не должно оскорблять отрицание равноправия человеком, говорит Бебель,

который не очень давно душил вас, попирая все «принципы», который должен был душить вас, защищая буржуазный строй, и который должен будет завтра душить вас (этого Бебель не сказал, но он ясно намекнул на это; почему Бебель так осторожен, что ограничивается намеками, мы скажем в своем месте). Мы были бы изменниками, если бы не задушили этих врагов пролетариата, имея к тому возможность.

Два мира идей: с одной стороны, точка зрения пролетарской классовой борьбы, которая может в известные исторические периоды идти на почве буржуазной законности, но которая *неизбежно* приводит к развязке, прямой схватке, к дилемме: «разбить вдребезги» буржуазное государство или быть разбитым и задушенным. С другой стороны, точка зрения реформиста, мелкого буржуа, который за деревьями не видит леса, за мишурой конституционной законности не видит ожесточенной классовой борьбы, в захолустьи какого-нибудь маленького государства забывает великие исторические вопросы современности.

Реформисты мнят себя реальными политиками, людьми положительной работы, государственными мужами. Эти детские иллюзии выгодно поддерживать в пролетариате хозяевам буржуазного общества, но социал-демократы должны беспощадно разрушать их. Слова о равноправии — «ничего не значащие фразы», говорил Бебель. «Кто может поймать на удочку этих фраз целую социалистическую фракцию, тот государственный человек, — говорил Бебель при общем смехе партийного съезда, — но те, кто дают себя поймать, те уже совсем не государственные люди». Это не в бровь, а в глаз всевозможным оппортунистам социализма, которые дают себя поймать национал-либералам в Германии, кадетам в России. «Отрицатели — говорил Бебель — часто добивались гораздо большего, чем люди, так называемой, положительной работы. Резкая критика, резкая оппозиция падает всегда на благодарную почву, если эта критика справедлива, а наша, несомненно, справедлива».

Оппортунистические фразы о положительной работе означают во многих случаях работу *на либералов,* вообще работу на других, кто держит в руках власть, кто определяет направление деятельности данного государства, общества, коллектива. И Бебель прямо сделал этот вывод, заявив, что «у нас в партии не мало таких национал-либералов, которые ведут национал-либеральную политику». В пример он привел *Блоха,* небезъизвестного редактора, так называемого (по словам Бебеля — *так называемого*), «Социалистического Ежемесячника» («Sozialistische Monatshefte»). «Национал-либералам не место в нашей партии», — прямо заявил Бебель при общем одобрении съезда.

Посмотрите на список сотрудников «Социалистического Ежемесячника». Там *все* представители международного оппортунизма.

Там не могут нахвалиться поведением наших ликвидаторов. Разве это не два мира идей, когда вождь германской социал-демократии объявляет редактора этого органа национал-либералом?

Оппортунисты всего мира клонят к политике блока с либералами, то прямо и открыто провозглашая и осуществляя ее, то проповедуя или оправдывая избирательные соглашения с либералами, поддержку их лозунгов и т. п. Бебель еще и еще раз разоблачил всю фальшь, всю лживость этой политики, и про его слова без преувеличения можно сказать, что их должен знать и помнить всякий социал-демократ.

«Если я, как социал-демократ, вхожу в союз с буржуазными партиями, то можно ставить 1000 против 1, что в выигрыше будут не социал-демократы, а буржуазные партии, мы же окажемся в проигрыше. Это — *политический закон*, что повсюду, где правые и левые вступают в союз, левые теряют, правые выигрывают...

Если я вхожу в политический союз с *принципиально* враждебной мне партией, тогда мне приходится по необходимости приспособлять мою тактику, т.-е. мои приемы борьбы, к тому, чтобы не разрывать этого союза. Я уже не смогу тогда критиковать беспощадно, не смогу бороться принципиально, ибо тогда я задену своих союзников; я буду вынужден молчать, прикрывать многое, оправдывать то, чего нельзя оправдать, затушевывать то, чего нельзя затушевывать».

Оппортунизм потому и является оппортунизмом, что он *коренные* интересы движения приносит в жертву минутным выгодам или соображениям, основанным на самом близоруком, поверхностном расчете. Франк говорил в Магдебурге с пафосом о том, что министры в Бадене «хотят нас, социал-демократов, привлечь к совместной работе!»

Не вверх надо смотреть, а вниз — говорили мы во время революции нашим оппортунистам, увлекавшимся неоднократно различными кадетскими перспективами. Бебель, имея перед собой Франков, говорил в своем заключительном слове в Магдебурге: «Массам непонятно, что есть социал-демократы, своим вотумом доверия поддерживающие правительство, которое массы всего охотнее совсем бы устранили. У меня часто получается впечатление, что часть наших вождей перестала понимать страдания и бедствия масс (*бурное одобрение*), что им чуждо положение масс». А «повсюду в Германии в массах накопился громадный запас озлобления».

«Мы переживаем — говорил в другом месте своей речи Бебель — такое время, когда особенно непозволительны гнилые компромиссы. Классовые противоречия не смягчаются, а обостряются. Мы идем на встречу очень, очень серьезным временам. Что будет после предстоящих выборов? Подождем и посмотрим. Если дойдет дело до того, что в 1912 году разразится европейская война, тогда вы увидите, что нам придется пережить, на каком

посту придется нам стоять. Наверное, не на том, который заняли теперь баденцы».

В то время как одни успокаиваются самодовольно на том положении вещей, которое сделалось в Германии привычным, Бебель все внимание обращает сам и советует обратить партии на неизбежно предстоящую перемену. «До сих пор все, что мы пережили, это стычки на аванпостах, мелочи» — говорил Бебель в заключительном слове. Главная борьба предстоит впереди. И с точки зрения этой главной борьбы вся тактика оппортунистов является верхом бесхарактерности и близорукости.

Говоря о грядущей борьбе, Бебель ограничивается намеками. Ни разу не говорит он прямо о том, что революция надвигается в Германии, хотя мысль его, несомненно, такова, — все указания на обострение противоречий, на трудность реформ в Пруссии, на безвыходное положение правительства и командующих классов, на рост озлобления в массах, на опасность европейской войны, на усиление экономического гнета в силу дороговизны жизни, объединения капиталистов в тресты и картели и т. д. и т. д., — все клонит явственно к тому, чтобы выяснить партии и массам неизбежность революционной борьбы.

Почему так осторожен Бебель, почему он ограничивается одними наводящими указаниями? Потому, что нарастающая революция в Германии встречает особую, своеобразную политическую ситуацию, которая не похожа на другие предреволюционные эпохи в других странах и которая требует поэтому от вождей пролетариата решения некоторой *новой* задачи. Главная особенность этой своеобразной предреволюционной ситуации состоит в том, что грядущая революция неизбежно должна быть несравненно более глубокой, более серьезной, втягивающей более широкие массы в более трудную, упорную, долгую борьбу, чем все предыдущие революции. А в то же время эта предреволюционная ситуация отличается наибольшим (по сравнению с прежним) господством *законности*, ставшей поперек дороги тем, кто ввел эту законность. Вот в чем своеобразие положения, вот в чем трудность и новизна задачи.

Ирония истории сделала то, что господствующие классы Германии, создавшие самое сильное во всей 2-ой половине XIX века, государство, укрепившие условия наиболее быстрого капиталистического прогресса и условия самой прочной конституционной законности, самым явственным образом подходят теперь к положению, когда эту законность, *их* законность *приходится* сломать, приходится — во имя сохранения господства буржуазии.

Германская с.-д. рабочая партия в течение около полувека использовала буржуазную законность образцово, создав наилучшие пролетарские организации, превосходную печать, подняв на самый высокий уровень (какой только возможен при капита-

лизме) сознательность и сплоченность социалистического пролетарского авангарда.

Теперь близится время, когда эта полувековая полоса германской истории *должна*, в силу объективных причин должна смениться иной полосой. Эпоха использования созданной буржуазией законности *сменяется* эпохой величайших революционных битв, при чем битвы эти *по сути дела* будут разрушением *всей* буржуазной законности, *всего* буржуазного строя, *а по форме* должны начаться (и начинаются) растерянными потугами буржуазии избавиться от ею же созданной и для нее ставшей невыносимою законности! «Стреляйте первые, господа буржуа!» — в этих словах выразил в 1894 году Энгельс своеобразие положения и своеобразие тактических задач революционного пролетариата[203]).

Социалистический пролетариат ни на минуту не забудет, что ему предстоит и предстоит неизбежно революционная массовая борьба, ломающая всю и всякую законность осужденного на смерть буржуазного общества. И в то же время у партии, великолепно использовавшей полувековую законность буржуазии *против* буржуазии, нет ни малейших оснований отказываться от тех удобств в борьбе, от того плюса в сражении, что *враг запутался* в своей собственной законности, что враг вынужден «стрелять первым», вынужден рвать свою собственную законность.

Вот в чем своеобразие предреволюционной ситуации в современной Германии. Вот почему так осторожен старый Бебель, все внимание направляющий на предстоящую великую борьбу, всю силу своего громадного таланта, своего опыта, своего авторитета обрушивающий против близоруких и бесхарактерных оппортунистов, которые этой борьбы не понимают, которые не годятся для нее в вожди, которым придется, вероятно, во время революции превратиться из *вождей* в *ведомых*, а то и в отбрасываемых прочь.

В Магдебурге с этими вождями спорили, их порицали, им ставили официальный ультиматум, как представителям всего того, что накопилось в великой революционной армии ненадежного, слабого, зараженного буржуазной законностью, отупевшего от благоговейного преклонения перед этой законностью, перед всей ограниченностью *одной* из эпох рабовладения, т.-е. одной из эпох буржуазного господства. Порицая оппортунистов, грозя им исключением, германский пролетариат тем самым порицал в своей могучей организации все элементы застоя, неуверенности, дряблости, неуменья порвать с психологией умирающего буржуазного общества. Порицая плохих революционеров в своей среде, передовой класс сделал один из последних смотров своим силам перед вступлением на путь социальной революции.

* * *

В то время, как внимание всех революционных с.-д. во всем мире было устремлено на то, как германские рабочие готовятся к борьбе, выбирают момент для нее, внимательно следят за врагом и *очищают* себя от слабостей оппортунизма, — оппортунисты всего мира злорадствовали по поводу разногласий Люксембург и Каутского насчет оценки данного момента, насчет того, сейчас *или еще не сейчас,* сию минуту *или в следующую минуту* наступает и наступит один из таких поворотных пунктов, которым было 9-ое января в русской революции. Оппортунисты злорадствовали, старались разжечь эти, не имеющие первостепенного значения, разногласия и на страницах «Социалистического Ежемесячника», и в «Голосе Социал-Демократа» (Мартынов), и в «Жизни», «Возрождении», и т. п. ликвидаторских органах, и в «Neue Zeit» (Мартов) *). Мизерность этих приемов оппортунистов всех стран запечатлена в Магдебурге, где разногласия среди революционных социал-демократов Германии не играли никакой заметной роли. Оппортунисты рано стали злорадствовать. Магдебургский съезд *принял* первую часть предложенной *Розою Люксембург* резолюции, в которой прямо указывается на массовую стачку, как средство борьбы.

«Социал-Демократ» № 18, 29 (16) ноября 1910 г.

---

*) В «Neue Zeit» Мартову дана была решительная отповедь тов. Карским.

О ДЕМОНСТРАЦИИ ПО ПОВОДУ СМЕРТИ МУРОМЦЕВА.

ЗАМЕТКА.

«Эта Дума» — пишет кадетская «Речь» по поводу первого заседания четвертой сессии черносотенной Думы — «сегодняшний день окончательно и бесповоротно отрезала себя от народных настроений и национального сознания». Говорится это, конечно, по поводу отказа черносотенцев и октябристов почтить память председателя I Думы, Муромцева. [204])

Трудно было бы рельефнее, чем в приведенной фразе, выразить всю фальшь той точки зрения, на которой стоят наши либералы по отношению к борьбе за свободу вообще и к демонстрации по поводу кончины Муромцева, в частности.

Нет сомнения, что демонстрация против царского правительства, против самодержавия, против черносотенной Думы была необходима по поводу смерти Муромцева, что демонстрация состоялась, что участвовали в ней самые различные и самые широкие слои населения, самые различные партии от социал-демократии до кадетов, «прогрессистов» и польских октябристов (польского коло [205])), включительно. И точно так же нет сомнения, что оценка этой демонстрации кадетами в сотый и тысячный раз показывает, насколько чужды они демократии, насколько *гибельно* для дела демократии в России ведение этого дела или хотя бы руководящее участие в этом деле наших кадетов.

Все демократы и все либералы участвовали и должны были участвовать в демонстрации по поводу смерти Муромцева, ибо в потемках режима черной Думы такая демонстрация дала возможность открытого и сравнительно широкого выражения *протеста* против самодержавия. Самодержавие царя вело отчаянную борьбу против введения представительных учреждений в России. Самодержавие подделывало и искажало созыв первого парламента в России, когда пролетариат и революционное крестьянство вырвали у него массовой борьбой необходимость такого созыва. Самодержавие глумилось и надругалось над демократией,

над народом, *поскольку* голос народа, голос демократии раздавался в I Думе. Самодержавие преследует теперь даже воспоминание об этом слабом выражении требований демократии в I Думе (выражение этих требований было гораздо слабее, беднее, уже, менее жизненно во время I Думы и с ее трибуны, чем осенью 1905 года с трибун, которые создала себе волна открытой массовой борьбы).

Вот почему демократия и либерализм могли и должны были сойтись на демонстрации протеста против самодержавия по всякому поводу, напоминавшему массам о революции. Но, сойдясь на общей демонстрации, они *не могли* не выразить *своего* отношения и к оценке задач демократии вообще и к истории I Думы, в частности. А первый же приступ к такой оценке показал невыносимое убожество, политическое бессилие и политическое слабоумие нашего буржуазного либерализма.

Подумайте только: черная Дума «сегодня», 28 (15) октября 1910 года, «окончательно и бесповоротно отрезала себя» от народа! Значит, она не была до сих пор отрезана от него бесповоротно. Значит, участие в чествовании памяти Муромцева устраняло, способно было устранить «отрезанность» от «народных настроений», то-есть отрезанность от демократии тех или иных из наших контр-революционеров. Поймите же, господа, претендующие на высокое звание демократов, что вы сами, больше чем кто бы то ни было, принижаете значение демонстрации, опошляете ее, когда ставите вопрос таким образом. «При самой невысокой морально-политической оценке III Думы — пишет «Речь» — казалось нелепым думать, что она способна отклонить от себя этот элементарный долг почтить с трибуны имя того, кто с таким достоинством и блеском открыл ее (!!) и освятил». Услужили, нечего сказать: Муромцев открыл и освятил «ее», III Думу! Нечаянно кадеты сказали этими словами ту горькую правду, что измена русского либерализма и русской буржуазии революционной борьбе и восстанию конца 1905-го года «открыла и освятила» эпоху контр-революции вообще и III Думы, в особенности. «Полагали, — пишет «Речь»,— что кучка политических скандалистов не в состоянии будет заглушить голос приличия и такта в большинстве Думы». Вот как! вопрос шел и идет о «приличии и такте», а не о протесте против самодержавия. Вопрос ставится не так, что демократия «*отрезывается*» от контр-революции, а так, что либерализм *объединяется* с контр-революцией. Либерализм становится на почву контр-революции, приглашая ее представителей, октябристов, участвовать в чествовании памяти Муромцева не для выражения протеста против самодержавия, а для выполнения «приличия и такта». Муромцев «открыл и освятил» (бывают же такие поганые слова!) первый, царем созванный, якобы-парламент; вы,

господа октябристы, сидите в третьем, царем созванном, якобы-парламенте, — не будет ли «неприлично и бестактно» отказаться выполнить «элементарный долг». Как великолепно отражает этот совсем маленький пример, это одно только рассуждение кадетского официального органа всю идейную и политическую гнилость нашего либерализма. Его линия — *уговаривать* самодержавие, черносотенных помещиков и их союзников, октябристов, а не развивать *демократическое* сознание масс. Его удел поэтому — неизбежный и неотвратимый удел подобного буржуазного либерализма во всякой буржуазно-демократической революции — вечно оставаться рабом монархии и феодалов, вечно получать от них пинки сапогом.

Если бы у кадетских депутатов была хоть капля понимания задач демократии, они и в III Думе позаботились бы не о выполнении *октябристами* «элементарного долга», а о демонстрации перед *народом*. Не заявление председателю нужно было для этого подать (оглашение такого заявления, по § 120 наказа, зависит от усмотрения председателя), а добиться тем или иным путем постановки вопроса на обсуждение.

Если бы у кадетских писателей была хоть капля понимания задач демократии, они не упрекали бы октябристов в бестактности, а разъяснили бы, что поведение III Думы как раз и подчеркивает значение демонстрации по поводу смерти Муромцева, как раз и поднимает вопрос с *обывательски*-мещанской болтовни о «приличии и такте» на высоту *политической* оценки современного режима и роли различных партий.

Но демонстрация по поводу смерти Муромцева не могла не поднять также другого вопроса, именно вопроса об историческом значении I Думы. Нечего и говорить, что кадеты, имевшие в ней большинство и упоенные в то время надеждой на кадетское министерство, на «мирный» переход к свободе, на укрепление своей гегемонии среди демократии, превозносят Муромцева, как «национального героя». Трудовики, в лице г. Жилкина, опустились до того, что, присоединяясь к этому либеральному хору, прямо чествовали Муромцева, как политического «воспитателя» левых партий [206].

Подобная оценка I Думы кадетами и трудовиками имеет то важное значение, что показывает крайне низкий уровень политического сознания в русском «обществе». «Общество», восхищающееся политической ролью кадетов в I Думе, не в праве жаловаться на Столыпина и III Думу: оно имеет как раз такое правительство, которого заслуживает. Гегемония либерализма в русском освободительном движении неминуемо означает его слабость и неустранимость господства диких помещиков. Только отстранение либерализма пролетариатом и пролетарская гегемония *давали* победы революции и *способны* дать их еще.

Эпоха I Думы была таким периодом, когда побежденный

в декабре пролетариат собирал силы для нового натиска. Революционная стачка, ослабевшая после декабря, снова могуче подняла голову; за рабочими потянулись крестьяне (крестьянские волнения охватили весной 1906 г. 46% уездов Европейской России); усилились солдатские «бунты». Перед либеральной буржуазией стояла дилемма: помочь новому *революционному* натиску масс, и тогда победа над царизмом была возможна, — или отвернуться от революции и тем облегчить победу царизму. Новый подъем массовой борьбы, новые колебания буржуазии, нерешительность и выжидание царизма — вот в чем *суть* перводумской эпохи, вот в чем *классовая основа* этой полосы в русской истории.

Кадеты, как главенствующая партия в I Думе, и Муромцев, как один из главарей этой партии, проявили полное непонимание политического положения и совершили новое предательство демократии. Они отвернулись от революции, осуждали массовую борьбу, ставили ей всевозможные препятствия и старались использовать нерешительность царизма, пугая его революцией и требуя сделки (= кадетское министерство) *от имени* революции. Понятно, что такая тактика была по отношению к демократии *изменой*, по отношению к царизму — бессильным, якобы, «конституционным» бахвальством. Понятно, что царизм только выигрывал время для сосредоточения своих сил, «*играя*» в переговоры с кадетами и *готовя* разгон Думы и государственный переворот. Пролетариат и часть крестьянства поднялись на новую борьбу весной 1906 г., — их вина или их беда состояла в том, что они боролись не достаточно решительно и не в достаточном числе. Либералы весной 1906 г. упивались игрой в конституцию и переговорами с Треповым, осуждая тех, мешая делу тех, кто один только мог *сломить* Треповых.

Фарисеи буржуазии любят изречение: de mortuis aut bene aut nihil (о мертвых либо молчать, либо говорить хорошее). Пролетариату нужна *правда* и о живых политических деятелях и о мертвых, ибо те, кто действительно заслуживает имя политического деятеля, не умирают для политики, когда наступает их физическая смерть. Говорить условную ложь о Муромцеве — значит вредить делу пролетариата и делу демократии, развращать сознание масс. Говорить горькую правду про кадетов и про тех, кто давал себя вести (и проводить) кадетам, — значит чествовать *великое* в первой русской революции, значит помогать успеху второй.

«Социал-Демократ» № 18, 29 (16) ноября 1910 г.
Подпись: Н. Ленин.

НЕ НАЧАЛО ЛИ ПОВОРОТА?

Настоящий номер был уже сверстан, когда мы получили петербургские и московские газеты от 25 (12) ноября. Как ни недостаточны сведения легальной печати, но из них вытекает все же несомненно, что в целом ряде городов произошли студенческие сходки, манифестации, уличные шествия с протестом против смертной казни, с речами против правительства. Петербургская демонстрация 24 (11) ноября, даже по сведениям держащих себя совершенно по-октябристски «Русских Ведомостей», собрала *не менее 10.000 человек* на Невском. Та же газета сообщает, что на Петербургской стороне «у Народного Дома к шествию присоединилось много рабочих. У Тучкова моста шествие остановилось. Полицейский отряд никак не мог остановить шествие, и толпа прошла с пением и флагами на Большой проспект Васильевского острова. Только у университета полиции удалось рассеять толпу».

Полиция и войска вели себя, разумеется, истинно-русски.

Откладывая до следующего номера оценку этого несомненного демократического подъема, мы не можем не сказать здесь несколько слов об отношении разных партий к демонстрации. «Русские Ведомости», поместившие 24 (11)-го *ложное* известие, что демонстрация отменена, сообщают 25 (12)-го, будто с.-д. не приняли никакого постановления, а отдельные депутаты из них даже высказывали свое отрицательное отношение, и лишь одни трудовики в принятой резолюции сочли невозможным препятствовать демонстрации. Мы не сомневаемся, что это позорящее наших с.-д. депутатов сообщение ложно; вероятно, оно так же злостно выдумано «*Русскими Ведомостями*», как и их вчерашнее сообщение об отмене демонстрации. «Голос Москвы» сообщает 25 (12)-го, что, «за исключением с.-д., депутаты всех партий относятся отрицательно к выступлению студенчества на улицах» [207]).

Ясно, что кадетские и октябристские органы сугубо «уклоняются от истины», будучи запуганы совершенно нелепыми,

смешными криками правых о том, что «пружины, готовящие демонстрацию, нажимаются из Таврического Дворца».

А что кадеты вели себя недостойно, это — факт. «Речь» поместила 24 (11)-го, в день демонстрации, воззвание депутатов к.-д., приглашающее не устраивать демонстрации. Мотивировка и в этом воззвании и в передовице «Речи» поистине подлая: «не омрачать» скорбных дней! «устраивать манифестации, соединять их с памятью Толстого» — значит обнаруживать «отсутствие искренней любовности к священной памяти»!! и т. д. в чисто-октябристском духе (сравните передовицу от 24 (11)-го в «Голосе Москвы» с почти буквально тождественными фразами).

К счастью, подлая подножка, подставленная демократии кадетами, не удалась. Демонстрация все же состоялась. И если полицейская «Россия» продолжает винить во всем кадетов, ухитряясь даже в их воззвании видеть «разжигание», то в Думе, по словам «Голоса Москвы», и октябристы и крайние правые (Шульгин) оценили *заслугу* кадетов, признали их «противниками демонстрации».

Кого весь ход русской революции не научил тому, что дело освободительного движения в России *безнадежно*, пока им руководят кадеты, пока он не умеет оберечь себя от измен кадетов, тот пусть учится снова и снова на фактах современной политики, на истории демонстрации 24 (11)-го ноября.

Первое же начало демократического подъема — начало кадетских гнусностей.

Отметим еще сообщение «Голоса Москвы», что рабочие предложили будто бы студентам устроить грандиозную демонстрацию 27 (14)-го. Доля правды тут, наверное, есть, ибо сегодня (28 (15) ноября) парижские газеты сообщают об аресте в С.-Петербурге 13-ти членов бюро профессиональных союзов за *попытку* организовать рабочую манифестацию [208]).

«Социал-Демократ» № 18, 29 (16) ноября 1910 г.

ТОВАРИЩАМ-СЛУШАТЕЛЯМ ШКОЛЫ В БОЛОНЬЕ [209]).

Уважаемые товарищи!

На Ваше предложение взять на себя чтение лекций в Болонье я не могу согласиться по причинам, во-первых, принципиальным, а во-вторых, по невозможности для меня ехать в Болонью.

И направление и приемы деятельности той группы, которая устроила школу на Капри и в Болонье, я считаю вредными для партии и несоциал-демократическими.

«Платформа», которую выпустили устроители каприйской школы и часть (правда, меньшая часть) их учеников, состоит из защиты отступлений от марксизма как в философии, так и в политике, в определении тактических задач нашей партии. Кроме того, устройство школы в Болонье противоречит и этой «платформе» и требованиям партийности, ибо устроители действуют раскольнически, не только не помогая (ни деньгами, которые у них имеются, ни личным трудом) школьной комиссии, назначенной пленумом Ц.К. в январе 1910 г., но прямо срывая все начинания этой комиссии.

Понятно, поэтому, что никакого участия в предприятиях этой антипартийной и разрывающей с социал-демократизмом группы я принимать не могу.

Но, разумеется, *слушателям* школы в Болонье я с величайшим удовольствием, независимо от их взглядов и симпатий, готов прочесть ряд лекций и по вопросу о тактике, и о положении партии, и об аграрном вопросе. Для этого позволю себе пригласить товарищей слушателей на обратном пути в Париж, где было бы возможно организовать целый ряд лекций. Деньги на поездку можно найти таким образом: 1) Устроители каприйской школы взяли в долг у большевиков 500 франков. Теперь они имеют деньги и, вероятно, возвратят долг партии, т.-е. Заграничному Бюро Ц. К. Я, с своей стороны, готов добиваться

ассигнования этих денег на поездку из Болоньи в Париж, и думаю, что большевик, делегированный нами в Заграничное Бюро Ц.К., всячески будет содействовать этому. 2) Если 500 франков мало (я не знаю, сколько слушателей в Болонье и сколько могли бы ехать), то есть еще 1.500 фр., ассигнованных пленумом Ц.К. для школьной комиссии, с которой порвали дело устроители школы в Болонье. Я думаю, что можно бы добиться ассигнования этой суммы на курс лекций в Париже для слушателей, которые пожелали бы приехать из Болоньи.

Париж достаточно велик, чтобы устроиться в нём вполне конспиративно (есть кварталы, где русских совсем нет), а кроме того можно устроиться в окрестностях Парижа.

Закончу выражением благодарности слушателям школы в Болонье за их товарищеское приглашение и выражением надежды на то, что будет принято мое предложение о поездке в Париж.

С товарищеским приветом Н. Ленин *).

Написано 3 декабря 1910 г.

Впервые напечатано в 1911 г. в «Отчете второй высшей социал-демократической пропагандистско-агитаторской школы для рабочих». Издание группы «Вперед».

Печатается по тексту «Отчета», сверенному с копией, написанной рукой Н. К. Крупской.

---

*) В рукописи Н. К. Крупской подпись отсутствует. *Ред.*

НАЧАЛО ДЕМОНСТРАЦИЙ.

После трех лет революции, с 1905 по 1907 год, Россия пережила три года контр-революции, с 1908 по 1910 год, три года черной Думы, разгула насилия и бесправия, натиска капиталистов на рабочих, отнятия тех завоеваний, которые рабочими были сделаны. Царское самодержавие, только надломанное, но не уничтоженное в 1905 году, собралось с силами, соединилось с помещиками и капиталистами в III Думе и снова ввело в России старые порядки. Еще сильнее стал гнет капиталистов над рабочими, еще наглее беззакония и произвол чиновников в городе и, особенно, в деревне, еще свирепее расправа с борцами за свободу, еще чаще смертные казни. Царское правительство, помещики и капиталисты бешено *мстили* революционным классам, и пролетариату в первую голову, за революцию, — точно торопясь воспользоваться перерывом массовой борьбы для уничтожения своих врагов.

Но бывают такие враги, которых можно в нескольких сражениях разбить, можно придавить на время, но *нельзя* уничтожить. Полная победа революции вполне возможна, и такая победа совершенно уничтожила бы царскую монархию, смела бы с лица земли крепостников-помещиков, передала бы все их земли без выкупа крестьянам, заменила бы чиновничье управление демократическим самоуправлением и политической свободой. Такие преобразования не только возможны, они *необходимы* в каждой стране в XX веке, они совершены уже во *всех* европейских государствах более или менее полно, ценой более или менее долгой и упорной борьбы.

Но *никакие*, даже самые полные победы реакции, *никакое* торжество контр-революции *не может* уничтожить врагов царского самодержавия, врагов помещичьего и капиталистического гнета, потому что враги эти — миллионы рабочих, которые все более скопляются в городах и на крупных фабриках, заводах, железных дорогах. Враги эти — разоряемое крестьянство, которому еще во много раз тяжеле живется теперь, при соединении

земских начальников и богатых крестьян для грабежа *по закону*, для отнятия крестьянской земли *с согласия* помещичьей Думы, *под защитой* всех помещичьих и военных властей. Таких врагов, как рабочий класс, как крестьянская беднота, уничтожить нельзя.

И мы видим теперь, как после трех лет самого бесшабашного разгула контр-революции *народные массы*, больше всего угнетенные, придавленные, забитые, запуганные всякого вида преследованиями, снова начинают поднимать голову, снова просыпаются и начинают приниматься за борьбу. Три года казней, преследований, диких расправ уничтожили десятки тысяч одних «врагов» самодержавия, заперев в тюрьмы и услав в ссылку сотни тысяч других, запугали еще сотни и сотни тысяч третьих. Но миллионы и десятки миллионов теперь уже не те, чем они были до революции. Эти миллионы *никогда* еще в истории России не переживали таких наглядных, наглядных уроков, такой открытой борьбы классов. Что в этих миллионах и десятках миллионов началось новое глубокое, глухое брожение, — это видно из летних стачек текущего года и из недавних демонстраций.

Рабочие стачки в России и во время подготовки революции и во время самой революции были самым распространенным средством борьбы пролетариата, этого передового класса, который один только является до конца революционным классом в современном обществе. Экономические и политические стачки, то чередуясь друг с другом, то переплетаясь в одно неразрывное целое, сплачивали массы рабочих против класса капиталистов и самодержавного правительства, вносили брожение во все общество, поднимали на борьбу крестьянство.

Когда в 1895 году начались непрерывные массовые стачки, это было началом полосы подготовки народной революции. Когда в январе 1905 года в один месяц число стачечников перешло за 400 тысяч, это было началом самой революции. Все три года революции число стачечников, постепенно падая (почти 3 миллиона в 1905 г., 1 миллион в 1906, $^3/_4$ миллиона в 1907 г.), было так высоко, как никогда еще не было ни в одной стране в мире.

Когда в 1908 году число стачечников резко упало сразу (174 тысячи) и еще резче в 1909 г. (64 тысячи), это означало конец первой революции или вернее первой полосы революции.

И вот, с лета текущего года начинается опять подъем. Число экономических стачечников *возрастает* и возрастает очень сильно. Полоса *полного* господства черносотенной реакции кончилась. Начинается полоса нового подъема. Пролетариат, *отступавший* — хотя и с большими перерывами — с 1905 по 1909 год, собирается с силами и начинает переходить в *наступление*. Оживление в некоторых отраслях промышленности сейчас же ведет к оживлению пролетарской борьбы.

Пролетариат начал. Другие, буржуазные, демократические

классы и слои населения, продолжают. Смерть умеренно-либерального, чуждого демократии, председателя I Думы, Муромцева, вызывает первое робкое начало манифестаций. Смерть Льва Толстого вызывает — впервые после долгого перерыва — *уличные демонстрации* с участием преимущественно студенчества, но отчасти также и рабочих. Прекращение работы целым рядом фабрик и заводов в день похорон Толстого показывает начало, хотя и очень скромное, демонстративных забастовок.

В самое последнее время зверства царских тюремщиков, истязавших в Вологде и Зерентуе наших товарищей каторжан, преследуемых за их геройскую борьбу в революции, подняли еще выше брожение среди студентов. Повсюду в России происходят сходки и митинги, полиция силой врывается в университеты, избивает учащихся, арестует их, преследует газеты за малейшее правдивое слово о волнениях и всем этим только усиливает волнения.

Пролетариат начал. Демократическая молодежь продолжает. Русский народ просыпается к новой борьбе, идет навстречу новой революции.

Первое же начало борьбы показало нам опять, что живы те силы, которые поколебали царскую власть в 1905 г. и которые разрушат ее в этой грядущей революции. Первое же начало борьбы показало нам опять значение *массового* движения. Никакие преследования, никакие расправы не могут остановить движения, раз поднялись *массы*, раз начали шевелиться миллионы. Преследования только разжигают борьбу, втягивают в нее новые и новые ряды борцов. Никакие покушения террористов не помогут угнетенным массам, и никакие силы на земле не остановят масс, когда они поднимутся.

Теперь они начали подниматься. Этот подъем, может быть, пойдет быстро, — может быть, пойдет медленно и с перерывами, но он, во всяком случае, идет к революции. Русский пролетариат шел впереди всех в 1905 году. Вспоминая это славное прошлое, он должен напречь теперь все усилия, чтобы восстановить, укрепить, развить свою организацию, свою партию, Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию. Наша партия переживает ныне трудные дни, но она непобедима, как непобедим пролетариат.

За работу же, товарищи! Беритесь везде и повсюду за постройку организаций, за создание и укрепление рабочих с.-д. партийных ячеек, за развитие экономической и политической агитации. В первой русской революции пролетариат научил народные массы бороться за свободу, во второй революции он должен привести их к победе!

«Рабочая Газета» № 2, 31 (18) декабря 1910 г.

ЧТО ДЕЛАЕТСЯ В ДЕРЕВНЕ?

В газетах ведутся споры по поводу новой книги бывшего министра земледелия Ермолова о «современной пожарной эпидемии в России». Либеральная печать отметила, что пожары в деревне после революции не ослабели, а усилились. Реакционные газеты подхватили крики и вопли Ермолова о «безнаказанности поджигателей», о «терроре в деревне» и т. д. Число пожаров в деревне возросло в чрезвычайных размерах: например, в Тамбовской губернии с 1904 по 1907 г. — *вдвое*, в Орловской — *в 2½ раза*, в Воронежской — *в 3 раза*. «Сколько-нибудь состоятельные крестьяне — пишет лакействующее перед правительством «Новое Время» — ... желают идти на хутора, они пытаются заводить новую культуру, но точно в неприятельской стране они испытывают партизанскую осаду со стороны одичавшей деревенской вольницы. Их жгут и травят, травят и жгут, «хоть бросай все и беги, куда глаза глядят»» [210]).

Неприятное признание приходится делать сторонникам царского правительства! Для нас, социал-демократов, новые данные не безынтересны, как лишнее подтверждение лжи правительства и жалкого бессилия либеральной политики.

Революция 1905 г. вполне показала, что старые порядки в русской деревне осуждены историей бесповоротно. Никакая сила в мире не сможет укрепить эти порядки. Как переделать их? Крестьянские массы ответили на это своими восстаниями 1905 года, ответили через своих депутатов I и II Думы. Помещичьи земли должны быть отобраны у помещиков безвозмездно. Когда 30.000 помещиков (с Николаем Романовым во главе) имеют *70 миллионов* десятин земли, а 10 миллионов крестьянских дворов почти такое же количество, ничего иного кроме кабалы, безысходной нищеты, разорения и застоя во всем народном хозяйстве получиться не может. И Социал-Демократическая Рабочая Партия звала крестьян на революционную борьбу. Рабочие всей России своими массовыми стачками 1905 года объединяли и направляли крестьянскую борьбу. План либералов «помирить»

крестьян с помещиками на «выкупе по справедливой оценке» был пустой, жалкой, предательской уверткой.

Как хочет переделать старые деревенские порядки столыпинское правительство? Оно хочет ускорить полное разорение крестьян, сохранить помещичьи земли, помочь ничтожной кучке богатых крестьян «выйти на хутора», оттягать как можно больше общинной земли. Правительство поняло, что вся масса крестьян против него, и оно старается найти себе союзников из крестьянских богатеев.

Чтобы осуществить правительственную «реформу», нужны «20 лет покоя», сказал однажды сам Столыпин. «Покоем» он называет покорность крестьян, отсутствие борьбы против насилия. А без насилия земских начальников и прочих властей, без насилия на каждом шагу, без насилия над *десятками миллионов*, без подавления малейших проявлений их самостоятельности, Столыпинская «реформа» проводиться не может. «Покоя» не только на 20 лет, но и на три года Столыпин не создал и создать не может, — вот та неприятная истина, которую напомнила царским слугам книга бывшего министра о деревенских пожарах.

У крестьян нет и быть не может иного выхода из того положения отчаянной нужды, нищеты, голодной смерти, в которое их ставит правительство, как массовая борьба вместе с пролетариатом за свержение царской власти. Подготовка сил пролетариата для такой борьбы, создание, развитие, укрепление пролетарских организаций, — вот в чем очередная задача Р. С.-Д. Р. П.

«Рабочая Газета» № 2, 31 (18) декабря 1910 г.

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ БАБУШКИН.

НЕКРОЛОГ.

Мы живем в проклятых условиях, когда возможна такая вещь: крупный партийный работник, гордость партии, товарищ, всю свою жизнь беззаветно отдавший рабочему делу, пропадает без вести. И самые близкие люди, как жена и мать, самые близкие товарищи годами не знают, что сталось с ним: мается ли он где на каторге, погиб ли в какой тюрьме или умер геройской смертью в схватке с врагом. Так было с Иваном Васильевичем, расстрелянным Ренненкампфом. Узнали мы об его смерти лишь совсем недавно.

Имя Ивана Васильевича близко и дорого не одному социалдемократу. Все, знавшие его, любили и уважали его за его энергию, отсутствие фразы, глубокую выдержанную революционность и горячую преданность делу. Петербургский рабочий, он в 1895 г., с группой других сознательных товарищей, энергично ведет работу за Невской Заставой среди рабочих Семянниковского, Александровского, Стеклянного заводов, образовывает кружки, устраивает библиотеки и сам все время страстно учится.

Все мысли его направлены на то, как бы расширить работу. Он принимает деятельное участие в составлении *первого агитационного листка*, выпущенного в С.-Петербурге осенью 1894 года, листка к Семянниковским рабочим, и самолично распространяет его. Когда в С.-Петербурге образовывается «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», Иван Васильевич становится одним из активнейших его членов и работает в нем вплоть до своего ареста. Идея создания за границей политической газеты, которая послужила бы делу объединения и укрепления с.-д. партии, обсуждалась вместе с ним его старыми товарищами по петербургской работе — основателями «Искры», и встретила с его стороны самую горячую поддержку. Пока Иван Васильевич остается на воле, «Искра» не терпит недостатка в чисто-рабочих корреспонденциях. Просмотрите первые 20 номеров «Искры», все эти корреспонденции из Шуи, Иваново-Вознесенска, Орехово-

Зуева и др. мест центра России: почти все они проходили через руки Ивана Васильевича, старавшегося установить самую тесную связь между «Искрой» и рабочими. Иван Васильевич был самым усердным корреспондентом «Искры» и горячим ее сторонником. Из центрального района Бабушкин перебирается на юг, в Екатеринослав, где его арестуют и сажают в тюрьме в Александровске. Из Александровска он бежит вместе с другим товарищем, перепилив решотку окна. Не зная ни одного иностранного языка, он пробирается в Лондон, где тогда была редакция «Искры». Много переговорено было там, много вопросов обсуждено совместно. Но Ивану Васильевичу не привелось быть на втором съезде партии... тюрьма и ссылка выбили его надолго из строя. Поднимавшаяся революционная волна выдвигала новых работников, новых партийных деятелей, а Бабушкин жил в это время на далеком севере, в Верхоленске, оторванный от партийной жизни. Времени он даром не терял, учился, готовился к борьбе, занимался с рабочими, товарищами по ссылке, старался сделать их сознательными социал-демократами и большевиками. В 1905 г. подоспела амнистия, и Бабушкин двинулся в Россию. Но и в Сибири в это время кипела борьба, и там нужны были такие люди, как Бабушкин. Он вступил в Иркутский Комитет и с головой ринулся в работу. Приходилось выступать на собраниях, вести социал-демократическую агитацию и организовывать восстание. В то время, как Бабушкин с пятью другими товарищами — имена их не дошли до нас — вез в Читу большой транспорт оружия в отдельном вагоне, поезд был настигнут карательной экспедицией Ренненкампфа, и все шестеро, безо всякого суда, были немедленно же расстреляны на краю вырытой на скорую руку общей могилы. Умерли они, как герои. Об их смерти рассказали солдаты-очевидцы и железнодорожники, бывшие на этом же поезде. Бабушкин пал жертвою зверской расправы царского опричника, но, умирая, он знал, что дело, которому он отдал всю свою жизнь, не умрет, что его будут делать десятки, сотни тысяч, миллионы других рук, что за это дело будут умирать другие товарищи-рабочие, что они будут бороться до тех пор, пока не победят...

* * *

Есть люди, которые сочинили и распространяют басню о том, что Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия есть партия «интеллигентская», что рабочие от нее оторваны, что рабочие в России — социал-демократы без социал-демократии, что так было в особенности до революции и, в значительной мере, во время революции. Либералы распространяют эту ложь из ненависти к той революционной борьбе масс, которой руководила

в 1905 г. Р.С.-Д.Р.П., а из социалистов перенимает эту лживую теорию кое-кто по неразумию или легкомыслию. Биография Ивана Васильевича Бабушкина, десятилетняя социал-демократическая работа этого *рабочего-искровца* служит наглядным опровержением либеральной лжи. И. В. Бабушкин — один из тех рабочих-передовиков, которые за *10 лет* до революции начали создавать *рабочую* социал-демократическую партию. Без неустанной, геройски-упорной работы *таких* передовиков в пролетарских массах Р.С.-Д.Р.П. не просуществовала бы не только десяти лет, но и десяти месяцев. Только благодаря деятельности *таких* передовиков, только благодаря их поддержке, Р.С.-Д.Р.П. выросла к 1905 г. в партию, которая *неразрывно слилась* с пролетариатом в великие октябрьские и декабрьские дни, которая сохранила эту связь в лице *рабочих депутатов* не только II, но и III, черносотенной, Думы.

Либералы (кадеты) хотят превратить в народного героя недавно умершего председателя I Думы, С. А. Муромцева. Мы, социал-демократы, не должны пропускать случая, чтобы выразить презрение и ненависть царскому правительству, которое преследовало даже таких умеренных и безобидных чиновников, как Муромцев. Муромцев был только либеральным чиновником. Он не был даже демократом. Он боялся революционной борьбы масс. Он ждал свободы для России не от такой борьбы, а от доброй воли царского самодержавия, от *соглашения* с этим злейшим и беспощадным врагом русского народа. В таких людях смешно видеть народных героев русской революции.

А такие народные герои есть. Это — люди, подобные Бабушкину. Это — люди, которые не год и не два, а целые 10 лет перед революцией посвятили себя целиком борьбе за освобождение рабочего класса. Это — люди, которые не расстратили себя на бесполезные террористические предприятия одиночек, а действовали упорно, неуклонно среди пролетарских масс, помогая развитию *их* сознания, *их* организации, *их* революционной самодеятельности. Это — люди, которые встали во главе вооруженной массовой борьбы против царского самодержавия, когда кризис наступил, когда революция разразилась, когда миллионы и миллионы пришли в движение. Все, что отвоевано было у царского самодержавия, отвоевано *исключительно* борьбой масс, руководимых такими людьми, как Бабушкин.

Без таких людей русский народ остался бы навсегда народом рабов, народом холопов. С такими людьми русский народ завоюет себе полное освобождение от всякой эксплуатации.

Прошла уж пятая годовщина декабрьского восстания 1905 года. Будем чествовать эту годовщину, вспоминая рабочих-передовиков, которые пали в борьбе с врагом. Мы обращаемся с просьбой к товарищам-рабочим собирать и пересылать нам воспоми-

нания о тогдашней борьбе и дополнительные сведения о Бабушкине, а также о других социал-демократических рабочих, павших в восстании 1905 г. Мы намерены издать брошюру с жизнеописанием таких рабочих. Такая брошюра будет лучшим ответом всяким маловерам и умалителям Российской Социал-Демократической Рабочей Партии. Такая брошюра будет лучшим чтением для молодых рабочих, которые будут учиться по ней, как надо жить и действовать всякому сознательному рабочему.

«Рабочая Газета» № 2, 31 (18) декабря 1910 г.

Л. Н. ТОЛСТОЙ [211]).

Умер Лев Толстой. Его мировое значение, как художника, его мировая известность, как мыслителя и проповедника, и то и другое отражает, по-своему, мировое значение русской революции.

Л. Н. Толстой выступил, как великий художник, еще при крепостном праве. В ряде гениальных произведений, которые он дал в течение своей более чем полувековой литературной деятельности, он рисовал преимущественно старую, дореволюционную Россию, оставшуюся и после 1861 года в полукрепостничестве, Россию деревенскую, Россию помещика и крестьянина. Рисуя эту полосу в исторической жизни России, Л. Толстой сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе. Эпоха подготовки революции в одной из стран, придавленных крепостниками, выступила, благодаря гениальному освещению Толстого, как шаг вперед в художественном развитии всего человечества.

Толстой-художник известен ничтожному меньшинству даже в России. Чтобы сделать его великие произведения действительно достоянием *всех*, нужна борьба и борьба против такого общественного строя, который осудил миллионы и десятки миллионов на темноту, забитость, каторжный труд и нищету, нужен социалистический переворот.

И Толстой не только дал художественные произведения, которые всегда будут ценимы и читаемы массами, когда они создадут себе человеческие условия жизни, свергнув иго помещиков и капиталистов, — он сумел с замечательной силой передать настроение широких масс, угнетенных современным порядком, обрисовать их положение, выразить их стихийное чувство протеста и негодования. Принадлежа, главным образом, к эпохе 1861 — 1904 годов, Толстой поразительно рельефно воплотил в своих произведениях — и как художник, и как мыслитель и проповедник — черты исторического своеобразия всей первой русской революции, ее силу и ее слабость.

Одна из главных отличительных черт нашей революции состоит в том, что это была *крестьянская* буржуазная революция в эпоху очень высокого развития капитализма во всем мире и сравнительно высокого в России. Это была буржуазная революция, ибо ее непосредственной задачей было свержение царского самодержавия, царской монархии и разрушение помещичьего землевладения, а не свержение господства буржуазии. В особенности крестьянство не сознавало этой последней задачи, не сознавало ее отличия от более близких и непосредственных задач борьбы. И это была крестьянская буржуазная революция, ибо объективные условия выдвинули на первую очередь вопрос об изменении коренных условий жизни крестьянства, о ломке старого средневекового землевладения, о «расчистке земли» для капитализма, объективные условия выдвинули на арену более или менее самостоятельного исторического действия крестьянские массы.

В произведениях Толстого выразились и сила и слабость, и мощь и ограниченность именно крестьянского массового движения. Его горячий, страстный, нередко беспощадно-резкий протест против государства и полицейски-казенной церкви передает настроение примитивной крестьянской демократии, в которой века крепостного права, чиновничьего произвола и грабежа, церковного иезуитизма, обмана и мошенничества накопили горы злобы и ненависти. Его непреклонное отрицание частной поземельной собственности передает психологию крестьянской массы в такой исторический момент, когда старое средневековое землевладение, и помещичье и казенно-«надельное», стало окончательно нестерпимой помехой дальнейшему развитию страны и когда это старое землевладение неизбежно подлежало самому крутому, беспощадному разрушению. Его непрестанное, полное самого глубокого чувства и самого пылкого возмущения, обличение капитализма передает весь ужас патриархального крестьянина, на которого стал надвигаться новый, невидимый, непонятный враг, идущий откуда-то из города или откуда-то из заграницы, разрушающий все «устои» деревенского быта, несущий с собою невиданное разорение, нищету, голодную смерть, одичание, проституцию, сифилис — все бедствия «эпохи первоначального накопления», обостренные во сто крат перенесением на русскую почву самоновейших приемов грабежа, выработанных господином Купоном.

Но горячий протестант, страстный обличитель, великий критик обнаружил, вместе с тем, в своих произведениях такое непонимание причин кризиса и средств выхода из кризиса, надвигавшегося на Россию, которое свойственно только патриархальному, наивному крестьянину, а не европейски-образованному писателю. Борьба с крепостническим и полицейским государством, с монархией превращалась у него в отрицание политики, приводила к учению о «непротивлении злу», привела к полному

отстранению от революционной борьбы масс 1905—1907 г.г. Борьба с казенной церковью совмещалась с проповедью новой, очищенной религии, то-есть нового, очищенного, утонченного яда для угнетенных масс. Отрицание частной поземельной собственности вело не к сосредоточению всей борьбы на действительном враге, на помещичьем землевладении и его политическом орудии власти, т.-е. монархии, а к мечтательным, расплывчатым, бессильным воздыханиям. Обличение капитализма и бедствий, причиняемых им массам, совмещалось с совершенно апатичным отношением к той всемирной освободительной борьбе, которую ведет международный социалистический пролетариат.

Противоречия во взглядах Толстого — не противоречия его только личной мысли, а отражение тех в высшей степени сложных, противоречивых условий, социальных влияний, исторических традиций, которые определяли психологию различных классов и различных слоев русского общества в *по*реформенную, но *до*революционную эпоху.

И поэтому правильная оценка Толстого возможна только с точки зрения того класса, который своей политической ролью и своей борьбой во время первой развязки этих противоречий, во время революции, доказал свое призвание быть вождем в борьбе за свободу народа и за освобождение масс от эксплуатации, — доказал свою беззаветную преданность делу демократии и свою способность борьбы с ограниченностью и непоследовательностью буржуазной (в том числе и крестьянской) демократии, — возможна только с точки зрения социал-демократического пролетариата.

Посмотрите на оценку Толстого в правительственных газетах. Они льют крокодиловы слезы, уверяя в своем уважении к «великому писателю» и в то же время защищая «святейший» синод. А святейшие отцы только что проделали особенно гнусную мерзость, подсылая попов к умирающему, чтобы надуть народ и сказать, что Толстой «раскаялся». Святейший синод отлучил Толстого от церкви. Тем лучше. Этот подвиг зачтется ему в час народной расправы с чиновниками в рясах, с жандармами во Христе, с темными инквизиторами, которые поддерживали еврейские погромы и прочие подвиги черносотенной царской шайки.

Посмотрите на оценку Толстого либеральными газетами. Они отделываются теми пустыми, казенно-либеральными, избито-профессорскими фразами о «голосе цивилизованного человечества», о «единодушном отклике мира», об «идеях правды, добра» и т. д., за которые так бичевал Толстой — и справедливо бичевал — буржуазную науку. Они *не могут* высказать прямо и ясно своей оценки взглядов Толстого на государство, на церковь, на частную поземельную собственность, на капитализм, — не потому, что мешает цензура; наоборот, цензура помогает им

выйти из затруднения! — а потому, что каждое положение в критике Толстого есть пощечина буржуазному либерализму; — потому, что одна уже безбоязненная, открытая, беспощадно-резкая *постановка* Толстым самых больных, самых проклятых вопросов нашего времени *бьет в лицо* шаблонным фразам, избитым вывертам, уклончивой, «цивилизованной» лжи нашей либеральной (и либерально-народнической) публицистики. Либералы горой за Толстого, горой против синода — и, вместе с тем, они за... веховцев, с которыми «можно спорить», но с которыми «надо» ужиться в одной партии, «надо» работать вместе в литературе и в политике. А веховцев лобызает Антоний Волынский.

Либералы выдвигают на первый план, что Толстой — «великая совесть». Разве это не пустая фраза, которую повторяют на тысячи ладов и «Новое Время» и все ему подобные? Разве это не обход тех *конкретных* вопросов демократии и социализма, которые Толстым *поставлены*? Разве это не выдвигает на первый план того, что выражает предрассудок Толстого, а не его разум, что принадлежит в нем прошлому, а не будущему, его отрицанию политики и его проповеди нравственного самоусовершенствования, а не его бурному протесту против всякого классового господства? [212]).

Умер Толстой, и отошла в прошлое дореволюционная Россия, слабость и бессилие которой выразились в философии, обрисованы в произведениях гениального художника. Но в его наследстве есть то, что не отошло в прошлое, что принадлежит будущему. Это наследство берет и над этим наследством работает российский пролетариат. Он разъяснит массам трудящихся и эксплуатируемых значение Толстовской критики государства, церкви, частной поземельной собственности — не для того, чтобы массы ограничивались самоусовершенствованием и воздыханием о божецкой жизни, а для того, чтобы они поднялись для нанесения нового удара царской монархии и помещичьему землевладению, которые в 1905 году были только слегка надломаны и которые надо уничтожить. Он разъяснит массам Толстовскую критику капитализма — не для того, чтобы массы ограничились проклятиями по адресу капитала и власти денег, а для того, чтобы они научились опираться на каждом шагу своей жизни и своей борьбы на технические и социальные завоевания капитализма, научились сплачиваться в единую миллионную армию социалистических борцов, которые свергнут капитализм и создадут новое общество без нищеты народа, без эксплуатации человека человеком.

«Социал-Демократ» № 18, 29 (16) ноября 1910 г.

Годъ изданія I. Воскресенье 28-го ноября 1910 г.

НАШЪ ПУТЬ

№ 7. Общественно-экономическая газета. № 7.

СОДЕРЖАНИЕ. [illegible] —Левъ Николаевичъ Толстой. [illegible] Л. Н. Толстой и современное рабочее движеніе. [illegible] Ростовъ-на-Дону [illegible] Письмо въ редакцію.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
На 1 годъ ... 2 р. 40 к.
„ 6 мѣс. ... 1 „ 20 „
„ 3 „ ... — „ 60 „
„ 1 „ ... — „ 20 „

Цѣна отдѣльному номеру—3 к.

Адресъ редакціи: Москва, [illegible] домъ [illegible], кв. № 188.
Открыта по вторникамъ и четвергамъ отъ 6—8 ч. веч.

Рукописи, доставляемыя въ редакцію, должны быть написаны четко и на одной сторонѣ листа.
Редакція предоставляетъ право передѣлывать и сокра- [illegible]
Редакція проситъ присылать статьи и корреспонденціи, не стѣсняясь формой изложенія.
Редакція обращается ко всѣмъ періодическимъ изданіямъ съ просьбой присылать газеты и журналы въ обмѣнъ.

Л. Н. ТОЛСТОЙ И СОВРЕМЕННОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ.

Русские рабочие почти во всех больших городах России уже откликнулись по поводу смерти Л. Н. Толстого и выразили, так или иначе, свое отношение к писателю, который дал ряд самых замечательных художественных произведений, ставящих его в число великих писателей всего мира, — к мыслителю, который с громадной силой, уверенностью, искренностью *поставил* целый ряд вопросов, касающихся основных черт современного политического и общественного устройства. В общем и целом это отношение выражено в напечатанной в газетах телеграмме, посланной рабочими депутатами III Думы [218]).

Л. Толстой начал свою литературную деятельность при существовании крепостного права, но уже в такое время, когда оно явно доживало последние дни. Главная деятельность Толстого падает на тот период русской истории, который лежит между двумя поворотными пунктами ее, между 1861 и 1905 годами. В течение этого периода следы крепостного права, прямые переживания его насквозь проникали собой всю хозяйственную (особенно деревенскую) и всю политическую жизнь страны. И в то же время именно этот период был периодом усиленного роста капитализма снизу и насаждения его сверху.

В чем сказывались переживания крепостного права? Больше всего и яснее всего в том, что в России, стране по преимуществу земледельческой, земледелие было за это время в руках разоренных, обнищалых крестьян, которые вели устарелое, первобытное хозяйство на старых крепостных наделах, урезанных в пользу помещиков в 1861 году. А, с другой стороны, земледелие было в руках помещиков, которые в центральной России обрабатывали земли трудом крестьян, крестьянской сохой, крестьянской лошадью за «отрезные земли», за покосы, за водопои и т. д. В сущности, это — старая крепостническая система хозяйства. Политический строй России за это время был тоже насквозь пропитан крепостничеством. Это видно и по государственному устройству до первых приступов к изменению его

в 1905 году, и по преобладающему влиянию дворян-землевладельцев на государственные дела, и по всевластию чиновников, которые тоже были, главным образом, — особенно высшие, — из дворян-землевладельцев.

Эта старая патриархальная Россия после 1861 года стала быстро разрушаться под влиянием мирового капитализма. Крестьяне голодали, вымирали, разорялись, как никогда прежде, и бежали в города, забрасывая землю. Усиленно строились железные дороги, фабрики и заводы, благодаря «дешевому труду» разоренных крестьян. В России развивался крупный финансовый капитал, крупная торговля и промышленность.

Вот эта быстрая, тяжелая, острая ломка всех старых «устоев» старой России и отразилась в произведениях Толстого-художника в воззрениях Толстого-мыслителя.

Толстой знал превосходно деревенскую Россию, быт помещика и крестьянина. Он дал в своих художественных произведениях такие изображения этого быта, которые принадлежат к лучшим произведениям мировой литературы. Острая ломка всех «старых устоев» деревенской России обострила его внимание, углубила его интерес к происходящему вокруг него, привела к перелому всего его миросозерцания. По рождению и воспитанию Толстой принадлежал к высшей помещичьей знати в России, — он порвал со всеми привычными взглядами этой среды и, в своих последних произведениях, обрушился с страстной критикой на все современные государственные, церковные, общественные, экономические порядки, основанные на порабощении масс, на нищете их, на разорении крестьян и мелких хозяев вообще, на насилии и лицемерии, которые сверху до низу пропитывают всю современную жизнь.

Критика Толстого не нова. Он не сказал ничего такого, что не было бы задолго до него сказано и в европейской и в русской литературе теми, кто стоял на стороне трудящихся. Но своеобразие критики Толстого и ее историческое значение состоит в том, что она с такой силой, которая свойственна только гениальным художникам, выражает ломку взглядов самых широких народных масс в России указанного периода и именно деревенской, крестьянской России. Ибо критика современных порядков у Толстого отличается от критики тех же порядков у представителей современного рабочего движения именно тем, что Толстой стоит на точке зрения патриархального, наивного крестьянина, Толстой переносит его психологию в свою критику, в свое учение. Критика Толстого потому отличается такой силой чувства, такой страстностью, убедительностью, свежестью, искренностью, бесстрашием в стремлении «дойти до корня», найти настоящую причину бедствий масс, что эта критика действительно отражает перелом во взглядах миллионов крестьян, которые только что

вышли на свободу из крепостного права и увидели, что эта свобода означает новые ужасы разорения, голодной смерти, бездомной жизни среди городских «хитровцев» и т. д. Толстой отражает их настроение так верно, что сам в свое учение вносит их наивность, их отчуждение от политики, их мистицизм, желание уйти от мира, «непротивление злу», бессильные проклятья по адресу капитализма и «власти денег». Протест миллионов крестьян и их отчаяние — вот что слилось в учении Толстого.

Представители современного рабочего движения находят, что протестовать им есть против чего, но отчаиваться не в чем. Отчаяние свойственно тем классам, которые гибнут, а класс наемных рабочих неизбежно растет, развивается и крепнет во всяком капиталистическом обществе, в том числе и в России. Отчаяние свойственно тем, кто не понимает причин зла, не видит выхода, неспособен бороться. Современный промышленный пролетариат к числу таких классов не принадлежит.

«Наш Путь» [214] *№ 7, 11 декабря (28 ноября) 1910 г.*
Подпись: В. И — ин.

ТОЛСТОЙ И ПРОЛЕТАРСКАЯ БОРЬБА.

Толстой с огромной силой и искренностью бичевал господствующие классы, с великой наглядностью разоблачал внутреннюю ложь всех тех учреждений, при помощи которых держится современное общество: церковь, суд, милитаризм, «законный» брак, буржуазную науку. Но его учение оказалось в полном противоречии с жизнью, работой и борьбой могильщика современного строя, пролетариата. Чья же точка зрения отразилась в проповеди Льва Толстого? Его устами говорила вся та многомиллионная масса русского народа, которая *уже* ненавидит хозяев современной жизни, но которая *еще* не дошла до сознательной, последовательной, идущей до конца, непримиримой борьбы с ними.

История и исход великой русской революции показали, что именно таковой была та масса, которая оказалась *между* сознательным, социалистическим пролетариатом и решительными защитниками старого режима. Эта масса,— главным образом, крестьянство,— показала в революции, как велика в ней ненависть к старому, как живо ощущает она все тягости современного режима, как велико в ней стихийное стремление освободиться от них и найти лучшую жизнь.

И в то же время эта масса показала в революции, что в своей ненависти она недостаточно сознательна, в своей борьбе непоследовательна, в своих поисках лучшей жизни ограничена узкими пределами.

Великое народное море, взволновавшееся до самых глубин, со всеми своими слабостями и всеми сильными своими сторонами отразилось в учении Толстого.

Изучая художественные произведения Льва Толстого, русский рабочий класс узнает лучше своих врагов, а разбираясь в *учении* Толстого, весь русский народ должен будет понять, в чем заключалась его собственная слабость, не позволившая ему довести до конца дело своего освобождения. Это нужно понять, чтобы идти вперед.

Этому-то движению вперед мешают все те, кто объявляет Толстого «общей совестью», «учителем жизни». Это — ложь, которую сознательно распространяют либералы, желающие использовать противо-революционную сторону учения Толстого. Эту ложь о Толстом, как «учителе жизни», повторяют за либералами и некоторые бывшие социал-демократы [215]).

Только тогда добьется русский народ освобождения, когда поймет, что не у Толстого надо ему учиться добиваться лучшей жизни, а у того класса, значения которого не понимал Толстой и который единственно способен разрушить ненавистный Толстому старый мир, — у пролетариата.

«Рабочая Газета» № 2, 31 (18) декабря 1910 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. СПИСОК ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА, ОТНОСЯЩИХСЯ К ПЕРИОДУ ЯНВАРЬ 1909 Г.— ДЕКАБРЬ 1910 Г., ДО СЕГО ВРЕМЕНИ НЕ РАЗЫСКАННЫХ.

1. Доклад и заключительное слово «О современном политическом положении и задачах партии» на Всероссийской конференции Р.С.-Д.Р.П. в январе 1909 г. (декабре 1908 г.).

2. Речи на Всероссийской конференции Р.С.-Д.Р.П. в январе 1909 г. (декабре 1908 г.).

3. Доклады и речи на Совещании расширенной редакции «Пролетария» в июле 1909 г.

4. Статья «Отзовистски-ультиматистские штрейкбрехеры». (См. в настоящем томе статью «Беседа с петербургскими большевиками», стр. 173.)

5. Статья «О методах укрепления нашей партии и ее единства». (См. в настоящем томе примечание 107.)

6. Речь на заседании одиннадцатой сессии Международного Социалистического Бюро 7 ноября 1909 г. по вопросу о расколе в Голландской с.-д. рабочей партии. В настоящем томе (стр. 240) помещена только краткая запись этой речи.

7. Окончание статьи «О некоторых источниках современного идейного разброда». В настоящем томе (стр. 197) помещена только первая часть этой статьи.

8. Проект резолюции «О положении дел в партии», предложенный на январском 1910 г. пленуме Ц. К. Р.С.-Д.Р.П. (См. в настоящем томе статью «Заметки публициста. II. «Объединительный кризис» в нашей партии», стр. 305.)

9. Речи на заседаниях январского 1910 г. пленума Ц. К. Р.С.-Д.Р.П.

10. Речи в кооперативной комиссии и подкомиссии VIII Международного Социалистического Конгресса в Копенгагене в августе-сентябре 1910 г.

СПИСОК ПРОИЗВЕДЕНИЙ, АВТОРОМ КОТОРЫХ, ВОЗМОЖНО, ЯВЛЯЕТСЯ В. И. ЛЕНИН.

1. Речь Н. И. Суркова в III Государственной Думе 27 (14) апреля 1909 г. о смете расходов святейшего синода. (Стенографический отчет Государственной Думы. Третий созыв. II сессия. Часть III, стр. 2074.)
2. «К итогам думской сессии». («Социал-Демократ» № 7—8.)
3. «Петербургские выборы». («Пролетарий» № 49.)
4. «Лейпцигский партейтаг». («Пролетарий» № 49.)
5. «Думское реформаторство». («Социал-Демократ» № 10.)
6. «Националистическое земство». («Социал-Демократ» № 14.)

II. СПИСОК ИЗДАНИЙ ПЕРИОДА ЯНВАРЬ 1909 Г. — ДЕКАБРЬ 1910 Г., В РЕДАКТИРОВАНИИ КОТОРЫХ ПРИНИМАЛ УЧАСТИЕ В. И. ЛЕНИН.

За период с января 1909 г. по декабрь 1910 г. В. И. принимал участие в редактировании следующих изданий:

1) ГАЗЕТА «ПРОЛЕТАРИЙ»:

№ 41 — 20 (7) января 1909 г.
№ 42 — 25 (12) февраля 1909 г.
№ 43 — 6 марта (21 февраля) 1909 г.
«Приложение» к № 44 — 17 (4) апреля 1909 г.
№ 44 — 21 (8) апреля 1909 г.
№ 45 — 26 (13) мая 1909 г.
» № 46 — 16 (3) июля 1909 г.
№ 46 — 24 (11) июля 1909 г.
» № 47 — 48 — 18 (5) сентября 1909 г.
№ 47 — 48 — 21 (11) сентября 1909 г.
№ 49 — 16 (3) октября 1909 г.
«Отдельный оттиск» из № 50 — [конец октября 1909 г.].
«2-й оттиск» из № 50 — [ноябрь 1909 г.].
«Приложение» к № 50 — ноябрь 1909 г.
№ 50 — 11 декабря (28 ноября) 1909 г.

2) ГАЗЕТА «СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТ»:

№ 2 — 10 февраля (28 января) 1909 г.
№ 3 — 22 (9) марта 1909 г.
№ 4 — 21 (8) апреля 1909 г.
№ 5 — 6 мая (23 апреля) 1909 г.
№ 6 — 17 (4) июня 1909 г.
№ 7 — 8 — 21 (8) августа 1909 г.
№ 9 — 13 ноября (31 октября) 1909 г.
№ 10 — 6 января (24 декабря 1909 г.) 1910 г.
№ 11 — 26 (13) февраля 1910 г.
№ 12 — 5 апреля (23 марта) 1910 г.
№ 13 — 9 мая (26 апреля) 1910 г.
№ 14 — 5 июля (22 июня) 1910 г.
№ 15 — 16 — 30 (17) сентября 1910 г.
№ 17 — 8 октября (25 сентября) 1910 г.
№ 18 — 29 (16) ноября 1910 г.

3) «РАБОЧАЯ ГАЗЕТА»:

№ 1 — 12 ноября (31 октября) 1910 г.
№ 2 — 31 (18) декабря 1910 г.

4) БРОШЮРЫ:

[Зиновьев, Г. Е.] Всероссийская конференция Рос. Соц.-Дем. Рабочей Партии. (В декабре 1908 года.) Издание газ. «Пролетарий». Paris 1909 г. Стр. 47.

[Семашко, Н. А.] Александров, Н. Соц.-Дем. фракция в III Государственной Думе. Издание Центрального Органа Рос. Соц.-Дем. Рабочей Партии «Социал-Демократ». Стр. 103.

5) ПАРТИЙНЫЕ ДОКУМЕНТЫ:

Проект резолюции по «организационному вопросу», внесенный М. Н. Лядовым от имени большевиков на Всероссийской конференции (Декабрьской) Р.С.-Д.Р.П. в январе 1909 г.

Резолюция «о думской с.-д. фракции», принятая на Всероссийской конференции (Декабрьской) Р. С.-Д. Р. П. в январе 1909 г.

Объявление о перенесении за границу издания Центрального Органа — «Социал-Демократа».

Извещение Центрального Комитета Российской С.-Д. Рабочей Партии о состоявшейся очередной общепартийной конференции. Издание Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. Paris. Стр. 7.

Заявление [В. И. Ленина, Г. Е. Зиновьева, И. Ф. Дубровинского и В. К. Таратуты] в З. Б. Ц. К. от 15 (2) ноября 1909 г. о необходимости созыва пленума Ц. К.

Декларация большевиков на январском 1910 г. пленуме Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.

Заявление [В. И. Ленина, Г. Е. Зиновьева и А. С. Варского] в З. Б. Ц. К. от 5 апреля (23 марта) 1910 г. по поводу конфликтов между большевиками и меньшевиками в редакции Ц. О. — «Социал-Демократ».

Rapport du Parti socialiste-démocrate ouvrier de Russie au VIII-e congrès socialiste International à Copenhague (Доклад Российской Социал-Демократической Рабочей Партии VIII Конгрессу Социалистического Интернационала в Копенгагене). Paris 1910 г. Стр. 140.

Несколько слов товарищам - рабочим. [Обращение от редакции «Рабочей Газеты».]

Заявление [В. И. Ленина, Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева] от 5 декабря (22 ноября) 1910 г. в З. Б. Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. о возвращении «держательских» денег, вследствие нарушения ликвидаторами взятых на себя на январском 1910 г. пленуме Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. обязательств.

Резолюция, принятая на большевистском совещании в Париже 27 (14) декабря 1910 г.

6) VARIA:

Karski, J. [Мархлевский, Ю. Ю.]. Статья «Ein Missverständnis» («Недоразумение»). «Die Neue Zeit» № 4, 28 октября 1910 г.

III. УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ РАБОТ И ИСТОЧНИКОВ, УПОМИНАЕМЫХ В. И. ЛЕНИНЫМ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ XIV ТОМА.

ВОДОВОЗОВ, В.— Письмо в редакцию. «Речь» № 213 (1097), 19 (6) августа 1909 г.— 127, 128.
ВОЗЗВАНИЕ ДЕПУТАТОВ К СТУДЕНТАМ. «Речь» № 310, 24 (11) ноября 1910 г.— 387.
«ВОЗРОЖДЕНИЕ» № 1—2, 1909 г. Мартов, Л.— «Левение» буржуазии.— 62.
— № 5, 12 апреля (30 марта) 1910 г. [Миров, В.]— Журнальное обозрение.— 326, 332.
— № 5, 12 апреля (30 марта) 1910 г. Ежов, В.— «Конституционный» режим и рабочее движение.— 328.
ВОИНОВ [ЛУНАЧАРСКИЙ, А. В.].— Измена пролетарскому делу. «Вперед». Сборник статей по очередным вопросам. Издание группы «Вперед». Июль 1910 г. Стр. 64.— 349.
ВОПРОС О СТУДЕНЧЕСКОЙ МАНИФЕСТАЦИИ. «Русские Ведомости» № 261, 25 (12) ноября 1910 г. «Около Думы».— 387.
«ВПЕРЕД» № 14, 12 апреля (30 марта) 1905 г. [Ленин, В. И.]— Революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства.— 36.
«ВПЕРЕД». Сборник статей по очередным вопросам. Издание группы «Вперед», июль 1910 г. Стр. 64.— 346.
— От редакции.— 350.
— Воинов [Луначарский, А. В.].— Измена пролетарскому делу.— 349.
— Домов [Покровский, М. Н.].— Финляндский вопрос.— 350.
— Максимов [Богданов, А. А.].— Пролетариат в борьбе за социализм.— 346.
— Рабочий Ар.— Из Москвы.— 348, 349.
В ПЕТЕРБУРГЕ. Сходки и манифестации. (От наших корреспондентов.) «Русские Ведомости» № 261, 25 (12) ноября 1910 г.— 387.
В РАСШИРЕННУЮ РЕДАКЦИЮ «ПРОЛЕТАРИЯ». [Письма рабочих.] «Отдельный оттиск» из № 50 газеты «Пролетарий», 11 декабря (28 ноября) 1909 г.— 195, 196.
ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РОС. СОЦ.-ДЕМ. РАБОЧЕЙ ПАРТИИ. (В декабре 1908 года.) [Брошюра Зиновьева, Г. Е.] Paris, 1909 г. Стр. 47.— 106.
— Резолюция по отчетам.—204.
ВЫБОРГСКИЙ РАЙОН Р. С.-Д. Р. П. Письмо к товарищам социал-демократам. «Голос Социал-Демократа» № 14, май 1909 г. 15 стр.— 101, 130, 131, 206.
Г-Г. [ЛЕВИЦКИЙ, В. О.]— Ответ товарищам выборжцам. (Письмо в редакцию.) «Приложение» к № 16 «Голоса Социал-Демократа».— 206.
ГЕГЕЧКОРИ, Е. П.— Речь на 82 заседании 3-й сессии III Г. Думы 8 апреля (26 марта) 1910 г. по вопросу о нарушении правительством статьи 96 «основных законов». Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты 1910 г. Сессия третья. Часть III. С.-Петербург, 1910 г. Стр. XIX + 3243.— 275, 276.
ГЕПЕЦКИЙ, Н. Е. (священник).— Речь в III Г. Думе 27 (14) апреля 1909 г. по вопросу о смете святейшего синода. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты 1909 г. Сессия вторая. Часть III. С.-Петербург, 1909 г. Стр. XII + 2995.— 79.
ГЕРШЕНЗОН, М. [О.]—Творческое самосознание. «Вехи». Сборник статей о русской интеллигенции Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, М. О. Гершензона, С. А. Изгоева, Б. А. Кистяковского, П. Б. Струве, С. Л. Франка. Москва, 1909 г. 70—97 стр.—218, 223.

«ЖИЗНЬ» № 1, 12 сентября (30 августа) 1910 г. Мартов, Л.— Заметки публициста. «Ликвидаторство» и «перспективы». — 382.
ЖИЛКИН. И.—Живой символ. «Речь» № 273, 18 (5) октября 1910 г.—385.
ЗАГРАНИЧНОЕ БЮРО Ц. К. Р.С.-Д.Р.П. Ко всем товарищам заграницей. 16 марта 1910 г. — 260.
ЗАПРОС В Г. ДУМУ, ВНЕСЕННЫЙ 32 ЧЛЕНАМИ Г. Д. 25 (12) ДЕКАБРЯ 1909 Г. ПО ПОВОДУ НАРУШЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ СТАТЬИ 96-й «ОСНОВНЫХ ЗАКОНОВ». Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты 1910 г. Сессия третья. Часть III. С.-Петербург. Государствен. типография. 1910. Стр. XIX+3243.—275.
ЗАЯВЛЕНИЕ, ВНЕСЕННОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ БОЛЬШЕВИКОВ ИЗ ПЕТЕРБУРГА [НА СОВЕЩАНИИ РАСШИРЕННОЙ РЕДАКЦИИ «ПРОЛЕТАРИЯ»]. «Приложение» к № 46 газеты «Пролетарий». 16 (3) июля 1909 г.— 93.
[ЗИНОВЬЕВ, Г. Е.].— Всероссийская конференция Р.С.-Д.Р.П. «Пролетарий» № 42, 25 (12) февраля 1909 г.—106.
«ЗНАМЯ ТРУДА». Центральный орган партии социалистов-революционеров. №№ 9, 10—11, 12, январь, февраль, март и апрель 1908 г. — 13.
— № 13, ноябрь 1908 г. Еще о современном моменте и тактике партии. —23.
— Сначала. — 16, 17, 19.
ИЗВЕЩЕНИЕ О СОВЕЩАНИИ РАСШИРЕННОЙ РЕДАКЦИИ «ПРОЛЕТАРИЯ». [Ленин, В. И.] — «Приложение» к № 46 газеты «Пролетарий», 16 (3) июля 1909 г.—104, 116, 170.
[ИЗВЕЩЕНИЕ ОБ ОТМЕНЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МАНИФЕСТАЦИИ]. Последние известия. «Русские Ведомости» № 260, 24 (11) ноября 1910 г.— 387.
ИЗВЕЩЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА П. С.-Р. О СЪЕЗДЕ СОВЕТА ПАРТИИ И ОБЩЕПАРТИЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ. Сентябрь 1908 г. Стр. 16.— 13 — 16, 19, 22.
ИЗВЕЩЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ С.-Д. РАБОЧЕЙ ПАРТИИ О СОСТОЯВШЕЙСЯ ОЧЕРЕДНОЙ ОБЩЕПАРТИЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ. Paris. [1909 г.] Стр. 7.— 24.
ИЗГОЕВ, А. С.— Об интеллигентной молодежи. «Вехи». Сборник статей о русской интеллигенции Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, М. О. Гершензона, С. А. Изгоева, Б. А. Кистяковского, П. Б. Струве, С. Л. Франка. Москва, 1909 г. Стр. II + 209.—223.
— Соль земли. «Московский Еженедельник» № 46, 4 декабря (21 ноября) 1909 г.— 237.
ИЛЬИН, ВЛАДИМИР.— Развитие капитализма. (Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности.) С.-Петербург, книгоиздательство «Паллада», 1908 г.—213, 214.
ИЛЬИН, ВЛ.— За 12 лет. Два направления в русском марксизме и русской социал-демократии. Собрание статей. Том первый. С.-Петербург, 1908. Стр. XII + 469. — 42.
— Две тактики социал-демократии в демократической революции. «За 12 лет». Собрание статей. Том первый. С.-Петербург, 1908. Стр. XII + 469. — 42.
— Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. Москва, 1909 г. Издание «Звено», стр. III + 438.— 67.
И-[ОН]ОВ [КОЙГЕН, Ф. И.].—Как изжить партийный кризис? «Отклики Бунда» № 2, июль 1909 г.— 110.
ИОНОВ [КОЙГЕН, Ф. И.]. — Возможно ли партийное единство? «Дискуссионный Листок» № 1, 19 (6) марта 1910 г.— 309.

[ЛЕНИН, В. И.]. — О бойкоте. «Пролетарий» № 1, 3 сентября (21 августа) 1906 г. — 46, 162.
— О некоторых чертах современного распада. «Пролетарий» № 32, 15 (2) июля 1908 г. — 13.
— О фракции сторонников отзовизма и богостроительства. «Приложение» к № 47—48 газеты «Пролетарий», 24 (11) сентября 1909 г. — 169.
— Об отзовизме и ультиматизме. [Резолюция.] «Приложение» к № 46 газеты «Пролетарий», 16 (3) июля 1909 г. — 90—92, 142, 169.
— Одно из препятствий партийному единству. «Социал-Демократ» № 13, 9 мая (26 апреля) 1910 г. — 332.
— От редакции. [По поводу статьи «К очередным вопросам».] «Пролетарий» № 42, 25 (12) февраля 1909 г. — 52, 105.
ЛЕНИН, Н. — Письмо к организаторам Каприйской школы 18 августа 1909. «К вопросу о партийной школе». (Четыре документа.) 26 августа 1909 г. Издание партийной школы. — 121, 175.
[ЛЕНИН, В. И.]. — По поводу двух писем. «Пролетарий» № 39, 26 (13) ноября 1908 г. — 105, 107.
— [По поводу статьи «К очередным вопросам».] «Пролетарий» № 42, 25 (12) февраля 1909 г. — 52, 105.
— Политические заметки. «Пролетарий» № 21, 26 (13) февраля 1908 г. — 13.
— Политический кризис и провал оппортунистической тактики. «Пролетарий» № 1, 3 сентября (21 августа) 1906 г. — 46.
— Предисловие [к русскому переводу брошюры К. Каутского «Движущие силы и перспективы русской революции»]. К. Каутский. Движущие силы и перспективы русской революции. Москва, 1907 г. Книгоиздательство «Новая Эпоха». Стр. 32. — 48, 49.
— Предисловие [к сборнику «За 12 лет»]. Вл. Ильин. За 12 лет. Собрание статей. Том первый. С.-Петербург, 1908 г. Стр. XII + 469. — 335.
— Приготовление отвратительной оргии. «Пролетарий» № 19, 18 (5) ноября 1907 г. — 115.
— Проект резолюции о классовых задачах пролетариата в современный момент демократической революции. «Пролетарий» № 14, 17 (4 марта) 1907 г. — 38.
— Протест российских социал-демократов. [1899 г.] «Оттиск» из № 45 «Рабочего Дела». — 152.
— Революционный авантюризм. «Искра» № 23, 14 (1) августа 1902 г. — 19.
— Революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. «Вперед» № 14, 12 апреля (30 марта) 1905 г. — 36.
— Резолюция «о партийной школе, устраиваемой заграницей в NN». «Приложение» к № 46 газеты «Пролетарий», 16 (3) июля 1909 г. — 116, 195, 349.
— Резолюция «об отколе т. Максимова». «Приложение» к № 46 газеты «Пролетарий», 16 (3) июля 1909 г. — 92, 141, 169.
— Резолюция о тактике с.-д. фракции в Г. Думе, принятая 3-й Общероссийской конференцией 1907 г. «Пролетарий» № 20, 2 декабря (19 ноября) 1907 г. — 115.
— Тактические колебания. «Пролетарий» № 2, 11 сентября (29 августа) 1906 г. — 335.
— Эсеровские меньшевики. «Пролетарий» № 4, 2 октября (19 сентября) 1906 г. — 328.

«ОТКЛИКИ БУНДА» № 2, июль 1909 г. И[он]-ов [Койген, Ф. И.]— Как изжить партийный кризис? — 110.
— № 3, ноябрь 1909 г. Дин, Ю. — К вопросу о нашей работе. (Из № 2 «Stimme von Bund».) — 203.
— № 4, апрель 1910 г. И[он]-ов [Койген, Ф. И.] — Фракции против партии. — 303, 305, 306, 308, 311, 321.
ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО [16-ТИ РУССКИХ МЕНЬШЕВИКОВ-ЛИКВИДАТОРОВ] за подписями: «Августовский [С. О. Цедербаум], Антон [М. С. Макадзюб], Вадим [В. К. Иков], В. Петрова [Л. Н. Радченко], Георгий [Б. С. Цейтлин-Батурский], Георг [В. О. Цедербаум-Левицкий], Евг. Га-аз [В. А. Гутовский-Маевский], Крамольников [Г. И. Пригорный], Д. Кольцов [Б. А. Гинзбург], Нат. Михайлова [Р. С. Гальберштадт], Роман [К. М. Ермолаев], Ромул [М. Л. Хейсин], Соломонов [С. И. Португейс], Череванин [Ф. А. Липкин], Юрий [П. А. Бронштейн], Я. П—ий [Я. А. Пилецкий]. «Голос Социал-Демократа» № 19 — 20, январь — февраль 1910 г. — 260, 261, 323, 326, 330, 331.
ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО И.К. М.О.К. В РЕДАКЦИЮ «ПРОЛЕТАРИЯ». «Пролетарий» № 47 — 48, 18 (5) сентября 1909 г. — 124.
ОТНОШЕНИЕ К ПАМЯТИ С. А. МУРОМЦЕВА. «Речь» № 284, 29 (16) октября 1910 г. «Государственная Дума». — 383 — 385.
ОТТИСК ИЗ № 4 — 5 «РАБОЧЕГО ДЕЛА» [Ленин, В. И.] — Протест российских социал-демократов. — 152.
ОТЧЕТ ТОВ. БОЛЬШЕВИКАМ УСТРАНЕННЫХ ЧЛЕНОВ РАСШИРЕННОЙ РЕДАКЦИИ «ПРОЛЕТАРИЯ». [Листок] Максимова, Н. и Николаева. 16 (3) июля 1909 г. — 141 — 145, 147 — 154, 157, 159 — 163, 166, 169 — 172, 176, 177.
ОТЧЕТ КАВКАЗСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ ОБ ОБЩЕПАРТИЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ. Издание Центрального Бюро заграничных групп Р.С.-Д.Р.П. Paris, 1909 г. Стр. 53. — 200.
П[АНТЕЛЕЙ-ДНЕВНИЦКИЙ, Ф. О. ЦЕДЕРБАУМ]. — Кое что о работе. «Приложение» к 16-му № «Голоса Социал-Демократа». — 206.
«ПАРТИЙНЫЕ ИЗВЕСТИЯ» № 2, 20 марта 1906 г. Временное правительство и революционное самоуправление. (Проект резолюции к предстоящему съезду, выработанный группой «меньшевиков» с участием редакторов «Искры».) — 38 — 40.
— № 2, 20 марта 1906 г. Временное революционное правительство и местные органы революционной власти. (Проект резолюции к объединительному съезду Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, выработанный группой единомышленников из бывших редакторов и сотрудников «Пролетария» и нескольких практиков.) — 39, 40.
— № 2, 20 марта 1906 г. Классовые задачи пролетариата в современный момент демократической революции. (Проект резолюции.) — 38, 42.
— № 2, 20 марта 1906 г. О современном моменте революции и задачах пролетариата. (Проект резолюции к предстоящему съезду, выработанный группой «меньшевиков» с участием редакторов «Искры».) — 38, 39.
ПЕРВАЯ ОБЩЕРУССКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПАРТИЙНЫХ РАБОТНИКОВ. Отдельное приложение к № 100 «Искры». Женева, 1905 г. Стр. 30. — 37, 38.
ПЕРЦОВ, П. — Попутные заметки. Горький — буржуй. «Новое Время» № 12107, 7 декабря (24 ноября) 1909 г. — 211.

Думу.] «Пролетарий» № 49, 16(3) октября 1909. г. — 170, 173, 200.

«РЕЧЬ» № 133, 30(17) мая 1909 г. Левин, Д. — Наброски. — 82.
— № 139, 6 июня (24 мая) 1909. Озеросский, С. — О «Вехах». — 82.
— № 167, 4 июля (21 июня) 1909 г. Русские депутаты в Англии. Лондон, 2 июля (19 июня). — 114, 115.
— № 208 (1092), 14(1) августа 1909 г. К выборам в Гос. Думу. — 128.
— № 208 (1092), 14(1) августа 1909 г. С.-Петербург. [Передовица.] — 125, 127.
— № 213 (1097), 19(6) августа 1909 г. Водовозов, В. — Письмо в редакцию. — 127, 128.
— № 213 (1097), 19(6) августа 1909 г. От редакции. [Примечание к «письму в редакцию» В. Водовозова.] — 127, 128.
— № 220 (1104), 26(13) августа 1909 г. К выборам в Гос. Думу. — 128.
— № 317, 1 декабря (18 ноября) 1909 г. Об исключении Горького из с.-д. партии. — 211.
— № 318, 2 декабря (19 ноября) 1909 г. Еще об исключении Горького из с.-д. партии. — 211.
— № 324, 8 декабря (25 ноября) 1909 г. Милюков, П. — Наши политические партии в стране и в Думе. — 232, 235, 236—238.
— № 325, 9 декабря (26 ноября) 1909 г. Милюков, П. — Политические партии в стране и в Думе. — 232, 235, 236—238.
— № 330, 14(1) декабря 1909 г. Милюков, П. — Политические партии в стране и в Думе. — 232, 235, 236—238.
— № 351, 4 января 1910 г. (22 декабря 1909 г.) Милюков, П. — Политические партии в стране и в Думе. — 232, 235, 236—238.
— № 89, 14(1) апреля 1910 г. Столыпин, П. А. — Речь в III Г. Думе 13 апреля (31 марта) 1910 г. — 275, 279, 280.
— № 89, 14(1) апреля 1910 г. Покровский, И. П. — Речь в III Г. Думе 13 апреля (31 марта) 1910 г. по вопросу о нарушении правительством статьи 96 «основных законов». — 276, 280.
— № 89, 14(1) апреля 1910 г. С. Петербург, 1 апреля. — 279.
— № 284, 29(16) октября 1910 г. Отношение к памяти С. А. Муромцева. — 383, 384, 385.
— № 305, 19 (6) ноября 1910 г. Объявление [о подписке на «Современник» на 1911 год.] — 374.
— № 310, 24(11) ноября 1910 г. С. Петербург. [Передовица.] — 388, 389.
— № 310, 24(11) ноября 1910 г. Воззвание депутатов к студентам. — 387.

РОЖКОВ, Г. Е. — Речь в III Государственной Думе 29 (16) апреля 1909 г. по вопросу о смете святейшего синода. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты 1909 г. Сессия вторая. Часть III. С.-Петербург, 1909 г. Стр. XII + 2995. — 82, 83.

РОЗАНОВ, В. — Мережковский против «Вех». «Новое Время» № 11897, 10 мая (27 апреля) 1909 г. — 222.
— Между Азефом и «Вехами». «Новое Время» № 12011, 2 сентября (20 августа) 1909 г. — 222.

РОЗАНОВ, Н. С. — Речь в III Государственной Думе 29 (16) апреля 1909 г. по вопросу о смете святейшего синода. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты 1909 г. Сессия вторая. Часть III. С.-Петербург, 1909 г. Стр. XII + 2995. — 83.

«СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТ» № 12, 5 апреля (23 марта) 1910 г. [Ленин В. И.]— «Голос ликвидаторов против партии». — 285.

— № 12, 5 апреля (23 марта) 1910 г. Михаил, Роман, Юрий. — Ответ Ц.К. Р.С.-Д.Р.П. по поводу своей работы. — 285, 324, [illegible].

— № 12, 5 апреля (23 марта) 1910 г. М. — Положение партийной работы в Латышском крае. (Из отчета представителя С.-Д. Латышского края на пленуме Ц.К. Р.С.-Д.Р.П.) — 339.

— № 12, 5 апреля (23 марта) 1910 г. Плеханов, Г. В. — В защиту «подполья». — 254.

— № 13, 9 мая (26 апреля) 1910 г. К. — Что делать? (Письмо из России.) — 330.

— № 13, 9 мая (26 апреля) 1910 г. [Ленин. В. И.] — Одно из препятствий партийному единству. — 332.

— № 13, 9 мая (26 апреля) 1910 г. Плеханов, Г. — О пустяках, особенно о г. Потресове. — 334.

СТ. К. [СТАЛИН, И. В.] — Письмо с Кавказа. Тифлис. «Дискуссионный Листок» № 2, 7 июня (24 мая) 1910 г. — 317.

СТАРОВЕР, делегат [в каприйскую школу] Сокольничьего района г. Москвы. Письмо в расширенную редакцию «Пролетария». «Отдельный оттиск» из № 50 газеты «Пролетарий». — 196, 195.

СТОЛЫПИН, А. — Интеллигенты против интеллигенции. «Новое Время» № 11893, 6 мая (23 апреля) 1909 г. — 222.

СТОЛЫПИН, П. А., ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА МИНИСТРОВ, СТАТС-СЕКРЕТАРЬ. — Законопроект о порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения. «Новое Время» № 12217, 30 (17) марта 1910 г. — 271.

СТОЛЫПИН, П. А. — Речь в III Г. Думе 18 (5) декабря 1908 г. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты 1908 г. Сессия вторая. Часть 1. С. Петербург. Государственная типография. Стр. XIV + 3151. —202.

— Речь в III Г. Думе 13 апреля (31 марта) 1910 г. «Речь» № 89, 14 (1) апреля 1910 г. — 275, 279, 280.

СТРУВЕ, ПЕТР. — Интеллигенция и революция. «Вехи». Сборник статей о русской интеллигенции Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, М. О. Гершензона, С. А. Изгоева, Б. А. Кистяковского, П. Б. Струве, С. Л. Франка. Москва, 1909. Стр. II + 209. —218, 220, 222.

СУРКОВ, П. И. — Речь в III Г. Думе 27 (14) апреля по вопросу о смете святейшего синода. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты 1909 г. Сессия вторая. Часть III. С. Петербург. Государственная типография. 1909 г. — 68, 76, 79, 83.

СХОДКИ И МАНИФЕСТАЦИИ. В Петербурге на улице. «Русские Ведомости» № 261, 25 (12) ноября 1910 г. — 387.

ТЕОДОРОВИЧ, И. А. — Письмо В. И. Ленину от 3 октября (20 сентября) 1909 г. [Основное содержание письма дано в статье И. А. Теодоровича «О письме В. И. Ленина к И. Теодоровичу 1909 г.», напечатанной в журнале «Пролетарская Революция» № 4 (27) за 1924 год.] — 192.

ТИМИРЯЗЕВ, В. И. [МИНИСТР ТОРГОВЛИ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.]— Речь в III Г. Думе 26 (13) марта 1909 г. Государственная Дума. Стенографические отчеты. Третий созыв. Сессия вторая. Часть III. Стр. XII + 2956. — 61, 62.

ТКАЧ, И — Н. [СЫСОЕВ, ИВАН.] — О настроениях и запросах современного рабочего. (Из Петербурга.) «Вперед». Сборник статей по очередным вопросам. Издание группы «Вперед». Июль 1910 г. Стр. 64. — 347.

причина ее появления и будущее.) Москва, 1908 г. Стр. VII + + 245. — 209, 210, 216.

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ, Н. Г. Пролог. Роман в 2-х частях. Издание М. Н. Чернышевского. С.-Петербург. Типография М. М. Стасюлевича. 1906 г. Стр. 312. — 265.

ЧЛЕН ПАРТИИ. — О том, как не надо составлять денежные отчеты. «Вперед». Сборник статей по очередным вопросам. Издание группы «Вперед». Июль 1910 г. Стр. 64. — 350.

ШИНГАРЕВ, А., КАРАУЛОВ, В., ЩЕПКИН, Н., МАКЛАКОВ, В., ПАНКЕЕВ, Н., КИЛЕВЕЙН, Г., НОВИКОВ, А., ВОРОНКОВ, М., СКАЛОЗУБОВ, Н., СКОРОХОДОВ, А., ПОПОВ 3-й, БАШКИРОВ, В., КОМСИН, С., ЗАХАРЬЕВ, Н., СТЕПАНОВ, В., ТЕВКЕЛЕВ, К., ПЕТРОВСКИЙ, С., ВОЛКОВ, Н. 2-й, ГЕРАСИМОВ, П., БАРДИЖ, К., ИВАНОВ, Н. 2-й, ДУНАЕВ, С., БАКИН, М., МЕФОДИЕВ, Н., МАНЬКОВ, Н., НИССЕЛОВИЧ, Л., МУРЗАЕВ, М., ГУТОП, Г., ФРИДМАН, Н., ИКОННИКОВ, А., БЛЮМЕНТАЛЬ, Ю., НИКОЛЬСКИЙ, А., ВАСИЛЬЕВ, М., ЕРЕМИН, Ф., ЧЕЛНОКОВ, М., БАБЯНСКИЙ, А., КУТЛЕР, Н., НЕКРАСОВ, Н. — Воззвание депутатов к студентам. «Речь» № 310, 24 (11) ноября 1910 г. — 387.

ШУБИНСКИЙ, Н. П. — Речь в Г. Думе 8 апреля (26 марта) 1910 г. по поводу запроса о нарушении правительством статьи 96-й «основных законов». Государственная Дума. Третий созыв. Стенографические отчеты 1910 г. Сессия третья. Часть III. С.-Петербург. Государственная типография. Стр. XIX + 3243. — 278.

ЭК. — Интервью. «Утро России» № 35 — 2, 30 (17) ноября 1909 г. — 211.

ЭНГЕЛЬС, Ф. — Введение [к брошюре К. Маркса «Гражданская война во Франции 1870 — 1871]. К. Маркс. Гражданская война во Франции (1870 — 1871). С предисловием Ф. Энгельса. Перевод с немецкого под редакцией Н. Ленина. Одесса, 1905 г. Книгоиздательство «Буревестник». Стр. 70. — 70.

— Введение к «борьбе классов во Франции». Маркс, К. Собрание исторических работ. I. Борьба классов во Франции, II. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта, III. Революция и контрреволюция в Германии. Приложения: I. Ф. Энгельс. Введение к «борьбе классов во Франции», II. К. Каутский. Предисловие к революции и контр-революции. Полный перевод с немецкого под редакцией и с примечаниями В. Базарова и И. Степанова. Издание С. Скирмунта. Стр. 456. — 179.

ЭНГЕЛЬС, ФР. — Людвиг Фейербах. Перевод с немецкого Г. В. Плеханова с двумя приложениями, с новыми объяснительными примечаниями и с новым предисловием переводчика. Издание второе. Библиотека научного социализма. Женева, 1905 г. Стр. XXII + 125 + 2. — 68.

ЭНГЕЛЬС, ФРИДРИХ. — Об историческом материализме. «Исторический материализм». Сборник статей Каутского, Лафарга, Жореса, Сореля, Адлера, Штерна, Цеттербаума, Келлес-Крауза, Бельфорт-Бакса, Штиллиха. Составил и перевел Семен Бронштейн (С. Семковский). С. Петербург, 1908 г. Стр. 403. — 50.

ЭНГЕЛЬС, ФР. — Предисловие [к книге К. Маркса «Нищета философии»]. Маркс, К. Нищета философии. Ответ на философию нищеты Прудона. Перевод с французского Т. Пятина и И. Белявского, под редакцией М. М. Филиппова. Издание Забицкого и Пятина. С.-Петербург. — 66.

ЭНГЕЛЬС, ФРИДРИХ. — Философия, политическая экономия, социализм. (Переворот в науке, произведенный Дюрингом.) Перевод с 3-го немецкого издания. С.-Петербург. Издание В. И. Яковенко. 1904 г. Стр. XXIV + 478. — 68.

НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ.

ADLER. — [Речь на заседании М. С. Б. 7 ноября 1909 г. по вопросу о включении голландской S. D. P. в Интернационал.] «Bulletin Périodique du Bureau Socialiste International» Nr. 2, Bruxelles. — 243.

ALEKSINSKI. — [Речь на VI съезде с.-д. Польши и Литвы в 1908 г. по вопросу о с.-д. фракции Г. Думы.] Sprawozdanie z VI Zjazdu Socialdemokracji Krolestwa Polskiego i Litwy. Krakow, 1910. XXII + 180. — 150.

ANERKENNUNG FÜR DIE SCHWEDISCHEN SOZIALISTEN. «Bulletin Périodique du Bureau Socialiste International» Nr. 2, Bruxelles. — 242.

BERTRAND, LOUIS. — Bericht der A. P. Belgien. «Bulletin Périodique du Bureau Socialiste International» Nr. 5, Bruxelles. — 357.

BIBLIOGRAPHIE DES SOZIALISMUS. «Die Neue Zeit» Nr. 2, 28 Jahrgang, I Band. — 67.

«BULLETIN PÉRIODIQUE DU BUREAU SOCIALISTE INTERNATIONAL» Nr. 2, Bruxelles. Adler. — [Речь на заседании М. С. Б. 7 ноября 1909 г. по вопросу о включении голландской S. D. P. в Интернационал.] — 243.

— Anerkennung für die Schwedischen Sozialisten. — 242.

— Gegen die Todesstrafe im allgemeinen und insbesondere wegen politischer Vergehen. (Resolution.) — 242.

— Gegen die Verfolgungen in Rumaenien. (Resolution.) — 242.

— Die Lage in Mexiko. (Resolution.) — 242.

— Die Marokko-Expedition. (Resolution.) — 242.

— Molkenbuhr. — [Речь на заседании Междупарламентской социалистической комиссии 8 ноября 1909 г.] — 240.

— Singer. — Resolution [по вопросу о включении в Интернационал голландской S. D. P., предложенная 7 ноября 1909 г. на заседании М. С. Б.] — 243.

— Roland-Holst, Henriette. — Brief an die Mitglieder des Internationalen Sozialistischen Bureaus, 2 November 1909. — 240.

— Nr. 5. Bertrand, Louis. — Bericht der A. P. in Belgien. (Die Beziehungen zwischen Genossenschaften und politischen Parteien.) — 357.

— Resolution der S. P. (Frankreich.) (Die Beziehungen zwischen Genossenschaften und politischen Parteien.) — 358, 363.

EINE SENSATIONSNACHRICHT. «Vorwärts» Nr. 281, 2 Dezember 1909. — 211.

ENGELS, FRIEDRICH. — Briefe über die französische Arbeiterpartei. «Die Neue Zeit» Nr. 14, 1901 г. — 179.

ENGELS, FRIEDRICH. — Der Sozialismus in Deutschland. «Die Neue Zeit» Nr. 19. X Jahrgang, I Band. 1891 — 1892. 580 — 589 S. — 381.

— Ueber historischen Materialismus. «Die Neue Zeit» Nr. 1 und 2. XI Jahrgang, I Band. 1892 — 1893. — 50.

GUESDE JULES. — Le Problème et la Solution. Les huit heures à la Chambre. Paris. P. 32. — 228, 229.

KARSKI, J. — Ein Missverständnis. «Die Neue Zeit» Nr. 4, 28 Oktober 1910. — 352.

«LEIPZIGER VOLKSZEITUNG» № 259, November 1909. — 244.

MARTOFF, L. — Die preussische Diskussion und die russische Erfahrung. «Die Neue Zeit» Nr. 51, 16 September 1910. — 353 — 355.

MARX, KARL. — Theorien über den Mehrwert. Herausgegeben von Karl Kautsky. Stuttgart, 1905. S. IV + 384. — 215.
MARX, KARL UND ENGELS, FRIEDRICH. — Gesammelte Schriften. 1841 bis 1850. Dritter Band, von Mai 1848 bis Oktober 1850. Stuttgart, 1902. — 50.
MAYER, GUSTAV. — Johann Baptist von Schweitzer und die Sozialdemokratie. Ein Beitrag zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Jena, 1909. S. VII + 448 + + VI. — 299.
MOLKENBUHR, H. — Rente oder Almosen? «Die Neue Zeit» Nr. 41, 9 Juli 1909. 500 — 505 S. — 243.
— [Речь на заседании Междупарламентской социалистической комиссии 8 ноября 1909 г.] — «Bulletin Périodique du Bureau Socialiste International» № 2, Bruxelles. — 240.
«DIE NEUE ZEIT» Nr. 19. X Jahrgang, 1891 — 1892, I Band. Engels, Friedrich. — Der Sozialismus in Deutschland. — 381.
— Nr. 1 und 2. XI Jahrgang, 1892 — 1893, I Band. Engels, Friedrich. — Ueber historischen Materialismus. — 50.
— Nr. 14. XIX Jahrgang, 1900 — 1901. Engels, F. — Briefe über französische Arbeiterpartei. — 179.
— Nr. 2. XXVIII Jahrgang, 15 Oktober 1909. «Bibliographie des Sozialismus». — 67.
— Nr. 33, 14 Mai 1909. XXVII Jahrgang. Rothstein, Theodor. — Die Parteikrise der Independent Labour Party. — 67.
— [Примечание редакции к статье Rothstein'a «Die Parteikrise der Independent Labour Party».] — 67.
— Nr. 41, 9 Juli 1909. Molkenbuhr, H. — Rente oder Almosen? — 244.
— Nr. 4, 28 Oktober 1910. Karski, J. — Ein Missverständnis. — 352.
— Nr. 50, 9 September 1910. Trozky, L. — Die Entwicklungstendenzen der russischen Sozialdemokratie. — 352.
— Nr. 51, 16 September 1910. Martoff, L. — Die preussische Diskussion und die russische Erfahrung. — 353 — 355.
PAPINI STATI OPERUM. — Thebais. Edid. Alfredus Klotz. MCMVIII. — 71.
PARVUS. — Die Handelskrisis und die Gewerkschaften. Nebst Anhang: Gesetzentwurf über den achtstündigen Normalarbeitstag. München, 1901. S. 64. — 229.
«LE PEUPLE», le 23 Août 1910. Woinoff, Délégué au Congrès International de Copenhague. — Les courants tactiques dans le parti social-démokrate Russe. — 365.
«PRZEGLĄD SOZJAL-DEMOKRATYCZNY» Nr. 14 — 15, Sierpień 1909. Trocki, N. — Klopoty zewnetrzne i wewnetrzne. — 197.
DIE REDAKTION DER «STIMME DES SOZIALDEMOKRATEN». Erklärung. «Vorwärts» Nr. 151, 1 Juli 1908. «Aus der Partei». — 105, 106.
RELATIONS ENTRE LES COOPÉRATIVES ET LES PARTIS POLITIQUES. Rapport du P. O. de Belgique. «Bulletin Périodique du Bureau Socialiste International» Nr. 5. — 357.
RÉSOLUTION DER S. P. (FRANKREICH). Die Beziehungen zwischen Genossenschaften und politischen Parteien. «Bulletin Périodique du Bureau Socialiste International» Nr. 2, Bruxelles. — 358, 363.
RESOLUTION. Gegen die Todesstrafe in allgemeinen und insbesondere wegen politischer Vergehen. «Bulletin Périodique du Bureau Socialiste International» Nr. 2. Bruxelles. — 242.
— Gegen die Verfolgungen in Rumaenien. «Bulletin Périodique du Bureau Socialiste International» Nr. 2, Bruxelles. — 242.

IV. ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ.

№ 1 (к стр. 1 и 24).

РЕЗОЛЮЦИИ ВСЕРОССИЙСКОЙ (ДЕКАБРЬСКОЙ) КОНФЕРЕНЦИИ Р. С.-Д. Р. П.

I. По отчетам.

1) Конференция констатирует, что Ц. К. партии, при современных неслыханно тяжелых политических условиях и при создавшихся внутрипартийных отношениях, делает все возможное, чтобы провести в жизнь политическую линию, намеченную Лондонским съездом. Конференция предлагает Ц. К. продолжать охранение целости и единства партии и борьбу против дезорганизаторских тенденций внутри ее, ведущих к разрыву этого единства.

2) Констатируя, что в ряде мест замечаются со стороны некоторой части партийной интеллигенции попытки ликвидировать существующую организацию Р. С.-Д. Р. П. и заменить ее бесформенным объединением в рамках легальности во что бы то ни стало, хотя бы последняя покупалась ценою явного отказа от программы, тактики и традиций партии, — конференция находит необходимым самую решительную идейную и организационную борьбу с ликвидаторскими попытками и призывает всех истинно-партийных работников без различия фракций и направлений к самому энергичному сопротивлению этим попыткам.

3) Конференция полагает, что вполне успешная работа Ц. К. возможна только в том случае, если меньшинство его будет, подчиняясь партийной дисциплине, лойяльно работать в рамках одного учреждения и в его исполнительных органах, и констатирует, что отказ от такой работы означает бойкот партии.

II. О современном моменте и задачах партии.

Современное политическое положение характеризуется следующими чертами:

а) старое крепостническое самодержавие разлагается, делая еще шаг по пути превращения в буржуазную монархию, прикрывающую абсолютизм лже-конституционными формами. Открыто закреплен и признан государственным переворотом 3-го июня и учреждением III Думы союз царизма с черносотенными помещиками и верхами торгово-промышленной буржуазии. Став по необходимости окончательно на путь капиталистического развития России и стремясь отстоять именно такой путь, который сохранял бы за крепостниками-землевладельцами их власть и их доходы,

самодержавие лавирует между этим классом и представителями капитала. Их мелкие раздоры используются для поддержания абсолютизма, который вместе с этими классами ведет бешеную контр-революционную борьбу с обнаружившими свою силу в недавней массовой борьбе социалистическим пролетариатом и демократическим крестьянством;

б) таким же буржуазным характером отличается аграрная политика современного царизма. Он потерял всякую веру в наивную преданность крестьянской массы монархии. Он ищет союза с богатыми крестьянами, отдавая им деревню на разграбление. Самодержавие делает судорожные усилия, чтобы поскорее сломать все общинно-надельное землевладение и укрепить исключительно частную поземельную собственность. Такая политика обостряет во сто крат все противоречия капитализма в деревне и ускоряет разделение деревни на ничтожное меньшинство реакционеров и революционную пролетарскую и полупролетарскую массу;

в) либеральная буржуазия, с партией к.-д. во главе, вступившая на контр-революционный путь уже при первых крупных выступлениях масс в революции, продолжает идти по этому пути, еще более сближаясь с октябристами, и своей царистско-националистической агитацией фактически служит службу абсолютизму и крепостникам-помещикам;

г) крестьянские массы, как показывает даже их придавленное и искаженное представительство в III Думе, продолжают — несмотря на все преследования демократических элементов деревни — оставаться, при всех своих колебаниях, на стороне революционно-демократического аграрного переворота, который, совершенно уничтожая помещичье землевладение, обеспечил бы тем наиболее быстрое, широкое и свободное развитие производительных сил в капиталистической России. Закон 9-го ноября только ускоряет разделение крестьянских масс на непримиримо-враждебные и сознательно-политические силы;

д) на пролетариат обрушилось и обрушивается всего больше ударов и со стороны самодержавия и со стороны быстро объединяющегося и наступающего капитала. Несмотря на это, пролетариат сохраняет, по сравнению с другими классами, наибольшую сплоченность и наибольшую верность своей классовой партии, с которой слила его революция. Пролетариат продолжает борьбу за свои классовые интересы и углубляет свое социалистическое классовое сознание, оставаясь единственным классом, способным последовательно руководить новой революционной борьбой;

е) в общем и целом несомненно, что объективные задачи буржуазно-демократической революции в России остаются нерешенными. Продолжающийся экономический кризис, безработица и голодовка показывают, что новейшая политика самодержавия не может обеспечить условий капиталистического развития России. Эта политика неизбежно ведет к углублению политической борьбы различных классов. Основные факторы экономической и политической жизни, вызвавшие революцию 1905 года, продолжают действовать, и новый революционный кризис назревает при таком экономическом и политическом положении неизбежно;

ж) общее обострение на мировом рынке, объясняющееся, главным образом, изменениями промышленного положения Западной Европы в сторону кризиса, перешедшего в 1908 году в форму депрессии, и революционными движениями на Востоке, знаменующими собою создание национальных капиталистических государств, усиливает конкуренцию, ведет к учащению международных столкновений, обостряя этим классовое противоречие между буржуазией и пролетариатом и делая общую международную обстановку все более революционной.

Исходя из такого положения вещей, Всероссийская конференция Р. С.-Д. Р. П. признает, что основными задачами Партии являются в настоящий момент следующие:

1) Разъяснение широким массам народа смысла и значения новейшей

политики самодержавия и роли социалистического пролетариата, который, ведя самостоятельную классовую политику, должен руководить демократическим крестьянством в современной политике и в предстоящей революционной борьбе. Целью этой борьбы является попрежнему свержение царизма, завоевание политической власти пролетариатом, опирающимся на революционные слои крестьянства и совершающим буржуазно-демократический переворот путем созыва всенародного Учредительного Собрания и создания демократической республики.

2) Всестороннее изучение и широкая популяризация опыта массовой борьбы в 1905—1907 годах, давшего незаменимые уроки, подтвердившие правильность революционно-социал-демократической тактики.

3) Укрепление Р. С.-Д. Р. П., как она сложилась в революционную эпоху; ведение попрежнему непримиримой борьбы как с самодержавием и реакционными классами, так и с буржуазным либерализмом; борьба с отступлениями от революционного марксизма и с укорачиванием лозунгов Р. С.-Д. Р. П., обнаруживающимися с особенной силой в настоящее время среди некоторых партийных элементов, поддавшихся влиянию распада.

4) Всестороннее содействие экономической борьбе рабочего класса, согласно резолюциям Лондонского и Штутгартского Конгрессов.

5) Использование Думы и думской трибуны для революционной социал-демократической пропаганды и агитации.

6) На очередь дня выдвигается прежде всего длительная работа воспитания, организации и сплочения сознательных масс пролетариата. Затем, в подчинении этой задаче, необходимо распространение партийной работы на крестьянство и армию, особенно в форме литературной пропаганды и агитации, при чем главное внимание должно быть обращено на социалистическое воспитание пролетарских и полупролетарских элементов в крестьянстве и армии.

III. По поводу отсутствия представителя думской социал-демократической фракции.

Конференция выражает крайнее сожаление по поводу того, что думская фракция не прислала своего делегата на Общероссийскую конференцию, на которой в порядке дня стоял ряд важных вопросов и специально вопрос о деятельности думской фракции, и предлагает Ц. К-ту выяснить причины неявки делегата.

IV. О думской социал-демократической фракции.

По поводу деятельности думской с.-д. фракции, являющейся одним из служебных органов, подчиненных партии и ее Центральному Комитету, конференция — в целях поднятия на должную высоту необходимой для партии деятельности фракции и в интересах правильного освещения ее работ всей партией в агитации и пропаганде — констатирует:

что в деятельности фракции за истекший период, наряду с правильными выступлениями, были уклонения от политической линии нашей партии, каковыми следует признать в особенности:

a) отсутствие в программной декларации, с которой фракция выступила в начале первой думской сессии, определенно выраженного классового и социалистического содержания и урезывание и затушевывание в ней последовательно-демократических требований нашей программы-минимум;

b) отсутствие в общих бюджетных речах и формуле социалистической мотивировки голосования соц.-демократии не только против бюджета

современного русского государства, но и против всякого бюджета буржуазного государства;

c) голосование за $6^1/_2$ миллионов — вместо воздержания — на нужды первоначального народного образования, в действительности ассигнованные в распоряжение ультра-черносотенного министерства Шварца;

d) неоднократное некритическое восхваление I и II Дум, в их целом, как Дум «народных» и пр., и отсутствие указаний, что и в них голоса представителей рабочих и крестьян подавлялись голосами представителей небольшого меньшинства состоятельных классов;

e) отсутствие принципиальной мотивировки отказа в разрешении правительству займа на 450 миллионов рублей и отсутствие критики либеральной оппозиции, соглашавшейся голосовать за заем в несколько уменьшенном только размере и т. д.;

что фракция вообще не давала должного освещения буржуазной оппозиции, с к.-д. партией во главе, фактически ставшей на путь империализма и явной поддержки контр-революции;

что фракция неоднократно не исполняла прямых постановлений Ц. К.

В виду всего этого конференция, — констатируя, вместе с тем, что вина за уклонения фракции лежит не на ней одной, ибо она работает при особенно тяжелых условиях черносотенной Думы, а в некоторой степени также на всех организациях партии и на ее Ц. К., которые далеко не сделали еще всего необходимого и возможного для правильной постановки думской работы партии, — находит, что:

1) в своей дальнейшей деятельности фракция должна служить партии в духе, указанном Лондонским съездом, и в согласии с директивами Ц. К. партии;

2) основной задачей фракции в контр-революционной III Думе является — служить в качестве одного из органов партии делу с.-д. пропаганды, агитации и организации, отнюдь не становясь на путь, так называемого, положительного законодательства и погони за мелкими мнимыми реформами и, не ограничиваясь выступлениями только по вопросам, выдвигаемым думским большинством, всячески стараться подымать в Думе вопросы, волнующие рабочие массы и нашу партию;

3) в интересах выполнения этих агитационно-пропагандистских задач фракции необходимо в возможно близком будущем:

а) внести в Думу самостоятельные проекты рабочего законодательства (8-мичасовой рабочий день, свобода союзов и стачек, страхование рабочих и т. п.);

б) в той или иной форме подымать возможно чаще вопрос о наступлении капитала в области экономической, связывая его с изменившимся соотношением сил в политической борьбе, вопрос о безработице в городах и голодовке в деревнях и т. п.;

в) внести ряд законопроектов, выдвигающих требования нашей программы-минимум, придавая этим законопроектам популярную форму, доступную широким слоям народа;

г) начать энергичную агитацию против контр-революционной внешней политики правительства и поддерживающих его партий, а также против тех империалистических и националистических стремлений, которые усваивают себе кадеты и часть октябристов;

д) фракция должна раскрывать и клеймить с думской трибуны политику правительства и думского большинства в национальном вопросе, постоянно обращать внимание на национальные вопросы внутри государства и энергично поддерживать выставленные партийной программой требования в защиту прав угнетенных народностей;

е) в той или другой форме поднять вопрос о положении армии и дать защиту требований, выдвинутых в дни революционного подъема солдатами и матросами.

ж) выступая на защиту местных, хотя бы мелких и частных нужд населения, фракция должна связывать эти частные нужды с общими требованиями партии и ставить своей задачей — обнаруживать перед народом невозможность сколько-нибудь удовлетворительного разрешения местных нужд при современном режиме и отказываться от поддержки тех из местных требований, которые противоречат общим интересам пролетариата;

з) по вопросу о бюджете конференция полагает, что голосование за бюджет в целом признается принципиально недопустимым. Голосование за отдельные статьи бюджета классового государства, узаконяющие расходы на орудия угнетения масс (войско, полиция, администрация, суды и т. д.), признается также недопустимым.

При голосовании за реформы или за статьи о расходах на культурные потребности во главу угла следует положить тот принцип нашей программы, по которому социал-демократы отвергают те реформы, которые связаны с полицейски-чиновничьей опекой над трудящимися классами.

Поэтому, общим правилом должно быть голосование против проводимых в III Думе, так называемых, реформ и статей расходов на, так называемые, культурные потребности.

В тех же исключительных случаях, когда имеются серьезные шансы на улучшение положения рабочих и низших служащих или на действительное удовлетворение культурных потребностей широких масс населения, — фракция, смотря по обстоятельствам, воздерживается (со внесением особой мотивировки) или голосует за, обсудив предварительно вопрос с Ц. К. и представителями партийных и профессиональных организаций;

и) фракция должна связаться возможно теснее со всеми местными и национальными партийными организациями, с соц.-дем. группами, действующими внутри профессиональных союзов и др. рабочих организаций, с самими этими союзами и организациями; выступать на рабочих собраниях и вообще расширять, по возможности, свою внедумскую деятельность.

Конференция, далее, обращает внимание всех местных и национальных партийных организаций и Ц. К. партии на то, что недостаточное их содействие фракции, имевшее место до сих пор, в значительной степени затрудняло ее деятельность, и считает необходимым, чтобы все партийные организации:

а) доставляли во фракцию всяческие сведения о положении рабочих, действиях администрации и объединенного капитала, материалы для запросов и речей, резолюции рабочих собраний и партийных групп, проекты речей, давали систематические деловые указания относительно предстоящих шагов фракции и деловую критику прошлых ее шагов;

б) распространяли в массах речи, запросы, законопроекты и отчеты фракции, дополняя и используя ее выступления в массовой агитации, в листках и пр.

V. Часть резолюции большевиков о Думе, не подлежавшая опубликованию.

Конференция обращает внимание Ц. К., призванного руководить фракцией, что:

1) Сведущие лица при фракции могут пользоваться только правом совещательного голоса и должны вообще допускаться только с разрешения Ц. К.

2) Фракция должна отчислять 10 проц. своих денег со специальной целью организации обслуживания фракции Ц. К.

3) Ц. К., в виду его ответственности перед партией за работу фрак-

ции, должен без колебаний применять свое право «veto» на постановления фракции во всех тех случаях, когда эти последние грозят принести вред партии.

4) Если думская работа партии не пойдет по пути, намеченному конференцией и признанному Центр. Комитетом, должна быть созвана экстренная (но не ранее конца весенней сессии) общепартийная конференция для обсуждения вопроса об условиях дальнейшего существования фракции.

VI. Организационный вопрос.

Директивы для комиссии по организационному вопросу.

Принимая во внимание, что представленные проекты резолюций и прения по организационному вопросу с ясностью обнаружили два основных течения в Р. С.-Д. Р. П. по вопросу о коренном направлении современной организационной политики вообще,—

конференция поручает комиссии положить в основу своих работ принципы того направления, которое признает, что для работы среди масс, остающейся попрежнему основной задачей социал-демократии, центр тяжести должен быть перенесен на создание и укрепление нелегально-партийной организации, и что только под неуклонным воздействием этой организации может быть правильно поставлена вся работа среди масс, все воздействие на думскую фракцию, вся деятельность партии вокруг думской фракции, все использование легальных и полу-легальных организаций, без всякого принижения классовых задач социал-демократии.

Принятая конференцией после комиссионной работы резолюция

Принимая во внимание, что:

1) хотя торжество контр-революции в данный момент создает временное равнодушие к партии в среде революционно-настроенных, но в социалистическом отношении малосознательных рабочих, перед партией, тем не менее, попрежнему стоит основная задача дальнейшего развития политическо-экономической агитации и организационной работы в среде возможно более широких рабочих масс;

2) что это торжество, отдалив осуществление демократических лозунгов партии, выбрасывает из партийных рядов все колеблющиеся интеллигентские и мелко-буржуазные элементы, примкнувшие к рабочему движению, главным образом, в надежде на близкое торжество революции;

3) что изменившиеся политические условия все более и более делают невозможным постановку с.-д. деятельности в рамках легальных и полулегальных рабочих организаций;

4) что личный состав руководящих партийных учреждений все больше и больше замещается сознательными элементами пролетариата, углубляющего свое классовое самосознание под влиянием пережитого опыта революционных лет;

5) современные условия работы делают невозможным применение принципа демократического строительства организации в полной широте,—

конференция находит, что:

а) партия должна обратить особое внимание на использование и укрепление существующих и учреждение новых нелегальных, полу-легальных и, по возможности, легальных организаций, которые могли бы служить ей опорным пунктом для агитационной, пропагандистской и практически-организационной работы среди масс,—как то: заводские собрания, пропагандистские кружки, нелегальные и легальные профессиональные союзы, клубы, разные просветительные рабочие общества и т. д. Вся эта работа окажется возможной и плодотворной лишь в том случае, если в

каждом промышленном предприятии будут существовать чисто партийные, хотя бы немногочисленные, рабочие комитеты, тесно связанные с массами, и если вся работа в легальных организациях будет вестись под руководством нелегальной партийной организации;

б) для объединения партийной работы на местах необходимо: а) организовать в каждой области областные центры, которые должны оказывать не только техническую поддержку местным организациям, но и помогать последним и в идейном руководстве и восстановлять их в случае провала; б) установить самую тесную связь местных и областных организаций с Центральным Комитетом;

в) для обеспечения правильного и непрерывного функционирования местных организаций допустимо частное применение принципа кооптации, при чем кооптированные члены должны быть при первой возможности заменены товарищами, законно выбранными на основании устава. Что же касается содержания организационной работы, то конференция находит, что помимо политической и экономической агитации в связи с современным моментом, на которую указывается в резолюциях о задачах партии и о думской фракции, партия должна обратить особенное внимание на углубление с.-д. миросозерцания среди широких кругов партийных работников, в частности, на выработку практических и идейных руководителей с.-д. движения из среды самих рабочих.

VII. Об объединении национальных организаций на местах.

1) Конференция предлагает Ц. К. принять меры к проведению объединения местных организаций нашей партии во всех тех областях, где оно до сих пор — вопреки решению Стокгольмского съезда — не произошло.

2) При этом конференция находит, что объединение это должно исходить из принципа единства с.-д. организации во всякой отдельной местности и решительно высказывается против того, чтобы в основу объединения был положен принцип федерализма.

VIII. Об объединении с социал-демократической партией Литвы.

Конференция Р. С.-Д. Р. П. поручает Ц. К. сделать дальнейшие шаги к приведению в исполнение пожелания Лондонского съезда об объединении С.-Д. П. Л. с Р. С.-Д. Р. П.

IX. Об объединении с «левицей» П. П. С.

Конференция, заслушав предложение товарищей меньшевиков об объединении с «левицей» П. П. С., переходит без прений к очередным делам.

X. О созыве партийного съезда.

В виду того, что, согласно организационному уставу, партийный съезд должен был состояться уже летом истекшего года и что на опрос Ц. К. часть местных организаций отозвалась в вопросе о созыве съезда одобрительно, —

конференция предлагает Ц. К. произвести анкету по местным организациям по вопросу о сроке созыва съезда и о желательном модусе выборов на съезд.

В виду изменившихся условий партийной работы, конференция полагает, что окажется необходимым изменение норм представительства на съезд и предлагает Ц. К. при выработке модуса представительства руко-

водствоваться исключительно результатами анкеты, ограничиваясь подсчетом голосов.

При этом, результаты анкеты должны быть опубликованы не позже, как через 5 месяцев после утверждения данного решения Ц. К.

XI. О работе центрального комитета.

1) Конференция одобряет постановление Ц. К., который, в силу создавшегося положения вещей, должен был создать в России орган сокращенного состава, облеченный всеми правами пленарного состава Ц. К.

2) Вновь выдвигающиеся принципиально-тактические вопросы, по мнению конференции, должны, по возможности, рассматриваться в пленуме Ц. К. и только в случаях абсолютной неотложности разрешаться сокращенным составом Ц. К.

3) Конференция предлагает Ц. К. путем более частых объездов членами Ц. К., путем рассылки агентов от сокращенного состава Ц. К., действующего в России, и путем улучшенной постановки письменных сношений усилить контроль и связь с местными, областными и национальными организациями.

4) В виду значения работы партии заграницей и в виду наличности заграницей массы трений и дезорганизаторской оппозиции деятельности Ц. К. — конференция считает полезным и необходимым существование заграницей общепартийного представительства в форме Заграничного Бюро Ц. К.

XII. О центральном органе.

Конференция выражает свое сожаление по поводу того, что за все время от Лондонского съезда появился всего один номер Ц. О., и настаивает, чтобы Ц. К. в самом ближайшем времени приступил к изданию Ц. О.

XIII. О конфликте с частью заграничных групп содействия.

Конференция признает вполне правильными постановления пленарного заседания Ц. К. о постановке работы заграницей и предлагает Ц. К., во имя единства партии, приложить все усилия для устранения раскола заграницей и для борьбы против дезорганизаторских тенденций заграницей.

№ 2 (к стр. 152).

РЕЗОЛЮЦИИ СОВЕЩАНИЯ РАСШИРЕННОЙ РЕДАКЦИИ «ПРОЛЕТАРИЯ».

I. О богостроительских тенденциях в социал-демократической среде.

Принимая во внимание, что в настоящее время, когда — в атмосфере упадка общественного движения — рост религиозных настроений в контрреволюционной буржуазной интеллигенции придал этого рода вопросам важное общественное значение и что в связи с этим ростом религиозных настроений делаются ныне и отдельными социал-демократами попытки связать с социал-демократией проповедь веры и богостроительства и даже придать научному социализму характер религиозного верования, — расширенная редакция «Пролетария» заявляет, что она рассматривает это течение, особенно ярко пропагандируемое в статьях товарища Луначарского, как течение, порывающее с основами марксизма, приносящее

по самому существу своей проповеди, а отнюдь не одной терминологии, вред революционной социал-демократической работе по просвещению рабочих масс, и что ничего общего с подобным извращением научного социализма большевистская фракция не имеет.

Далее, констатируя, что это течение является формой борьбы мелкобуржуазных тенденций с пролетарским социализмом-марксизмом,—а поскольку оно переходит к обсуждению политических вопросов (как, напр., в статье Луначарского в «Литературном Распаде»), подменяет последний первыми,—расширенная редакция «Пролетария» считает правильным напечатанье в № 42 «Пролетария» статьи «Не по дороге» и предлагает редакции, как и в прежнем, вести решительную борьбу с подобными тенденциями, разоблачая их антимарксистский характер.

II. По поводу протеста т. Максимова в связи со статьей «Не по дороге» (№ 42 «Пролетария»).

По поводу поданного тов. Максимовым в расширенную редакцию «Пролетария» протеста против помещения редакцией «Пролетария» статьи «Не по дороге»,—протеста, заключающего в себе угрозу расколом,—расширенная редакция «Пролетария» считает нужным заявить:

1) что ссылки т. Максимова на нарушение решения редакции—не помещать философских статей на страницах нелегального органа—совершенно неосновательны, ибо борьба со всевозможными формами религиозного сознания и религиозными настроениями, откуда бы они ни исходили, является необходимой и одной из очередных задач руководящего органа фракции, и страницы «Пролетария» ни под каким видом не могли быть закрыты для подобной борьбы;

2) что подобный протест должен быть рассматриваем, как попытка прикрыть богостроительскую пропаганду в с.-д. среде и помешать «Пролетарию» выполнять одну из его задач.

№ 3 (к стр. 291.).

ПЛАТФОРМА ГРУППЫ «ВПЕРЕД».

Современное положение и задачи партии.

II *)

Мы понимаем большевизм, как самое строгое и последовательное применение идей научного социализма к русской действительности.

1. Впервые выступил большевизм еще в те времена, когда организационное строительство нашей партии проходило свои начальные, самые тяжелые этапы. Оно было очень трудным делом не только потому, что велось в подполье, но также и по другим, внутренним причинам. Партия создавалась посредством объединения прежде разрозненных, разбросанных кружковых организаций, которые вели на местах свою кустарную работу. Но привычки кружковой жизни продолжали упорно держаться, и мешали сплочению партии тем более, что в составе организаций над пролетарскими элементами преобладали тогда интеллигентские, по самой натуре своей труднее поддающиеся организационной дисциплине, менее способные к тесному партийному единению. Когда уже была выработана программа партии, когда было, таким образом, положено прочное начало общепартийной жизни, то те же самые кружки, которые руководили делом организационного объединения, особенно же кружки заграничные, обнаружили, с одной стороны, нежелание раствориться в общей работе вновь возникшего целого, с другой стороны, — стремление и впредь со-

*) Печатается в сокращенном виде. *Ред.*

хранять за собой руководящее значение. Таким образом, партии угрожало господство кружковщины в новом виде, и самые крупные авторитеты партии энергично поддерживали его.

Тогда большевизм выступил со своими организационными лозунгами. Он требовал, чтобы интересы дела были поставлены выше всяких авторитетов, партийность выше всяких кружковых отношений, а также чтобы российская часть партии получила преобладание над заграничною. За эти организационные идеи большевизму пришлось вести долгую борьбу; но если даже до сих пор они не вполне проведены в жизнь партии, то, по крайней мере, формально признаются теперь всеми.

Противопоставляя старой кружковщине партийность, большевизм понимал ее отнюдь не только как дисциплину и подчинение законным центрам, но, главным образом, как широко-организационное решение всех вопросов партийной жизни. Естественно, что лишь только представлялась возможность в устройстве самих организаций переходить от прежних замкнутых подпольных форм к более демократическим, большевизм немедленно делал это, и в 1905 году большевики первые созвали свою общерусскую конференцию, в значительном большинстве, посредством выборов прямо от организованных рабочих.

Отстаивая партийность, большевизм и в дальнейшем все время шел во главе собирания партии: большевиками было проведено объединение с различными национальными организациями, большевики всюду поддерживали до сих пор единство партийной работы.

Еще другая важнейшая сторона организационного вопроса была предметом внутренней борьбы в нашей партии: должны ли составлять основу партии сознательные, передовые элементы борющегося пролетариата, или, ради широты развития, надо строить ее прямо из стихийно-массового рабочего движения. Сторонники второго взгляда находили, что партия должна всю свою организацию приспособлять к стремлениям и пониманию пролетарских низов, что даже программа должна вырабатываться на общем рабочем съезде, и т. п.

Большевизм выступил против таких воззрений: он нашел, что неправильно и неразумно подчинять социал-демократию настроениям только еще вступающих в борьбу пролетарских низов. Большевики признали, что социал-демократия есть, прежде всего, партия *сознательного* революционного пролетариата, опирающаяся на весь опыт международного социализма; она должна поднимать рабочие массы от стихийного движения до уровня высшей социалистической сознательности, а не принижать свою организацию и задачи применительно к этому стихийному движению. Иной и не могла быть у нас точка зрения строгого научного социализма, который стремится организовать рабочее движение в его высшие формы и руководить им с наивысшей планомерностью, какая в данное время может быть достигнута.

2. Благодаря крайней сложности и новизне исторических условий, среди которых нашей партии с самого начала пришлось действовать, было чрезвычайно трудно найти и выработать правильную тактику, — здесь также было много ошибок и блужданий. Разно оценивалась роль рабочего класса в российской революции, отношение его к другим классам и партиям, легальные и нелегальные способы его борьбы. В значительной части партии намечалась такая точка зрения: революция идет у нас буржуазная, т.-е. ведущая Россию к свободе буржуазного, капиталистического развития; поэтому руководство в ходе революции должно принадлежать буржуазии, а именно ее либеральным партиям; рабочий же класс должен поддерживать либеральную оппозицию, помогать ей добиться власти; а рабочая партия обязана идти на соглашения и союзы с либералами всюду, где либералы выступают против реакционных сил. В связи с этой идеей о руководстве либеральной буржуазии, неизбежно преувеличивалось значение

тех приемов и методов борьбы, которые наиболее подходят к привычкам и склонностям буржуазии, которые наименее отталкивают ее,—приемов легальных и мирных, методов парламентских; сравнительно принижалось, напротив, значение способов нелегальных и по самому применению революционных, каковы всеобщие политические забастовки и вооруженное восстание.

Большевизм отверг эти взгляды. Систематически и неоднократно исследуя «исторический момент», т.-е. вопрос о том, каковы соотношения общественных сил страны, каково их направление и ход их развития, большевизм установил следующую точку зрения на роль пролетариата и его тактику:

a) Российская революция может быть доведена до конца и принесет стране наибольшее освобождение всех ее производительных сил только в том случае, если руководить революционною борьбою будет рабочий класс и если его поддержит своим массовым движением разоряющееся, жаждущее земли крестьянство.

b) Идя во главе революционной демократии, главную массу которой должна составить борющаяся за землю деревенская беднота, рабочий класс вынужден вести борьбу не только против открыто реакционных сил, но и против либеральной буржуазии, ибо эта последняя лишь прикрывается маскою демократизма, а на деле стремится достигнуть соглашения с бюрократией и реакционными помещиками, чтобы затем, получив для себя долю выгод и власти, остановить и подавить революцию.

c) Для полной победы и завершения демократической революции необходима боевая совместная диктатура пролетариата и крестьянства, а следовательно, рабочий класс должен через своих представителей принять активное участие, как в местных временных правительствах революции, так и в центральном временном правительстве.

d) Впредь до завершения революции все полу-легальные и легальные способы и пути борьбы рабочего класса, в том числе также участие в Государственной Думе, не могут иметь самостоятельного и решающего значения, но являются лишь средством собирания и подготовки сил для прямой революционной, открыто-массовой борьбы.

3. И в своих организационных и в своих тактических воззрениях большевизм выражал мысли и чувства наиболее сознательной, наиболее активной части русского рабочего класса. Как наша партия есть авангард борющегося пролетариата, так большевизм был до сих пор авангардом партии. Основа же, из которой вытекают эти его черты, есть его научно-социалистическое мировоззрение. А оно гораздо шире не только вопросов тактики и организации, но и самой программы, ибо социалистическое сознание рабочего класса должно охватывать не одну его непосредственную борьбу в области экономики и политики, но всю его жизнь. Пролетариат и его союзники, социалисты-интеллигенты, вышли из старого, мещанско-крестьянского и буржуазного мира; в нем они вначале воспитывались; поэтому они, сами того не замечая, сохраняют многое из его привычек и склонностей, из его духовного склада и даже вносят в революционную работу. Например, ни для кого не тайна, сколько вреда партии, да и всему рабочему движению приносит индивидуализм очень многих деятелей, их личное честолюбие, стремление выдвинуться, отвращение к товарищеской дисциплине, нетерпимость к товарищеской критике. Борьба взглядов благодаря этому часто осложняется, а потом и заслоняется борьбою самолюбий, силы организаций тратятся на бесплодные внутренние столкновения. Не меньше вреда приносит и широко распространенная среди партийных работников привычка слепо доверять известным авторитетам, без критики полагаться на мнения тех или иных признанных вождей, не взвешивая, отвергать всякие сомнения в их правоте... Большевизму уже не раз приходилось вступать в борьбу

с подобными пережитками прошлого, не раз приходилось отстаивать дисциплину организации против анархичности отдельных товарищей, иногда очень влиятельных и видных, разрушать авторитеты, иногда очень крупные. Но такая борьба от случая к случаю не может коренным образом изменить дела; нередко тот, кто вчера боролся за дисциплину и единство, сегодня не хочет подчиняться, когда дело касается его самого; тот, кто вчера ниспровергал авторитеты, сегодня, вольно или невольно, сам превращается в такой же авторитет.

Буржуазный мир, имея свою выработанную культуру, наложив отпечаток на современную науку, искусство, философию, через них незаметно воспитывает нас в своем направлении, в то время как классовая борьба и наш социальный идеал влекут нас в противоположную сторону. Вполне порвать с этой исторически создавшейся культурой нельзя, ибо в ней мы можем и должны почерпать могучее оружие для борьбы с тем же старым миром. Принимать же ее так, как она есть, значило бы сохранять в себе и то прошлое, против которого ведется борьба.

Выход один: пользуясь прежней, буржуазной культурой, создавать, противопоставлять ей и распространять в массах новую, пролетарскую; развивать пролетарскую науку, укреплять истинно-товарищеские отношения в пролетарской среде, вырабатывать пролетарскую философию, направлять искусство в сторону пролетарских стремлений и опыта. Только на этом пути может быть достигнуто целостное социалистическое воспитание, которое устранит бесчисленные противоречия нашей жизни и работы, и во много раз увеличит наши силы в борьбе, а в то же время приблизит нас к идеалу социализма, вырабатывая все больше его элементов в настоящем.

Революционное крыло нашей партии обязано взять на себя эту задачу, она соответствует всей его теории и практике. То могучее творчество, которое проявил пролетариат в своей экономической и политической организации, служит достаточным доказательством его способности к такому же культурному творчеству. Задача революционной социал-демократии — самостоятельная деятельность и самостоятельное развитие рабочего класса, как в его практике, так и во всех областях его идейной жизни.

Организационный вопрос.

С 1906 года наша партия строится по принципам демократического централизма, т. е. руководящие коллективы, начиная от заводского и кончая Центральным Комитетом, выбираются собраниями организованных рабочих. Признавая такой принцип вполне правильным, мы полагаем, что и впредь он должен проводиться, по мере возможности, широко. Между тем с 1907 года, когда реакция утвердилась в стране, проведение демократического централизма стало суживаться. Полицейские условия и провокация чрезвычайно затруднили сколько-нибудь широкие собрания организованных рабочих, и, например, городские комитеты стали пополняться, вместо избрания членов на конференциях, путем избрания их районными комитетами, а иногда даже путем кооптации.

Благодаря всему этому, ослабляется связь «низов» организации с ее «верхами», получается оторванность «низов» от обще-партийной жизни, а жизнь «верхов» чрезвычайно ослабевает, как это всем известно.

Очевидно, что долго продолжаться так не может. Чтобы найти способ улучшить положение, надо прежде всего обратить внимание на состав партии.

В настоящее время в партии не мало таких членов, которые числятся в ней только по имени: никакой активной работы они не выполняют и большею частью не уплачивают членских взносов. Социал-демократами

считаются, таким образом, лица, не интересующиеся жизнью партии. Их приходится затаскивать чуть не силою на партийные собрания, где они являются простыми зрителями. Их присутствие вредно отзывается на работоспособности собраний, быстроте решения очередных вопросов, а также на конспиративности.

Между тем гнет реакции делает невозможной непосредственную организацию широких пролетарских масс, и тем настоятельнее ставит перед партией задачу создания прочного и активного агитационно-пропагандистского аппарата. Эта задача должна быть разрешена путем поднятия активности членов партии, привлечения к ней наиболее сознательных и энергичных элементов рабочего класса, элементы же бездеятельные и малосознательные искусственно удерживать не следует. Только такой состав партии позволит избегать кооптации, правильнее проводить выборное начало и, давая точное представление о силах партии, сделает возможным наиболее полное и целесообразное их использование.

Строение наших организаций, от основных заводских ячеек до местных комитетов, при этом существенно не изменится.

Для более планомерного распределения сил по областям, для своевременной поддержки ослабевших организаций и создания новых там, где их не имеется, необходимо повсюду организовать областные центры, выбираемые областными конференциями, делегаты на которые посылаются от городских конференций. Областные центры созывают — или сами, или по требованию большинства городских организаций — областные конференции, а по взаимному соглашению областных центров, в случае надобности, созываются и общепартийные конференции.

Делегаты на конференции должны избираться исключительно из местных работников. Областные центры находятся в тесной связи с Центральным Комитетом и под его руководством.

Далее, мы считаем в высшей степени важным и необходимым бороться против того организационного дробления партии, которое выражается в нынешних фракциях, обособленных и замкнутых в себе.

Различные идейные течения неизбежно существуют во всякой сильной и жизнеспособной партии, они — залог ее роста и развития. Они находят свое выражение в литературных группах, в свободных группировках единомышленников на съездах, конференциях и т. п. Но у нас они приняли иную, совершенно ненормальную форму партий в партии, что нарушает общее единство работы и, при нынешних условиях, мешает свободному развитию самих идейных течений.

Произошло это благодаря тому, что у нас фракции большевиков и меньшевиков сложились на почве организационного раскола. Раскол этот успел завершиться раньше, чем даже вполне определились идейные различия обеих сторон. Фракции оказались закрепленными в отдельные организации, которые партия до сих пор не могла в себе растворить.

Объединение с национальными организациями не только не повело к уничтожению фракций, но на деле увеличило их число. Полного объединения на местах не произошло; национальные партии не стали областными организациями единой всероссийской социал-демократии; в некоторых городах Западного края существуют до сих пор по три комитета. Отношения между польскими социал-демократами и Бундом в высшей степени сходны с отношениями большевиков и меньшевиков, только еще более оформлены организационно.

Даже в наши центральные учреждения представителей фактически посылают фракции и национальные организации. Для партии не тайна, что именно от взаимной борьбы и взаимной дипломатии этих фракционных частей нашего Ц. К-та в значительной мере зависит его неработоспособность.

Мы полагаем, что там, где существуют еще параллельные местные

организации, фракционные или национальные, необходимо добиваться их слияния, что уже и начато самими организованными рабочими. Фракционные центры должны стать действительно лишь *идейными* и *литературными* центрами; центры же национальные должны уступить место областным.

Выполнение этих задач потребует много усилий, порою даже борьбы, но все окупится результатами.

Завершить дело фракционного объединения может, конечно, только партийный съезд. Созыв съезда чрезвычайно важен для партии в силу также целого ряда других, не менее серьезных вопросов и задач. Но очевидно, что необходимо раньше сколько-нибудь укрепить работу местных организаций, — съезд, созванный среди общего упадка партии, не мог бы выразить, а тем более удовлетворить ее насущные потребности. Когда уже одиннадцать месяцев не было ни конференций, ни даже полных собраний исполнительного органа партии, Ц. К-та, то о съезде в ближайшее время не может быть и речи. Надо направить всю энергию на предварительную местную работу.

По вопросу о материальных средствах партии мы полагаем, что основу их должны составлять регулярные взносы организованных рабочих. Мы считаем ненормальным нынешнее положение чуть ли не большинства русских организаций, где самую значительную долю средств образуют пожертвования со стороны и доходы от случайных предприятий. Действительно прочную и надежную материальную опору для партии могут составить только трудовые гроши самих борющихся и сознательных рабочих.

О пропаганде и агитации.

I. О пропаганде в партии.

Развитие пропаганды в нашей партии представляет три стадии.

С самого начала с.-д. работы в России, когда она велась кустарным, кружковым путем, когда наш пролетариат еще не выступал на арену собственно политической борьбы, пропаганда была очень элементарною, но имела по преимуществу *социалистический* характер: выяснялись, в самой общей их форме, основы классового самосознания пролетариата, выработанные международною соц.-демократией. Пропагандистские кружки составлялись, по необходимости, из малосознательных рабочих; они обучались там началам политической экономии, знакомились по переводным популярным изложениям с научным социализмом, с историей западного рабочего движения, с европейскими формами рабочей организации. Пределом обучения была, приблизительно, «Эрфуртская программа» Каутского, при чем, ее специально-политическая сторона, связанная с германскими условиями, с практическим парламентаризмом и т. д., для русских рабочих, естественно, должна была тогда в сильной степени стушевываться.

Революционный подъем страны, переход пролетариата от экономически-стачечной борьбы к борьбе политической необходимым образом повели к изменению характера пропаганды. Все более и более она приобретала демократически-революционное содержание. Понемногу старый тип пропаганды был даже в значительной мере оставлен: слишком мало он подходил к новым условиям, к лихорадочному ходу революционной борьбы за народное освобождение. Длительное ведение кружков стало редким исключением: материал пропаганды невольно приноравливался к потребностям и задачам исторического момента, демократические лозунги выступали на первый план, оттесняя основную социалистическую идею. Огромная пропагандистская литература, главным образом, брошюрная,

создавалась соответственно с запросами дня, неизбежно односторонняя, лишь слабо и бледно намечавшая связь политических задач революции с основной и высшей целью пролетарского движения—с идеей социализма.

Между тем, недостаток серьезного и глубокого социалистического воспитания, хотя бы наиболее передовой части пролетариата, сказывался на общем ходе пролетарской борьбы. Руководителями и вождями рабочих масс оказывались слишком часто лица, далеко не стоявшие на высоте революционно-пролетарского мировоззрения, иной раз вовсе не партийные. Сама партия захватывала и принимала в свой состав много элементов не социалистических: с одной стороны, из демократической интеллигенции, увлеченной общественным подъемом, с другой стороны, из революционных по настроению, но еще малосознательных слоев пролетариата.

Местные организации видели все это и не раз обращались к центрам с просьбою помочь делу расширения и углубления социалистической пропаганды. Но не до того было центрам, вовлеченным в широкую непосредственно-политическую борьбу: все силы и средства были поглощены ею.

Наступила реакция, и вопрос перед партией стал еще острее. Интеллигентские силы частью были расхищены врагами, частью и сами покинули партию.

Ответственная работа стала переходить в руки рабочих. Недостаток у большинства партийных рабочих подготовки теоретической и организационно-практической начал ощущаться сильнее, чем когда-либо. Между тем, дело идет не только о ведении текущей организационной работы, но и о том, чтобы ко времени нового подъема революции, более грандиозного и более решительного, чем предыдущий, пролетариат имел вполне сознательных вождей из своей среды, выдержанных и последовательных, способных применить научно-социалистическую точку зрения во всем ее объеме к тем новым, трудным положениям и сложным задачам, какие возникнут в ходе революционного кризиса.

Итак, с одной стороны, развитие и распространение пропаганды элементарно-социалистической и демократически-революционной требует теперь, за недостатком интеллигенции, новых пропагандистских сил из среды самих рабочих; с другой стороны, потребность в выработке не только таких пропагандистов, но вообще новых руководителей для партийной работы, которые обладали бы ясным и целостным научно-социалистическим мировоззрением, ставит вопрос о новом, углубленном типе социалистической пропаганды.

Исходя из всего этого, мы считаем необходимым:

a) Совместить в кружковой партийной пропаганде выяснение основ социализма с выяснением демократически-революционных задач российского пролетариата в современную эпоху.

b) Сосредоточить усилия литераторов и теоретиков нашей партии на создании новой популярно-пропагандистской литературы, которая всесторонне и цельно развертывала бы научно-социалистическое мировоззрение в его связи с русской действительностью.

c) Выработать высшую форму учреждений для устной пропаганды в виде партийных школ, где товарищи рабочие могли бы получать всестороннюю и полную подготовку для ответственной партийной работы.

Две последние задачи должны, по нашему мнению, выполняться параллельно и в неразрывной связи между собою.

Так понимаем мы нынешние задачи пропаганды со стороны ее содержания. В соответствии с ними, а также, разумеется, со всеми общими условиями, в которых ведется партийная работа, должна быть поставлена *организация* пропаганды. Мы представляем ее себе следующим образом.

Прежнего разделения местных кружков пропаганды на низшие,

средние и высшие сохранить нельзя. Оно слишком сложно и громоздко для нынешних условий; проводить его на деле, переводя обучающихся товарищей с одной ступени на другую, при теперешнем полицейском гнете и частых провалах, все равно в массе случаев не удавалось бы. Надо установить всего один тип местных партийных *кружков пропаганды*. В состав их должны входить товарищи, знакомые с партийной программой и имеющие те начальные сведения по политической экономии, какие даются популярной брошюрной литературой. Программа занятий должна быть такова, чтобы в обычный период существования подобных кружков, т.-е. в 3—4 месяца, слушателям давались в системе основные идеи научного социализма, обзор форм рабочего движения и рабочей организации, необходимые сведения по аграрному вопросу, рассмотрение текущих задач партии... Цель кружков пропаганды—вырабатывать сознательных членов партии вообще, т.-е. давать товарищам такую подготовку, чтобы они могли сознательно разбираться в тактических вопросах, выдвигаемых партийной жизнью и всем ходом пролетарской борьбы.

Во всяком случае, участниками партийных кружков пропаганды должны быть люди уже на деле партийные, т.-е. не только приобретающие знания, но постоянно их, вместе с тем, применяющие в обычной повседневной агитации на своих фабриках и заводах, или вообще ведущие какую-либо партийную работу.

Кружки пропаганды необходимо организовать на местах в возможно большем количестве, и, очевидно, что для их ведения почти всегда будет далеко не достаточно наличных интеллигентских сил. Что же касается товарищей, прошедших высшую партийную школу, то, при их неизбежно очень ограниченном числе, конечно, и они не могут брать на себя этого дела непосредственно. Они должны, поэтому, организовать и вести на местах *кружки пропагандистов*, подготовляющие преподавателей для кружков пропаганды.

В кружки пропагандистов должны набираться товарищи, которые не только прошли кружки пропаганды, но и помимо того успели приобрести знания, переходящие за пределы обычной популярной литературы, товарищи, обладающие известным навыком к самостоятельным занятиям и обнаружившие способности к пропаганде.

Кружки пропагандистов должны быть специализированы: помимо общеобразовательных лекций, в каждом из них особенно преподается какая-нибудь отдельная отрасль партийной работы: из одного кружка выходят агитаторы для фабрик и заводов, из другого—работники по профессиональному движению, из третьего—по агитации и пропаганде в деревне, из четвертого—работники, способные вести местную популярную газету. Товарищи, прошедшие эти кружки, ведут занятия в кружках пропаганды, при чем, желательно, чтобы каждый брал на себя изложение того отдела, с которым связана его практическая специальность, например: работник по профессиональному движению дает картину развития рабочих организаций и предпринимательских союзов, избравший деревенскую пропаганду и агитацию проходит часть курса, касающуюся аграрного вопроса, и т. д.

Кружки пропагандистов имеют еще то значение, что из числа товарищей, которые их прошли, организации смогут выбрать наиболее способных и активных в партийной работе для отправки их в высшую школу, которая должна дать им уже не специализированную, а всестороннюю подготовку к ответственным и руководящим функциям.

Такова, по нашему мнению, та организация пропаганды, которая в наибольшей мере может обеспечить для нее и непосредственную успешность и неразрывную связь со всей партийной практикой.

Намечая общий план пропаганды, который кажется нам наилучшим, мы, однако, полагаем, что полное практическое разрешение сложных

вопросов, сюда относящихся, может быть дано не отдельной группой, а только партией в целом. Поэтому мы предлагаем:

1) чтобы областные центры произвели опрос местных организаций о типе ведущейся пропаганды, о требованиях, предъявляемых к пропагандисту рабочими, о вопросах, вызывающих наибольший интерес в кружках;

2) чтобы результаты этого опроса были опубликованы;

3) чтобы после их опубликования областные центры устроили областные совещания пропагандистов и агитаторов подобно тому, как организуются совещания партийных работников в профессиональных союзах. Этими совещаниями должны быть выработаны примерные программы и установлены организационные формы пропаганды.

Дело Центрального Комитета и общепартийной конференции—при содействии соц.-демократической печати и высшей школы—подвести все итоги этой разработке вопросов пропаганды.

II. О массовой пропаганде и агитации.

Всем нам известно, что и в массовой пропаганде, равно как в агитации, за последние годы задачи обще-демократические чрезмерно выступили на первый план, заслоняя классово-социалистический смысл работы в массах.

Устранить этот недостаток можно и следует отнюдь не путем затушевывания политических лозунгов,—об этом не может быть и речи; но выдвигать их надо постоянно в неразрывной связи с основной общепролетарской целью—социалистическими идеалами, т.-е. постоянно разъяснять и указывать, что для пролетариата гражданские свободы и демократическая республика важны, прежде всего и в наибольшей мере, именно как необходимые условия и орудия классовой борьбы за социализм. В том же освещении следует выяснять и очередные экономические задачи.

Углубляя таким способом социалистическую работу среди масс, надо это ее более глубокое содержание излагать в возможно более жизненной и доступной форме. Материалом для нее должны служить вопросы дня, наиболее волнующие рабочих.

Одним из лучших средств придать агитации жизненность и привлечь к ней внимание масс мы считаем устраиваемые местными организациями анкеты, т.-е. распространение среди рабочих опросных листков. Анкеты эти могут заключать в себе вопросы о различных сторонах жизни рабочих масс, касаясь не только их непосредственно-экономических и политических интересов, но, по возможности, также вопросов бытовой и обще-культурной жизни. Во всех тех случаях, когда по своему содержанию анкета может быть выполнена в легальной форме, целесообразно пользоваться для ее проведения такими учреждениями, как рабочие клубы, курсы и т. п. Не менее важны анкеты по тому или другому злободневному вопросу рабочей тактики (например: безработица и борьба с нею, усиление деятельности профессиональных союзов, страхование рабочих, отношение к кооперативам и пр.)—словом, распространение листков, запрашивающих прямо у представителей рабочих масс совета и мнения. Результаты анкет обоего рода должны тщательно разрабатываться, освещаться с партийной точки зрения и затем возвращаться в массы в виде брошюрок или газетных статей.

Такие анкеты втянут рабочих данной местности в круг общепролетарских интересов и свяжут их с руководящим местной работой коллективом.

Полицейский гнет, крайне затрудняющий все формы устной агитации, выдвигает в настоящее время на первый план задачу агитации и пропаганды *письменной*. Местная нелегальная рабочая газета должна

стать первым и главным средством социал-демократической агитации в массах, и местные организации должны прежде всего налаживать популярные газеты этого типа. Они могут сослужить также огромную службу при восстановлении разрушенных организаций и первых шагах устройства организаций в новых местах. Первый же номер такой рабочей газеты подымет настроение масс, вызовет оживленные толки и создаст удобную почву для дальнейшей работы.

Чтобы теснее сблизить газету с массами, при редакции следует организовывать корреспондентские группы из рабочих социал-демократов для собирания и обработки материала относительно положения и интересов рабочих данной местности. Группы эти, при правильной постановке, могут служить также первоначальной школой газетного дела вообще.

Центры должны пойти навстречу местной партийной прессе путем создания центральной популярной газеты, которая рассылалась бы немедленно после выхода в редакции местных партийных газет, чтобы служить для них готовым литературным материалом. В этой центральной газете местные редакции должны находить освещение животрепещущих вопросов дня, необходимый фактический и цифровой материал, передовицы на важнейшие темы социал-демократической теории и практики и, может быть, стихотворения и беллетристические очерки соответствующего содержания, столь оживляющие обыкновенно рабочие газеты; наконец, хронику международного рабочего движения.

Тогда местным редакциям будет несравненно легче вести свое дело, и главная работа их сведется к тому, чтобы материал, выбранный из центральной газеты, дополнять местным злободневным материалом.

Чтобы пополнять недостаток местных сил, областные центры должны со своей стороны организовывать литературные справочные бюро из интеллигентных социал-демократов, могущих пользоваться университетскими, публичными и другими библиотеками. Эти бюро должны немедленно давать редакциям местных рабочих газет необходимые справки: цифры, цитаты и т. п.

Номера местной рабочей газеты должны по возможности аккуратно пересылаться в Ц. К., Ц. О. и редакцию центральной популярной газеты, причем, партийные центры должны следить за теоретической и тактической выдержанностью местных газет, помогая им советом и указывая ошибки и недостатки.

Там, где нельзя организовать сколько-нибудь правильного периодического органа, следует как можно чаще прибегать к листкам и брошюркам. Ц. К. должен озаботиться изданием и распространением пропагандистских брошюр, всесторонне отвечающих на экономические, политические и культурные запросы пролетарских масс. Как ни широка легальная пропагандистская литература, оставленная нам в наследство днями свободы,— все же ощущается большой недостаток в живой, специально для нужд русского рабочего приноровленной, пропагандистской литературе.

Само собой разумеется, что издавать такую литературу, равно как и образцовые популярные газеты может, под общим контролем Центрального Комитета, любая группа членов партии.

Что касается пропаганды и агитации в деревне, то здесь, прежде всего, необходимо отделять земледельческих рабочих-пролетариев от крестьян, имеющих свое хозяйство. К пролетариям деревни мы должны идти с такою же социалистически-классовой пропагандой и агитацией, с какой обращаемся к городским рабочим, и таким же образом мы должны связывать ее с их непосредственной экономической борьбою против деревенской буржуазии и помещиков, принимая активное участие в руководстве возникающими там стачками и в обычных, повседневных столкновениях рабочих с хозяевами, с администрацией и пр.

В пропаганде и агитации среди собственно крестьян главное содержание должна составить, разумеется, аграрная и обще-демократическая часть нашей программы. При этом особенное внимание надо обращать на выяснение смысла и целей аграрной политики правительства. Необходимо, вместе с тем, разъяснять крестьянам значение различных приемов их борьбы против помещиков и правительства, как в обычное время, так и в момент революционного кризиса, стараясь внести в их тактику возможно больше планомерности и единства.

Для развития работы в деревне всего больше могут сделать те рабочие фабрик и заводов, которые не порвали еще с нею связи и время от времени возвращаются туда на сельские работы, на побывку в праздники и т. п. С такими рабочими надо устраивать специальные занятия для их подготовки к деревенской пропаганде и агитации.

Сильно затрудняет работу среди крестьян отсутствие подходящей литературы. Следует употребить особенные усилия, чтобы создать ее в виде агитационных листков и пропагандистских брошюр, а где возможно— в виде социал-демократических газет для крестьянства.

Что касается работы в армии, то агитация устная там в настоящее время затруднена еще более,. чем в пролетариате и крестьянстве. Поэтому следует пока сосредоточить силы на агитации письменной — распространении листков, издании солдатских газет и т. п.

Наилучшими проводниками социал-демократической агитации в солдатскую среду могут быть, конечно, те молодые члены партии, которым приходится отбывать воинскую повинность. С ними надо вести специальные занятия для их подготовки к будущей роли, а перед рекрутским набором надо устраивать собрания рабочих, идущих на военную службу, не только партийных, но и всех сочувствующих, организуя эти собрания сначала по фабрикам и заводам, а затем, насколько возможно, по земляческим связям. Там, помимо общей пропаганды социал-демократических идей, следует более обстоятельно разбирать вопросы о милитаризме, о значении войска в буржуазном обществе, о задачах военных организаций во время стачек и восстаний и т. д. Затем, организациям необходимо особенно заботиться о том, чтобы не терять связи со своими прежними членами, попавшими в солдаты, и чтобы своевременно давать им явки в организации тех мест, где им придется служить. При переводе же воинских частей из одной местности в другую, связи с ними должны быть передаваемы соответственным организациям.

Работу в армии следует сосредоточивать на нижних чинах; из офицерства же, в силу его социального состава, только отдельные единицы могут быть доступны соц.-дем. воздействию.

Как поводы для агитации, не должны быть упускаемы всевозможные, даже мелкие столкновения солдат с их начальством.

В военной пропаганде необходимо усиливать собственно-социалистическую ее сторону, чтобы подготовить создание прочных и надежных социал-демократических военных организаций, а не беспартийных, неудовлетворительность которых на деле обнаружилась в 1905—1906 году.

О Государственной Думе.

Мы полагаем, что все Государственные Думы до настоящего времени представляли учреждения, не имеющие реальной силы и власти, не выражающие действительного соотношения общественных сил в стране. Правительство создавало их под натиском народного движения для того, чтобы, с одной стороны, отвести массовое возбуждение от путей непосредственной борьбы на пути мирно-избирательные, с другой стороны, чтобы столковаться в этих Думах с теми общественными группами, которые

могли бы поддержать правительство в борьбе с революцией; кроме того, оно стремилось упрочить свой падающий кредит у европейских капиталистов согласием, якобы, «народных» представителей на заключаемые займы. Если Дума не в достаточной мере удовлетворяла этим расчетам, правительство разгоняло ее.

Большевики все время устанавливали свое отношение к Думам с практической точки зрения, не делая из участия или неучастия в них принципиального вопроса. Когда правительство в августе 1905 года выступило с планом «Булыгинской» Думы, при помощи которой оно надеялось найти опору в темном крестьянстве и в составе которой рабочее представительство даже не предполагалось, то большевики предложили активный бойкот этой Думы, т.-е. прямую борьбу против выборов в нее. Во время великой октябрьской забастовки «Булыгинская» Дума и была на деле сметена народной волной раньше, чем даже начались выборы в нее. Правительство, однако, не оставило прежнего плана, а только вынуждено было распространить избирательное право на городскую мелкую буржуазию и создать рабочую курию да словесно признать за Думою законодательные права, — так произошла Дума «Виттевская».

Выгоды участия в этой Думе были очевидны: возможность получить открытую трибуну для пропаганды и агитации на всю Россию, получить легальную опору для организации рабочего массового движения и для воздействия на крестьянство через его представителей. Но большевики находили, что все это перевешивается одной важнейшей практической задачей: удерживать, пока возможно, народное движение на пути прямой революционной борьбы мешать сговору правительства с буржуазией, не давать крестьянству успокоиться на ожидании помощи от Думы. По таким соображениям большевики высказались за бойкот и под этим лозунгом провели избирательную кампанию, в полной солидарности с большинством российского пролетариата.

Но революционное движение шло на убыль: крестьянство, а тем более буржуазия, не последовали призыву пролетариата, — и Первая Дума осуществилась. После ее разгона попытки всеобщих забастовок и восстаний не удались. Выступил вопрос об участии во Второй Думе.

Избирательный закон, и без того плохой, был еще несколько ухудшен сенатскими разъяснениями. Но возбуждение в массах, уже недостаточное для прямой борьбы, еще далеко не улеглось; опираясь на него, было возможно развить широкую и энергичную избирательную кампанию, создать достаточно хорошее и надежное представительство рабочего класса в Думе, а через него повести серьезную агитационно-пропагандистскую работу с думской трибуны соответственно целям социал-демократии. Большевики признали выгодным и необходимым участие во II Думе. На самом деле, хотя падение революционной волны остановить было невозможно, однако, II Дума была, во всяком случае, довольно успешно использована для политического воспитания пролетариата и, отчасти, даже крестьянства.

Дальнейшее усиление реакции, беспрепятственный разгон II Думы, избирательный закон 3-го июня вновь поставили перед партией вопрос об отношении к выборам. Мнения среди большевиков разделились: большинство стояло за бойкот, меньшинство — против бойкота. Те и другие обосновывали свои взгляды чисто практическими соображениями, те и другие сравнивали выгоды и невыгоды участия, но при крайней сложности и трудности расчетов приходили к разным итогам. С одной стороны, возможность открытой пропаганды и агитации с думской трибуны во время политического затишья и глубокой реакции представлялась, во всяком случае, очень важной для партии. С другой стороны, было очевидно, что при тяжелом политическом и полицейском гнете для партии будет очень затруднительно руководить думской фракцией и даже вообще

сохранять связь с нею; было также несомненно, что при новом избирательном законе самая фракция по составу и подготовке окажется слабою и неизбежно будет делать серьезные политические ошибки, а последствия этих ошибок будут тем значительнее, что совершаться они будут не в подполье, а перед целым миром. Бойкотисты определенно полагали, что партии не удастся получить думского представительства, соответствующего ее политическому уровню, ее роли в прошлом и ее задачам в ближайшем будущем, и что те усилия, которые придется потратить на избирательную и думскую работу, не окупятся ее результатами, — что лучше сберечь эти силы для внутренней партийно-организационной работы. В одном сходились тогда все большевики без различия, бойкотисты и антибойкотисты, а именно: в отличие от меньшевиков они полагали, что вопрос о III Думе, участии в ней или отказе от него, *не может считаться центральным и основным для партийной жизни*, определяющим собой какие-либо принципиальные направления в революционном крыле партии, а тем более не дает повода к расколам.

На общепартийной конференции было признано необходимым участие в Думе. Бойкотисты подчинились и активно занялись избирательной кампанией вместе со всеми остальными товарищами.

В дальнейшем, когда оторванность думской фракции от партии, колебания и ошибки фракции дали сильно себя чувствовать, возник новый вопрос. Часть товарищей стала высказываться за *отозвание* социал-демократических депутатов. Свое предложение они обосновывали исключительно практически, отнюдь не отказываясь принципиально ни от парламентаризма вообще, ни от использования учреждений в роде Дум, но только при иных, более благоприятных условиях.

Большая часть прежних бойкотистов заняла иную практическую позицию. Они находили, что начатое партией дело использования надо продолжать, что большие усилия, сделанные для него партией, не должны пропадать даром, да и кроме того самое отозвание фракции нельзя было бы в данное время осуществить без больших внутренних потрясений для партии, без новой растраты ее сил. Но вместе с тем, видя, что фракция в своих действиях иногда шла в разрез с прямыми указаниями партийных центров, конференций и даже съездов, они полагали, что ее надо безусловно обязать к подчинению всем таким указаниям, что без этого поддержка фракции партией могла бы оказаться бесплодной для партии. Эти взгляды высказала конференция центральной области в ноябре 1908 года. По существу на ту же точку зрения стала обще-партийная конференция в январе 1909 года.

Третью точку зрения проводят теперь некоторые прежние антибойкотисты с официальным большевистским органом во главе. Они полагают, что если прежде вопрос о третьедумской деятельности партии мог быть второстепенным и чисто-практическим, то теперь это не так. Длительная реакция, особенно сильно стеснившая нелегальную партийную работу, по их мнению, чрезвычайно увеличивает важность думской работы и выдвигает ее на первый план. Разногласия в отношении к думской фракции они, поэтому, считают коренными и основными для партийной жизни и находят невозможной совместную работу с теми, кто в этом вопросе расходится с ними.

Мы считаем такой взгляд неправильным и полагаем, что опыт двух лет с третьедумской фракцией доказал именно невозможность придавать думской работе центральное и основное значение. По нашему мнению, уроки этих лет реакции показывают, что наибольшую долю сил надо отдать местной работе по восстановлению организаций, по расширению и углублению пропаганды, по укреплению влияния в рабочей среде на почве непосредственных нужд и требований пролетариата и т. п. Только сосредоточивши усилия на этих задачах и выполнивши их в более или менее

значительной мере, возможно достигнуть также достаточно широкого использования Думы и думской трибуны.

Это не значит, однако, что теперь надо пренебречь думской работой. Пока партия законно не отменила и не изменила своего решения о III Думе, все организации, все члены партии обязаны поддерживать работу думской фракции всякими способами, — доставлением ей сведений, материалов и т. п., но также и критикой ее действий, а равно обязаны активно участвовать во всех частичных выборах в Думу.

За каждым членом партии остается, однако, право по своему оценивать результаты и значение думской работы, право вносить и отстаивать в организациях практические предложения о тех или иных ее преобразованиях или хотя бы даже о ее прекращении, об «отозвании» фракции и т. п. Будучи несогласны с «отзовистами» с практической точки зрения, мы считаем и «отзовизм» законным, в ряду прочих, оттенком революционного крыла партии. Мы полагаем, что в разнообразии оттенков, при единстве принципов, выражается жизненность и глубина нашего идейного течения.

Таким единым принципом в данном вопросе является для нас точка зрения революционной международной социал-демократии. Вместе с нею мы высказываемся против обеих крайних точек зрения на парламентскую работу, существующих в международном пролетарском движении. Одна из них, оппортунистическая, придает парламентской работе исключительное значение, другая же, анархическая и синдикалистская, отрицает за нею всякое значение. Революционная же социал-демократия, полагая, что не следует уступать буржуазным классам ни одного поля борьбы, посылает своих представителей в парламенты во всех тех случаях, когда это возможно и выгодно с точки зрения обще-классовых задач партии. Но при этом она ставит своих представителей под контроль обще-партийной воли, заставляя их работать в пределах партийной программы и указаний высших партийных учреждений.

О революционно-боевых задачах.

Когда первая волна российской революции поднялась до уровня массовых политических забастовок и демонстраций с кровавым исходом, большевики впервые наиболее решительно и определенно поставили вопрос о подготовке к вооруженному восстанию. Самое дело являлось чрезвычайно новым для партии, никакого серьезного опыта для него в прошлом не имелось, сил было очень мало. Технические результаты не могли быть сколько-нибудь значительными. Но общая постановка вопроса, как доказали последующие события, была правильной.

На своем Лондонском съезде в апреле 1905 года большевики отчетливо выяснили неразрывную связь всеобщей забастовки и вооруженного восстания, неизбежность перехода от всеобщей забастовки к восстанию, ее необходимость, как существенного условия для успешности восстания. Эти выводы вполне оправдались в октябре-декабре того же года.

Большевики приняли самое активное участие в декабрьских-январских восстаниях. Поражение было предрешено наличным соотношением общественных сил: неорганизованностью и политической отсталостью крестьянства, истощением пролетариата от предыдущей борьбы. Но в то же время на практике выяснилось, что укоренившееся даже среди западной социал-демократии мнение о невозможности для народа вести вооруженную борьбу против регулярной армии — на деле неверно, что перевес обычного военного обучения над более сознательной боевой активностью вооруженных революционеров есть предрассудок, что борьба возможна даже там, где численность реакционного войска значительно превосходит

численность боевых сил революции, лишь бы имелось современное вооружение и сколько-нибудь удовлетворительное руководство. Этот опыт был огромным приобретением для всего международного социализма, которому он служит ценным указанием на характер и способы ведения классовой борьбы в тех случаях, когда она принимает форму вооруженных столкновений.

Но на практике выяснилось также и то, насколько велика была военно-теоретическая и техническая неподготовленность, а благодаря ей зачастую даже растерянность наших революционных сил. Это увеличило размеры поражения и последовавшей затем реакции. Конечно, для такой неподготовленности были серьезные и достаточные причины: не только необычность самого дела, но и то величайшее напряжение, которого потребовало от революционных организаций за предшествующие восстанию месяцы разрешение важнейших политических вопросов, поставленных ходом революции; для вопросов боевого дела оставалось очень мало сил, а ход событий был так стремителен, что самый момент восстания застал врасплох даже тех, кто вообще не сомневался в его неизбежности.

Таким образом, сама жизнь определенно и настоятельно ставила для наступившего затем меж-революционного периода задачу — восполнить революционно-боевую подготовку ко времени нового подъема.

Так и смотрели на дело большевики. Именно поэтому они, с одной стороны, старались разрабатывать в своей литературе и в инструкторских группах, а также на специальных конференциях вопросы народного восстания, с другой стороны, пока не выяснилась глубина и длительность реакции, отстаивали перед партией боевые партизанские выступления, как одну из форм гражданской войны и как практическую школу вооруженной борьбы вообще.

Но реакция шаг за шагом побеждала и усиливалась. Партизанские выступления дезорганизовались, партия запретила их как бесплодную растрату сил. Военно-технические организации распались, даже теоретическая разработка боевого опыта в партийной литературе прекратилась. Постоянно убывавшие остатки социал-демократических сил направлялись все более в иную сторону. Так дело шло до сих пор.

Исходя из этого, часть товарищей пришла к мысли, что надо закрепить в партийной тактике создавшееся положение и окончательно устранить революционно-боевые вопросы из числа задач партии, порвать с революционно-боевой традицией, как устарелой и вредной. Против такого взгляда мы высказываемся самым решительным образом.

Мы, разумеется, признаем, что, в виду упадка местных партийных организаций, усилия прежде всего должны быть направлены на их восстановление и укрепление, и только в подчинении этой основной задаче, в зависимости от ее выполнения, возможно переходить в местной работе и ко всяким иным задачам, в том числе военно-революционным. Но окончательный отказ от них мы считаем недопустимым заблуждением. Его результат может быть лишь тот, что ко времени нового подъема утратится, оставшись без разработки, даже тот боевой опыт, который уже был приобретен за время первой волны народного движения, и рабочий класс вступит в этот новый подъем почти столь же неподготовленным к вооруженной борьбе, как это было в 1905 году. Между тем самый ход кризиса, раз уже он начнется, неизбежно окажется еще более стремительным, чем тогда, и времени для военно-революционной подготовки, теоретической и практической, окажется гораздо меньше. Получится жестокая и бесплодная растрата революционных сил и пролетарских жизней. Этого необходимо избегнуть.

Между тем, вполне возможна и теперь, во-первых, теоретическая разработка и популяризация всего нашего боевого опыта, как массовых восстаний, так и партизанских выступлений, подведение итогов их урокам,

а также и новым данным революционной борьбы в других странах. Эта заброшенная работа может и должна быть возобновлена с огромной пользой для будущего, к ней мы приглашаем товарищей, имеющих соответственные знания и способности. Мы полагаем, что стратегия и тактика народных восстаний должна стать одним из предметов изучения для сознательных рабочих.

Затем, сами местные организации, по мере того как они будут крепнуть и накоплять силы, могут при подходящих условиях организовать и более специальное, более практическое изучение боевой техники в особых инструкторских школах.

Эти важные задачи партия в период реакции не может, конечно, выдвигать на первый план, но она не должна также терять их из виду, не должна упускать того, что она может сделать для подготовки и облегчения предстоящей решительной борьбы со старым порядком.

О профессиональных союзах и легальных возможностях.

По вопросу о профессиональных союзах в их отношении к социал-демократической партии мы стоим на точке зрения Штутгартского Международного Конгресса и нашего Лондонского съезда, т.-е. мы признаем автономию профессиональных союзов в области экономической борьбы, но также признаем, что, благодаря неразрывной связи экономических и политических интересов рабочего класса, у профессиональных союзов и партии существует и все более расширяется *общее* поле деятельности, а потому необходимо стремиться ко все более тесному организационному сближению между ними и согласованности их действий.

Для ведения работы в профессиональных союзах члены партии должны входить туда и составлять внутри их особые ячейки — сплоченные нелегальные группы, поддерживающие тесную и постоянную связь с партией и действующие под руководством ее комитетов. По нашему мнению, идейное воздействие на профессиональные союзы со стороны крепкой нелегальной социал-демократической партии есть необходимое условие для успешной их деятельности.

Там, где невозможно организовать легальные профессиональные союзы без принижения их основного характера, следует устраивать союзы нелегальные. В нелегальных союзах, всегда менее широких по составу, надо сосредоточить силы на главнейшей задаче союзов, т.-е. руководстве прямой экономической борьбой против капитала, возможно более сокращая такие отрасли деятельности, как взаимопомощь и т. п.

В легальных союзах прочные нелегально-партийные ячейки, в случае усиления полицейского гнета, например, закрытия союзов администрацией, будут чрезвычайно облегчать преобразование союзов в нелегальные, как это нередко делалось и до сих пор.

Что касается использования других легальных возможностей, каковы кооперативы, кассы взаимопомощи, клубы, библиотеки, народные университеты, курсы, съезды и пр.,—то здесь мы руководимся исключительно соображениями целесообразности тех или других способов борьбы и форм организации, а самому вопросу о легальности или нелегальности мы, в противоположность либералам, с одной стороны, анархистам, с другой,— не придаем большого значения.

Поэтому во всех тех случаях, когда на почве действующего права появляется возможность создавать такие легальные беспартийные учреждения, обслуживающие материальные и образовательные нужды рабочих,— социал-демократам следует принимать в них участие, делая их полем социал-демократической пропаганды и агитации, опорою для укрепления классовой организованности пролетариата и развития его сознательности.

*

Входя в такие учреждения, члены партии должны действовать в них так же, как в легальных профессиональных союзах, образовывать нелегальные группы, находящиеся в тесной связи с партийными организациями и подчиненные их руководству.

В тех случаях, когда подобные учреждения организуются правительством, городскими и земскими самоуправлениями или частными лицами из буржуазии и существуют на средства таких устроителей, социал-демократы в них должны, прежде всего, добиваться полной автономии этих учреждений по отношению к «благотворителям» и учредителям и сосредоточения внутреннего управления ими в руках рабочих.

В тех случаях, когда обнаруживается достаточно ясно, что поставить деятельность данного учреждения под влияние сознательного пролетариата нет никакой возможности и что оно служит лишь интересам и целям правительства и буржуазии, являясь в их руках орудием для отклонения рабочих от пути классовой организации и борьбы, для затемнения сознательности масс, — социал-демократия должна энергично бороться против такого учреждения, решительно и определенно выясняя отсталым слоям рабочих вредные стороны его деятельности. Для таких легальных возможностей партия отнюдь не должна жертвовать боевым содержанием пролетарской организации.

Итак, вот в немногих словах сущность идейной и практической платформы, которую мы предлагаем всем товарищам:

Современное положение России мы понимаем, как переходное между двумя волнами демократической революции.

Мы убеждены, что в предстоящей революционной волне наш пролетариат должен явиться руководителем и вождем всей демократии. К этой роли ему необходимо подготовиться в организационном, тактическом и идейном отношении.

Для такой подготовки, — а вместе с тем и для повседневной борьбы, экономической и политической, — российский пролетариат нуждается в нелегальной партии, не широкой, но активной по своему составу, сплоченной и освобожденной от междоусобий.

Для тех же целей требуется углубить всю пропаганду и агитацию, придать им более последовательный и целостный социалистический характер.

Нельзя также упускать из виду или устранять вопросы революционно-боевого дела, которые жизненно-важны для успеха неизбежной вооруженной борьбы народа со старым порядком.

Необходима систематическая работа партии в профессиональных союзах, легальных и нелегальных, для руководства их деятельностью в интересах социал-демократии, для возможно тесного сближения их с партией.

Думская работа должна служить для партии при нынешних условиях одним из средств агитации и пропаганды, но не центральною задачею и не поводом для междоусобий и расколов. С той же точки зрения должны быть использованы все другие легальные возможности нынешнего момента.

Для всех ясно критическое положение партии. Необходимо направить все усилия на ее — не просто поддержание, а воссоздание. Надо отбросить всякие частные, групповые интересы, забыть все, кроме интересов самой работы. Этому учит нас мучительный гнет настоящего, этого требует надвигающаяся гроза будущего.

Мы призываем партийных товарищей рабочих твердой рукою покончить со старыми группировками и междоусобиями. Объединение на

деле и для дела — вот пролетарский лозунг. Через суровую борьбу он поведет нас к победе. На этом пути нельзя сбиться — его озаряет солнце социализма.

В работе над платформой принимало участие 15 членов партии—7 рабочих и 8 интеллигентов.

Большая часть содержания платформы принята единогласно. Только по вопросу о Гос. Думе воздержалось трое (два «отзовиста» и один антибойкотист).

Группа, работавшая над платформой, продолжает существовать в виде литературной группы, под названием *«Вперед»*.

Группа рассчитывает в ближайшем будущем издать ряд популярных брошюр по вопросам этой платформы.

При первой возможности группа приступит к изданию популярной рабочей газеты.

№ 4 (к стр. 246).

РЕЗОЛЮЦИИ ЯНВАРСКОГО (1910 Г.) ПЛЕНУМА Ц.К. Р.С.-Д.Р.П.

1. Положение дел в партии.

В развитие основных положений резолюций партийной конференции 1908 г. Ц.К. постановляет:

1. Тактика с.-д. всегда едина в своей принципиальной основе, идет ли речь об эпохе открытой гражданской войны и общественных потрясений, или о периоде общественного застоя. Она всегда рассчитана на то, чтобы дать максимум результатов, как в случае быстрой ломки условий сегодняшнего момента, так и в случае сравнительной неподвижности данной политической обстановки.

Для сознательного российского пролетариата, выходящего из состояния придавленности, в которое он был временно повергнут торжеством контр-революции, впервые открывается возможность, организуясь в массовую с.-д. партию, применять сознательно, планомерно и последовательно этот тактический метод международной с.-д-тии, выработать тактику, рассчитанную не на данную лишь конкретную обстановку ближайшего момента, а на различные пути, которыми может пойти совершающееся после поражения революции 1905 г. приспособление поколебленного абсолютизма к условиям существования капиталистического общества. Его тактика должна способствовать накоплению его сил и развитию энергии его классовой борьбы, в какую бы форму ни вылился неизбежный крах контрреволюционной политики пытающегося приспособиться к потребностям буржуазного развития абсолютизма и какую бы ни принял форму неизбежный общественный кризис. Тактика эта делает пролетариат готовым к новой открытой революционной борьбе и в то же время дает ему возможность использовать для себя все противоречия неустойчивого режима контр-революции.

2. Рабочее движение в России переживает период крупнейшего исторического перелома. С одной стороны, упадок массовой борьбы, крайнее усиление репрессий, объединение капитала и наступление его, развал организаций и бегство интеллигенции из партии, — все это порождает

острый кризис с.-д. партии. С другой стороны, несомненно, наблюдается повсюду, что пробивает себе дорогу новое поколение с.-д. рабочих, прошедших под руководством с.-д. политическую школу в событиях революции и контр-революции, стремящихся отстоять задачи революции и методы ее, найти соответствующие новым условиям исторического момента формы борьбы и обновить партийную с.-д. организацию.

3. На основе такого состояния рабочего движения наблюдается повсюду у сознательных представителей его тяга к концентрации партийных с.-д. сил, к укреплению партийного единства.

Широкое контр-революционное течение в либеральных и мелко-буржуазно-демократических слоях народа усиливает в сознательном пролетариате стремление отстоять свою классовую партию, ее революционные цели и методы действия, сплотить всех с.-д. против укрепившихся и наступающих врагов.

Открытые выступления пролетариата как на думской трибуне (через с.-д. депутатов III Думы), так и на легальных съездах и во всякого рода легальных учреждениях ведут к сплочению его сил, усиливают стремление противопоставить себя всем остальным классам, оказать организованное влияние на общественную жизнь и таким образом отстоять революционно-социал-демократические цели и классовый характер своего движения.

Все сильнее сознается необходимость объединить разрозненные нелегальные группы с.-д. в открытых и полуоткрытых учреждениях и партийные рабочие ячейки, использовать все легальные учреждения для возрождения массового движения и превратить все эти учреждения в опорные пункты соц.-дем. работы; все сильнее становится стремление положить конец кустарничеству и помочь созданию работоспособного и действительно руководящего работой на местах Ц. К-та.

У передовых рабочих, на-ряду с стремлением углубить свое социалистическое мировоззрение и понимание марксизма, крепнет сознание необходимости усилить экономическую борьбу и профессиональное единение, а также развить политическую агитацию в массах.

4. В области идейно-политических задач с.-д. движения, в свою очередь, выдвинулись такие, которые властно требуют партийного единства и создают его через все препятствия:

а) историческая обстановка с.-д. движения в эпоху буржуазной контрреволюции неизбежно порождает, как проявление буржуазного влияния на пролетариат, с одной стороны, отрицание нелегальной с.-д. партии, принижение ее роли и значения, попытки укоротить программные и тактические задачи и лозунги революционной соц.-дем. и т. д.; с другой стороны, отрицание думской работы с.-д. и использования легальных возможностей, непонимание важности того и другого, неумение приспособить революционно-соц.-демократическую тактику к своеобразным историческим условиям современного момента и т. д.;

б) неотъемлемым элементом с.-д. тактики при этих условиях является преодоление обоих уклонений путем расширения и углубления соц.-дем. работы во всех областях классовой борьбы пролетариата и разъяснения опасности этих уклонений;

в) сознание опасности обоих указанных уклонений и задача их преодоления делает еще более необходимым восстановление организационного единства Р.С.-Д.Р.П., и это обстоятельство, в связи с очерченными выше объективными условиями, усиливает необходимость уничтожения фракционности, уничтожения всех более или менее организованных фракций и превращения их в течения, не нарушающие единства партийного действия.

(В целом принято единогласно.)

2. О созыве очередной общепартийной конференции.

Ввиду того, что областные организации в настоящее время в большинстве областей разрушены и созыв обширных областных конференций до крайности затруднен политическими препятствиями, Ц. К-т рекомендует произвести выборы областных делегаций на следующих началах:

а) по совещании с местными организациями, Ц. К. намечает в каждой области соответствующее число важнейших пунктов с.-д. движения. Общее число делегатов от области распределяется между этими пунктами;

б) организации менее значительных пунктов с.-д. работы присоединяются для выбора делегатов к ближайшим крупным пунктам.

Примечание 1-ое. Это не исключает областные конференции, если созвать таковые окажется возможным.

Примечание 2-ое. При этом Ц. К. настоятельно приглашает товарищей избирать делегатов на конференцию обязательно из числа партийных работников, действующих на местах.

Ц. К. признает необходимость предварительной разработки вопросов порядка дня на местах и рекомендует перенести обсуждение этих вопросов не только в районные, заводские и т. п. партийные ячейки, но и в среду с.-дем. участников легального движения, готовых восстановить организационную связь с партией. При организации выборов *партийные* группы в легальном рабочем движении должны быть привлечены к выборам на общих со всеми партийными ячейками основаниях.

Считаясь с тем обстоятельством, что полное установление прочной организационной связи между различными формами с.-д. деятельности на местах представляет огромные трудности, для преодоления которых неизбежно потребуется долгая и упорная работа, и признавая, что участие в ближайшей же общепартийной конференции возможно большего числа *партийных* деятелей открытого рабочего движения могло бы сильно двинуть вперед осуществление этой задачи, — Ц. К. признает необходимым дополнительное представительство от с.-д. групп в легальном движении, готовых установить прочную организационную связь с местными партийными центрами. Предоставляя этим дополнительным делегатам совещательный голос, Ц. К. передает окончательное решение вопроса о совещательных или решающих голосах самой конференции.

Для успешной подготовки ближайшей общерусской конференции и в интересах дальнейшего сплочения соц.-демократов, действующих в различных областях рабочего движения, в единую партийную организацию, Ц. К. рекомендует областным и местным партийным центрам взять на себя инициативу созыва совещаний — местных и областных — из работников основных партийных ячеек, фабрично-заводских, районных и т. д. комитетов, с одной стороны, и партийных с.-д. групп, а также отдельных деятелей в рабочем движении, с другой стороны.

Задачей подобных совещаний должно быть обсуждение вопросов порядка дня общепартийной конференции, а также всех вообще вопросов текущей с.-д. деятельности на местах.

Ц. К. наметил следующий *предварительный* порядок дня конференции:

1) экономическая борьба (проф. союзы легальные и нелегальные, профессиональная пресса, смешанные комиссии, институт старост и т. д.);

2) работа партии в связи с думской деятельностью (в том числе вопросы рабочего законодательства, страхования рабочих и пр.);

3) организованное участие в общественных съездах и во всех государственных и общественных учреждениях, затрагивающих интересы рабочего класса (городские думы, земства, общества обывателей и избирателей);

4) кооперативы;

5) пропагандистская и организационная деятельность в различных легальных обществах (просветительные общества, клубы, общества трезвости, упрочение существующих и учреждение новых обществ);

6) вопросы пропаганды и агитации (Ц. О., рабочая газета, листки и прокламации, брошюрная литература, легальная пресса, кружки самообразования, партийная школа);

7) бюджет партии (постановка партийных организаций в финансовом отношении на пролетарской основе, правильные членские взносы, сборы, оплата нелегальной прессы);

8) организационные вопросы (политически руководящий центр в России, объединение деятельности на местах, восстановление связи между местными организациями).

(Принято всеми при одном воздержавшемся.)

3. Устав Ц. К.

1. Действующая в России коллегия членов Ц. К. пользуется всеми правами Ц. К.

2. Все члены Ц. К. обязаны исполнять ту или другую часть работы Ц. К.

3. Действующий Ц. К. состоит из членов его и кандидатов, выбранных на Лондонском съезде.

4. Число действующих членов Ц. К. определяется в 7 человек и состоит из 4 членов, выбранных на съезде, и 3 представителей национальных организаций, в том числе члена П. С.-Д., выбранного съездом.

5. В случае выбытия кого-либо из 7 членов коллегии, выбывший замещается выразившим желание работать в России кандидатом Лондонского съезда; в случае отсутствия таковых — одним из кандидатов, заранее намеченных коллегией не из состава кандитатов Лондонского съезда.

6. Новые кандидаты кооптируются большинством русской коллегии при отсутствии хотя бы одного голоса против и считаются исполняющими должность членов Ц. К. впредь до утверждения их общепартийной конференцией.

7. Кандидаты, выбранные Лондонским съездом, замещают выбывающих членов Ц. К. в порядке, установленном уставом.

Вновь кооптированные кандидаты замещают выбывших по течениям или по принадлежности к национальным организациям.

Порядок замещения выбывших членов Ц. К. устанавливается в деталях русской коллегией.

8. Ц. К. собирается, по возможности, раз в месяц; в промежуток между общими собраниями Ц. К., всеми делами Ц. К. заведует Бюро Ц. К., выбранное общим собранием.

9. За границей действует назначенное Ц. К-ом Заграничное Бюро Ц. К., состоящее из 5 членов Ц. К. В состав Бюро входят три представителя «национальных» Центр. К-тов.

Центр. К-ты национальных организаций имеют право назначать в Заграничное Бюро и не членов Ц. К. Последние не могут участвовать в пленуме Ц. К.

Заграничное Бюро Ц. К. заведует имуществом партии, издательскими и техническими делами, представляет партию заграницей, объединяет заграничные группы содействия партии и служит посредствующим звеном между ними и действующим в России Ц. К.

Большинство членов Заграничного Бюро Ц. К. должно жить в одном городе.

10. Пленум из 15 членов Ц. К. созывается: 1) по постановлению рус-

ской коллегии (большинством $^2/_3$ голосов, но не менее 5); 2) по единогласному постановлению Загр. Бюро Ц. К.; 3) в случае провала более половины русской части Ц. К., если арестованные не могут сейчас же быть заменены наличными кандидатами.

11. В пленум (из 15 членов) привлекаются: 1) члены действующей в России коллегии; 2) члены Загр. Бюро Ц. К., за исключением тех его членов, которые не состоят членами Ц. К.; 3) если те и другие не дают числа 15, то привлекаются к работам пленума и остальные кандидаты в следующем порядке: а) кандидаты Лондонского съезда, выполняющие какую-либо партийную работу в России; б) члены Ц. К. и их кандидаты, живущие заграницей и занятые на работе, порученной им Ц. К.

При замещении кандидатур соблюдается пропорциональность течений. Вопрос о том, кто именно из кандидатов имеет право присутствовать на пленуме, решается имеющимися налицо действительными членами Ц. К. данного течения.

(Принято единогласно.)

4. О Центральном Органе.

Центральному Органу рекомендуется: стремясь к тому, чтобы большинство статей было неподписанных (т.-е. редакционных), помещать за подписью авторов такие статьи отдельных товарищей, с которыми редакция соглашается в общем и целом, не соглашаясь с частностями,—чтобы таким образом облегчить участие в Ц. О. представителей различных течений в партии.

Редакция Ц. О. составлена из 2 большевиков, 2 меньшевиков и одного представителя польской соц.-дем.

5. О «Дискуссионном Сборнике».

Создается непериодический «Дискуссионный Сборник».

Его редакция составляется из представителей (по одному) *всех* существующих в партии течений и по одному от «национальных» организаций.

Для гарантии прав меньшинства, трем членам редакции обеспечивается право помещать статьи по одному их требованию.

6. О партийной школе.

Ц. К. постановляет: сделать подготовительные шаги к организации партийной школы заграницей.

Ц. К. назначает для этого комитет из 9-ти лиц: 2 большевика, 2 меньшевика, 2 из группы «Вперед», 1 бундовец, 1 польский соц.-дем., 1 латышский соц.-дем.

Заграницей и в России немедленно открывается подписка в пользу школы.

Заграничному Бюро Ц. К. ставится на вид, что оно должно исчерпать все меры к тому, чтобы т.т. Максимов и др. отказались от организации сепаратной школы и вошли в организацию школы при Ц. К., в которой им должна быть обеспечена полная возможность полностью применить свои педагогические и лекторские силы.

7. Копенгагенский Международный Конгресс.

Приняты меры к организации делегации на Конгресс и к составлению отчета партии; местным организациям партии предлагается с своей стороны озаботиться посылкой своих представителей на Конгресс.

Если общепартийная конференция состоится до Конгресса, делегация будет намечена ею.

Представителями партии в Международное Бюро единогласно выбраны т.т. Г. В. Плеханов и Н. Ленин.

8. О газете «Правда».

Ц. К. постановляет: оказывать субсидию газете «Правда» и делегировать в редакцию ее своего представителя в качестве третьего редактора.

Всякие изменения в составе редакции «Правды» производятся путем соглашения между редакцией и Ц. К.

Вопрос о превращении «Правды» в орган Ц. К. отложить до ближайшей конференции.

9. О группе «Вперед».

Ц. К. регистрирует литературную группу «Вперед», как партийную издательскую группу.

Ц. К. предлагает комиссии по организационным вопросам выработать проект мер к тому, чтобы литературно-издательские предприятия группы «Вперед» были включены в общую систему партийной литературной деятельности заграницей и существование обособленной группы стало излишним.

10. О фракционных центрах.

Ввиду принятия ряда резолюций, направленных к созданию в партии *фактического* единства, и декларации т.т. большевиков, распускающих свой организационный центр и закрывающих «Пролетарий», —

Центральный Комитет выражает полную уверенность, что редакция Ц. О., проводя резолюции, единогласно принятые Ц. К., будет способствовать сплочению всех литературных сил без различия направлений, и высказывает убеждение, что интересы партии и партийного единства требуют закрытия в ближайшем будущем газеты *«Голос Социал-Демократа»*.

Согласно с этим Ц. К. обращается к т.т. меньшевикам, членам Ц. К. и Ц. О., с предложением приложить все усилия для достижения этой цели посредством воздействия на своих ближайших единомышленников.

(В целом принято единогласно.)

Декларация большевиков.

«Ввиду того, что Ц. К-том на его последних заседаниях сделан целый ряд шагов к уничтожению фракционных центров и к воссозданию организационного единства Р. С.-Д. Р. П.;

ввиду того, что Ц. К-том *единогласно* принята политически важная и партийно-обязывающая резолюция, осуждающая ликвидаторство и отзовизм и признающая борьбу с этими течениями за неотъемлемый элемент политической линии партии, а проведение этой линии в жизнь обеспечено составом редакции Ц. О.;

ввиду того также, что среди меньшевистской части партии, среди меньшевистских руководителей, в частности, ясно намечается стремление покончить с своей фракционной обособленностью, прекратить издание своего фракционного органа, признать единство заграничной кассы Загр.

Бюро Ц. К. и способствовать, с своей стороны, проведению этого единства в жизнь, —

мы, нижеподписавшиеся, идя целиком навстречу назревшей потребности в организационном единстве партии, заявляем:

1) мы распускаем свой фракционный центр;

2) мы прекращаем издание газеты «Пролетарий», оставляя лишь за собою право выпустить в ближайшем будущем последний итоговый номер ее, если фракционный орган меньшевиков будет продолжать выходить;

3). . . . . .

4). . . . . . (в этих 2 пунктах речь идет о *немедленной* передаче большевиками *части* своего имущества в Ц. К. и об образовании ими большевистской чисто литературной группы);

5) всю остальную, имеющуюся в нашем распоряжении, наличность мы передаем стороннему держателю, предлагая ему, с своей стороны, передать отданную ему на держание сумму в кассу Ц. К. в два годичных срока, буде в течение этого времени окажется, что меньшевистская фракция также принимает все меры, необходимые для действительного уничтожения меньшевистского центра и для утверждения организационного единства партии. Шагами, которые заставили бы нас потребовать от держателя возврата денег, мы считаем: продолжение издания меньшевиками их руководящего фракционного органа, сохранение меньшевистской фракционной кассы, отказ содействовать общепартийным центрам в России и за границей.

От ред. [«Социал-Демократа»]. В связи с этим заявлением большевиков Ц. К. вынес резолюцию, в которой говорится, между прочим, следующее: вносимая большевиками — сверх того, что они немедленно передали в кассу Ц. К., и за вычетом суммы, выданной Ц. К-том большевистской литературной группе взаймы на ведение чисто издательского дела, — сумма «передается трем товарищам» (о личности этих трех товарищей достигнуто соглашение), которые в определенные сроки определенными долями должны передавать их Ц. К.

Если за это время представители большевистского течения, ссылаясь на мотивы, указанные в их декларации, заявят требование о выдаче им оставшейся к тому времени суммы, то этот вопрос во всем его объеме, т.-е. выдать ли и кому именно (большевистским членам Ц. К. и Ц. О. или Центральному Комитету), решается окончательно этими держателями, при чем, предварительно созывается для этой цели пленум, который принимает по этому вопросу решение; об этом решении и о прениях сообщается держателям.

Если по тем или другим причинам не удастся в течение 3-х месяцев, с момента заявления представителями большевистского течения своего требования, устроить пленум, — созывается для той же цели комиссия из 5 членов Ц. К. (1 большевик, 1 меньшевик и по одному от «национальных» организаций).

11. Об устранении раскола заграницей.

Ц. К. считает ближайшей задачей Заграничного Бюро Ц. К. устранение раскола между группами заграницей и объединение их с национальными с.-д. группами.

(Единогласно.)

12. О членских взносах.

Ц. К. считает одной из в высшей степени важных задач постановку партийного бюджета на более прочную основу и рекомендует товарищам

сделать все усилия, чтобы добиться в возможно скором будущем правильной постановки членских взносов.

13. Об отступлениях от партийной дисциплины.

Констатируя, что за время от Лондонского съезда в связи с делами... в партии имели место факты, противоречащие партийным резолюциям, что некоторые товарищи совершили поступки, нарушающие партийную дисциплину; но, имея вместе с тем ввиду, что:

1) в намерения указанных товарищей не входило вредить интересам партии;

2) что товарищами, против которых выдвинуты обвинения, руководили лишь неправильно понятые интересы партии;

3) что это неправильное понимание объясняется, к тому же, по отношению к некоторым делам атмосферой, присущей моменту, непосредственно следовавшему за периодом боевых выступлений масс;

4) что организационные правонарушения и отступления от партийной дисциплины в некоторых из вышеупомянутых дел тесно связаны с существованием фракций и их борьбой внутри партии, —

Ц. К. решительно осуждает подобные отступления от партийных резолюций и нарушения партийной дисциплины и считает необходимым принять все меры к тому, чтобы такие явления впредь в партии не имели места.

№ 5 (к стр. 254).

ПИСЬМО К ТОВАРИЩАМ.

Некоторые товарищи запрашивали нас, намерены ли мы продолжать издание «Голоса С.-Д.», не будет ли продолжение издания противоречить постановлению Ц. К. «о фракционных центрах» и единогласно принятой резолюции Ц. К. о «необходимости уничтожения фракционности, уничтожения всех более или менее организованных фракций и превращения их в течения», не явится ли, наконец, это продолжение издания излишним после того, как большевики и меньшевики достигли на пленуме единодушия по важнейшим текущим вопросам политики.

Все эти вопросы возбуждались также на пленарном заседании Ц. К. Члены редакции «Голоса С.-Д.» на них там дали совершенно определенный ответ, и потому нам остается только довести до сведения товарищей и мотивировать то, что нами по этому поводу было высказано на пленуме Ц. К.

Прежде всего необходимо устранить некоторые недоразумения. Вопрос о существовании «Голоса С.-Д.» никакого отношения к вопросу о распущении «более или менее *организованных* фракций» не имеет. Так называемая, «расширенная редакция «Пролетария»» была не только редакцией литературного органа, но одновременно организационным большевистским центром (Б. Ц.), который избирался большевистской фракцией, отчитывался на ее конференциях, связан был организационной дисциплиной, выполнял организационные функции и располагал весьма крупными денежными средствами, *значительно превосходящими средства Ц. К.*, благодаря чему последний находился от него в полной зависимости. Напротив того, меньшевистская фракция уже с Лондонского съезда не существовала, как *организованное* целое, не имела ни своего фракционного центра, ни своей фракционной кассы, ни своих фракционных съездов. Это распадение фракционной *организации* меньшевиков совершилось *стихийно*. Редакция же «Голоса С.-Д.». на первом же учредительном собрании своем *сознательно и принципиально* отвергла предложение некоторых товарищей относительно выполнения ею какой-либо *организационной* работы,

ибо это противоречило ее представлению о дальнейшем ходе партийного развития и могло, по ее мнению, лишь породить вредную иллюзию, что теперь, как и в искровский период, можно будто бы организационно строить партию из заграницы. Соответственно с этим меньшевики, участвовавшие в центральных учреждениях, не отзывались и не замещались по назначению фракции, а лишь по собственной инициативе.

Таким образом, «Голос С.-Д.» может рассматриваться лишь как литературный орган известного *течения*, а не как ответственный организационный центр фракции, о чем мы и заявляли на пленуме Ц. К.

Далее, *постановления* о закрытии «Голоса С.-Д.» Ц. К. не вынес и не мог, конечно, вынести, не вступая на путь такого подавления свободы мнений, которое немыслимо было даже в период господства «осадного положения» в партии. Ц. К. высказал лишь вполне естественное *пожелание* и убеждение, что «Голос С.-Д.», в интересах партийного единства, в ближайшем будущем закроется, *обусловливая* это «уверенностью, что редакция Ц. О., проводя резолюции, единогласно принятые Ц. К., будет способствовать сплочению всех литературных сил без различия направлений». За эту общую часть резолюции «о фракционных центрах» (до абзаца, обращенного к т.т. меньшевикам) голосовали в пленуме Ц. К. и мы, меньшевики. Для того, чтобы понять смысл нашего голосования, необходимо знать, как на пленуме ставился и как там решен был вопрос о составе редакции Ц. О.

Мы, меньшевики, настаивали на том, чтобы редакция Ц. О. была нейтральна в фракционном отношении, т.-е., чтобы в нее входили 2 большевика, 2 меньшевика, 1 поляк и шестой нейтральный: либо бундист, либо тов. Троцкий. В пользу этого предложения, поддержанного как товарищами из Бунда, так и т. Троцким, согласившимся для этой цели выставить свою кандидатуру, мы приводили ряд аргументов, как формального свойства, так и по существу.

Все резолюции относительно постановки партийной работы в России были приняты, как известно, на последнем пленуме Ц. К. *единогласно*. Принимая деятельное участие в выработке этих резолюций, меньшевики за них охотно голосовали, потому что они *очень далеко шли навстречу* тем взглядам, которые давно развивались в меньшевистской литературе. Очевидно, что в официальном мнении партии со времени Лондонского съезда произошли глубокие перемены, очевидно, что поскольку «новый курс», взятый Ц. К-том, находится в преемственной связи с прошлым, он связан не специально с постановлениями Лондонского съезда и последней общерусской конференции, выражавшими взгляды большевиков, а со всем нашим *общим* партийным наследством, т.-е. и с Группой «Освобождение Труда», и со старой «Искрой», и со Стокгольмским и Лондонским съездами. Уже из этих *формальных* соображений вытекало, что, соответственно реорганизации всей партийной работы, и редакция Ц. О. должна быть впредь организована на началах *равноправия* главных течений.

Но еще больше, чем формальные соображения, за это говорили соображения по существу дела. Ц. К. наметил план новой работы и нового организационного строительства партии. Но пока этот план еще существует только на бумаге. В виду острого кризиса, переживаемого партией, его проведение в жизнь, наверно, натолкнется на большие затруднения. Придется, с одной стороны, преодолеть рутину старых партийных организаций, о живучести которой можно судить хотя бы по резолюции Бакинского Комитета, которую мы печатаем в одновременно выпускаемом нами № 19-20 «Голоса С.-Д.»; придется, с другой стороны, считаться с недоверием к старой партийной организации, широко распространенным среди деятелей открытого движения, занявших теперь главные аванпосты борющегося пролетариата и завоевавших эти аванпосты сплошь и рядом без непосредственного содействия этих организаций, а иногда и при их

противодействии. При таких условиях, в настоящее переходное время, роль нелегального органа, пропагандирующего план реорганизации и возрождения партии, намеченный Ц. К., очень важная, ответственная и трудная. Для того, чтобы справиться с этой задачей, Ц. О. должен окончательно эмансипироваться от старого метода фракционно-кружковой политики, должен проявить большой политический такт и должен завоевать себе доверие, как среди жизнеспособных элементов старых подпольных организаций, так и среди новых открытых организаций, являющихся теперь главным очагом социал-демократической работы. Вот эти соображения больше всего побуждали нас отстаивать реорганизацию Ц. О. на началах равноправия главных двух течений, из которых большевистское более тесно связано с подпольными организациями старого типа, меньшевистское — с новыми открытыми и полуоткрытыми организациями.

Именно для успешного проведения в жизнь резолюций Ц. К. мы настаивали на составлении нейтральной редакции Ц. О. и при таком условии выражали готовность закрыть «Голос С.-Д.». Выражая эту готовность, мы хорошо знали, что по целому ряду вопросов, не затронутых на пленуме Ц. К., взгляды меньшевиков еще не стали общим достоянием партии, что для меньшевистского нелегального органа еще остается много работы; тем не менее, мы не колебались принести эту жертву, зная, что она искупится теми благими последствиями, которые будет иметь *полное объединение* партии, и тем авторитетом, который приобретает Ц. О. в лице всех жизнеспособных элементов социал-демократии, зная, вместе с тем, что, при полном объединении нелегальных литературных сил, логика фактов доскажет то, чего не договорили мы, меньшевики, в «Голосе».

Большевики, однако, иначе смотрели на дело. Они, очевидно, не усматривали в логике современного пролетарского движения достаточной гарантии для торжества своих взглядов и настаивали на том, чтобы им в редакции Ц. О. дано было численное преобладание.

Ц. К. в этом вопросе стал на их точку зрения и обеспечил в редакции Ц. О. преобладание за «лондонским» польско-большевистским блоком. А большевики, не довольствуясь этой октроированной им привилегией быть официальными представителями партийной воли, кроме того выговорили себе, в виде компенсации за закрытие «Пролетария» и распущение Б. Ц., заимообразную выдачу им значительной суммы денег на издание большевистской литературы.

Это решение Ц. К., давшее возможность большевикам при помощи голоса т.т. поляков майоризировать меньшевиков в Ц. О., означало фактически превращение Ц. О. в «Пролетарий» или, наоборот, «Пролетария» в Ц. О., поскольку в настоящее время между большевиками литераторами и т.т. поляками исчезли всякие разногласия. Не трудно было предвидеть, как нынешний состав Ц. О. отразится на его направлении, если принять во внимание, что в нем обеспечено господство как раз тем элементам большевизма, которые и до пленума и на самом пленуме вели упорную борьбу против тех именно пунктов, которые характеризуют теперь официально признанный «новый курс» в партии. И это сразу же обнаружилось на пленуме Ц. К. из декларации большевиков, которую они прочитали сейчас после того, как решен был вопрос о составе Ц. О.

В принципиальной резолюции «о положении дел в партии», принятой единогласно на пленуме Ц. К., во-1-х, термин «ликвидатор» сознательно был устранен, как термин, которым пользовались для фракционной борьбы. Во 2-х, в целях предотвращения разных уклонений от общей партийной линии сознательно был выдвинут не боевой лозунг предварительных «размежеваний» и борьбы «на два фронта», а противоположный лозунг *предварительного* объединения нелегальных и легальных организаций на почве положительной работы и преодоления опасности разных уклонений лишь на почве этой работы. Очевидно, что и Ц. О. обязан держаться также

этой тактики. А между тем большевики в своей декларации заявили: «В виду того, что Ц. К-м *единогласно* принята была... резолюция, осуждающая ликвидаторство и отзовизм и признающая борьбу с этими течениями за неотъемлемый элемент политической линии партии, *а проведение этой линии в партии обеспечено составом Ц. О.,...* мы» и т. д. Из подчеркнутых нами слов ясно было, какой вывод большевики делали из того, что Ц. К. согласился на предложенный им метод составления редакции Ц. О. Вывод этот тем более чреват был последствиями, что реорганизация партии в России требует еще огромной подготовительной работы, центральный же орган начинает немедленно функционировать и притом так функционировать, что можно опасаться, как бы он, вместо содействия сближению между деятелями нелегального и легального движения, не усилил бы раскол между этими двумя отраслями социал-демократической работы.

Ввиду создавшегося таким образом положения, мы, именно ради проведения в жизнь важнейших постановлений Ц. К., решили сейчас «Голос» не закрывать и внесли за подписью двух членов редакции «Голоса» в пленум Ц. К. следующее заявление: «Если Ц. О., несмотря на свой состав, обнаружит готовность и окажется способным сгруппировать вокруг себя все литературные силы партии и проводить в жизнь решения Ц. К., мы сочтем своим долгом закрыть «Голос». Цитированную выше резолюцию Ц. К. «о фракционном центре» *) мы рассматриваем, *как ответ Ц. К., идущий навстречу этому нашему заявлению*, ибо свое убеждение в необходимости в ближайшем будущем закрыть «Голос» в интересах партийного единства Ц. К. обусловливал «уверенностью, что редакция Ц. О., проводя резолюции, единогласно принятые им, будет способствовать сплочению всех литературных сил без различия направлений». Ввиду этой именно мотивировки, мы тоже голосовали за резолюцию.

Так обстояло дело на пленуме Ц. К. То, что имело место сейчас же после пленума, лишь подтвердило основательность наших опасений. В вышедшем после пленума номере Ц. О. редакционная статья — «К единству», с нашей точки зрения не разъясняет, а запутывает то, что произошло на пленуме Ц. К. Статья странным образом толкует его решение так, что Ц. К. никакого «нового курса» не взял, что, напротив, отныне все единогласно стали на точку зрения прошлой общерусской конференции. Остается только непонятным, почему для проведения этих резолюций пришлось вести такую жестокую борьбу именно с правоверными хранителями традиций прошлой конференции. Таков смысл редакционной статьи. Когда же меньшевистский член Ц. О., тов. Мартов, с своей стороны написал статью на ту же тему, которую автор хотел поместить *за своей собственной подписью* как не редакционную, она была отвергнута, несмотря на то, что Ц. К. заявил, что в Ц. О. допускается помещение статей, отличающихся «в оттенках» от взглядов редакции, за подписью авторов, несмотря также на то, что автор статьи сам входит в редакционную коллегию. Мы эту статью без изменений печатаем в № 19-20 «Голоса С.-Д.», и читатель сможет убедиться, насколько она написана во фракционном отношении нетенденциозно. Несмотря на это, редакция Ц. О. отказалась ее принять и предложила автору поместить ее в дискуссионном сборнике, от чего он, конечно, отказался, ибо его статья не дискуссирует, а пропагандирует решение Ц. К. Этот опыт наглядно показывает, что меньшевики не будут иметь возможности на страницах Ц. О. с своей точки зрения пропагандировать единогласно принятые решения партии, не будут иметь возможности своей работой на страницах Ц. О. содействовать привлечению своих единомышленников к партийной работе. Они смогут писать в Ц. О. лишь по тем вопросам и по той мере, в какой они

*) Пленум Ц. К. принял резолюцию «О фракционных цент*рах*». *Ред.*

абсолютно сходятся во взглядах с большевистско-польским блоком. Редакция Ц. О., таким образом, сразу же доказала, что она, благодаря своему составу, не способна или не намерена «группировать вокруг себя все литературные силы партии, проводя в жизнь решения Ц. К.».

А из этого вывод может быть один. Фракционно-кружковые традиции нашей партии еще не изжиты. Условия для установления *полного* партийного единства еще не созданы, хотя потребность в этом единстве чрезвычайно сильно ощущается в широких кругах партии. Для создания этих условий нужно будет еще немало поработать, преодолевая фракционную рутину. Пока и поскольку Ц. О. этой задачи не выполняет, мы будем продолжать издавать «Голос», пытаясь на опыте показать, как можно обслуживать работу, намеченную Ц. К., не воскрешая фракционных традиций.

Редакция «Голоса Социальдемократа»:
Аксельрод, Дан, Мартов, Мартынов.

P. S. Наше письмо было набрано, когда мы ознакомились с письмом З. Б. Ц. К. по группам. Говорить по этому поводу мы сейчас не будем, скажем только, что оно принято против голосов бундовского и меньшевистского членов З. Б. Ц. К.

№ 6 (k стр. 260).

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО [16 РУССКИХ МЕНЬШЕВИКОВ-ЛИКВИДАТОРОВ].

Мы полагаем необходимым заявить самым энергичным образом протест против попыток, исходящих из заграничных кружков, противопоставить меньшевикам правоверным — меньшевиков «ликвидаторов» и тем искусственно вызвать раскол в среде меньшевизма.

Мы поняли бы, хотя, разумеется, не оправдали бы, эти попытки, как проявление усилий большевиков ленинского толка прикрыть смутою в рядах меньшевиков свою собственную смуту, ту смуту, которая царит в большевизме с момента распадения большевиков на, так называемых, «отзовистов» и ленинцев.

Но мы отказываемся понимать эти попытки, когда они санкционируются именем Г. В. Плеханова, и кампанию, предпринятую Г. В. Плехановым против, так называемых им, «ликвидаторов», рассматриваем, как ликвидацию Плехановым исконных идей меньшевизма, которым меньшевизм обязан своим возникновением в недрах российской социал-демократии и которые составляли его дух жив на всем протяжении его существования.

С того самого дня, когда меньшевизм поднял знамя восстания против бюрократического централизма Р. С.-Д. Р. П. в 1903 г., через всю его деятельность красной нитью протянулось сознание, что «историческая стихия» русского общественного развития, по выражению Аксельрода, «толкает» соц.-демократическое движение в России «в сторону буржуазного революционизма» и создает, соответствующий этому революционизму, тип организации, руководящей движением пролетариата, но не являющейся выражением его организационного творчества, кульминационным пунктом его классовой самодеятельности. Что поэтому у соц.-демократии нет более настоятельной задачи, как бороться с этим уклоном развития и помогать организационному творчеству пролетариата найти наиболее благоприятные формы для своего проявления.

При этом неизменно вставала дилемма. или старый партийный организм пойдет навстречу этому процессу созидания и в нем найдет свое

обновление, или процесс соц.-демократического сплочения пролетариата пойдет мимо прежней формы партийной организации и даже против нее.

И все усилия меньшевиков, все их организационные искания, каковы бы ни были оттенки в этих исканиях, определялись и направлялись сознанием важности вышеуказанной задачи. Худо ли, хорошо ли, но им определялась и направлялась та агитация за рабочий съезд, в которой принимал участие Г. В. Плеханов.

И если теперь Г. В. Плеханов забыл свои собственные недавние аргументы и свою собственную недавнюю позицию, то виноваты ли меньшевики, которых Плеханов клеймит «ликвидаторами», в том, что у них лучшая память, что они не могут говорить и делать сегодня одно, а завтра, не посчитавшись даже с своим собственным вчерашним днем, говорить и делать обратное; виноваты ли они, что продолжают держаться за меньшевистскую традицию?

А при настоящих общественно-политических условиях, когда революция сменилась реакцией и общественный подъем не маскирует более организационной оторванности партии от пролетариата,—что значит держаться за меньшевистскую традицию, что значит не обрывать, а, наоборот, подхватывать нить развития меньшевистской мысли? Это значит, прежде всего, пытаться нащупать в рабочем движении тот центр, или те центры, к которым направляется энергия сплочения рабочего класса; это значит для данного момента от стихийно идущего процесса разложения старых партийных ячеек апеллировать к рабочим организациям, профессиональным, культурным и иным, неприспособленным, правда, для самостоятельного политического действия, но могущим зато служить точками опоры, чтобы «вызвать течение против течения», чтобы процессу распада мог скорее противостать процесс политического формирования социал-демократических элементов рабочего класса.

Мы не можем сказать наперед — и никто другой, разумеется, не скажет — далеко ли зайдет процесс организационного разложения партии и удастся ли, в конечном счете, старой партийной организации, как Антею, который прикоснулся к земле, в этих новых формах набраться новых сил для новой жизни и этим сохранить организационную преемственность социал-демократии, как не знаем мы также, много ли жизнь вообще отмерит еще пространства «подполью» и сколько «легальному» рабочему движению.

Но несомненно одно: меньшевики, на которых рекут «всяк зол глагол» и которых облыжно именуют «ликвидаторами», уходя из партийных ячеек в широкие рабочие организации, не уходят от рабочего движения, а пытаются к нему приобщиться. Их уход констатирует только общеизвестное явление омертвелости партийных ячеек, с которой они признают себя в данный момент бессильными бороться. Если кто-либо другой находится в более счастливом, чем они, положении и знает, как пособить беде, как мертвое сделать живым, то они первые его будут приветствовать и с напряженным вниманием выслушают его ответ «на проклятый вопрос», только бы он не подносил им камень вместо хлеба, следуя примеру Плеханова, только бы его ответ не был в действительности словом, лишенным всякого содержания.

«Ликвидаторы» могут сказать про себя, что, быть может, они ошибаются, но, что, во всяком случае, не они ликвидируют партию. Партию ликвидируют те, кто, цепляясь за отжившие формы, мешает ее свободному развитию. Они же с своей стороны прилагают усилия уберечь партию от «ликвидационного процесса», захватившего организацию. Они помнят о том, что партия, как идейное и организационное движение пролетариата, есть нечто бесконечно более многообразное, чем данная организационная форма. И горе тем, кто из-за деревьев не видит леса, кто из-за обломков организации не провидит партии в целом и хотя бы и слабых, но свежих

ростков замечающегося и с величайшими трудностями протекающего в ней процесса перестройки.

От редакции [«Голоса Социал-демократа»]. Под этим документом имеются следующие подписи:

1) Августовский, 2) Антон, 3) Вадим, 4) В. Петрова, 5) Георгий, 6) Георг, 7) Евг. Га-аз, 8) Крамольников, 9) Д. Кольцов, 10) Нат. Михайлова, 11) Роман, 12) Ромул, 13) Соломонов, 14) Череванин, 15) Юрий, 16) Я. П—ий.

Эти подписи принадлежат старым партийным работникам, хорошо известным редакции; некоторые из них занимали в партии ответственные посты.

Документ печатается с значительным запозданием по независящим от авторов обстоятельствам.

V. ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) *Всероссийская (Декабрьская) Конференция Р.С.-Д.Р.П.* состоялась 3—9 января 1909 г. (21—27 декабря 1908 г.) в Париже, rue d'Alésia, д. № 99, прошла под идейным влиянием большевиков. При открытии конференции присутствовали с решающими голосами: от Центрально-промышленной области 2 «левых» большевика — отзовист Станислав Вольский («Валериан»—А. В. Соколов) и примыкавший к ультиматистам М. Н. Лядов (Мандельштам); от Петербургской организации 2 делегата — отзовист В. П. Денисов («Васильков», «Всеволод», «Сергей») и большевик-ленинец А. М. Буйко («Шестаков», «Шура»); от Уральской организации 1 делегат — большевик-ленинец Н. Н. Батурин («Замятин», «Константин»); от Кавказской организации 3 меньшевика—П. Б. Аксельрод, Ф. И. Дан и Петр Кавказский (Ной Рамишвили—член Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.); от Польской с.-д. партии 5 делегатов — Тышко (Лео Иогихес—член Ц. К. Р.С.-Д. Р.П.), Ю. Ю. Мархлевский («Куявский», «Карский»), В. Л. Ледер (Лейдер, «Юлиан»), Домбровский («Верный») и Я. С. Ганецкий; от Бунда 3 делегата—Ионов (Ф. М. Койген—член Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.), Юдин (И. Л. Айзенштадт—член Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.) и Рахмилевич (А. И. Вайнштейн). С совещательными голосами присутствовали: от Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.—3 большевика—Ленин, Г. Е. Зиновьев («Григорий») и В. К. Таратута («Лозинский», «Виктор»), 1 большевик — бойкотист — А. А. Богданов («Рядовой», «Максимов») и 1 меньшевик—Б. И. Горев-Гольдман («Игорь»); от Литовской с.-д. партии—1 делегат (фамилия не установлена); протоколисты — Л. Б. Каменев, В. Л. Шанцер («Марат») и О. Я. Никольская; устроители конференции—Васильев («Дядя Миша»—Михайлов) и Я. А. Житомирский («Отцов»), известный провокатор, доставивший охранному отделению все сведения об этой конференции.

На второй день после открытия конференции приехал и был допущен с совещательным голосом член думской с.-д. фракции—большевик Н. Г. Полетаев. На последнее заседание конференции прибыл делегат с юга (Киев, Харьков)—меньшевик «Афанасий» (кличку не удалось расшифровать). По окончании конференции приехал делегат от Северо-Западного края—большевик Г. Я. Беленький («Гриша»). Совсем не приехали 3 делегата-большевика от Центрально-промышленной области, арестованные в Москве: А. С. Бубнов, В. М. Лихачев и третий — не установленный.

При обсуждении порядка дня большие прения развернулись по вопросу о заграничных делах. К этому времени в заграничных группах содействия Р. С.-Д. Р. П. и в Центральном Бюро преобладали меньшевики. Воспользовавшись требованием Ц. К. об отчислении заграничными группами в его кассу 85 — 90% членских взносов и постановлением о введении одного члена Ц. К. с правом veto в состав Центрального Бюро, меньшевики собрали 14 (1) декабря в Базеле съезд заграничных групп, на

котором был принят ряд явно раскольнических резолюций. Большевистские заграничные группы (7 из 31) на съезд не явились, объявив его незаконным. Большинством 10 голосов против 6 меньшевиков и бундовцев, конференция приняла предложение Ц. К. поставить этот вопрос на обсуждение.

В окончательном виде был утвержден следующий порядок дня: 1. Отчеты — а) Ц. К. Р. С.-Д. Р. П., б) Ц. К. Польской с.-д. партии, в) Ц. К. Бунда, г) Петербургской организации, д) Московской и центральнопромышленной областной, е) Уральской и ж) Кавказской; 2. Современное политическое положение и задачи партии; 3. О думской социал-демократической фракции; 4. Организационные вопросы в связи с изменившимися политическими условиями; 5. Объединение на местах с национальными организациями; 6. Заграничные дела.

Отчеты и прения по ним раскрыли картину тяжелого состояния, переживаемого партийными организациями в условиях реакции, в связи с массовым бегством интеллигенции из рядов партии, захватившим частично и наиболее неустойчивые элементы из рабочей среды. Ко времени конференции меньшевизм, как практическое течение среди партийных рабочих, почти изжил себя. В рядах меньшевиков на-лицо было два течения: меньшевики-партийцы (см. примечание 65) и меньшевики-ликвидаторы (см. примечание 14). Последние вели в это время открытую борьбу против партии как на рабочих собраниях, так и в легальной прессе. В Петербурге Н. Череванин и К° призывали рабочих выйти из партии, чтобы приступить к созданию легальных кооперативных и культурно-просветительных организаций. В Москве группа видных меньшевиков, во главе с бывш. членами Ц. К., объединилась в одном легальном союзе с октябристами и кадетами против нелегальной социал-демократической организации. На конференции было оглашено письмо члена Ц. К. Бунда Эзры (М. М. Розена), в котором сообщалось, что меньшевики предлагали Бунду (как оказалось впоследствии — по инициативе Ф. И. Дана) заменить Ц. К. «Информационным бюро». На практике меньшевики систематически игнорировали Ц. К. и срывали работу по созданию Центрального Органа партии, отказываясь войти в редакцию последнего. Наконец, они упорно саботировали работу самой конференции, стремясь сорвать ее во что бы то ни стало. От имени кавказской делегации Дан внес резолюцию по отчетам, в которой отрицалась необходимость созыва конференции, открыто ставилась под сомнение правомочность заседавшей конференции и сама она низводилась к простому совещанию, которое «никоим образом не может претендовать на представительство общественного мнения партии», ибо на ней, якобы, не представлена «большая часть России», а из числа участников конференции «лишь немногие за последнее время принимали более или менее постоянное участие в местной работе».

Впервые на этой конференции самими бундовцами было сделано заявление о наличии внутри Бунда двух течений: партийного и ликвидаторского. К моменту созыва общепартийной конференции в Бунде преобладало партийное течение.

В польской с.-д. партии было меньше шатаний и колебаний: несмотря на тяжелые условия работы, это была сплоченная, сравнительно выдержанная и влиятельная среди рабочих партийная организация, близкая по своим воззрениям к большевикам.

В большевистской фракции появилось течение отзовистов (см. примечание 30), пользовавшееся известным влиянием в Москве, в Петербурге, на Урале, в Одессе и др. промышленных центрах. Ко времени созыва конференции наметился определенный перелом в отношении рабочих к отзовизму, изменилось и отношение к думской работе партии.

Предложенная польскими делегатами (Л. Тышко) резолюция по отчетам была принята большинством 10 голосов против 3 меньшевиков и при 3 воздержавшихся бундовцах.

Центральным вопросом конференции был доклад Ленина «О современном политическом положении и задачах партии». Еще при обсуждении порядка дня конференции меньшевики настойчиво добивались снятия этого вопроса под тем предлогом, что это будет, якобы, «бесплодная дискуссия», пустое занятие «предсказаниями». Конференция решительно отклонила предложение меньшевиков.

Содокладчиком от меньшевиков выступил Дан, который, давая общую характеристику предложенной резолюции, заявил, между прочим, что «большевики предлагают переть туда, где были раз разбиты».

В прениях выступали: Тышко, Лядов, Юдин, Полетаев и Зиновьев; все они, за исключением Юдина, защищали основные положения докладчика.

Большинством 10 голосов против 3 меньшевиков и при 3 воздержавшихся бундовцах, была принята за основу резолюция, внесенная большевиками. Затем эта резолюция была сдана в комиссию, избранную в составе: Ленина, Тышко, Юдина, Лядова и Мархлевского. Меньшевики отказались войти в комиссию. При окончательном обсуждении резолюции, проредактированной комиссией, было внесено несколько поправок. Юдин предложил принципиально-отличную редакцию первого параграфа резолюции, отрицающую буржуазную эволюцию монархии. Эта поправка никем поддержана не была. Дан внес поправку по вопросу о природе русского самодержавия в том смысле, что «самодержавие стало не буржуазной, а плутократической монархией, т.-е. не связанной с основными силами капиталистического развития, а лишь с магнатами капитала». Большинством всех голосов против двух меньшевиков конференция отвергла эту поправку. После этого Дан заявил, что меньшевики отказываются принимать участие в дальнейшем обсуждении резолюции и просто проголосуют против нее в целом. Ст. Вольский и Денисов (к ним потом присоединился Ионов) внесли следующее дополнение к 3 параграфу резолюции по вопросу о мелкой буржуазии: «Значительная часть мелкой городской буржуазии, нищающая, благодаря уменьшению покупательных сил, или таких масс населения, хотя по положению своему и не способная занять самостоятельную классовую позицию, все же, волей-неволей, вовлекается по мере нарастания политического подъема в революционное движение и в решительный момент пойдет за пролетариатом». Против этого дополнения выступил Ленин, и большинством 8 голосов против 5 (Вольский, Денисов, Ионов, Юдин, Рахмилевич) дополнение было отклонено. Затем Лядов и Вольский внесли дополнение к последним словам 6 параграфа резолюции: «При чем, этот новый революционный подъем будет отличаться более ярко выраженным пролетарским характером и большой взаимной обусловленностью выступлений пролетариата Востока и Запада». Против этого дополнения также выступил Ленин. Дополнение было отвергнуто большинством против 3 (Лядов, Вольский, Денисов). И, наконец, Г. Е. Зиновьев предложил в первом пункте резолютивной части вместо «пролетариата, опирающегося на крестьянство» (формулировка эта была внесена польской делегацией), поставить — «пролетариата и революционного крестьянства», но большинством 7 голосов против 4 эта поправка была отклонена. Резолюция в целом была принята подавляющим большинством против 4.

Обсуждение вопроса о «думской социал-демократической фракции» было несколько скомкано из-за недостатка времени. Прежде всего были оглашены отчет и проект резолюции самой думской фракции. Затем большинством голосов против 2 меньшевиков и при 3 воздержавшихся бундовцах была принята предложенная большевиками резолюция, выражающая крайнее сожаление по поводу отсутствия на конференции официального представителя думской фракции и предлагающая Ц. К. выяснить причины его неявки. Доклады о фракции пришлось отменить, и прения

были открыты прямо по резолюциям, внесенным большевиками и меньшевиками. В прениях главное внимание было сосредоточено на следующих вопросах: ошибки думской фракции, право veto Ц. К. по отношению к думской фракции, участие в «положительном» законодательстве, внедумская работа фракции, бюджетные голосования и др.

Станислав Вольский защищал необходимость отзыва депутатов, мотивируя это тем, что в России «конституции нет, парламента нет, а есть департамент при министерстве Столыпина». Юдин пытался представить резолюцию большевиков, как уступку отзовистам, высказался против права veto Ц. К. и намеченного большевиками характера выступлений думской фракции. Мархлевский высказался против перечисления ошибок думской фракции, предлагал говорить о ее работе в позитивной форме, настаивал на агитационном характере выступлений фракции и на сохранении последнего пункта большевистской резолюции.

Большинством голосов против 2 меньшевиков и 3 бундовцев за основу была принята резолюция большевиков, переданная затем в комиссию, в составе: Ленина, Зиновьева, Дана, Юдина, Тышко и Полетаева. При окончательном обсуждении резолюции на конференции, были внесены следующие поправки и дополнения. В мотивировочной части по предложению Ленина было указано на тяжелые условия, в которых работает фракция, и отмечено, что вина за ошибки фракции лежит не только на ней самой, но и на всей партии, которая до сих пор не уделяла достаточного внимания ее работе. В резолютивную часть по предложению бундовцев был внесен пункт о необходимости разоблачать и клеймить с думской трибуны политику правительства и думского большинства в национальном вопросе. По предложению меньшевиков был внесен пункт о защите местных нужд населения. Наконец, Полетаев предложил дополнить резолюцию практическими указаниями по вопросу о бюджетных голосованиях (см. настоящий том, стр. 10). Поправки меньшевиков о бюджетных голосованиях, о законопроектах и предложение об устранении из резолюции перечисления ошибок фракции были отвергнуты.

В окончательном виде резолюция «О думской социал-демократической фракции» была принята всеми голосами против 3 меньшевиков. После принятия резолюции, меньшевики заявили, что фракция не обязана работать под руководством Ц. К. и что Ц. К. не имеет права veto на постановления фракции, которая должна быть самостоятельной, согласно принципу «демократизма» и «автономии».

Наиболее обширные прения развернулись по организационным вопросам. Были внесены три проекта резолюции: большевистский (Лядов), меньшевистский (Дан, Аксельрод, Рамишвили) и бундовский (Ионов, Юдин). В основном прения были заострены на вопросах об отношении к легальным возможностям, о соотношении легальной и нелегальной работы, об отношении к ликвидаторским элементам и др. Большевики-ленинцы, поляки и «левые» большевики выступали единым фронтом. После выступления Ленина, бундовские делегаты (Ионов и Юдин) заявили, что их линия совпадает с линией большевиков. Резолюция меньшевиков была отклонена большинством 12 голосов (большевики, поляки и бундовцы) против 3 меньшевиков. Бундовская резолюция не ставилась на голосование. Решено было избрать комиссию для разработки резолюции по организационным вопросам. По предложению Ленина конференция приняла «директивы» для комиссии (см. настоящий том, стр. 9). В состав комиссии были избраны: Лядов, Зиновьев, Ионов, Рахмилевич, Ганецкий и Ледер. Комиссия, а за ней и конференция, приняла большевистский проект резолюции.

Особо обсуждался вопрос о Центральном Органе партии. Конференция приняла резолюцию, предложенную Я. С. Ганецким.

Далее был рассмотрен вопрос об общепартийных конференциях. Меньшевики и бундовцы предлагали впредь созывать конференции, по возможности, в России. При поименном голосовании это предложение было отклонено большинством голосов против пяти бундовцев и меньшевиков, при одном воздержавшемся польском с.-д.

Резкие прения вызвал вопрос о Ц. К. и его дальнейшей работе. Меньшевики обвиняли Ц. К. в «бездеятельности», предлагали перенести его местопребывание в Россию и уничтожить Заграничное Бюро Ц. К., заменив его комиссией для выполнения поручений Ц. К. Предложение меньшевиков поддержали бундовцы, дополнив его указанием о том, чтобы в состав заграничной комиссии не входили члены Ц. К. Предложение меньшевиков и бундовцев было отклонено, а вместо него принята резолюция, внесенная большевиками.

Большие споры развернулись по вопросу о партийном съезде. На обсуждение поступило четыре проекта резолюции: от поляков, большевиков, бундовцев и меньшевиков. За основу была принята резолюция поляков и передана в комиссию, избранную в следующем составе: Зиновьев, Горев-Гольдман, Ледер и Ионов. При обсуждении резолюции, представленной комиссией, поляки внесли дополнение о том, что необходимо произвести опрос местных организаций также и о возможности созыва съезда. Большевики заявили, что, в случае принятия этого дополнения, они не будут голосовать за резолюцию в целом. Вследствие этого, дополнение поляков было снято. Резолюция в целом была принята большинством 10 голосов (большевики и поляки) против 6 (меньшевики и бундовцы).

Вопрос об объединении национальных организаций Р. С.-Д. Р. П. на местах поставили польские делегаты. Они предлагали объединить Бунд с Польской социал-демократической партией, отвергая при этом принцип федерализма. Бундовцы не соглашались с таким способом решения этого вопроса. В связи с этим завязались прения о том, был ли признан или отвергнут Стокгольмским съездом принцип федерализма. Меньшевики поддерживали бундовцев и предложили снять этот вопрос с обсуждения, передав его на усмотрение и дальнейшие переговоры центральных комитетов заинтересованных национальных организаций. В итоге прений была принята резолюция польских делегатов, поддержанная большевиками.

Особо обсуждался и был решен в положительном смысле вопрос об объединении с Литовской социал-демократической партией. Воспользовавшись этим поводом, меньшевики поставили вопрос об объединении с «левицей» П. П. С., которая в действительности ничего общего не имела с социал-демократией. Меньшевики настаивали на этом объединении, чтобы иметь «левицу» в качестве союзника для борьбы с большевиками. Но конференция не сочла нужным даже обсуждать этот вопрос и перешла к последнему пункту порядка дня — к вопросу о заграничных делах. Сначала был заслушан краткий доклад представителя Заграничного Бюро Ц. К. — Таратуты и зачитано письменное заявление Центрального Бюро заграничных групп содействия. Меньшевики предложили не выносить по этому вопросу никакой резолюции. Бундовцы предложили «поручить Ц. К. разрешить этот вопрос». Большинством 10 голосов против 5 была принята резолюция Шестакова, одобряющая действия Ц. К. и осуждающая меньшевиков.

В ночь с 8 на 9 января конференция закончила свои работы. Резолюции конференции см. в приложении «Документы и материалы» № 1.—*1.*

²) Лондонский Международный Социалистический Конгресс (1896 г.) в своей резолюции «Экономическая политика рабочего класса» заявил: «Экономическая борьба рабочих необходима, чтобы сломить могущество капитала и улучшить положение рабочих в современном обществе. Нет

профессиональных союзов — нет удовлетворительной заработной платы, нет уменьшения рабочего дня. Но эта экономическая борьба не может уничтожить капиталистической эксплуатации, она только смягчает ее. Эксплуатации рабочих не будет конца, если само общество не овладеет средствами производства, включая сюда и землю и орудия передвижения. Но необходимым условием обобществления является целый ряд законодательных мер. Эти меры могут быть осуществлены только при условии обладания рабочим классом политической властью. А политическая власть может быть завоевана только тогда, когда рабочий класс будет вполне организован. Профессиональные союзы, организуя рабочих, создают из них политическую силу. Организация рабочего класса неполна и недостаточна, если она основана только на политической почве». (См. Verhandlung und Beschlüsse des Internationalen Socialistischen Arbeiter-und Gewerkschafts-Kongresses zu London vom 27 Juli bis 1 August 1896. Berlin. Verlag: Expedition der Buchhandlung «Vorwärts». S. 28.) Резолюцию Штутгартского конгресса 1907 г. об отношении между социалистической партией и профессиональными союзами см. в приложении к XII тому Сочинений, стр. 443. — 8.

[3]) *«Пролетарий»* — орган фракции большевиков и Большевистского Центра, издавался как орган Московского и Петербургского комитетов Р. С.-Д. Р. П., с № 3 по № 5 включительно — кроме того как орган Московского Окружного комитета, с № 6 по № 11 — вместе с тем и как орган Пермского и Курского комитетов, наконец, с № 12 по № 20 — и Казанского комитета. Начал выходить с 3 сентября (21 августа) 1906 г. в Выборге (набирался и печатался в легальной типографии шведской социал-демократической газеты; дополнительно печатался в Петербурге в легальной большевистской типографии «Дело», перевезенной из Баку), с № 21 от 26 (13) февраля 1908 г. был перенесен в Женеву, с № 41 от 20 (7) января 1909 г. — в Париж. Всего вышло 50 номеров.

В состав редакции «Пролетария» с момента его основания до перенесения заграницу входили: Ленин, А. А. Богданов, И. Ф. Дубровинский и И. П. Гольденберг; с января месяца до лета 1908 г.: Ленин, Богданов и Дубровинский; с лета до конца 1908 г.: Ленин, Богданов и Г. Е. Зиновьев; с конца 1908 г. до июля 1909 г. (Совещание расширенной редакции «Пролетария»): Ленин, Богданов, Зиновьев и Л. Б. Каменев; после Совещания расширенной редакции «Пролетария» и до самого закрытия: Ленин, Зиновьев и Каменев.

В «Пролетарии» сотрудничали: А. В. Луначарский, Роза Люксембург, Б. В. Авилов, Н. А. Семашко, М. Владимирский, А. С. Лозовский, А. С. Варский, М. Горький, Г. А. Алексинский, М. Н. Лядов, В. Л. Шанцер (Марат), М. П. Томский, В. Л. Ледер, К. Радек и др.

В организации «Пролетария» непосредственное участие принимали: С. Енукидзе и А. Беляков. Финансовой частью заведывал Л. Б. Красин. «Пролетарий» выходил нерегулярно: первый перерыв почти в пять месяцев между 16 и 17 номерами приходится на период времени после Лондонского (V) съезда, когда предполагалось приступить к изданию Ц. О. партии; второй перерерыв между 20 и 21 номерами — время переезда редакции заграницу, в Женеву. Ленин приехал туда 9 января 1908 г. и сейчас же приступил к собиранию литературных сил, чтобы возобновить здесь издание «Пролетария». В результате усиленной деятельности Ленина, в феврале 1908 г. в Женеве вышел № 21 «Пролетария», и с тех пор он выходил без значительных перебоев до пленума Ц. К. в январе 1910 г. Возобновив издание «Пролетария», сам Ленин, однако, писал в нем первое время мало, так как был занят подготовкой книги «Материализм и эмпириокритицизм».

На январском пленуме Ц. К. в 1910 г., в результате достигнутого соглашения об уничтожении фракционных центров, большевики заявили

о прекращении издания «Пролетария», оставив за собою право выпустить последний, итоговый номер его, если меньшевики закроют свой фракционный орган. Издание «Пролетария» прекратилось на 50 номере, вышедшем 11 декабря (28 ноября) 1909 г., и большевики перенесли всю свою литературную деятельность в Центральный Орган партии («Социал-Демократ»), хотя меньшевики продолжали издавать свой фракционный «Голос Социал-Демократа». — 13.

[4]) *«Революционная Мысль»* — орган эс-эровской оппозиционной «группы инициативного меньшинства», выходил в Лондоне с апреля 1908 г. по декабрь 1909 г., всего вышло 6 номеров. «Группа инициативного меньшинства» возникла заграницей (Париж) во второй половине 1907 г. и ставила своей задачей, как об этом сказано в обращении «От редакции», напечатанном в первом номере, борьбу за пересмотр теоретического миросозерцания, организационных принципов и методов борьбы партии социалистов-революционеров, так как в ошибочности их группа усматривала главную причину поражения революции 1905 г. В основном результат «критического пересмотра» группой теории и практики официальной эс-эровской партии сводился к тому, что для организации террористических актов необходимо иметь не один только боевой центр, как было раньше, а систему отдельных боевых дружин, не связанных друг с другом организационно, но имеющих общую для всех цель — уничтожение царской династии и главных царских сатрапов.

Возглавляли «группу инициативного меньшинства» и редактировали «Революционную Мысль» Я. Юделевский («А. Волин», «Галин», «Ливин») и В. Агафонов («Сиверский»). Газета влачила жалкое существование, сколько-нибудь многочисленных и постоянных сотрудников не имела, никаким влиянием не пользовалась и оставалась до конца своего существования узко-групповым органом. — 13.

[5]) *«Знамя Труда»* — центральный орган партии социалистов-революционеров, издавался с июля 1907 г. по апрель 1914 г., всего вышло 53 номера. Приблизительно до Лондонской конференции партии эсеров (август 1908 г.) «Знамя Труда» выходило в Петербурге; после конференции издание было перенесено в Париж. В состав редакции входили в разное время следующие члены Ц. К. партии: Г. Гершуни (умер 16 марта 1908 г.), В. Чернов (до 1910 или 1911 г.г.), Н. Авксентьев, Ф. Волховский и Н. Ракитников. В «Знамени Труда» сотрудничали: М. Энгельгардт, А. Гуковский, Сазонов, Воронов, Слетов, М. Ратнер, Житловский и др. — 13.

[6]) *Первая общепартийная конференция социалистов-революционеров* состоялась в Лондоне 17 (4) — 28 (15) августа 1908 г. Всего на конференции было 63 делегата (из России, от заграничной организации и Ц. К. партии). Из выдающихся деятелей партии с.-р. в работах конференции принимали участие: В. Фигнер, Ф. Волховский, А. Фейт, О. Минор, Н. Авксентьев, А. Аргунов, М. Натансон, В. Чернов, Н. Ракитников, И. Рубанович, Л. Шишко, Е. Лазарев, В. Леонович и др. Оппозиционную группу «инициативного меньшинства» представляли: Я. Юделевский и В. Агафонов. На конференции все время присутствовали провокаторы: Азеф, Жученко и Цейтлин.

При обсуждении отчета Ц. К., оппозиция выступила против известного заявления Ц. К. накануне открытия I Государственной Думы о приостановке террора и подвергла суровой критике деятельность эсеровской группы во II Государственной Думе, особенно ее поведение во время и после разгона Думы. Оппозиция высказалась против проекта резолюции Ц. К. по текущему моменту и общей тактике партии, выдвинув в противовес следующие положения: партия и страна переживают не эпизод революционной борьбы, а катастрофу революции; спасти революцию и отклонить от страны многолетнюю реакцию может только центральный террор и пересмотр всего миросозерцания партии в смысле усиления роли ини-

циативного меньшинства. При этом представители оппозиции предостерегали партию с.-р. от опасности, которую порождает вера в массовое движение, массовое восстание и аграрную революцию.

Независимо от этих разногласий, большие прения вызвал вопрос о боевой подготовке масс. Исходя из общей оценки текущего момента, часть делегатов высказывалась за продолжение боевой подготовки масс, другая — предлагала исключить эту работу из очередных задач партии.

По всем вопросам порядка дня конференция утвердила, лишь с незначительными изменениями, проекты резолюций, предложенные Центральным Комитетом. Анализируя условия текущего момента, конференция констатировала происходившее под защитой восстановленного старого режима сплочение реакционных общественных сил. Этому сплочению содействовала III Государственная Дума, обнажая тем самым классовую подоплеку самодержавного строя и политическое вырождение либеральной оппозиции. Но это — чисто внешнее укрепление правительственных позиций, под которым нет прочной исторической основы, гарантирующей от новых революционных потрясений в будущем, ибо в рабочей и, особенно, крестьянской среде продолжается рост недовольства и озлобления. Отсюда конференция выводила следующие задачи: углубление пропагандистской работы, отвечающее «интенсивному духовному брожению в массах» и назревшей потребности разобраться в пережитых событиях; усиление центрального политического террора.

По крестьянскому вопросу была принята резолюция, которая указывала на необходимость борьбы с земельным законодательством и с землевладельцами; резолюция исключала из круга действий партии аграрный и экономический террор и считала необходимым крайне осторожное отношение к применению политического террора в деревне. Особое внимание в резолюции обращалось на необходимость организации борьбы против выделов из общины. Характеризуя общее состояние деревни, конференция заявляла в этой резолюции, что «деревня является наиболее боевым пунктом в социально-политическом смысле. Исход борьбы в ней надолго определит историю нашей страны».

В резолюции по рабочему вопросу конференция указала на необходимость согласованного действия трех основных форм рабочей организации — политической, профессиональной и кооперативной — на основе их равноправия и высказалась против фабричного террора.

В резолюции о кооперативном движении конференция рекомендовала проводить в кооперативах общие социалистические принципы и бороться против попыток пропитать их духом капитализма.

Вслед за конференцией заседал IV Совет партии, утвердивший резолюции, выработанные конференцией. Большинство этих резолюций было потом опубликовано в отдельном листке «Извещение Центрального Комитета П. С.-Р. о съезде Совета партии и общепартийной конференции», которое разбирает и цитирует Ленин в настоящей статье. — 13.

[7]) Ленин имеет в виду, прежде всего, статью П. Вихляева «Народно-социалистическая партия и аграрный вопрос» (см. Сборник статей «Наша Мысль» № 1, С.-Петербург. 1907 г.), написанную по поводу образования народно-социалистической партии. П. Вихляев устанавливает, что аграрная платформа новой партии опирается на «своекорыстный индивидуализм», столь характерный для наиболее широких кругов крестьянского населения, и представляет собою источник «индивидуалистической мути», которая загрязняет идейный поток, якобы, направляемый в крестьянские массы партией эсеров. «Это — пишет в заключение П. Вихляев — путь поощрения индивидуалистических и эгоистических течений в народных массах».

Далее, Ленин мог иметь в виду две большие статьи В. Чернова «О народно-социалистической партии» и «Еще о народно-социалистической

партии» (см. Сборники статей «Сознательная Россия» № 3, С.-Петербург, 1906 г., и «Новая Мысль» №№ 2 и 3, 1906 г. и 1907 г., С.-Петербург), написанные в связи с опубликованием проекта программы только что образовавшейся тогда народно-социалистической партии. Рассматривая аграрные требования новой партии, автор находит, что они выработаны применительно к «эгоистически-индивидуалистическим тенденциям, живым в самом трудовом крестьянстве... Эти тенденции представляют собою определенную опасность для судеб крестьянского движения, угрожая расколоть его на мелкие группы, расхватывающие земли в свое исключительное достояние».

Наконец, подобного рода взгляды эсеры высказывали на страницах своего центрального органа — «Знамя Труда». Так, например, в передовой статье «К переживаемому моменту», напечатанной в № 8 «Знамени Труда» за декабрь 1907 г., говорится: «Отличие этих групп (крестьянский союз, трудовики, народные социалисты. *Ред.*) от нашей партии состояло в том, что одни из них сознательно кое-что не договаривали, другие же шли на компромисс с привившимися в деревне элементами индивидуализма. До поры, до времени, это нас мало озабочивало: мы считали, что, в конце концов, эти группы только расчищают для нас почву. Но уже теперь некоторые из них (начало положили народные социалисты, а за ними, повидимому, готовы последовать и многие трудовики) стремятся закрепить себя во всех своих особенностях и быть противовесом нашему влиянию, как таковому». — 15.

[8]) Мелкобуржуазный характер крестьянства доказан в первом, втором, пятом и шестом абзацах принципиальной части «Эрфуртской программы» (Коммерческая типография. Петроград. 1917 г.), а также — в 4 пункте («Агония мелкого производства») первой главы и 4 пункте («Земельная рента») третьей главы «Комментария к принципиальной части Эрфуртской программы» К. Каутского (перевод с 6 немецкого издания Дм. Лещенко, под редакцией П. Орловского. Дешевая биб-ка товарищества «Знание». С.-Петербург, 1907 г. Стр. 28 — 39 и 65 — 68).

Выводы о мелкобуржуазном характере крестьянства вытекают из анализа процесса образования земледельческого капитализма, который был дан К. Марксом. (См. «Капитал», том III, ч. 2, главу 47 — «Генезис капиталистической земельной ренты». Госиздат, третье издание, 1928 г., стр. 259 — 286.) — 16.

[9]) Цитата из передовой статьи «Сначала» («Знамя Труда» № 13, ноябрь 1908 г., стр. 3.) — 16.

[10]) Имеется в виду статья без подписи (В. Базарова) в № 18 «Пролетария», 11 ноября (29 октября) 1907 г. — 17.

[11]) Ленин имеет в виду брошюру Ф. Лассаля «О сущности конституции», представляющую собою две речи, произнесенные автором в 1862 г. на собрании берлинского окружного «Союза граждан» и опубликованные согласно постановлению этого собрания. Первая речь была издана в 1862 г. под названием «Ueber Verfassungswesen» («О сущности конституции»). Ein Vortrag gehalten in einem Berliner Bürger-Bezirks-Verein von Ferdinand Lassal. Berlin. Verlag von G. Jansen. Вторая — в 1863 г. «Was nun?» («Что же дальше?»). Zweiter Vortrag über Verfassungswesen, gehalten von Ferdinand Lassal. Zürich, Verlag von Meyer Zeller. Впервые полный русский перевод появился в 1905 г. в издании библиотеки «Общественная Польза». Основная идея «азбуки» Ф. Лассаля сводится к тому, что «действительная конституция страны существует только в реальных, фактических соотношениях сил данной страны» (стр. 32). — 17.

[12]) Резолюции Лондонского съезда Р. С.-Д. Р. П. см. в приложении к XI тому Сочинений.

Со стороны меньшевиков особенно резко нападал на 3 и 4 пункты резолюции «Об отношении к непролетарским партиям» Ф. Дан в своей

книжке «Социал-демократия в резолюциях Лондонского съезда», в которой утверждал: «буржуазия от революции «не отвернулась» и, поскольку, революционная роль кадетов еще не сыграна, блоки с ними должны быть предпочтены блокам с народными социалистами, которые скорее «поправели», чем «полевели». Исходя из такой оценки движущих сил революции, Ф. Дан заключал: проект резолюции большевиков есть лицемерие, ибо революционная роль кадетов уже заставила их смягчить свою характеристику кадетов (от «контр-революционной» до «преследующих задачу сделки с контр-революцией»); таким образом, «как бы не пришлось им *в известных вопросах и в известные моменты* кипящей в России войны поставить трудовиков на четвертое место, *позади* кадетов» (стр. 47).— 20.

[13]) Ленин имеет в виду: с одной стороны, статью без подписи «Еще о современном моменте и тактике партии» в «Знамени Труда» № 13, ноябрь 1908 г.; с другой, — статью А. Волина «Вопросы революции» в «Революционной Мысли» № 1, апрель 1908 г. — 23.

[14]) *Ликвидаторство* («легализм», «независимство»)—господствовавшее в эпоху реакции среди меньшевиков течение, отрицавшее революционную классовую борьбу пролетариата, ликвидировавшее идею гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции, стремившееся к созданию легальной партии, приспособленной к условиям столыпинского режима («столыпинская рабочая партия»), принципиально отвергавшее подполье, как революционную «иллюзию», и ставившее во главу угла социал-демократической работы легальную «во что бы то ни стало» деятельность в профсоюзах, кооперативах, культурно-просветительных обществах и других совершенно открытых организациях. Впервые ликвидаторские идеи начал развивать П. Б. Аксельрод, выступив осенью 1905 г. с лозунгом «рабочего съезда». Затем о «ненужности и вредности» старой партийной организации заявил А. Н. Потресов (в 1906 г.) в личной беседе с Г. В. Плехановым во время Мангеймского съезда Германской социал-демократической партии. В 1907 г. во время Лондонского съезда Р. С.-Д. Р. П. на собраниях меньшевистской фракции Ю. О. Мартов развивал проект ликвидации старой партийной организации и создания новой партии на основе беспартийных организаций рабочего класса. В январе 1907 г. с развернутой идеологией ликвидаторства выступил Н. Череванин, выпустивший брошюру «Пролетариат в революции», в которой он заявил, что «социал-демократия привыкла до сих пор исходить не из реального анализа действительности, а из революционных иллюзий. Она никогда не владела до сих пор не только революцией, но и тем слоем, среди которого имела наибольшее влияние — пролетариатом». В январе 1908 г. на Женевской конференции меньшевиков Мартов снова повторил свои ликвидаторские идеи относительно партии и отрицательно отнесся к попыткам воскресить нелегальные формы партийной деятельности. На этой конференции было решено создать заграницей нелегальный орган меньшевиков «Голос Социал-Демократа», который уже с первого номера выступил, пока в прикрытой форме, против партии, поскольку она, якобы, «пришла в полное расстройство и очутилась в роли какого-то пятого колеса при рабочем движении» (см. статью «После бури» в № 1 — 2 «Голоса Социал-Демократа», 8 февраля 1908 г.). В 1909 г. появился I том «Общественного движения в России в начале XX века» со статьей Потресова «Эволюция общественно-политической мысли в предреволюционную эпоху», в которой открыто была ликвидирована идея гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции, что послужило поводом для разрыва Плеханова с ликвидаторской редакцией «Голоса Социал-Демократа». После этого разрыва «Голос Социал-Демократа» стал откровенно проповедывать ликвидаторство, взяв под свою защиту идеи Потресова и выдвинув лозунг — «борьба за легальность», борьба за открытое рабочее движение. Уже с 1908 г. ликвидаторы на деле начали ликвидировать партию,

перестав принимать участие в работе центральных учреждений. Летом 1908 г. большевики-цекисты попытались организовать созыв пленума Ц. К. и приступили к подготовке общепартийной конференции. В ответ на это меньшевики-цекисты Б. И. Горев-Гольдман и А. С. Мартынов обратились к меньшевистским организациям с предложением — не созывать в настоящий момент проектируемой конференции и ограничить на ближайшее время роль Ц. К. лишь информационными функциями. Когда, вопреки сопротивлению и саботажу меньшевиков-цекистов, была созвана в январе 1909 г. (декабре 1908 г.) Парижская конференция Р. С.-Д. Р. П., меньшевистская делегация попыталась сорвать эту конференцию, предлагая объявить ее простым совещанием. В проектах своих резолюций по общеполитическим и организационным вопросам меньшевистская делегация широко развернула ликвидаторскую платформу, заявив, в частности, что центром притяжения наиболее активных элементов рабочего класса являются в настоящее время открытые и полуоткрытые экономические и просветительные организации, благодаря чему «всякие попытки восстановить организации дореволюционного типа... грозили бы теперь, и еще больше при будущем подъеме, оторвать Р. С.-Д. Р. П. от действительного движения рабочих масс». (См. «Отчет кавказской делегации».) Одновременно ликвидаторы вели в России еще более энергичную борьбу против партии, чем их заграничные единомышленники. В начале 1908 г. влиятельный меньшевик (не установлен) прочел в Москве в заседании меньшевистского коллектива доклад о необходимости бороться со старыми партийными учреждениями и организациями, чтобы их ликвидировать, ибо они носят реакционный характер. Осенью того же года в Москве выделилась целая группа меньшевиков-ликвидаторов в 11 — 14 человек. В Петербурге ликвидаторы доходили до того, что запрещали в клубах читать лекции о страховании рабочих, о женском съезде и организации на нем рабочей группы и т. п. В клубе общества «Просвещение» по докладу «О возможных и желательных формах рабочей организации» выступала группа ликвидаторов с утверждениями, что «партия разложилась и никакие попытки гальванизации ее сейчас ни к чему не приведут. Поэтому пока, на определенное время, надо совершенно отказаться от строительства нелегальной партийной организации и сосредоточить всю работу на клубах и профессиональных союзах». (О деятельности ликвидаторов см. также примечание 1-ое.) В 1909—1910 г.г. в России появились легальные журналы ликвидаторов — «Возрождение» и «Наша Заря», которые при ближайшем участии заграничного меньшевистско-ликвидаторского центра вели усиленную агитацию и пропаганду за создание «легальной рабочей партии». Вокруг этих органов сложился русский ликвидаторский центр, во главе с А. Н. Потресовым, Н. Череваниным, Ю. Лариным и др., руководивший деятельностью местных ликвидаторов (инициативных групп). Борьба ликвидаторов против партии достигла особенного обострения к моменту созыва январского 1910 г. пленума Ц. К. Однако, заграничные ликвидаторы в тот момент были еще недостаточно уверены в готовности русских ликвидаторов к расколу Р. С.-Д. Р. П. и к созданию собственной «легальной (независимой) рабочей партии», поэтому они решили принять участие в пленуме. Несмотря на то, что решения пленума Ц. К. были приняты единогласно, ликвидаторы начали срывать их чуть ли не на следующий день. Так, например, своей фракционной организации они не распустили, свой фракционный орган «Голос Социал-Демократа» не закрыли, в состав русского бюро Ц. К. не пошли, призыва заграничного Бюро Ц. К. об объединении на основе решений пленума не поддержали и ушли из объединенной редакции Центрального Органа партии — «Социал-Демократ». Став на путь окончательного разрыва с партией, один из заграничных вождей ликвидаторов Ю. О. Мартов выпустил в 1911 г. брошюру «Спасители или упразднители?», наполненную грязной клеветой по адресу

большевистской фракции и Ленина и рассчитанную на то, чтобы вынудить партию к расколу. 15 июня 1911 г. ликвидаторское З. Б. Ц. К. решило созвать пленум Ц. К. в противовес постановлению июньского 1911 г. совещания заграничных цекистов-большевиков о созыве общепартийной конференции. В двадцатых числах августа 1911 г. состоялось вместо пленума Ц. К. совещание с участием ликвидаторского З. Б. Ц. К., Бунда, Латышской с.-д., голосовцев и троцкистов, которое имело своей целью сорвать работу Российской Организационной Коммиссии (большевистской) по созыву общепартийной конференции. Пражская конференция Р. С.-Д. Р. П. в январе (6 — 17) 1912 г. исключила ликвидаторов из партии. В середине января 1912 г. ликвидаторы созвали совещание из представителей национальных и окраинных организаций (Бунд, Ц. К. Латышской с.-д. и Кавказский областной комитет), на котором был создан Организационный Комитет по созыву «общепартийной» конференции в противовес Пражской конференции. 12 марта 1912 г. состоялось новое совещание с участием Заграничного Комитета Бунда, голосовцев, троцкистов, меньшевиков-партийцев, большевиков-примиренцев и впередовцев, на котором была принята резолюция, резко осуждавшая Пражскую конференцию за «попытку узурпации партийного знамени со стороны группы лиц, сознательно ведущих партию к расколу» и т. п., и пополнен Организационный Комитет. 25 (12) августа 1912 г. в Вене состоялась под председательством Л. Д. Троцкого ликвидаторская конференция («августовский блок»). — 24.

[15]) *«Социал-Демократ»* — Центральный Орган Р. С.-Д. Р. П., издавался по постановлению Лондонского (V) съезда партии; первый номер вышел в феврале 1908 г. в Вильно; номера 2 — 32, с 10 февраля 1909 г. по 1 ноября 1914 г., — в Париже; номера 33 — 58, с 1 ноября 1914 г. по 31 января 1917 г., — в Женеве; всего вышло 58 номеров. Руководящую роль в «Социал-Демократе» все время играли большевики-ленинцы, которые его организовали и вели в духе революционной социал-демократии, вопреки систематическому сопротивлению ликвидаторов и примиренцев.

На одном из первых заседаний Ц. К. после Лондонского съезда редакция «Социал-Демократа» была образована в следующем составе: главный редактор — Ленин, члены редакции — А. А. Богданов, М. Н. Покровский, Г. В. Плеханов, Л. Тышко, представитель Бунда (не установлен) и представитель от латышей (тоже не установлен). 7 сентября 1907 г. по предложению Л. Тышко решено было реорганизовать редакцию: пост главного редактора был упразднен, а в состав редакции введены: от большевиков — Ленин и Покровский, от меньшевиков — Ю. О. Мартов и Ф. И. Дан, от поляков — Л. Тышко, от бундовцев — Зельцер-Гроссер и от латышей — П. И. Стучка. Однако редакция в этом составе не функционировала. После октябрьского 1907 г. пленума Ц. К. решено было приступить к изданию «Социал-Демократа» в России. В этих целях была образована специальная редакционная коллегия из трех лиц: Н. А. Рожков (большевик), Б. И. Горев-Гольдман (меньшевик) и А. С. Варский (от поляков). В России вышел только № 1 «Социал-Демократа»; материал для него готовился и редактировался в Петербурге, набирался и печатался он в Вильно в легальной типографии. После ареста Рожкова и провала типографии, издание «Социал-Демократа» приостановилось. На августовском 1908 г. пленуме Ц. К. была сделана попытка возобновить издание «Социал-Демократа» уже заграницей, для чего была составлена новая редакция из трех лиц: Ленин, Горев-Гольдман и представитель от поляков. В действительности эта попытка ни к чему не привела, и издание было возобновлено только в результате особого постановления Декабрьской 1908 г. общепартийной конференции. На январском 1909 г. пленуме Ц. К., состоявшемся вслед за конференцией, была составлена новая редакция: Ленин, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Ю. О. Мартов и Ю. Ю. Мархлевский.

В течение года удалось выпустить 9 номеров. В январе 1910 г. состоялся объединительный пленум Ц. К., на котором было принято постановление о закрытии фракционных органов большевиков и меньшевиков. После пленума в состав редакции Центрального Органа вошли: от большевиков — Ленин и Зиновьев, от меньшевиков — Мартов и Дан, от поляков — Варский. Ряд конфликтов внутри редакции между большевиками и меньшевиками (вопрос о статье Мартова «На верном пути», статья Зиновьева «К вопросу о партийной конференции», И. В. Сталина «Письмо с Кавказа», Ленина ««Голос» ликвидаторов против партии», меньшевистская листовка — «Письмо к товарищам»), разрыв большевиков с З. Б. Ц. К. (май 1911 г.) и постановление совещания заграничных членов Ц. К. (июнь 1911 г.) о ликвидаторах привели к тому, что Мартов и Дан вышли из состава редакции, опубликовав об этом заявление в № 2 «Листка Голоса Социал-Демократа». В связи с выходом из редакции Мартова и Дана назрел новый кризис: находившийся в то время в составе редакции от поляков (вместо Варского) В. Л. Ледер потребовал в ультимативной форме введения в состав редакции двух других меньшевиков. Этот конфликт кончился тем, что в декабре 1911 г. из редакции ушел и Ледер, и «Социал-Демократ» стал, таким образом, чисто большевистским органом. С тех пор и до февраля 1917 г. «Социал-Демократ» редактировали Ленин и Зиновьев, секретарем редакции в последний период была Н. К. Крупская. До империалистической войны «Социал-Демократ» выходил с большими перебоями. В начале войны его издание было перенесено в Женеву, где он выходил более регулярно, в среднем не реже одного раза в месяц. В «Социал-Демократе» в разное время сотрудничали: Г. В. Плеханов, Л. Д. Троцкий, И. В. Сталин, А. И. Рыков, Ю. Ю. Мархлевский, А. С. Варский, Роза Люксембург, В. Л. Ледер, А. В. Луначарский, К. Радек, Ш. Раппопорт, Ф. Ротштейн, А. М. Коллонтай, Н. А. Семашко, К. Каутский, Д. Н. Благоев и др. — 32.

[16]) *«Рабочее Знамя»* — орган Московского и Московского окружного комитетов Р. С.-Д. Р. П., издавался в Москве в течение 1908 года. Всего вышло семь номеров: первый номер вышел в марте, как орган Областного бюро центрально-промышленного района; номера 2, 3, 4, 5 и 6 — как органы Московского и Московского окружного комитетов Р. С.-Д. Р. П.; седьмой номер вышел в декабре, как орган Областного Центрально-промышленного района, Московского и Московского окружного комитетов Р. С.-Д. Р. П.

Непосредственным организатором и первым редактором газеты был С. Я. Цейтлин, которому удалось выпустить один только первый номер. Начиная со второго и кончая пятым номером, редактором «Рабочего Знамени» был И. И. Степанов-Скворцов, которому некоторое время помогали в работе Ц. С. Бобровская-Зеликсон и П. Г. Смидович. Последние два номера редактировали Д. И. Курский и В. М. Шулятиков.

Первые три номера «Рабочего Знамени» вызвали отрицательную оценку со стороны Московского окружного комитета, в котором преобладали отзовисты. В постановлении от 9 августа (27 июля) М. О. К. заявлял, что «во-первых, содержание вышедших номеров «Рабочего Знамени» не отвечает теперешнему настроению не только масс, но даже организованных товарищей, и, во-вторых, содержание газеты должно быть таково, чтобы охватывало пролетарскую жизнь во всех ее проявлениях и отмечались мировые явления» (см. Хронику в № 4 «Рабочего Знамени»). Позже Московский окружной комитет пересмотрел это постановление и принял следующую резолюцию: «В виду не совсем точного редактирования резолюции М. О. К., помещенной в № 4 «Рабочего Знамени», М. О. К. считает своим долгом довести до сведения товарищей, что под идейным несоответствием разумелось отнюдь не несоответствие общим и основным интересам пролетариата, а лишь имелась в виду некоторая неполнота

материала, вытекающая в огромной степени из условий существования нелегальной газеты, отсутствие статей по ряду вопросов, глубоко интересующих в настоящее время как массы рабочих, так и организованных товарищей» (см. отдел «Из партии» в № 5 «Рабочего Знамени»). Начиная с 5 номера, на страницах «Рабочего Знамени» была открыта дискуссия по вопросу об отношении к Думе и к думской социал-демократической фракции. В этом номере была напечатана отзовистская статья под заглавием «Письмо рабочего (О плане партийной работы в связи с оценкой текущего момента)», автором которой был А. К. Маракушев (впоследствии — провокатор), а вдохновителем и редактором Ст. Вольский (А. В. Соколов).

Эта статья вызвала резкие протесты со стороны партийных организаций центральной России и отповедь на страницах «Пролетария», в котором она была перепечатана (см. № 39 от 26 (13) ноября 1908 г.) рядом с «Письмом рабочего в редакцию «Пролетария»» (автор — М. П. Томский).

Критический разбор отзовистской статьи из № 5 «Рабочего Знамени» дан в статье Ленина — «По поводу двух писем» (см. XII том Сочинений, стр. 390 — 402). Редакция «Рабочего Знамени» реагировала на это выступление отзовистов напечатанием в № 7 большой статьи, под названием «Письмо партийного работника», которая была перепечатана в № 42 «Пролетария», 25 (12) февраля 1909 г., под заглавием «К очередным вопросам». — 33.

[17]) Дискуссия была открыта в № 31 «Пролетария», 17 (4) июня 1908 г., напечатанием дискуссионной статьи Максимова (А. А. Богданова) «Бойкотисты и отзовисты», которую редакция сопроводила следующим примечанием: «Ставя в зависимость вопрос о продолжении работы социал-демократов в Думе от «общего подъема народного движения», т. Максимов по существу дела становится на общую с нами почву. Но мы не намерены входить в дальнейшие детали решенного уже партией и жизнью вопроса о бойкоте. Гораздо важнее подчеркнуть нашу полную солидарность с автором в вопросе об «отзовизме», т.-е. о современной практической политике». В № 34 «Пролетария», 7 сентября (25 августа) 1908 г., была напечатана дискуссионная статья Г. А. Алексинского «Что же дальше? (К вопросу о думской тактике)», по поводу которой редакция в своем примечании писала: «Критику фракции, данную т. Алексинским, редакция не может признать исчерпывающей всю принципиальную ошибочность позиции думской фракции. За форму критики, которую избрал т. Алексинский, редакция, разумеется, не считает себя ответственной. Поставив в статье т. Алексинского и в нескольких других статьях, напечатанных ранее, ряд важных вопросов, — мы будем ждать участия в этой дискуссии товарищей, непосредственно действующих в России. По существу же вопросов, затронутых т. Алексинским, редакция высказывается в передовой статье». Наконец, в № 36 «Пролетария», 16 (3) октября 1908 г. была напечатана в дискуссионном порядке статья Марата (В. Л. Шанцера) «К вопросу о социал-демократической думской фракции».

После настоящей статьи В. И. Ленина дискуссия продолжалась: в «Приложении» к № 44 «Пролетария», 17 (4) апреля 1909 г., была напечатана дискуссионная статья Отзовиста «Об отзовизме», а в № 45, 26 (13) мая 1909 г. — статья Н. Я. «Нужна ли фракция?» — 34.

[18]) В декабре 1908 г. Г. В. Плеханов направил в меньшевистский центр заявление о своем выходе из редакции «Голоса Социал-Демократа». Это заявление было предназначено к опубликованию в № 10 — 11 «Голоса» и было уже напечатано. Но затем, после переговоров с Плехановым, оно было исключено из верстки, а в оглавлении упоминание о нем осталось. Чтобы не перепечатывать весь номер, редакция решила заклеить это оглавление. Именно об этой «заклейке» здесь идет речь (подробнее см. примечания №№ 35 и 38). — 35.

[19]) Ленин говорит о статье Л. Мартова «За что бороться?», напечатанной в № 3 «Социал-Демократа», 22 (9) марта 1909 г. Редакция сопроводила эту статью следующим примечанием: «На затронутые в настоящей статье т. Л. Мартова вопросы дает ответ статья т. Ленина, к существу которой редакция присоединяется». — 36.

[20]) Меньшевистский проект резолюции «О современном моменте революции и задачах пролетариата» опубликован в № 2 «Партийных Известий» (стр. 9) и дан в приложении к брошюре Н. Ленина «Доклад об Объединительном съезде Российской Социал-Демократической Рабочей Партии (Письмо к петербургским рабочим)». Москва. 1906 (см. IX том Сочинений).

«Партийные Известия» — орган объединенного Ц. К. Р. С.-Д. Р. П., издавались накануне Стокгольмского (Объединительного) съезда партии. Всего вышло два номера: № 1—7 февраля 1906 г. и № 2—20 марта 1906 г.—38.

[21]) Речь идет о вставке, внесенной членом польской делегации Мухиным («Будовничий») к 4 пункту резолюции «Об отношении к непролетарским партиям». («Лондонский съезд Российской Социал-Демократической Рабочей Партии». Полный текст протоколов. Издание Центрального Комитета. 1909. Стр. 454—455). Эта вставка была принята на съезде единогласно. Впоследствии меньшевики попытались истолковать эту формулировку в свою пользу (см., например, книжку Ф. И. Дана «Социал-Демократия в резолюциях Лондонского съезда», стр. 44). — 42.

[22]) VI Съезд Социал-Демократии Королевства Польского и Литвы состоялся в первой половине декабря 1908 г. в Праге. Всего присутствовало с решающим голосом 22 делегата от 4 с лишним тысяч членов партии и 2 делегата с совещательным голосом.

В числе делегатов были: Ю. Ю. Мархлевский (Карский), А. Н. Малецкий, Л. Иогихес (Тышко), В. Л. Ледер, С. Я. Бобинский (Неруда), К. Радек, Я. С. Ганецкий и др. В качестве гостя присутствовал Г. А. Алексинский. В центре внимания съезда стояли три вопроса: о задачах партии в связи с оценкой текущего момента, об отношении к социал-демократической фракции Государственной Думы и об отношении к внутренним делам Р.С.-Д.Р.П. По вопросу об отношении к думской фракции съезд дал решительный отпор ультиматистскому выступлению Алексинского, а в принятой резолюции отметил ряд недостатков в деятельности фракции, в частности, ее тенденцию к сепаратизму; предложил воздержаться от «положительной» работы в Думе и указал на необходимость в дальнейшем строго руководствоваться постановлениями Лондонского съезда и директивами Ц. К. Р.С.-Д.Р.П. Вместе с тем съезд особо разработал для фракции линию поведения при рассмотрении в Думе проекта закона о самоуправлении Польши: фракции предлагалось разоблачить с думской трибуны руссификаторскую политику самодержавия и поддерживающих его классов. По вопросу о внутрипартийных делах Р.С.-Д.Р.П. съезд отметил в своей резолюции необходимость стремиться к тому, чтобы партия, как целое, стояла на почве революционной социал-демократии и вела борьбу против раскольнической деятельности всех фракций за сохранение и укрепление единства Р.С.-Д.Р.П. В резолюции о «политическом положении в государстве, стране и задачах партии», которую здесь имеет в виду Ленин, съезд отметил, что объективные причины, вызвавшие революцию, продолжают действовать по прежнему; подтвердил, что основной задачей социал-демократии является «завоевание в открытой борьбе власти пролетариатом при помощи революционных слоев крестьянства» и дал отпор ликвидаторским тенденциям в партии, ведущим к разрушению и замене подпольной партийной работы легальной деятельностью в рамках столыпинского режима. Докладчиками по основным вопросам на съезде выступали: Мархлевский, Малецкий и Тышко. Протоколы съезда вышли на польском языке в Кракове в 1910 г. («Sprawozdanie z VI Zjazdu Socjaldemokracji Krolestwa Polskiego i Litwy). — 43.

[23]) Ленин имеет в виду следующее место из «Отчета Кавказской делегации об общепартийной конференции» (Ф. И. Дан, П. Б. Аксельрод, Ной Рамишвили), цитируемое Л. Мартовым в статье—«За что бороться?» («Социал-Демократ» № 3, 22(9) марта 1909 г., стр. 3): «Член польской делегации сейчас же пояснил, что поляки против этой поправки и настаивают на своей формуле, отличающей их, как от большевиков (захват власти *одним* пролетариатом), так и от т. Троцкого *(буржуазно-демократическое* содержание переворота)». (См. стр. 13 «Отчета.) — 43.

[24]) Ю. О. Мартов привлек к участию в дискуссии третьих лиц: Л. Д. Троцкого, польскую делегацию на Декабрьской общепартийной конференции 1908 г. и К. Каутского, оставаясь сам как бы в стороне от этой дискуссии («дискуссия всех кроме дискутанта»). В связи с дискуссией Мартов привел в своей статье несколько цитат из книги Троцкого «Наша революция», посвященной вопросу об оценке движущих сил русской революции, сослался на поправку польской делегации к 1 пункту заключительной части резолюции «О современном моменте и задачах партии», принятой Декабрьской общепартийной конференцией, и затронул взгляды К. Каутского, изложенные в его брошюре—«Движущие силы и перспективы русской революции». — 44.

[25]) Ленин цитирует статью без подписи «Блок крайней левой», напечатанную в «Социал-Демократе» № 6, 16(3) октября 1906 г.—46.

[26]) Г. В. Плеханов разослал 11 октября 1906 г. видным деятелям международной социал-демократии следующую анкету: «1. Каким представляется общий характер русской революции? Стоим ли мы перед лицом буржуазной или же социалистической революции? 2. В виду отчаянных усилий, делаемых русским правительством для изолирования революционного движения, какова должна быть позиция социал-демократической партии по отношению к буржуазной демократии, которая, по своему, тоже борется за политическую свободу? 3. Какова должна быть тактика социал-демократической партии при выборах в Думу, чтобы, оставаясь всецело на точке зрения Амстердамской резолюции, она могла использовать для борьбы с нашим старым режимом силы буржуазных оппозиционных партий». (См. «Летописи Марксизма» № 1, 1926 г., стр. 80. Издание Института Маркса и Энгельса.) Ответы на эту анкету дали: Ф. Турати, Г. Квельч, П. Лафарг, Э. Ферри, Эд. Вальян, Э. Милльо, Ф. Ротштейн и Э. Вандервельде. Ответы опубликованы в журнале «Современная Жизнь» (ноябрь 1906 г., стр. 206), под заглавием: «Мнения западно-европейских социалистов о современном общественном движении в России». К. Каутский ответил на эту анкету статьей «Движущие силы и перспективы русской революции» («Die Neue Zeit» №№ 9 и 10, 1906—1907 г., стр. 284—291 и 324—333), которая была переведена на русский язык и выпущена под редакцией и с предисловием Н. Ленина (см. X том Сочинений, стр. 227—232) отдельной брошюрой в 1907 г. книгоиздательством «Новая Эпоха». В последней главе этой брошюры «Пролетариат и его союзник в революции» приведена анкета Г. В. Плеханова. — 48.

[27]) На 30 странице русского перевода брошюры К. Каутского «Движущие силы и перспективы русской революции» сказано не «прежде всего», а «главным образом». В немецком тексте (см. «Die Neue Zeit» № 10, 1906—1907 г.г., стр. 332) сказано «vor allem», что более соответствует данному здесь Лениным переводу.—49.

[28]) Ленин цитирует две статьи К. Маркса из «Новой Рейнской Газеты» от 13 июня и 29 июля 1848 г., помеченные этими датами и не имеющие названий. Они вошли в третий том «Сборника статей К. Маркса и Ф. Энгельса», вышедшего впервые на немецком языке в 1902 г., под названием: «Gesammelte Schriften von Karl Marx und Friedrich Engels». Dritter Band von Mai 1848 bis Oktober 1850. Herausgegeben von Franz Mehring (стр. 98 и 133). В русском издании под редакцией Л. И. Аксель-

род, В. И. Засулич, Ю. О. Мартова и др., о котором здесь говорит Ленин, вышло к тому времени только два тома («К. Маркс и Ф. Энгельс. Литературное наследие», с предисловием к русскому изданию Фр. Меринга. Одесса, изд. «Освобождение Труда»). Полностью в русском переводе этот сборник вышел в 1926 г. в издании Института К. Маркса и Ф. Энгельса. под названием: «К. Маркс и Ф. Энгельс в эпоху немецкой революции (1848—1850 г.г.)».—50.

[29]) Статья Ф. Энгельса «Об историческом материализме» первоначально появилась в виде предисловия к английскому изданию его брошюры «Развитие социализма от утопии к науке», вышедшей в 1892 г. (См. Fr. Engels. «Socialism utopian and scientific». Translated by E. Aveling. With an introduction specially composed for this edition by the author. London. Swan Sonnenshein 1892). Затем это предисловие было напечатано, как статья, в «Die Neue Zeit» № 1, 1892—1893, XI Jahrgang, I Band, стр. 15. На русский язык эта статья была переведена С. Ю. Семковским (Бронштейн) и включена в сборник «Исторический материализм» (вышел в Петербурге в 1908 г. в издании «Общественная Польза»), в который, кроме того, вошли статьи: К. Каутского, П. Лафарга, Жореса, Сореля, Адлера, Бельфорт-Бакса и др.—50.

[30]) *Отзовисты и ультиматисты* — фракция «левых» большевиков. Первоначально возник отзовизм, сторонники которого открыто выступили в Московской организации в марте-апреле 1908 г. при обсуждении итогов пятимесячной деятельности социал-демократической фракции III Государственной Думы. Они критиковали фракцию за отрыв от рабочих масс и социал-демократических организаций, за игнорирование директив Ц. К. и нежелание считаться с предостережениями партийных рабочих, за антисоциал-демократический характер некоторых выступлений и запросов в Государственной Думе. Создавшаяся отчужденность между фракцией и партией повлекла за собой ряд довольно настойчивых требований об отзыве фракции из Государственной Думы, и уже тогда в некоторых районах Москвы были приняты отзовистские резолюции. В мае 1908 г. состоялась Московская общегородская конференция, на которой было 14 отзовистских делегатов (из 32), выступивших с самостоятельной резолюцией об отношении к думской фракции. В резолюции указывалось на невозможность агитационной и организационной деятельности социал-демократических депутатов. В качестве выхода из создавшегося положения отзовисты требовали «сложения социал-демократическими депутатами своих полномочий, что подчеркнет, как истинный характер самой Думы, так и революционную тактику Р.С.-Д.Р.П.». Лидером московских отзовистов был Станислав Вольский (А. В. Соколов).

Но отзовистское течение пустило глубокие корни не только в Москве: в духе отзовизма были приняты резолюции Петербургским, Иваново-Вознесенским и др. комитетами; очень сильно отзовистское течение было представлено в Одесской организации и во многих других городах.

Вскоре после Московской общегородской конференции на страницах «Пролетария» была открыта дискуссия об отношении к думской фракции. К этому времени относится возникновение ультиматистского течения. В № 34 «Пролетария», 7 сентября 1908 г., была напечатана дискуссионная статья Г. А. Алексинского «Что же дальше?», в которой он заявил, что деятельность думской фракции «не равна даже нулю, а представляет собою *величину отрицательную*». Несмотря на это, Алексинский высказался в тот момент против тактики «отозвания» по следующим соображениям: а) данная фракция недостаточно партийна, поэтому только лучшие ее элементы подчинятся решению Ц. К. об отозвании; б) решительное настаивание на тактике «отозвания» может привести к расколу фракции большевиков, что нежелательно; в) нельзя возлагать ответственность за неудовлетворительную деятельность фракции только на одну фракцию,

потому что партия далеко еще не все сделала для исправления фракции и улучшения ее работы. «Критикуя» взгляды отзовистов, Алексинский, вместе с тем, защищал их от «возможных» упреков в анархизме и указывал, что «принципиально отвергать план отзовистов нельзя». По мнению Алексинского партия «должна серьезно и категорически разъяснить депутатам, зачем их выбирали, и поставить перед ними два ультимативных вопроса: 1) о безусловном подчинении партии и Ц. К., 2) о внедумской работе». С взглядами Алексинского, изложенными в этой статье, солидаризировался А. Богданов.

В № 36 «Пролетария», 16 октября 1908 г., была напечатана большая дискуссионная статья Марата (В. Л. Шанцер) «К вопросу о социал-демократической думской фракции», в которой он окончательно сформулировал тактику ультиматизма: «*Или пусть фракция станет партийна и решительна до конца в своих выступлениях и тактике, или партии придется применить другие меры, удалить из фракции непокорных оппортунистов, или отозвать, наконец, фракцию*». Позднее к ультиматистскому течению примкнули: М. Н. Покровский (Домов), Л. Б. Красин (Николаев), А. В. Луначарский (Воинов), М. Н. Лядов, В. А. Десницкий (Строев) и др.

Одновременно с дискуссией в печати обострялась и фракционная борьба. Осенью 1908 г., при выборах делегатов на Декабрьскую общепартийную конференцию, Петербургская организация, например, разделилась на отзовистов-ультиматистов и большевиков-ленинцев. Отзовисты-ультиматисты выработали особую платформу, которую предложили, в виде резолюции, расширенному заседанию Петербургского комитета. Фракционная борьба среди большевиков имела место также и в Московской организации во время выборов делегатов и подготовки к общепартийной конференции. Избранные от Москвы и Петербурга отзовистско-ультиматистские делегаты на конференции выделились в особую группу, во главе с Богдановым.

Весной 1909 г., когда встал вопрос об участии социал-демократии в созывавшемся съезде фабрично-заводских врачей, отзовисты и ультиматисты, вопреки указаниям Ц. К. партии от 15 марта, решительно высказались против участия в этом съезде под тем предлогом, что съезд представляет собою попытку «кадетствующих элементов господствующих классов» завлечь пролетариат на путь реформистской политики.

В конце 1909 г. должен был состояться съезд по борьбе с пьянством. Отзовисты и ультиматисты напрягли все свои усилия, чтобы сорвать попытку партии использовать его в целях социал-демократической агитации. Они открыто выступали в Петербургской организации против участия с.-д. в «алкогольном съезде», как «буржуазном учреждении». В исполнительной комиссии Петербургского комитета им удалось провести свою резолюцию, которая рекомендовала с.-д. явиться на съезд с тем, чтобы на первом заседании прочитать декларацию-ультиматум и предложить всем с.-д. и им сочувствующим покинуть съезд.

Наконец, отзовисты и ультиматисты выступили против участия партии в клубной работе, в культурно-просветительных обществах, школах и легальных профсоюзах, требуя перенести всю работу в подполье и сосредоточить все внимание на боевой подготовке масс (инструкторские группы, боевая техника и т. п.).

Весной 1909 г. Богданов, Алексинский, Луначарский, М. Горький и Н. Е. Вилонов составили инициативную группу по организации на о. Капри «партийной», на самом деле фракционной, школы, которая и была открыта, несмотря на протесты редакции «Пролетария». В ноябре 1909 г. в Каприйской школе произошел раскол: школьный совет исключил всех сторонников Большевистского Центра (5 человек) за то, что они отказались присоединиться к листовке Богданова «Не надо затемнять», написанной в качестве ответа редакции «Пролетария», а по существу представлявшей

собой платформу отзовистов-ультиматистов. Спустя некоторе время, лекторы и оставшиеся ученики каприйской школы образовали группу «Вперед». — 52.

[31]) В заседании рейхстага от 2 марта 1880 г. А. Бебель, при обсуждении военного бюджета, выступил с речью, в которой сказал: «Я считаю своим долгом заявить здесь, что если речь идет о том, что в случае действительного нападения какой-либо чужеземной державы, будь то Франция или Россия, на немецкую территорию, немецкая социал-демократия будет сражаться против этого врага не хуже любой партии». О позиции Бебеля при обсуждении аграрной программы в германской социал-демократии см. примечание 85-ое к VI тому Сочинений. — 58.

[32]) Ленин имеет в виду речь Т. О. Белоусова, произнесенную им 6 марта (21 февраля) 1909 г., при обсуждении сметы министерства внутренних дел (см. стенографический отчет, III созыв, вторая сессия, 1909 г., заседание 57, стр. 2157 — 2182). — 59.

[33]) Резолюция московских отзовистов, предложенная Московской общегородской конференции в мае 1908 г., напечатана в № 31 «Пролетария», 17(4) июня 1908 г. — 59.

[34]) Статья Л. Мартова ««Левение» буржуазии», которую здесь цитирует Ленин, помещена в журнале «*Возрождение*» № 1 — 2, 1909 г., под общим заглавием «Заметки журналиста» (стр. 26 — 31).

«*Возрождение*» — журнал меньшевиков-ликвидаторов («столыпинской рабочей партии»), возглавлявшийся Ю. Лариным (М. А. Лурье), С. О. Ежовым-Цедербаумом, А. Н. Потресовым, В. О. Левицким и Ю. Чацким (П. А. Гарви-Бронштейн). В журнале сотрудничали: Ю. О. Мартов, Ю. М. Стеклов, Н. Абрамович, М. Хейсин, Ф. И. Дан, Г. Циперович, П. Коган, П. П. Маслов, Д. Кольцов, С. Канатчиков, Вл. Милютин, К. Залевский, П. Б. Аксельрод, А. М. Коллонтай, З. Ленский, М. Павлович, А. С. Мартынов, М. Танин и др. «Возрождение» начало выходить в Москве с 1908 г.; всего вышло: за 1908 г. — 1 номер, за 1909 г. — 12 номеров, за 1910 г. — 11 номеров. С конца 1910 г. взамен закрытого «Возрождения» стала выходить «Жизнь» (всего вышло 2 номера). В начале 1911 г. в Петербурге вместо закрытой «Жизни» стало издаваться «Дело Жизни» (всего вышло 9 номеров). Издание прекратилось в конце 1911 г. На обложках всех без исключения номеров журнала в числе сотрудников упоминается Г. В. Плеханов, который, однако, в нем не принимал участия. В своем предисловии к книжке С. Т. Аркомеда «Рабочее движение и социал-демократия на Кавказе» (1910 г., стр. V, подстрочное примечание) Г. В. Плеханов назвал этот журнал «Вырождением». — 62.

[35]) «*Голос Социал-Демократа*» — орган фракции меньшевиков-ликвидаторов и меньшевистского центра, издавался с февраля 1908 г. по декабрь 1911 г. Всего вышло 26 номеров, из них: №№ 1 — 11 — в Женеве и №№ 12 — 26 в Париже. Первоначально в состав редакции входили: Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, Ф. И. Дан, Ю. О. Мартов, А. С. Мартынов. Кроме членов редакции в «Голосе» сотрудничали: Ев. Орловский, К. Залевский, Д. Сверчков, П. Маслов, М. Павлович, А. Деборин, Х. Раковский, А. Линг, Б. Горев-Гольдман, А. Коллонтай, Е. Аркадьев, Виктор Мандельберг, А. Потресов, В. Никитин, Ст. Иванович, С. Ракитин, А. Дашевский, Г. Роланд-Гольст, Х. Рапопорт, П. Колокольников и др. Инициатива издания «Голоса» принадлежит Дану, Мартынову и Плеханову, которые ставили перед ним задачу сплочения меньшевиков в условиях идейно-организационного развала социал-демократии после разгрома революции и борьбу, с одной стороны, с «меньшевистскими Гамлетами», довольствующимися легальной литературой, а с другой, — с «большевистским бакунизмом» (слова Плеханова). Против такого издания возражал Ю. О. Мартов, который не считал целесообразным воскрешать нелегальные формы партийной деятельности и высказывался за организацию «толстого»

легального журнала. Окончательно вопрос об издании «Голоса» в плане Плеханова, Дана и Мартынова был решен на Женевской конференции меньшевиков, состоявшейся в конце января 1908 г. Уже с первого номера «Голос» занял близкую к ликвидаторству позицию. Дальнейшее развитие «Голоса» в сторону ликвидаторства, под влиянием Мартова, Аксельрода, Дана, Потресова и Мартынова, послужило главной причиной разногласий с Плехановым, которые обнаружились с первых шагов деятельности редакционной коллегии. Обострение этих разногласий было связано с историей подготовки известного меньшевистского «пятитомника» (см. примечание № 38). Борьба кончилась тем, что Плеханов фактически прекратил свое участие в «Голосе» с декабря 1908 г. и формально вышел из редакции 26 мая 1909 г. (См. «Голос Социал-Демократа» № 14, май 1909 г., стр. 14, «Письмо в редакцию» Г. В. Плеханова.) После разрыва с Плехановым «Голос» окончательно определяется, как идейный центр ликвидаторов. Начиная с № 15, в нем помещаются открыто ликвидаторские статьи: «Как вести партийную работу», О «ликвидаторстве» и т. п. Вопреки постановлению январского 1910 г. пленума Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. о ликвидации фракционных органов, меньшевики-ликвидаторы продолжали издавать свой «Голос» и после пленума, срывая тем самым принятые решения об единстве партии. Сейчас же после пленума Ц. К. они выпустили «Письмо к товарищам», в котором отстаивали необходимость сохранения фракции. Чтобы оправдать дальнейшее существование «Голоса», как фракционного органа, два члена его редакции, входившие одновременно в состав редакции Центрального Органа партии — в «Социал-Демократ», т. е. Мартов и Дан, систематически подрывали работу последнего и выходившего при нем «Дискуссионного Листка». В 1911 г. вместо «Голоса» стал выходить «Листок Голоса Социал-Демократа»; всего вышло 6 номеров, издание прекратилось в июле 1912 г.

Ленин здесь цитирует примечание к неподписанной статье «По поводу конференции Р. С.-Д. Р. П.», напечатанной в № 12 «Голоса Социал-Демократа», март 1909 г. — 62.

[36]) Ленин цитирует статью К. Маркса из «Новой Рейнской Газеты», не имеющую названия, датированную 13 июня 1848 г. (См. примечание № 28.) — 63.

[37]) Речь идет о фельетоне А. Мартынова «Аграрный вопрос в контрреволюционной Думе, напечатанном в № 10—11 «Голоса Социал-Демократа», ноябрь—декабрь 1908 г. — 65.

[38]) *«Общественное движение в России в начале XX века» (меньшевистский «пятитомник»).* Вышло только 4 тома под редакцией Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. В составлении «пятитомника» принимали участие: М. Балабанов, М. Боголепов, Б. Веселовский, Б. Горев, Вл. Горн, Ф. Дан, Ф. Данилов, А. Егоров, А. Ерманский, К. Залевский, А. Коллонтай, Д. Кольцов, В. Левицкий, З. Ленский, Евг. Маевский, А. Мартынов, В. Мукосеев, М. Неведомский, М. Павлович и Н. Череванин.

Том I. — Предвестники и основные причины движения. 1909 г. Том II, часть первая. — а) Международное положение России перед революцией, б) Массовое движение. 1909 г. Том II, часть вторая. — а) Массовое движение (продолжение). б) Главнейшие моменты в истории русского марксизма. 1910 г. Том III. — Партии — их состав, развитие и проявление в массовом движении, на выборах и в Думе. 1914 г. (Этот том был конфискован и редакторы его привлечены к ответственности за статью В. Левицкого — «Правые партии»). Том IV, часть первая. — а) Изменения экономического и политического строя. б) Международные отношения. 1910 г. Том IV, часть вторая. — а) Общая политика правительства и изменения в государственной организации. б) Национальные движения. в) Общественное движение в Финляндии. 1911 г. В томе V предполагалось дать «Эволюцию идей».

В начале 1907 г. меньшевики получили от петербургского издателя Н. Глаголева предложение — составить коллективно историю революционного движения в России начала XX века. Тогда это издание не осуществилось. В конце 1907 г. меньшевики, по инициативе П. П. Маслова, снова вернулись к мысли об издании такого сборника. Уже на первых ступенях организации этого предприятия возникли разногласия по вопросу о составе редакции: Плеханов был против приглашения Потресова. После непродолжительных переговоров редакция «пятитомника» была сконструирована в следующем составе: Плеханов, Мартов, Маслов и Потресов. Новые разногласия возникли по вопросу о составе участников: Плеханов возражал против привлечения, например, Н. Череванина.

В первой половине 1908 г. в редакцию стали поступать статьи для I тома «Общественного движения», и к этому времени относится начало разногласий по поводу статьи Потресова «Эволюция общественно-политической мысли в предреволюционную эпоху». Первую часть этой статьи Потресов сам привез заграницу и прочитал в заседании редакционной коллегии, которое происходило на квартире Плеханова. В своей статье Потресов, говоря об «эволюции общественно-политической мысли в предреволюционную эпоху», совершенно обошел развитие революционных социал-демократических идей. Литература революционной социал-демократии привлекла внимание Потресова лишь постольку, поскольку в ней принимал участие П. Б. Струве. Излагая очень подробно критику, направленную Струве против ортодоксального марксизма, Потресов в ответ на нее ограничился одним только лаконическим замечанием, что Плеханов с цифрами в руках опроверг эту критику. Все это дало Плеханову повод заявить, что в своей статье Потресов фактически стоит на точке зрения легального марксизма. Особое возражение со стороны Плеханова вызвала та часть статьи, где Потресов рассказывал о двух различных концепциях Плеханова и П. Б. Аксельрода по вопросу об относительной роли торгово-промышленной буржуазии и прогрессивных землевладельцев в русском освободительном движении. В действительности же у них, по словам Плеханова, не было крупных разногласий по этому вопросу (см. «Социал-демократическое движение в России». Под ред. А. Н. Потресова и Б. И. Николаевского. Том I, стр. 185). Наконец, эта половина статьи не удовлетворяла Плеханова и в методологическом отношении, ибо Потресов фактически скатывался в ней к идеализму.

Исходя из этих соображений, Плеханов поставил вопрос о радикальной переделке представленной части статьи Потресова, заявив, что в таком виде она совершенно неприемлема для «пятитомника». Так как Плеханов пригрозил выходом из состава редакции в случае, если не будет принято его предложение, то редакция приняла во внимание его указания и побудила Потресова согласиться внести необходимые коррективы в статью. Однако, исправления, внесенные Потресовым, свелись к тому, что он включил в статью несколько цитат из сочинений некоторых членов Группы «Освобождение Труда», не позаботившись при этом о том, чтобы расположить их в надлежащей исторической перспективе и, в особенности, раскрыть заключающиеся в них мысли о гегемонии пролетариата в освободительной борьбе. Тогда Плеханов уже в самой категорической форме заявил об отказе участвовать в «пятитомнике» рядом с Потресовым и потребовал: или отложить статью Потресова до второго тома или подвергнуть ее новой, но действительно радикальной переделке. На этот раз Мартов, Аксельрод и Мартынов выступили против Плеханова и решительно взяли под свою защиту Потресова. В результате получился конфликт Плеханова с редакцией «Голоса Социал-Демократа». Плеханов соглашался пойти на примирение лишь при следующих условиях: Мартов должен выйти вместе с ним из «пятитомника»; в очередном номере «Голоса Социал-Демократа» Плеханов помещает разбор статьи Потресова;

редакция должна выразить свое принципиальное согласие с этим разбором. Меньшевистский центр отказался выполнить эти условия, соглашаясь только на выход Мартова из редакции «Голоса Социал-Демократа» и решительно настаивая на его оставлении в редакции «пятитомника». Вследствие этого, в декабре 1908 г. Плеханов направил в меньшевистский центр заявление о своем выходе, как из «пятитомника», так и из редакции «Голоса Социал-Демократа». Это заявление предназначалось к опубликованию в № 10—11 «Голоса» и было уже напечатано. Но затем, после новых переговоров, оно было исключено из верстки, а в оглавлении номера упоминание о нем осталось. Чтобы не перепечатывать весь номер, решено было заклеить это оглавление. Однако, конфликт не удалось ликвидировать, и в мае 1909 г. в № 14 «Голоса Социал-Демократа» было опубликовано письмо Плеханова, в котором он извещал читателей о том, что он теперь формально выходит из редакционной коллегии, в работах которой фактически не принимает участия уже с декабря 1908 г.

Вышедший в 1909 г. I том «Общественного движения» сопровождался заявлением редакции о том, что Плеханов вышел из состава редакции и что он проредактировал в этом томе все статьи, за исключением статьи А. Н. Потресова — «Эволюция общественно-политической мысли в предреволюционную эпоху». В связи с этим заявлением Плеханов напечатал «Необходимую поправку» в № 9 «Дневника Социал-Демократа». Со стороны меньшевиков последовало «Дополнение к «поправке»», напечатанное в № 16—17 «Голоса Социал-Демократа». Тогда Плеханов напечатал подробное изложение всей истории с «пятитомником» в приложении к № 10 «Дневника Социал-Демократа», под названием «О моем „секрете"». Меньшевики в свою очередь издали отдельным листком «Необходимое дополнение к «Дневникам Г. В. Плеханова»».

Подробный разбор большевиками статьи Потресова и оценка ими разрыва Плеханова с «голосовцами» были даны в 47—48 и 49 номерах «Пролетария» в большом фельетоне Л. Б. Каменева «Ликвидация гегемонии пролетариата в меньшевистской истории русской революции». (См. Л. Б. Каменев. «Между двумя революциями». 2-е издание. «Новая Москва». 1923. Стр. 127—165.)

В настоящей статье—««Левение» буржуазии и задачи пролетариата»—речь идет о заключительной статье Л. Мартова «Итоги политического развития» в I томе «Общественного движения». — 65.

[39]) Цитата из предисловия Фр. Энгельса к книге К. Маркса «Нищета философии. Ответ на философию нищеты Прудона». (Перевод с французского Т. Пятина и И. Белявского, под ред. М. М. Филиппова. 1902. Издание Забицкого и Пятина. С.-Петербург.) Дословно в цитируемом месте говорится так: «Но что может быть формально неверным с экономической точки зрения, то может оказаться вполне верным с точки зрения всемирной истории» (стр. 9). — 66.

[40]) «Пометка» о книге В. Ильина «Материализм и эмпириокритицизм» (см. XIII том Сочинений) была напечатана в отделе «Библиография социализма» в № 2 «Die Neue Zeit», 8 октября 1909 г., стр. 64. В своем письме к К. Каутскому 13 июня 1909 г. Роза Люксембург писала: «Вот название новой книги Ленина (Ильин — его псевдоним); он хотел бы, чтобы книга была отмечена среди поступивших книг. Что касается до рецензии, то не заказывай ее еще никому: может быть, я смогу кого-нибудь рекомендовать, так как ты, сам не желая того, можешь причинить неприятность автору. Но в числе «поступивших» книг, а также в литературу о социализме помести книгу теперь же» (Роза Люксембург. «Письма к Карлу и Луизе Каутским» 1896 — 1918. Изд. «Красная Новь». Москва. 1923, стр. 131 — 132.) — 67.

[41]) Статья Розы Люксембург «Революционное похмелье» напечатана в № 44 «Пролетария», 21 (8) апреля 1909 г. — 67.

[42]) Речь идет о позиции, занятой К. Каутским на заседании Международного Социалистического Бюро 11 октября 1908 г. в Брюсселе по вопросу о приеме во II Интернационал Английской Рабочей Партии. К. Каутский настаивал на ее приеме и говорил: хотя она и не называется «Социалистической» Рабочей Партией, но на деле ведет пролетарскую классовую линию и независима от буржуазных партий. Ленин на этом заседании также высказывался за прием Английской Рабочей Партии во II Интернационал, но мотивировал свое предложение тем, что она является парламентским представительством английских профессиональных союзов (тред-юнионов), которые, по уставу, могут быть членами Интернационала. В противоположность К. Каутскому он указывал, что эта партия не является независимой и не ведет вполне самостоятельной политики в духе классовых интересов пролетариата. Мотивировка Ленина была отвергнута. Историю этого вопроса см. в статье Ленина «Заседание Международного Социалистического Бюро», том XII Сочинений, стр. 342. Статья Ф. Ротштейна «Die Parteikrise der Independent Labour Party» («Кризис Независимой Рабочей Партии») напечатана в № 33 «Die Neue Zeit», 14 мая 1909 г., стр. 193—202. Рассказав о кризисе в Независимой Рабочей Партии в связи с выходом в отставку четырех вождей: К. Гарди, Р. Макдональда, Ф. Сноудена и Б. Глэзиера,— автор писал: «Возможно, что эти четверо еще вернутся назад, но более вероятно, что они совершенно порвут с партией, чтобы создать радикально-социалистическую фракцию вместе с профсоюзными деятелями и буржуазными радикалами». К этому месту статьи редакция поместила подстрочное примечание следующего содержания: «Когда эти строки уже находились в печати, мы узнали из заявления Дж. Ленсбери в одной христианской газете, что несколько членов Рабочей партии в скором времени войдут вместе с несколькими радикалами в коалиционное министерство» (стр. 202).— 67.

[43]) Смета расходов синода обсуждалась в заседании III Государственной Думы 27 (14) апреля 1909 г. В этом же заседании выступал социал-демократический депутат П. И. Сурков. В своей речи он охарактеризовал церковь, как оплот самодержавия, и констатировал ее связь с черносотенными организациями. Отцы церкви «Илиодоры, Восторговы и т. д., им же имя легион,— говорил он,— освятили и своим словом и своим молчанием намыленную веревку, расстрелы, плахи, виселицы, палачей». Говоря о смете синода, Сурков особое внимание уделил рассмотрению расходов на содержание верхушки духовенства и на, так называемое, «духовное» просвещение. При этом он призывал не давать средств «кровным врагам народа, затемняющим народное сознание» (см. Стенографический отчет III Государственной Думы, II сессия, часть III, стр. 2074). Сведения об обсуждении в думской фракции проекта речи Суркова см. в ст. «Прения в думской социал-демократической фракции по вопросу об отношении социал-демократии к религии», напечатанной в № 45 «Пролетария», 26 (13) мая 1909 г. в отделе «Из партии».— 68.

[44]) Во «Введении к критике гегелевской философии права» К. Маркс писал: *Религиозное* убожество есть в одно и то же время *выражение* действительности нищеты и *протест* против действительной нищеты. Религия — это вздох угнетенной твари, душа бессердечного мира, дух бездушного безвременья. Она — *опиум* народа» (см. I том Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Издание Института К. Маркса и Ф. Энгельса. Под редакцией Д. Рязанова. Гиз. 1928. Стр. 399).— 68.

[45]) Речь идет о статье Фр. Энгельса «Программа коммунаров-бланкистов», напечатанной в № 73 «Volksstaat» (орган эйзенахцев, редактировался В. Либкнехтом, издавался в 1869—1876 г.г.), за 1874 г. (в русском переводе см. Фр. Энгельс. «Статьи 1871—1875 г.г.» Изд. Союза Коммун Северной Области. 1919. Стр. 46—55). См. также Фр. Энгельс. «Философия. Политическая экономия. Социализм. (Анти-Дюринг)». Социалистическая

библиотека. Перевод с немецкого. 4-е исправленное и проверенное по подлиннику издание. С.-Петербург. Издание В. И. Яковенко. 1907. Стр. 267.—69.

[46]) 19 июня 1872 г. Бисмарк внес в рейхстаг законопроект об изгнании иезуитов из Германии. Против этого законопроекта от имени социал-демократической фракции выступал А. Бебель. См. А. Бебель. «Из моей жизни». Перевод с рукописи, под редакцией и со вступительной статьей Д. Рязанова. Гиз. 1925. Стр. 284.

В 6 пункте требований Эрфуртской программы относительно религии дословно говорится следующее: «Объявление религии частным делом. Уничтожение всех взносов из общественных средств на религиозные и церковные нужды. Церковные и религиозные общины должны быть рассматриваемы, как частные союзы, совершенно самостоятельно управляющие своими делами» (см. «Эрфуртская программа». Петроград. Коммерческая типография. 1917. Стр. 6).—69.

[47]) Ленин имеет ввиду следующее место из «Введения» Фр. Энгельса к брошюре К. Маркса «Гражданская война во Франции (1870—1871)»: «Коммуна объявила частью такие реформы, которые лишь по своей трусости не провела республиканская буржуазия, но которые были основным условием для свободной деятельности рабочего класса, напр: осуществление принципа, что *религия по отношению к государству* есть частное дело» (см. перевод с немецкого под редакцией Н. Ленина, второе издание. Книгоиздательство «Буревестник». Одесса 1905. Стр. 9). «Введение» Ф. Энгельса датировано 18 марта 1891 г.—70.

[48]) Выражение Публия Папина Статия в эпической поэме «Thebais», книга III, стих 661. Дословно там говорится так: «Primus in orbe deos fecit timor!», т.-е. «впервые в мире страх создал богов!»—71.

[49]) Ленин имеет ввиду многочисленные выступления А. В. Луначарского с проповедью богостроительского социализма, в которых неоднократно повторялись в разных сочетаниях приведенные здесь положения «социализм есть религия» и «социализм есть моя религия». Так, например: в статье «Будущее религии», напечатанной в №№ 10 и 11 журнала «Образование», 1907 г., Луначарский писал: «Но та глубокая черта религий, которую отметил Шлейермахер, говоря: «Религия есть чувство связи индивида с высшим началом»—только в чрезвычайной мере крепнет в новой религии. С этой точки зрения научный социализм—самая религиозная изо всех религий, и истинный социал-демократ—самый глубоко-религиозный человек» (№ 10, стр. 23). Эти взгляды более пространно были изложены в книге Луначарского «Религия и социализм», первая часть которой вышла в 1908 г. в изд. «Шиповник». (О богостроительстве см. примечание № 64).—73.

[50]) Имеется в виду статья С. Н. Булгакова «Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции)», напечатанная в сборнике «Вехи». Москва. 1909. Стр. 23—70. О «Вехах» см. примечание № 129.—74.

[51]) Социал-демократический депутат Т. О. Белоусов, выступая по смете синода в заседании III Государственной Думы 4 апреля (22 марта) 1908 г., внес следующую формулу перехода к очередным делам: «признавая религию частным делом каждого отдельного человека; отстаивая принцип отделения церкви от государства и школы от церкви и свободы вероисповеданий и констатируя небрежное отношение к средствам народа со стороны правительства в лице его органа Синода,—Государственная Дума отвергает смету Синода на 1908 г. и переходит к очередным делам» (см. Стенографический отчет, III созыв. Сессия II, часть I, стр. 825—829). Ошибка Т. О. Белоусова была отмечена в передовой статье «Пролетария» № 28, 15 (2) апреля 1908 г.,—«С партией или без партии?».—76.

[52]) *Совет объединенного дворянства* — центр дворянской контр-революции, организовался по инициативе гр. А. Бобринского, Ознобишина, гр. Доррера, кн. Щербатова и др. на I съезде уполномоченных дворянских обществ в Москве 22 мая 1906 г. Совет ставил перед собой следующие задачи: защита сословно-дворянских привилегий; воздействие в этом направлении на правительство; борьба с «крамолой» во всех ее проявлениях и всеми способами и средствами; пересмотр избирательного закона в целях усиления дворянского представительства в Думе; превращение Думы в строго совещательный орган; борьба против амнистии; возмещение убытков, понесенных во время революции; законодательное объявление аграрно-революционных выступлений уголовным преступлением; законодательное признание земельной собственности дворян в качестве «заповедной» собственности, находящейся под защитой органов государственной власти, и т. д. В период III Государственной Думы члены Совета объединенного дворянства в значительной мере заполнили Государственный Совет и руководящие инстанции черносотенных организаций. С тех пор Совет непосредственно влиял на политику правительства и вдохновлял контр-революционную борьбу. — 80.

[53]) *«Голос Москвы»* — орган октябристов, ежедневная газета, выходила в Москве с 1906 г. по 1913 г. Редактор — П. И. Смирнов. Сотрудничали: М. Любимов, Дм. Николаев, А. Аверин, В. Быстренин, Вадковский и др. Газета, между прочим, оказывала покровительство старообрядцам, не выходя, однако, в защите их интересов за рамки манифеста 17 октября. — 80.

[54]) В «Речи» № 133, 30 (17) мая 1909 г., была помещена статья Д. Левина — «Наброски», направленная против «Вех» (см. примечание 129) и П. Б. Струве. В № 139 «Речи», 6 июня (24 мая) 1909 г., был напечатан отчет С. Озеросского о заседании «Литературного общества», на котором разбирался и обсуждался сборник «Вехи». В отчете (под заглавием «О Вехах») сообщается о резких нападках докладчика общества И. М. Бикермана на авторов сборника, в особенности, на П. Б. Струве за его статью «Интеллигенция и революция». Автор отчета солидаризировался с мнением докладчика, в том, что этот сборник представляет собою «реакционную проповедь».

«Речь» — центральный орган кадетской партии, ежедневная газета, выходила в Петербурге с 8 марта (23 февраля) 1906 г. В 1917 г. после Октябрьской революции газета выходила под разными названиями: «Наша Речь», «Свободная Речь», «Век», «Новая Речь», «Наш Век». Закрыта в августе 1918 г. Фактическими руководителями газеты были: П. Н. Милюков и И. В. Гессен. Сотрудничали в ней: М. М. Винавер, кн. Пав. Д. Долгоруков, кн. Пет. Д. Долгоруков, А. А. Кауфман, Ф. Ф. Кокошкин, В. А. Маклаков, М. Л. Мандельштам, проф. А. А. Мануйлов, проф. С. А. Муромцев, В. Д. Набоков, И. И. Петрункевич, Ф. И. Родичев, П. Б. Струве и др. — 82.

[55]) *Расширенная редакция «Пролетария»* — Большевистский Центр, в состав которого на последнем заседании фракции по закрытии Лондонского (V) Съезда Р.С.-Д.Р.П. были избраны: Ленин, А. А. Богданов (Максимов), И. П. Гольденберг (Мешковский), И. Ф. Дубровинский, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Л. Б. Красин (Николаев), В. П. Ногин, А. И. Рыков, М. Н. Покровский, И. А. Теодорович, В. К. Таратута, Г. Д. Линдов, Н. А. Рожков и В. Л. Шанцер (Марат). Совещание расширенной редакции «Пролетария», о котором здесь говорится, состоялось в Париже с 4 по 13 июля (21 — 30 июня) 1909 г. Перед открытием Совещания состоялось предварительное собрание на квартире Ленина, в котором приняли участие: Ленин, Зиновьев, Каменев, Дубровинский, Гольденберг, А. И. Любимов («Марк»), М. П. Томский, Рыков, В. М. Шулятиков, О. Пятницкий, Н. К. Крупская и А. Давыдов-Голубков (секретарь русского бюро Ц. К.).

На этом собрании, продолжавшемся около двух дней, обсуждались вопросы дальнейшей работы в России и отношение к отзовистам-ультиматистам. Собрание единодушно осудило все отклонения от марксизма, наметившиеся к тому времени во фракции, и рассмотрело проекты резолюций, подлежавшие обсуждению на Совещании.

Состав Совещания расширенной редакции «Пролетария» был следующий: члены редакции — Ленин, Зиновьев, Каменев, Богданов; представители местных большевистских организаций — Томский (Петербург), Шулятиков (Москва), Накоряков (Урал); члены Ц.К партии — Дубровинский, Гольденберг, Рыков, Таратута и Марат. Кроме того, на Совещании присутствовали: Крупская, Н. Скрыпник («Щур»), Любимов, Н. Г. Полетаев (депутат III Государственной Думы) и Давыдов-Голубков.

Заседания Совещания происходили в Café Caput, на улице Avenue d'Orléans. В центре внимания Совещания стоял вопрос о разногласиях с отзовистами-ультиматистами. Прения носили весьма бурный характер. Томский и Рыков до Совещания решительно высказывались против устранения Богданова из Большевистского Центра; ознакомившись с действительным положением вещей и выслушав самого Богданова, они признали необходимым, в согласии с остальными членами Б.Ц., поставить ребром вопрос о подчинении Богданова и его сторонников фракционной дисциплине, чтобы положить конец их дезорганизаторской работе. Отзовизм и ультиматизм на Совещании представляли и защищали Богданов и Марат. Последний, при голосовании резолюции об отзовизме и ультиматизме в целом, воздержался. Богданов отказался подчиниться фракционной дисциплине и тем самым поставил себя за пределами Большевистского Центра. За Богдановым последовал потом Красин, который не принимал участия в заседаниях расширенной редакции «Пролетария». После Совещания, т.-е. 16 июля, Богданов и Красин выпустили листовку, под названием «Отчет товарищам большевикам устраненных членов расширенной редакции «Пролетария»». С существом взглядов, изложенных в «Отчете», был согласен Марат, который, однако, считал себя формально обязанным оставаться в составе Большевистского Центра. К «Отчету» присоединил свою подпись М. Н. Покровский (Домов), оговорив при этом, что он, в отличие от авторов этого документа, стоит на иной политической позиции. — 85.

[56]) Петербургский делегат — М. П. Томский. Он внес следующее заявление: «Мы констатируем, что произошел не раскол большевистской фракции, а откол ничтожного меньшинства расширенной редакции «Пролетария»». К этому заявлению присоединили свои подписи еще 10 членов расширенной редакции «Пролетария» (см. «Приложение» к № 46 «Пролетария», 16 (3) июля 1909 г., стр. 7). — 93.

[57]) *«Первая Высшая социал-демократическая пропагандистско-агитаторская школа для рабочих» на о. Капри* была организована группой отзовистов, ультиматистов и богостроителей, во главе с А. А. Богдановым, воспользовавшихся ею в качестве прикрытия для центра новой фракции. Инициатива создания партийной школы исходила от уральского рабочего Н. Е. Вилонова («Михаила»), который опирался при этом на острую потребность местных организаций в подготовленных кадрах партийных работников. В период организации школы руководители новой фракции тщательно скрывали свои замыслы от всех непосвященных и, в том числе, от Н. Е. Вилонова, принимавшего в этом деле самое горячее участие. Когда Большевистский Центр узнал, что в инициативную группу по организации Каприйской школы вошли: А. А. Богданов, Г. А. Алексинский, А. В. Луначарский и М. Горький, — то он отказал этому начинанию, как фракционному, в какой бы то ни было поддержке. На этом основании организаторы школы сочли себя вправе обратиться за содействием и санкцией непосредственно к местным организациям и в первую очередь—

в Московский Комитет Р.С.-Д.Р.П., куда было направлено за подписью «Михаила» и М. Горького «Открытое письмо». Большевистский Центр в свою очередь послал в Московский Комитет резолюцию-письмо, в котором указывал на антипартийный характер проектировавшейся школы и заявлял, что отказывается отвечать за ее направление. Московский Комитет отказал в санкции устраиваемой школы, полагая, что «действительный контроль над подобной школой мог бы осуществляться лишь партийными *центрами*». (См. «Отчет о школе в NN», приведенный в «Приложении» к № 50 «Пролетария», ноябрь 1909 г.). Московское Областное Бюро и большинство районов, под влиянием Станислава Вольского (А. В. Соколова), высказались в пользу Каприйской школы; некоторые местные организации — за передачу идейного руководства школой Центральному Комитету Р.С.-Д.Р.П. (Шуя, Сормово), а другие — за передачу этого руководства Большевистскому Центру (Ярославская общегородская конференция). Совещание расширенной редакции «Пролетария» в июле 1909 г. осудило Каприйскую школу, как фракционную, и сняло с себя всякую за нее ответственность (см. настоящий том, стр. 102). Несмотря на это, организация школы продолжалась. Всего на о. Капри прибыло 13 слушателей, избранных местными организациями: от Москвы — И. И. Панкратов («Старовер», «Ваня Казанец»), Н. У. Устинов («Василий»), К. А. Алферов («Яков», «Константин»), В. Б. Косарев («Борис», «Владимир»), И. Г. Батышев («Юлий», «Ваня»), М. И. Лобанов («Станислав») и Н. И. Бабинцев («Николай», «Савелий»); от Московской окружной организации — В. Е. Люшвин («Пахом», «Казимир») и А. С. Романов («Иван», «Аля Алексинский» — впоследствии провокатор); от Шуи — Ф. И. Калинин («Аркадий»); от Гуся Хрустального — Ф. И. Сятковский («Константин», «Вася (?)»); от Болхова — Н. Н. Козырев («Фома») и от Сормова — М. Я. Яковлев («Арсений»). Позднее в число слушателей были включены: бундовец А. М. Лухман («Григорий») и еще один рабочий, фамилию которого не удалось установить. 3 — 4 августа (21 — 22 июля) 1909 г. состоялось организационное собрание школы, на котором был заслушан доклад Богданова и сконструирован Совет, в качестве высшего органа школы. Лекторами были избраны: А. А. Богданов, А. В. Луначарский, М. Н. Лядов, М. Н. Покровский, М. Горький, А. Г. Алексинский, Стан. Вольский (А. В. Соколов), Десницкий (Строев) и Н. А. Семашко (вскоре уехал). По настоянию слушателей были посланы приглашения читать лекции: Ленину, И. Ф. Дубровинскому, М. К. Владимирову («Леве»), Г. В. Плеханову, Ю. О. Мартову, Л. Д. Троцкому, Д. Б. Рязанову, В. П. Ногину («Макару»), В. Л. Шанцеру («Марату»), К. Каутскому, Розе Люксембург и др., но никто из них не приехал на о. Капри. Занятия в школе начались 5 августа (23 июля). С первых дней среди слушателей, еще не отдававших себе отчета во фракционном характере школы и считавших, что все дело в философских разногласиях, началась кампания против Большевистского Центра и его политической линии. На специальном собрании школьного совета 16 (3 августа) по вопросу об отношении школы к Большевистскому Центру было постановлено пригласить Б.Ц. принять участие в работе школы, помочь ей литературными силами и денежными средствами и заявить, что против идейного контроля Б.Ц. над школой Совет ничего не имеет. Кроме того, 7 слушателей, командированных от Москвы, Московской областной и Московской окружной организаций, написали Ленину особое приглашение, в котором называли «сплошным недоразумением» мнение, будто бы «школа преследует цели, присущие отзовистам, богостроителям, фракционерам». В тот день, когда предполагалось отправить это письмо, в школу поступил ответ Ленина на приглашение читать лекции (см. настоящий том, стр. 116). Ознакомившись с этим ответом, слушатели приложили к своему письму добавление, в котором снова заявляли, что «фракционная подкладка школы — чистейшая фикция».

Вскоре эти слушатели получили от Ленина вторичный ответ (см. настоящий том, стр. 118). Большевистский Центр в свою очередь отправил в школу большое письмо — «Товарищам-рабочим, прибывшим в школу в NN», в ответ на постановление школьного совета от 16 (3) августа. В этом письме Б.Ц. подтверждал свое отношение к школе, выраженное в резолюции июльского Совещания Расширенной редакции «Пролетария», и приглашал слушателей помочь ему превратить Каприйскую школу в «действительно партийную школу» (напечатано в «Приложении» к № 47 — 48 «Пролетария», 24 (11) сентября 1909 г.). Слушатели согласились на предложение Большевистского Центра переехать в Париж, но в своем ответе, за подписью «Совет школы», они, под давлением лекторов, выдвинули два условия: 1) школа переезжает в Париж в полном составе и 2) требует на свой переезд 3.000 франков. (См. «Отчет № 3 о деятельности партийной школы в NN с 1 сентября по 1 октября 1909 г.».) На это Большевистский Центр коротко сообщил, что своим намерением не выполнять постановлений местных организаций и договариваться с руководящим центром большевистской фракции, как обособленная и замкнутая группа, совет школы сам «затрудняет дальнейшие переговоры». Разногласия особенно обострились после выхода «Приложения» к № 47 — 48 «Пролетария», в котором была напечатана большая статья Ленина «О фракции сторонников отзовизма и богостроительства» (см. настоящий том, стр. 137). Богданов в качестве ответа предложил школьному совету проект листовки — «Не надо затемнять», а трое слушателей — В. Б. Косарев, К. А. Алферов и Ф. И. Калинин — предложили на основании этого проекта выработать платформу. Произошел раскол: И. И. Панкратов, Н. У. Устинов, А. С. Романов, Н. Н. Козырев, В. Е. Люшвин и Н. Е. Вилонов (которому теперь стало ясно, что «лекторы превратили школу в орудие борьбы со всей партией») решительно отмежевались от богдановцев. Слушатели-ленинцы послали в редакцию «Пролетария» письменный протест против поведения лекторов, в котором заявили, что считают невозможным свое дальнейшее пребывание в такой школе, где «открыто группируются «кадры» максимовцев (— богдановцев. *Ред.*) и уже началась выработка программы». Редакция «Пролетария» выпустила этот протест, вместе с письмом И. И. Панкратова и статьей Ленина «Позорный провал» (см. настоящий том, стр. 195), отдельным оттиском из 50 номера «Пролетария», который вызвал в школе настоящую бурю. Было созвано экстренное собрание школьного Совета, на котором богдановцы потребовали от ленинцев отказа от протеста; последние на это не согласились и внесли письменное заявление, в котором утверждали, что группа учеников и все лекторы ведут фракционную работу. В результате все 5 ленинцев, вместе с Н. Е. Вилоновым, были исключены из школы и в первой половине ноября отправились в Париж. В «Приложении» к № 50 «Пролетария», ноябрь 1909 г., был напечатан отчет исключенных учеников о Каприйской школе («Отчет о школе в NN») и большая статья Н. Е. Вилонова — «О платформе отзовистов-ультиматистов». В Париже исключенные каприйцы прослушали цикл лекций, в том числе лекции В. И. Ленина по вопросам: — а) Современный момент и наши задачи, б) Аграрная политика Столыпина.

Узнав о расколе, Московское Областное Бюро отправило 26 (13) ноября в редакцию «Пролетария» извещение о том, что оно «снимает с себя всякую ответственность за школу и предлагает слушателям немедленно приехать в Париж». (См. «Пролетарий № 50, 28 декабря 1909 г.). Тогда Каприйская школа нашла себе нового покровителя в лице Петербургского комитета Р. С.-Д. Р. П., в котором в этот период преобладали отзовисты. В декабре занятия в школе были окончены, и вторая партия каприйцев также отправилась в Париж, где в свою очередь прослушала цикл лекций, прочитанных по той же программе, что и для пятерки-ленинцев. Перед отъездом в Париж ученики-богдановцы, вместе с лекто-

рами, подписали платформу новой фракции впередовцев (см. примечание 140). Вскоре по приезде в Россию, большинство каприйцев было арестовано, вследствие предательства ученика школы — А. С. Романова. — 93.

[58]) Напечатанные здесь резолюции Совещания расширенной редакции «Пролетария» в основном написаны Лениным, при участии Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева и др. — 96.

[59]) *Первый Всероссийский съезд народных университетов* состоялся в Петербурге 16 (3)—19 (6) января 1908 г. Рабочая часть съезда выступала единым фронтом и беспощадно разоблачала пресмыкательство его руководителей перед полицейским режимом. По вопросу об организации народных университетов рабочая часть требовала в своей резолюции: введения особого представительства со стороны рабочих организаций, признания за этими последними права определять программу занятий и намечать желательных лекторов по общественным наукам и устройства преподавания на языках национальных меньшинств. Большинством голосов (110 против 105) эта резолюция была отклонена, после чего все рабочие делегаты, во главе с социал-демократами, демонстративно покинули съезд. — 100.

[60]) *Первый Всероссийский съезд кооперативных учреждений* состоялся в Москве 5 августа (23 июля) 1908 г. под председательством октябриста Н. Н. Гибнера и под руководством «нейтральных» кооператоров В. А. Поссе, В. Н. Зельгейма и В. Ф. Тотомианца. До съезда почти не велось подготовительной работы среди рабочих. Меньшевики высказывались против организации фракции и настаивали на создании «рабочей группы». Состав рабочих делегатов оказался чрезвычайно разнородным и, в значительной мере, случайным. Несмотря на это, рабочие делегаты занимали самостоятельную позицию, выступали дружно и сплоченно; большинство социал-демократов высказалось за организацию фракции, попыткам некоторых меньшевиков сорвать партийную дисциплину был дан отпор. Руководители съезда всячески приспособлялись к полицейским возможностям и стесняли выступления рабочих. По этим соображениям не были, например, допущены к обсуждению на пленуме съезда доклады «О роли и задачах кооперативного движения» и «О международном кооперативном движении». — 100.

[61]) *Первый Всероссийский женский съезд* состоялся в Петербурге 23 (10)—29 (16) декабря 1908 г. при участии значительного количества работниц и трудовых интеллигенток. Работницы держались на съезде сплоченной группой и выступали с достаточной смелостью, несмотря на препятствия со стороны президиума и дежурившего на съезде пристава.

Под давлением группы работниц съезд принял резолюции: о борьбе с алкоголизмом, о положении женщины-крестьянки, о равноправии евреев, об охране труда женщин и детей, о кустарных промыслах. Но вместе с тем съезд отказался даже огласить внесенную группой работниц резолюцию «о политическом и гражданском положении женщины в современном обществе», в которой требовалось «введение всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, без различия пола, вероисповедания и национальности, как в центральные законодательные учреждения страны, обладающие всей полнотой государственной власти, так и в органы местного самоуправления». Эта резолюция была объявлена президиумом «неудобочитаемой» по полицейским соображениям и заменена другой, констатировавшей только, что политическое строительство «откроется для женщины лишь при водворении демократического строя». В связи с этим группа работниц покинула заседание съезда в знак протеста. — 100.

[62]) *Первый Всероссийский съезд фабрично-заводских врачей и представителей фабрично-заводской промышленности* состоялся в Москве 14 (1)—19 (6) апреля 1909 г. при участии 52 рабочих делегатов, избранных проф-

союзами, главным образом, крупных промышленных центров. Большинство среди рабочих делегатов составляли большевики. Рабочие делегаты выступали сплоченной группой, увлекая за собою часть делегатов из врачей. Из 15 вопросов, стоявших на повестке дня, особенно оживленные прения вызвали следующие два: об организации санитарного надзора (была принята социал-демократическая резолюция) и о выборах фабричной инспекции рабочими.

Ввиду ультимативного требования градоначальника не касаться в прениях вопросов, возбуждающих классовую борьбу, распорядительное заседание съезда признало невозможным продолжать дальнейшую работу и постановило закрыть съезд. Вследствие такого оборота дел, рабочие делегаты не успели огласить выработанной ими декларации, посвященной характеристике результатов работы съезда. — 100.

[63]) Резолюции о кооперативах, профессиональных союзах и деятельности социал-демократической думской фракции были приняты на заседаниях Ц. К. Р. С.-Д. Р. П., состоявшихся в конце декабря 1907 г. и в начале января 1908 г. (см. «Социал-Демократ» № 1, февраль 1908 г., отдел — «Из партии», стр. 36—40). — 100.

[64]) *Богостроительство* — литературное и религиозно-философское течение, захватившее некоторые элементы социалистической интеллигенции и непосредственно связанное с именами А. В. Луначарского, М. Горького, В. Базарова (В. А. Руднева). Богостроители в своих религиозных исканиях стремились «придать бо̀льшую эмоциональную широту марксизму» и облегчить пропаганду социализма, который в своих «строгих и холодных формулах», якобы, недоступен для широких трудящихся масс (А. В. Луначарский).

Свою задачу богостроители видели в том, чтобы вскрыть религиозное содержание социализма, для чего необходимо сбросить «ветхий плащ серого материализма» (А. В. Луначарский — «Атеизм», статья в Сборнике «Очерки по философии марксизма», стр. 160) и стать на почву эмпириомонизма А. А. Богданова. Богостроители проповедывали культ человечества, таящего в себе колоссальные «потенции», которые необходимо обожать и «представлять в венце славы для того, чтобы крепче любить их» (А. В. Луначарский. Там же, стр. 159). Поэтому все человечество есть «Бог, как Всезнание, Всеблаженство, Всемогущество, Всеобъемлющая, Вечная Жизнь» (А. В. Луначарский. Там же).

Основоположником и главным проповедником богостроительства был Луначарский, изложивший открытую им новую религию в книге «Религия и социализм» (начата в 1906 г., первый том вышел в свет в 1908 г.).

В литературе новую религию проповедывал М. Горький (см. «Исповедь», VII том собрания сочинений. Гиз.). «Бог» М. Горького — тот бог, который будет «построен» достигшим своего самосознания пролетариатом в тесном сотрудничестве с народом.

В начале февраля 1909 г. редакция «Пролетария» решила выступить открыто против религиозной проповеди Луначарского. В этих целях Л. Б. Каменевым и В. Л. Маратом (Шанцером) были написаны статьи для «Пролетария». При обсуждении этих статей в редакции, А. А. Богданов решительно восстал против их напечатания, ссылаясь на решение Большевистского Центра, принятое в начале 1908 г., о нейтральности «Пролетария» в вопросах философии. Под влиянием А. А. Богданова Марат (Шанцер) взял свою статью — «Есть же пределы» — обратно. Несмотря на протесты Богданова, редакция поместила в № 42 «Пролетария», 25 февраля 1909 г., направленную против Луначарского статью Каменева «Не по дороге». Конфликт, вызванный напечатанием этой статьи, обсуждался на Совещании расширенной редакции «Пролетария» в июле 1909 г., которое приняло в связи с этим две резолюции (см. в приложениях «Документы и материалы» № 2).

Философские воззрения Луначарского—Богданова особо были разобраны в книге Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» (см. XIII том, Сочинений).

Во второй половине 1909 г. против богостроительства Луначарского и религиозных исканий интеллигенции вообще выступил Г. В. Плеханов с рядом статей в журнале «Современный Мир» (см. Сборник «О религии», из-во «Красная Новь». 1923 г.) и Л. Мартов в статье «Религия и марксизм» (сборник «На рубеже», книгоиздательство «Наше Время». С.-Петербург, 1909 г.).

Главными проповедниками *богоискательства*, получившего широкое распространение среди разочаровавшейся в революции буржуазной интеллигенции, были: Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, Минский, Д. В. Философов, Г. И. Чулков, Вяч. Иванов, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков. Богоискатели рядились в архи-революционную тогу, критиковали «мещанские идеалы» социал-демократии и охотно заигрывали с анархизмом и анархо-синдикализмом. — **102.**

[65]) *Меньшевики-партийцы* («плехановцы») — неоформленное организационно течение среди меньшевиков, возглавлявшееся Плехановым; зародилось в 1908 г. в борьбе против ликвидаторов. Видную роль среди меньшевиков-партийцев за границей, кроме Плеханова, играли: В. Фомин («Ольгин», «Чернов»), Х. Раппопорт, М. Вельтман («Павлович», «Волонтер»), Ф. Цедербаум («Дневницкий»), М. Бабин и др. Выйдя из ликвидаторской редакции «Голоса Социал-Демократа», Плеханов возобновил издание «Дневника Социал-Демократа», в котором вел энергичную борьбу против ликвидаторов. Оставаясь по всем коренным вопросам на позиции меньшевизма, Плеханов призывал меньшевиков не покидать партии и бороться за влияние внутри нее. В 1909 г. группы меньшевиков-партийцев образовались в Париже, Женеве, Ницце, Сан-Ремо и др. городах. В России в свою очередь начался процесс выделения меньшевиков-партийцев. Меньшевики Выборгского района (в Петербурге) выпустили особое письмо с протестом против увлечения «малыми делами», указывая на недопустимое поведение легалистов, доходивших в своем стремлении приспособиться к столыпинскому режиму до запрещения читать в рабочих клубах лекции по экономическим вопросам. Харьковские меньшевики принимали меры к постановке нелегального центра. Зачастую русские группы меньшевиков-партийцев сближались в своей работе с большевиками, образуя отдельные от ликвидаторов организации, как это было в Москве, или устанавливая организационно оформленный контакт с большевиками, как это было в Одессе, где они входили в состав общегородского комитета. Тенденция к сближению между меньшевиками-партийцами и ортодоксальными большевиками достигла наиболее сильного проявления к январю 1910 г., когда был созван «объединительный» пленум Ц. К. Р.С.-Д.Р.П. Как Ленин, так и Плеханов сходились в это время на том, чтобы организационно оформить и закрепить «союз наиболее сильных и влиятельных фракций». Но этот план был сорван большевиками-примиренцами, которые настояли на включении в рамки общего «соглашения» как голосовцев, так и впередовцев. После пленума Ц. К. меньшевики-партийцы вели борьбу вместе с большевиками-ленинцами против ликвидаторов, которые тут же начали взрывать единогласно утвержденное «соглашение». Заграничные группы меньшевиков-партийцев осудили отказ русских ликвидаторов войти в состав русского бюро Ц. К. и высказались за немедленное закрытие фракционного «Голоса Социал-Демократа». Плеханов стал сотрудничать в Центральном Органе партии и принял участие в совещании по поводу организации большевистской «Рабочей Газеты» (см. примечание 199). Через некоторое время меньшевики-партийцы высказались против организационного оформления своего союза с большевиками-ленинцами. Вместе с тем они не прекращали своей борьбы

с ликвидаторами, стремясь, таким образом, закрепить за собою позицию «нейтральности» и «внефракционности». В середине 1911 г. заграничные меньшевики-партийцы ответили отказом на приглашение Российской Организационной Комиссии (созданной по инициативе большевиков на июньском 1911 г. совещании заграничных цекистов) принять участие в подготовке общепартийной конференции, тогда как русские их товарищи (киевские, бакинские) вошли в состав Р. О. К., первое заседание которой прошло под председательством меньшевика-партийца Я. Соколина («Михаила»). Но они ответили отказом также и на приглашение ликвидаторского З. Б. Ц. К. принять участие в совещании по поводу подготовки ликвидаторской конференции, мотивируя его нежеланием участвовать в «межфракционной склоке» и выдвигая со своей стороны предложение о созыве «единой конференции в целях восстановления партийной организации и упрочения партийного единства». Провозгласив лозунг «генерального межевания», Плеханов впоследствии добавлял, что «размежевание размежеванию — рознь: одно дело то размежевание в плоскости идей, которое проповедуем давно мы, меньшевики-партийцы, а иное дело то размежевание в плоскости организации, которое совершено было породившим Техническую Комиссию «совещанием членов Ц. К.»». Одобряя II парижскую группу содействия Р. С.-Д. Р. П. (большевистскую) за то, что она «терпеть не может ликвидаторов», Плеханов вместе с тем приписывал большевикам раскольническую политику, которая является «одним из способов ликвидации Р. С.-Д. Р. П.» (см. «Дневник Социал-Демократа» № 15, стр. 22). На почве отрицательного отношения к «расколам» и в стремлении «объединить», «примирить» и узаконить различные оттенки в партии, Плеханов приблизился к большевикам-примиренцам. Пражскую конференцию в январе 1912 г. меньшевики-партийцы встретили бранью, выступив против нее вместе с ликвидаторами-голосовцами, троцкистами, бундовцами, впередовцами, большевиками-примиренцами и др. Кроме того, 27 марта 1912 г. Плеханов обратился письменно к секретарю Международного Социалистического Бюро Гюисмансу с просьбой о вмешательстве в дела Р. С.-Д. Р. П., чтобы предотвратить раскол, якобы, предпринятый «ленинским центром». В апреле 1912 г. оформился союз меньшевиков-партийцев с большевиками-примиренцами путем создания «нефракционного», «объединительного» органа — «За Партию», в редакцию которого в разное время входили: от большевиков-примиренцев — М. К. Владимиров («Лева»), А. И. Любимов («Марк») и А. С. Лозовский; от меньшевиков-партийцев — Плеханов, Раппопорт, Бабин и Дневницкий. Выдвигая перед собою задачу борьбы с ликвидаторами и с большевиками-ленинцами, редакция «За Партию» вместе с тем указывала, что «партия не может игнорировать» того факта, что за ликвидаторами «целый ряд партийных организаций и течений». Уклонение меньшевиков-партийцев в сторону ликвидаторов впоследствии нашло новое выражение в тех переговорах, которые вел Плеханов с Ю. Лариным в Нерви (Италия). Сообщая Ю. О. Мартову об этих переговорах, Л. Д. Троцкий в мае 1912 г. писал: «Насчет Плеханова Ларин писал нам то же самое: Плеханов (он имел с ним в Нерви большой разговор) согласен мириться с ликвидаторами через Брюссель, т.-е. опять-таки обнять по этапу. Что это значит? Выходит, будто ему нужно лишь как-нибудь округлить свое отступление от «анти-ликвидаторства»? Мне кажется, ликвидаторам следовало бы официально поддержать эту инициативу, несмотря на ее комический характер». В мае 1914 г. Плеханов начал издавать в Петербурге совместно с большевиками-примиренцами «марксистскую рабочую газету» «Единство», направленную, главным образом, против «организованных марксистов», т.-е. большевиков-ленинцев. После объявления мировой войны в 1914 г. Плеханов вошел вместе с эсерами в патриотическую организацию «Призыв». — 105.

[66]) В «Vorwärts'е» № 151. 1 июля 1908 г., в отделе «Из партии», за

подписью Ф. Дана, от имени редакции «Голоса-Социал-Демократа» было напечатано, датированное 26 июня 1908 г., следующее заявление: «В издании Дитца вышел немецкий перевод книги товарища Череванина — «Пролетариат и русская революция». Приветствуя эту первую попытку дать немецким читателям систематическое изложение взглядов социал-демократической «меньшевистской» фракции, к которой мы и товарищ Череванин принадлежим, мы все же вынуждены, во избежание возможных недоразумений, опубликовать следующие строки: стремление подвергнуть глубокой критике обычные в русской социал-демократии представления о соотношении классов в русской революции, вызвавшие вначале столько иллюзий, а потом столько разочарований, — это стремление, которое руководило товарищем Череваниным в его работе, свойственно всей меньшевистской фракции, как правильно указано в предисловии издательства. Но мы должны констатировать, что метод, избранный товарищем Череваниным, привел его к выводам, которые, насколько нам известно, не разделяет большинство меньшевиков. Благодаря этому методу, товарищ Череванин склонен объяснять весь ход русской революции и все ее поражения ошибками, совершенными пролетариатом, при чем, движение пролетариата он изолирует от всей окружающей социальной среды. Следует еще прибавить, что целый ряд видных русских революционеров той же фракции, к которой принадлежит и товарищ Череванин, в своих трудах, посвященных анализу русской революции, приходят к совершенно другим выводам, и что товарищ Череванин сам, в своей недавно вышедшей книге — «Современное положение и возможное будущее» — заявляет о своем убеждении в том, что невозможно объяснить поражение революции только ошибками пролетариата и что в основе этого поражения лежат более глубокие причины». — 106.

[67]) Речь идет о статье А. Н. Потресова «Эволюция общественно-политической мысли в предреволюционную эпоху» в I томе «Общественного движения в России в начале XX века», стр. 538 — 640 (подробно см. примечание № 38). — 106.

[68]) Факты ликвидаторства приведены в статье «Всероссийская конференция Р.С.-Д.Р.П.», напечатанной в «Пролетарии» №№ 42 и 43, 25 (12) февраля и 6 марта (21 февраля) 1909 г. (Глава II. «Отчеты и прения по ним»). Статья написана Г. Е. Зиновьевым, издана отдельной брошюрой вместе с резолюциями конференции, под заглавием: «Всероссийская конференция Рос. Соц.-Дем. Рабочей Партии (в декабре 1908 года)». Издание газеты «Пролетарий». Paris, 1909 г. (Подробно см. примечания №№ 1 и 14.) — 106.

[69]) Так называлась статья Мартова, предназначавшаяся для газеты «Крамола», издание которой меньшевики подготовляли после II Съезда Р.С.-Д.Р.П. Как известно, это предприятие не было осуществлено. Статья Мартова, в несколько переделанном виде, сначала была отпечатана на гектографе, а потом помещена передовой, под заглавием: «Наш Съезд», в № 52 меньшевистской «Искры», 8 декабря (25 ноября) 1903 г. — 107.

[70]) Речь идет о размежевании среди меньшевиков в Москве, принявшем особенно резкие формы к концу 1908 г. В декабре этого года в № 7 «Рабочего Знамени» было опубликовано письмо Алексея Московского (А. Хундадзе), в котором он по поручению сторонников меньшевистского течения, работавших в Московской организации, отмежевывался от «образовавшейся группы интеллигентов, которая под флагом работы в легальных учреждениях пролетариата ведет борьбу против Российской Социал-Демократической Рабочей Партии». Позднее это письмо было перепечатано в «Социал-Демократе» № 2, 23 (10) февраля 1909 г., в сопровождении приписки от редакции, приветствующей выступление Алексея Московского. Совершенно иначе откликнулся на него заграничный меньшевистский центр: в «Голосе Социал-Демократа» № 12, март 1909 г., была

помещена неподписанная статья «По поводу конференции Р.С.-Д.Р.П.», в которой указывалось, что, «по нашему мнению, обнаруживают большую непродуманность те меньшевики, которые поддаются на большевистскую удочку и, вместо того, чтобы объединять все социал-демократические силы, где бы они ни действовали на почве принципиального единства и положительной работы, стремятся поскорее «размежеваться» со своими единомышленниками из-за более или менее оптимистического взгляда на дальнейшие судьбы нынешней партийной организации (см., например, письмо т. Алексея Московского в «Рабочем Знамени»)». Чем дальше, тем глубже шло размежевание среди меньшевиков: в № 44 «Пролетария», 21 (8) апреля 1909 г., была напечатана корреспонденция из Москвы «Раскол среди меньшевиков», сообщавшая о собрании «группы меньшевиков, работающих в организации», на которое явились представители легалистского течения. Они заявили протест против письма Алексея Московского в «Рабочем Знамени» и внесли ультимативную резолюцию, отвергающую обвинение в том, «что группа под флагом борьбы в легальных организациях ведет борьбу против партии». Собрание подвергло резкой критике эту резолюцию и указало, что письмо Алексея Московского было принято рабочими меньшевиками в Замоскворецком и Лефортовском районах. После этого легалисты ушли, заявив, что их группа не находит для себя возможным вести совместную деятельность с «меньшевиками, работающими в организации» и что они, как идейные противники, начнут «последовательную борьбу во всех рабочих организациях». — 107.

[71]) В «Голосе Социал-Демократа» № 15, июнь 1909 г., Ленин имеет в виду статью «Как вести новую партийную работу?», за подписью С. («Сильва», Сильвестр Джибладзе). Говоря об этой статье, А. С. Мартынов писал, что ее автор «несомненно, идет дальше нас», т.-е. редакции «Голоса». П. Б. Аксельрод, наоборот, находил, что «С. только толково повторяет и излагает «Доклад Кавказской делегации» и вообще то, что по этому вопросу писалось неоднократно в «Голосе Социал-Демократа»». (См. «Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова». Русский революционный архив. Берлин. Том I, стр. 196.) Г. В. Плеханов подверг эту статью резкой критике в «Дневнике Социал-Демократа» № 9, август 1909 г. (см. «Оппортюнизм, раскол или борьба за влияние в партии?», стр. 2 — 16). Ленин рассмотрел статью С. в связи с критикой ее, данной Плехановым, в «Пролетарии» № 47 — 48, 18 (5) сентября 1909 г., в статье «Разоблаченные ликвидаторы» (см. настоящий том, стр. 130).

В «Откликах Бунда» № 2, июль 1909 г., Ленин имеет в виду статью «Как изжить партийный кризис», за подписью И-ов (Ионов — Ф. М. Койген). Впоследствии Ленин не возвращался к этой статье на страницах «Пролетария».

«*Отклики Бунда*» — непериодический орган Заграничного Комитета Бунда, выходил в Женеве с марта 1909 г. по февраль 1911 г., всего вышло 5 номеров. В редактировании принимали участие следующие члены З. К. Б.: Ф. М. Койген («И-ов», «Ионов», «Таубе»), Н. Левинсон (Вл. Косовский), Вл. Медем (М. Виницкий), М. Я. Фрумкина («Эстер») и Франц (Курский). Сотрудничали: Х. Я. Гельфанд («Галеви», «Литвак»), Р. Абрамович («М. Абр.»), Айзенштадт («Ю. Дин», «Юдин») и др. Как во внутрипартийной борьбе, так и по своей общеполитической концепции «Отклики» представляли собою подголосок меньшевистского «Голоса Социал-Демократа». — 110.

[72]) М. Н. Лядов написал письмо в редакцию «Пролетария» 19 (6) июля 1909 г., т.-е. вскоре после Совещания расширенной редакции, решения которого «резко расходились с его принципиальной позицией и глубоко возмущали его представления о товарищеской и революционной этике». В этом письме он заявлял следующее: «1) Я слагаю с себя всякую моральную и идейную ответственность за деятельность вновь сложивше-

гося идейного центра большевиков, 2) впредь ничего общего с редакцией «Пролетария» не имею и сотрудником этого органа не состою и 3) освобождаю себя от всякой фракционной дисциплины, поскольку хранителем этой дисциплины является теперешняя редакция «Пролетария»». Письмо было напечатано в № 46 «Пролетария», 24 (11) июля 1909 г., в сопровождении настоящего ответа Ленина «От редакции». — 111.

[73]) Николай II выехал в Стокгольм 25 (12) июня 1909 г. За месяц перед тем, т.-е. 25 (12) мая 1909 г., в Государственную Думу был внесен за подписью 73 депутатов запрос «по поводу организации Союзом русского народа при содействии чинов полиции боевых дружин и участия названного союза в подготовлении и совершении ряда преступлений». В этом заседании Думы спешность запроса была отклонена, и принято постановление заслушать доклад по поводу запроса 29 (16) мая. Но на самом деле доклад был заслушан только 9 июня (27) мая. В прениях выступил социал-демократический депутат Е. П. Гегечкори, который, говоря о преступлениях Союза русского народа, заявил: «Кто хочет бороться с союзом и наемными убийцами, кто хочет бороться с беззаконностью, царствующей в России и в русской жизни, кто хочет обновить Россию, тот должен бороться с источником заразы и отравы. И вот, только при такой постановке вопроса возможно добиться чего-либо, и мы убеждены, господа, что только тогда, когда исчезнет тот строй, который питает господ Дубровиных, Марковых и других, только тогда, когда рухнет самодержавие, когда рухнет монархия и на этой почве»... На этом месте речи председательствовавший кн. Волконский прервал Е. П. Гегечкори и потребовал от него взять последние слова обратно (см. Стенографический отчет, III созыв, II сессия, часть IV, стр. 2251 — 2263). — 113.

[74]) Манифест Международного Социалистического Бюро о поездке русского царя в Европу был опубликован полностью и отдельными выдержками во многих органах социалистических партий разных стран (см., например, «Vorwärts» № 142, 22 июня 1909 г.). В русской нелегальной социал-демократической литературе манифест был перепечатан в купюрах только в «Голосе Социал-Демократа» № 15, июнь 1909 г., в статье «Две поездки». — 113.

[75]) Цитата из передовой статьи (без подписи и заглавия) в № 1099 «России», 6 июля (23 июня) 1909 г.

«Россия» — ежедневная полицейски-черносотенная газета, начала издаваться фон-Брискорном в 1905 г. Впоследствии перешла к А. А. Животовскому. С 1906 г. (при П. А. Столыпине) стала официозом министерства внутренних дел. Издание прекратилось в 1914 г. — 114.

[76]) Речь идет о приглашении читать лекции, с которым Совет Каприйской школы, по настоянию слушателей, обратился к М. К. Владимирову («Леве») и И. Ф. Дубровинскому («Иннокентию»). Оба ответили отказом по принципиальным соображениям, указав на то, что школа является прикрытием для центра новой фракции, и рекомендовали слушателям переехать в Париж. — 116.

[77]) Ленин имеет в виду книгу Станислава Вольского (А. В. Соколова) «Философия борьбы. (Опыт построения этики марксизма)», Москва, 1909. О «Рабочем Знамени» и статье «Рабочего» (отзовиста) см. примечание 16. В ответ на эту статью в «Рабочем Знамени» № 7, декабрь 1908 г., было напечатано «Письмо партийного работника» (перепечатано в «Пролетарии» № 42, 25 (12) февраля 1909 г.). Говоря о плане перестройки партийной организации, выдвинутом «Рабочим» (отзовистом), автор «Письма» констатировал: «По существу так же рассуждают анархисты, которые полагают, что революцию можно «начать» или «возродить» в произвольно выбранный ими момент». — 119.

[78]) Комиссия содействия думской социал-демократической фракции была организована в Париже летом 1909 г. с участием большевиков и

меньшевиков (секретарем был Н. А. Семашко). Комиссия была разделена на следующие подкомиссии: 1) по социальному страхованию — Н. А. Семашко, М. Ф. Владимирский, А. С. Лозовский, Суров и Сережников; 2) по закону о стачках—Г. Е. Зиновьев, Ф. И. Дан, Л. Б. Каменев и Б. И. Горев-Гольдман; 3) по 8-мичасовому рабочему дню — Ленин и Ю. О. Мартов. Большевики выработали несколько законопроектов (Ленин — о 8-мичасовом рабочем дне (см. настоящий том, стр. 224), Семашко — о социальном страховании и др.), но вследствие обостренной фракционной борьбы и саботажа меньшевиков они остались без движения. — 121.

[79]) В Париже в это время выходили следующие 3 социал-демократические русские газеты: 1. «Социал-Демократ» — Центральный Орган Р. С.-Д. Р. П. (см. примечание № 15), 2. «Пролетарий»—орган фракции большевиков (см. примечание № 3) и 3. «Голос Социал-Демократа»—орган фракции меньшевиков (см. примечание № 35). — 121.

[80]) Борьба партийных и ликвидаторских элементов в Бунде обозначилась еще в 1907 г. В течение долгого времени бундовцы скрывали наличие этой борьбы, и только на Декабрьской 1908 г. Общепартийной конференции Р. С.-Д. Р. П. впервые заговорили о ней открыто. Большинство Ц. К. Бунда в этот период составляли партийные элементы, боровшиеся за поддержку и укрепление уцелевших подпольных организаций. Вместе с тем, по ряду крупнейших вопросов с.-д. политики и тактики они разделяли точку зрения меньшевиков-голосовцев. Во главе бундовцев-партийцев стояли Ф. М. Койген (Ионов) и И. Л. Айзенштадт (Юдин); ликвидаторские элементы возглавлялись Р. А. Абрамовичем и М. И. Гольдманом (Либером).

Ликвидаторские настроения проникли и в среду латышской социал-демократии: здесь борьба между партийными и ликвидаторскими элементами развернулась после III съезда партии, в конце 1908 г. На этом съезде, под влиянием интеллигентской верхушки, партией был сделан определенный крен в сторону легализма; Ц. К. и Ц. О. партии перешли фактически в руки ликвидаторов, во главе с Фр. Мендерсом, К. Элиасом и Цинисом. В начале и середине 1909 г. в «Цине» («Zihn'a») уже не появлялись более статьи против ликвидаторов, а Ц. К. социал-демократии Латышского Края выпустил даже особое письмо к заграничным группам, в котором явно поддерживал ликвидаторов в заграничных организациях Р. С.-Д. Р. П. Однако большинство латышской социал-демократии, прежде всего, ее рабочие организации остались верными лозунгам революционной, классовой борьбы. Так, например, в конце июля 1909 г. в Риге состоялась общегородская конференция, на которой по вопросу о деятельности социал-демократов в легальных организациях единогласно была принята анти-ликвидаторская резолюция, целиком совпадающая со взглядами большевиков. Тем самым было положено начало кампании против ликвидаторов в пределах Латышского Края. А немного позднее за границей появился новый латышский социал-демократический орган—«Вестник Социал-Демократии» («Sozialdemokratijas Wehstnesis»), как выразитель взглядов ортодоксального большинства партии. Во главе революционных социал-демократов Латышского Края стояли: Ленцман, Юргенс, Аусеклис, Эйхе, Я. Берзин-Винтер и др.

Борьба польской социал-демократии против П. П. С. достигла наибольшего обострения после раскола П. П. С. на две части: «революционную фракцию» (правое крыло, отстаивавшее социал-национализм старой П. П. С.) и «левицу», частично ставшую на социал-демократическую точку зрения. Под влиянием «объединительных» настроений среди пэпээсовских рабочих в порядок дня X съезда «левицы» в начале 1908 г. был поставлен вопрос об объединении социалистических организаций в Польше. После съезда меньшевистский «Голос Социал-Демократа» стал усиленно пропагандировать мысль о необходимости скорейшего объединения польской социал-

демократии с «левицей» П. П. С., которая по своей программе, якобы, совсем и бесповоротно перешла на позиции социал-демократии. Но VI-й съезд польской социал-демократии в декабре 1908 г. совершенно иначе подошел к решению этого вопроса. Съезд постановил неуклонно разоблачать и бичевать анархистскую тактику и социал-национализм «революционной фракции» и в то же время подвергать систематической принципиальной критике половинчатую позицию «левицы», призывая ее действительно и бесповоротно стать на точку зрения польской социал-демократии, чтобы таким образом завершить долголетний процесс объединения всех сил польского социалистического пролетариата (см. «Пролетарий» № 43, 6 марта (21 февраля) 1909 г., «VI съезд социал-демократии Польши и Литвы»). На почве этих решений польская социал-демократия продолжала свою борьбу в дальнейшем как с «правицей», так и с «левицей» П.П.С.

О расколе в меньшевизме, выступлении Г. В. Плеханова с «Дневником» и попытках создания «революционного меньшевизма» см. примечания №№ 14, 38, 65 и 86. — 122.

[81]) Свое «Открытое письмо» Исполнительная Комиссия Московского окружного комитета Р. С.-Д. Р. П. отправила для опубликования в редакцию «Пролетария» 30 (17) августа 1909 г. в связи с тем, что к тому времени совершенно ясно обнаружился фракционный характер Каприйской школы. Обеспокоенная за политическую позицию слушателей, делегированных Московской окружной организацией, и не получая от них никаких сведений,—Исполнительная Комиссия решила напомнить им этим письмом об их обязательстве поддерживать тесную связь с М.О.К. и потребовала полного отчета о деятельности школы и объяснений: «сами ли они нарушают директивы пославшей их организации или поставлены в невозможность сноситься с ней». В состав Исполнительной Комиссии М.О.К. тогда входили: секретарь М.О.К. З. В. Золотова («Лидия Андреевна»), Ф. А. Кукушкин («Федор Иванович», «Сергей Лебедев»— впоследствии оказался провокатором) и В. И. Орлов («В. Ершов», «Роза Фальк»); четвертый член—Е. Г. Парфенов («Семен») незадолго до того был арестован. Вопрос о посылке слушателей в Каприйскую школу был решен на конференции Московской окружной организации 11 июля (28 июня) 1909 г. Считаясь с фактом организации Каприйской школы, конференция постановила командировать в нее трех членов (рабочих) окружной организации и потребовать, чтобы «фактический контроль над школой был передан в руки Большевистского Центра с тем, чтобы, если он найдет возможным, передать заведывание школой общепартийному центру». По предложению делегатов районных организаций было принято дополнение: окружная организация «желала бы видеть школу общепартийной». Во исполнение этого постановления на о. Капри были посланы: В. Е. Люшвин («Пахом», «Казимир») и А. С. Романов («Иван», «Аля Алексинский»).

«Открытое письмо» И. К. М. О. К. было опубликовано в № 47—48 «Пролетария», 18 (5) сентября 1909 г., в сопровождении настоящего примечания Ленина «От редакции». — 124.

[82]) В феврале 1908 г. Саратовская судебная палата приговорила к 6 месяцам тюремного заключения депутата III Государственной Думы от гор. Петербурга и члена Ц.К. кадетской партии А. М. Колюбакина за то, что он, будто бы, в августе 1906 г. на Саратовском губернском съезде кадетской партии в своей речи призывал к неплатежу податей и к недаче рекрутов. На этом основании в мае 1909 г. Государственная Дума тайным голосованием, большинством 192 голосов против 143, исключила Колюбакина из своего состава. Вследствие этого 4 октября (21 сентября) 1909 года в Петербурге были назначены дополнительные выборы. От кадетской партии кандидатом был выставлен Н. Н. Кутлер, а от

Р.С.-Д. Р. П. — адвокат Н. Д. Соколов, примыкавший к большевикам. — 125.

[83]) Цитата из передовой статьи «Речи» № 208, 14 (1) августа 1909 г. — 126.

[84]) «Оппозиция его величества» — выражение П. Н. Милюкова. В своей речи на завтраке у лорд-мэра Лондона 2 июля (19 июня) 1909 г. он заявил: «пока в России существует законодательная палата, контролирующая бюджет, русская оппозиция останется оппозицией Его Величества, а не Его Величеству» (см. в «Речи» № 167, 4 июля (21 июня) 1909 г., корреспонденцию—«Русские депутаты в Англии»). — 127.

[85]) Цитата из заметки «К выборам в Государственную Думу» (см. «Речь» № 220, 26 (13) августа 1909 г.). Курсив в цитате принадлежит Ленину. — 129.

[86]) Ленин имеет в виду статью Г. В. Плеханова «Оппортюнизм, раскол или борьба за влияние в партии?» в № 9 «Дневника Социал-Демократа», август 1909 г., посвященную разбору статьи С. Джибладзе («С.», «Сильва», «Сильвестр») «Как вести новую партийную работу?», которая была напечатана в «Голосе Социал-Демократа» № 14, июнь 1909 г.

«Дневник Социал-Демократа» — непериодический орган Г. В. Плеханова, начал выходить с марта 1905 г. по 1916 г., выходил с большими перерывами (иногда в несколько лет), всего вышло 17 номеров: в 1905 г. — 4 номера, в 1906 г.—4 (5—8), в 1909—1 (9), в 1910 г.—4 (10—13), в 1911 г. — 2 (14—15), в 1912 г. — 1 (16), в 1916 — номер первый и единственный. «Дневник» издавался сначала в Женеве, затем в Петербурге, потом снова в Женеве и, наконец, опять в Петербурге (Петрограде). Плеханов предпринял это издание после Женевской конференции меньшевиков, заседавшей одновременно с III Съездом Р. С. - Д. Р. П., вследствие разногласий с меньшевиками.

Возобновление издания «Дневника» в августе 1909 г. было вызвано разрывом Г. В. Плеханова с «голосовцами».

В 1916 г. в Петрограде вышел легально № 1 «Дневника», целиком проникнутый оборончеством и социал-шовинизмом.

Начиная с 10 номера, в «Дневнике» некоторое время сотрудничали: Вал. Фомин («Ольгин», «Чернов»), Ф. О. Цедербаум («П.», «Дневницкий») и др. — 130.

[87]) Письмо меньшевиков Выборгского района целиком приведено в статье «Похмелье легалистов», напечатанной в «Пролетарии» № 45, 26 (13) мая 1909 г., и в № 14 «Голоса Социал-Демократа», май 1909 г., с «Примечанием от редакции», солидаризирующимся с письмом. В «Приложении» к № 16 «Голоса Социал-Демократа» был напечатан составленный уже в совершенно другом духе «Ответ товарищам - выборжцам» (автор: «Г-г», т.-е. В. О. Цедербаум-Левицкий), с эпиграфом: «Избави нас, боже, от таких друзей, а от врагов мы и сами избавимся». В том же самом «Приложении» к № 16 «Голоса Социал-Демократа», в качестве передовой, была напечатана статья «По поводу организационной «дискуссии»», в которой делается попытка сгладить противоречие между «Примечанием от редакции» к письму выборгских меньшевиков в № 14 «Голоса Социал-Демократа» и упомянутым выше «Ответом». — 130.

[88]) *«Правда» (Венская)* — «нефракционная» газета, орган троцкистов, выходила сначала во Львове, а потом в Вене с 16 (3) октября 1908 г. по 6 мая (23 апреля) 1912 г., всего вышло 25 номеров. Основана группой заграничных членов Главного Комитета Украинской областной организации Р. С. - Д. Р. П. — «Спилки». При подготовке издания «Правды» заграничный член Главного Комитета «Спилки» М. Меленевский (Басок) пригласил в состав редакции Л. Д. Троцкого, мотивируя это приглашение тем, что большинство членов Главного Комитета в 1906 г., в разгар аграрного движения, стояло на точке зрения перманентной революции, и тем,

что «Спилка» не имела определенного фракционного направления. Троцкий принял приглашение и привлек к участию в газете своих единомышленников: С. Ю. Бронштейна (Семковского) и А. А. Иоффе (Крымского), а в дальнейшем на страницах «Правды» иногда выступал и Парвус (А. Л. Гельфанд). Первые два номера вышли в качестве органов «Спилки»; с третьего номера этот подзаголовок был снят, вследствие протеста со стороны ряда членов Главного Комитета и местных организаций «Спилки». 16 (3) мая 1909 г. редакция добилась от Ц. К. Р. С. - Д. Р. П. признания ее партийной группой, издающей рабочую газету. В передовой статье первого номера — ««Правда» — своим читателям» — редакция обещала во всей своей дальнейшей деятельности «стоять на той точке зрения, что *над всеми разногласиями мнений и фракций* должен стоять общий и обязательный для всех принцип (закон): единство классовой борьбы». Обращаясь к Ц.К. за формальным утверждением в качестве партийной группы, редакция «Правды» заявляла, что «цели и задачи газеты остаются те же, что и в первых номерах». Но вскоре из-под мнимой «нефракционности» выступила действительная позиция «Правды», поскольку она объявила борьбу против «генерального межевания» с ликвидаторами справа и слева, взяв последних тем самым под свою защиту. Поэтому, уже по выходе четвертого номера «Правды», Ф. И. Дан в цитируемой здесь Лениным статье «К вопросу о популярном органе и партийной литературе» (в № 15 «Голоса Социал-Демократа», июнь 1909 г.) писал: «Практически организационная пропаганда последнего, четвертого, номера «Правды» составляет не что иное, как пересказ взглядов, неоднократно уже формулированных «Голосом Социал-Демократа» и кавказской делегацией на последней конференции. И, конечно, нам может быть только приятно, если популярное издание и установившаяся за редакцией «Правды» репутация «внефракционности», предохраняющая ее от нелепых и заведомо недобросовестных обвинений в «ликвидаторстве», облегчат более широкому кругу партийных товарищей усвоение наших организационных взглядов... Мы первые порадуемся, если «Правде» удастся популярнее, доступнее излагать наши общие взгляды, чем это удалось или удается нам». Прикрывая ликвидаторство справа, «Правда» не скрывала своего сочувствия и к ликвидаторству слева, т.-е. отзовизму и ультиматизму, а впоследствии — впередовству. Так, например, организованная отзовистами Каприйская школа была объявлена «Правдой» безусловно «партийной», а в Болонской школе Троцкий был одним из руководителей занятиями. Январский 1910 г. пленум Ц.К. Р.С.-Д.Р.П. постановил, вопреки мнению Ленина, оказать «Правде» материальную поддержку в виде ежемесячной субсидии в 400 франков и предпринял меры к установлению с нею организационной связи, командировав в состав редакции своего представителя в лице Л. Б. Каменева, разделявшего в это время примиренческие взгляды. С самого начала члены редакции (Басок, Крымский, Семковский и Троцкий) всячески препятствовали проведению в жизнь решений пленума Ц. К. Когда Каменев поставил вопрос об открытом выступлении «Правды» против ликвидаторов, отказавшихся войти в русское бюро Ц. К., против «Голоса Социал-Демократа», продолжавшего выходить вопреки решению пленума Ц. К. и защищавшего русских ликвидаторов, против отзовистов и ультиматистов, срывавших объединение и консолидацию партии, — редакция отказалась занять рекомендуемую ей позицию. Начались непрерывные конфликты и трения между редакцией и представителем Ц. К., которые привели к разрыву. В конце июня 1910 г. редакционное большинство предложило для № 14 «Правды» (вышел 7 июля) статью «Письмо «Правды» к мыслящим рабочим», в которой ликвидаторство и отзовизм квалифицировались, как неопределенные «настроения» в партии, как своего рода «политический нигилизм», овладевший «всей партией» и всеми фракциями. Каменев решительно высказался против напечатания этой

статьи, тем более в качестве редакционной, и предложил свои тезисы для новой статьи на ту же тему, но в духе решений пленума Ц. К. Большинство редакции отклонило эти тезисы, заявив, что не видит никаких оснований для пересмотра и изменения предложенной статьи. Тогда Каменев предложил включить в статью, хотя бы в виде дополнения, лозунг о борьбе с ликвидаторством и отрицанием необходимости использования легальных возможностей. Это предложение в свою очередь было отклонено. После того как редакция отклонила предложение Каменева изменить состав редакции в соответствии с решением пленума, Каменев подал в редакцию заявление о том, что «при ненормальных условиях работы редакции «Правды», обнаружившихся в связи с статьей в № 14 («К мыслящим рабочим»), дальнейшая работа в редакции представителя Ц. К. невозможна, (см. № 16 «Правды», 6 октября (24 сентября) 1910 г.), и потому он вынужден выйти из состава редакции. Спустя несколько времени, т.-е. 23 (10) августа, редакция «Правды» задним числом вынесла постановление, в котором обвиняла представителя Ц. К. в стремлении превратить «Правду» из «нефракционной» партийной рабочей газеты в орган узко-фракционной борьбы в интересах большевиков. Продолжая по-прежнему прикрываться «внефракционностью», «Правда» Троцкого, превратившаяся в «частное предприятие», ревностно защищала ликвидаторов, объявляла ликвидаторское З. Б. Ц. К. «единственным общепартийным органом заграницей», поддерживала ликвидаторов в борьбе за «свободу коалиций» в форме петиционной кампании и т. д. Вместе с тем «Правда» выступала против большевиков, обвиняла «Рабочую Газету» во фракционности, участвовала в клеветнической кампании по поводу «держательских» денег, вела атаку против июньского 1911 г. совещания заграничных членов Ц. К., называя его «заговором заграничного кружка» и т. д. Наконец, «Правда» выступила в качестве инициатора и главного организатора августовского анти-партийного блока 1912 г. Порвав идейно-организационную связь с центральными учреждениями партии, лишившись материальной поддержки с их стороны и окончательно утратив доверие и популярность в рабочих массах, «Правда» прекратила свое существование 6 мая (23 апреля) 1912 г. на 25 номере.— 131.

[89]) Г. В. Плеханов назвал А. Н. Потресова «убежденным ликвидатором» в статье «Необходимая поправка», напечатанной в «Дневнике Социал-Демократа» № 9, август 1909 г.— 132.

[90]) Речь идет о статье Г. В. Плеханова «Нечто о выгодах «генерального межевания»», напечатанной в «Дневнике Социал-Демократа» № 9, август 1909 г., которая заканчивается приведенным здесь восклицанием. В цитируемом за этим восклицанием месте на 18 странице «Дневника» дословно сказано так: «нам пора отмежеваться от «ликвидаторов»». На стр. 19 та же мысль выражена следующим образом: ««Отмежевание», совершившееся в лагере большевиков, отворяет одну дверь для выхода из этого, по-истине, траги-комического положения; мы, меньшевики, должны отворить — другую, «отмежевавшись» от наших «ликвидаторов»». — 133.

[91]) Выражение Г. В. Плеханова в статье — «Оппортюнизм, раскол или борьба за влияние в партии?», напечатанной в «Дневнике Социал-Демократа» № 9, август 1909 г., стр. 15. В соответствующем месте этой статьи дословно говорится так: «Мое нынешнее положение несколько напоминает положение французского крестьянина XVIII века, который, говорят, не раз кричал: «Vive le roi sans la gabelle!» (Да здравствует король без соляного налога!). Так и я от всей души готов кричать: да здравствует меньшевизм без ликвидаторства, т.-е. революционный меньшевизм!»— 134.

[92]) Ленин имеет в виду статью Г. В. Плеханова «Нечто о выгодах «генерального межевания»», напечатанную в «Дневнике Социал-Демократа» № 9, август 1909 г.— 135.

[93]) В статье «Письмо рабочего», редактированной лидером московских отзовистов Станиславом Вольским (А. В. Соколовым), говорится: «Существование фракции стало как бы доказательством того, что революция похоронена, если не на словах, то, по крайней мере, на деле» («Рабочее Знамя» № 5). А. А. Богданов и Л. Б. Красин в листке «Отчет товарищам большевикам устраненных членов расширенной редакции «Пролетария»», прикрывая отзовизм, утверждали относительно разногласий отзовистов и анти-отзовистов, что здесь «дело не касается ни принципов революционного марксизма в целом,—ибо отзовисты никогда не высказывались в смысле анти-парламентаризма вообще, — ни того особого понимания русской революции, движущих ее сил и роли в ней различных классов, на котором объединилось и сорганизовалось все большевистское течение». — 149.

[94]) Г. А. Алексинский присутствовал на VI съезде польской социалдемократии в качестве гостя и выступил в прениях по докладу об «отношении к думской социал-демократической фракции». В своей речи он повторил обычную аргументацию «левых» большевиков против участия с.-д. в думской деятельности, требовал со стороны партии большей внимательности к доводам отзовистов и заявлял, что думская фракция — не кружок самообразования и поэтому нельзя ждать, пока она «научится» вести правильную с.-д. политику. Центральный Комитет должен предъявить фракции ультиматум: те социал-демократические депутаты, которые откажутся исполнять решения партийных съездов и директивы Ц. К., должны сложить свои полномочия. В заключение Алексинский огласил свою резолюцию. В защиту точки зрения Алексинского высказались только два делегата, со стороны же большинства она не встретила поддержки. Против Алексинского выступали А. Н. Малецкий, Ю. Ю. Мархлевский, К. Радек и Л. Тышко, квалифицируя выдвинутые им предложения, как «замаскированный отзовизм», как «нерешительный, трусливый отзовизм» (см. Sprawozdanie z VI Zjazdu Socjaldemokracji Krolestwa Polskiego i Litway. Krakow. Стр. 119 — 126). — 150.

[95]) Лидер московских отзовистов Станислав Вольский (А. В. Соколов) выпустил свою платформу в период обостренной дискуссии в конце 1908 и в начале 1909 г.г. по вопросу о текущем моменте и думской фракции. Эта платформа потом была включена в гектографированный сборник резолюций, изданный Исполнительной Комиссией Московского окружного комитета. Всего было выпущено 61 экземпляр, из них 1 экземпляр был дан М. П. Томскому для передачи в Большевистский Центр, но почему-то не дошел по назначению. Несмотря на настояния редакции «Пролетария», Исп. К. М. О. К. текста платформы ей не прислала (см. «платформу» в сборнике материалов «Годы реакции». Подготовлен В. И. Орловым. Москва, 1925. Стр. 170). — 151.

[96]) В состав Московского Областного Бюро Р. С.-Д. Р. П., о котором здесь говорит Ленин, тогда входили: Станислав Вольский (А. В. Соколов), М. Н. Лядов (Мандельштам) и В. М. Шулятиков. Вопреки директиве Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. об участии профессиональных союзов в I Всероссийском съезде фабрично-заводских врачей (см. примечание 62), Московское Областное Бюро этого состава приняло в марте 1909 г. резолюцию, в которой заявляло, что «приглашение, обращенное к профессиональным союзам со стороны фабрично-заводских врачей, является попыткой согласить интересы рабочих и предпринимателей», и рекомендовало «энергично агитировать в профессиональных союзах против участия пролетариата в предполагаемом съезде, выясняя весь вред подобных попыток, сводящихся к затушевыванию классовых противоречий и затемнению масс». Мотивировочная часть резолюции была принята единогласно, а директивная — большинством двух против одного (В. М. Шулятикова). — 152.

97) Речь идет о двух документах, относящихся к истории возникновения Каприйской школы. Первый документ представляет собою первоначальный проект организации школы, составленный Г. А. Алексинским в сентябре 1908 г. при участии некоторых членов Женевской группы содействия Р. С.-Д. Р. П. и посланный в редакцию «Пролетария». Этот проект предназначал школу *для заграничных* рабочих, имеющих поручительство от местных организаций, с тем, чтобы по окончании курса они были отправлены на работу в Россию. Второй документ представляет собою «Обращение» инициаторов школы к местным организациям, составленное Н. Е. Вилоновым («Михаилом»). Вилонов послал проект этого «Обращения» А. А. Богданову. Вместо того, чтобы подписать документ от имени своей группы и в такой форме послать в редакцию «Пролетария», Богданов направил его туда через В. Л. Шандера (Марата), сообщив, что автором является «Михаил». Таким образом, руководящий центр новой фракции прикрылся именем нефракционного работника, сравнительно недавно прибывшего из России и не принимавшего участия в заграничной фракционной борьбе. Большевистский Центр оставил оба эти документа без внимания. Вскоре после этого организаторы школы послали в Московский Комитет Р. С.-Д. Р. П. новое обращение, за подписью М. Горького и «Михаила» (Н. Е. Вилонова). — 156.

98) В статье «Нечто о выгодах «генерального межевания»», напечатанной в «Дневнике Социал-Демократа» № 9, август 1909 г., Г. В. Плеханов приводит цитату из отзовистского «Отчета товарищам большевикам» о борьбе внутри большевистской фракции и далее пишет: «Зная «жестоковыйность» наших товарищей большевиков, я легко представляю себе, что дело это шло не совсем гладко и оставило много горечи в сердцах тех, которые им занимались» (стр. 16). — 159.

99) Точную дату заседания Московского Комитета и текст резолюции, внесенной Ером (Ст. Вольским—А. В. Соколовым),—установить не удалось. Известно лишь, что в мае - июне 1909 г. шла наиболее острая борьба московских отзовистов против редакции и направления «Пролетария». К этому времени относится установление самых близких отношений между московскими отзовистами и венской «Правдой» Троцкого (см. одну из московских корреспонденций в № 5 «Правды», 3 октября (20 сентября) 1909 г.). — 160.

100) Ленин имеет в виду «Письмо в редакцию» В. Д. Кузьмина-Караваева, напечатанное под заглавием «Партийная кандидатура или индивидуальная?» в № 11292 «Биржевых Ведомостей», 15 (2) сентября 1909 г. В этом письме говорится: «В какой мере надо быть в состоянии партийного «ослепления», чтобы при таких условиях называть кого бы то ни было «партийным» кандидатом? Сколько надо иметь смелости, чтобы требовать от избирателя, дабы он уступил свое право самостоятельного и активного участия в выборах,—дабы он подчинился «партийным» решениям? При данных условиях существования нелегализованных партий никто, не исключая именуемых по прежней привычке руководителями, не может говорить иначе, как от своего имени».

О «ненужности» кандидатуры В. Д. Кузьмина - Караваева много говорилось на предвыборных собраниях и писалось в ежедневной прессе во время избирательной кампании. Так, например, на первом предвыборном собрании 19 (6) сентября 1909 г. П. Н. Милюков по поводу кандидатуры В. Д. Кузьмина - Караваева говорил следующее: «Но если бы беспартийный кандидат и способен был на роль примирителя, — нужен ли таковой?. Единственно, чем мог бы беспартийный кандидат содействовать сплочению оппозиции — это снять свою кандидатуру и не раздроблять ее сил» (см. «Речь» № 245, 20 (7) сентября 1909 г.). Наконец, прозвище «ненужного» кандидата В. Д. Кузьмин - Караваев получил в № 7 «Нового Дня», 13 сентября (31 августа) 1909 г., в котором были напечатаны

беседы с народным социалистом А. В. Пешехоновым и трудовиком М. Е. Березиным, под общим заглавием «Ненужная кандидатура В. Д. Кузьмина-Караваева».—168.

[101]) *«Новый День»* — еженедельная газета, начала издаваться в Петербурге со 2 августа (20 июля) 1909 г. под редакцией литературного критика Н. Я. Абрамовича и при участии меньшевика П. Берлина. За отсутствием подписчиков закрылась по выходе 3-го номера. Вскоре после этого по инициативе большевика И. П. Гольденберга (Мешковского) газета была перекуплена для обслуживания социал-демократической избирательной кампании (частичные выборы в III Государственную Думу). По полицейским условиям 4 и 5 номера вышли официально под редакцией Н. Я. Абрамовича, оставшегося формально издателем газеты. С № 6 редактором «Нового Дня» числился рабочий Ф. С. Панкин, а с № 13, кроме того, — издателем; фактическую редакцию составляли назначенные русским бюро Ц. К. Р.С.-Д.Р.П. И. П. Гольденберг (Мешковский) и Н. И. Иорданский, общее наблюдение за газетой лежало на А. И. Рыкове. Постоянное участие в редакционной работе принимали А. Ю. Финн-Енотаевский и К. Л. Вейдемюллер. Начиная с № 14, газетой руководила новая редакция: М. С. Ольминский, Ю. М. Стеклов и И. П. Гольденберг (Мешковский). В «Новом Дне» сотрудничали: А. С. Лозовский, В. Л. Львов-Рогачевский, В. Д. Бонч-Бруевич, О. А. Ерманский, Т. О. Белоусов, Ю. О. Мартов, Н. Г. Полетаев, Ленин и др. № 10 «Нового Дня» был конфискован за напечатание в нем в виде отрывного бланка избирательного бюллетеня, которым имелось в виду облегчить избирателям подачу голоса за социал-демократического кандидата Н. Д. Соколова. Газета закрыта на № 15, 26 (13) декабря 1909 г., за напечатание статьи «Крутой поворот», автором которой был М. С. Ольминский (Александров). За исключением двух последних номеров, «Новый День» далеко не был выдержанным социал-демократическим органом. Это обстоятельство нашло отражение в следующей заметке «От редакции» газеты «Пролетарий», напечатанной в № 47—48, 18 (5) сентября 1909 г.: «В следующем номере «Пролетария» или в особом приложении к настоящему номеру мы надеемся ознакомить читателя с теми обильными материалами о подготовке и ходе избирательной кампании в С.-Петербурге, которые уже начали притекать в редакцию (избирательная агитация, подвиги ультиматистов-максимовцев и успешная борьба с ними, отношение рабочих к ним и к ликвидаторским речам Н. И. Иорданского в «Новом Дне» о прелестях «законности и порядка» и т. д.)». Здесь имеется в виду статья Н. И. Иорданского «Без выхода», напечатанная в «Новом Дне» № 6, 6 сентября (24 августа) 1909 г. (см. примечание 105). За все время существования газеты Ленин дал, кроме настоящей, еще одну статью — «О «Вехах»» в последнем номере (см. настоящий том, стр. 217). — 168.

[102]) Упоминаемая здесь Лениным ультиматистская резолюция была принята Исполнительной Комиссией Петербургского Комитета Р. С.-Д. Р. П. в ночь на 22 (9) августа 1909 г. Вместо 8 членов на заседании присутствовали только 5 с решающим голосом, из которых 2 — секретарь П. К.— М. И. Хахарев и представитель Петербургского района «Михаил» (Юнгмейстер) — были ультиматисты, а третий решающий голос был предоставлен некоему «Василию» — тоже ультиматисту. Отсутствовали представители 3 районов, а присутствовавший на заседании представитель четвертого района—анти-отзовист—имел совещательный голос. Это обстоятельство и дало перевес ультиматистам. Доклад на заседании был сделан представителем Ц. К. — членом Большевистского Центра — А. И. Рыковым. Большинством 3-х голосов собрание отклонило предложенную им резолюцию и приняло ультиматистскую резолюцию, составленную «Михаилом» (Юнгмейстером). А. И. Рыков преднамеренно не вносил поправок, «чтобы получить возможно большую ультиматистскую глупость» (см. его письмо в

Б.Ц., опубликованное в № 9 (80) «Пролетарской Революции», 1928 г., стр. 170). — 170.

[103]) Такое заявление сделал на Совещании расширенной редакции «Пролетария» Марат (В. Л. Шанцер). — 170.

[104]) Автор цитируемого письма, присланного из Петербурга в редакцию «Пролетария», — Я. М. Свердлов («Андрей»). Дата письма не установлена. — 174.

[105]) Статья «Петербургские выборы» посвящена итогам избирательной кампании, напечатана (без подписи) в «Пролетарии» № 49, 16 (3) октября 1909 г. Возможно, что автором этой статьи был Ленин. Настоящее примечание направлено против статьи Н. И. Иорданского «Без выхода», напечатанной в «Новом Дне» № 6, 6 сентября (24 августа) 1909 г. Более подробно об этом см. в воспоминаниях Н. И. Иорданского «Как издавалась газета «Новый День»», опубликованных в журнале «Пролетарская Революция» № 6 (77) — 7 (78), 1928 г. — 179.

[106]) В своем «Введении» к книге К. Маркса «Борьба классов во Франции» Фр. Энгельс писал следующее: «Ирония всемирной истории все ставит на голову. Мы, «революционеры», «разрушители», мы несравненно более преуспеваем, пользуясь легальными средствами, чем при нелегальных средствах, непосредственно направленных к перевороту. Партии порядка, как они сами себя именуют, погибают от ими самими созданного легального положения. В отчаянии они кричат вместе с Одилоном Барро: la légalité nous tue! Законность нас убивает! Между тем как мы при этой законности приобретаем крепкие мускулы и румяные щеки и выглядим как вечная жизнь. А так как мы не столь безумны, чтобы в угоду этим партиям позволить заманить себя в уличную борьбу, то им, наконец, ничего другого не остается, как уничтожить эту самую роковую для них законность» (см. К. Маркс. «Собрание исторических работ: I. Борьба классов во Франции 1848 — 1850 г. II. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. III. Революция и контр-революция в Германии». Приложения: I. Ф. Энгельс. Введение к «Борьбе классов во Франции». II. К. Каутский. Предисловие к «Революции и контр-революции». Полный перевод с немецкого под редакцией и с примечаниями В. Базарова и И. Степанова. Издание С. Скирмунта. 1906 г. Стр. 428 — 429). Этот взгляд Фр. Энгельса получил особенно «распространительное» толкование во Французской социалистической партии и сыграл там большую роль в спорах между, так называемыми, «фанатиками догмы», сторонниками строго классовой политики, и «практическими политиками», пытавшимися в словах Энгельса найти оправдание для своей реформистской тактики. В письме к Полю Лафаргу 3 апреля 1895 г. Энгельс решительно протестовал против этого и заявил следующее: «X . . . . . . сыграл со мною ловкую шутку. Он взял из моего введения к работе Маркса о Франции 1848 — 1850 г.г. все то, что могло ему служить для подкрепления *любой ценой мирной непротивленческой тактики*, которую он с некоторого времени взялся проповедывать, и особенно в настоящий момент, когда в Берлине уже подготовляется исключительный закон. Но эту тактику я рекомендовал только для Германии наших дней и при том со всеми оговорками. Во Франции, Бельгии, Австрии никак нельзя следовать этой тактике в целом, и для Германии, может быть, уже завтра она будет неосуществимой». См. «Briefe von F. Engels über die französische Arbeiterpartei» («Письма Фр. Энгельса о французской рабочей партии») в № 14 «Die Neue Zeit», 2 января 1901 г., стр. 426. — 179.

[107]) В первой половине 1909 г. на почве практической работы и в борьбе за нелегальную партию наметилось сближение между большевиками-ленинцами и меньшевиками-партийцами. В связи с этим Ленин предложил редакции «Социал-Демократа» 2 или 3 ноября 1909 г. статью «О методах укрепления нашей партии и ее единства». Большинством голосов редакция

отклонила статью, как редакционную, предложив поместить ее за подписью автора. Тогда Ленин поставил на обсуждение редакции общий вопрос об укреплении партии и ее единства, огласив настоящий проект резолюции, за который голосовали Ленин и Л. Б. Каменев, против — Ю. О. Мартов и А. С. Варский, воздержался Г. Е. Зиновьев, перед тем принципиально голосовавший против принятия политической резолюции. В связи с отклонением статьи и резолюции, Ленин подал заявление о своем выходе из редакции «Социал-Демократа». 4 ноября 1909 г. Ленин потребовал опубликования в Ц. О. отклоненного проекта резолюции и своего заявления о выходе из редакции. Дело, однако, не дошло до опубликования этих документов, так как конфликт через день был ликвидирован и в редакцию поступило следующее заявление: «Сообщаем редакции Ц. О., что как т. Ленин свою резолюцию (о внутри-партийной организационной тактике), так т.т. Григорий (Г. Зиновьев. *Ред.*) и Каменев свою резолюцию (о помещении статьи Ленина или о желательности ее помещения) — снимают. Ввиду этого Ленин берет назад свое заявление о выходе из редакции Ц.О. Вместе с тем, мы, нижеподписавшиеся, голосуем за то, чтобы весь «инцидент», как основанный на недоразумении, считать nul et non avenu (исчерпанным, не имевшим места. *Ред.*). Париж, 5 ноября 09, Григорий, Ю. Каменев. Брюссель, 6 ноября 1909, Ленин. Брюссель, 6 ноября, А. Варский». — 180.

[108]) Речь идет о «Пролетарии», против которого ополчились отзовисты-ультиматисты. — 190.

[109]) Настоящее письмо было послано из Парижа в Петербург на имя И. П. Окулова для И. А. Теодоровича, сидевшего в то время в екатеринбургской тюрьме вместе с Я. М. Свердловым, в ответ на письмо Теодоровича Ленину 3 октября (20 сентября) 1909 г. Из Петербурга письмо Ленина было доставлено Теодоровичу в тюрьму. Когда Свердлов выходил на волю, Теодорович отдал ему это письмо с просьбой передать его Г. И. Окуловой. Но Свердлов не успел выполнить поручения Теодоровича, так как 27 (14) ноября 1910 г. у него был произведен обыск, сам он был арестован, а письмо захвачено полицией. Вследствие этого, полиция ошибочно заключила, что адресатом отобранного письма Ленина является Свердлов. Эта ошибка была повторена редакцией первого издания Собрания сочинений В. И. Ленина (см. том XI, часть 1, стр. 371). — 192.

[110]) После откола от большевистской фракции, отзовисты-ультиматисты с особенной настойчивостью продолжали «мутить» во всех важных промышленных центрах, где только они имели своих сторонников. В Петербурге им удалось даже провести свою резолюцию о работе думской фракции, которая, правда, вскоре была отменена (см. об этом в настоящем томе статью «Беседа с петербургскими большевиками», стр. 169).

В Одессе в это время заканчивалось восстановление разгромленной нелегальной партийной организации и предпринимались меры к изданию социал-демократической газеты. В комитет входили большевики — В. Деготь, Н. Шейман, Александр («Приказчик») и меньшевик-партиец А. Агеев. Уже на первых собраниях в районных организациях был поставлен вопрос об отношении к отзовизму, ультиматизму и ликвидаторству. В Пересыпском районе, бывшем до того оплотом большевизма, образовалась довольно сильная отзовистско-ультиматистская группа, во главе с Э. Белопольским (во время гражданской войны был расстрелян Колчаком в Красноярске). Группа имела сторонников в Дальницком районе. Выступая против какого бы то ни было использования легальных возможностей, одесские отзовисты-ультиматисты обвиняли Одесский комитет в меньшевизме, в «несоциал-демократичности» и в сползании к легализму. Борьба приняла настолько обостренный характер, что привела к отколу отзовистско-ультиматистской группы, которая заявила, что не желает «работать с кадетами», объявила себя «учредительной» группой и выпустила особый

листок с изложением своих взглядов. Об одесских событиях систематически информировал Ленина и Большевистский Центр секретарь Одесского комитета В. Деготь. — 192.

[111]) Л. Д. Троцкий обещал поехать преподавать в Каприйскую школу в одном из своих ответных писем на приглашение Школьного Совета. Уже в резолюции Совета партийной школы, от 26 августа 1909 г., было заявлено, что «школа обратилась с приглашением читать лекции к тем товарищам из всех оттенков партии, которые по своим занятиям могли бы взять на себя такое дело» (см. листок «К вопросу о партийной школе (четыре документа)». Издание партийной школы). Положительный ответ последовал лишь от некоторых приглашенных, в том числе от Л. Д. Троцкого, который намеревался читать в Каприйской школе лекции по газетному делу и современному моменту. Позже, однако, Троцкий отказался от поездки на Капри. — 195.

[112]) Рассуждения насчет «германских рельсов» упоминались, например, в «Письме из Петербурга», за подписью «Тр.» (возможно, что это был «Травин» — С. И. Гусев), напечатанном в № 50 «Пролетария», от 11 декабря (28 ноября) 1909 г. Ликвидаторы, рассуждавшие на эту тему, утверждали, что дворянство и буржуазия — не два разные класса, якобы, «выдуманные русской социал-демократией», а один буржуазный класс, организацией которого является царское самодержавие. Исходя из этих посылок, они объявили лозунг «диктатура пролетариата и крестьянства» совершенно утопическим, который «нужно выбросить вместе с демократической республикой, ибо русский поезд стал на германские рельсы».

Говоря о польской статье Л. Д. Троцкого, Ленин имеет в виду его статью «Затруднения внешние и внутренние», напечатанную в польском социал-демократическом журнале «Przeglad Sozjaldemokratyczny № 14—15, август 1909 г. Эта статья была перепечатана в «Социал-Демократе» № 7—8, 21 (8) августа 1909 г. (за исключением главы — «В третьей Думе»), под тем же названием и за подписью «Н. Троцкий». — 197.

[113]) Цитата из письма П. Н. Ткачева редактору журнала «Вперед», которое издано в апреле 1874 г. отдельной брошюрой, под названием — «Задачи революционной пропаганды в России». В цитируемом месте дословно говорится так: «Мы не допускаем никаких отсрочек, никакого промедления. *Теперь* или очень не скоро, быть может, *никогда!*» (стр. 16).—201.

[114]) Выступая с речью в заседании III Государственной Думы 18 (5) декабря 1908 г. в связи с обсуждением законопроекта «Об изменении и дополнении некоторых постановлений, касающихся крестьянского землевладения и землепользования (по указу 9 ноября 1906 г.)», П. А. Столыпин заявил следующее: «Но, главное, что необходимо, это, когда мы пишем закон для всей страны, иметь в виду разумных и сильных, а не пьяных и слабых... Правительство приняло на себя большую ответственность, проводя в порядке ст. 87 закон 9 ноября 1906 г., оно ставило ставку не на убогих и пьяных, а на крепких и на сильных» (Стенографический отчет. III созыв. II сессия, часть 1, заседание 27, стр. 2282). — 202.

[115]) В «Голосе Социал-Демократа» № 16 — 17, август-сентябрь 1909 г., была напечатана передовая статья «О «ликвидаторстве»» (без подписи, автором ее был Ю. О. Мартов). Листок «Ко всем товарищам» вышел в Париже. В листке помещены статьи: Н. Максимова (А. А. Богданова) «Не надо затемнять», «К истории партийной школы», «Благочестивая редакция» и А. В. Луначарского «Несколько слов о моем «богостроительстве»».—203.

[116]) В «Откликах Бунда» № 3, ноябрь 1909 г., имеется в виду статья Ю. Дина (И. Л. Айзенштадта) «К вопросу о нашей работе», в которой содержится специальная глава — «Ликвидаторские тенденции у меньшевиков». — 203.

[117]) Имеется в виду статья Л. Мартова—«Г. В. Плеханов против «организационного оппортунизма»» в «Голосе Социал-Демократа» № 16—17

август-сентябрь 1909 г., и статья Н. Максимова (А. А. Богданова) — «Не надо затемнять» в листке «Ко всем товарищам». — 205.

[118]) Ленин здесь пользуется сведениями, содержащимися в статье Г. В. Плеханова—«Необходимая поправка», напечатанной в «Дневнике Социал-Демократа» № 9, август 1909 г., в статье Ю. О. Мартова — «Дополнение к «поправке», напечатанной в «Голосе Социал-Демократа» № 16—17, август-сентябрь 1909 г., и в письме А. Н. Потресова к Мартову, приведенном в этой же статье. — 205.

[119]) Речь идет о статье Н. Череванина—«Несколько слов о моем ликвидаторстве» и примечании к ней «От редакции» в «Голосе Социал-Демократа» № 16 — 17, август-сентябрь 1909 г. Голландская социал-демократка Роланд-Гольст «заметила у Череванина дух ликвидаторства» и специально констатировала это в своем предисловии к немецкому переводу его книги — «Пролетариат в русской революции» («Das Proletariat und die russische Revolution». Von A. Tscherewanin. Mit einer Vorrede von H. Roland-Holst und einem Anhang vom Übersetzer S. Lewitin. Stuttgart, 1908. Verlag von J. H. W. Dietz Nachfolger). — 205.

[120]) Ленин цитирует сноску в передовой статье (автором которой был Ю. О. Мартов) «О «ликвидаторстве»» в № 16 — 17 «Голоса Социал-Демократа», август-сентябрь 1909 г. В этой сноске дословно сказано так: «Заметьте: это произошло с тех пор, как большинство членов Ц.К. стало жить за границей, а «Пролетарий» выходить за 2 000 верст от места деятельности фракции»…. — 206.

[121]) А. А. Богданов говорил о «вышибании» отзовистов и заигрывании «Пролетария» с Г. В. Плехановым в «Отчете товарищам большевикам устраненных членов расширенной редакции «Пролетария»».

Плехановский призыв к генеральному межеванию характеризовался, как «хирургия», как метод «стричь, брить и кровь отворять», в редакционной статье — «По поводу организационной «дискуссии»», напечатанной в «Приложении» к № 16 «Голоса Социал-Демократа».

О приемах «Собакевича-Ленина» говорится в передовой статье «О «ликвидаторстве»» (Ю. О. Мартова) в № 16 — 17 «Голоса Социал-Демократа», август-сентябрь 1909 г.

Меньшевик-плехановец «П» — это Ф. О. Цедербаум («Пантелей», «Дневницкий»), выступивший против ликвидаторства Н. Череванина, Ю. Ларина и А. Н. Потресова в статье «Кое-что о работе», напечатанной в «Приложении» к № 16 «Голоса Социал-Демократа». — 207.

[122]) «Утро России» начало «смаковать» сенсационную новость об исключении М. Горького из Р. С.-Д. Р. П. еще в № 1 (34), 28 (15) ноября 1909 г., поместив неподписанную заметку «Исключение М. Горького из партии», которое было вызвано, якобы, «буржуазными влечениями писателя». В ряде последующих номеров «Утро России» всячески раздувало эту сплетню, напечатав следующие заметки, статьи и фельетоны: в № 2 (35) 30 (17) ноября 1909 г., — «За что последовало исключение?», за подписью «Багира»; в № 5 (38), 3 декабря (20 ноября) 1909 г., — «Отзыв А. П. Чехова о Горьком (Интервью с режиссером Художественного театра Л. А. Сулержицким)»; в № 6 (39), 4 декабря (21 ноября) 1909 г., фельетон «Суд над Горьким (Социал-демократическое действо)», за подписью «Ол-д'Ор».

Газета «Речь» посвятила этой сенсации две заметки без подписи: в № 317, 1 декабря (18 ноября) 1909 г., —« Об исключении М. Горького из с.-д. партии» и в № 318, 2 декабря (19 ноября) 1909 г., — «Еще об исключении Горького из с.-д. партии», в которых указывалось, что слухи эти не лишены основания, ибо, если не самый факт исключения, то, во всяком случае, толки о нем, несомненно, были. Вместе с тем в заметках выражалось сочувствие писателю.

«Русское Слово» в № 264, 30 (17) ноября 1909 г., опубликовало телеграмму от собственного корреспондента из Парижа, под заглавием «Максим

Горький», в которой слухи об исключении признавались преждевременными, но не опровергались по существу, и выражалась уверенность в том, что конфликт будет улажен.

«Новое Время» в № 12107, 7 декабря (24 ноября) 1909 г., напечатало заметку П. Перцова «Горький — буржуй».

Редакция «Vorwärts» в приложении к № 281, 2 декабря 1909 г., поместила опровержение клеветнических выпадов «Берлинер Тагеблатт» против М. Горького в заметке «Сенсационное известие» («Eine Sensationsnachricht»), в которой заявила, что «вся эта история, с начала до конца, вымышлена» и выразила предположение, не оказался ли корреспондент «Берлинер Тагеблатт» жертвой злой шутки: не перепутал ли он имя М. Горького с именем Герцика, обвиненного в провокации, дело которого действительно было в партийном суде. — 211.

[123]) В рукописи адресат не указан. Письмо И. И. Скворцова-Степанова, ответом на которое является настоящее письмо Ленина, не найдено. Сам И. И. Скворцов-Степанов отрицал факт получения этого письма, хотя и допускал возможность «провала в памяти» (см. его письмо в журнале «Пролетарская Революция» № 5 (28), 1924 г.). А. И. Елизарова, на имя которой в то время поступали многие письма, адресованные Ленину, определенно утверждает, что настоящее письмо было адресовано именно И. И. Скворцову-Степанову (см. там же, предисловие к этому письму). Кроме того, имеется косвенное подтверждение этого адресата в письме Ленина А. М. Горькому, за январь 1913 г., в котором об И. И. Скворцове-Степанове говорится следующее: «Писал мне письма, что над демократической революцией в России крест поставить, что у нас без революции по-австрийски пойдет» (см. «Ленинский Сборник» I, стр. 130). — 212.

[124]) Имеется в виду окончание статьи А. С. Мартынова — «Движущая сила русской революции. К 25-тилетию русской социал-демократии», напечатанной в «Голосе Социал-Демократа» № 12, март 1909 г. В этой статье Мартынов нападал на книгу В. Ильина (В. И. Ленина) «Развитие капитализма в России» (см. III том Сочинений). — 213.

[125]) Речь идет о предисловии ко второму изданию книги В. И. Ленина (Ильина) «Развитие капитализма в России», написанном в июле 1907 г. (см. III том Сочинений, стр. 8). — 214.

[126]) Речь идет о статье П. П. Маслова — «Развитие народного хозяйства и влияние его на борьбу классов в XIX веке» — в I томе «Общественного движения в России в начале XX века». — 214.

[127]) Очевидно, речь идет о дискуссии по аграрному вопросу в Германской социал-демократии, начатой в 90-х годах ревизионистами, во главе с Георгом фон-Фольмаром, Эд. Давидом и К°, скатившимися уже в то время к либералам типа Фридриха Науманна. Дебаты вращались вокруг путей развития сельского хозяйства, возможных союзников пролетариата в деревне и тех требований в интересах крестьянства, соответственно которым следует изменить или дополнить Эрфуртскую программу (см. примечание 85-ое к VI тому Сочинений и 31-ое к VIII тому).

К 1871 г. в Германии — как говорит здесь Ленин — окончательно восторжествовал специфически-национальный путь развития капитализма через прусскую монархию. Тем самым вопрос об общедемократической революции был снят, и германский пролетариат оказался перед задачами социалистической революции. С этой точки зрения выступление немецких ревизионистов в 90-х годах с программой защиты крестьянства от гибели путем реформ, рассчитанных на проведение в буржуазном государстве, т. е. еще до победы социалистической революции, — представляет собою реакционную попытку «оживить труп». — 215.

[128]) Ленин имеет в виду следующее место в брошюре Н. Череванина «Современное положение и возможное будущее» (Москва. 1908): «Очевидно,

достигнуть каких-нибудь серьезных завоеваний в революции пролетариат мог только при помощи крестьянства. Это живо чувствовалось социал-демократией, — настолько живо, что часть ее обнаружила еще больший оппортунизм, чем бернштейнианцы и южно-германские социал-демократы. Но этими оппортунистами были не меньшевики, которых кадеты и бернштейнианцы, обманутые криками большевиков, готовы были зачислить в свой лагерь, а «непримиримые» большевики, которые в лице Орловского и других подписывались под совершенно реакционным проектом уравнительного раздела земли. В своем приспособлении к крестьянству, в бросании к его ногам всех марксистских принципов они шли гораздо дальше Фольмара и К° и не случайно, конечно, оказались в одной компании с Прокоповичем. И только меньшевики в минуты самого сильного революционного увлечения нашли в себе достаточно марксистской последовательности и решительности для того, чтобы своей аграрной программой удержать социал-демократию от низвержения в болото революционного оппортунизма» (стр. 180—181). — 216.

[139]) «*Вехи*» — сборник статей о русской интеллигенции, вышел в Москве весной 1909 г. В него вошли следующие статьи: Н. А. Бердяев.— Философская истина и интеллигентская правда (стр. 1—23). С. Н. Булгаков.—Героизм и подвижничество (стр. 23—70). М. О. Гершензон.—Творческое самосознание (стр. 70—97). Б. А. Кистяковский.—В защиту права (стр. 97—127). П. Б. Струве.—Интеллигенция и революция (стр. 127—146). С. Л. Франк.—Этика нигилизма (стр. 146—182). А. С. Изгоев.—Об интеллигентной молодежи (стр. 182—209). Появление сборника вызвало восторженные отклики и одобрение во всей реакционной прессе. «Новое Время» горячо приветствовало ренегатов П. Б. Струве и С. Н. Булгакова, воспользовавшись поводом для новой ожесточенной травли революции и революционеров. Ленин имеет в виду ряд статей и фельетонов в этой газете: В. Розанова — «Мережковский против «Вех»» (№ 11897, 10 мая (27 апреля) 1909 г.), «Между Азефом и «Вехами»» (№ 12011, 2 сентября (20 августа) 1909 г.); А. Столыпина — «Интеллигенты против интеллигентов» (№ 11893, 6 мая (23 апреля) 1909 г.) и др.

В октябристском органе «Слово» № 791, 23 (10) мая 1909 г., были опубликованы: «Открытое письмо» архиепископа Антония авторам сборника «Вехи» и ответ на него П. Б. Струве. В мирно-обновленческом органе «Московский Еженедельник» № 32, 28 (15) августа 1909 г., на «Открытое письмо» архиепископа Антония появилось ответное письмо Н. А. Бердяева.

Кадетские газеты выступили с лицемерным осуждением авторов сборника «Вехи». В «Русских Ведомостях» была напечатана полемическая статья И. Игнатьева «Литературные отголоски» (№ 69, 7 апреля (25 марта) и № 85, 28 (15) мая 1909 г.) и помещены отчеты о докладах: Д. Мережковского — в религиозно-философском обществе — «Интеллигенция и национализм» (№ 94, 8 мая (25 апреля) 1909 г.) и Н. Гредескула — в женском клубе — ««Вехи» и «Антивехи»» (№ 255, 19 (6) ноября 1909 г.). В 1910 г. в издательстве «Земля» вышла кадетская книга «Интеллигенция в России» — сборник статей: К. Арсеньева, Н. Гредескула, М. Ковалевского, П. Милюкова, Д. Овсянико-Куликовского, И. Петрункевича, М. Славинского, М. Туган - Барановского, внешне направленный против «Вех».

До появления настоящей статьи, 26 ноября 1909 г., Ленин прочитал в Париже публичный реферат на ту же тему — «Идеология контр-революционного либерализма (успех «Вех» и его общественное значение)». Содержание реферата подробно изложено в афише (хранится в архиве Института) и разбивается на следующие разделы: «I. С какой философией воюют «Вехи» и думские речи Караулова. II. Белинский и Чернышевский, уничтоженные «Вехами». III. За что ненавидят либералы «интеллигентскую»

и русскую революцию и ее французский «достаточно продолжительный» образчик? IV. «Вехи» и «левые» в России. Кадеты и октябристы. «Святое дело» русской буржуазии. V. Что выиграла демократическая революция в России, потеряв своих либерально-буржуазных «союзников»? VI. «Вехи» и речи Милюкова на предвыборных собраниях в Петербурге. Как критиковал Милюков на этих собраниях нелегальную революционную газету». — 217.

[130]) «Обогащайтесь, трудитесь и вы сделаетесь избирателями» — так заявил в 1847 г. Гизо, глава французского министерства эпохи Июльской монархии, в Палате в ответ на требование избирательной реформы и понижения имущественного ценза (см. Н. Лукин (Антонов) — «Новейшая история Западной Европы». Выпуск I, стр. 413). Некоторые французские историки отрицают факт выступления Гизо с таким заявлением, объявляя его «легендарным», но вместе с тем признают, что оно верно передает его взгляд на вопрос об избирательной реформе (см. А. Мале — «Июльская монархия (1830 — 1847)», стр. 250, в III томе «Истории XIX века (Западная Европа и внеевропейские государства)». Под редакцией проф. Лависса и Рамбо. Издание товарищества «Бр. А. и И. Гранат и К°». 1905, Москва). — 222.

[131]) «Совещание» деятелей кадетской партии состоялось в Петербурге в ноябре-декабре 1909 г. с участием думской кадетской фракции, членов Ц. К. партии и редакции газеты «Речь». Главным вопросом порядка дня был доклад П. Н. Милюкова о тактике кадетской думской фракции за истекшую сессию и ее задачах на будущее. «Совещание» одобрило тактику фракции и предложило ей принимать деятельное участие в законодательной работе, стремясь вместе с тем к защите конституционных начал и блокируясь для совместных действий с октябристами, когда они выступают, по мнению кадетов, на защиту конституции. Большие разногласия вызвал вопрос о предстоявших изменениях в финляндском законодательстве: часть делегатов, во главе с П. Н. Милюковым, настаивала на сохранении в неприкосновенности прав Финляндии и на параллельном, но независимом друг от друга проведении законопроектов общеимперского значения через сейм и русские законодательные учреждения; другая часть, во главе с И. И. Петрункевичем, отстаивала суверенитет России и высказывалась против создания «Финно-России», наподобие Австро-Венгрии. Прения кончились принятием резолюции, близкой к точке зрения Милюкова. Затем «Совещание» одобрило известную речь П. Н. Милюкова, произнесенную им на банкете у лорда-мэра Лондона при поездке представителей фракции в Англию. Кроме того, было принято постановление, обязывающее кадетскую фракцию внести в Думу законопроект об уничтожении черты еврейской оседлости. Доклад П. Н. Милюкова на «Совещании» о тактике думской фракции был потом разработан дополнительно и напечатан в «Речи» в виде серии статей, под заглавием «Политические партии в стране и Думе» (см. «Речь» №№ 324 и 325, 9 и 10 декабря (26 и 27 ноября); № 330, 14 (1) декабря 1909 г.; № 351, 4 января 1910 г. (22 декабря 1909 г.). — 232.

[132]) Курсив в этой цитате принадлежит Ленину. — 237.

[133]) Ленин цитирует статью А. С. Изгоева «Соль земли», напечатанную в 46 номере, 4 декабря (21 ноября) 1909 г.

«*Московский Еженедельник*» — орган партии «мирного обновления», издавался в Москве с 1906 г. по сентябрь 1910 г. под редакцией лидера партии кн. Е. Н. Трубецкого. В журнале сотрудничали: Н. В. Давыдов, С. А. Котляревский, Н. Н. Львов, В. А. Маклаков, А. Л. Погодин, П. Б. Струве, кн. Г. Н. Трубецкой, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, Д. В. Философов, Ф. И. Родичев, гр. А. Н. Уваров, проф. Хвостов, М. О. Гершензон, Д. В. Викторов и др. — 237.

[134]) Письмо Роланд-Гольст, от 2 ноября 1909 г., адресованное Между-

народному Социалистическому Бюро, было оглашено председательствовавшим на заседании после выступления В. И. Ленина (см. Bulletin Périodique du Bureau Socialiste International» № 2, стр. 41). — 240.

[135]) Резолюции М. С. Б. напечатаны в «Бюллетене Международного Социалистического Бюро» № 2, стр. 38 и 50 («Bulletin Périodique du Bureau Socialiste International». Bruxelles). — 242.

[136]) *«Лейпцигская Народная Газета» («Leipziger Volkszeitung»)* — орган левого крыла Германской социал-демократии. В течение долгого времени редактировалась Фр. Мерингом и Розой Люксембург, а затем Паулем Леви. В настоящее время — орган «левого» крыла германских социал-фашистов, подписывается Куртом Гюнтером. — 244.

[137]) *«Bremer Bürgerzeitung» («Бременская Гражданская Газета»)* — орган левого крыла Германской социал-демократии, выходит в г. Бремене с 1890 года. До империалистической войны редактировалась Гансом Донатом. В годы войны была органом бременской группы «левых радикалов», часть которых позднее вошла в Германскую компартию. В это время газета редактировалась И. Книфом, в числе сотрудников имела К. Либкнехта и Фр. Меринга. В 1916 г. перешла в руки социал-шовинистов и центристов. — 244.

[138]) Статья Молькенбура «Рента или подачка?» («Rente oder Almosen?») была напечатана в № 41 «Die Neue Zeit», 9 июля 1909 г. — 244.

[139]) *Пленум Центрального Комитета Р.С.-Д. Р. П.* заседал в Париже с 15 января по 5 февраля 1910 г. *С решающими* голосами присутствовали следующие 14 членов Ц. К.: *от большевиков* — И. Ф. Дубровинский («Иннокентий»), И. П. Гольденберг («Мешковский»), Г. Е. Зиновьев («Григорий») и В. П. Ногин («Макар»); *от меньшевиков* — А. С. Мартынов, Б. И. Горев-Гольдман («Игорь»), Ной Рамишвили («Петр») и Ной Жордания («Костров»); *от поляков* — Л. Иогихес («Тышко») и А. С. Варшавский («Варский»); *от бундовцев* — Ф. М. Койген («Ионов») и И. Л. Айзенштадт («Юдин»); *от впередовцев* — В. Л. Шанцер («Марат») и *от латышей* «Либавский» (настоящую фамилию установить не удалось). *С совещательными* голосами были приглашены: член редакции Центрального Органа («Социал-Демократ») — В. И. Ленин (кандидат в Ц. К.), Л. Б. Каменев (член редакции «Пролетария») и Ю. О. Мартов (член редакции «Голоса Социал-Демократа»); от редакции венской «Правды» — Л. Д. Троцкий; кандидат в Ц. К. — А. А. Богданов. Особо был приглашен на пленум, но не прибыл по болезни Г. В. Плеханов.

Пленум обсудил следующие вопросы: 1) Отчет русского бюро Ц. К. 2) Отчет заграничного бюро Ц. К. 3) Отчет редакции Ц. О. 4) Отчеты Ц. К-тов национальных социал-демократических партий. 5) Положение дел в партии. 6) О созыве очередной общепартийной конференции. 7) Устав Центрального Комитета Р. С.-Д. Р. П. 8) О Центральном Органе. 9) О дискуссионном сборнике. 10) О партийной школе. 11) Копенгагенский Международный Конгресс. 12) О газете «Правда». 13) О группе «Вперед». 14) О фракционных центрах. 15) Об устранении раскола за границей. 16) О членских взносах и 17) Об отступлениях от партийной дисциплины.

Пленуму предшествовала обостренная борьба, как между фракциями, так и внутри фракций, что было следствием процесса генерального отмежевания подлинно-партийных элементов большевистской и меньшевистской фракций от ликвидаторства справа и слева. К середине 1909 г. обнаружилась ясная тенденция к сближению большевиков-ленинцев и меньшевиков-плехановцев — двух фракций, сильных своими идейно-политическими позициями. Это сближение могло завершиться соглашением и тем самым обеспечить консолидацию и укрепление партии. В противовес такому плану («союз двух фракций»), с которыми шел на пленум Ленин, большевики-примиренцы выдвинули свой: они значительно расширяли рамки соглашения, высказываясь за включение в него голосовцев и троцкистов

и требуя распущения всех фракций. В конце концов восторжествовала точка зрения большевиков-примиренцев, которую на пленуме представляли: И. Ф. Дубровинский, Л. Б. Каменев, В. П. Ногин и, отчасти, И. П. Гольденберг.

Меньшевики-голосовцы шли на пленум только потому, что не были уверены в готовности местных работников своей фракции стать в то время на путь раскола партии.

В роли «примирителей» на пленуме действовали также Троцкий, Ионов и, отчасти, Юдин. Впередовцы были за одно с меньшевиками-голосовцами. Поляки и латыши выступали в основном вместе с большевиками.

Больше недели пленум потратил на обсуждение порядка дня. Ленин добивался поставить во главу угла всех работ пленума обсуждение вопроса «О перегруппировке в партии». Благодаря примиренцам, пришлось снять этот вопрос и поставить вместо него «Положение дел в партии и задачи Ц. К. и организаций на местах». Несмотря на это, пленум все же прошел под знаком обсуждения «перегруппировки в партии», поскольку большевики, поляки, латыши и даже бундовец Юдин сосредоточили свою борьбу против ликвидаторов справа и слева. В результате пленум единогласно принял резолюцию, которая по существу говорит об объединении только партийных элементов и о борьбе на два фронта. Так как голосовцы формально «признали» необходимость борьбы с ликвидаторами справа и слева, то это обстоятельство послужило достаточным основанием для примиренцев считать их действительным представительством партийного меньшевизма и включить их, а не «плехановцев», как требовал Ленин, в центральные учреждения партии. Во имя «примирения» и «объединения», большевики согласились вычеркнуть из резолюции «О положении дел в партии» слово «ликвидаторство», ограничившись описанием его по существу и подчеркиванием связи этой резолюции с резолюциями Декабрьской общепартийной конференции, направленными против ликвидаторов. Эта уступка была сделана после того, как в пленум было внесено — за подписями Юдина, Ионова, Троцкого, Либавского, Тышко и Варского — следующее предложение: «Находя, что по существу было бы желательно назвать «ликвидаторством» указанное в резолюции течение, с которым необходимо бороться, но принимая во внимание заявление т.т. меньшевиков, что они считают необходимым вести борьбу с этим течением, но употребление в резолюции такого термина имеет фракционный, направленный против них, меньшевиков, характер, — мы, в интересах уничтожения всяких лишних помех к объединению партии, предлагаем этот термин из резолюции выкинуть».

Затем единогласно была принята резолюция о созыве Всероссийской конференции, об организации подготовительной работы и системе представительства, согласно которой право решающего голоса получали только представители нелегальных организаций и партийных групп в легальном рабочем движении. Меньшевики требовали привлечения на конференцию представителей от социал-демократических групп в легальном движении на равных основаниях с нелегальными группами и организациями. После прений было решено допустить на конференцию представителей социал-демократических групп, работающих в профсоюзах, кооперативах и клубах и готовых установить прочную организационную связь с местными партийными центрами, — лишь с правом совещательного голоса. Вместе с тем пленум принял предварительный порядок дня конференции (см. в приложениях «Документы и материалы» № 4). Мартов был против этого порядка дня и с своей стороны предлагал включить в него вопрос «О борьбе за возможность существования легальных организаций». Но никто из единомышленников Мартова не решился поддержать его предложение. Отвергая предложение Мартова, пленум указал, что оно способно посеять иллюзии, будто при столыпинском режиме можно бороться за легальные возможности.

В дальнейшем ходе пленума, под давлением примиренцев, были сделаны новые уступки голосовцам и впередовцам. Чтобы обеспечить сплочение партийных рядов и укрепить единство Р.С.-Д.Р.П., большевики огласили письменное заявление, в котором обязывались: а) распустить свой центр и свою фракцию, б) закрыть свой фракционный орган «Пролетарий» и в) передать в Ц. К. из находящегося в распоряжении фракции известного «наследства» 75 тыс. франков немедленно, а остальные 400 тысяч франков — в два срока на протяжении двух лет, но лишь при том условии, если меньшевики ограничатся борьбою внутри партии за влияние, действуя при этом строго партийными методами. На этих условиях деньги решено было передать «держателям» из германской социал-демократии: К. Каутскому, Фр. Мерингу и Кл. Цеткин. Затем пленумом было высказано убеждение в необходимости закрытия «Голоса Социал-Демократа», — фракционного органа меньшевиков. Согласно решению пленума, в Русское Бюро Ц. К. должны были войти семь человек: 2 большевика, 2 меньшевика, 1 поляк, 1 латыш и 1 бундовец. Ввиду частичного исчерпания личного состава Ц. К., избранного на Лондонском съезде, единогласно было решено допустить кооптацию при том условии, чтобы кооптированные члены Ц. К. были утверждены на ближайшей Всероссийской конференции. От большевиков в состав Русского Бюро Ц. К. были избраны И. П. Гольденберг и В. П. Ногин. Меньшевиков решено было привлечь из числа местных работников. Когда после пленума Ногин обратился, по указанию голосовцев, к жившим в Петербурге видным меньшевикам — И. А. Исуву («Михаилу»), К. Н. Ермолаеву («Роману») и П. А. Бронштейну («Юрию») — с предложением двум из них войти в Русское Бюро Ц. К., то они ответили отказом и заявили, что считают самое существование Ц. К. для партии излишним и вредным. Гольденберг, по приезде в Петербург, был арестован; вместо него большевики потом делегировали в Русское Бюро Ц. К. Дубровинского. Националы не посылали своих представителей в Русское Бюро Ц. К. в ожидании того момента, когда войдут представители меньшевиков.

Вместе с тем пленум постановил реорганизовать Заграничное Бюро Ц. К. и определил его состав в количестве 5 человек: 1 большевик, 1 меньшевик, 1 поляк, 1 латыш и 1 бундовец. От большевиков в З. Б. Ц. К. был выбран А. И. Любимов (вскоре был заменен Н. А. Семашко), от меньшевиков — Б. И. Горев-Гольдман, от поляков — Л. Тышко (впоследствии был заменен В. Л. Ледером), от латышей — П. Берзин (впоследствии был заменен меньшевиком Шварцем) и от бундовцев — Ф. М. Ионов (вскоре был заменен М. И. Гольдманом-Либером). Наконец, пленум признал необходимым объединить как заграничные, так и местные фракционные организации. С этого момента все средства должны были поступать только в адрес Ц. К. Центр тяжести всей работы и партийная власть переносились в Русское Бюро Ц. К. Заграничное Бюро Ц. К. становилось только представительством Р. С.-Д. Р. П. за границей.

При выборах органов Ц. К. меньшевики попытались, но безуспешно, провести двух впередовцев, противопоставляя их кандидатам большевиков.

Разрешив вопрос об органах Ц. К., пленум постановил реорганизовать редакцию Центрального Органа, установив состав последней в количестве 5 человек: 2 большевика (Ленин и Зиновьев), 2 меньшевика (Мартов и Дан) и 1 поляк (Варский, замененный впоследствии Ледером). Кроме того, было постановлено издавать «Дискуссионный Сборник», в редакционную коллегию которого были выбраны по одному представителю от всех существующих течений и национальных организаций, а именно: от большевиков — Зиновьев, от меньшевиков-голосовцев — Мартов, от меньшевиков-партийцев — Вал. Фомин («Чернов», «Ольгин»), от впередовцев — Г. А. Алексинский, от поляков — Варский, от бундовцев — Ионов и от латышей — П. Берзин. Во исполнение этого постановления, впоследствии

выходил «Дискуссионный Листок», как приложение к Ц. О.; всего вышло 3 номера.

При обсуждении состава редакции Ц.О. меньшевики предлагали включить в нее одного представителя от троцкистов, но большинством голосов это предложение было отклонено. Большевики предложили целиком передать в Ц.К. венскую «Правду» и соответственно реорганизовать ее редакцию, однако, меньшевики отстояли самостоятельность троцкистского органа: было решено субсидировать венскую «Правду», как популярную рабочую газету, с условием введения в состав ее редакции представителя Ц. К. Впоследствии туда был делегирован от Ц. К. Каменев. Точно так же меньшевики взяли под свою защиту впередовцев и отстояли утверждение этой группы, как литературной, с органом «Вперед». По предложению большевиков все же было принято пожелание о скорейшей ликвидации самостоятельного литературно-издательского предприятия группы «Вперед».

Пленум единогласно избрал Ленина и Плеханова представителями партии в Международное Социалистическое Бюро. На последних заседаниях пленума были рассмотрены: «Лбовское дело», вопрос о «Тифлисской экспроприации», дела В. К. Таратуты («Виктора») и Герцика, вопрос о «наследстве» и др. (см. Л. Б. Каменев «Две партии» и Ю. О. Мартов «Спасители или упразднители?»). В заключение пленум утвердил бюджет Ц.К. (Постановления пленума Ц.К. см. в приложениях «Документы и материалы» № 4.)

«Объединительные» попытки пленума не дали никаких результатов, и вскоре внутрипартийная борьба вспыхнула с новой силой. — 246.

140) *Группа «Вперед»* — фракция отзовистов, ультиматистов, богостроителей и эмпириомонистов (сторонников философских взглядов Эр. Маха и Рих. Авенариуса); организовалась в декабре 1909 г. по инициативе А. А. Богданова и Г. А. Алексинского. В двадцатых числах декабря 1909 г., перед закрытием Каприйской школы, была принята платформа впередовцев, «Современное положение и задачи партии», написанная Богдановым, а 28 декабря она была направлена в Ц.К. Р.С.-Д.Р.П, вместе с извещением об образовании группы «идейных единомышленников», под названием «Вперед», и с просьбой утвердить группу, как литературную организацию. Это извещение было подписано А. А. Богдановым и Маратом (В. Л. Шанцером) от имени следующих 16 человек: *лекторы Каприйской школы* — Г. А. Алексинский, А. А. Богданов, М. Горький, А. В. Луначарский, М. Н. Лядов, М. Н. Покровский, А. В. Соколов (Ст. Вольский); *ученики школы* — К. А. Алферов («Яков»), И. Г. Батышев («Юлий»), Ф. И. Калинин («Аркадий»), В. Б. Косарев («Борис»), М. И. Лобанов («Станислав»), Ф. И. Сятковский («Вася»), М. Я. Яковлев («Арсений»); *кроме лекторов и учеников школы* — в группу вошли В. Л. Шанцер (Марат) и Израйлевич («Леопольд»).

После закрытия Каприйской школы Алексинский, Покровский, Лядов, Вольский, Шанцер и Израйлевич переехали в Париж, где образовали кружок впередовцев. До лета 1911 г. секретарем Парижского кружка был Алексинский, а после, вплоть до 1914 г., В. А. Мечникова. Руководящую роль в кружке играли: Алексинский, Луначарский (прибывший несколько позднее из Италии) и И. В. Мануильский (И. Безработный). Богданов уехал в Женеву, где при содействии П. И. Лебедева-Полянского («Валериан») и Цхакая («Миха») в свою очередь организовал кружок впередовцев. Секретарем Женевского кружка все время был Лебедев-Полянский. М. Горький остался в Италии и вскоре порвал с группой «Вперед».

В России впередовцы не имели сколько-нибудь прочных и оформленных организаций, за исключением чуть ли не единственного кружка в Тифлисе.

В январе 1910 г. в Париже состоялся пленум Ц. К. Р.С.-Д.Р.П. (см. примечание № 139), на котором от впередовцев присутствовали В. Л. Шанцер (Марат) и А. А. Богданов. Здесь они выступали против больше-

виков-ленинцев единым фронтом с меньшевиками-голосовцами. Пленум утвердил литературную группу «Вперед» и предложил организационной комиссии разработать практические меры, обеспечивающие скорейшую ликвидацию самостоятельного литературно-издательского предприятия впередовцев. Это постановление не было осуществлено, и после пленума впередовцы продолжали свою литературную деятельность, как самостоятельная фракция. Вся деятельность впередовцев носила ярко выраженный раскольнический характер и была заострена против большевиков-ленинцев. Вскоре после пленума впередовцы выпустили письмо «К товарищам большевикам», в котором обвиняли Большевистский Центр в самочинном роспуске фракции и ликвидации фракционного органа «Пролетарий», в незаконной передаче Ц.К-ту «наследства» и т. д. Вместе с тем впередовцы подвергли критике все постановления пленума, направленные к обеспечению единства в партии. В то же время впередовцы стали взрывать объединенные партийные учреждения: в марте 1910 г. Алексинский и Покровский вышли из школьной комиссии Ц.К. Незадолго перед тем впередовцы приступили к организации своей фракционной школы, которая и была открыта в Болоньи (см. примечание 209). С июля 1910 г. впередовцы начали выпускать сборник статей по очередным вопросам, под названием «Вперед». Всего вышло 3 номера, последний — в мае 1911 г. С апреля 1912 г. стал выходить другой сборник статей, под названием «На темы дня». Всего вышло 4 номера, последний — в январе 1914 г. Деньги на издательство были получены от знаменитой Тифлисской экспроприации (1907 г.) через Камо (Тер-Петросян). Первоначально в состав редакционной коллегии входили: Богданов, Покровский, Алексинский, В. Р. Менжинский («Степинский») и Луначарский. После разрыва с группой «Вперед» Менжинского, Покровского и Богданова, редакционная коллегия была образована в следующем составе: Луначарский, Алексинский, Мануильский и Ф. И. Калинин («Аркадий»).

В середине 1911 г. большевики приступили к подготовке Всероссийской партийной конференции, для чего были образованы Организационная и Техническая комиссии. Впередовцы отвергли приглашение принять участие в подготовительной работе, требуя равного представительства в обеих комиссиях для всех фракций. В ноябре 1911 г. венская «Правда» Л. Д. Троцкого открыла на своих страницах кампанию за подготовку общепартийной конференции, с участием всех фракций и течений партии. После долгих переговоров, впередовцы присоединились к призыву венской «Правды». В своей листовке «Ко всем членам партии» они требовали узаконения отдельных идейных течений в партии и призывали «покончить со стремлением незначительного большинства (имеются в виду большевики-ленинцы. *Ред.)* замордовать почти равное ему меньшинство, как это бывало до сих пор».

В январе 1912 г. в Праге состоялась Всероссийская конференция Р.С.-Д.Р.П., созванная большевиками. В ответ на извещение об этой конференции впередовцы — вместе с меньшевиками-партийцами, меньшевиками-голосовцами, большевиками-примиренцами, троцкистами и бундовцами — приняли на особом совещании резолюцию, в которой констатировали, что эта конференция, якобы, самовольно окрестила себя «Всероссийской» и что самый созыв ее является «явной попыткой узурпации партийного знамени со стороны группы лиц, сознательно ведущих партию к расколу». Собрание одобрило попытки Бунда, социал-демократии Латышского Края и Областного Кавказского Комитета «создать подлинную Российскую Организационную Комиссию для созыва *подлинной* общепартийной конференции».

В августе 1912 г. в Вене состоялась ликвидаторская конференция, организованная при активнейшем участии Л. Д. Троцкого, на которой от впередовцев присутствовал Г. А. Алексинский, сначала с информационными

целями, а потом в качестве зрителя (о поведении Г. А. Алексинского на этой конференции см. в «Отчете делегата группы «Вперед» об августовской «конференции» 1912 года». Сборник — «На темы дня» № 3, стр. 16 — 39).

В 1912 г. закончился период более или менее оживленной деятельности и активной роли группы «Вперед» во внутрипартийных делах. В дальнейшем впередовство стало быстро себя изживать и сходить на нет. Разложение среди впередовцев началось чуть ли не с момента образования группы, внутренняя жизнь которой почти всегда была заполнена склокой, личной борьбой и политиканством. Вслед за М. Горьким, из группы «Вперед» вышли В. Р. Менжинский и М. Н. Покровский. Еще при составлении впередовской платформы возникли разногласия между Покровским и Богдановым по вопросу о «пролетарской культуре», «пролетарской науке», «пролетарской философии» и т. п. После того как редакционная коллегия постановила напечатать статью Богданова «Социализм в настоящем», с содержанием которой Покровский был несогласен, он (Покровский) 30 ноября 1910 г. вышел из группы (статья напечатана в № 2 «Вперед», февраль 1911 г.). В № 3 «Вперед», май 1911 г., было напечатано извещение о том, что, начиная с этого сборника, Покровский не принимает более никакого участия в изданиях группы «Вперед».

Фактически в январе 1911 г. из редакционной коллегии «Вперед» вышел и Богданов, с точки зрения которого группа далеко отошла от первоначально намеченной линии. Богданов был решительно против заграничных объединений между фракциями, допуская их только в исключительных случаях, когда за подобные объединения высказывались русские партийные организации. А между тем группа «Вперед» все больше и больше втягивалась в различные межфракционные комбинации. В дальнейшем внутренняя борьба в группе еще больше обострилась, вследствие чего в конце 1911 г. Богданов порвал с группой «Вперед» уже формально. Одним из мотивов разрыва был тот, что группа «практически отказалась от революционно-культурных задач, постановив, что допускает лишь индивидуальные и, при том, неограниченно-свободные мнения по этому вопросу, но никакого мнения обще-группового, никакого мнения большинства» (Письмо А. А. Богданова от 14 декабря 1911 г.).

Приблизительно в марте 1911 г., по окончании занятий в Болонской школе, из группы «Вперед» вышел М. Н. Лядов, опубликовав перед отъездом в Россию «Частное заявление по поводу партийного кризиса».

В марте 1912 г. Женевский кружок впередовцев поднял вопрос о переизбрании редакционной коллегии, так как считал ненормальным положение, при котором коллегия предпринимает шаги общепартийного значения и вырабатывает свою политическую линию изолированно от русских и заграничных впередовцев. Парижский кружок большинством голосов высказался против предложения женевских впередовцев. Борьба внутри группы еще более обострилась в связи с выступлением Луначарского на страницах «Парижского Вестника» с воззванием об организации «Кружка пролетарской литературы» (начало апреля 1913 г.). Алексинский немедленно направил в редакцию этой газеты письмо с критикой воззвания. В ответ на это письмо в той же газете последовало резкое выступление Луначарского против Алексинского. В разгоревшейся полемике по вопросу о «пролетарской культуре» Женевский кружок впередовцев стал в общем на сторону Луначарского. Положение осложнилось вступлением Луначарского в число официальных сотрудников «Парижского Вестника», который незадолго перед тем перешел в руки кадетов. После того, как Парижский кружок единогласно осудил Луначарского за его выступление и связь с «Парижским Вестником», он вышел из редакционной коллегии. За Луначарским последовал Калинин. Таким образом, в июне 1913 г. в редакционной коллегии остались Алексинский и Мануильский. За расколом редак-

ционной коллегии последовал раскол среди заграничных впередовцев. После длительной дискуссии и ожесточенной борьбы, большинство Парижского кружка, во главе с В. А. Мечниковой, перешло на сторону Луначарского. Женевский кружок также принял резолюцию, благоприятную для позиции Луначарского. Вместе с тем оставшимся членам редакционной коллегии было указано, что до окончательного разрешения конфликта они не имеют права выступать от имени группы «Вперед» без согласия на то Парижского и Женевского кружков. В конце 1913 г. группа «Вперед» почти совсем распалась, не давая о себе знать вплоть до мировой войны. — 246.

[141]) Ленин имеет в виду статью Г. В. Плеханова «Оппортюнизм, раскол или борьба за влияние в партии?», напечатанную в «Дневнике Социал-Демократа» № 9, август, 1909 г. — 246.

[142]) О каких именно статьях Розы Люксембург здесь идет речь — установить не удалось. В «Социал-Демократе» в это время статей Розы Люксембург не было, за исключением № 11, 26 (13) февраля 1910 г., в котором была напечатана ее статья «Август Бебель». «Пролетарий» после январского 1910 г. пленума Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. не выходил. Возможно, что Ленин имеет в виду статьи Розы Люксембург, опубликованные в немецкой или польской социал-демократической прессе, которые ему прислал Л. Тышко. — 252.

[143]) *«Письмо к товарищам»* — листовка в 2 страницы, вышла в Париже в конце марта или в начале апреля 1910 г., имела своим назначением оправдать дальнейшее существование фракционного органа меньшевиков «Голоса Социал-Демократа», вопреки постановлению январского 1910 г. пленума Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. Мотивы письма сводятся к следующему: 1) редакция «Голоса Социал-Демократа» не является организационным центром определенной фракции, представляя собою «лишь литературную организацию известного течения»; 2) пленум Центрального Комитета не выносил постановления о закрытии «Голоса Социал-Демократа», а только выразил убеждение, что последний «в интересах партийного единства» в ближайшем будущем закроется. Авторы «письма» протестовали против установленного пленумом Ц. К. состава редакции Центрального Органа и настаивали на ее реорганизации на основе равноправия двух течений Р. С.-Д. Р. П. — большевиков и меньшевиков (см. в приложениях «Документы и материалы» № 5).

В № 19—20 «Голоса Социал-Демократа», январь — февраль 1910 г., Ленин имеет в виду статью Ю. О. Мартова «На верном пути» и «Открытое письмо» 16 русских меньшевиков-ликвидаторов. История этой статьи Мартова такова. На одном из первых заседаний редакции Ц. О., после январского пленума Ц. К., при подготовке очередного 11 номера, Ленин предложил для напечатания в качестве редакционной свою статью «К единству» (см. настоящий том, стр. 245). Несмотря на упорное сопротивление Мартова и Ф. И. Дана, большинством голосов статья Ленина была принята. Тогда Мартов и Дан потребовали, чтобы рядом со статьей Ленина в «Социал-Демократе» была напечатана статья Мартова «На верном пути». Редакция большинством голосов отклонила это требование и предложила Мартову опубликовать свою статью в «Дискуссионном Листке», ибо она не соответствует принятым решениям пленума Ц. К. Но Мартов не согласился и напечатал ее в № 19—20 «Голоса Социал-Демократа», предпослав ей краткое примечание с изложением обстоятельств и сущности конфликта в редакции Центрального Органа.

Об «Открытом письме» 16 русских меньшевиков-ликвидаторов см. примечание № 147.

Настоящая статья Ленина, до появления в № 12 «Социал-Демократа», 5 апреля (23) марта, вышла отдельным оттиском в конце марта 1910 г. — 254.

[144]) В «Социал-Демократе» № 12, 5 апреля (23 марта) 1910 г., Ленин имеет в виду статью Г. В. Плеханова «В защиту «подполья»», а в «Дневнике Социал-Демократа» № 11, март 1910 г., — «Последнее пленарное собрание нашего Центрального Комитета». — 254.

[145]) Письмо «Ко всем социал-демократическим партийным организациям, группам и кружкам» выпущено отдельной листовкой в феврале 1910 г. и напечатано, кроме того, в № 11 «Социал-Демократа», 26 (13) февраля 1910 г. — 258.

[146]) Речь идет о письме Заграничного Бюро Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. — «Ко всем товарищам заграницей», изданном отдельной листовкой 16 (3) марта 1910 г. Письмо призывает все заграничные социал-демократические группы к подчинению решениям январского 1910 г. пленума Ц. К. и к сплочению рядов без различия фракций и направлений. «Подписывая единогласно резолюцию о необходимости устранения раскола заграницей, представители *всех* фракций взяли на себя ответственность за то, что их сторонники заграницей этот раскол действительно устранят. К этому мы призываем вас, товарищи, прежде всего. От имени партии, от имени ее Ц. К. мы предлагаем, мы требуем от всех товарищей — к какой бы фракции или течению они ни принадлежали — принятия самых энергичных мер к тому, чтобы организационный раскол заграницей был ликвидирован *возможно скорее*». Далее письмо сообщает, что большевики уже заявили о закрытии своего фракционного органа — «Пролетарий» — и призывает другие фракции, имея в виду прежде всего меньшевиков-голосовцев, последовать их примеру.

Ф. И. Дан, П. Б. Аксельрод, Ю. О. Мартов и А. С. Мартынов сделали шаг к тому, чтобы сорвать налаживаемое З. Б. Ц. К. объединение заграничных социал-демократических групп, указав в постскриптуме к выпущенному ими «Письму к товарищам», что это письмо З. Б. Ц. К. принято против голосов меньшевистского и бундовского членов, т.-е. Б. И. Горева-Гольдмана и М. И. Гольдмана (Либера).

Заграничное Бюро Центрального Комитета Р. С.-Д. Р. П. было учреждено пленумом Ц. К. в августе 1908 г. в качестве общепартийного представительства за границей, подчиненного и подотчетного Русскому Бюро Ц. К. В его функции входили: поддержание регулярной связи с Русским Бюро Ц. К. и заграничными членами Ц. К., руководство и наблюдение за деятельностью заграничных групп содействия Р. С.-Д. Р. П. через Центральное Бюро этих групп, прием денежных отчислений со стороны заграничных организаций в кассу Ц. К. и самостоятельная организация денежных сборов в пользу Ц. К. В целях объединения всех заграничных групп содействия Р. С.-Д. Р. П. и подчинения их единому общепартийному руководству, августовский пленум Ц. К. вменил в обязанность З. Б. Ц. К. созыв специального съезда этих групп. Но в течение 1909 г. З. Б. Ц. К. не удалось разрешить эту задачу, вследствие упорного сопротивления Центрального Бюро заграничных групп, захваченного меньшевиками-голосовцами. Январский 1910 г. пленум Ц. К. постановил реорганизовать З. Б. Ц. К. в том смысле, чтобы максимально сузить его функции и ограничить его роль в руководстве общими делами партии, соответственно усилив полномочия Русского Бюро Ц. К. Состав З. Б. Ц. К. был определен в количестве 5 человек: 1 большевик, 1 меньшевик и 3 национала — поляк, бундовец и латыш. Первоначально в З. Б. Ц. К. вошли: от большевиков — А. И. Любимов («Марк»), от меньшевиков — Б. И. Горев-Гольдман, от поляков — Л. Тышко, от бундовцев — Ф. М. Ионов и от латышей — Я. Берзин. Вскоре в составе З. Б. Ц. К. были произведены следующие изменения: от большевиков вошел Н. А. Семашко (Александров), от бундовцев — М. И. Гольдман (Либер) и от латышей — Элиас (Шварц). Упомянутое выше письмо З. Б. Ц. К. «Ко всем товарищам за границей» обсуждалось и принималось при участии Семашко, Горева-Гольдмана,

Гольдмана (Либера), Л. Тышко и Берзина. С тех пор, как в З. Б. Ц. К. вошли Шварц и Либер, в нем сложилось устойчивое ликвидаторское большинство, и ни одна из задач, поставленных перед ним январским пленумом Ц. К., не была разрешена. Вместо того, чтобы содействовать объединению враждующих заграничных групп, З. Б. Ц. К. своей политикой усиливало рознь между ними. В одном из своих обращений «Ко всем заграничным группам содействия Р. С.-Д. Р. П.» З. Б. Ц. К. прямо издевалось над решениями январского пленума Ц. К. о единстве партии, заявляя, что «причины, мешающие этому объединению, так сложны и перепутаны, что при данных условиях трудно установить, кто именно является виною все продолжающегося партийного разброда». Уклоняясь от помощи центральным учреждениям партии и, в частности, Центральному Органу — «Социал-Демократ», — З. Б. Ц. К. оказывало всяческое содействие ликвидаторскому «Голосу Социал-Демократа», венской «Правде» и поощряло раскольническую деятельность впередовцев. Особенно ярко проявилась антипартийная работа З. Б. Ц. К. в систематическом срыве пленума Ц. К., созыва которого настойчиво добивались большевики-ленинцы. Ликвидаторская тактика З. Б. Ц. К. привела к тому, что большевики-ленинцы вынуждены были 27 мая 1911 г. отозвать из его состава своего представителя — Семашко; 20 ноября 1911 г. был отозван представитель польской с.-д., а затем и представитель латышской с.-д. Несмотря на это, З. Б. Ц. К. продолжало рекламировать себя «единственным общепартийным представительством Р. С.-Д. Р. П. заграницей», и только в январе 1912 г. само себя ликвидировало, заявив об этом официально в № 3 «Листка Голоса Социал-Демократа», февраль 1912 г. — 260.

[147]) Речь идет об «Открытом письме» 16 русских меньшевиков-ликвидаторов, напечатанном в «Голосе Социал-Демократа» № 19 — 20, январь-февраль 1910 г.; письмо появилось в качестве ответа на выступление Г. В. Плеханова в № 9 «Дневника Социал-Демократа», август 1909 г., против ликвидаторов, в особенности, против их вождя А. Н. Потресова. Инициатива такого выступления исходила от группы петербургских ликвидаторов, преимущественно литераторов, которые в это время подготовляли к изданию свой теоретический орган «Нашу Зарю». Горячее участие в организации выступления принимал В. А. Гутовский (Маевский), составивший первоначальный текст «Открытого письма». Этот текст был обсужден на совещании небольшой группы петербургских ликвидаторов с участием: В. А. Гутовского (Маевского), В. О. Цедербаума (Левицкого), М. Л. Хейсина, Ф. А. Липкина (Н. Череванина), П. А. Бронштейна, К. М. Ермолаева и др., которые тут же и подписали документ. Остальные подписи собрал несколько позднее В. А. Гутовский (Маевский), из них — часть в Москве. Вначале среди подписавших было несколько рабочих и интеллигентов — периферийных работников, сочувствовавших ликвидаторству, но потом было решено снять эти подписи и заменить их подписями наиболее видных меньшевистских деятелей, широко известных в партийных кругах, чтобы таким образом придать «Открытому письму» как можно больше авторитетности. В конечном счете под «Открытым письмом» были собраны следующие подписи: Августовский (С. О. Цедербаум-Ежов), Антон (М. С. Макадзюб), Вадим (В. К. Иков), В. Петрова (Л. Н. Радченко), Георгий (Б. С. Цейтлин-Батурский), Георг (В. О. Цедербаум-Левицкий), Евг. Гааз (В. А. Гутовский-Маевский), Крамольников (Г. И. Пригорный), Д. Кольцов (Б. А. Гинзбург), Нат. Михайлова (Р. С. Гальберштадт), Роман (К. М. Ермолаев), Ромул (М. Л. Хейсин), Соломонов (С. И. Португейс), Череванин (Ф. А. Липкин), Юрий (П. А. Бронштейн), Я. П-ий (Я. Я. Пилецкий). Публикуя этот документ и приводя под ним перечисленные здесь подписи, редакция «Голоса Социал-Демократа» от себя добавила следующее примечание: «Эти подписи принадлежат старым партийным работникам, хорошо известным редакции; некоторые из них занимали в партии

ответственные посты. Документ печатается с значительным запозданием по независящим от авторов обстоятельствам». — 260.

[148]) «Один из действующих в России членов Ц. К.» — это В. П. Ногин («Макар»). Подробнее см. примечание 139. — 261.

[149]) Ленин бегло цитирует речь А. И. Гучкова, которую он произнес в заседании III Государственной Думы 7 марта (22 февраля) 1910 г. при обсуждении сметы министерства внутренних дел на 1910 г. (см. Стенографический отчет. III созыв).

Веховец С. Н. Булгаков «вторил» А. И. Гучкову в статье «Революция и реакция (неполитические размышления о политике)», напечатанной в «Московском Еженедельнике» № 8, 5 марта (20 февраля) 1910 г. Курсив в последней цитате принадлежит Ленину. — 263.

[150]) Ленин имеет в виду предисловие Фр. Энгельса к английскому изданию брошюры «Развитие социализма от утопии к науке», в котором этот вывод формулирован следующим образом: «Именно для того, чтобы буржуазия могла пожать уже созревшие плоды победы, было необходимо, чтобы революция зашла гораздо дальше своей первоначальной цели — точь в точь как в 1793 г. во Франции и в 1848 г. в Германии» (см. «Исторический материализм». Отрывки из произведений К. Маркса и Фр. Энгельса. Составили: В. В. Адоратский и А. Д. Удальцов. 1924. «Новая Москва», стр. 364). — 265.

[151]) Слова Волгина, героя «Пролога»: «Жалкая нация, жалкая нация! — нация рабов, снизу до верху все сплошь рабы»... (см. X том, часть 1 Собрания сочинений Н. Г. Чернышевского, стр. 172. СПБ. 1906. Издание М. Н. Чернышевского). — 265.

[152]) В «Нашей Заре» № 2, февраль 1910 г., Ленин имеет в виду статью А. Н. Потресова «Критические наброски. О том, почему пустяки одолели». — 269.

[153]) Водевиль «Буря в стакане воды», написанный В. М. Черновым на тему о спорах между большевиками и меньшевиками, был разыгран в Париже в эмигрантской колонии 16 (3) апреля 1910. — 269.

[154]) Ленин имеет в виду резолюцию «О современном моменте и задачах партии» (принята Декабрьской 1908 г. Общепартийной конференцией Р. С.-Д. Р. П.). См. в приложениях к настоящему тому «Документы и материалы» № 1. — 273.

[155]) Речь идет о выступлении П. А. Столыпина в заседании III Государственной Думы 13 апреля (31 марта) 1910 г. в ответ на запрос 32 депутатов по поводу царского указа 6 сентября (24 августа), распубликованного правительством 16 (3) сентября 1909 г., о порядке применения ст. 96 основных законов (см. Стенографический отчет. III созыв. III сессия, стр. 2522). В первой половине 1909 г. в Государственной Думе и Государственном Совете обсуждался вопрос о штатах морского генерального штаба. Выработанный законопроект был передан на утверждение царю. 10 мая (27 апреля) 1909 г. стало известно, что царь не утвердил этого законопроекта и отдал П. А. Столыпину распоряжение выработать специальный указ на предмет установления тех законодательных вопросов, которые изъемлются из общего порядка прохождения и передаются на непосредственное разрешение царю. В результате появился упомянутый царский указ, согласно которому все законодательство по армии и флоту переходило в непосредственное ведение царя. — 275.

[156]) Речь идет о докладе гр. А. А. Бобринского «Допущенные в государственных учреждениях нападки на общественный строй и дворянство» на VI съезде объединенного дворянства, состоявшемся в Петербурге 27 (14) марта — 2 апреля (20 марта) 1910 г. В этом докладе Бобринский, не возражая, якобы, против самого принципа народного представительства, указал на необходимость очистить Государственную Думу от «скверны», т.-е. от тех речей с ее трибуны, которые «волнуют и воз-

буждают умы», и тут же привел, в качестве образцов «скверны», ряд цитат из речей левых депутатов. На заседании Государственной Думы 8 апреля (26 марта), при обсуждении запроса по поводу царского указа 6 сентября (24 августа) 1909 г., социал-демократический депутат Е. П. Гегечкори заклеймил с думской трибуны это выступление председателя съезда объединенного дворянства (см. Стенографический отчет. III созыв. III сессия, стр. 1973 — 1974). — 275.

[157]) Курсив Ленина. — 276.

[158]) Цитируется статья без подписи и заглавия в № 89 «Речи», 14 (1) апреля 1910 г. — 279.

[159]) Курсив Ленина. — 279.

[160]) *Центральное Бюро Заграничных Групп* образовалось в январе 1907 г. в качестве агентуры Ц. К. и посредствующего органа между Ц.К. и заграничными группами. Первоначально Ц. Б. не было выборным учреждением: его состав пополнялся путем кооптации и утверждался Ц. К. Из 9 членов фактически вели работу только 3 меньшевика: Г. В. Чичерин (Орнатский), М. Ф. и А. И. Назарьевы (Петровы). В качестве агентуры Ц. К., Центральное Бюро работало неудовлетворительно: не проводило в жизнь постановлений Ц. К., задерживало его переписку с группами содействия и не доставляло ему денежных отчислений. Ввиду этого, августовский 1908 г. пленум Ц. К. поручил образованному только что Заграничному Бюро Ц. К. созвать съезд заграничных групп содействия для избрания нового Ц. Б., а до тех пор — организовать временное Центральное Бюро на паритетных началах из представителей обеих фракций Р.С.-Д.Р.П. и постановил ввести в него члена Ц. К. с правом veto. Попутно пленум подтвердил свое прежнее постановление об обязательном отчислении заграничными группами содействия 85 — 90% своих доходов в общепартийную кассу. Эти постановления пленума вызвали решительное противодействие со стороны старого Ц. Б., которое, в лице упомянутой выше тройки, отказалось сложить свои полномочия и сдать дела. В особой резолюции, принятой по этому поводу, Ц. Б. обвиняло Ц. К. в нарушении партийной конституции, организационной и бюджетной автономии, заявляло о своем отказе подчиниться «незаконным» постановлениям Ц. К. и призывало группы содействия принять участие в созываемом им съезде для разрешения возникшего конфликта с Ц. К. Учитывая сложившуюся обстановку, З. Б. Ц. К. решило не организовывать Ц. Б. до созыва съезда и взяло его функции на себя, обратившись одновременно к группам содействия с призывом бойкотировать созываемый меньшевистским Ц. Б. съезд, в виду его фракционного характера. Съезд этот все же состоялся 14 (1) декабря 1908 г. в Базеле, с участием представителей от 24 групп (из 31). Только 7 групп (Парижская, Нансийская, Женевская и др.) отказались принять в нем участие и заявили о своей солидарности с Ц. К. Базельский съезд одобрил позицию, занятую старым Ц. Б. по отношению к Ц. К., и избрал новое Ц. Б., в состав которого вошли: Г. В. Чичерин (Орнатский), Д. Ф. Сверчков, А. И. Буров (Декабрев) и два немецких с.-д.

Хотя новое Ц. Б. не было признано и утверждено ни Ц. К., ни его Заграничным Бюро, тем не менее последнее 5 — 6 января 1909 г. вступило с ним в переговоры (во время Парижской Общепартийной конференции). Ц. Б. предложило пополнить свой состав двумя представителями от тех групп содействия, которые отказались от участия в Базельском съезде. З. Б. Ц. К. отвергло это предложение. Точно также не было достигнуто соглашение и по вопросу о созыве общезаграничного съезда. Вскоре Ц.Б. опубликовало материалы этих переговоров, под названием «Протоколы совместных заседаний З. Б. Ц. К. и Ц. Б. З. Г.». В связи с этим последовал протест со стороны З. Б. Ц. К., которое заявило, что переговоры с группами содействия оно вело, но никаких «совместных заседаний» с «несуществующим» учреждением не было. Вопрос о заграничных делах был

поставлен меньшевиками на Декабрьской Общепартийной конференции, которая большинством голосов одобрила действия З. Б. Ц. К. и предложила Ц. К. во имя единства партии приложить все усилия для устранения раскола за границей и для борьбы против дезорганизаторских тенденций за границей (см. примечание 1). Несмотря на все усилия Ц. К. и его Заграничного Бюро, на протяжении всего 1909 г. не удалось достигнуть единства в рядах заграничных организаций, ибо Ц. Б. попрежнему продолжало свою дезорганизаторскую и раскольническую работу, выступая в качестве агентуры меньшевистского центра и поддерживая его денежными средствами. После январского 1910 г. пленума Ц. К. со стороны З. Б. Ц. К. были сделаны новые попытки установить единство в заграничных организациях. В этих целях во второй половине февраля 1910 г. было проведено несколько неофициальных совещаний между представителями З. Б. Ц. К. и Ц. Б., во время которых всплыл вопрос о праве групп содействия поддерживать материальными средствами фракционные организации. З. Б. Ц. К. настаивало на том, чтобы материальная поддержка оказывалась только Ц. К. партии и его органам, совершенно не допуская при этом какие-либо отчисления и сборы на фракционные нужды. Ц. Б. решительно высказалось против этих условий, усматривая в запрещении отчислять часть своих доходов в пользу органов других течений нарушение автономии групп. Что касается отчислений в кассу Ц. К. в размере, превышающем предусмотренные уставом нормы, то они должны быть, по предложению Ц. Б., «добровольным актом самообложения групп». Непримиримые разногласия возникли также и по вопросу о реорганизации Ц. Б.: если З. Б. Ц. К. предлагало присоединить к трем меньшевикам из старого Ц. Б. двух большевиков (по выбору соответствующих групп) и одного представителя З. Б. Ц. К. с решающим голосом, то Ц. Б. настаивало на сохранении 5 членов из старого состава, соглашаясь на присоединение к ним 2-х большевиков и одного представителя З. Б. Ц. К., но только с совещательным голосом. Вследствие этих разногласий, на последнем (официальном) совместном заседании 16 марта было констатировано обеими сторонами, что «в настоящий момент примирительная резолюция не достигнута и соглашение между З. Б. Ц. К. и Ц. Б. З. Г. не состоялось». О результатах и самом ходе этих совещаний Ц. Б. выпустило 28 марта 1910 г. специальный, тенденциозно составленный, листок «От Центрального Бюро Заграничных Групп Р. С.-Д. Р. П. Сообщение заграничным группам Р. С.-Д. Р. П.». Очевидно, Ленин имеет здесь в виду появление именно этого «манифеста» Ц. Б. З. Г. — 282.

[161]) *Парижские* меньшевики-партийцы предложили свою резолюцию — за подписью «Гюго», «Ольгина» (В. Фомина) и «Раппопорта» (Х. Г. Раппопорта) — на собрании I меньшевистской группы содействия Р. С.-Д. Р. П., состоявшемся 4 апреля 1910 г. За эту резолюцию голосовало 11 человек; за ликвидаторскую резолюцию высказались 53 человека, против — 17 и воздержались — 10.

Женевские меньшевики-партийцы, во главе с М. Бабиным, выступили со своей резолюцией на собрании I меньшевистской группы содействия Р. С.-Д. Р. П., состоявшемся 19 апреля 1910 г. За эту резолюцию было подано 9 голосов, а после присоединились еще 5; за ликвидаторскую резолюцию высказались 11 человек, против — 10 и воздержалось — 3.

Ниццская группа содействия Р. С.-Д. Р. П. приняла единогласно (всего 6 человек) резолюцию меньшевиков-партийцев на собрании 24 апреля 1910 г. Группа содействия Р. С.-Д. Р. П. в *Сан-Ремо* также единогласно (всего 6 человек) приняла резолюцию меньшевиков-партийцев, подписанную «Пантелеем» (Ф. О. Цедербаумом-Дневницким), на собрании 13 апреля 1910 г.

Льежские меньшевики-партийцы предложили свою резолюцию на собрании I меньшевистской группы содействия Р. С.-Д. Р. П. в конце марта

1910 г. За эту резолюцию было подано 3 голоса, против — 8 и воздержался — 1; за ликвидаторскую резолюцию высказалось 4 человека, против — 4 и воздержалось — 4. Все перечисленные резолюции напечатаны в листовках, изданных каждая в отдельности, и частью в особом листке, изданном З. Б. Ц. К. в мае 1910 г. — 283.

[162]) Резолюция второй Парижской (большевистской) группы содействия Р.С.-Д.Р.П. была принята на собрании 30 (17) марта 1910 г. и отпечатана потом отдельной листовкой. Указав на ряд попыток «Голоса Социал-Демократа» и русских ликвидаторов сорвать решения пленума Ц. К. («манифест» редакторов «Голоса», поведение Михаила (И. А. Исува)— Романа (К. Н. Ермолаева) — Юрия (П. А. Бронштейна), «Открытое письмо» 16 русских ликвидаторов и т. п.), резолюция призывала всех подлинно-партийных социал-демократов, в особенности, меньшевиков-партийцев, к практическому осуществлению постановлений пленума Ц. К. о единстве и к борьбе за партийность, против раскольников и ликвидаторов. В этих целях рекомендовалось, прежде всего, выступить из тех групп содействия, которые поддерживали «Голос», и выразить свое отношение к его политике защиты ликвидаторства и срыва партийного объединения, а также к поступку Михаила — Романа — Юрия. Вместе с тем резолюция обращалась к сторонникам отзовизма-ультиматизма, требуя от них в свою очередь выполнения решений пленума Ц. К. и ликвидации самостоятельной группы «Вперед».

Вторая Парижская группа содействия Р.С.-Д.Р.П. образовалась 18 ноября 1908 г., выделившись перед тем из общей с меньшевиками Парижской группы, и объединяла только большевиков, в том числе — членов Большевистского Центра, во главе с Лениным. Впоследствии в состав группы входили также большевики-примиренцы и впередовцы. — 284.

[163]) Листок «К товарищам большевикам» выпущен группой «Вперед» в начале мая 1910 г., содержит резкие выпады против Большевистского Центра и обвинения его в отречении от всех большевистских идей, в постепенной сдаче всех большевистских позиций меньшевизму и ликвидаторству, в «бесконтрольном хозяйничаньи безответственных лиц» материальными средствами всей партии, в самовольном роспуске большевистской фракции и т. п. Листок кончается призывом к русским большевикам «организовать в ближайшем будущем большевистские совещания в возможно полном составе и обсудить на них вопросы коренных жизненных интересов большевизма». Со своей стороны группа «Вперед» обещала отстаивать на этих совещаниях «перестройку большевистской фракции на новых основаниях так, чтобы ее идейная сплоченность достигалась не формальной централизацией, а живой идейной связью, и чтобы те *идейные* центры, которые она для этого создаст, находились под реальным контролем местных организаций». — 300.

[164]) *«Необходимое дополнение k «Дневникам» Г. В. Плеханова»* — листок, выпущенный редакцией «Голоса Социал-Демократа» в мае 1910 г. в ответ на «Необходимую поправку» и статью «О моем «секрете»» Г. В. Плеханова в «Дневнике Социал-Демократа» № 9, август 1909 г., и в «Приложении» к № 10, февраль 1910 г. Подробно см. примечание № 38. — 300.

[165]) «Венский партийный социал-демократический клуб», возглавлявшийся Л. Д. Троцким, М. Меленевским (Баском), А. А. Иоффе (Крымским) и С. Ю. Бронштейном (Семковским), принял эту резолюцию 17 апреля 1910 г. большинством 31 голоса против 6 при 5 воздержавшихся. Поводом послужили разбираемые Лениным в настоящей статье события внутрипартийной жизни. Резолюция обходила молчанием раскольнические действия ликвидаторов («Письмо к товарищам» четырех редакторов «Голоса Социал-Демократа», «Открытое письмо» 16 русских ликвидаторов, бойкот Русского Бюро Ц. К. и т. п.) и отмечала в числе «недостойных» фактов выступление Ленина с статьей ««Голос» ликвидаторов против партии» (см.

настоящий том, стр. 254). Констатируя, что объединительные решения были приняты на пленуме представителями всех фракций «сознательно и обдуманно», что «ни во внутреннем, ни во внешнем отношениях партии не произошло после пленума никаких изменений», — резолюция усматривала во всех этих событиях только «временные явления, порожденные, с одной стороны, еще неизжитым наследием фракционных отношений, с другой, — тем фактом, что в России не успел еще сорганизоваться Ц.К., способный авторитетно вмешаться в возникшие конфликты и уладить их в духе решений пленума». В заключение резолюция выражала уверенность в том, что эти конфликты будут изжиты, ибо возобновление фракционной борьбы после принятых решений «может лишь жестоким образом скомпрометировать партию в глазах широких рабочих масс России и в глазах Социалистического Интернационала». — 300.

[166]) Речь идет о статье Ионова («И-ова», Ф. М. Койгена) «Фракции против партии» в № 4 «Откликов Бунда», апрель 1910 г. — 303.

[167]) «*Наша Заря*» — ежемесячный легальный журнал, орган ликвидаторов, выходил в Петербурге с начала 1910 г. по 1914 г., включительно, под руководством А. Н. Потресова и под редакцией Э. Л. Гуревича-Даневича (первые 5 номеров) и В. О. Цедербаума-Левицкого (с 5 номера и до конца). В журнале сотрудничали: В. А. Гутовский (Маевский), С. И. Португейс (Иванович), Б. А. Гинзбург (Д. Кольцов), Ф. А. Липкин (Н. Череванин), С. О. Цедербаум (Ежов), М. Л. Хейсин (Я. Пилецкий), Ф. И. Дан, Ю. О. Мартов, П. Б. Аксельрод, А. С. Мартынов и др. Программа журнала была дана в статье А. Н. Потресова «Критические наброски» в № 2, февраль 1910 г., сущность которой выражена в словах: «И может ли существовать, спрошу я у читателя, в то же лето 1909-ое, не как фантом в больном воображении, а как подлинная реальность, течение ликвидационное, течение, ликвидирующее то, что уже не подлежит ликвидации, чего на самом деле уже нет, как организованного целого? Есть партия, как идейное наследство, как ненарушимая связь между сплачивающимся пролетариатом и идейным комплексом движения, есть думское представительство, есть разрозненные обломки былого, но нет партии, как цельной и организованной иерархии учреждений» (стр. 61). Вокруг «Нашей Зари» организовался и окончательно оформился центр русских ликвидаторов, названный Лениным в этой статье группой «независимых (от социализма) социал-демократов».

О «Возрождении» см. примечание № 34. — 306.

[168]) Цитата из статьи Ионова (Ф. М. Койгена) — «Возможно ли партийное единство?»

«*Дискуссионный Листок*» — приложение к Центральному Органу Р.С.-Д.Р.П. — «Социал-Демократ», начал выходить с 19 (6) марта 1910 г. по постановлению январского 1910 г. пленума Ц.К. Р.С.-Д.Р.П., под редакцией: Г. Е. Зиновьева (от большевиков), Ю. О. Мартова (от меньшевиков), Чернова («Ольгин», Вал. Фомин — от меньшевиков-партийцев), Г. А. Алексинского (от впередовцев), А. С. Варского (от поляков), Ф. М. Ионова (от бундовцев) и П. Берзина (от латышей). Всего вышло три номера; последний — 25(12) мая 1911 г. — 308.

[169]) Цитата из неподписанной статьи «Положение дел в партии (итоги пленума Ц.К.)». Курсив принадлежит Ленину. — 308.

[170]) Принимая договор-декларацию большевиков, пленум Ц.К. определил следующий способ хранения и порядок расходования фракционных сумм большинства: были избраны три «держателя» в лице авторитетных для всех фракций Р.С.-Д.Р.П. представителей международной социал-демократии — Фр. Меринга, К. Каутского и К. Цеткин, которым было предоставлено право решать вопрос о выдаче или невыдаче денег и кому именно; в случае нарушения меньшевиками условия договора-декларации, «держатели» были уполномочены решить вопрос о дальнейшей

судьбе имущества, опираясь на постановление пленума Ц.К., который должен быть созван для предварительного рассмотрения этого дела; если в течение 3 месяцев, после соответствующего заявления большевиков, пленум Ц.К. не будет созван, то вместо него должна быть создана комиссия из 5 членов Ц.К. (1 большевик, 1 меньшевик и по одному представителю от национальных организаций). Вскоре после январского 1910 г. пленума Ц.К. меньшевики нарушили условия договора-декларации. Вследствие этого 5 декабря 1910 г. Ленин, Зиновьев и Каменев с доверенностью от И. П. Гольденберга (Мешковского) отправили в З.Б.Ц.К. заявление о разрыве договора, с требованием немедленно созвать предусмотренный на этот случай пленум Ц.К. Состоявшее в большинстве из меньшевиков З.Б.Ц.К. ответило в феврале 1911 г. отказом созвать пленум, «ввиду организации в ближайшем будущем заседания Русской коллегии Ц.К.». Большевики согласились ждать заседания Русской коллегии Ц.К. при условии, что предусмотренный договором трехмесячный срок будет считаться с момента принятия этого постановления З.Б.Ц.К. Но это заседание не было организовано, и в середине мая 1911 г. член З.Б.Ц.К. М. И. Гольдман-Либер (брат Б. И. Горева-Гольдмана) внес предложение создать пятичленную комиссию для рассмотрения вопроса о деньгах.

В виду упорного нежелания З.Б.Ц.К. созвать пленум, совещание заграничных членов Ц.К., состоявшееся по инициативе большевиков и поляков в июне 1911 г., предприняло меры по созыву пленума и подготовке общепартийной конференции. В этих целях была создана Организационная Комиссия, а для выполнения технических функций упраздненного З.Б.Ц.К. — Техническая Комиссия. «Держатели» постановили передать часть денег Организационной и Технической Комиссиям на покрытие расходов по созыву конференции, что вызвало протест со стороны меньшевистско-ликвидаторского З.Б.Ц.К., объявившего себя единственным законным представителем Р.С.-Д.Р.П. заграницей. Борьба вокруг решений июньского совещания заграничных цекистов, энергичный напор на «держателей» со стороны различных фракций, претендовавших на пользование большевистским имуществом, и полная невозможность для «держателей» разобраться в создавшейся обстановке — все это вынудило их отказаться от роли третейских судей (октябрь 1911 г.). В связи с этим Ленин, Зиновьев и Каменев от имени большевистской фракции опубликовали в № 25 «Социал-Демократа», 21 (8) декабря 1911 г., заявление о том, что они вступают от имени большинства во владение имуществом фракции. Вместе с тем Ленин обратился к К. Цеткин, на депозите которой продолжали оставаться партийные суммы, с просьбой перевести их на текущий счет В. И. Ульянова. Но К. Цеткин отказалась это сделать и адресовалась в З.Б.Ц.К. с просьбой собрать мнения и решения соответствующих фракций в связи с создавшимся положением. Пражская конференция Р.С.-Д.Р.П. в январе 1912 г. постановила, что представители большевиков «в силу нарушения ликвидаторами договора, заключенного на январском пленуме, и в силу отказа «держателей» от роли третейских судей, имеют все формальные права распоряжаться как находящимся в их распоряжении, так и находящимся в руках бывшего «держателя», тов. К. Цеткин, имуществом», и признала это имущество принадлежащим партии в лице избранного конференцией Ц.К., поручив последнему «принять все меры для немедленного получения от тов. К. Цеткин партийного имущества». На основании этого постановления Ленин, уже от имени Ц.К., снова обратился к К. Цеткин с просьбой возвратить деньги, но К. Цеткин опять ответила отказом. Летом 1912 г. предполагалось созвать при Ц.К. Германской социал-демократической партии совещание представителей всех фракций и национальных организаций Р.С.-Д.Р.П., чтобы решить вопрос о распределении между ними спорных сумм в связи с избирательной кампанией (выборы в IV Государственную Думу). Предполагавшееся совещание

не состоялось вследствие отказа большевиков, поляков и меньшевиков-плехановцев принять в нем участие. Борьба вокруг большевистского фракционного имущества затянулась вплоть до империалистической войны, во время которой она замерла сама собой. — 310.

[171]) Второй впередовец — Марат (В. Л. Шанцер). — 313.

[172]) *«Sozialistische Monatshefte»* (*«Социалистические Ежемесячники»*) — журнал («международное обозрение социализма»), главный орган немецких ревизионистов, созданный в противовес ортодоксальному в то время *«Die Neue Zeit»*, выходит с 1897 г. в Берлине. В журнале сотрудничали: Э. Бернштейн, Конрад Шмидт, Фр. Герц, Эд. Давид, Вольфганг Гейне, М. Шиппель и др.

«S. M.» высмеивали резолюцию «О тактике партии», принятую на съезде Германской социал-демократии в Дрездене 13 — 20 сентября 1903 г. Эта резолюция осуждала стремления ревизионистов изменить тактику Германской социал-демократии в смысле отказа от принципов классовой борьбы и перехода на путь соглашения с существующим порядком вещей, ограничиваясь только реформой буржуазного строя. Партия заявляла в резолюции об отказе от вотирования кредитов, имеющих целью сохранение власти господствующих классов, и высказывалась против участия социал-демократов в буржуазном правительстве. Резолюция была принята большинством 288 голосов против 11. На Международном Социалистическом Конгрессе в Амстердаме 14 — 20 августа 1904 г. дрезденская резолюция была принята по вопросу «О международных правилах социалистической тактики». — 316.

[173]) *Тов. Ан.* — автор статьи «По поводу «Письма с Кавказа» — это Ной Жордания. *К. Ст.* — автор «Письма с Кавказа» — это И. В. Сталин («Коба»). Статья и письмо напечатаны в «Дискуссионном Листке» № 2, 7 июля (24 июня) 1910 г. Характеризуя деятельность и политическую линию ликвидаторов на Кавказе, И. В. Сталин писал: «вместо руководящей роли пролетариата, ведущего за собою крестьян, — руководящая роль кадетской буржуазии, ведущей за нос пролетариат». Ленин в дальнейшем не возвращался к статье Н. Жордания. Исчерпывающее освещение по затронутым в ней вопросам дал Л. Б. Каменев в своей книге «Две партии», издание «Рабочей Газеты». С предисловием Н. Ленина, стр. 53 — 67. — 317.

[174]) Имеется в виду резолюция Лондонского (V) съезда Р. С.-Д. Р. П. по вопросу «Об отношении к непролетарским партиям» (см. «Лондонский Съезд Российской Социал-Демократической Рабочей Партии». Полный текст протоколов. 1909. Издание Центрального Комитета. Стр. 454 — 455). — 319.

[175]) *«Беззаглавцы»* — участники еженедельного журнала «Без Заглавия», который выходил с 6 февраля (24 января) по 27 (14) мая 1906 г. под редакцией С. Н. Прокоповича, Е. Д. Кусковой, В. Я. Богучарского, В. Хижнякова и др., близко стоявших к партии кадетов. Всего вышло 16 номеров. «Беззаглавцы» пытались проводить буржуазное влияние на пролетариат. Позднее они сотрудничали в ежедневной газете «Товарищ». — 320.

[176]) «Нашими Помоями» Ленин называет, очевидно, ликвидаторский журнал «Наша Заря».

«Съезд прихлебателей от литературы» — это II Всероссийский съезд писателей, состоявшийся в Петербурге 4 — 11 мая (21 — 28 апреля) 1910 г. с участием представителей «Нашей Зари» и «Современного Мира» (Н. И. Иорданский). Для этого съезда характерен тот факт, что резолюция с призывом бороться за свободу печати была снята с обсуждения без всякого сопротивления по первому требованию полиции. Стремление съезда во что бы то ни стало приспособиться к полицейским возможностям вызвало негодование в более прогрессивной прессе.

Говоря о поссианцах, Ленин, очевидно, имеет в виду сотрудничество ликвидаторов (Л. М. Хейсин и др.) в журнале «Союз Потребителей», которым руководил «нейтральный» кооператор В. А. Поссе. — 321.

177) Цитата из статьи А. Н. Потресова «Критические наброски» в № 2 журнала «Наша Заря», февраль 1910 г. — 322.

178) О полемике Г. В. Плеханова с А. Н. Потресовым см. примечание 38. Ленин имеет в виду «Необходимое дополнение к «Дневникам» Г. В. Плеханова» — листок, выпущенный редакцией «Голоса Социал-Демократа» в мае 1910 г., и напечатанные в нем статьи: А. Н. Потресова — «На суд т.т. меньшевиков» и Б. И. Горева-Гольдмана — «Недреманное око т. Плеханова». — 323.

179) Речь идет о письме Ф. И. Дана и Ю. О. Мартова в редакцию «Голоса Социал-Демократа» (№ 21, апрель 1910 г.), в котором они объявляют поведение Ц. О. провокационным в связи с опубликованием в № 12, 5 апреля (23 марта) 1910 г., статьи Ленина ««Голос» ликвидаторов против партии» (см. настоящий том, стр. 254). — 326.

180) Цитата из неподписанной статьи «Журнальное обозрение» в № 5, 12 апреля (30 марта) 1910 г., окончание которой было помещено в № 6, 27 (14) апреля 1910 г., но уже за подписью В. Мирова. — 326.

181) Речь идет о статье «Что делать?» в № 13 «Социал-Демократа», 9 мая (26 апреля) 1910 г. Автора статьи расшифровать не удалось. — 330.

182) Имеется в виду статья «К единству через все препятствия» в № 12 «Правды», 16 (3) апреля 1910 г. — 332.

183) «Сборник личной ругани против Плеханова» — это «Необходимое дополнение к «Дневникам» Г. В. Плеханова», куда вошли статьи Ю. О. Мартова, П. Б. Аксельрода, А. С. Мартынова, А. Н. Потресова и Б. И. Горева-Гольдмана. В «Нашей Заре» № 2, февраль 1910 г., имеется в виду статья А. Н. Потресова «Критические наброски. О том, почему пустяки одолели», а в «Возрождении» № 5, 12 апреля (30 марта) 1910 г., — статья «Журнальное обозрение», окончание которой дано в № 6, 27 (14) апреля 1910 г., за подписью В. Мирова. В ответ на это Г. В. Плеханов напечатал статью «О пустяках, особенно о Потресове» в № 13 «Социал-Демократа», 9 мая (26 апреля) 1910 г. Впередовцы «взывали к добрым сердцам о защите от Б. Ц.» в своей листовке «К товарищам большевикам», выпущенной вскоре после январского 1910 г. пленума Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. (напечатана в кооперативной типографии «Союз» Paris,). — 334.

184) Курсив Ленина. — 334.

185) Речь идет о статье Л. Б. Каменева «Ликвидация гегемонии пролетариата в меньшевистской истории русской революции (Как А. Потресов ликвидировал т. Плеханова и «Искру»)», напечатанной в «Пролетарии» № 47 — 48, 18 (5) сентября, и № 49, 16 (3) октября 1909 г. — 337.

186) «*Циня*» («*Zihna*» — «*Борьба*») — нелегальный орган Социал-Демократии Латышского Края, а с 1919 г. — Коммунистической партии Латвии; основан в марте 1904 г. Прибалтийской Латышской Социал-Демократической Организацией; выходил нерегулярно, иногда с большими перебоями, в Риге, Брюсселе и Петрограде (1917 г.). В первые годы непосредственным организатором и идейным руководителем газеты был Ян Озоль (бывш. депутат II Государственной Думы); с 1906 г. в руководстве газетой, кроме Яна Озоля, активное участие принимали П. Стучка и Р. Пельше; в 1909 г. она перешла в руки примиренцев (Я. Янсона-Брауна и др.), в сентябре 1910 г. — под руководство ликвидаторов (Фр. Мендерса, К. Элиаса и др.); после IV Съезда Социал-Демократии Латышского края в январе 1914 г. — в руки большевиков: Я. Берзина-Винтера и Я. Германа-Аусеклиса; в 1917 г. в редакцию вошли: К. Данишевский и К. Крастынь. В настоящее время выходит нелегально. С момента своего основания и до 1908 г. «Циня» велась в духе революционной социал-демократии, а по вопросам борьбы внутри Р.С.-Д.Р.П. занимала позицию нейтралитета и единства

во что бы то ни стало. С 1908 г. начала скатываться к меньшевизму, а в 1910 г. перешла на позиции примиренчества и ликвидаторства. С 1914 г. и по настоящее время ведется в духе большевизма.

Эту статью Ленин написал для юбилейного (100) номера «Цини», выпущенного во второй раз в июле 1910 г. вследствие того, что первое его издание 1909 г. было полностью конфисковано и света не увидело. — 339.

[187]) Ленин имеет в виду книгу В. Е. Варзара «Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за 1905 год», С.-Петербург, 1908. Издание министерства торговли и промышленности. — 339.

[188]) Ленин имеет в виду статью П. П. Маслова «Развитие народного хозяйства и влияние его на борьбу классов в XIX веке» (см. «Общественное движение в России в начале XX века», том I, стр. 643 — 662). Говоря о низком культурном уровне и малой политической сознательности рабочих масс, Маслов отмечает, что рабочие все же дружно выступали во время революции под руководством малочисленных революционных партий. «Это повело впоследствии не только к чрезмерной переоценке сил рабочего класса, но и его сознательности» (стр. 657). — 341.

[189]) Ленин имеет в виду: в «Нашей Заре» № 2, февраль 1910 г., статью А. Н. Потресова «Критические наброски. О том, почему пустяки одолели»; в «Возрождении» №№ 5 и 6, 12 апреля (30 марта) и 27 (14) апреля 1910 г., — статью В. Мирова «Журнальное обозрение»; в «Голосе Социал-Демократа» № 19 — 20, январь - февраль 1910 г., — статью Ф. И. Дана «Борьба за легальность». — 341.

[190]) Этот проект был положен в основу выработанного социал-демократической делегацией России проекта резолюции для кооперативной комиссии Копенгагенского Международного Социалистического Конгресса, которая отклонила его большинством голосов в своем заседании от 1 сентября 1910 г. Текст принятого социал-демократической делегацией России проекта резолюции Ленин привел в статье «Вопрос о кооперативах на Международном Социалистическом Конгрессе в Копенгагене» (см. настоящий том, стр. 357). — 343.

[191]) «*Вперед*» — сборник статей по очередным вопросам, вышел в Париже в июле 1910 г. в издании группы «Вперед». В сборник вошли следующие статьи и заметки: От редакции; Максимов (А. Богданов) — Пролетариат в борьбе за социализм; Домов (М. Покровский) — Финляндский вопрос; Петр Ал. — Аграрная политика царского самодержавия (закон 9 ноября); Столяр — Кризис и безработица; Воинов (А. Луначарский) — Измена пролетарскому делу (Энрико Ферри); Ратник — Из будничной жизни русского ополчения солдата; — ръ — Из жизни Соц.-Дем. Латышского края за период реакции; Рабочий Ар. — Из Москвы; Ткач (И-н) — О настроениях и запросах современного рабочего; Член партии — О том, как не надо составлять денежные отчеты (по поводу отчета Ц. К.); — К сведению товарищей. — 346.

[192]) Речь идет о статьях Л. Д. Троцкого «Тенденции развития русской социал-демократии» («Die Entwicklungstendenzen der russischen Sozialdemokratie») в № 50 «Die Neue Zeit», 9 сентября 1910 г., и Ю. О. Мартова «Прусская дискуссия и русский опыт» («Die preussische Discussion und die russische Erfahrung») в № 51 «Die Neue Zeit», 16 сентября 1910 г. Намерение Ленина лично ответить Троцкому и Мартову в «Die Neue Zeit» встретило сопротивление со стороны К. Каутского и его соредактора Вурма. Согласно их предложению, написать ответ Мартову взял на себя Ю. Ю. Карский. Ленин здесь говорит о получении именно этой статьи Карского. В приложении к своему письму Ленин дает Карскому ряд указаний о тех дополнениях, которые следует, по его мнению, внести в этот ответ Мартову. Статья Карского была напечатана в № 4 «Die Neue Zeit», 28 октября 1910 г., под названием «Ein Missverständnis» («Недоразумение»). — 352.

[193]) В архиве Института хранится рукопись Ленина, под заглавием «Статистика стачек в России», представляющая собою разработку статистических данных о стачках фабрично-заводских рабочих, собранных фабричным ревизором В. Е. Варзаром в трех книгах, изданных министерством торговли и промышленности: книга первая — «Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за десятилетие 1895 — 1904 г.», вышла в 1905 г.; книга вторая — «Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за 1905 г.», вышла в 1908 г.; книга третья — «Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за трехлетие 1906 — 1908 г.», вышла в 1910 г. Здесь речь идет о работе Ленина над этими книгами. Результатом этой работы явилась статья «О статистике стачек в России» (см. XV том Сочинений, стр. 25 — 50). — 353.

[194]) *Магдебургский съезд Германской Социал-Демократической Партии* состоялся 18 — 24 сентября 1910 г. с участием 451 делегата от 722 т. членов партии. В центре внимания съезда стояли два вопроса, вызвавшие особенно горячие прения: о нарушении партийной дисциплины социал-демократическими депутатами Баденского ландтага и о борьбе за избирательное право в Пруссии. Первый вопрос в процессе прений перерос в принципиальный вопрос о допустимости «положительной» работы в буржуазном парламенте (см. об этом в настоящем томе статью Ленина «Два мира», стр. 376). По второму вопросу представителями разных точек зрения выступали Роза Люксембург и Карл Каутский. Исходя из опыта массового движения 1907 — 1908 г.г., Роза Люксембург высказывалась за боевую наступательную тактику пролетариата, который уже достаточно созрел для массовой борьбы в форме всеобщей политической стачки. К. Каутский рассматривал этот вопрос под углом зрения расширения парламентских завоеваний партии и рабочего класса, а именно: быстрый рост социал-демократических мандатов во всех ландтагах (в Саксонии — 50% от всего количества депутатов) и в рейхстаге открывает широкие возможности для проведения важнейших реформ; а так как буржуазия на известном этапе безусловно попытается в той или иной форме ограничить рост социал-демократического представительства, то тогда и наступит момент для всеобщей политической стачки. Следовательно, Роза Люксембург выдвигала тактику *наступления* пролетариата в *данный момент*, а К. Каутский предлагал *ждать наступления со стороны буржуазии* и в таком случае рекомендовал партии и пролетариату *тактику обороны*. Точку зрения К. Каутского разделяли все члены Ц. К., верхушка профсоюзов и социал-демократическая фракция рейхстага. В результате прений съезд все-таки принял предложенную Розой Люксембург поправку к резолюции Ц. К. о признании всеобщей политической стачки средством борьбы за избирательную реформу в Пруссии, при чем Роза Люксембург согласилась вычеркнуть из своей поправки требование *пропаганды всеобщей* стачки. Полемика Розы Люксембург с К. Каутским о всеобщей политической стачке вызвала оживленные отклики в русской социал-демократической печати. В частности, очень много внимания уделили этому вопросу меньшевистские журналы, стараясь изо всех сил использовать аргументацию К. Каутского против большевиков. В «Возрождении» № 6, 27 (14) апреля 1910 г., была напечатана статья А. С. Мартынова «Новая эра в борьбе за избирательное право в Пруссии», в которой говорится следующее: «Некоторые нервозные немецкие социал-демократы, как, например, Роза Люксембург, сделали выводы, что германской партии теперь ничего не остается делать, как подготовлять немедленно всеобщую забастовку. Против этого, однако, восстали наиболее видные представители германской социал-демократии. Карл Каутский в последней книжке «Die Neue Zeit» выступил со всесторонней критикой точки зрения Розы Люксембург. В интересной статье своей он доказывает, что германская социал-демократия по всей совокупности политических условий современной Германии рассчитывала и

могла рассчитывать не на низвержение прусского режима, а на систематическую осаду его крепости, постепенно ослабляющую его ресурсы. Для того, кто оценивает положение вещей с этой точки зрения, несомненно будет, что истекшая политическая кампания германской социал-демократии прибавит блестящую страницу к ее истории и что крупные результаты ее учтутся в будущем, может быть, в близком будущем». В «Нашей Заре» № 7, июль 1910 г., была напечатана статья Ю. О. Мартова «Конфликты в германской рабочей партии», в которой он останавливается на статье К. Каутского «Zwischen Baden und Luxemburg» («Между Баденом и Люксембургом») и, в частности, на образном выражении К. Каутского, характеризующем линию германской социал-демократии, что между Баденом и Люксембургом лежит Трир — родина К. Маркса. «Русские меньшевики — пишет Мартов — уже давно подозревали, что «географическое» положение марксизма именно таково и что путь «на Трир» не ведет через дебри люксембургские. Тем приятнее им слышать подтверждение этой истины от Каутского. Марксистская тактика находится *между* реформизмом и тем «большевизмом», который проповедует Р. Люксембург в Германии после того, как старательно насаждала его в Польше и России». Дальше Мартов пишет о том, как надо «говорить в Германии», и выражает свое недовольство тем, что К. Каутский сказал, что в Германии следует «говорить по-бельгийски», признав тем самым, что в России надлежит говорить именно «по-русски» (т. е. применять революционные методы борьбы).

В № 5 — 6 «Нашей Зари», май — июнь 1910 г., была помещена статья В. О. Левицкого ««Большевизм» и «меньшевизм» у немецких социал-демократов», в которой он всячески старается причислить К. Каутского к меньшевикам. В «Жизни» № 2, 3 октября (20 сентября) 1910 г., в отделе «Из заграничной жизни» была напечатана неподписанная заметка «Германия», посвященная рассмотрению положения дел в германской социал-демократии. И, наконец, в № 11 «Современного Мира», ноябрь 1910 г., рассмотрению этих вопросов посвящена статья В. Майского «Магдебургский партейтаг». — **353.**

[195]) *Международный Социалистический Конгресс в Копенгагене* заседал с 28 августа по 3 сентября 1910 г. Социалистические партии и профессиональные союзы России имели 20 мандатов — наравне с Англией, Германией и Францией, а именно: социал-демократы (включая литовскую и армянскую партии) — 10, социалисты-революционеры — 7 и профессиональные союзы — 3 мандата с решающим голосом. Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию с решающим голосом представляли: Ленин, Г. В. Плеханов, А. С. Варский, Ю. О. Мартов, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, А. С. Мартынов и др.; с совещательным голосом: Л. Д. Троцкий, Б. И. Горев-Гольдман, А. В. Луначарский, П. П. Маслов, А. М. Коллонтай, Н. Г. Полетаев, И. П. Покровский и др. Партию социалистов-революционеров с решающим голосом представляли: Ф. В. Волховский, В. М. Чернов, И. И. Бунаков, Н. Д. Авксентьев, И. А. Рубанович и др. От профессиональных союзов — П. Н. Колокольников и др.

В порядке дня Конгресса стояли следующие вопросы: 1. Страхование от безработицы. 2. Единство социалистических партий. 3. Организация международного протеста против смертной казни. 4. Борьба с милитаризмом и войной. 5. Единство профессионального движения. 6. О международной солидарности. 7. Рабочее законодательство. 8. О праве убежища. 9. Взаимоотношения между кооперативами и политическими партиями. Конгрессом было выделено 5 комиссий: 1) кооперативная, 2) международной солидарности, 3) Интернационал и война, 4) социального законодательства и 5) по выработке резолюций о борьбе пролетариата в отсталых странах. Представители русской делегации работали во всех комиссиях, в частности, Ленин работал в кооперативной комиссии. Во время Копенгагенского Конгресса Ленин предпринимал шаги по организации

левого крыла II Интернационала, пытаясь устроить международное совещание революционных марксистов. Но эти попытки не дали положительных результатов. — 357.

[196]) Слова: «Also es bleibt bei der Exproprіation» («следовательно, мы стоим по-прежнему за экспроприацию») были сказаны А. Бебелем в докладе о «Нападении на принципиальные основы и тактическую линию партии» на съезде Германской социал-демократии в Ганновере 9—14 октября 1899 г. (см. «Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehaften zu Hannover vom 9 bis 14 Oktober 1899». Berlin, 1899. Verlag: Expedition der Buchhandlung «Vorwärts», стр. 121). Эд. Бернштейн на съезде не присутствовал; в прениях его взгляды отстаивал Эд. Давид, доказывавший, что революционная борьба пролетариата должна быть заменена работой в экономических организациях (профсоюзах и кооперативах), которые, якобы, способны постепенно преобразовать капиталистическое общество в социалистическое.

Фон-Эльм выступал за равноправие профсоюзов, кооперации и политической партии. Ганноверский съезд принял внесенную А. Бебелем резолюцию, в которой по вопросу о кооперации говорится следующее: «Партия соблюдает нейтралитет относительно устройства кооперации. Она считает, что, при соблюдении и выполнении предварительных условий, образование подобных обществ способно повести к улучшению экономического положения их членов; она видит также в основании подобных обществ, *как и всякой другой организации рабочих для защиты их интересов*, средство, могущее подготовить рабочих к самостоятельному управлению своими делами, но она не признает за кооперативными обществами решающей роли в деле освобождения рабочего класса» (см. «Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages des Sozialdemokratischen Partei Deutschlands, Abgehaften zu Hannover vom 9 bis 14 Oktober 1899». Berlin, 1899. Verlag: Expedition der Buchhandlung «Vorwärts», стр. 243).—361.

[197]) Речь идет о статье Р. Стрельцова—«Современная политика социалистических групп в России» («Die gegenwärtige Politik der sozialdemokratischen Gruppen in Russland»), напечатанной в «Sozialistische Monatshefte», 11 августа 1910 г., стр. 1061—1064.—365.

[198]) Речь идет о статье А. В. Луначарского («Воинова») «Тактические течения в Российской Социал-Демократической Партии» («Les courants tactiques dans le Parti Social-Démokrate Russe»), напечатанной в газете «Le Peuple», 23 августа 1910 г.—365.

[199]) «*Рабочая Газета*» — популярный орган большевиков, выходил нерегулярно в Париже с 12 ноября (30 октября) 1910 г. по 12 августа (30 июля) 1912 г., всего вышло 9 номеров. Газета была основана частной группой большевиков при поддержке меньшевиков-партийцев во время Копенгагенского Международного Социалистического Конгресса на совещании с участием: Ленина, Г. В. Плеханова, Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева, Н. Г. Полетаева и И. П. Покровского (представители думской фракции на Конгрессе). На Пражской конференции Р.С.-Д.Р.П. в январе 1912 г. «Рабочая Газета» была объявлена официальным органом Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. В редакцию входили: Ленин, Зиновьев, Каменев. На Копенгагенском совещании намечалось, что в состав редакции войдет Плеханов, который соглашался на это при том условии, если «Рабочая Газета» будет изданием «Социал-Демократа». Под влиянием польских социал-демократов, настаивавших на превращении «Рабочей Газеты» в самостоятельное издание, этот проект не осуществился. В газете сотрудничали большевики и меньшевики-партийцы. Плеханов дал только для первого номера статью «Наше положение», а когда в марте 1911 г. ему предложили организовать в Женеве группу содействия «Рабочей Газете», он отказался от этого. «Рабочая Газета» вела борьбу против

ликвидаторства и примиренчества, освещала вопросы партийной жизни в России и социал-демократического движения заграницей, отводила много места рабочим корреспонденциям и кратким сообщениям о ходе классовой борьбы. Благодаря своей доступности, она пользовалась большой популярностью среди русских рабочих. Заграницей «Рабочая Газета» встретила недружелюбное отношение со стороны большевиков-примиренцев, меньшевиков-ликвидаторов и троцкистов. Особенно против нее ополчился Л. Д. Троцкий: вскоре после выхода первого номера, он выступил (26 ноября) в Венском клубе с докладом на тему о «Современной рабочей прессе», в котором объявил «Рабочую Газету» «узко-фракционным» органом и провел резолюцию, призывающую русских рабочих всячески противодействовать ей. — 373.

[200]) Объявление о подписке на «Современник» появилось в № 305 «Речи», 19 (6) ноября 1910 г.

«*Современник*» — журнал, выходил в Петербурге с 1911 г. по 1915 г., первоначально редактировался А. В. Амфитеатровым, затем П. Е. Щеголевым, В. А. Богучарским и В. Б. Станкевичем, в 1914 — 15 г.г. Н. Сухановым (Гиммером). Журнал не имел достаточно определенной политической физиономии и давал на своих страницах место литераторам и публицистам различных «передовых» течений общественно-политической мысли, начиная от либералов и кончая марксистами. В журнале довольно широко сотрудничали марксисты ликвидаторско-впередовского типа и, в особенности, народники. В 1913—1915 г.г. «Современник» представлял собою литературный блок народнической и марксистской интеллигенции ликвидаторско-впередовского направления и проповедывал слияние марксистов и народников. В первый период существования «Современника» в нем сотрудничали: В. В. Воронцов, В. Чернов, Н. Д. Авксентьев, Качоровский, Суханов-Гиммер, В. В. Водовозов, Е. Кускова, Прокопович, А. Богданов, Н. Череванин, А. Луначарский, Г. Алексинский, Ю. Стеклов, М. Горький и др. (см. также примечание 139-ое к XVII тому Сочинений). — 374.

[201]) «*Красное Знамя*» — журнал без определенного партийно-политического направления, ставил своей задачей борьбу с царизмом «в самодержавной его наглости и в конституционных лицемериях», основан А. В. Амфитеатровым (редактор) в апреле 1906 г. в Париже, просуществовал меньше года. В журнале сотрудничали: М. Горький, К. Бальмонт, Д. Айзман, А. Куприн, М. Рейснер, А. Федоров, М. Волошин и др. — 375.

[202]) О Магдебургском съезде германской социал-демократической партии был напечатан ряд статей в русских газетах и журналах, как социал-демократических, так и буржуазных (кадетских). Так, например, в «Рабочей Газете» № 1, 12 ноября (30 октября) 1910 г., была помещена статья без подписи «Съезд германских социал-демократов»; в «Социал-Демократе» № 15 — 16, 12 сентября (30 августа) 1910 г. — неподписанная статья «Эмиссары буржуазного общества в лагере социалистов (О баденских ревизионистах)»; в «Нашей Заре» № 8 — 9, август — сентябрь 1910 г., статья М. Н. «Магдебургский партейтаг» и доклад А. Бебеля на Магдебургском партейтаге; в венской «Правде» № 16, 7 октября (24 сентября) 1910 г., неподписанная статья «Съезд германской социал-демократии»; в «Речи» — ряд статей и корреспонденций (см. №№ 246, 248, 249, 252, 254); то же самое в «Русских Ведомостях» (см. №№ 206, 207, 208, 209, 210) и др. О Магдебургском съезде см. примечание № 194. — 376.

[203]) Цитата из статьи Фр. Энгельса «Социализм в Германии», напечатанной во французском «Альманахе Рабочей Партии» («Almanach du Parti Ouvrier») за 1892 г. и перепечатанной в «Die Neue Zeit» № 19, за 1891 — 1892 г.г. В цитируемом месте говорится следующее: «Как часто пристают к нам буржуа с требованием, чтобы мы ни при каких обстоятельствах не прибегали к революционным приемам и оставались в пре-

делах закона,—это теперь-то, когда исключительных мер больше нет и восстановлено общее для всех, даже для социалистов, право! К сожалению, мы лишены возможности доставить гг. буржуа это удовольствие. Это не мешает, однако, тому, что в данное время не мы являемся теми, кто нарушает законность. Наоборот, законность так великолепно работает в нашу пользу, что мы были бы дураками, если бы посягнули на нее при таком положении дела. Вопрос скорее сводится к тому, не являются ли гг. буржуа и их правительство теми, которые нарушают закон и право, чтобы только сокрушить нас? Мы будем этого ждать. Стреляйте первые, господа буржуа!» («Almanach», стр. 97—98; «Die Neue Zeit», стр. 583).— 381.

[204]) Цитата из неподписанного отчета о первом заседании IV сессии III Государственной Думы, под заглавием «Отношение к памяти С. А. Муромцева», напечатанного в № 284 «Речи», 29 (16) октября 1910 г.—383.

[205]) *Польское «коло»* — объединение польских депутатов в Государственной Думе, в большинстве состоявших из представителей буржуазной партии Польши—«народовой демократии». Кроме «народовых демократов», в состав «коло» входили единичные представители польских «прогрессистов» и «реалистов». Польское «коло» находилось в сдержанной оппозиции по отношению к царскому правительству, старательно избегая резких политических выступлений против него; в частности, оно уклонилось в свое время от подписания «Выборгского воззвания». Как во II, так и в III Думе «коло» часто выступало солидарно с октябристами и кадетами, не вступая, однако, с ними в блок. Некоторый разнобой в думскую работу «коло» привносился раздорами в «народовой демократии», которые привели к организации, так называемой, «Фронды», представлявшей мелкую буржуазию. В польских народных массах «коло» популярностью не пользовалось. Главенствовавшая в нем партия «народовой демократии» обычно действовала методами разжигания национальной вражды, угрозами еврейских погромов, коррупцией и т. п., выдвигая в качестве основных своих задач приобретение автономии для Польши, борьбу с еврейским элементом, поддержку католической церкви. Лидером польского «коло» во II и III Думах был Р. Дмовский, видными членами: Стецкий, В. В. Жуковский, Я. С. Гарусевич, В. Студницкий и Т. Гружевский (последние два—«фрондисты»). Своего печатного органа «коло» не имело. «Народовые демократы» издавали «Gaseta Polska» («Польская Газета»), а «Фронда» — «Goniec» («Курьер») и «Rzecz Pospolita» («Речь Посполитая»).— 383.

[206]) Имеется в виду статья И. Жилкина «Живой символ», напечатанная в «Речи» № 273, 18 (5) октября 1910 г., в которой говорится: «В качестве представителя трудовой группы мне неоднократно приходилось за время первой Думы беседовать с С. А. Муромцевым. И он всегда отзывался о депутатах-трудовиках с мягкой снисходительностью строгого, но нежного и осторожно-внимательного воспитателя».— 385.

[207]) В «Русских Ведомостях» № 260, 24 (11) ноября 1910 г., в отделе «Последние известия» сообщалось: «Члены Государственной Думы, принадлежащие к оппозиции, за исключением социал-демократической и трудовой фракций, обратились к учащимся в высших учебных заведениях Петербурга с призывом не устраивать 11 ноября предположенной манифестации. . . . .— Назначавшаяся на 11 ноября студенческая манифестация отменена». В № 261 той же газеты, 25 (12) ноября 1910 г., в отделе «Около Думы» была помещена корреспонденция «Вопрос о студенческой манифестации», в которой говорилось: «Социал-демократическая фракция никакого постановления вчера по этому поводу не сделала, но ее отдельные члены не скрывали в Таврическом дворце своего опасения, что проектируемая манифестация при данных условиях может дать только отрицательные результаты». Цифровые данные о количестве

манифестантов Ленин приводит из того же номера «Русских Ведомостей», сообщенных в заметке «В Петербурге на улице», напечатанной в отделе «Сходки и манифестации». Цитируемое Лениным сообщение «Голоса Москвы» содержится в заметке «В кулуарах Г. Думы».—387.

[208]) В «Голосе Москвы» № 260, 24 (11) ноября 1910 г., Ленин имеет в виду передовую статью «В дни скорби», в которой говорилось следующее: «Но, должно быть, мы не были бы русскими, если бы и эту величественную картину всерусской скорби не сумели испортить... Нам кажется, что прежде всего киевская учащаяся молодежь поступила неправильно, вынеся свое горе, частицу горя общерусского, на улицу, превратив ее в орудие неуместной демонстрации... Но в одинаковой степени неправильно поступила и киевская администрация. Едва ли не она и вызвала эту демонстрацию, как протест против нелепого запрещения отмены спектаклей под угрозой закрытия театров». В том же самом номере, в заметке «Тревожное настроение» сообщалось о выяснившемся «желании учащейся молодежи (Петербурга. *Ред.*) и рабочих произвести завтра (т.-е. 12 ноября. *Ред.*) грандиозную политическую демонстрацию на Невском». В следующем (261) номере «Голоса Москвы», 25 (12) ноября, была помещена заметка «В кулуарах Гос. Думы», в которой сообщалось следующее: «Депутат Шульгин, первый поднявший вопрос о готовящихся беспорядках, считает сегодняшнюю демонстрацию подготовительным шагом со стороны крайних левых партий для более серьезных выступлений. Для меня совершенно ясно, кто является закулисными руководителями движения, искусственно прикрытого именем Толстого,—это комитеты с.-д. и с.-р. Судя по опубликованному сегодня воззванию в «Речи», к.-д. являются противниками демонстрации».

В «России» № 1530, 25 (12) ноября 1910 г., Ленин имеет в виду передовую статью (без подписи и заглавия), в которой говорилось: «всякое такое обращение, как то, с которым выступили господа кадеты, не только не может подействовать отрезвляюще, а, наоборот, неизбежно должно разжечь страсти».—388.

[209]) *«Вторая высшая социал-демократическая пропагандистско-агитаторская школа для рабочих» в Болонье* (Италия) была организована впередовцами, функционировала в конце 1910—начале 1911 г.

После закрытия Каприйской школы, впередовцами был образован комитет в составе: А. А. Богданова, А. В. Луначарского, А. В. Соколова (Ст. Вольского), Г. А. Алексинского и М. Н. Лядова для организации новой школы. Январский 1910 г. пленум Ц. К. не утвердил организацию сепаратной школы впередовцев и постановил предпринять подготовительные шаги к созданию общепартийной школы, для чего была создана школьная комиссия, с участием от впередовцев Алексинского и М. Н. Покровского. Очень скоро, однако, оба представителя впередовцев вышли из состава школьной комиссии Ц. К. Денежные суммы для впередовской школы были получены от сбора пожертвований через М. Горького, а главным образом,—от уральцев, совершивших Миасскую экспроприацию. Бывший ученик Каприйской школы Ф. И. Калинин руководил подготовкой выборов учеников и организацией их переправы заграницу. В некоторых местах ученики, вследствие контр-агитации большевиков-ленинцев, были не избраны, а назначены.

Съезд учеников закончился только в ноябре 1910 г., всего прибыло в Болонью 12 учеников (от Петербурга—И. И. Салман, И. К. Вульпе, И. П. Сесицкий, Д. И. Никончиков, И. А. Острецов-Дементьев и К. А. Веселов; от Москвы—Н. П. Авилов и М. Т. Степанчиков; от Урала—И. А. Хрущев, М. Н. Коковихин, К. Мячин и П. Гузаков) и 9 вольнослушателей («Карл» (латыш), «Архип» (украинец, меньшевик), Филия, Т. С. Кривов, Г. Е. Фомин, Д. Соболев, Луначарская, А. В. Мечникова и П. А. Стяжкина).

Всеми делами школы ведал Совет, в состав которого входили все

ученики, вольнослушатели 1 разряда и лекторы. В исполнительную комиссию Совета были избраны: Луначарский, Лядов, Сесицкий, Мячин и Кривов. Школьный Совет послал приглашения читать лекции ряду лиц. Р. Люксембург и Г. В. Плеханов не ответили на приглашение. Ленин ответил отказом, отправив настоящее письмо. М. Горький не мог приехать по болезни. Д. Б. Рязанов, Ф. И. Дан и еще кое-кто из приглашенных отказались по разным причинам. Занятия в школе начались 21 ноября 1910 г. Лекторами школы были: Богданов, Луначарский, Троцкий, Коллонтай, Лядов, Херасков, Покровский, Алексинский, П. П. Маслов, В. Р. Менжинский, М. Л. Вельтман-Павлович, А. В. Соколов (Ст. Вольский). Школа считалась секцией Болонского народного университета им. Гарибальди, и потому занятия некоторое время происходили в его аудиториях.

В ответ на настоящее письмо Ленина слушатели сообщили 14 декабря 1910 г., что они согласны переехать в Париж, но лишь в том случае, если последует официальное приглашение со стороны З. Б. Ц. К. и если оно согласится взять на свой счет расходы по переезду. Школьная комиссия Ц. К. в свою очередь неоднократно предлагала слушателям переехать в Париж, но не всей школой в целом, а только тем из них, кто выбран местными организациями и приехал непосредственно из России, ибо недостаток средств не позволяет принять всех. Совет школы, напротив, настаивал на переезде всех и, кроме того, на сохранении школьной автономии. Так как посредством переписки трудно было разрешить спорные вопросы, то в Болонью был командирован секретарь школьной комиссии Ц. К.— Н. А. Семашко (Александров), которому, однако, не удалось договориться относительно условий переезда. В конце-концов, в Париж отправилась вся школа, в том числе и вольнослушатели. В Париже слушатели в первую очередь потребовали автономии школы и права приглашения лекторов. Школьная комиссия отказалась выполнить эти требования. Вследствие этого между школой и школьной комиссией произошел разрыв. Занятия организовать не удалось. По настоянию З. Б. Ц. К., в котором большинство в это время составляли меньшевики, слушатели были отправлены в Россию в марте — апреле 1911 г. за счет школьной комиссии.— 389.

[210]) Цитата из статьи М. Меньшикова «Террор в деревне», напечатанной в № 12404, 6 октября (23 сентября) 1910 г.— 394.

[211]) В архиве Института хранится корректура этой статьи под другим заглавием, именно: «Значение Л. Н. Толстого в истории русской революции и русского социализма». Заглавие «Л. Н. Толстой» дано статье по предложению Г. Е. Зиновьева. — 400.

[212]) Публицист «Нового Времени» М. Меньшиков в своем стремлении обелить и выгородить правительство, отлучившее Л. Н. Толстого от церкви, доходил до того, что сваливал всю вину за это на . . . евреев (см. в «Новом Времени» № 12446, 17 (4) ноября 1910 г., статью «Урок Молодежи»). Вместе с тем он считал возможным сравнивать Толстого с пресловутым Иваном Кронштадтским, ибо «оба по существу были одной праведности, одного великого богоискания, одной до жгучих слез искренности в вере» (см. в «Новом Времени» № 12451, 22 (9) ноября 1910 г., статью — «Памяти Толстого»).— 403.

[213]) На имя В. В. Черткова в Астапово была отправлена телеграмма следующего содержания: «Социал-демократическая фракция Государственной Думы, выражая чувства Российского и всего международного пролетариата, глубоко скорбит об утрате гениального художника, непримиримого и непобежденного борца с официальной церковностью, врага произвола и порабощения, громко возвысившего свой голос против смертной казни, друга гонимых».

Эта телеграмма в настоящее время хранится в музее Л. Н. Толстого в Москве.— 404.

[214]) *«Наш Путь»* — полулегальная газета, руководимая большевиками; выходила в Москве с 12 июня (30 мая) 1910 г. по 22 (9) января 1911 г.; всего вышло 8 номеров; газета была организована при ближайшем участии Центрального Бюро профсоюзов, как продолжение «Вестника Труда», издававшегося в 1909 г. Газету редактировали: И. И. Скворцов-Степанов, М. И. Фрумкин (Л. Германов) и разоблаченный впоследствии провокатор «Аркадий» (Танин). Предназначенная для профсоюзов, газета, тем не менее, уделяла много внимания освещению основных общеполитических вопросов. Официально все номера были объявлены конфискованными, но фактически распространение газеты не приостанавливалось, так как в полицию попадало обычно только несколько экземпляров, а весь тираж выносился из типографии одновременно с посылкой контрольного номера в цензуру. Газета была закрыта вследствие провала основного ядра сотрудников, выданных провокаторами Р. В. Малиновским и Таниным. — 406.

[215]) Ленин, очевидно, имеет в виду статью В. А. Базарова «Л. Н. Толстой и русская интеллигенция», напечатанную в «Нашей Заре» № 10, октябрь 1910 г. В этой статье Базаров писал: «Нечего изображать нашу слабость в виде силы, в виде превосходства над «квиетизмом» и «ограниченной рассудочностью» Толстого. Этого не следует говорить не только потому, что это противоречит истине, но и потому также, что это мешает нам учиться у величайшего человека нашего времени. А поучиться у него есть чему каждому из нас, к какому бы общественному лагерю мы ни принадлежали». — 408.

УКАЗАТЕЛЬ ВАЖНЕЙШИХ ПРИМЕЧАНИЙ В АЛФАВИТНОМ ПОРЯДКЕ.

VI. СЛОВАРЬ-УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.

А.

АВГУСТОВСКИЙ, К. — см. **ЦЕДЕРБАУМ-ЕЖОВ, С. О.**

АДЛЕР, ВИКТОР (ADLER, VICTOR) (1852 — 1918) — основатель и вождь австрийской социал-демократии. Политическую деятельность начал в качестве буржуазного радикала, но очень скоро перешел к марксизму и, поддерживая близкие сношения с Фр. Энгельсом, в 1886 г. предпринял издание с.-д. газеты «Gleichheit» («Равенство»), чем способствовал созыву объединительного съезда австрийской социал-демократии в Грайнфельде в 1889 г. Был редактором центрального органа партиии «Arbeiter Zeitung» («Рабочая Газета») со времени его основания (1895 г.). После завоевания в 1905 г. всеобщего избирательного права А. посвятил свои силы парламентской борьбе, надеясь использовать раздробление национальных буржуазных фракций в австрийском парламенте в интересах рабочего класса. Увлечение парламентской борьбой сделало А. одним из вождей реформизма на конгрессах II Интернационала. От австрийской социал-демократии входил в состав Международного Социалистического Бюро. В годы империалистической войны А. не пошел дальше заурядного пацифизма и попыток соглашения с социалистами из II Интернационала стран Антанты. — **242 — 244.**

АКСЕЛЬРОД, П. Б. (1850 — 1928) — вначале бакунист, с расколом «Земли и Воли» (1879 г.) примкнул к черно-передельцам. В 1883 г. вместе с Плехановым, Дейчем, В. Засулич и Игнатовым основывает Группу «Освобождение Труда». С 1900 г. один из редакторов «Искры» и «Зари». На II съезде партии в 1903 г. вместе с Мартовым стал во главе меньшинства. А. принадлежит руководящая роль в выработке меньшевистской тактики за все время существования меньшевистской партии. На IV (Объединительном) съезде Р. С.-Д. Р. П. (Стокгольм 1906 г.) выступил с программным докладом о тактике по отношению к Государственной Думе, защищая идею «политического сотрудничества пролетариата и буржуазии в абсолютистской России». Осенью 1905 г. выдвинул идею созыва «рабочего съезда». Общая идея политики А., особенно настойчиво проповедывавшаяся им с момента поражения революции 1905 г., заключалась во фракционном сплочении меньшевиков с целью произвести «партийную революцию», т.-е. «коренным образом изменить характер русской социал-демократии, как он сложился в дореволюционную эпоху, и организовать ее на тех же началах, на каких зиждется партийный строй европейской социал-демократии», т.-е. на началах реформизма и легализма. В годы реакции возглавлял ликвидаторство и входил в редакцию ликвидаторского органа «Голос Социал-Демократа». Участник Циммервальдской и Кинтальской конференций, где занимал крайне правую позицию. В последние годы был одним из лидеров II Интернационала (член Международного Социалистического Бюро) и яростнейшим противником Советской власти,

проповедывавшим вооруженную интервенцию. — 43, 62, 105, 160, 254, 261, 300—302, 312, 334—337.

АЛЕКСАНДР II (1818—1881). — 64.

АЛЕКСЕЙ МАКСИМОВИЧ (А. М) — см. ГОРЬКИЙ, А. М.

АЛЕКСИНСКИЙ, Г. А. (р. 1879) — социал-демократ, эволюционировавший позднее к монархизму. С конца 1905 г. принимал участие в работе Московской с.-д. организации. В 1907 г. был избран во II Государственную Думу, участвовал в Лондонском (V) съезде Р. С.-Д. Р. П. После роспуска II Государственной Думы и ареста с.-д. фракции скрылся от суда за-границу, вопреки решению фракции. За-границей примкнул к бойкотистам, а потом к ультиматистам. В 1909 г. принял руководящее участие в организации отзовистско-ультиматистской школы на о. Капри. Впоследствии — один из основателей и вождей группы «Вперед». С начала империалистической войны А. занял ультра-шовинистическую позицию и вошел вместе с Плехановым, Авксентьевым и Бунаковым в редакцию социал-патриотического «Призыва». Одновременно сотрудничал в «Русской Воле», издававшейся в Петрограде на банковские деньги октябристом Протопоповым. По возвращении в Россию в 1917 г. примкнул к плехановской социал-патриотической группе «Единство». В июльские дни опубликовал, по соглашению с контр-разведкой, подложные документы с целью скомпрометировать Ленина и большевиков, изображавшихся в качестве германских агентов, чтобы таким образом сорвать движение петроградского пролетариата. В 1918 г. был арестован В. Ч. К., но скоро отпущен на поруки. Затем скрылся за-границу, где примкнул к лагерю белогвардейцев, выступал вместе с Бурцевым в качестве главного литературного агента барона Врангеля. В эмигрантских кругах А. приобрел вполне заслуженную репутацию грязного интригана и не стесняющегося в средствах человека. — 116, 120, 150, 156, 157, 164, 175, 195, 196, 269, 300—302, 312.

АМФИТЕАТРОВ, А. В. (1862—1923) — газетный фельетонист и беллетрист бульварного типа. Работал в ряде изданий противоположных политических направлений. В 1902 г. прославился напечатанным в газете «Россия» фельетоном «Господа Обмановы», в котором под прозрачными псевдонимами описал последних Романовых («Ника Милуша» и др.), вследствие чего был подвергнут высылке. В 1905 г. выехал за-границу, где издавал журнал «Красное Знамя». В 1911 г. начал издавать в Петербурге журнал «Современник» без определенного политического направления. В 1917 г. работал в ряде буржуазных изданий и принимал участие в кампании лжи и клеветы против Ленина и большевиков. Позднее эмигрировал за-границу. — 374, 375.

АН — см. ЖОРДАНИЯ, НОЙ.

АНДРЕЕВА, М. Ф. (р. 1876) — по профессии артистка, с 900-х годов принимает участие в революционном движении. В 1904 г. вступила в Р. С.-Д. Р. П. и примкнула к большевикам. Работала в Москве (окружная организация), Петербурге и Риге (по связи с социал-демократией Латышского Края). С 1906 г. по 1912 г. — агент Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. за-границей. В 1912 г. вернулась к театральной деятельности и переехала в Россию. После Октябрьской революции заведывала Народными Домами в Ленинграде, затем перешла на работу в Народный Комиссариат внешней торговли. С 1922 г. работает в торговых представительствах за-границей. — 189, 268, 375.

АНСЕЛЬ, ЭДУАРД (ANSEELE) (р. 1856) — социал-реформист, один из основателей и крупнейших деятелей бельгийской рабочей партии и рабочей кооперации. В молодости был продавцом газет и наборщиком. В 1876 г. избирается секретарем одной из первых социалистических групп (гентской) в Бельгии. В 1880 г. принимает участие в образовании гентского рабочего кооператива «Vooruit» («Вперед»). В 1885 г. активно участвует

в организации бельгийской рабочей партии. В 1886 г. был присужден к 6 месяцам тюремного заключения в связи с волнениями рабочих на юге Бельгии. По выходе из тюрьмы избирается администратором «Vooruit». В 1910 г. участвовал на Международном Социалистическом Конгрессе в Копенгагене, где был председателем кооперативной комиссии. В 1918—1921 г.г. был министром общественных работ, с 1925 г. и до падения коалиционного правительства Пулле-Вандервельде — министр путей сообщения. В кооперации А. видел средство к мирному преобразованию капиталистического общества в социалистическое; известна его фраза о том, что социалисты будут бомбардировать капитализм из кооперативов дешевым хлебом и картофелем. — **359, 360.**

АНТОН — см. **МАКАДЗЮБ, М. С.**

АНТОНИЙ ВОЛЫНСКИЙ (ХРАПОВИЦКИЙ, А. П.) (р. 1864) — черносотенный митрополит, идеолог «воинствующего монашества», один из виднейших проводников реакционной политики Николая Романова, ярый руссификатор. В период времени между 1905 и 1917 г.г. был епископом в разных епархиях Украины. На поместном церковном соборе 1917 г. в Москве выдвигался кандидатом в патриархи. В эпоху гражданской войны сотрудничал с Деникиным, энергично организуя на Украине монархические ячейки. После разгрома белых бежал в Юго-Славию, где работал по организации и созыву в Карловицах съезда монархистов, «провозгласившего» восстановление монархии в России. — **114, 222, 223, 403.**

Б.

БАБУШКИН, И. В. — **396—399.**

БАЗАРОВ, В. (РУДНЕВ, В. А.) (р. 1874) — экономист, публицист и философ. В 1896 г. начал с.-д. работу в Москве. В 1897 г. был выслан в Тулу, где вел пропагандистскую работу вместе с А. А. Богдановым и И. И. Степановым-Скворцовым. В 1901 г. вошел в Московский Комитет, но вскоре был выслан в Сибирь. После раскола партии примкнул к большевикам. В 1905 г. был членом Петербургского Комитета. Активно работал в легальной и нелегальной большевистской печати. Участвовал на Стокгольмском съезде партии. В годы реакции отошел от большевиков. Сотрудничал в ликвидаторской «Нашей Заре». Во время войны был интернационалистом, сотрудничал в «Современнике» и «Летописи». В 1917 г. был одним из редакторов «Новой Жизни». В 1919 г., в период деникинщины, вместе с меньшевиками участвовал в журнале «Мысль», издававшемся в Харькове, и там же выпустил сборник «На пути к социализму». В настоящее время работает в Госплане. Базаров является переводчиком (вместе с Степановым-Скворцовым) «Капитала» К. Маркса. В области философии — последователь Маха и Авенариуса. — **119, 120, 122.**

БАТЫШЕВ-КОРОЛЕВ, И. Г. («ЮЛИЙ») (р. 1885) — большевик, слесарь. Революционную работу начал после 9 января 1905 г. Скоро выдвинулся на руководящую работу в местной партийной организации. Многократно подвергался арестам и тюремному заключению. В августе 1909 г. был выделен Рогожской организацией в отзовистско-ультиматистскую школу на о. Капри. По возвращении в Москву (1910 г.) был арестован и выслан на два года в Екатеринослав. В 1912 г. работал слесарем на постройке электрической станции. В 1913 г. был снова арестован и выслан на три года в Олонецкую губернию, откуда вскоре был переведен в Радом. В 1916 г. скрылся от мобилизации в армию, перейдя на нелегальное положение. К моменту Февральской революции жил в Н.-Новгороде, где работал на заводе. После Октябрьской революции вел профессиональную, партийную, советскую и военную работу в Н.-Новгороде и на Украине. В настоящее время работает в Москве. — **118.**

БЕБЕЛЬ, АВГУСТ (1840—1913)—виднейший представитель международного рабочего движения второй половины XIX и начала XX вв., один из основателей и вождей германской социал-демократии и II Интернационала, рабочий-токарь. Под влиянием В. Либкнехта в 1865 г. вступил в Интернационал и примкнул к учению Маркса. Вместе с В. Либкнехтом основал в 1869 г. «Социал-Демократическую рабочую партию», слившуюся в 1875 г. с лассальянцами в единую «Социалистическую рабочую партию Германии». В 1872 г. был вместе с Либкнехтом приговорен к двухлетнему заключению в крепости, несколько раз подвергался административной высылке и тюремному заключению. Играл выдающуюся роль в международном пролетарском движении. Неоднократно избирался депутатом от социал-демократической партии в рейхстаг. В парламентской деятельности допустил ряд оппортунистических ошибок. Постоянный участник партейтагов (партийных съездов). В 1910 г. на Магдебургском съезде партии выступил с докладом о голосовании бюджета в Баденском ландтаге и осудил оппортунистическое поведение баденцев. В теории всегда признавал себя учеником Маркса и Энгельса, неоднократно и резко выступал против бернштейнианства и оппортунизма в рядах партии и на международной арене. К концу жизни занял центристскую позицию. Автор ряда книг, брошюр и речей, пользовавшихся широким распространением.— **58, 59, 361, 363, 365, 376—381.**

БЕЛИНСКИЙ, В. Г. (1811—1848)—родоначальник русской публицистической критики. Участник кружка, из которого вышли Герцен, Огарев, Бакунин. Пройдя через увлечение консервативным гегелианством, стал в русской легальной журналистике 40-х г.г. виднейшим проповедником идей политической демократии, социальной справедливости и начатков материализма. В его статьях последнего периода явно видно влияние французского социализма 40-х годов и фейербаховского материализма. К русскому политическому строю своей эпохи относился как революционер-демократ, заклеймив и самый строй и прислуживавшихся к нему писателей в своем знаменитом «Письме к Гоголю». Своим сотрудничеством создал среди русской разночинной интеллигенции огромный престиж журналу «Современник», в котором его преемниками были Чернышевский и Добролюбов.— **218, 219.**

БЕЛОУСОВ, Т. О. (р. 1874)—по профессии народный учитель, социал-демократ, депутат III Государственной Думы от Иркутской губернии. До 1903 г. сочувствовал народникам. Под влиянием ссыльных социал-демократов повернул к марксизму и в 1905 г. вступил в Р. С.-Д. Р. П. Работал в черемховской с.-д. группе (Иркутской губернии), издавал нелегальный журнал «Шахтер», сотрудничал в сибирском журнале «Восточное Обозрение». Много работал по организации избирательных кампаний в Государственную Думу и выступал кандидатом в губернские выборщики от блока местных социал-демократических, эс-эровских и трудовических групп. В III Государственной Думе выступал с речами и работал в комиссиях по вопросам бюджета, финансов, народного образования и др. В 1912 г. вышел из с.-д. думской фракции, не сложив с себя депутатских полномочий, чем вызвал сильное негодование и протест со стороны фракции и с.-д. печати. В дальнейшем Б. совсем отошел от политической деятельности. В настоящее время работает в Москве по кооперативной линии.— **59, 76, 81.**

БЕРДЯЕВ, Н. А. (р. 1874)—философствующий публицист, проделавший эволюцию от марксизма к идеализму, а затем к мистицизму. Одним из этапов этой эволюции явилась его книга «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии» (1901 г.), в которой бернштейнианское выхолащивание марксизма сочетается с кантовской философией. Во время первой революции работал в кадетской партии. После поражения революции закончил свою эволюцию (через сборник «Вехи») полным примирением с православием. После Октябрьской революции выступил апологетом

средне-вековой схоластики, как единственного спасения от растущего коммунизма. В настоящее время находится в эмиграции.—217.

БЕРЕЗОВСКИЙ, А. Е. (р. 1868)—агроном, член кадетской партии, депутат III Государственной Думы от Симбирской губернии. В 1888—1898 г.г. работал в качестве управляющего сельско-хозяйственными предприятиямя и был земским гласным. В 1902—1917 г.г. управлял чужими имениями и своим собственным (400 десятин) в Симбирской губернии. В 1907—1912 г.г. был депутатом III Государственной Думы, выступал от кадетской фракции по бюджетному и продовольственному вопросам. С 1918 г. и по настоящее время работает в советских учреждениях по своей специальности.—223.

БЕРНШТЕЙН, ЭДУАРД (р. 1850)—германский социал-демократ, в эпоху исключительных законов против социалистов редактор нелегального центрального органа партии «Социал-Демократ». В середине 90-х годов выступил в теоретическом органе германской социал-демократии «Die Neue Zeit» со статьями, в которых пытался подвергнуть пересмотру философские, экономические и политические основы революционного марксизма и заменить их теорией примирения классовых противоречий, отрицанием социалистической революции и верой в возможность достижения социализма путем постепенного «врастания» в капиталистический строй. Более или менее связное изложение своих взглядов Б. дал в книге «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии», вышедшей в январе 1899 г. Выступления Б., вызвавшие тотчас же резкую критику Р. Люксембург и Парвуса, а затем Г. Плеханова и К. Каутского, послужили исходным пунктом широкой и острой полемики в среде международной социал-демократии и привели к оформлению двух течений: ортодоксов и ревизионистов. В эпоху войны Б. был центристом, социал-пацифистом. В настоящее время является одним из лидеров II Интернационала и депутатом рейхстага. Воззрения Б. целиком победили в германской социал-демократии и нашли свое отражение в новой программе партии, принятой в 1925 г. на съезде в Гейдельберге.—91, 242, 361.

БИСМАРК, ОТТО (1815—1898)—«железный канцлер» Германской империи, главным делом которого было объединение «кровью и железом» мелких разрозненных немецких государств и создание германского национального единства под главенством юнкерской Пруссии и вокруг династии Гогенцоллернов. При нем было введено в Германии всеобщее избирательное право, а также изданы исключительные законы против социалистов (1878 г.), посредством которых он пытался бороться с усиливавшимся ростом и влиянием германской социал-демократии. Безапелляционный советник Вильгельма I во всех политических делах и национальный герой германской буржуазии.—69.

БЛОХ, ИОСИФ (BLOCH) (р. 1871)—германский социал-демократ, видный ревизионист, доктор философии, литератор. В 1895 г. был редактором журнала «Sozialistischer Akademiker» («Социалистический Академик»). С 1897 г.—редактор и издатель главного теоретического органа ревизионистов «Sozialistische Monatshefte» («Социалистические Ежемесячники»). Перед Магдебургским партейтагом 1910 г., во время дискуссии о парламентской тактике партии, требовал в своих статьях, чтобы социал-демократическая фракция рейхстага голосовала за имперский бюджет и т. д. В связи с этим А. Бебель назвал его в своем докладе на съезде национал-либералом.—365, 378.

БОБРИКОВ, Н. И. (1839—1904)—финляндский генерал-губернатор; считал автономию Финляндии «выдумкой зловредных элементов»; провел манифест 16 (3) февраля 1898 г., фактически упразднявший финляндскую конституцию, затем закон, согласно которому отменялся особый порядок комплектования финляндских войск и начался набор финляндцев в русские войска. В довершение всего этого ввел русский язык в делопроизводство

Финляндии в качестве обязательного начала. В феврале 1903 г. режим «бобриковщины» достиг своего апогея: в Финляндии была введена усиленная охрана, а Б. наделен диктаторскими полномочиями. Политика русификации и беспощадных репрессий восстановила против Б. не только левые буржуазные группировки, перешедшие от «пассивного сопротивления» к тактике «активного сопротивления», но и правые буржуазно-землевладельческие группировки. 16 (3) июня 1904 г. Б. был убит финляндским террористом Евг. Шауманом (сыном сенатора).—184.

БОБРИНСКИЙ, А. А. (р. 1862)—граф, крупный землевладелец и сахарозаводчик Киевской губернии, предводитель дворянства Петербургской губернии и городской гласный, председатель Совета объединенного дворянства, член Государственного Совета и III Государственной Думы от Киевской губернии, крайний правый. В июне 1909 г. принимал участие в известной поездке членов Государственной Думы и Государственного Совета в Лондон. Во время империалистической войны был товарищем министра внутренних дел, а с июля 1916 г.—министром земледелия, проводил политику повышения твердых цен на продовольствие. После Октябрьской революции входил в «Совет государственного объединения России» на Украине, поддерживал гетмана Скоропадского. Ныне эмигрант.—275, 276.

БОГДАНОВ, А. А. (МАКСИМОВ) (1873—1928)—литературный псевдоним А. А. МАЛИНОВСКОГО. Видный социал-демократ, философ, публицист и биолог. К революционному движению примкнул в 90-х годах, работал в рабочих социал-демократических кружках в Туле, Москве, Твери и др. После раскола Р. С.-Д. Р. П. примкнул к большевикам. Осенью 1904 г. был избран в «Бюро комитетов большинства», принимал энергичное участие в работе по созыву III съезда, на котором выступал с рядом докладов. Был избран членом первого большевистского Ц.К. В «дни свободы» работал в качестве одного из редакторов большевистской «Новой Жизни», был членом Петербургского Совета рабочих депутатов, а также членом редакции большевистских нелегальных органов «Вперед» и «Пролетарий». На Стокгольмском (1906 г.) и Лондонском (1907 г.) съездах избирался в члены Ц. К. от большевиков, а во время последнего — членом Большевистского Центра и редакции большевистского фракционного органа—«Пролетарий». В 1907 г. выступил с защитой тактики бойкота III Государственной Думы, в дальнейшем отстаивал ультиматизм и прикрывал отзовизм и богостроительство. К этому времени относится обострение философских разногласий между Б. и Лениным. Будучи в области философии последователем Маха и Авенариуса, Б. пытался создать самостоятельное направление (см. его работы: «Эмпириомонизм», 3 книги 1904—6 г.г. «Тектология», ч. I, 1913 г. и ч. II, 1917 г.). В первой половине 1909 г. под его руководством была организована отзовистско-ультиматистская школа на о. Капри в качестве прикрытия для центра новой фракции. В июле 1909 г. Б. вышел из Большевистского Центра — редакции «Пролетарий». В декабре 1909 г. стал во главе группы «Вперед», был одним из руководящих членов редакции фракционного сборника «Вперед». В январе 1910 г. принимал участие в «объединительном» пленуме Ц. К. Р. С.-Д. Р. П., на котором поддерживал ликвидаторов в борьбе против Большевистского Центра. После разрыва с впередовцами (1911 г.) совсем отошел от социал-демократии. Во время войны, как врач, был мобилизован на фронт. После Октябрьской революции выступил против коммунизма в сборнике «Вопросы социализма». Позднее под его влиянием находилась группа «Рабочей Правды», но сам Б. к тому времени отошел от политической жизни. В 1918 г. был одним из руководителей и вдохновителей «пролеткульта». Последние годы Б занимался вопросами переливания крови, являясь организатором и директором Московского Института переливания крови. Погиб от неудачного эксперимента на самом себе. Б. принадлежит

значительное количество работ в области философии, политической экономии, литературы и искусства. Критике философских воззрений Б. посвящена книга Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» (см. т. XIII Сочинений, там же указатель философских, экономических и др. работ Б.).—**90, 92—94, 102, 103, 119, 120, 122, 124, 141—143, 145, 147—165, 169, 171, 172, 174—177, 190—192, 195, 196, 203—207, 313, 334, 346, 347, 350.**

БОДМАН—ФОН, ИОГАНН ГЕЙНРИХ (BODMAN) (р. 1851)—крупный баденский политический деятель, национал-либерал. В 1907 г. был министром внутренних дел. В 1917—1918 г.г. возглавлял кабинет министров. В настоящее время отошел от активной политической деятельности.—**376.**

БОТКИНА, М. С.—268.

БРАНТИНГ, КАРЛ ЯЛЬМАР (1860—1925)—лидер шведской социал-демократии и один из вождей II Интернационала, крайний приверженец министериализма. С 1884 г. работал в газете «Тиден», а с 1887 г. стал редактором-издателем партийного органа «Социал-Демократен». В 1896 г. был избран в нижнюю палату депутатов (риксдаг). В мае 1909 г. выступил от имени социал-демократической фракции риксдага с протестом по поводу ожидавшегося приезда Николая II в Стокгольм. Во время империалистической войны был сторонником англо-французской ориентации. В 1917 г. входил в качестве министра финансов в коалиционное правительство либерала Эдена, которое оказало вооруженную помощь белогвардейским палачам рабочего класса Финляндии. В 1920—1921 г.г. возглавлял социал-демократическое правительство, а в 1924 г. был назначен представителем Швеции в совете Лиги Наций.—**113.**

БРИАН, АРИСТИД (р. 1862)—один из крупнейших политических деятелей французской буржуазии, ренегат социализма. В 90-х годах стоял во главе полуанархической организации «Рыцарей Труда», выступал ярым сторонником всеобщей забастовки, благодаря чему пользовался известностью среди рабочих и в 1902 г. был избран в парламент. Позднее примкнул к жоресистам, с которыми вошел в социалистическую партию, где стоял на крайне правом фланге и защищал министериализм. Вопреки запрещению Амстердамского конгресса (1904 г.) II Интернационала участвовать социалистам в буржуазном правительстве, Б. в 1906 г. вступил в буржуазное министерство в качестве министра народного просвещения. Вскоре он был исключен из социалистической партии и примкнул к группе «независимых» социалистов (Мильеран и др.), положивших в 1911 г. начало «республиканской социалистической партии». С 1906 г. и по настоящее время Б., за исключением кратковременных перерывов, входил в кабинет министров. В 1909—1911 г.г. был председателем совета министров и принимал суровые меры против бастовавших железнодорожников, объявив железные дороги на военном положении. В 1913, 1915—1917, 1921—1922 г.г.—председатель совета министров. В 1924 г.—представитель Франции в Совете Лиги Нации. В 1925 г.—министр иностранных дел в кабинете Пенлеве. В 1926 г.—председатель совета министров. В 1927 г. министр иностранных дел в кабинете Пуанкаре. На этом посту ратифицировал аннексию Бессарабии Румынией. В 1929 г.—снова председатель совета министров, затем—министр иностранных дел в кабинете Тардье.—**209, 327.**

БРОНШТЕЙН, П. А. («ЮРИЙ», «Н. ГАРВИ», «Ю. ЧАЦКИЙ») (р. 1881)—видный меньшевик-ликвидатор. В 1902 г. привлекался по делу Одесского комитета и был выслан на 4 года в Сибирь. В 1905 г.—член Киевского комитета Р. С.-Д. Р. П. На Лондонском (1907 г.) съезде был избран в Ц. К. от меньшевиков. В 1910 г. отказался войти в русскую коллегию Ц. К. и заявил вместе с двумя другими ликвидаторами, приглашавшимися в эту коллегию, что считает самое существование Ц. К. вредным. Входил в редакцию ликвидаторского журнала «Возрождение», сотрудничал в «Нашей Заре». Работал при думской социал-демократической фракции в качестве «сведущего» лица. В 1912 г. принимал участие в Венской конференции мень-

шевиков-ликвидаторов, на который был избран в Организационный Комитет. В настоящее время находится в эмиграции, сотрудничает в меньшевистском «Социалистическом Вестнике». — **260 — 262, 269, 283, 285, 307, 309, 326, 349.**

БУЛГАКОВ, С. Н. (р. 1871) — экономист и философ, первоначально один из представителей «легального марксизма», в своих первых экономических статьях и книге «О рынках при капиталистическом производстве» (1897 г.) выступал как сторонник Маркса, затем эволюционировал от марксизма к идеализму и православию. Уже в журнале «Начало» (1899 г.) и, в особенности, в двух-томной работе «Капитализм и земледелие» Б. порвал с марксизмом и целиком стал на ревизионистскую точку зрения, доказывая ошибочность всех основных положений марксистской теории вообще и в области аграрных отношений, в частности. Дальнейшая эволюция Б. получила свое выражение в статьях, помещенных в книгах и сборниках: «Проблемы идеализма» (1902 г.), «От марксизма к идеализму» (1903 г.), «Вопросы религии» (1906 г.) и «Вехи» (1909 г.). В 1907 г. Б. был депутатом II Государственной Думы, примыкал к кадетской партии, являлся одним из идеологов общественной реакции, господствовавшей после поражения первой революции. После Октябрьской революции стал священником. В настоящее время находится в эмиграции. — **217, 221, 263, 266.**

В.

ВАДИМ — см. ИКОВ, В. К.

ВАЛЕНТИНОВ, Н. (ВОЛЬСКИЙ, Н. В.) (р. 1879) — видный меньшевик-ликвидатор, журналист. В революционное движение вступил в 1898 г., вел пропаганду в рабочих кружках. В 1902 г. был членом Киевского Комитета Р. С.-Д. Р. П. После II съезда партии примкнул к большевикам и остался на работе в Женеве. В конце 1904 г. перешел к меньшевикам и уехал в Россию, где редактировал в Москве легальную с.-д. «Московскую Газету». В 1905—1907 г.г. был членом лекторской с.-д. группы в Москве. В эпоху реакции сотрудничал в ликвидаторских литературных предприятиях: «Возрождение», «Дело Жизни», «Наше Дело», сборник «Вопросы момента» и др. В дальнейшем — активный сотрудник «Русского Слова». Автор книг: «Философские построения», «Э. Мах и марксизм» (1907—1908), в которых развивал махистские взгляды в философии, пытаясь дополнить ими марксизм. Летом 1917 г. ушел от меньшевиков. В настоящее время сотрудничает в советских органах печати. — **60, 347.**

ВАЛЬЯН, МАРИ-ЭДУАРД (VAILLANT) (1840—1915) — французский социалист, один из выдающихся деятелей международного социалистического движения второй половины XIX и начала XX столетий, доктор медицины, инженер. Еще юношей он примкнул к революционному движению и был одним из ревностных сторонников Бланки. Во время революции 4 сентября 1870 г. вступил в ряды национальной гвардии и принимал активное участие в борьбе с противниками республики. 26 марта 1871 г. был избран членом Парижской Коммуны и назначен уполномоченным сначала по ведомству внутренних дел, а потом народного образования. После подавления Коммуны эмигрировал в Англию, где близко сошелся с К. Марксом и Ф. Энгельсом. Здесь продолжал революционную работу в качестве члена Генерального Совета I Интернационала. В 1872 г. военным судом в Версале заочно присужден к смертной казни. После амнистии 1880 г. вернулся во Францию и принял деятельное участие в организации социалистических групп. В 1884 г. руководил единственной тогда во Франции ежедневной социалистической газетой «Homme Libre» («Свободный Человек»). С 1893 по 1910 г. деятельно сотрудничал в газете «La petite République» («Маленькая Республика»), а позднее — в «L'Humanité»

(«Человечество»). Активно участвовал во всех Международных Социалистических Конгрессах (1872—1912 г.г.). На Международном Социалистическом Конгрессе 1910 г. в Копенгагене выступил в качестве одного из авторов предложения об объявлении всеобщей стачки в случае войны. От французской социалистической партии входил в состав Международного Социалистического Бюро II Интернационала. Неоднократно избирался депутатом в парламент от Парижа. До империалистической войны боролся с поссибилистами и против милитаризма. Во время империалистической войны резко изменил позицию и стал на сторону защиты отечества. — 242.

ВАНДЕРВЕЛЬДЕ, ЭМИЛЬ (р. 1866) — один из виднейших социал-оппортунистов, лидер Бельгийской рабочей партии, председатель Международного Социалистического Бюро II Интернационала. В годы мировой войны первый из социалистов II Интернационала вошел в буржуазное министерство, оставаясь министром юстиции до 1921 г. В июле 1914 г. на Брюссельской конференции, созванной Международным Социалистическим Бюро, пытался объединить все группировки в российской социал-демократии против большевиков. В сентябре 1914 г. обратился с письмом к русским рабочим о поддержке войны и о прекращении борьбы с царизмом на время войны. В феврале 1915 г. участвовал в Лондонской конференции социалистов стран Антанты. В 1917 г. вместе с А. Тома и др. социал-патриотами стран Согласия приезжал в Россию уговаривать русских рабочих и крестьян продолжать войну до победоносного конца. В 1919 г. подписал Версальский мирный договор. В 1922 г. выступал защитником на процессе членов Ц. К. партии эс-эров в Москве. В 1925—1926 г.г. был министром иностранных дел; на этом посту отказался от признания Советского правительства, вопреки избирательной программы собственной партии. — 360.

ВАН-КОЛЬ, ГЕНРИХ (1851—1925) — видный голландский социал-оппортунист, инженер. Еще студентом вступил в голландскую секцию I Интернационала. Долго работал в Индонезии по своей специальности. По возвращении на родину вошел в социал-демократический союз, в котором образовал оппозицию против руководства Домелы Ньювенгуйса, склонявшегося к анархизму. В 1894 г. вышел из этого союза и, вместе с Трульстра, Флигеном и другими единомышленниками, основал социал-демократическую партию Голландии. С 1897 г. стал реформистом и перешел на крайне правый фланг партии. Активно участвовал на Международных Социалистических Конгрессах II Интернационала. Считался признанным специалистом по колониальному вопросу, в котором защищал «этическую» точку зрения. По мнению В.-К. колониальные народы еще не созрели для независимости, и потому их необходимо пока воспитывать, склоняя туземную интеллигенцию к сотрудничеству с правительством метрополии. В 1897 г. был избран в парламент, депутатом которого оставался до 1918 г. В 1918 г. был избран сенатором. Автор книги «По Суматре», в которой дал ряд материалов о злодеяниях голландской военщины в колониях. — 243, 244.

ВАНЯ — см. **ПАНКРАТОВ, И. И.**

ВАРСКИЙ — см. **ВАРШАВСКИЙ, А. С.**

ВАРШАВСКИЙ, А. С. (партийный псевдоним — «**ВАРСКИЙ**») (р. 1868) — польский коммунист, один из старейших вождей и теоретиков польского рабочего движения, один из основателей первой в Польше массовой марксистской организации «Союза польских рабочих». В 1893 г. эмигрировал и, вместе с Р. Люксембург, Ю. Мархлевским, Тышкой-Иогихесом и Б. Веселовским, издавал газету «Sprawa Robotnicza» («Рабочее Дело»). Был делегатом на II съезде Р. С.-Д. Р. П., который покинул вместе со всей польской делегацией из-за расхождений по национальному вопросу. Делегат социал-демократической партии Польши и Литвы на Стокгольмском Объединительном съезде Р. С.-Д. Р. П. В 1907 г. на Лондонском съезде был избран

в Ц. К. от польской социал-демократии. В 1909—1910 г.г. входил в редакцию Центрального органа Р. С.-Д. Р. П. «Социал-Демократ», поддерживал большевиков. Участвовал на январском 1910 г. пленуме Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. Делегат польской социал-демократии на Копенгагенском Конгрессе II Интернационала в 1910 г. Во время империалистической войны занимал интернационалистскую позицию. Принимал активное участие в работах Циммервальдской и Кинтальской конференций. В 1916 г. вернулся в Польшу, где продолжал вести революционную работу. В 1918 г. явился одним из основателей коммунистической партии Польши. С тех пор постоянно избирался в члены Ц. К., за исключением перерыва в 1924—1925 г.г., вызванного ошибками, которые он совершил в связи с дискуссией в В.К.П. (б.) и кризисом в Германской компартии. Активный сотрудник теоретических органов партии: «Przegląd Socjal-Demokratyzny» («Социал-Демократическое Обозрение») и «Nowy Przegląd» («Новое Обозрение»). На страницах последнего в 1922 г. положил начало коренному пересмотру в духе ленинизма укрепившихся среди польских марксистов взглядов Р. Люксембург по национальному, аграрному, организационному и др. вопросам. С весны 1926 г. Варшавский состоит депутатом польского сейма и является председателем его коммунистической фракции. За время своей революционной работы многократно сидел в царских, германских и польских тюрьмах. — 252, 253, 365.

ВИБО, Ф. (WIBAUT) (р. 1859) — видный голландский социал-демократ, журналист. Неоднократно избирался в Ц. К. Голландской рабочей социал-демократической партии. Сотрудничал в голландском журнале «De Economist» («Экономист»). В марте 1910 г. вышел из оппортунистической Рабочей Социал-Демократической Партии и примкнул к марксистской Социал-Демократической Партии (Вайнкоп, Паннекук, Роланд-Гольст, Гортер и др.). Был делегатом на Копенгагенском Международном Социалистическом Конгрессе 1910 г., работал там в кооперативной комиссии. Во время империалистической войны занимал центристскую позицию, позднее совсем скатился к реформизму. В настоящее время крупный коммерсант, представитель финансовых кругов в амстердамском городском самоуправлении. — 360, 363.

ВИВИАНИ, РЕНЭ (1863 — 1925) — крупный французский политический деятель, лидер республиканских социалистов в палате депутатов, ренегат социализма, адвокат. Принимал первоначально деятельное участие в рабочем движении, был одним из вождей французской объединенной социалистической партии. В 1906 г. вступил в правительство Клемансо в качестве министра труда, вопреки решению Амстердамского (1904 г.) Конгресса II Интернационала. Затем порвал с социалистической партией и присоединился к группе «независимых социалистов» (Мильеран и др.), вместе с которой основал «республиканскую социалистическую партию». В 1909 г. вступил в правительство Бриана, резкое выступление которого против железнодорожной забастовки заставило Вивиани отказаться от поста министра. В 1913—1914 г.г. входил министром народного просвещения в правительство Думерга. В 1914—1915 г.г. был председателем совета министров и министром иностранных дел. В 1915—1917 г.г. состоял министром юстиции в кабинетах Бриана и Рибо. После войны принимал активное участие в работе Лиги Наций. Автор книги: «История реставрации». — 327.

ВИЛОНОВ, Н. Е. («МИХАИЛ ЗАВОДСКОЙ», «МИХАИЛ») (1885—1910) — большевик, профессионал-революционер, выдающийся партийный практик-организатор, рабочий. В 1902 г. вступил в Киевскую с.-д. организацию. Вскоре вынужден был бежать в Екатеринослав. Работая здесь, приобрел большую популярность среди рабочих. Летом 1904 г. бежал из Екатеринослава сначала в Казань, затем в Самару и на Урал, где развернул широкую организационно-пропагандистскую работу. В 1905 г. был арестован

и направлен в Николаевские арестантские роты. В июле 1905 г. пытался бежать и за это подвергся жестоким истязаниям. Осенью 1905 г. был освобожден по манифесту и продолжал вести революционную работу в Самаре, Уфе и Екатеринбурге. В 1906 г. снова был арестован и направлен в Николаевские арестантские роты. В знак протеста пытался себя сжечь, вследствие чего сильно подорвал свое здоровье. Из Николаевских арестантских рот был переведен в Камышловскую тюрьму, откуда бежал в Москву, где работал в Лефортовском районе. Здесь вскоре был снова арестован и сослан в Архангельскую губернию, откуда бежал в Казань. В 1909 г. уехал лечиться на о. Капри к М. Горькому, где встретился с А. Богдановым и Г. Алексинским и принял активное участие в организации известной отзовистско-ультиматистской школы: ездил в Россию, вел агитацию в пользу школы, вербовал в нее учеников. Впоследствии в этой школе примкнул к группе ленинцев, сторонников Большевистского Центра, и вместе с ними, после раскола, переехал в Париж. После январского 1910 г. пленума Ц.К. Р.С.-Д.Р.П. намечался кандидатом для кооптации в Ц. К. от большевиков. Умер за границей от туберкулеза. — **175, 186, 189.**

ВИЛЬГЕЛЬМ II ГОГЕНЦОЛЛЕРН (р. 1859) — германский император, король прусский (1888—1918). Свергнут ноябрьской революцией 1918 г. В настоящее время находится в Дорне (Голландия). — **113.**

ВИТТЕ, С. Ю. (1849—1915) — самый выдающийся из министров Александра III и Николая II, своими мероприятиями в области финансов (введение золотой валюты, усиление покровительственной системы, винная монополия), железнодорожного дела и пр. много способствовавший развитию капитализма в России. В своих записках о земстве (1898—1899 г.г.) доказывал несовместимость земского самоуправления с самодержавием. После русско-японской войны вел переговоры о мире с Японией. В 1905 г. был председателем совета министров. В виду усиления революционного движения выступил с планом ликвидации революции путем уступок и созыва законодательной Государственной Думы. Автор манифеста 17 октября 1905 г. Сошел с политической сцены после поражения революции 1905 г. См. его «Воспоминания» (ГИЗ, Петроград, 1923). — **265.**

ВИХЛЯЕВ, П. А. (1869 — 1928) — социалист-революционер, агроном, статистик, земский работник Тамбовской и Тверской губерний, заведывал статистическим бюро Московского губернского земства. Автор ряда работ: «Очерк русской с.-х. действительности», «Аграрный вопрос с правовой точки зрения» и др. В 1917 г. принимал активное участие в организации и проведении всероссийской с.-х. переписи (учет населения, скота и посевов). После Февральской революции был товарищем министра земледелия. В 1918 г. принимал участие в работе Центрального статистического управления. С 1919 г. всецело отдался преподавательской деятельности: состоял профессором Тимирязевской с.-х. академии, был одним из организаторов статистического отделения при 1 Московском Государственном Университете. — **15.**

ВЛАДИМИР — см. **КОСАРЕВ, В. Б.**

ВЛАДИМИРОВ, М. К. (**«ЛЕВА»**) (1879—1925) — видный большевик, профессионал-революционер. В 1902 г. был за границей, где работал в рядах искровцев. В 1903 г. вернулся в Россию, организовал группу «Искры» в Гомеле, был членом Полесского комитета Р. С.-Д. Р. П. В 1907 г. участвовал в Лондонском съезде Р. С.-Д. Р. П. Позднее вел партийную работу в разных городах России. Был секретарем Одесского комитета, вместе с которым подвергся аресту. В 1908 г. снова был арестован и сослан. Вскоре бежал из ссылки за границу, жил сначала в Вене, потом в Париже. В 1909 г. был приглашен читать лекции в отзовистско-ультиматистскую школу на о. Капри, но отказался туда приехать. В 1911 г. вел занятия в Парижской партийной школе (Лонжюмо), читал лекции по националь-

ному вопросу. Вскоре порвал с большевиками-ленинцами и стал «примиренцем»; во время войны примкнул к группе «Наше Слово» (группа Л. Троцкого). После Февральской революции 1917 г. вернулся в Россию, вступил в партию большевиков и работал в различных советских органах. В 1921 г. был народным комиссаром продовольствия, а потом народным комиссаром земледелия Украинской С.С.Р. С 1922 г. по 1924 г. — заместитель народного комиссара финансов Р. С. Ф. С. Р. С 1924 г. до самой смерти — заместитель председателя В.С.Н.Х. С.С.С.Р. — **116, 121.**

ВОДОВОЗОВ, В. В. (р. 1864) — видный член партии трудовиков, публицист, юрист. Известен своими трудами по вопросам избирательного права и политических партий в России и на Западе: «Всеобщее избирательное право на Западе» (1905 г.), «Всеобщее избирательное право и его применение в России» (1906 г.). В 1904—1908 г.г. входил в редакцию газет «Наша Жизнь» и «Товарищ». С 1911 г. был членом редакции журнала «Современник». В 1917 г. состоял членом редакции «Былого», сотрудничал в газете «День». К Октябрьской революции отнесся враждебно, уехал на юг, выступал в белой печати. В настоящее время находится в эмиграции, сотрудничает в зарубежной прессе («Руль» и др.). — **127, 128.**

ВОЙНОВ — см. ЛУНАЧАРСКИЙ, А. В.

ВОЛЬСКИЙ, СТАНИСЛАВ (СОКОЛОВ, А. В., «ЕР», «ВАЛЕРИАН») (р. 1880) — социал-демократ, литератор. В 1902 г. судился по делу московской с.-д. организации и был сослан в Волоколамск. После раскола Р.С.-Д.Р.П. примкнул к большевикам. В 1904—1905 г.г. входил в Московский комитет, руководил забастовкой ткачей в Иваново-Вознесенском районе, принимал активное участие в подготовке и проведении декабрьского вооруженного восстания в Москве. В 1906 г. был членом Петербургского комитета. В 1907 г. — делегат Лондонского съезда Р. С.-Д. Р. П. В 1908 г. начал отходить от большевизма. В 1908—1909 г.г. возглавлял московских отзовистов, входил в Областное Бюро Московского Центрально-Промышленного района. В 1909—1910 г.г. принимал активное участие в организации отзовистско-ультиматистских школ на о. Капри и в Болонье, читал лекции и руководил практическими занятиями, выпустил большую работу «Философия борьбы», в которой пытался построить этическое учение марксизма на основе богдановского эмпириомонизма. В 1910—1911 г.г. активно работал в группе «Вперед». В 1911 г. начал скатываться к анархо-синдикализму. В 1913 г. сотрудничал в народническом журнале «Заветы». Позднее стал эволюционировать вправо. Во время Февральской революции был членом редакции «Новой Жизни». Октябрьскую революцию встретил враждебно, характеризовал ее как «солдатский переворот». В 1918 г. был на стороне врагов Советской власти. В 1919 г. уехал за-границу, где продолжал борьбу против Советской власти. В 1920 г. вернулся в Советскую Россию, совершенно отошел от политической деятельности, работал в лесной кооперации, Госплане и Наркомторге. — **61, 90, 119, 122, 150, 151, 156, 160, 163.**

ВС — см. ДЕНИСОВ, В. П.

ВСЕВ — см. ДЕНИСОВ, В. П.

ВУРМ, ЭММАНУИЛ (1857—1920) — германский социал-демократ, литератор, химик. С 1902 г. по 1917 г. был редактором «Die Neue Zeit» («Новое Время»). В 1890 — 1906 г.г. и 1912 — 1918 г.г. — член рейхстага. В годы войны — умеренный пацифист, 20 августа 1915 г. голосовал против военных кредитов в числе 29 депутатов рейхстага, возглавлявшихся Гаазе и Ледебуром. В марте 1916 г. подписал декларацию об образовании независимой от партии группы «Arbeitsgemeinschaft» («Рабочего содружества»), из которой затем организовалась «Независимая социал-демократическая партия». В 1919 г. был избран депутатом Национального Собрания по списку Независимой с.-д. партии. — **352, 361—363.**

ВЯЧ. — см. РОЖКОВ, Н. А.

Г.

ГА—АЗ, ЕВГ. — см. ГУТОВСКИЙ-МАЕВСКИЙ, В. А.

ГАЛЬБЕРШТАДТ, Р. С. («МИХАЙЛОВА, НАТ.») — социал-демократка, меньшевичка. В 1901 г. была членом Екатеринославского комитета Р. С.-Д. Р. П. В ноябре 1902 г. вошла в Организационный комитет по созыву II съезда партии, на котором присутствовала с совещательным голосом (по протоколам съезда — «Фишер»). После раскола Р. С.-Д. Р. П. примкнула к меньшевикам. В 1907 г. работала в Петербургской организации меньшевиков. В годы реакции примыкала к ликвидаторам, подписала известное «Открытое письмо» 16 русских меньшевиков-ликвидаторов. В годы войны была интернационалисткой. В настоящее время отошла от политической деятельности. — 260.

Г—г. — см. ЛЕВИЦКИЙ (ЦЕДЕРБАУМ, В. О.).

ГЕГЕЛЬ, ГЕОРГ-ВИЛЬГЕЛЬМ-ФРИДРИХ (1770—1831) — величайший немецкий философ-идеалист. Диалектический метод гегелевской философии оказал громадное влияние на выработку миросозерцания Маркса, давшего диалектике материалистическое обоснование (подробнее о Г. см. XIII том Сочинений, словарь-указатель имен). — 186.

ГЕГЕЧКОРИ, Е. П. (р. 1879) — грузинский меньшевик, адвокат. Член III Государственной Думы от Кутаисской губернии. В Думе был одним из лидеров меньшевиков в с.-д. фракции; выступал, главным образом, по вопросам суда и репрессий. В 1917 г. — член особого Кавказского комитета Временного правительства и член президиума Тифлисского Совета. В ноябре был избран председателем соглашательского правительства Закавказья (так наз. «Закавказского комиссариата»). С мая 1918 г., после объявления меньшевиками независимости Грузии — министр иностранных дел. Руководил переговорами грузинского правительства с Деникиным. В 1920 г. вел переговоры с Ллойд-Джорджем в Лондоне. В марте 1921 г., когда в Грузии была установлена Советская власть, эмигрировал вместе с другими членами Грузинского правительства и до настоящего времени находится в Париже. Яростный противник Советского Союза. — 263, 275, 276.

ГЕОРГ — см. ЛЕВИЦКИЙ (ЦЕДЕРБАУМ, В. О.).

ГЕОРГИЙ — см. ЦЕТЛИН, Б. С. (БАТУРСКИЙ, Г.).

ГЕПЕЦКИЙ, Н. Е. (р. 1869) — националист, публицист, священник, землевладелец. Был членом III и IV Государственных Дум от Бессарабской губернии. Сотрудничал в церковных журналах. — 79.

ГЕРШЕНЗОН, М. О. (1869—1925) — писатель и публицист, исследователь в области истории русской литературы. Начал свою литературную деятельность с 1894 г., сотрудничал в ряде журналов и газет («Русская Мысль», «Русские Ведомости» и др.). В 1909 г. принял участие в издании сборника «Вехи». По своим общественным и философским взглядам близко стоял к Струве, Бердяеву и Булгакову. Активного участия в политической жизни не принимал. После Октябрьской революции работал в советских органах народного просвещения, в писательских организациях и как писатель, занимаясь обще-культурными и культурно-философскими проблемами. — 217.

ГИНЗБУРГ, Б. А. («КОЛЬЦОВ, Д.») (1863—1920) — старейший социал-демократ, искровец, меньшевик. Революционную деятельность начал в середине 80-х годов в народовольческих организациях Петербурга; близко стоял к группе террористов, организовавшей покушение 1 марта 1887 г. на Александра III. В 1893 г. эмигрировал за-границу. В 1895—1897 г.г. был секретарем «Союза русских социал-демократов» и работал в его органе «Работник». После раскола «Союза» примкнул к Группе «Освобождение Труда». В дальнейшем принимал активное участие в организации «Искры» и «Зари». После раскола примкнул к меньшевикам. В 1905 г. был председателем женевской меньшевистской конференции. Потом вернулся в Рос-

сию, работал при думской с.-д. фракции в качестве «сведущего» лица. В годы реакции стал ликвидатором, подписал известное «Открытое письмо» 16 русских меньшевиков-ликвидаторов, участвовал в издании ликвидаторского «пятитомника» по истории общественного движения в России, сотрудничал во всех ликвидаторских периодических изданиях («Голос Социал-Демократа», «Наша Заря», «Луч» и др.). Во время империалистической войны был оборонцем. После Февральской революции — первый комиссар труда. Выдвигался кандидатом в члены Учредительного Собрания. После Октябрьской революции работал в Центросоюзе. — 260, 326.

ГОГОЛЬ, Н. В. (1809—1852) — великий русский писатель, сатирик, создавший школу художественного реализма в русской литературе. В своих произведениях («Ревизор», «Мертвые души») дал бичующую картину жизни и быта дворянско-чиновнического общества николаевской эпохи. В последние годы жизни впал в мистицизм и стал защищать крепостное право, давая ему религиозно-нравственное обоснование. Поворот Г. к крепостничеству и монархизму вызвал резкую критику со стороны Белинского в знаменитом «Письме к Гоголю». — 219.

ГОРЕМЫКИН, И. Л. (1839—1917) — типичный представитель русской реакционной бюрократии, в правительственных кругах считался «знатоком» крестьянского вопроса, в 1891 г. издал «Свод узаконений и распоряжений правительства об устройстве сельского состояния». В 1895—1899 г.г. был министром внутренних дел. В 1906 г., после отставки Витте, был назначен председателем Совета министров и руководил подавлением революционного движения во время первой Думы. В период мировой войны снова был призван на этот пост, опирался на Распутина, вышел в отставку накануне Февральской революции. — 238.

ГОРТЕР, ГЕРМАН (GORTER) (1864 — 1927) — левый голландский социал-демократ, теоретик «голландской марксистской школы» (Паннекук, Вайнкоп, Роланд-Гольст), поэт. В 1907 г. вместе с группой левых основал радикальную газету «Трибуна». В 1909 г. был исключен из оппортунистической Социал-Демократической Рабочей Партии и вошел во вновь образованную революционную Социал-Демократическую партию. В годы войны—интернационалист, выпустил в 1915 г. в Амстердаме брошюру «Der Imperialismus, der Weltkrieg und die Socialdemokratie» («Империализм, мировая война и социал-демократия»), принимал участие в основании лево-радикальной голландской социал-демократической Партии. В 1919 г. вместе с этой партией присоединился к Коминтерну. Здесь вскоре занял «ультра-левую» позицию по вопросу о работе в профсоюзах и парламенте. В 1920 г. стал лидером «левой» анархистско-синдикалистской организации, т. н., Германской Коммунистической Рабочей Партии (К. А. Р. D.) и постепенно отошел от коммунистического движения.— 242.

ГОРЬКИЙ, МАКСИМ (ПЕШКОВ, А. М.) (р. 1868) — известнейший русский писатель и драматург конца XIX и первых десятилетий XX столетия. Принимал активное участие в общественно-политической жизни, неизменно поддерживая связь с рабочим движением и соц.-дем. партией. За революционную пропаганду несколько раз арестовывался (в 1889, 1892, 1901, 1905 годах). В 1902 г. был избран Академией Наук «почетным академиком по разряду изящной словесности», но царское правительство объявило это избрание недействительным. В октябре 1905 г. основал газету «Новая Жизнь», которая в декабре была закрыта правительством. В 1906 г. по болезни уехал на о. Капри. Примыкая теснейшим образом к большевикам, Г. отсюда активно помогал партии в самых различных сферах ее деятельности, принимал участие в ряде партийных предприятий, сотрудничал в партийных изданиях, находился в тесных деловых и личных отношениях как с рядовыми партийцами-рабочими, так и с руководителями партии. В 1907 г. участвовал с совещательным голосом на Лондонском съезде партии. В 1908 — 1910 г.г. примыкал к отзовистам-

ультиматистам и богостроителям, содействовал организации отзовистско-ультиматистских школ на о. Капри и в Болонье, читал лекции и вел практические занятия (в Каприйской школе), написал повесть «Исповедь» с проповедью богостроительских идей, встретившую осуждение со стороны Ленина, принял участие в организации группы «Вперед». В 1913 г. сотрудничал в большевистском журнале «Просвещение». В годы войны после некоторых колебаний стал интернационалистом, принимал участие в издании журнала «Летопись». В 1917 г. издавал газету «Новая Жизнь» меньшевистско-интернационалистского направления. Во время Октябрьской революции колебался, но вскоре снова примкнул к большевикам и принял участие в советском строительстве. В настоящее время живет в Италии (Сорренто), вследствие болезненного состояния здоровья. Отсюда поддерживает широкую и активную связь с Советским Союзом, проявляя огромный интерес ко всем областям строительства новой жизни. Ленин особенно высоко ценил значение художественной деятельности Г. для рабочего класса и сотрудничество его с большевистской партией, не останавливаясь, конечно, перед критикой отдельных неправильных выступлений, которые он допускал в области идеологии и политики.— **175, 186, 190, 211, 268, 298, 299, 374.**

ГРИГОРИЙ—см. **ЗИНОВЬЕВ, Г. Е.**

ГУТОВСКИЙ-МАЕВСКИЙ, В. А. («ЕВГ. ГА — АЗ», «ГАЗ») (1875 — 1918) — видный меньшевик-ликвидатор. В 1900 г. был арестован и сослан в Сибирь. Здесь был одним из организаторов «Сибирского социал-демократического Союза», от которого представительствовал на меньшевистской 1905 г. конференции. В это время вошел в Организационную Комиссию и являлся одним из виднейших ее деятелей. В конце 1905 г. привлекался по делу Петербургского Совета Рабочих Депутатов, но скрылся и в течение 1906—1912 г.г. жил нелегально, все время принимая активное участие в меньшевистских литературных предприятиях и в партийной работе. В годы реакции стал ликвидатором, подписал известное «Открытое письмо» 16 русских меньшевиков-ликвидаторов. В 1912 г. был избран в члены ликвидаторского Организационного Комитета, работал в редакции ликвидаторской газеты «Луч», состоял «сведущим» лицом при думской с.-д. фракции и активно помогал ей в работе. В 1914 г. сотрудничал в ликвидаторской «Северной Рабочей Газете». Во время империалистической войны был оборонцем. В 1915 г. входил в редакцию «Северного Голоса». После Октябрьской революции активно боролся против Советской власти. В 1918 г. редактировал в Челябинске кооперативную газету «Власть Народа». Убит колчаковскими офицерами, вследствие отрицательного отношения к свержению Колчаком эсеровского правительства в Омске.—**260.**

ГУЧКОВ, А. И. (р. 1862)—крупный московский промышленник; один из основателей партии октябристов и октябристской газеты «Голос Москвы», виднейший представитель реакционных кругов крупной буржуазии, вдохновитель третье-июньского блока. Председатель III Государственной Думы; в годы империалистской войны организатор и руководитель военно-промышленных комитетов, председатель Центрального военно-промышленного комитета. После Февральской революции—военный и морской министр в первом составе Временного правительства, аннексионист и сторонник «войны до победного конца», отстаивал восстановление в армии «железной» дисциплины. После «апрельских событий» в мае 1917 г. ушел из правительства в отставку вместе с Милюковым. Поддерживал все контр-революционные движения 1917 — 1921 г.г. Эмигрировал за-границу. — **183, 193, 194, 263.**

ГЭД, ЖЮЛЬ (1845 — 1922) — основатель и многолетний руководитель марксистского рабочего движения и марксистской рабочей партии во Франции. Основатель первой марксистской газеты во Франции. В

1881 г. вместе с Марксом и Энгельсом выработал программу Французской социалистической партии. Внутри партии и на международной арене вел борьбу как с анархо-синдикалистскими и прудонистскими, так и с оппортунистическими, поссибилистскими, бернштейнианскими течениями и группами, отстаивая в теории и тактике принципы ортодоксального марксизма. Особо жестокую борьбу пришлось вести Г. против жоресовской политики блоков и соглашений с буржуазией. В частности, Г. принадлежит заслуга широкой революционной кампании в связи со вхождением социалистов в буржуазное министерство («мильеранизм»). В объединенной социалистической партии Франции (гэдисты объединились с жоресистами после Амстердамского Международного Конгресса 1904 г.) гэдисты оставались левым марксистским крылом, продолжая идейную борьбу с оппортунизмом. С начала империалистской войны Г. резко изменил всему революционному прошлому, не устоял перед «патриотическими» настроениями, пошел на «священный союз» с буржуазией и вступил в буржуазное правительство национальной обороны. — **228, 229, 362, 363.**

Д.

ДАВИД, ЭДУАРД (р. 1863) — немецкий социал-демократ, экономист, бернштейнианец. После Франкфуртского съезда (1894 г.) вошел в образованную съездом комиссию по выработке аграрной программы с проектом, обещавшим крестьянству обеспечение и упрочение мелкой частной собственности при капитализме; Бреславский съезд 1895 г. отверг этот проект. В 1903 г. выпустил исследование «Социализм и сельское хозяйство», где пытался доказать несостоятельность экономического учения Маркса в области сельского хозяйства. С 1903 г. член рейхстага. В годы империалистической войны крайний социал-шовинист. После революции 1918 г. вошел в первое коалиционное правительство Германской республики, в 1919—1920 г.г.—министр без портфеля. Один из виднейших представителей ревизионизма, проделавший типичную эволюцию от, якобы, «научных» поправок к теории Маркса к прямой борьбе с революционным пролетариатом в союзе с буржуазией. — **213, 215.**

ДАН, Ф. И. (псевдоним **Ф. И. ГУРВИЧА**) (р. 1871) — врач, в половине девяностых годов работал в Петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». Был сослан на три года в Вятскую губернию. По окончании ссылки принимал участие в русской и заграничной с.-д. работе. В 1902 г. в качестве агента «Искры» участвовал в конференции в Белостоке, имевшей целью подготовку II съезда Р. С.-Д. Р. П., после которой был арестован и сослан в Восточную Сибирь, откуда эмигрировал заграницу. Революция 1905 г. дала ему возможность вернуться в Россию. Участник партийных съездов 1906 и 1907 г. г. и ряда конференций. Один из вождей меньшевизма. Публицист и редактор ряда меньшевистских изданий. Бессменный член меньшевистских О. К. и Ц. К. В годы реакции поддерживал ликвидаторов, во время войны при царизме—«пацифист» и «умеренный» интернационалист («центрист»), после Февраля—«революционный» оборонец и соглашатель, после Октября—деятельный противник коммунистической партии и Советской власти во имя буржуазной демократии. В настоящее время эмигрант, член II Интернационала. — **43, 62, 105, 131, 133, 157, 252, 254, 259, 261, 283, 326, 332, 336.**

ДЕНИСОВ, В. П. («ВСЕВОЛОД», «ВСЕВ», «ВС») (р. 1876) — социал-демократ, большевик, отзовист. В революционном движении начал принимать участие с 90-х годов, неоднократно подвергался арестам (в 1899, 1901, 1906 гг.). После раскола Р. С.-Д. Р. П. примкнул к большевикам. В декабре 1908 г. (январе 1909 г.) был делегатом от Петербургской организации на Всероссийской конференции Р. С.-Д. Р. П., входил в группу отзовистов.

В 1909 г. был арестован на заседании Петербургского Комитета и выслан на поселение в Иркутскую губернию. В дальнейшем отошел от политической деятельности. В настоящее время ведет педагогическую работу в Сибири. — 129, 150.

ДЖИБЛАДЗЕ, СИЛЬВЕСТР («С», «СИЛЬВА») (1859 — 1922) — старейший грузинский социал-демократ, меньшевик-ликвидатор. В 1894 г. принимал участие в создании грузинской революционной организации «Месаме Даси», группировавшейся вокруг еженедельника «Квали». Впоследствии из этой группы образовалась с.-д. партия Грузии. В 1903 г. играл руководящую роль в Тифлисской организации, сотрудничал в партийной прессе, был арестован и сослан на 3 года в восточную Сибирь. Осенью 1905 г. был освобожден, принимал участие во всеобщей декабрьской забастовке, состоял членом Тифлисского стачечного комитета, работал в меньшевистских боевых дружинах. В годы реакции примкнул к ликвидаторам, сотрудничал в ликвидаторском «Голосе Социал-Демократа», входил в Кавказский областной комитет. В 1909 г. был арестован и заключен в крепость. В 1911 г. работал в Петербурге, состоял членом «инициативной группы» меньшевиков-ликвидаторов. В 1915 г. был арестован на совещании меньшевиков в М. Нахаловке. После установления Советской власти в Грузии скрылся в лагерь контр-революции. — 131, 132.

ДНЕВНИЦКИЙ, П. Н. («ПАНТЕЛЕЙ», «П») — литературный псевдоним Ф. О. ЦЕДЕРБАУМА (р. 1883) — социал-демократ, меньшевик-плехановец, журналист. В 1905 г. был секретарем Харьковского комитета Р.С.-Д.Р.П., затем секретарем Г. В. Плеханова, сотрудничал в плехановском «Дневнике Социал-Демократа». После январского 1910 г. пленума Ц. К. Р.С.-Д.Р.П. вел борьбу в группах содействия против ликвидаторов. Позднее сотрудничал в большевистских газетах «Звезда» и «Правда». После Октябрьской революции — деятельный противник коммунистической партии и Советской власти. — 207.

ДОБРОЛЮБОВ, Н. А. (1836 — 1861) — критик и публицист, сотрудник журнала «Современник», продолжатель традиций Белинского в литературной критике, один из виднейших представителей радикальной общественной мысли конца 50-х, начала 60-х годов; по своим общественным взглядам — последовательный революционер-демократ. Вел широкую и резкую борьбу с современными ему представителями либеральной мысли. Под влиянием Чернышевского стал на материалистическую точку зрения в философии и на реалистическую — в литературной критике. — 218.

ДОМОВ—см. ПОКРОВСКИЙ, М. Н.

ДОСТОЕВСКИЙ, Ф. М. (1822 — 1881) — один из крупных представителей русской художественной литературы, по своим политическим симпатиям — реакционер. В молодости принимал участие в революционном движении, по делу петрашевцев был приговорен к смертной казни, замененной каторгой и отдачей в солдаты. Вернувшись в 1859 г. в Петербург, возобновил литературную деятельность. В своих произведениях с нескрываемой враждой относился к различным проявлениям освободительного движения (напр., роман «Бесы»). Особенностью художественного творчества Д. является мастерское изображение душевных переживаний действующих лиц его романов. Психологизм и мистицизм Д. снискали ему широкую известность в Западной Европе, особенно в кругах буржуазной интеллигенции. — 218.

ДУБРОВИНСКИЙ, И. Ф. («ИННОКЕНТИЙ») (1877 — 1913) — один из виднейших большевиков, профессиональный революционер. Будучи еще в старших классах реального училища, принимал участие в с.-д. работе. В декабре 1897 г. был арестован, около года был в тюрьме и 4 года в ссылке. В 1902 г. еще в ссылке (тогда он был в Астраханской губ.) стал агентом «Искры». В 1903 г. переехал в Самару, поддерживал связь с заграницей и совершал организационные поездки по всему Поволжью. После

II съезда примкнул к большевикам. Был кооптирован в Ц.К. Занимал примиренческую позицию. В качестве члена Ц.К. руководил работой местных организаций до своего ареста 22(9) февраля 1905 г. Выйдя в октябре 1905 г. на свободу, Д. работал в Москве в Замоскворецком районе, затем в Кронштадте среди матросов; в декабре 1905 г. Д. был опять в Москве и, после подавления восстания, уехал в Финляндию, где обосновался большевистский центр. Несмотря на расстроенное здоровье, Д. возвратился в Россию на нелегальную работу, которая была прервана арестом с сентября 1906 до февраля 1907 г. По выходе на свободу Д. вел большую работу по подготовке пятого партийного съезда, на который был избран делегатом, но из-за ареста не смог прибыть на съезд. Высылка была заменена Д. выездом за-границу, но в Лондон Д. приехал уже в день закрытия съезда, на котором он был избран в Ц.К. Вернувшись в Россию, Д. работал над восстановлением разрушенных организаций. Весной 1908 г. снова был за-границей. По возвращении в Россию Д. опять попал в ссылку в Вологодскую губ., откуда совершил побег за-границу. Здесь он работал в редакции «Пролетария», участвовал в заседании пленума Ц.К. в 1910 г., настаивая на примирении с меньшевиками. Возвратившись в Москву с целью восстановления деятельности российской части Ц.К., Д. опять был арестован и сослан на 4 г. в Туруханский край, где покончил с собой. — 116, 120, 121, 257, 315, 323.

ДЮРИНГ, ЕВГЕНИЙ (1833—1921)—немецкий философ и экономист. В 1864—1877 г.г. был приват-доцентом Берлинского университета. Ярый противник Маркса и научного социализма. Пытался создать собственную «социалитарную теорию» в духе буржуазного реформаторства. В экономических работах повторял американского экономиста Кэри. Эклектические воззрения Д., провозглашавшиеся им в качестве вечных истин в последней инстанции, были подвергнуты уничтожающей критике Энгельсом в «Анти-Дюринге». В России большим почитателем Д. был Н. К. Михайловский. — 69, 75.

Е

ЕВЛОГИЙ (ВАСИЛИЙ ГЕОРГИЕВСКИЙ) (р. 1868)—епископ, черносотенец, один из руководителей «Союза русского народа». Был членом II и III Государственных Дум от православного населения Люблинской и Седлецкой губерний (Холмщина), выступал сторонником выделения Холмщины в самостоятельную губернию. В настоящее время один из вождей монархической эмигрантщины.—78, 79, 81, 82.

ЕКАТЕРИНА II (1729—1796)—императрица российская, вступила на престол в 1762 году.—78.

ЕР—см. ВОЛЬСКИЙ, СТАНИСЛАВ.

ЕРМАНСКИЙ, О. А. (КОГАН, О. А.) (р. 1866) — социал-демократ, меньшевик. Революционную работу начал в 80-х годах. В 1899—1902 г.г. был членом редакции «Южного Рабочего», работал в южных организациях. В 1902 г. участвовал в Белостокской конференции, в связи с которой был арестован и сослан в Сибирь, откуда вскоре бежал за-границу. После раскола Р.С.-Д Р.П. примкнул к меньшевикам. В конце 1905 г. вернулся в Россию, входил в редакцию «Известий Московского Совета Рабочих Депутатов». В 1906 г. был на Стокгольмском съезде партии от Одесского меньшевистского комитета. После разгона I Государственной Думы работал в Петербурге, где вместе с Ю. Стекловым организовал газету «Казарма». В дальнейшем принимал участие в издании меньшевистского «пятитомника» по истории общественного движения в России, сотрудничал в журнале «Современник», работал при думской с.-д. фракции в качестве «сведущего» лица. Во время империалистической войны был центристом, сотрудничал в журнале «Летопись». В 1917 г. входил в

редакцию меньшевистской «Рабочей Газеты», принимал участие в Стокгольмской конференции Циммервальдского объединения. В 1918 г. был членом меньшевистского Ц.К. и входил в редакцию меньшевистского Центрального Органа — «Рабочий Интернационал». В 1920 г. был избран членом Московского Совета. В 1921 г. вышел из партии меньшевиков. В настоящее время ведет научно-педагогическую и общественную работу в Москве.—60.

ЕРМОЛАЕВ, К. М. («РОМАН») (1884—1919)—социал-демократ, видный меньшевик-ликвидатор. В 1904—1905 г.г. работал в Петербурге и Донецком бассейне. В 1906 г. был арестован. На Лондонском съезде партии в 1907 г. был избран в Ц. К. от меньшевиков. В годы реакции стал ликвидатором. В 1910 г. отказался войти в русскую коллегию Ц. К. и вместе с двумя другими ликвидаторами, приглашавшимися в эту коллегию, заявил, что считает самое существование Ц.К. вредным; подписал известное «Открытое письмо» 16 русских меньшевиков-ликвидаторов. В 1912 г. был избран членом ликвидаторского Организационного Комитета, возглавлял петербургскую «инициативную группу» меньшевиков-ликвидаторов, был арестован и сослан в Сибирь по делу Августовской конференции. В 1917 г. вернулся из ссылки, был избран членом Ц.К. партии меньшевиков; вошел в Ц.И.К. Советов Рабочих Депутатов; по вопросу о войне занимал оборонческую позицию. После Октябрьской революции был арестован. В 1918 г. жил в Сибири.—260—262, 269, 283, 285, 309, 326, 349.

ЕРМОЛОВ, А. С. (1846—1917) — министр земледелия и государственных имуществ с 1892 г. по 1905 г., проводил дворянско-крепостнические тенденции в области сельского хозяйства. В 1892 г. издал, вызвавшую большую полемику, книгу «Неурожай и народное бедствие», в которой пытался оправдать аграрную политику правительства. — 394.

Ж.

ЖИЛКИН, И. В. (р. 1874) — журналист, депутат I Государственной Думы от Саратовской губ., «внепартийный социалист», один из лидеров думской Трудовой группы, подписал Выборгское воззвание, за что был подвергнут 3-месячному заключению в Крестах; сотрудничал в «Саратовском Дневнике», «Неделе», «Петербургских Ведомостях», «Нашей Жизни», «Товарище», «Вестнике Европы» и др.; во время войны был военным корреспондентом «Русского Слова»; после Октября — на службе в советских органах (Наркомпрос, Пур, Гум); с 1925 г. вернулся к журналистской работе. — 385.

ЖОРДАНИЯ, Н. Н. («КОСТРОВ», «АН») (р. 1869) — один из основателей и вождей грузинской с.-д. партии. Революционную работу начал со второй половины 90-х годов в рабочих кружках в Тифлисе. В 1903 г. участвовал во II съезде Р.С.-Д.Р.П. с правом совещательного голоса, при расколе партии примкнул к меньшевикам. В 1906 г. был избран депутатом I Государственной Думы, руководил думской с.-д. фракцией. В 1907 г. на Лондонском съезде Р.С.-Д.Р.П. был избран в Ц. К. от меньшевиков. В эпоху реакции поддерживал ликвидаторов. На январском 1910 г. пленуме Ц. К. Р.С.-Д.Р.П. пытался перевести голосовцев (Мартова и др.) на позиции меньшевиков-партийцев (сторонники Плеханова). В 1912 г. работал в Баку, входил в редакцию легальной меньшевистской газеты «Наше Слово». Во время империалистической войны был оборонцем, сотрудничал в оборонческих изданиях (см. сборник «Самозащита», вышедший в 1916 г.). В 1918—1920 г.г. стоял во главе грузинского меньшевистского правительства. В настоящее время находится в эмиграции. Ярый противник Советского Союза, проводник интервенционистской политики английского империализма. — 317.

ЖОРЕС, ЖАН (1859—1914) — один из виднейших вождей французского социалистического движения. Первоначально профессор философии в Тулузе, сторонник идеализма в философии, Ж. в процессе постепенной эволюции превратился в социалиста, пытавшегося примирить марксизм с идеалистической философией. В общем стоял на правом фланге французского социализма и в начале XX века поддерживал социалиста Мильерана (нынешнего буржуазного политика), принявшего портфель в радикально-буржуазном кабинете Вальдека-Руссо (1899 г.). Спор, возникший по этому поводу во французской партии между оппортунистами и марксистами во главе с Гэдом, был разрешен в пользу марксистов на Амстердамском Международном Социалистическом Конгрессе 1904 г. Ж. впервые был избран в парламент в 1885 г. в качестве левого радикала, в 1892 г. он прошел в качестве «независимого социалиста», а с 1902 г. являлся официальным представителем социалистической партии и лидером ее парламентской фракции. В 1897 году Ж. вместе с Золя и Клемансо принимал руководящее участие в известном деле Дрейфуса; в 1904 г. основал центральный орган партии «Юманите», который и редактировал до конца своих дней. Ж. был одним из лучших ораторов Европы и весьма искусным парламентарием. Особенно энергично вел он борьбу с милитаризмом, отстаивая идею народной милиции. Был горячим сторонником франко-германского сближения. 31 июля 1914 г., т.-е. накануне войны, Ж. был убит шовинистом Виленом. Убийца Ж. был судом оправдан.—**113, 357—363.**

З.

ЗАСУЛИЧ, В. И. (1851—1919)—сначала народница, затем социал-демократка; революционную деятельность начала в конце 60-х г.г., в 1869 г. была арестована и 2 года просидела в тюрьме, до 1875 г. была в ссылке. В 1878 г. тяжело ранила петербургского градоначальника Трепова за наказание студента Боголюбова розгами. Судом была оправдана. После Воронежского съезда «Земли и Воли» примкнула к группе «Черный Передел». В 1880 г. эмигрировала за-границу, где вместе с Плехановым и др. приняла участие в основании Группы «Освобождение Труда». Принимала участие в литературной деятельности Группы и впервые перевела на русский язык несколько важнейших произведений Маркса. Ездила нелегально в Россию. Напечатала марксистские монографии о Ж.-Ж. Руссо и Вольтере, а также ряд статей о русской литературе, критике и в защиту теории Маркса. С 1900 г. вместе с Лениным и др. редактировала «Искру». После раскола в 1903 г. примкнула к меньшевикам; в годы реакции солидаризировалась с ликвидаторами; во время войны и революции—социал-шовинистка, противница Октябрьского переворота.—**160.**

ЗИНГЕР, ПАУЛЬ (1844—1911)—один из старейших вождей и выдающихся организаторов германской социал-демократии, соратник А. Бебеля и В. Либкнехта, вел борьбу с ревизионизмом и оппортунизмом. Происходил из семьи богатого фабриканта. В начале своей политической деятельности примыкал к буржуазно-демократическим организациям, работал в рядах прогрессистского «Берлинского рабочего союза». В 1868 г. вышел из этого союза под влиянием Нюренбергского съезда рабочих организаций, руководимого А. Бебелем и В. Либкнехтом. В 1878 г. вступил в германскую с.-д. партию. С 1887 г. был бессменным членом, а после Галльского съезда 1890 г.—бессменным председателем Ц. К. партии. Участвовал и председательствовал на всех партейтагах (партийных съездах) и Международных Социалистических Конгрессах. С 1900 г. постоянно избирался в Международное Социалистическое Бюро. В 1884 г. был избран в рейхстаг, депутатом которого оставался в течение 27 лет. В 1866 г., после блестящей победы в рейхстаге над министром внутренних дел Путкаммером, был

выслан из Берлина на основании исключительных законов о социалистах, с правом приезда в столицу только на время сессии. На средства З. были основаны органы германской социал-демократии: «Berliner Volksblatt» («Берлинский Народный Листок») и «Vorwärts» («Вперед»). Памяти З. посвящена особая статья Ленина. (См. XV том Сочинений.)—243, 244.

ЗИНОВЬЕВ, Г. Е. («ГРИГОРИЙ», Г. Е. РАДОМЫСЛЬСКИЙ) (р. 1883)—большевик. Вступил в с.-д. организацию в Елисаветграде (Зиновьевске) в 1901 г. После II съезда и раскола партии присоединился к большевикам. До 1905 г. учился в Бернском университете, продолжая партийную работу. В период первой русской революции возвратился в Петербург, где работал в Василеостровском районе и вскоре был выбран в Петербургский комитет. После ареста эмигрировал за-границу и участвовал в Лондонском съезде, где был избран членом Ц. К. В 1908 г. пытался вести работу в России, но после нового ареста принужден был эмигрировать за-границу, где вошел в состав редакции «Пролетария», центрального органа большевиков, и участвовал в «Социал-Демократе». Участник Циммервальдской и Кинтальской конференций. После Февральской революции вместе с Лениным возвратился в Петербург. После Октября был выбран председателем Петроградского Совета. С 1919 по 1926 г. председатель Исполкома Коммунистического Интернационала. В период подготовки Октябрьского восстания и позднее З. неоднократно обнаруживал колебания; осенью 1917 г. был против восстания, отстаивая против Ленина «демократические» пути развития русской революции; после Октябрьской революции—сторонник коалиционного правительства социалистических партий. 17(4) ноября вышел из Ц. К. в виду несогласия с политикой партии, но через несколько дней, признав ошибку, вернулся в Ц. К. С V по XIV съезд член Ц. К. всех созывов. В 1923—1924 г.г. решительно выступал против «троцкизма», в 1925 г. стал во главе «новой» оппозиции; в 1926 г. вступил в блок с Троцким и в течение 1926—1927 г.г. один из лидеров оппозиционного блока. В своей книге «Ленинизм» З. подверг пересмотру основные положения ленинизма. В ноябре 1927 г. был исключен из В. К. П.(б.) за антипартийную деятельность. В 1928 г. был восстановлен в партии на основе признания условий, выработанных XV съездом. В настоящее время работает в Центросоюзе.—121, 257.

И.

И.—см. **ДУБРОВИНСКИЙ, И. Ф.**

ИВАН—см. **РОМАНОВ, А. С.**

ИЗГОЕВ, А. С. (А. С. ЛАНДЕ) (р. 1872)—видный деятель кадетской партии, публицист. Первоначально примыкал к легальным марксистам, некоторое время был связан с с.-д. кружками. Затем, вслед за Струве, перешел к «Союзу Освобождения» и был одним из руководителей одесской группы «Союза Освобождения». В дальнейшем эволюционировал к к.-д., был редактором к.-д. журнала «Южные Записки», заведывал отделом «Русская жизнь» в к.-д. газете «Речь», был одним из редакторов «Русской Мысли» и принимал активное участие в ряде к.-д. журналов и изданий. В годы реакции принимал участие в сборнике «Вехи» (1909 г.), резко враждебно оценившем революцию 1905 г. и призывавшем русскую интеллигенцию служить крепостническому самодержавию. После Октября 1917 г., в связи с контр-революционной публицистической деятельностью, И. был выслан за-границу. Главные работы: «Общинное право», «Русское общество и революция», «П. А. Столыпин» и др.—127, 217, 220, 223, 237.

ИКОВ, В. К. («ВАДИМ», «В. МИРОВ», «В. ГРОДЕЦКИЙ») (р. 1882)—социал-демократ, меньшевик-ликвидатор. В революционном движении начал

принимать участие с конца 90-х годов. В 1901 г. вступил в Р.С.-Д.Р.П. После раскола партии примкнул к меньшевикам. В 1903—1905 г.г. жил в эмиграции, состоял секретарем женевской и парижской групп содействия Р.С.-Д.Р.П., сотрудничал в «Голосе Социал-Демократа» и других меньшевистских изданиях. В эпоху реакции стал ликвидатором, подписал известное «Открытое письмо» 16 русских меньшевиков-ликвидаторов. В 1912—1914 г.г. был в административной ссылке. В 1915 г. начал работать в кооперативных организациях. В 1917 г. был избран в Петроградский Совет Рабочих Депутатов, входил во В.Ц.И.К. первого созыва, принимал участие в Демократическом совещании и Предпарламенте по выборам от Всероссийского кооперативного съезда. После Октябрьской революции работал в различных органах советской кооперации. В настоящее время работает в редакции «Большой Советской Энциклопедии».—260.

ИННОКЕНТИЙ—см. ДУБРОВИНСКИЙ, И. Ф.

ИОНОВ, Ф. М. (КОЙГЕН) (1870—1923)—старый социал-демократ, один из лидеров Бунда. В молодости примыкал к группе народовольцев. С 1893 г. работал на юге России (Одесса) в с.-д. кружках. В конце 90-х годов отсидел 2 года в одесской тюрьме, а затем отбыл 4 года ссылки в Якутской области. В 1902 г. принимал участие в работах V конференции Бунда. В 1903 г. был избран членом Ц.К. Бунда. Представлял Бунд на Лондонском (1905 г.) и Стокгольмском (1906 г.) съездах Р.С.-Д.Р.П. В 1907 г. на V съезде Р.С.-Д.Р.П. (в Лондоне) был избран в Ц.К. Принимал участие в Декабрьской (1908 г.) Всероссийской конференции Р.С.-Д.Р.П., колебался между большевиками и меньшевиками, в основном стоял на платформе «партийности», выступал против ликвидаторов. На январском 1910 г. пленуме Ц.К. Р.С.-Д.Р.П. занимал примиренческую позицию, выступал вместе с Троцким. Во время империалистической войны стоял во главе интернационалистского крыла Бунда. После раскола Бунда вошел в В.К.П.(б.). Последние годы своей жизни работал зав. агит-пропом Вотского обкома В.К.П.(б.).—303, 305—311, 321—325, 331, 332.

ИОРДАНСКИЙ, Н. И. («НЕГОРЕВ») (1876—1928)—социал-демократ с 1899 г., примыкал к меньшевикам. В 1902—1903 г.г. был членом редакции журнала «Образование». В 1904 г.—постоянный сотрудник меньшевистской «Искры». В 1905 г. входил в Исполком первого Петербургского Совета. Участвовал в Стокгольмском съезде, где был избран кандидатом в Ц.К. В 1908—1917 г.г. редактировал журнал «Современный Мир». В эпоху ликвидаторства был близок к плехановцам; в 1910 г. содействовал организации «Звезды». Во время войны—сторонник плехановского «Единства». После Февральской революции был комиссаром Временного Правительства при армиях юго-западного фронта, сторонник войны «до победного конца», ярый противник большевизма. Впоследствии порвал с меньшевиками. В 1921 г. вступил в коммунистическую партию; редактировал в Гельсингфорсе советскую газету «Путь». После высылки из Финляндии в 1922 г. работал в НКИД и Гизе. В 1923—1924 г.г. был полпредом в Италии.—179.

ИСУВ, И. А. («МИХАИЛ») (1878—1920)—социал-демократ, видный меньшевик-ликвидатор, литератор, автор работ по истории стачечного движения в России. Революционую работу начал в конце 90-х годов в Литве и Белоруссии. В 1903 г. был членом Екатеринославского комитета Р.С.-Д.Р.П. В 1905 г. входил в Московский федеративный комитет Р.С.-Д.Р.П. и в Исполнительный комитет Московского Совета Рабочих Депутатов. В дальнейшем был арестован и сослан, но вскоре из ссылки бежал. Был членом Петербургского комитета Р.С.-Д.Р.П. Участвовал на Лондонском 1907 г. съезде партии, на котором был избран членом Ц.К. от меньшевиков. В годы реакции стал ликвидатором. После январского 1910 г. пленума Ц.К. Р.С.-Д.Р.П. отказался войти в русскую коллегию Ц.К. и вместе с двумя другими меньшевиками-ликвидаторами, приглашавшимися в эту коллегию,

заявил, что считает самое существование Ц. К. вредным. В это время работал в петербургской «инициативной группе» меньшевиков-ликвидаторов, а также при соц.-дем. фракции III Государственной Думы В 1911 г. был арестован и выслан в Псков. В 1913 г. вернулся в Петербург и вошел в меньшевистский Организационный Комитет. На протяжении всего этого периода сотрудничал в «Нашей Заре» и других ликвидаторских изданиях (А. Михайлов). В годы империалистической войны был оборонцем. В 1917 г. состоял членом Московского Комитета меньшевиков, входил в Исполнительный комитет Московского Совета и во В.Ц.И.К. первого созыва. После Октябрьской революции работал в Музее Труда.—**260—262, 269, 283, 285, 307, 309, 324—326, 329, 331, 332, 336, 349.**

К.

К.—330.

К.С.—см. **СТАЛИН, И. В.**

КАЛИНИН, Ф. И. (**«АРКАДИЙ», «РАБОЧИЙ АР», «СТОЛЯР»**) (**1882—1920**)—социал-демократ, большевик, рабочий-ткач, видный деятель в области пролетарской культуры. В 1901 г. за участие в подготовке покушения на ярославского генерал-губернатора был арестован и сослан в Архангельскую губернию. В 1904 г. был амнистирован, работал на ткацкой фабрике в г. Александрове, вел пропаганду среди рабочих. В 1905 г. за участие в подготовке Александровского восстания был снова арестован и присужден к 3 годам арестантских рот. В 1908 г. был сослан в Муром, откуда вскоре бежал, приехал в Москву и вошел в состав Московского комитета Р.С.-Д.Р.П. В 1909 г. был направлен в отзовистско-ультиматистскую школу на о. Капри, где принял участие в организации группы «Вперед». В 1910 г. много работал по организации второй отзовистско-ультиматистской школы в Болонье. Позднее входил в руководящий центр впередовцев—в редакцию сборника «Вперед». Сотрудничал в «Борьбе» и «Журнале для всех». В своей литературной деятельности занимался преимущественно вопросами пролетарской культуры и проводил в основном взгляды А. Богданова. После Февральской революции вернулся в Россию, работал в профессиональном союзе металлистов. После Октябрьской революции возглавлял отдел пролеткульта при Наркомпросе.—**348, 349.**

КАМЕНСКИЙ, П. В. (р. 1860)—видный октябрист, председатель центрального бюро партии октябристов, земский деятель, депутат III Государственной Думы, землевладелец. В 1890—1908 г.г. был предводителем дворянства Мариупольского уезда. В Государственной Думе выступал докладчиком по законопроекту о переходе из одного вероисповедания в другое.—**81.**

КАПУСТИН, М. Я. (**1847—1920**)—октябрист, профессор гигиены, автор ряда работ по вопросам гигиены и общественной санитарии. Долгое время работал в земстве, работал санитарным врачом. Вел преподавательскую работу. Был депутатом II и III Государственных Дум от гор. Казани; выступал по бюджету, аграрному вопросу, о местном суде. После революции продолжал читать лекции в высших учебных заведениях Ленинграда.—**81.**

КАРАУЛОВ, В. А. (**1854—1910**)—кадет, бывший народоволец-террорист. После 1 марта 1881 г. уехал за-границу и связался с редактором «Вестника Народной Воли» Тихомировым. Вскоре вернулся в Россию вместе с Лопатиным, Сухомлиновым и др., имея поручение восстановить разгромленные народовольческие организации. В 1884 г. был арестован в Киеве и приговорен военным судом к 4 годам каторги по делу 12 народовольцев. После каторги был сослан в Сибирь на поселение. Во время революции 1905 г. примкнул к кадетам. В 1907 г. был избран депу-

татом в III Государственную Думу от Енисейской губернии.—**81, 82,** [illegible]

КАРЛ I, СТЮАРТ (1600—1649)—английский король, вступил на престол в 1625 г., был свергнут во время революции 1648 г. и затем казнен.—**50.**

КАРПЕЛЕС, БЕННО—австрийский социал-демократ, деятель кооперативного движения. В 1900 г. был делегатом от профессиональных союзов на Международном Социалистическом Конгрессе в Париже. В 1910 г. был на Международном Социалистическом Конгрессе в Копенгагене, работал в кооперативной подкомиссии. В настоящее время отошел от политической деятельности.—**358, 360.**

КАРСКИЙ—см. **МАРХЛЕВСКИЙ, Ю. Ю.**

КАТКОВ, М. Н. (1818—1887)—публицист, выразитель дворянско-монархической реакции 60-х — 80-х годов. В годы студенчества был близок с Белинским, Герценом и Бакуниным. С 1851 г. редактор «Московских Ведомостей», которые некоторое время велись им в либеральном направлении; с начала 60-х годов, особенно со времени польского восстания 1863 г.,—ярый защитник самодержавия, полицейщины и всяческой реакции, резко выступает против малейших уступок либерализму, интеллигенции, «радикальной кружковщине», против земства, суда присяжных и прочих учреждений, созданных реформами 60-х годов. Катков и его орган пользовались громадным влиянием в среде высшей бюрократии и дворянства в конце царствования Александра II и в царствование Александра III.—**223.**

КАУТСКИЙ, КАРЛ (р. 1854)—немецкий соц.-демократ, один из крупнейших теоретиков марксизма эпохи II Интернационала. Начал свою научную деятельность как дарвинист. В 1880 г. в Цюрихе работал в социалистической прессе. Свою марксистскую научную деятельность начал под непосредственным руководством Энгельса. С 1883 г. редактор научного марксистского журнала «Die Neue Zeit». В конце 90-х и в начале 900-х годов вел борьбу с ревизионизмом. Еще в 1909 г. в работе «Путь к власти» К. оставался на почве революционного марксизма. Но уже в последующие годы, ведя борьбу с «левыми», стал на позиции «центра» и начал отходить от революционного марксизма. С началом империалистической войны порывает с революционным марксизмом и занимает колеблющуюся позицию между интернационалистами и оборонцами, постепенно скатываясь к реформизму и отказу от прежних своих ортодоксальных взглядов. Обосновывая социал-пацифизм теорией ультра-империализма и проповедуя единство с соц.-шовинистами, не принял участия в Циммервальдской конференции из-за отказа организаторов ее привлечь французских социал-шовинистов. После Октябрьской революции борется против советской системы, защищая буржуазную демократию и парламентаризм. В настоящее время—один из идеологов социал-фашизма. О нем см. работу В. И. Ленина 1918 г. «Пролетарская революция и ренегат Каутский».—**47—50, 67, 91, 120, 165, 175, 352, 353, 355, 356.**

КАЧОРОВСКИЙ, К. Р. (р. 1870)—народник, экономист, специалист по аграрному вопросу, автор ряда исследований по крестьянской поземельной общине. В 1900 г. выпустил книгу «Русская община»; в 1906 г.—книгу «Народное право», в которой пытался систематизировать «неписанные нормы крестьянского общинного права».—**375.**

КВЕССЕЛЬ, ЛЮДВИГ (QUESSEL) (р. 1872)—германский социал-демократ, ревизионист, публицист, социолог. Вместе с Бернштейном, Легином, Кольбом и др. постоянно отстаивал на съездах германской социал-демократии и в прессе ревизионистские взгляды, добиваясь изменения политики германской социал-демократии в реформистском направлении. На Магдебургском 1910 г. партейтаге, при обсуждении вопроса о вотировании бюджета, К. от имени гессенских социалистов заявил, что они будут голосовать

в ландтаге за кредиты, какую бы резолюцию ни принял партейтаг. Неоднократно избирался в рейхстаг. После революции 1918 г. был членом Национального Собрания. — 353, 354, 356.

КИЗЕВЕТТЕР, А. А. (р. 1866) — историк, публицист, видный деятель партии к.-д. С 18.3 г. приват-доцент Московского университета и Московских высших женских курсов по кафедре русской истории. В 1904 г. — один из редакторов журнала «Русская Мысль» и член «Союза Освобождения». С 1905 г. — сотрудник «Русских Ведомостей». В 1906 г. избран в Ц.К. к.-д. партии, принимал деятельное участие в предвыборной борьбе кадетов в I и II Гос. Думах. Член II Гос. Думы. В 1922 г. выслан за границу за контр-революционную деятельность. Ныне профессор Пражского университета. — 61.

КИСТЯКОВСКИЙ, Б. А. (1868 — 1920) — кадет, публицист, юрист. С 1906 г. по 1911 г. преподавал государственное право в Московском коммерческом институте и Московском университете. Позднее был лектором в Ярославском Демидовском лицее по философии права. Принимал участие в редактировании ряда юридических журналов и сборников. В 1909 г. участвовал в издании сборника «Вехи», в котором поместил статью «В защиту права (интеллигенция и правосознание)». В 1917 г. —профессор Киевского университета по кафедре государственного права. В 1919 г. был избран в действительные члены Украинской Академии Наук. — 217.

КНУДСЕН, ПЕТЕР (1848 — 1910) — видный деятель датского профессионального движения, один из вождей датской социал-демократии, рабочий перчаточного производства. В 1875 — 1903 г.г. был председателем профессионального союза перчаточников, а позднее — вице-председателем датского объединения профессиональных союзов. С 1878 г. избирался членом Ц.К. датской социал-демократии. Участвовал на многих Международных Социалистических Конгрессах II Интернационала. Неоднократно избирался депутатом риксдага. Автор ряда работ по вопросам социальной статистики и социального страхования. — 240.

КОЗЫРЕВ, Н. Н. («ФОМА») (р. 1881) — большевик, рабочий-переплетчик. К революционному движению примкнул в 1905 г. и тогда же вступил в Р.С.-Д.Р.П. Был членом Болховского (Нижегородской губернии) комитета партии. В 1906 г. отбыл год тюремного заключения за распространение прокламаций. В 1909 г. был направлен Болховским комитетом в отзовистско-ультиматистскую школу на о. Капри. Здесь примыкал к группе ленинцев, вместе с которыми был исключен из школы. Потом ездил в Париж, где прослушал курс лекций, организованных Большевистским Центром. По возвращении в Россию работал в Екатеринославе и Брянске. В 1912 г. был арестован и сослан на два года в Архангельскую губернию. После ссылки работал в Петербурге, участвовал в июльской забастовке 1914 г. Во время войны был мобилизован на военную службу. В 1917 г. был избран в Петербургский Совет Рабочих Депутатов. Во время гражданской войны был комиссаром различных воинских частей на фронте. После демобилизации вел ответственную партийную и советскую работу. В настоящее время работает в Наркомфине С.С.С.Р. — 118.

КОЛЬЦОВ, Д. — см. ГИНЗБУРГ, Б. А.

КОСАРЕВ, В. Б. («ВЛАДИМИР») (р. 1881) — большевик, рабочий-ткач. Революционную работу начал в 1898 — 1899 г.г. в Москве. Был членом Лефортовского районного комитета Р.С.-Д.Р.П. В 1907 г. был арестован и выслан в Н.-Новгород. Летом 1909 г. был послан Лефортовским районным комитетом партии в отзовистско-ультиматистскую школу на о. Капри. По возвращении в Россию был снова арестован и сослан в Нарымский край. Здесь пытался организовать партийную школу, принимал участие в первомайской демонстрации, за что дважды подвергался аресту. Позднее бежал в Харьков, где снова был арестован и отправлен обратно в Нарымский край. Во время империалистической войны вел анти-

милитаристскую пропаганду среди солдат. После революции вел ответственную партийную и советскую работу в разных городах и районах С.С.С.Р. В настоящее время работает в Ц.К.К. и Главхлопкоме. — 118.

КРАМОЛЬНИКОВ, Г. И. (р. 1880) — профессионал-революционер, коммунист. Революционную работу начал в 1898 г., входил в «Сибирский союз Р.С.-Д.Р.П.». В 1903 г. был сослан на три года в Нарымский край, но по истечении некоторого времени бежал оттуда. После раскола партии примкнул к большевикам. С 1905 г. работал в Самарской организации и одновременно в Восточном Бюро Ц.К. партии в качестве его агента. От Самарской организации был делегатом на III съезде Р.С.-Д.Р.П. При возвращении в Россию был арестован на границе и до сентября 1905 г. просидел в тюрьме. После работал в качестве разъездного агента Ц.К. по организации агитационных и пропагандистских групп. В 1906 — 1907 г.г. вел пропагандистскую работу в Твери, Москве и Петербурге. В 1907 г. отошел к меньшевикам. От Иркутской (меньшевистской) организации был делегатом на Лондонском (V) Съезде Р.С.-Д.Р.П. В период 1909 — 1917 г.г. активного участия в партийной работе не принимал. В 1910 г. подписал известное «Открытое письмо» 16 русских меньшевиков-ликвидаторов. В 1917 г. примыкал к плехановцам. С 1919 г. работает в рядах коммунистической партии, посвятив себя, главным образом, научно-исследовательской работе по истории партии. — 260.

КРАСИН, Л. Б. («ЗИМИН», «НИКОЛАЕВ») (1870 — 1926) — один из виднейших большевиков. В 1890 г. был в петербургском кружке Бруснева. В 1891 г. выслан из столицы за участие в демонстрации при похоронах Шелгунова. В 1895 г. выслан на 3 года в Иркутск; по возвращении работал в качестве инженера в Баку. С возникновением «Искры» К. становится ревностным «искряком». В Баку организовал нелегальную типографию «Искры». После раскола на II съезда партии К. примкнул к «большинству» и был кооптирован в конце 1903 г. в Ц.К., где вскоре занял примиренческую позицию по отношению к меньшевикам. После провала Ц.К. 22 (9) февраля 1905 г. в квартире писателя Андреева в Москве, уцелевший от провала К. (вместе с Любимовым) признал целесообразность созыва III съезда и вошел в соглашение с Б.К.Б. На III съезде К. делал отчетный доклад О.К. (от Ц.К.) и принимал деятельное участие в прениях и комиссиях съезда; был избран в Ц.К. Будучи талантливым инженером и организатором, применил свои знания в целом ряде «технических» партийных предприятий от оборудования типографий до руководства боевым техническим бюро при Ц.К. После 17 октября 1905 г. К. был одним из организаторов первой легальной большевистской газеты «Новая Жизнь». В качестве представителя Ц.К. входил в Петербургский Совет рабочих депутатов. На IV съезде вновь избран в Ц.К. В годы реакции входил некоторое время в группу «Вперед», позже работал, как крупный инженер, за-границей и в России. Накопленные знания и опыт К. полностью отдал партии после Октябрьской победы. В 1918 г. один из организаторов снабжения Красной армии, затем член Президиума В.С.Н.Х. и Нарком путей сообщения. Все последние годы жизни К. стоял на советском дипломатическом посту и вел борьбу за прорыв блокады. Им были начаты переговоры с Эстонией; в марте 1921 г. К. подписывает англо-советский договор. Затем остается полпредом в Англии; участвует в Генуэзской и Гаагской конференциях. В качестве наркома внешней торговли с исключительной энергией отстаивает монополию внешней торговли. В конце 1924 г. К., оставаясь наркомом вн. торговли, едет в качестве полномочного представителя С.С.С.Р. в Париж; в 1926 г. — снова полпред в Англии. На XIII съезде К. был избран в Ц.К. — 141, 159, 160, 162, 169.

КРЕСТОВНИКОВ, Г. А. (р. 1855) — октябрист, крупный промышленник и биржевик. Долгое время был директором Правления Московско-

Курской ж. д., председателем правления Московского Купеческого банка и Московского биржевого общества. В 1906 г. был избран членом Государственного Совета, как представитель от торговли. В марте 1909 г. принимал деятельное участие в совещаниях представителей крупной промышленности и торговли совместно с кадетскими профессорами. — 61, 62, 64, 66.

КРИЧЕВСКИЙ, Б. Н. (1866 — 1919) — один из первых русских соц.-демократов, публицист, ревизионист. После работы в с.-д. кружках в России в начале 90-х г.г. эмигрировал за-границу, примкнул к Группе «Осв. Труда», принимал литературное участие в изданиях Группы (Б. Наумов). Вскоре стал в оппозицию к Группе и вместе с Л. Тышко (Иогихес) образовал собственную группу для издания популярной с.-д. литературы, которой — по мнению К. и Тышко — «старики» (Плеханов, Аксельрод) не уделяли достаточно внимания. В конце 90-х г.г. К. стал во главе более широкой и более принципиальной оппозиции Плеханову, опиравшейся на новые «экономические» настроения в среде русск. с.-д-тии. Эти настроения победили в «Союзе русск. с.-д. за-границей», и К., получив большинство Союза, стал редактором органа Союза «Рабочее Дело» (1898 — 1902). На Парижском Междунар. Социалист. Конгрессе 1900 г. возглавлял большинство русской делегации (меньшинство представляли Плеханов, Аксельрод и др.). Одновременно К. принимал участие в жизни европейской с.-д-тии, сотрудничая в «L'Humanité» и состоя парижским корреспондентом «Vorwärts'a». Как в русских, так и в международных делах склонялся к бернштейнианству и жоресизму. «Искра» и «Заря» вели резкую борьбу против К. После II съезда К. никакой политической роли не играл. — 152.

КРУПЕНСКИЙ, П. Н. (р. 1863) — ярый черносотенец, помещик Бессарабской губернии, депутат II, III и IV Государственных Дум. Вместе с Пуришкевичем сознательно устраивал в Думе скандалы, чтобы такими приемами дискредитировать самый принцип народного представительства. В III Государственной Думе основал партию националистов. — 183.

КУЗЬМИН-КАРАВАЕВ, В. Д. (1859 — 1927) — профессор военно-юридической академии, дворянин-землевладелец, гласный тверского земства, умеренный либерал. Член Государственной Думы 1 и 2-го созыва от Тверской губернии. Один из организаторов партии демократических реформ. С 1898 г. поместил ряд статей в «Вестнике Европы», «Русских Ведомостях». С конца 1905 г. вел в «Вестнике Европы» общественную хронику. В 1915 г. состоял членом редакции этого журнала и вел отдел «Вопросы внутренней жизни». Во время империалистической войны был председателем ревизионной комиссии Всероссийского Земского Союза и членом Центрального Военно-Промышленного Комитета. В 1920 г. эмигрировал за-границу, сотрудничал в белой прессе. — 168.

КУСКОВА, Е. Д. (р. 1869) — политическая деятельница и публицистка. Начала свою общественную деятельность, как марксистка. В конце 90-х г.г. принимала участие в «Союзе русских с.-д.» за-границей. Затем выступила против идей революционного марксизма, приняв целиком бернштейновскую ревизию марксизма. Автор, так называемого, «Credo», вызвавшего резкий протест со стороны 17 представителей революционного крыла с.-д., во главе с Лениным. (См. Сочинения, т. II.) Накануне революции 1905 г. вошла в либеральный «Союз Освобождения» и поддерживала «Освобождение» Струве. Во время революции стояла на позиции кадетов, основала с группой единомышленников (Прокопович, Богучарский и др.) журнал «Без Заглавия», который открыто заявлял, что хочет быть органом «последовательных русских бернштейнианцев». Журнал, как и издававшаяся той же группой газета «Товарищ», выступал прямым противником классовой политики пролетариата, поддерживая либерализм в борьбе против партии и меньшевиков против большевиков. В эпоху реакции К. принимала участие в легальном буржуазно-демократическом движении. В революции

1917 г. К. выступила решительным противником большевиков и Советской власти. Ныне в эмиграции. — 60, 205.

КУТЛЕР, Н. Н. (1859 — 1924) — видный деятель кадетской партии, депутат II и III Гос. Дум от Петербурга. С 1899 по 1904 г. работал в министерстве финансов, был директором департамента окладных сборов. В период 1905 — 1906 г.г. был товарищем министра внутренних дел при кн. Святополк-Мирском и министром земледелия и землеустройства в кабинете графа Витте; вышел в отставку из-за разногласий с Витте, который провалил проект К. о частичном принудительном отчуждении помещичьих земель. В марте 1907 года, во время дебатов по аграрному вопросу в Думе, К. выступил от к.-д. с речью, в которой явно отстаивал интересы помещиков. Это выступление детально разобрано Лениным в его книге «Аграрная программа социал-демократов в русской революции 1905 — 1907 г.г.» и в его «Проекте речи по аграрному вопросу». Как крупный специалист-финансист, К. был использован Советской властью на работе в Государственном Банке С.С.С.Р. — 126, 168.

Л.

ЛАССАЛЬ, ФЕРДИНАНД (1825 — 1864) — один из крупнейших деятелей германского рабочего движения, выдающийся оратор и публицист. В 1846 г. принял участие в революционном движении на Рейне и сотрудничал в руководимой Марксом «Новой Рейнской Газете». Исходя из неверной теории «железного закона заработной платы», не придавал значения экономической борьбе и профессиональной организации пролетариата. Главное внимание обращал на завоевание всеобщего избирательного права, которое дало бы рабочим влияние на правительство для получения государственного кредита свободным производительным ассоциациям рабочих, через которые совершился бы постепенный переход к социалистическому строю. На почве борьбы за избирательное право вступил в некоторую связь с Бисмарком. В 1863 г. основал «Всеобщий Германский Рабочий Союз», долго враждовавший с основанной А. Бебелем и В. Либкнехтом «Соц.-Дем. рабочей партией», с которою союз, наконец, слился в 1875 г. в единую «Социалистическую рабочую партию Германии». — 17.

ЛЕВА — см. ВЛАДИМИРОВ, М. К.

ЛЕВИЦКИЙ, В. («ГЕОРГ», «Г — г.», «Г. Р.», «РАКИТИН» — псевдонимы ЦЕДЕРБАУМА, В. О.) (р. 1883) — социал-демократ, видный меньшевик-ликвидатор, литератор. В 1904 г. эмигрировал за-границу. В 1905 г., после меньшевистской конференции в Женеве, вернулся в Россию, вел пропагандистскую работу в Петербурге. В 1906 г. был делегатом на Стокгольмском съезде Р. С.-Д. Р. П. В предвыборной кампании во II Государственную Думу стоял за блок с кадетами. В эпоху реакции был ликвидатором, сотрудничал в «Голосе Социал-Демократа» и «Возрождении», принимал активное участие в издании и входил в редакцию ликвидаторского журнала «Наша Заря», подписал известное «Открытое письмо» 16 русских меньшевиков-ликвидаторов. Во время империалистической войны поддерживал крайнюю правую группу оборонцев и ее орган — «Самозащита», входил в редакцию оборонческого журнала «Дело». После Февральской революции играл видную роль в меньшевистской партии, был членом редакции меньшевистской газеты «Вперед». Октябрьскую революцию встретил враждебно, позднее активно боролся против Советской власти. В 1919 г. привлекался к ответственности по делу контрреволюционного «тактического центра». В настоящее время занимается литературной деятельностью, работает над своими воспоминаниями. — 206, 260.

ЛЕДЕР, В. Л. (р. 1882) — польский социал-демократ, литератор. Революционную работу начал с 1900 г. в польских рабочих кружках. В 1903 г. был арестован за участие в первомайской демонстрации, после вошел в состав Варшавского комитета социал-демократии Польши и Литвы. В 1904 г. выехал за-границу, работал в качестве разъездного агитатора и организатора, сотрудничал в партийной печати, был арестован и просидел 8 месяцев в тюрьме в связи с провалом нелегальной типографии. В 1905 г. вернулся в русскую Польшу, был одним из организаторов «Сосновицкой республики». С конца 1906 по 1908 г. сидел в тюрьме, был освобожден под залог, эмигрировал за-границу, был делегатом от польской социал-демократии на Всероссийской конференции Р. С.-Д. Р. П. в декабре (январе 1909 г.) 1908 г., потом до 1911 г. работал членом и секретарем Главного Правления Социал-Демократии Польши и Литвы, входил в редакцию Центрального Органа Р. С.-Д. Р. П. «Социал-Демократ». После 1911 г. был членом Организационной и Технической Комиссий от польских социал-демократов. В это время занимал примиренческую позицию по отношению к меньшевикам. В эпоху империалистической войны занимал социал-шовинистскую позицию. В октябре 1918 г. примкнул к большевикам. В настоящее время — член В. К. П. (б.), работает в советских учреждениях и сотрудничает в партийной прессе.—**252, 253.**

ЛЕНИН, В. И. (УЛЬЯНОВ) (1870 — 1924) — **38, 42, 48, 49, 67, 117, 123, 157, 160, 168, 175, 189, 191, 194, 207, 212 — 214, 216, 223, 253, 268, 270, 287, 300, 305, 315, 321, 334, 336, 337, 342, 345, 353, 363, 365, 375, 386, 390.**

ЛИБКНЕХТ, ВИЛЬГЕЛЬМ (1826 — 1900) — один из вождей германской социал-демократии, отец Карла Либкнехта, принимал активное участие в революции 1848 г. С наступлением реакции эмигрировал в Швейцарию, а оттуда в Лондон, где сблизился с Марксом и Энгельсом. Возвратившись в 1860 г. по амнистии в Германию, вел упорную борьбу с тактикой Лассаля. По инициативе Либкнехта и Бебеля в 1869 г. основана в Эйзенахе соц.-дем. партия. В 1870 г. за протест против аннексии Эльзас-Лотарингии арестован по обвинению в государственной измене. Вместе с Бебелем вел борьбу против Бисмарка во время господства исключительных законов против социалистов. В 1867 — 1870, 1874 — 1888 г.г. — член германского рейхстага. Виднейший деятель революционного крыла партии, боролся против соглашательских тенденций (Фольмар и др.). Был редактором центрального органа партии «Vorwärts» («Вперед»). — **215, 299.**

ЛОБАНОВ, М. И. («СТАНИСЛАВ») (р. 1887) — социал-демократ, большевик, рабочий - слесарь. Революционную работу начал в 1904 — 1905 г.г. в Москве и тогда же вступил в Р. С.-Д. Р. П. В 1909 г. был командирован от Замоскворецкой организации большевиков в отзовистско-ультиматистскую школу на о. Капри. Здесь примыкал к группе богдановцев и вместе с ними принимал участие в борьбе против Большевистского Центра. По окончании Каприйской школы ездил в Париж, где прослушал дополнительный цикл лекций, организованных Большевистским Центром. Перед отъездом в Париж подписал платформу отзовистско-ультиматистской группы «Вперед». В годы реакции и войны вел нелегальную революционную работу в качестве впередовца, некоторое время пробыл в ссылке в Архангельской губернии. Февральская революция застала его в Москве на заводе «Мотор». После революции вступил в В. К. П. (б.), работал в ряде советских учреждений и в союзе металлистов. В настоящее время работает на Украине. — **118.**

ЛОПАТИН, Г. А. (1845 — 1918) — один из старейших русских революционеров, народоволец, узник Шлиссельбурга, близкий друг Маркса, Энгельса, Бакунина и Лаврова, первый переводчик «Капитала» (его перевод закончил Николай — он — Н. Ф. Даниэльсон), впоследствии примыкал к социалистам-революционерам. С 1866 г. многократно привлекался к

суду, подвергался заключению в тюрьме и ссылался по политическим делам: Каракозова, Нечаева, за попытку освобождения из ссылки Н. Г. Чернышевского и др. В 1887 г. был присужден к смертной казни, которая была заменена пожизненным заключением в Шлиссельбургской крепости, откуда вышел только в 1905 г. С 1870 г. был членом Генерального Совета I Интернационала. С 1884 г. — членом партии «Народной Воли». После освобождения своего из Шлиссельбургской крепости никакой роли в политической жизни не играл. — 375.

ЛУНАЧАРСКИЙ, А. В. (р. 1875) (нелегальный псевдоним — ВОИНОВ) — видный социал-демократ, большевик, литератор, драматург, философ. В 1897 г., в бытность свою студентом, работал в Московской с.-д. организации, но вскоре был арестован и выслан сначала в Калугу, а потом в Вологодскую губернию. В 1904 г. выехал в Женеву. Во время пребывания за-границей принимал активное участие в кампании за созыв III съезда Р. С.-Д. Р. П., выступал в русских с.-д. группах Швейцарии, Бельгии, Германии, Италии; вошел в редакционную работу большевистских органов «Вперед» и «Пролетарий». Весной 1905 г. участвовал в III Съезде Р. С.-Д. Р. П., выступал докладчиком о вооруженном восстании. В конце 1905 г. вернулся в Петербург, принимал ближайшее участие в издании легального большевистского органа «Новая Жизнь». Участвовал в Стокгольмском (1906 г.) и Лондонском (1907 г.) съездах Р. С.-Д. Р. П., а также в русской делегации на Штутгартском Конгрессе II Интернационала. В годы реакции находился за-границей, был одним из организаторов и руководителей отзовистско-ультиматистских школ на о. Капри и в г. Болонье (Италия), один из лидеров группы «Вперед», вел энергичную проповедь богостроительства и пропагандировал эмпириомонизм. С начала войны примкнул к «интернационалистам», сотрудничал в парижском «Голосе» и «Нашем Слове», редактировал «Вперед». После Февральской революции вошел в организацию «межрайонцев», а вместе с ними в партию большевиков. С Октябрьской революции и до 1929 г. был Народным Комиссаром Просвещения Р. С. Ф. С. Р. В настоящее время работает председателем Комитета по заведыванию учеными и учебными учреждениями при Ц. И. К. Союза С. С. Р. — 74, 119, 120, 122, 124, 156, 157, 175, 190, 195, 203, 205, 206, 347, 349, 360, 365, 366.

ЛЮКСЕМБУРГ, РОЗА (1870 — 1919) — вождь и идеолог польского и германского революционного рабочего движения, практический работник германского, польского и русского рабочего движения, представительница революционного направления во II Интернационале и в германской с.-д., автор ряда теоретических работ по экономическим и др. вопросам («Накопление капитала» и др.). В 1893 г. принимала участие в основании «Социал-демократии Царства Польского» (позже с.-д-ии Польши и Литвы), написала ряд теоретических работ для обоснования польского с.-д. движения. С 1897 г. принимала активнейшее участие в германском с.-д. движении, находясь всегда на левом крыле партии и ведя борьбу с бернштейнианством и его французской разновидностью — мильеранизмом. В 1905 г. работала в Варшаве. На основании опыта русской революции написала в 1906 г. брошюру «Всеобщая стачка». Принимала участие в Лондонском съезде Р. С.-Д. Р. П. в 1907 г., где шла вместе с большевистской фракцией. Выступая с резкой критикой ревизионизма, с 1910 г. выступает и против «центра» (Каутский), склонявшегося к компромиссу с оппортунистами. С самого начала империалистской войны заняла интернационалистскую позицию и выпустила вместе с Ф. Мерингом и К. Цеткин один номер журнала «Интернационал». Вошла в основанный К. Либкнехтом «Союз Спартак», написала в 1916 г. (в тюрьме) под псевдонимом Юниус брошюру «Кризис социал-демократии», где указала на распад II Интернационала и на необходимость образования III Интернационала. После ноябрьской 1918 года революции в Германии развила широкую

коммунистическую агитацию, но вскоре была вместе с К. Либкнехтом убита германскими офицерами (15 янв. 1919 г.). Ленин, всегда высоко ценивший Р. Л., посвятил ей, однако, ряд полемических статей, выступая против ее ошибок, в частности, против ее организационных взглядов (1904 г.), позиции в национальном вопросе и др. — **67, 122, 165, 252, 253, 353, 355, 382.**

ЛЯДОВ, М. Н. (р. 1872) — видный большевик, профессионал-революционер, автор работ по истории русской социал-демократии. Революционную работу начал в народнических кружках, но затем эволюционировал к с.-д. В 1895 г. был арестован, просидел два года в тюрьме и был выслан на пять лет в Верхоянск. В 1902 г. вернулся из ссылки, вошел в Саратовский комитет. В феврале 1903 г. бежал за-границу. На II съезде Р. С.-Д. Р. П. был делегатом от Саратовского комитета, отстаивал позиции большинства. После съезда был назначен агентом Ц. К. в Берлине. В начале 1904 г. уехал на работу в Россию, в качестве разъездного агента Ц. К.; позже, в том же году, вернувшись в Женеву, вплоть до конфликта в Ц. К. («июльская» декларация Ц. К.) заведывал за-границей кассой Ц. К.; входил в делегацию большевиков на Амстердамском Конгрессе; участвовал в большевистской конференции «22-х» в Женеве. Осенью 1904 г. был избран членом Бюро Комитетов Большинства и работал в России по подготовке созыва III съезда партии; участвовал в III съезде и после него объезжал с докладом о съезде заграничные с.-д. организации и российские комитеты. В октябре 1905 г. входил в Московский комитет. В феврале 1906 г. совершил объезд Сибири и Урала по подготовке Стокгольмского (Объединительного) съезда; был делегатом на нем от Московской организации. После съезда работал в Петербурге и Финляндии. В период III Думы выступал за бойкот выборов. В 1908 — 1909 г.г. работал в Областной организации Центрально-промышленного района, был некоторое время секретарем Областного Бюро. В январе 1909 г. был делегатом от этого района на Парижской общепартийной конференции Р. С.-Д. Р. П. Весной 1909 г. принял активное участие в организации отзовистско-ультиматистской школы на о. Капри, читал лекции и руководил практическими занятиями. В декабре 1909 г. подписал платформу отзовистско-ультиматистской группы «Вперед», позднее входил в редакцию сборника «Вперед». В 1910 г. работал по организации впередовской школы в г. Болонье, в которой затем читал лекции и руководил практическими занятиями. В 1911 г. вышел из группы «Вперед» и, отойдя от с.-д. движения, уехал в Баку. С 1920 г. работал в советских хозяйственных органах. С 1923 г. по 1929 г. был ректором Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова. В 1928 г. отстаивал правоуклонистские взгляды. В настоящее время работает в Наркомпросе Р. С. Ф. С. Р. — **111, 119, 124, 151, 156, 175, 190, 195, 196.**

М.

МАКАДЗЮБ, М. С. («АНТОНОВ», «АНТОН») (р. 1876) — старый социал-демократ, видный меньшевик-ликвидатор, впоследствии отошел от политической деятельности. В 1903 г. участвовал на II съезде Р. С.-Д. Р. П. в качестве делегата от Крымского союза. В сентябре 1903 г. был на меньшевистской конференции «17» в Женеве. В мае 1905 г. принимал участие в общерусской конференции меньшевиков, происходившей в Женеве, и был избран в Организационную Комиссию — руководящий меньшевистский центр. По возвращении в Россию был дважды арестован. В 1906 г. выступал в защиту созыва «рабочего съезда». В эпоху реакции был ликвидатором. В 1910 г. подписал известное «Открытое письмо» 16 русских

меньшевиков-ликвидаторов. До 1912 г. сотрудничал в ликвидаторской «Нашей Заре». В 1913 г. начал отходить от партийной и политической работы. До 1917 г. работал в Пермском торгово-промышленном акционерном обществе. После Октябрьской революции работал в различных топливо-заготовительных органах. С 1921 г. работает в лесо-экспортных учреждениях С. С. С. Р. за-границей. — 260.

МАКСИМОВ — см. БОГДАНОВ, А. (МАЛИНОВСКИЙ, А. А.).

МАНУИЛОВ, А. А. (1861 — 1929) — видный кадетский деятель, профессор политической экономии и ректор Московского университета. Входил в Ц. К. кадетской партии и был одним из редакторов «Русских Ведомостей». В 1907 — 1911 г.г. состоял членом Государственного Совета от академической курии. В 1910 г., по приказу министра Кассо, был отстранен от поста ректора Московского университета за недостаточно энергичную борьбу против студенческого движения. В 1917 г. — министр народного просвещения Временного правительства, подготовил реформу русского правописания, которая была проведена Советской властью. В дальнейшем вернулся к преподавательской деятельности. С 1922 г. принимал участие в организации банкового дела, а с 1924 г. состоял членом правления Государственного Банка С. С. С. Р. — 61.

МАРАТ — см. ШАНЦЕР, В. Л.

МАРИЯ ФЕДОРОВНА — см. АНДРЕЕВА, М. Ф.

МАРКОВ ВТОРОЙ, Н. Е. (р. 1876) — лидер черносотенцев, крупный помещик Курской губернии, депутат III и IV Государственных Дум. До 1910 г. был членом Ц. К. «Союза русского народа», а потом стал во главе «Союза Михаила архангела». Играл видную роль на съездах объединенного дворянства, где выступал выразителем стремлений крайней реакции. Прославился своими скандальными выступлениями в Думе, посредством которых рассчитывал подорвать авторитет системы народного представительства. — 263.

МАРКС, КАРЛ (1818 — 1883) — см. его биографию, написанную В. И. Лениным в 1914 г., в XVIII т. Сочинений. — 16, 18, 49, 50, 63, 68, 70, 71, 76, 122, 144, 242, 299.

МАРТОВ, Л. (ЦЕДЕРБАУМ, Ю. О.) (1873 — 1923) — один из лидеров меньшевизма, первоначально работал в Виленской организации Бунда. В октябре — ноябре 1895 г. принимал участие в организации петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В начале января 1896 г. был арестован и после тюремного заключения сослан в Туруханск на 3 года. В 1900 г. вернулся из ссылки и около года работал на юге России, объезжая местные организации и организуя поддержку «Искре». Весной 1901 г. приехал в Мюнхен и принял деятельное участие в работе «Искры» и «Зари». На II съезде Р. С.-Д. Р. П. стал во главе меньшинства и с тех пор оставался виднейшим идеологом и публицистом меньшевизма, постоянным участником всех центральных учреждений меньшевистской партии и редактором меньшевистских изданий. В 1905 г., после манифеста 17 октября, вернулся в Россию, работал в ноябре — декабре в Совете Рабочих Депутатов и в редакции меньшевистской газеты «Начало». В 1906 г. был арестован и выслан за-границу. Оттуда продолжал руководить меньшевистской фракцией во время выборов во II Гос. Думу. Вначале колебался в вопросе о предвыборных соглашениях с кадетами, но затем стал поддерживать блок с кадетами. В годы реакции входил в редакцию «Голоса Социал-Демократа», поддерживал русских ликвидаторов. Принимал участие в издании и редактировании пятитомника «Общественное движение в России в начале XX в.», сотрудничал в ликвидаторском теоретическом органе «Наша Заря» и др. меньшевистских легальных изданиях. В январе 1910 г. был на объединительном пленуме Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. После январского 1910 г. пленума Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. входил в редакцию Центрального Органа партии «Социал-Демократ». В 1912 г. принимал

участие в Августовской ликвидаторской конференции. В 1913 г. вернулся в Россию и руководил борьбой ликвидаторов против большевиков в качестве редактора «Рабочей Газеты». В первые дни войны занимал интернационалистскую позицию, но затем скатился к центризму, прикрывая социал-шовинистов революционной фразой. Был членом редакции газеты «Голос» (позже «Наше Слово»), откуда потом вышел. Входил в состав заграничного Секретариата О.К.; редактировал «Известия О.К.». Участник Циммервальдской конференции, февральского расширенного совещания Интернациональной Социалистической Комиссии и Кинтальской конференции. После Февральской революции возвратился в Россию с группой меньшевиков-интернационалистов. В первый период революции нередко расходился с большинством своей партии, занимая в ней «левую» позицию. На II съезде Советов отстаивал необходимость образования правительства из представителей всех социалистических партий; остался на съезде после ухода меньшевиков и правых эсеров. Вскоре занял непримиримо-враждебную позицию по отношению к Советской власти. В 1920 г. эмигрировал в Берлин, где редактировал «Социалистический Вестник», центральный орган меньшевиков. — **36, 38, 40, 42, 43 — 50, 62, 65, 105, 133, 134, 199 — 201, 205, 206, 210, 254, 257, 258, 261, 282, 300, 303, 307, 308, 311 — 313, 315, 326, 329, 331, 332, 334, 335, 341, 352 — 355, 382.**

МАРТЫНОВ, А. С. (ПИККЕР) (р. 1865) — теоретик и лидер «экономизма», один из идеологов меньшевизма. Участник народовольческих кружков конца 80-х годов. Был сослан на десять лет в Сибирь и вернулся из ссылки в 90-х г.г. социал-демократом. В 1900 г. эмигрировал заграницу, где вступил в «Союз русских социал-демократов» и стал одним из редакторов «Рабочего Дела». В 1901 — 1902 г.г. вел ожесточенную полемику против программных, тактических и организационных принципов «Искры». Взгляды М. неоднократно подвергались жестокой критике Ленина. После раскола на II съезде Р. С.-Д. Р. П. примкнул к меньшевикам и вскоре вошел в состав их руководящего ядра; сотрудничал в меньшевистской «Искре» и во всех последующих легальных и нелегальных руководящих органах меньшевиков в качестве одного из их редакторов. Брошюра М. «Две диктатуры», вышедшая в начале 1905 г., легла в основу меньшевистской тактики и политики в эпоху революции 1905 г. Участник Стокгольмского съезда, выступал с докладом о «текущем моменте и классовых задачах пролетариата». С 1905 г. по 1907 г. работал в России, затем снова уехал за-границу. Входил в редакцию «Голоса Социал-Демократа», принимал участие в издании и редактировании пятитомника «Общественное движение в России в начале XX в.», сотрудничал в ликвидаторском теоретическом органе «Наша Заря» и др. легальных меньшевистских изданиях. В январе 1910 г. был на объединительном пленуме Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. Во время империалистической войны входил в состав заграничного Секретариата О. К., по своим взглядам примыкал к группе Мартова. Участник Циммервальда, сторонник Циммервальдского большинства. В 1919 г. начал отходить от меньшевизма и затем вступил в В. К. П. (б.). В настоящее время работает в журнале «Коммунистический Интернационал» — органе Коминтерна. — **65, 105, 152, 163, 201 — 203, 213, 254, 261, 300, 313, 326, 329, 382.**

МАРХЛЕВСКИЙ, Ю. Ю. («КАРСКИЙ», «КУЯВСКИЙ») (1866—1925) — польский коммунист, один из старейших вождей и теоретиков польского рабочего движения, выдающийся деятель Германской и Российской соц.-дем. партий. Революционную деятельность начал во второй половине 80-х г.г. прошлого столетия в качестве активного участника «Союза польских рабочих». Эмигрировал в Швейцарию (в Цюрих), где поступил в университет, продолжая в то же время революционную деятельность. В 1895 г. переселился в Дрезден, где вместе с Парвусом вошел в состав

редакции «Sächsische Arbeiterzeitung» — органа левого крыла германской соц.-дем. партии. В конце 1898 г. был выслан из Саксонии, переехал в Мюнхен и принял деятельное участие, как сотрудник, в издании «Vorwärts», «Neue Zeit», «Leipziger Volkszeitung». В декабре 1905 г. приехал в Варшаву, принял деятельное участие в революционной борьбе польских рабочих. В 1906 г. был арестован и просидел в тюрьме до весны 1907 г. Вскоре после освобождения был делегирован польской партией на Лондонский съезд Р. С.-Д. Р. П. и на Международный Социалистический Конгресс в Штутгарте. В конце 1908 г. принял деятельное участие в общепартийной конференции Р. С.-Д. Р. П. в Париже. С 1909 г. работал в Германской соц.-дем. партии, примыкая к ее левому крылу. Во время империалистической войны занимал интернационалистскую позицию, участвовал в организации Союза «Спартак» и в редактировании журнала «Die Internationale». В 1916 г. был арестован германским правительством, освобожден в 1918 г. по настоянию Советского правительства в обмен на немецких военнопленных в России. По возвращении в Советскую Россию был избран в члены В.Ц.И.К., а затем принимал активное участие в работах Коминтерна. В 1920 г. возглавлял Революционный Комитет Польши. В дальнейшем был профессором I Московского Государственного университета и ректором Университета национальных меньшинств Запада. Перу М. кроме огромного количества статей, напечатанных в польских, немецких и русских периодических журналах, и докторской диссертации «О физиократизме в Польше», — принадлежат крупные работы об общественно-экономическом положении прусской Польши и о положении еврейских масс Польши. — 253, 351, 352, 382.

МАСЛОВ, П. П. (р. 1867) — один из первых русских марксистов, видный меньшевик-ликвидатор, экономист, автор ряда работ по аграрному вопросу, ревизионист. Участник первой легальной с.-д. газеты «Самарский Вестник». В 1903 г. выпустил первый том своей работы «Аграрный вопрос»; тогда же, под псевдонимом Икса, в брошюре «Об аграрной программе», выступил против аграрной части проекта программы Р. С.-Д. Р. П., которая была принята II съездом. После раскола партии примкнул к меньшевикам и оставался постоянным сотрудником меньшевистских легальных и нелегальных изданий. В период первой революции выдвинул проект «муниципализации» земли, и на Стокгольмском съезде в 1906 г. защищал его против отстаиваемой Лениным «национализации». В 1907 г. работал в соц.-дем. фракции II Гос. Думы в качестве «сведущего» лица. В годы реакции входил в группу литераторов-легалистов, принимал активное участие в издании и редактировании пятитомника «Общественное движение в России в начале XX в.», сотрудничал в теоретическом органе ликвидаторов «Наша Заря». В 1908 г. выпустил второй том «Аграрного вопроса». Во время мировой войны занял оборонческую позицию, защищая свою точку зрения в либеральных газетах доводами экономического характера; доказывал необходимость для русского пролетариата полной победы над Германией. После революции 1917 г. активной политической роли не играл. С 1923 г. работает в Москве. В 1929 г. избран членом Академии Наук. — 60, 134, 198 — 201, 205, 210, 326, 341.

МАХ, ЭРНСТ (1838 — 1916) — австрийский физик и философ, профессор. В 1902 г. оставил педагогическую деятельность. В области естествознания наибольшая заслуга принадлежит М. в разработке истории механики и физики. Однако, в связи со своими общефилософскими воззрениями, М. в своих специальных работах игнорировал ряд важнейших достижений современного естествознания, выступая все время ярым врагом атомистики. В области философии М. более всего приближался к эмпириокритицизму Авенариуса. Всестороннюю критику взглядов М. дал В. И. Ленин в своей книге «Материализм и эмпириокритицизм» (см. XIII том Сочинений). Особенное распространение махизм приобрел в австрийской

социал-демократии (Фриц Адлер, Отто Бауэр) и у нас в России (эс-эры, Н. Валентинов, А. Богданов и другие). (Подробнее о М. см. XIII том Сочинений, Словарь-указатель имен.) — 67.

МАШКЕВИЧ, Д. Ф. (р. 1871) — черносотенец, священник, депутат III Государственной Думы от Херсонской губернии, вел активную работу в Елисаветградском отделе «Союза русского народа». — 79.

МАЙЕР, ГУСТАВ (р. 1871) — беспартийный профессор Брюссельского университета, автор биографии Фр. Энгельса (1920 г.), издатель литературного наследия Ф. Лассаля (вышло 6 книг в 1921 — 1925 г.г.), автор книги «Путь Лассаля к социализму» (1925 г.), корреспондент газеты «Frankfurter Zeitung».— 299.

МЕЙЕНДОРФ, А. Ф. (р. 1868) — левый октябрист, лифляндский барон, землевладелец, юрист, депутат III и IV Государственных Дум, товарищ председателя III Государственной Думы. В своей думской деятельности неоднократно расходился с фракцией октябристов. После одного скандального столкновения с крайними правыми депутатами вышел из президиума III Государственной Думы. Автор книги: «Крестьянский двор в системе русского крестьянского законодательства и общинного права и затруднения его упорядочения». — 83.

МЕНЬШИКОВ, М. О. (1859 — 1919) — публицист крайнего реакционного направления, один из самых видных сотрудников «Нового Времени». Своей беспринципностью, неразборчивостью в средствах и прислужничеством перед царскими бюрократами стяжал себе прозвище «Иудушка». Расстрелян в 1919 г. — 222, 394.

МЕРИНГ, ФРАНЦ (1846 — 1919) — выдающийся представитель революционного марксизма в Германии, всегда примыкал к левому крылу соц.-дем. партии, вел непримиримую борьбу против ревизионизма и социал-шовинизма, был редактором левой соц.-дем. газеты «Leipziger Volkszeitung» («Лейпцигская Народная Газета») и соредактором «Die Neue Zeit». Автор широко-известной четырехтомной «Истории Германской социал-демократии», книги «Легенда о Лессинге» и др. Во время империалистической войны стоял на позиции революционного интернационализма, входил в группу левых циммервальдистов, был одним из руководителей спартаковского движения, принимал участие в основании Германской компартии и был одним из ее вождей. Издал в четырех томах «Литературное наследство Маркса, Энгельса и Лассаля». — 50.

МИЛЬЕРАН, А. (р. 1859) — французский политический деятель, проделавший эволюцию от социализма к решительной защите буржуазии; первый из социалистов, вошедший в буржуазное министерство (1899 — 1902), где оказался рядом с палачом Коммуны генералом Галиффе. Вхождение М. в буржуазное министерство явилось практической иллюстрацией бернштейнианства и послужило поводом к острой борьбе как в рядах французской социалистической партии, так и на Амстердамском Международном Социалистическом Конгрессе в 1904 году. После исключения М. из партии (в 1904 г.) он образовал с группой бывших социалистов и будущих буржуазных министров (Бриан, Вивиани) партию «независимых социалистов». Во время войны — один из лидеров «Национального блока». В 1920 — 1924 г.г. — президент французской республики; крайний реакционер, фактический глава французского фашизма. — 327, 328.

МИЛЮКОВ, П. Н. (р. 1859) — лидер к.-д. партии, вождь русского либерализма, русский историк, профессор. В эпоху I Думы кадетами намечался премьером ответственного министерства. Во время войны — идеолог русских империалистов, сторонник аннексии Дарданелл, Галиции, Восточной Пруссии и Армении; ярый враг интернационализма. Во время Февральской революции отстаивал романовскую монархию во главе с Михаилом. Во Временном Правительстве первого состава М. занял пост министра иностранных дел. Его нота 18 апреля 1917 г. о верности Вре-

менного Правительства договорам Николая II с союзниками вызвала дружный протест рабочих (апрельский кризис), и М. вынужден был подать в отставку. Идеолог корниловщины в августе 1917 г. После Октябрьской революции вдохновитель контр-революционных выступлений против Советской России. Сторонник свержения Советской власти при помощи иноземных штыков. В дни Скоропадского резко изменил антантовскую ориентацию на германскую и искал помощи у кайзера, но германская революция расстроила его планы. После победы советских войск на фронтах гражданской войны, М. поселился в Париже. Редактирует левокадетскую газету «Последние Новости». Стал во главе «демократической группы» кадетской партии. — 82, 114, 115, 127, 231, 235 — 238, 317, 320.

МИТРОФАН (Д. КРАСНОВСКИЙ) (р. 1869) — черносотенец, епископ гомельский, член III Государственной Думы от Могилевской губернии. — 77.

МИХАИЛ — см. **ВИЛОНОВ, Н. Е.**

МИХАИЛ — см. **ИСУВ, И. А.**

МИХАЙЛОВА, НАТ. — см. **ГАЛЬБЕРШТАДТ, Р. С.**

МОЛЬКЕНБУР, ГЕРМАН (MOLKENBUHR) (1851 — 1927) — старейший германский социал-демократ, оппортунист, рабочий табачного производства. К революционному движению примкнул в 70-х годах. С 1881 по 1884 г. находился в эмиграции в Америке. В 1890 г. был редактором газеты «Hamburger Echo» («Эхо Гамбурга»). В 1891 г. принимал участие в Эрфуртском съезде германской соц.-дем. партии. С 1904 г. долгое время был секретарем Ц. К. германской с.-д. партии. Принимал участие во многих партейтагах и был делегатом на нескольких Международных Конгрессах II Интернационала. Неоднократно избирался депутатом в рейхстаг. Во время войны был социал-патриотом. В 1919 — 1920 г.г. — член Национального Собрания. — 242, 244.

МОРГАРИ, ОДИНО (р. 1865) — итальянский социалист, член парламента, сотрудник «Avanti» («Вперед»). Первоначально был приверженцем Мадзини. В 1892 г. вступил в социалистическую партию, в которой стоял на левом фланге. По поручению своей партии активно работал над организацией Циммервальдской конференции и восстановлением международных связей. Участвовал в Циммервальдской конференции, был выбран в члены Интернациональной Социалистической Комиссии. — 113.

МОСКВИЧ. — 33.

МОСТ, И. (1846 — 1906) — немецкий с.-д., впоследствии анархист, по профессии переплетчик. В 1869 г. был присужден к пятилетнему тюремному заключению за государственную измену, но вскоре был амнистирован и выслан из Германии. Издавал в Лондоне «Freiheit» («Свобода»), в которой подвергал резкой критике политику немецкой соц.-демократии, за что был исключен из с.-д. партии на Баденском конгрессе. В 80-х г.г. в Нью-Иорке примкнул к анархистам. — 75.

МУРОМЦЕВ, С. А. (1850 — 1910) — видный кадет, член Ц. К. кадетской партии, юрист, доктор римского права. Председатель Юридического общества (до 1899 г.), редактор издававшегося при нем «Юридического Вестника» (1879 — 1892). В 1884 г. был лишен кафедры в Московском университете за политическую неблагонадежность. С 1897 г. начал свою земскую деятельность, был гласным Московской городской думы, руководил ее политическими выступлениями, был членом московских и тульских земских собраний. В ноябре 1904 г. участвовал на известном съезде земских деятелей; был председателем ряда земских съездов 1905 г. С октября 1905 г. активный член образовавшейся партии к.-д., членом Ц. К. которой состоял до своей смерти. В 1906 г. — член I Государственной Думы (от г. Москвы) и ее председатель. После роспуска I Думы председательствовал на совещаниях ее членов в Выборге. За подписание Выборгского воззвания был присужден к 3 месяцам тюрьмы. В период 1908 — 1910 г.г.

*

занимался публицистикой и читал лекции: по своей специальности в университете Шанявского в Москве. Кроме ряда работ по истории римского и современного права и общей теории права, написал значительное количество статей политического характера, изданных в пяти выпусках под заглавием «Статьи и речи», М. 1908 — 1910. — **383 — 386, 393, 398.**

М. Т. — см. ТОМСКИЙ, М. П.

Н.

НАУМАН, ФРИДРИХ (1860 — 1919) — германский политический деятель, основатель Национально-социалистической партии (1896 г.), ставившей своей задачей примирить интересы рабочих и современного капиталистического государства, бывший пастор. После раскола этой партии (1903 г.) примкнул к объединению «свободомыслящих». В 1907 — 1912 г.г. состоял депутатом рейхстага, предпринимал неудачные попытки объединения левого крыла либералов с прогрессистами. Во время империалистической войны — ярый шовинист. После революции был членом Национального Собрания и председателем демократической партии. Его работы: «Demokratie und Kaisertum» («Демократия и императорская власть») (1905 г., 4 изд.), «Briefe über Religion» («Письма о религии») (1916 г., 6 изд.) и «Mitteleuropa» («Центральная Европа») (1915 г.). — **215.**

НИКОЛАЕВ — см. КРАСИН, Л. Б.

НИКОЛАЙ I (1796 — 1855) — занимал престол с 1825 по 1855 г. — **112.**

НИКОЛАЙ II (1868 — 1918) — вступил на престол в 1894 г., свергнут с престола Февральской революцией 1917 г., расстрелян в 1918 г. — **57, 64, 112, 113, 115, 127, 271, 272, 277 — 280, 296, 394.**

П.

П. — см. ДНЕВНИЦКИЙ - ЦЕДЕРБАУМ, Ф. О.

ПАНКРАТОВ, И. И. («ВАНЯ КАЗАНЕЦ», «СТАРОВЕР») (р. 1886) — социал-демократ, большевик, рабочий-столяр. В 1905 г. участвовал в вооруженном восстании. В 1906 г. вступил в с.-д. организацию Железнодорожного района, был избран членом заводского комитета, а в 1907 г. — членом партийного комитета Железнодорожного района. В 1908 г. был арестован за подстрекательство к забастовке, просидел в тюрьме 9 месяцев, затем выслан на 2 года в Вологодскую губернию. В августе 1909 г. был направлен Железнодорожным и Сокольническим райкомами в отзовистско-ультиматистскую школу на о. Капри; здесь возглавлял группу ленинцев и вместе с ними через 3 месяца был исключен из школы. По возвращении в Россию работал в Петербурге в качестве представителя Большевистского Центра. В начале 1910 г. был арестован по делу Петербургского комитета, просидел в тюрьме до конца 1911 г., а затем выслан в Сибирь, где провел около 4 лет. В 1915 г. работал в Рыбинске, позднее — в Алтайской губернии в кооперации. После Февральской революции некоторое время примыкал к «новожизненцам», был председателем Совета Рабочих Депутатов в Барнауле. В 1918 г. был арестован чехо-словаками. В 1919 г. вступил в партийную организацию Владивостока, в дальнейшем вел руководящую партийную и профсоюзную работу на Дальнем Востоке. В начале 1921 г. переехал в Москву и вернулся к станку в жел.-дор. мастерские, но вскоре был мобилизован и послан на работу в Центросоюз. Между 1921 и 1926 г.г. работал в Сибири. С 1926 г. член коллегии Наркомфина С. С. С. Р. — **119.**

ПАННЕКУК, АНТОН (псевдоним — «ХОРНЕР, К.») — левый голландский социалист, профессор астрономии. В 1909 г. был исключен оппор-

тунистами из партии вместе с группой своих единомышленников (Вайнкоп, Роланд-Гольст и др.) и основал лево-социалистическую газету «Трибуна» («трибунисты»). С образованием Коминтерна примкнул к последнему. В 1920 г. перед II Конгрессом выпустил в Петрограде брошюру: Horner, K. «Die Entwicklung der Weltrevolution und die Taktik des Kommunismus» (Хорнер, К. «Развитие мировой революции и тактика коммунизма»), в которой развивал платформу немецких «ультра-левых». После II Конгресса, осудившего позицию «ультра-левых», он выпустил ту же брошюру в Вене под собственным именем. В добавлении к этой брошюре П. обвиняет II конгресс Коминтерна в оппортунизме. В 1921 г. состоял членом германской Коммунистической Рабочей Партии и редактировал ее орган «Kommunistische Arbeiterzeitung» («Коммунистическая Рабочая Газета»). В настоящее время — вне партии; читает лекции в Амстердамском университете. — **242.**

ПАРВУС (псевдоним **А. Л. ГЕЛЬФАНДА**) (1869 — 1924) — русский эмигрант, в 90-х и начале 900-х годов работавший в германской с.-д-тии, примыкал к ее левому крылу, рядом с Р. Люксембург вел решительную кампанию против Бернштейна и оппортунистических течений в партии вообще. Дал ряд значительных марксистских работ по вопросам мирового хозяйства, аграрного кризиса и т. д. Сотрудничал в «Искре», «Заре» (под псевдонимом «Молотов»). После раскола поддерживал меньшевиков, хотя и расходился с ними в ряде тактических вопросов. Выдвинул, вместе с Троцким, в применении к русской революции теорию «перманентной революции». В 1905 г. вернулся в Россию и принимал деятельное участие в первой русской революции. Входил в редакцию меньшевистского «Начала». Был сослан в Сибирь и бежал обратно в Германию. В эпоху войны — крайний социал-шовинист и прямой агент германского империализма. — **122, 129, 230.**

ПЕТРОВА, В. — см. **РАДЧЕНКО, Л. Н.**

ПЕШЕХОНОВ, А. В. (р. 1867) — народник, статистик, публицист. Несколько раз подвергался арестам и высылке. В 1903 г. вошел в состав «Союза Освобождения» и был лидером его левого крыла; вышел из него осенью 1905 г. — во время возникновения к.-д. партии. Был одним из организаторов и руководителей партии народных социалистов (с 1906 г.), ее теоретиком по аграрному вопросу. С 1909 г., сотрудничая в журнале «Русское Богатство», вел в нем отдел внутренних обозрений. В 1917 г. был министром продовольствия в правительстве Керенского. В настоящее время за-границей. — **328.**

ПИЛЕЦКИЙ, Я. А. («ЯКОВ», «Я. П-ИЙ») (р. 1876) — старый социал-демократ, меньшевик-ликвидатор, впоследствии коммунист. В революционном движении принимает участие с 90-х годов. В 1898 г. входил в Московский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Принимал активное участие в революционном движении 1905 г. В эпоху реакции был ликвидатором, сотрудничал в «Нашей Заре» и «Возрождении». В начале 1910 г. подписал известное «Открытое письмо» 16 русских меньшевиков-ликвидаторов. Несколько раз подвергался арестам и др. репрессиям. Позднее примкнул к большевикам. — **260.**

ПЛЕХАНОВ, Г. В. (1856 — 1918) — основоположник и первый крупнейший теоретик марксизма в России. В начале принимал участие в партии «Земля и Воля», после ее раскола стал во главе «Черного передела». Эмигрировал за-границу. Основал в 1883 г. за-границей первую русскую с.-д. организацию Группу «Освобождение Труда». Вел в 90-х г.г. энергичную борьбу с бернштейнианством и его отражением на русской почве «экономизмом». В 900-х г.г. становится одним из редакторов «Искры» и «Зари». После раскола на II съезде партии в 1903 г. примкнул первоначально к большевикам, затем к меньшевикам, но вскоре ушел и от них. Стремясь занять самостоятельную позицию, фактически был на стороне

меньшевизма. После поражения декабрьского восстания 1905 г. выступил с пресловутым заявлением: «не надо было браться за оружие». Во время избирательной кампании во II Государственную Думу занимал крайнюю правую позицию среди меньшевиков, неизменно толкал их к блоку с кадетами, выдвинув в противовес Учредительному собранию лозунг «полновластная Дума». С нарождением ликвидаторства в борьбе с ним снова сблизился с большевиками, став во главе так называемых «меньшевиков-партийцев». Когда разразилась империалистическая война, П. стал во главе наиболее правых оборонцев («Призыв»), продолжал ту же линию после Февральской революции («Единство»). После Октябрьской революции, оставаясь противником Советской власти, отказался активно выступать против большевиков. — 35, 48, 49, 94, 105 — 107, 122, 130 — 135, 159, 160, 163, 164, 192, 203 — 205, 207, 208, 210, 246, 254, 258 — 261, 269, 283, 285, 300, 308, 313, 323, 325, 332, 333 — 337, 341, 345, 347, 355, 365.

ПОБЕДОНОСЦЕВ, К. П. (1827 — 1907) — обер-прокурор синода, вдохновитель дворянской реакции 80-90-х г.г., фактический глава правительства Александра III, продолжавший играть крупную роль при Николае II и сметенный лишь революцией 1905 года. — 220, 223.

ПОКРОВСКИЙ, И. П. (р. 1872) — депутат III Гос. Думы от Кубанской и Терской областей и Черноморской губернии, социал-демократ, общественный деятель, врач. В Думе был одним из руководителей фракции и основным оратором. Неоднократно выступал по бюджетному и др. вопросам, поддерживал ряд запросов фракции и пользовался особой ненавистью правых. Автор книги «Государственный бюджет России за последние десять лет (1901 — 1910)» (изд. 1911 г.). — 276, 280.

ПОКРОВСКИЙ, М. Н. (р. 1868) — крупный русский ученый, историк-марксист, большевик. В конце 90-х г.г. определился как марксист, а с начала 900-х г.г. принял активное участие в революционном движении. В 1905 г. вступил в ряды большевиков, работал в лекторской группе Московского комитета партии. Был членом редакций всех большевистских газет, издававшихся в Москве до 1907 г. В 1906 — 1907 г.г. был членом Московского комитета и делегатом на V партийном съезде в Лондоне, где был избран в члены Большевистского Центра и с этого времени перешел на нелегальное положение. Некоторое время жил в Финляндии, а затем переехал во Францию, где прожил с 1909 по 1917 г. В Париже в период внутрипартийной борьбы примкнул к группе «Вперед», был связан с нею до весны 1911 г. К этому периоду относится его работа в партийных школах на о. Капри и в Болонье, где он читал лекции по истории. В эти годы им написана основная работа «Русская история с древнейших времен» (в 5 т.), впервые давшая марксистское освещение всему ходу русской истории. В 1915 г. сотрудничал в «Голосе» и в «Нашем Слове». В августе 1917 г. вернулся в Россию. До Октябрьской революции входил в состав редакции «Известий Московского Совета Рабочих Депутатов». После Октябрьского восстания был избран председателем Московского Совета Рабочих Депутатов. Входил в группу «левых» коммунистов. Принимал участие в первой советской делегации по переговорам с Германией о мире. В 1918 г. был председателем С.Н.К. Московской области. С мая 1918 г. и до настоящего времени зам. народного комиссара по просвещению Р.С.Ф.С.Р. Инициатор и организатор ряда крупнейших научных учреждений Республики, как-то: Государственного ученого совета (ГУС), Коммунистической академии, Центрархива, Института красной профессуры, Ранион, общества историков-марксистов, он же был инициатором создания рабочих факультетов. Как историку, ему принадлежит значительное количество исследований по общей истории России, революционного движения, внешней политики, историографии и пр. — 169, 350.

ПОРТУГЕЙС, С. И. («СОЛОМОНОВ», «СТИВА НОВИЧ», «СТ. ИВАНОВИЧ») — меньшевик-ликвидатор, сотрудник ликвидаторской «Нашей Зари» и «Голоса Социал-Демократа». В начале 1910 г. подписал известное «Открытое письмо» 16 русских меньшевиков-ликвидаторов. В эпоху империалистической войны был оборонцем. После Октябрьской революции находился в лагере белогвардейцев, сотрудничал в белой прессе (Одесса). В настоящее время живет за-границей, пишет злобные статьи и книги о С.С.С.Р. и В.К.П.(б.). — 283.

ПОТРЕСОВ, А. Н. («СТАРОВЕР») (р. 1869) — старейший социал-демократ, один из лидеров меньшевизма и виднейших идеологов ликвидаторства. В 90-х годах примкнул к марксизму. В 1898 г. был сослан в Вятскую губернию, откуда сотрудничал в марксистских журналах «Новое Слово» и «Начало». По отбытии ссылки эмигрировал в 1900 г. за-границу и вместе с Лениным участвовал в организации «Искры» и «Зари». На II съезде Р. С.-Д. Р. П. (1903 г.) примкнул к меньшевикам и с тех пор играл крупную роль в меньшевистской фракции, был одним из виднейших сотрудников и руководителей меньшевистских изданий. После революции 1905 г. остался в России. В эпоху реакции — один из вождей и виднейших идеологов ликвидаторства. В 1908 — 1914 г. г. редактировал вместе с Мартовым и Масловым пятитомник «Общественное движение в России в начале XX в.»; написал для первого тома статью «Эволюция общественно-политической мысли в предреволюционную эпоху», в которой ликвидировал идею гегемонии пролетариата. В 1910 — 1914 г.г. был главным руководителем теоретического органа ликвидаторов «Наша Заря». Во время империалистической войны — один из наиболее откровенных защитников социал-патриотизма. В 1917 г. играл руководящую роль в буржуазной газете «День», которая вела бешеную кампанию против большевиков. После Октябрьской революции эмигрировал за-границу. — 43, 105, 106, 122, 132 — 134, 160, 162 — 165, 192, 199, 200, 205, 210, 269, 270, 300, 319, 320, 322, 324 — 326, 328, 329, 331 332, 334, 336, 337, 341, 355.

ПРОКОПОВИЧ, С. Н. (р. 1871) — экономист и общественный деятель. В 1895 — 1897 г.г. был членом «Союза русских социал-демократов», крайне правым «экономистом», ревизионистом и одним из первых провозвестников бернштейнианства в России. Вскоре затем ушел от социал-демократии к либералам. С 1902 по 1905 г. — один из лидеров «Союза Освобождения». Позднее занял позицию «левее кадетов». Редактор-издатель еженедельного журнала «Без Заглавия», платформа которого формулировалась как течение «критического социализма». В 1917 г. был министром продовольствия в правительстве Керенского. Автор работ: «Рабочее движение на Западе. 1. Германия и Бельгия» (1899), «Рабочее движение в Германии» (переизд. в 1908 г.), «К критике Маркса» (1901 г.), «Аграрный кризис и мероприятия правительства» (1912) и др. Во всех этих произведениях проводятся буржуазно - демократические, полукадетские взгляды. В настоящее время — эмигрант. — 43, 60, 152, 163, 365.

ПУРИШКЕВИЧ, В. М. (1870 — 1920) — вождь крайних правых во II и III Государственных Думах. Крупный помещик, ярый реакционер-черносотенец, организатор погромного «Союза русского народа», в 1906 г. откололся от «Союза русского народа» и организовал еще более реакционный «Союз Михаила Архангела». Был чиновником особых поручений при Плеве (1904—1906 г.г.). Один из участников убийства Распутина. Боролся против Временного правительства за восстановление монархии. После Октябрьской революции — организатор офицерского контр-революционного заговора, раскрытого 18 (5) ноября 1917 г. Организовал офицерские и юнкерские полки для борьбы с большевизмом и посылал предполагаемых участников этой борьбы к генералу Каледину. Был связан с «Комитетом спасения родины и революции». Затем подвизался на юге в стане белогвардейской контр-революции. — 57, 82.

Р.

РАБОЧИЙ АР. — см. **КАЛИНИН, Ф. И.**

РАДЕК, К. Б. («**ПАРАБЕЛЛУМ**») (р. 1883) — левый социал-демократ. Работал в Польше и Галиции, затем переехал в Германию, где вместе с Р. Люксембург и молодыми с.-д., группировавшимися вокруг газеты «Bremer Bürgerzeitung» («Бременская Гражданская Газета»), стоял на левом фланге германской с.-д., был позже выслан из Германии. Во время войны принадлежал к левым интернационалистским элементам, сотрудничал в «Berner Tagwacht», «Bremer Bürgerzeitung» и в журналах «Arbeiterpolitik» и «Lichtsstrahlen». Участник Циммервальдской и Кинтальской конференций, где примыкал к циммервальдской левой. Член бюро циммервальдской левой. Автор ряда статей по вопросу о самоопределении наций, в которых выступал против взглядов Ленина. Участник журнала «Коммунист», «Vorbote» («Предвестник») и «Газеты Работничей». Идейный руководитель, так называемых, «левых радикалов» (Бремен). В 1917 г. работал в Стокгольме по установлению связей Ц. К. большевиков с иностранными революционными интернационалистами. В октябре 1917 г. приехал в Петроград и вошел в большевистскую партию. В 1918 г. примыкал к «левым коммунистам». В январе 1919 г. участвовал на съезде «спартаковцев» в Берлине и был арестован правительством Шейдемана. Член Ц. К. В. К. П. (б.) в 1919 — 1924 г.г. Член Исполкома Коминтерна. Один из лидеров троцкистской оппозиции. В 1927 г. исключен из рядов В. К. П. (б.). В 1929 г. заявил о своем разрыве с троцкистами. — **353.**

РАДЧЕНКО, Л. Н. («**ПЕТРОВА, В.**») (р. 1871) — старейшая социал-демократка, меньшевичка. В 1893 — 1895 г.г. работала в Петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». В 1900 г. принимала участие в Псковском совещании «литературной группы» (Ленин, Мартов, Потресов), которое происходило на ее квартире. С 1900 по 1903 г. работала в различных искровских организациях. После раскола партии на II съезде Р. С.-Д. Р. П. примкнула к меньшевикам. На Стокгольмском (1906 г.) съезде Р. С.-Д. Р. П. была избрана в Ц. К. от меньшевиков. В эпоху реакции работала в России и примыкала к ликвидаторам. В начале 1910 г. подписала известное «Открытое письмо» 16 русских меньшевиков-ликвидаторов. В настоящее время отошла от партии меньшевиков. — **260.**

РАМИШВИЛИ («**СЕМЕНОВ, Н.**», «**ПЕТР КАВКАЗСКИЙ**») (р. 1881) — грузинский социал-демократ, один из лидеров грузинских меньшевиков. В партию вступил в 1902 г., вел революционную пропаганду среди крестьян Грузии. После раскола Р. С.-Д. Р. П. примкнул к меньшевикам и с тех пор ведет борьбу с большевиками. В 1905 г. принимал участие в меньшевистской конференции кавказских рабочих организаций и в ряде забастовок. В 1906 г. был делегатом на Стокгольмском объединительном съезде Р. С.-Д. Р. П., а в 1907 г. — на Лондонском съезде Р. С.-Д. Р. П., где был избран в Ц. К. от меньшевиков. В конце 1908 г. уехал за-границу, участвовал в пленарных заседаниях Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. и в Декабрьской общепартийной конференции Р. С.-Д. Р. П. (в составе «кавказской делегации»). В январе 1910 г. был на объединительном пленуме Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. Впоследствии продолжал оставаться на стороне заграничного центра меньшевиков-ликвидаторов. Осенью 1910 г. вернулся в Тифлис, работал в качестве члена областного комитета Р. С.-Д. Р. П., но вскоре был арестован и выслан из пределов Кавказа. В 1913 г. работал в Грузии, сотрудничал в газете областного комитета Р. С.-Д. Р. П. В эпоху войны занял оборонческую позицию. После Февральской революции — член Ц. К. грузинской партии меньшевиков, редактор газеты «Эртоба» («Борьба»). В 1918 — 1920 г.г. был министром внутренних дел в грузинском меньшевистском правительстве. В настоящее время находится в эмиграции. Злостный противник Совет-

ского Союза. В 1923 г. руководил из-за границы группой меньшевиков, пытавшейся организовать восстание против Советской власти в Грузии. — 43, 62.

РАППОПОРТ, ШАРЛЬ (р. 1865) — старейший русский революционер, принимал участие в народовольческих организациях, затем эмигрировал во Францию. Здесь принимал активное участие в социалистическом рабочем движении и сотрудничал в различных русских соц.-дем. изданиях. Впоследствии был социал-реформистом. Автор ряда исследований в области философии и социологии, большинство которых написано на французском языке. По своим философским взглядам был кантианцем. В 1920 г. вступил в коммунистическую партию Франции, некоторое время был членом Ц. К. В настоящее время сотрудничает в коммунистической прессе Франции и состоит специальным корреспондентом «Известий Ц. И. К. С.С.С.Р. и В.Ц. И. К.» — 122.

РЕННЕНКАМПФ, Г. К. (1854 — 1919) — генерал-адъютант, известный палач революционных рабочих и крестьян. В 1905 — 1906 г.г. руководил карательной экспедицией по Сибирской, Забайкальской и Восточно-Китайской жел. дорогам. В это время казнил 5 членов Иркутского соц.-дем. комитета, в том числе И. В. Бабушкина. В эпоху империалистической войны прославился как виновник поражения русских войск при Сольдау, вследствие чего был отозван с театра военных действий, а в 1915 г. совсем уволен с военной службы. — 396, 397.

РОЖКОВ, Г. Е. (р. 1864) — крестьянин, трудовик, депутат III Государственной Думы от Ставропольской губернии. В июне 1912 г. присутствовал в числе 200 депутатов на аудиенции у царя, за что на следующий день был исключен из фракции трудовиков. — 82, 83.

РОЖКОВ, Н. А. («ВЯЧ.», «ВЯЧЕСЛАВ») (1868 — 1927) — профессор, историк России, социал-демократ, в первую революцию большевик. В 1905 г. вступил в Московскую организацию большевиков, проявил себя выдающимся пропагандистом, организатором и журналистом. Входил в редакционную коллегию московских большевистских газет «Борьба» (1905 г.) и «Светоч» (1906 г.). После поражения московского вооруженного восстания участвовал, как член редакции и автор, в сборнике «Текущий момент». В 1906 г. был членом Московского Комитета Р. С.-Д. Р. П. После разгона первой Думы был арестован. По выходе из тюрьмы был избран членом Петербургского комитета Р. С.-Д. Р. П. и перешел на нелегальное положение. В 1906 г. был делегатом на Стокгольмском съезде, а в 1907 г. — на Лондонском съезде Р. С.-Д. Р. П., на котором был избран в Ц. К. от большевиков. Участвовал в работе соц.-дем. фракции II и III Государственных Дум в качестве члена Петербургского комитета Р. С.-Д. Р. П. и представителя Ц. К. Весной 1908 г. был арестован и сослан на поселение в Сибирь. В 1911 г. разошелся с большевиками, начал сотрудничать в ликвидаторском теоретическом органе «Наша Заря», но не связывал себя организационно с меньшевиками, оставаясь до 1917 г. нефракционным социал-демократом. В 1917 г. был одним из организаторов социал-демократов «объединенцев», редактировал их московский орган «Пролетарий». В сентябре 1917 г. на «объединительном» съезде меньшевиков был избран в Ц. К. С 1920 г. начал отходить от политической жизни, отдавшись целиком научной работе. В 1924 г. вернулся в Москву, преподавал в ряде высших учебных заведений. Незадолго до смерти Р. был решен вопрос о возвращении его в ряды большевиков. — 192.

РОЗАНОВ, В. В. (1856 — 1919) — крайний реакционер, философ-идеалист, публицист, постоянный сотрудник черносотенного «Нового Времени», автор многочисленных статей по вопросам философии, религии, церкви, брака, литературы, педагогики и др. — 222.

РОЗАНОВ, Н. С. (р. 1870) — по профессии врач, трудовик, депутат III Государственной Думы от Саратовской губернии. — 83.

РОЛАНД-ГОЛЬСТ, ГЕНРИЕТТА (HENRIETTE ROLAND-HOLST) (р. 1869)—левая голландская социалистка, писательница, организатор женских союзов. Автор нескольких работ по педагогике. В 1907 г. вместе с К. Либкнехтом участвовала на организационной конференции социалистической молодежи. В 1909 г. была исключена из оппортунистической Социал-Демократической Рабочей Партии Голландии, возглавлявшейся Трульстра. В годы войны занимала интернационалистскую позицию, вела антимилитаристскую пропаганду. Принимала участие в Циммервальдской конференции. Организовала Революционно-Социалистический Союз Голландии — небольшую группу, примкнувшую в 1916 г. к левой социал-демократической партии, руководимой Вайнкопом. В 1916 г. Р.-Г. примкнула к циммервальдской левой. Издавала вместе с А. Паннекуком теоретический орган циммервальдской левой «Vorbote» («Предвестник»). В циммервальдской левой принадлежала к течению Бухарина-Пятакова-Радека. Поддерживала тесную связь с газетой Троцкого «Наше Слово». Принимала участие в III Конгрессе Коминтерна, занимая на нем обособленное положение, и в 1924 г. образовала «Независимую Коммунистическую партию» (группа в несколько сот человек). Вместе с А. Паннекуком издавала журнал «Die Nieuwe Tyd» («Новый День») в лево-коммунистическом духе. В последнее время отошла от политики и проповедует необходимость сочетания коммунизма с религией. — 205, 209, 240, 242, 243.

РОМАН — см. **ЕРМОЛАЕВ, К. М.**

РОМАНОВ, А. С. («ИВАН», «АЛЯ АЛЕКСИНСКИЙ») (1881—1917)— провокатор, типографский рабочий, работал среди большевиков. В 1907 г. был впервые арестован по подозрению в революционной работе среди крестьян. Во второй половине 1909 г. был командирован Московской организацией в отзовистско-ультиматистскую школу на о. Капри. Здесь примыкал к группе пяти большевиков-ленинцев, вместе с которыми был исключен из школы. В начале 1910 г. вернулся в Россию, в марте был арестован и дал полиции сведения о Каприйской школе, в связи с чем были арестованы многие каприйцы, вернувшиеся в Россию. После этого стал постоянным сотрудником охранки, считался осведомителем особой важности. В 1912 г. дал охранке сведения о Пражской конференции Р.С.-Д.Р.П., на которой присутствовал под кличкой «Жорж» от центрально промышленной области. В 1914 г. выдал думскую соц.-дем. фракцию, представив полиции сведения о предполагавшейся конференции в Озерках. В 1915 г. поступил на службу во Всероссийский земский союз. Разоблачен после революции 1917 г. — 118.

РОМАНОВ, НИКОЛАЙ — см. **НИКОЛАЙ II.**

РОМУЛ — см. **ХЕЙСИН, М. Л.**

РОТШТЕЙН, Ф. А. (р. 1871) — коммунист, литератор, историк английского рабочего движения. В 1891 г. эмигрировал в Англию. В 1895 г. определился как марксист, вступив в английскую социал-демократическую федерацию. В 1900 — 1906 г.г. был членом Ц.К. соц.-дем. федерации, принимал участие в ее центральном органе «Justice» («Справедливость») и вместе с тем сотрудничал в органах германской социал-демократии «Die Neue Zeit» («Новое Время») и «Leipziger Volkszeitung» («Лейпцигская Народная Газета»), а также в некоторых большевистских изданиях. В начале империалистской войны вышел из соц.-дем. партии в связи с переходом Ц.К. на патриотические позиции и организовал нелегальное интернационалистское крыло, которое перетянуло на свою сторону большинство партии. Впоследствии сыграл видную роль в организации Британской коммунистической партии. В 1918 г. организовал устную и печатную агитацию за признание Советского правительства. Основатель комитета «Руки прочь от Советской России». В 1921 — 1922 г.г. был полпредом Советской России в Персии. Делегат Гаагского Международного конгресса. С 1923 г. член коллегии Народного Комиссариата по иностранным делам. Автор

работ: «Очерки по истории рабочего движения в Англии» (ГИЗ, 1925 г.), «Захват и закабаление Египта» (перевод с английского, ГИЗ, 1925) и др. — 67, 122.

РЯЗАНОВ, Д. Б. (р. 1870) — старейший русский социал-демократ, организовал в первой половине 90-х годов рабочие кружки в Одессе. После 5-летнего заключения в Крестах эмигрировал за-границу. В эпоху «Искры» занимал промежуточную между экономистами и искровцами позицию, пытаясь примирить оба эти течения русской социал-демократии; один из основателей заграничной с.-д. группы «Борьба» в начале 900-х годов. Во время первой революции одно время работал в Одессе, в Петербурге, затем по организации профессиональных союзов. Вынужден был вторично эмигрировать за-границу, где уделял большую часть своего времени заграничному с.-д. движению и работе по изданию сочинений Маркса и Энгельса, а также по истории Интернационала. Участник многих русских и немецких партийных изданий. В годы войны — центрист и сотрудник газет: «Голос» и «Наше Слово». После Февральской революции возвратился в Россию и принимал участие в профессиональном движении; вошел в партию большевиков. В Октябре — участник переговоров при Викжеле, сторонник «однородного социалистического правительства». Организатор Социалистической (ныне Коммунистической) академии и Института К. Маркса и Фр. Энгельса в Москве, директором которого и состоит в настоящее время. Член Ц.И.К. С.С.С.Р. С 1929 г. член Академии наук. Автор ряда работ по истории марксизма. — 122.

С.

С. — см. ДЖИБЛАДЗЕ, СИЛЬВЕСТР.

САЖИН, Л. (псевдоним И. А. САНЖУРА) (1878 — 1910) — социал-демократ, впередовец, партийный практик. В 90-х годах работал в Екатеринославском соц.-дем. комитете, по делу которого был арестован. В 1902 г. был выслан в г. Ейск под гласный надзор полиции. В 1903 г. бежал оттуда, но вскоре был снова арестован. В 1905 г. подвергался преследованиям полиции за участие в демонстрации в Тверской губернии, в 1906 г. — за участие в демонстрации в Кубанской области. В дальнейшем вел работу в Нижнем Новгороде и на Северном Кавказе. В 1909 г. уехал за-границу. В 1910 г. примкнул к впередовцам, написал в защиту их платформы брошюру «К вопросу о возрождении партии», которая вышла уже после его смерти с предисловием Алексинского. — 346 — 348.

СЕМЕНОВ — см. РАМИШВИЛИ, Н. Е.

СКВОРЦОВ-СТЕПАНОВ, И. И. (1870 — 1928) — видный большевик, литератор, историк, экономист и философ. В революционном движении начал принимать участие с 1891 г., примыкая к соц.-дем. группам и кружкам. В конце 1904 г. определился как большевик. С 1905 г. работал в Москве, преимущественно в «литературно-лекторской группе» при Московском Комитете Р.С.-Д.Р.П. В 1906 г. участвовал в Стокгольмском съезде Р.С.-Д.Р.П. За время своей революционной деятельности провел свыше 8 лет в тюрьмах и ссылке. После Февральской революции был редактором «Известий Московского Совета»; после отстранения его от этой работы меньшевиками и эсерами, входил в редакцию «Социал-Демократа». По большевистскому списку был избран членом Учредительного Собрания, в котором, по поручению большевистской фракции, произнес две речи. В 1919 — 1920 г.г. был товарищем председателя Всероссийского Совета рабочей кооперации и членом правления Центросоюза. С 1921 г. работал в Государственном Издательстве зам. председателя редакционной коллегии и членом правления. В 1926 г. был редактором «Ленинградской

Правды». В 1927 г.—зам. ответственного редактора Ц.О. партии—«Правда». С мая 1925 г. — ответственный редактор «Известий Ц.И.К С.С.С.Р. и В.Ц.И.К.». Член президиума Коммунистической Академии с момента ее основания. Некоторое время — член редакционной коллегии журнала «Под знаменем марксизма». С 1926 г. был директором Института Ленина. Неоднократно избирался членом В.Ц.И.К. и Ц.И.К. С.С.С.Р. С XIV съезда партии был членом Ц.К. В.К.П.(б). Широко известен, как переводчик и редактор (совместно с В. Базаровым) русского издания «Капитала» и ряда исторических работ К. Маркса. Автор четырехтомного «Курса политической экономии» (тома II и III написаны совместно с А. А. Богдановым), ряда работ по истории революционного движения на Западе («Парижская Коммуна», «Жан-Поль-Марат» и др.), многочисленных брошюр по различным вопросам партийной политики, антирелигиозной пропаганды и т. д. Перу С.-С. принадлежит также широко-известная книга «Электрификация Р.С.Ф.С.Р.», с предисловием Ленина (М. Гиз. 1922). Много писал по вопросам естествознания и философии («Исторический материализм и естествознание» и др.), отстаивая механистическую точку зрения. — 212.

СОКОЛОВ, Н. Д. (1870 — 1928) — социал-демократ, присяжный поверенный, известный защитник по политическим делам. Работал в петербургском земстве, сотрудничал в журналах: «Мир Божий», «Жизнь» и «Образование». Выступал защитником в процессах: по аграрному и национальному движениям, по еврейским погромам, по делу Петербургского Совета Рабочих Депутатов и др. С 1906 г. по 1917 г. был членом комиссии при соц.-дем. фракции всех четырех Дум. В 1909 г. на дополнительных выборах в III Государственную Думу был выдвинут кандидатом от Р.С.-Д.Р.П. (сочувствовал большевикам) и поддержан трудовиками. Получил широкую известность, как один из учредителей Всероссийского союза адвокатов и участник съездов политических защитников. В период Февральской революции 1917 г. примкнул к соглашателям, был одним из организаторов Петербургского Совета Рабочих Депутатов, член Исполнительного Комитета Совета, автор приказа № 1, обращенного к солдатам; противник Октябрьской революции. После Октябрьской революции работал юрисконсультом в различных советских учреждениях. — 128, 168.

СОЛОВЬЕВ, ВЛ. С. (1853 — 1900) — философ, публицист, поэт, неославянофил, непримиримый противник Льва Толстого, в котором видел «предтечу антихриста». Пропагандировал теократию на основе объединения православия с католицизмом. В этом видел «миссию» русского народа. По своим философским воззрениям — мистик, близкий неоплатоникам. — 218.

СОЛОМОНОВ — см. ПОРТУГЕЙС, С. И.

СТАЛИН, И. В. («К. С.» «КОБА» — И. В. ДЖУГАШВИЛИ) (р. 1879) — крупнейший деятель партии большевиков. В 1897 г. учеником принимал участие в марксистских кружках; позднее, войдя в нелегальную с.-д. организацию, вел энергичную пропаганду среди рабочих. С созданием в 1900 г. Тифлисского комитета Р.С.-Д.Р.П. становится одним из его руководящих членов; после обыска переходит на нелегальное положение и продолжает работу в качестве профессионального революционера. В 1901 г. С. переехал в Батум, где руководил рядом забастовок, но вскоре (в 1902 г.) был арестован и, после полуторагодичного тюремного заключения, выслан в Восточную Сибирь, откуда вскоре бежал. По возвращении из Сибири вел работу в качестве члена Закавказского союзного комитета. С самого начала партийного раскола становится во главе закавказских большевиков, руководя изданием нелегального органа «Борьба Пролетариата» и участвуя в подготовке III съезда партии. В конце 1905 г. С. принимал участие в большевистской конференции в Таммерфорсе; был делегатом Стокгольмского и Лондонского съездов партии. В 1907 г. перешел на работу в Баку; благодаря его энергичной деятель-

ности Бакинская организация, находившаяся под сильным влиянием меньшевиков, была превращена в опору большевизма в Закавказье. После двух арестов и ссылок в 1908 и 1910 г.г., Ц.К. перевел С. на работу в Петербург; в 1912 г. С. на Пражской конференции был заочно выбран в Ц.К. В 1912—13 г.г. участвовал в руководстве легальными газетами «Звезда» и «Правда» и в работе большевистской фракции Государственной Думы. В 1913 г. после нового ареста был сослан в Туруханский край, откуда вернулся после Февральской революции. На апрельской Всероссийской конференции 1917 г., когда обнаружились в партии два течения, С. решительно поддерживал Ленина. С образованием Политбюро С. вошел в его состав и остается бессменным членом Политбюро до настоящего времени. После перехода Ленина в июле 1917 г. на нелегальное положение С. является фактическим руководителем Центрального Органа партии и, вместе с Свердловым, был одним из руководителей VI съезда партии. В Октябрьские дни Ц.К. избрал его членом «пятерки» и «семерки» — руководящих органов восстания. После победы пролетарской революции С. состоял Народным комиссаром национальностей (1917—1922) и рабоче-крестьянской инспекции (1919—1922). В 1918 г. возглавлял советскую делегацию в мирных переговорах с Украиной. Период гражданской войны провел, по преимуществу, на фронтах. С 1920 по 1923 г. состоял членом Реввоенсовета Республики; с 1922 г. — Генеральный секретарь Ц.К.; с 1925 г. — член президиума Исполкома Коминтерна. Автор ряда теоретических работ: «Марксизм и национальный вопрос», «На путях к Октябрю», «О Ленине и ленинизме», «Вопросы ленинизма».— 317.

СТАНИСЛАВ — см. ЛОБАНОВ, М. И.

СТ. — см. ВОЛЬСКИЙ, СТАНИСЛАВ.

СТАН — см. ВОЛЬСКИЙ, СТАНИСЛАВ.

СТ. — В. — см. ВОЛЬСКИЙ, СТАНИСЛАВ.

СТИВА НОВИЧ — см. ПОРТУГЕЙС, С. И.

СТОЛЫПИН, А. А. — черносотенный публицист, сотрудник «Нового Времени». Пользовался в буржуазно-монархической печати известным весом, благодаря своему брату премьер-министру П. А. Столыпину. В настоящее время живет в Юго-Славии, сотрудничает в монархической газете «Новое Время». — 222.

СТОЛЫПИН, П. А. (1862—1911) — председатель Совета министров Николая II в эпоху реакции. С. пытался в период, когда революция еще была сильна, привлечь на сторону правительства буржуазию, для чего вел переговоры с лидером кадетов Милюковым о вхождении в министерство, но сам же прервал переговоры, убедившись в том, что кадеты не в силах справиться с революцией. Политика С. лучше всего характеризуется его формулой: «сначала успокоение, потом реформы». Успокоения он добивался посредством жесточайших репрессий: удушением печати, закрытием профессиональных союзов, изменением избирательного закона посредством акта 3 июня 1907 г., деятельностью военно-полевых судов, широким применением смертной казни. Аграрная реформа, связанная с его именем, сводившаяся к сохранению экономического и политического преобладания крепостников-помещиков, заключалась в разрешении крестьянам-общинникам укреплять за собой в собственность надельные земли, что способствовало усилению кулаков, и в покровительстве хуторским хозяйствам. Столыпинская аграрная политика, с ее ставкой на «сильного», зажиточного, проникнутого собственническим инстинктом крестьянина, должна была повести к дальнейшему развитию капитализма по прусскому, «юнкерскому» пути. Лавируя между двумя контр-революционными большинствами в Думе, С. проводил по существу бонапартистскую политику. Умер от раны, нанесенной ему в Киеве агентом охранки Богровым. — 32, 115, 126—128, 168, 193, 200—

202, 209, 212, 235, 238, 265, 271, 277—281, 326, 329, 330, 336, 370, 372, 385, 395.

СТРЕЛЬЦОВ Р. Е. (р. 1875) — литератор, ревизионист. Живя с 1900 по 1914 г. в эмиграции, главным образом, в Германии, сотрудничал в ряде заграничных социал-демократических изданий: «Sozialistische Monatshefte» («Социалистические Ежемесячники»), «Leipziger Volkszeitung» («Лейпцигская Народная Газета»), «Vorwärts» («Вперед») и др., а также в издававшейся в России Кусковой, Прокоповичем и Богучарским либеральной газете «Товарищ». По возвращении в Россию работал в разного рода комиссиях при городском самоуправлении в Петербурге. В настоящее время работает в Москве по хозяйственной линии. — 365, 366.

СТРУВЕ, П. Б. (р. 1870) — в 90-х годах марксист. Автор «Манифеста Р.С.-Д.Р.П.», выпущенного по постановлению I съезда партии; участник Международного Социалистического Конгресса в Лондоне в 1896 году в составе русской делегации. Наиболее видный представитель «легального марксизма» 90-х г.г. Участник и редактор легальных марксистских органов («Новое Слово», «Начало», «Жизнь», «Научное Обозрение»). В своих работах, под видом «критической проверки» Маркса, подменил революционные идеи марксизма идеями о сотрудничестве классов, мирной эволюции капитализма к социализму и т. д. Философию марксизма (диалектический материализм) отрицал всегда. В начале 900-х годов окончательно порывает с марксизмом и с социал-демократией, переходит в лагерь либералов, становится во главе «Союза Освобождения» (1904—1905 г.г.) и редактирует его Орган — «Освобождение» (Штутгарт, Париж). С образованием к.-д. (конституционно-демократической) партии — член ее Ц.К. После поражения революции 1905 г. становится лидером самого правого крыла либералов, скатываясь к черносотенному национализму. В 1909 г. участник реакционно-мистического сборника «Вехи». Во время гражданской войны принимает участие в правительстве Деникина, а затем становится министром у Врангеля. До последнего времени редактировал в Праге журнал «Русская Мысль», объединяя в нем правых кадетов с монархистами. С 1925 г. издает в Париже газету «Возрождение». — 61, 82, 114, 127, 193, 217, 220, 237.

СУРКОВ, П. И. (р. 1876) — социал-демократ, рабочий-ткач, депутат III Государственной Думы от рабочих Костромской губернии. Был выборщиком в I и II Думу. В соц.-дем. фракции III Думы был большевиком. В настоящее время — беспартийный, работает в советских учреждениях. — 68, 76, 79, 83.

СЫСОЕВ, И. В. (псевдоним — «ТКАЧ И-Н») (1888—1912) — социал-демократ, впередовец, революционер-профессионал, петербургский рабочий. В 1906 г. вступил в Р.С.-Д.Р.П., примыкал к большевикам, был членом Василеостровского районного, а затем Петербургского комитетов партии. В 1908 г. подвергся аресту во время петербургской конференции. В годы реакции вместе с Денисовым возглавлял в Петербурге течение отзовистов-ультиматистов. В марте 1909 г. был арестован на заседании Петербургского комитета, но вскоре освобожден и бежал за-границу, где примкнул к впередовцам. В первой книжке сборника «Вперед» поместил статью «О настроениях и запросах современного рабочего (из Питера)», за подписью «Ткач И-н». Осенью 1911 г. направился в Россию, но при переходе границы был арестован и заключен в Кресты. В июне 1912 г. был осужден на вечное поселение и через месяц умер в тюрьме от туберкулеза. — 347.

Т.

Т. — см. ТЫШКО, ЛЕО.

ТЕОДОРОВИЧ, И. А. (р. 1876) — старый большевик, участник II съезда Р. С.-Д. Р. П. В 1905 г. входил в редакцию Ц. О. партии — «Пролетарий». В 1907 г. участвовал в Лондонском съезде Р. С.-Д. Р. П., на котором был избран в Ц. К. от большевиков. За время своей революционной деятельности много лет провел в тюрьмах, на каторжных работах и в ссылке. После Октябрьской революции был непродолжительное время Народным комиссаром продовольствия. С 1918 г. по 1920 г. работал в Сибири. С 1920 г. работал сначала членом коллегии Народного комиссариата земледелия, а потом заместителем Наркома. В настоящее время Т. — генеральный секретарь Крестинтерна и директор Международного Аграрного Института. — 192.

ТИМИРЯЗЕВ, В. И. (р. 1849) — царский чиновник, начал свою служебную карьеру с должности директора департамента торговли и мануфактур. В 1902 — 1905 г.г. был товарищем министра финансов и заведывал отделом торговли и промышленности. В 1905 — 1906 г.г. и 1909 — 1911 гг. — министр торговли и промышленности, позднее — директор правления Ленского золотоискательного Акц. О-ва. — 61, 62.

ТКАЧ И-Н — см. СЫСОЕВ, И. В.

ТКАЧЕВ, П. Н. (1844 — 1885) — выдающийся русский революционер 60-70-х годов, виднейший представитель русского бланкизма, пропагандировавший идею захвата власти революционным меньшинством в целях социалистического преобразования общества. В 1869 г. привлекался по делу Нечаева, был осужден и в 1873 г. эмигрировал за-границу, где издавал в Женеве в 1875 — 76 г.г. журнал «Набат». Пропаганда Т. оказала известное влияние на переход народничества к политической борьбе и на идеологию «Народной Воли». Под различными псевдонимами Т. сотрудничал также в легальных органах радикального направления («Русское Слово», «Дело»), высказывая иногда идеи, близкие к историческому материализму. — 201.

ТОЛСТОЙ, Л. Н. (1828 — 1910) — один из величайших представителей русской и мировой литературы, нарисовавший в своих произведениях («Война и мир», «Анна Каренина» и др.) широкую картину дворянско-помещичьего и отчасти крестьянского быта и давший резкую критику современного буржуазно-помещичьего общества, государства, церкви, семьи, морали, противопоставив им, в качестве идеала, патриархально-крестьянский анархический строй и жизнь «по правде». Несмотря на резко-критическое отношение Т. к обществу в самых его основах, «толстовство» — с его проповедью «опрощения», «непротивления злу» и личного самоусовершенствования — представляло собой одну из форм упадка общественного движения в 80 и 90-х годах и играло антиреволюционную роль. — 388, 393, 400 — 408.

ТОМСКИЙ, М. П. (ЕФРЕМОВ) (р. 1880) — по профессии рабочий литограф, большевик. С 1904 г. вступил в с.-д. кружок. В период революции 1905 г. работал в с.-д. организации Ревеля, организовал Ревельский Совет Рабочих Депутатов. В 1906 г. был арестован и сослан в Нарымский край, откуда бежал в Томск. С августа 1906 г. вел партийную работу в Петербурге, в 1907 г. вошел в состав Петербургского комитета партии. Делегат Лондонского съезда партии. Участвовал в работах Всероссийской конференции партии в Гельсингфорсе. В 1908 г. два раза подвергался аресту и тюремному заключению. В мае 1909 г. ездил в Париж на совещание расширенной редакции «Пролетария». В том же году работал в Москве в качестве члена Областного Бюро, Московского комитета и Окружного комитета. Принимал активное участие в возобновлении выхода

областного органа партии — газеты «Рабочее Знамя», состоял редактором этой газеты. Арестован в декабре 1909 г., пробыл под следствием до 1911 г., затем, после пяти лет каторжных работ, в апреле 1916 г. сослан на поселение в Сибирь. В 1917 г. работал в Петербурге и Москве, от Петерб. комитета был делегирован на III Всеросс. конференцию профсоюзов. На IV конференции профсоюзов в 1918 г. избран в президиум В.Ц.С.Ц.С. Между II и IV съездами профсоюзов — председатель В.Ц.С.П.С. В 1921—1922 г.г. работал в Туркестане. В 1922—1929 г.г. — снова председатель В.Ц.С.П.С. С VIII съезда партии состоит членом Ц.К., а с XI съезда — членом Политбюро Ц.К. В качестве одного из лидеров правой оппозиции получил предупреждение на ноябрьском 1929 г. пленуме Ц.К. В настоящее время — член президиума В.С.Н.Х. и начальник Главхима.— 93.

ТОРН, ВИЛЛ (THORNE) (р. 1857) — член английской рабочей партии, известный деятель английского профессионального движения, член парламента, рабочий газовых предприятий. Принимал деятельное участие в работе социал-демократической федерации, был генеральным секретарем национального союза газовых рабочих и чернорабочих. С 1894 г. избирается депутатом от рабочей партии в парламент. Во время империалистической войны был оборонцем, приезжал в Россию уговаривать рабочих помириться с царизмом, чтобы довести войну до победного конца. После войны остался на правом фланге английского рабочего движения. С 1924 г. состоит генеральным секретарем объединенного союза коммунальников и чернорабочих. В 1926 г. съезд союза объявил эту должность пожизненной для Т. — 113.

ТРЕПОВ, Д. Ф. (1855 — 1906) — московский обер-полицеймейстер, ближайший помощник в. кн. Сергея Александровича и соратник Зубатова. После 9 января 1905 г. с.-петербургский генерал-губернатор, до премьерства Витте был тов. министра внутренних дел, а затем дворцовым комендантом. Был постоянным советником Николая II по вопросам внутренней политики и фактически руководил подавлением революции. Автор знаменитого приказа «патронов не жалеть». Вдохновитель черносотенных погромов. В дни первой Думы вел переговоры с Милюковым о создании кадетского министерства. — 264, 265, 386.

ТРОЦКИЙ, Л. Д. (р. 1879) — социал-демократ, в 1903 г. участвовал на II съезде в качестве делегата от Сибирского Союза и после раскола партии, оставшись с меньшевиками, принимал ближайшее участие в «Искре». В августе 1904 г. под редакцией меньшевистской «Искры» выпустил брошюру «Наши политические задачи», в которой подверг критике деятельность ленинской «Искры». Во время первой революции в 1905 г. работал в Петербурге. Сторонник Парвусовской теории «перманентной революции». После возникновения Петербургского Совета Рабочих Депутатов вошел в его Исполнительный Комитет и позднее был его председателем. После ареста Петербургского Совета был сослан на поселение в Сибирь, по дороге в ссылку бежал из Березова и участвовал в Лондонском съезде. Проживая в Вене, Т. стал во главе группы, идейным выразителем которой являлась издававшаяся им в Вене газета «Правда». В 1912 г. организовал, так называемый, августовский блок, для борьбы с большевиками. Во время империалистической войны — левый «центрист». В 1917 г. по приезде в Петроград примкнул к интернационалистской организации «межрайонцев», вместе с последней на VI съезде партии вошел в ряды большевиков и был избран членом Ц.К. По завоевании Петроградского Совета Р. Д. большевиками в сентябре 1917 г. был избран его председателем. После Октября — народный комиссар иностранных дел. В вопросе о заключении мира с Германией высказывался сначала за тактику «ни мир, ни война», а после возобновления германского наступления — за революционную войну. После Брестского мира — наркомвоен и председатель Реввоенсовета республики до 1924 г. В 1920—

1921 г.г. отстаивал необходимость «огосударствления» профессиональных союзов, организовал на этой платформе фракцию. В 1923 г. возглавлял оппозицию, отстаивая меньшевистские взгляды на партию, как на равнодействующую оттенков и течений; в «Уроках Октября» (1924 г.) подверг ревизии ленинское учение о характере и движущих силах революции, выдвигая утверждение об «идейном перевооружении» большевизма, которое началось, якобы, еще в 1917 г. С 1926 г. — лидер «объединенной» оппозиции. С тех пор все более расходился с политикой и программой партии и Коминтерна, против которых вел резкую фракционную борьбу. В ноябре 1927 г. исключен из В.К.П. (б.). В 1929 г. выслан из С.С.С.Р. за антисоветскую деятельность. — **44 — 47, 120, 162, 195, 197, 270, 300 — 303, 305 — 309, 313, 314, 323 — 325, 331, 332, 351, 352, 364 — 366.**

ТРУЛЬСТРА, ПИТЕР (р. 1860) — вождь Голландской Рабочей Социал-Демократической Партии и ее парламентской фракции, социал-оппортунист, состоял членом Международного Социалистического Бюро II Интернационала. Внутри партии вел борьбу против группы марксистов (так называемых, «трибунистов»), которая завершилась исключением их из партии в 1909 г. Во время мировой войны был социал-шовинистом германофильской ориентации, вел пропаганду в нейтральных странах за поддержку политики германских социал-демократов. В последние годы, вследствие болезни, отошел от политической деятельности. — **242 — 244.**

ТЫШКО, ЛЕО (ИОГИХЕС, ЛЕВ) (1867 — 1919) — один из основателей и лидеров польской социал-демократии. Революционную работу начал вести в 1888 г., впоследствии эмигрировал в Швейцарию. Здесь вместе с Б. Кричевским занялся изданием соц.-дем. литературы («Социал-демократическая библиотека»). В 1893 г. вместе с Розой Люксембург и др. организовал «Социал-Демократию Царства Польского» и с тех пор был бессменным членом Ц. К. и представителем партии в Интернационале. За руководство стачками и восстанием варшавских и лодзинских рабочих в 1905 г. был осужден царским судом на 8 лет каторги, но из тюрьмы бежал, распропагандировав стражу. В 1907 г. участвовал в Лондонском съезде Р.С.-Д.Р.П., на котором примыкал к большевикам и был избран в общерусский Ц.К. В январе 1909 г. (декабре 1908 г.) был на Всероссийской конференции Р.С.-Д.Р.П., вместе с большевиками вел борьбу против меньшевиков. В январе 1910 г. принимал участие в работах объединительного пленума Ц.К. Р.С.-Д.Р.П. Вскоре после этого переселился в Берлин, где вместе с Розой Люксембург возглавил «лево-радикалов», стоявших в оппозиции к каутскианскому центру. В 1912 г. и позднее занимал примиренческую позицию по внутрипартийным вопросам в Р.С.-Д.Р.П. Во время империалистической войны вместе с Карлом Либкнехтом организовал первые нелегальные кружки спартаковцев. Затем был арестован и просидел в тюрьме до Ноябрьской революции 1918 г. После убийства Розы Люксембург и Карла Либкнехта продолжал вести их работу. В марте 1919 г., после новой попытки восстания берлинских рабочих, был арестован по приказу Шейдемана и убит без суда в тюрьме. — **66, 252, 315.**

У.

УВАРОВ, А. А. (р. 1859) — граф, крупный землевладелец, чиновник министерства внутренних дел при Плеве, земский деятель, депутат III Государственной Думы от Саратовской губернии, сначала был во фракции октябристов, потом перешел к беспартийным и, наконец, примкнул к прогрессистам. Автор ряда брошюр по вопросам земского и городского хозяйства. — **80.**

Ф.

ФАЛЛЬЕР, КЛЕМАН-АРМАН (р. 1841) — французский политический деятель. Принадлежал к республиканской левой, в 1876 г. был избран депутатом в парламент. В 1883 г. в течение одного месяца был во главе министерства, которое пало из-за отклонения сенатом законопроекта Ф. об изгнании из Франции членов царствовавших династий. Был министром внутренних дел в кабинете Рувье (1887). В 1890 г. избран в сенат, с 1899 г. стал его председателем. Президент республики с 1906 г. по 1913 г. — **113.**

ФЕЙЕРБАХ, ЛЮДВИГ (1804 — 1872) — виднейший немецкий философ-материалист. В начале своей философской деятельности примыкал к левому крылу гегелевской школы. В «Мыслях о смерти и бессмертии» (1830) высказался против индивидуального бессмертия души. В 1839 г. выступил с критикой гегелевского идеализма. Затем в «Сущности христианства» (1841), «Предварительных тезисах к реформе философии» и «Основоположениях философии будущего» подверг резкой критике теологию и развил материалистическое миропонимание. Учение Ф. оказало значительное влияние на Маркса и Энгельса и послужило для них переходной ступенью от диалектического идеализма Гегеля к диалектическому материализму. Недостатком Ф. являлся абстрактный характер его материализма и отсутствие историко-материалистической точки зрения в общественных науках. На склоне своей жизни Ф. вступил в с.-д. партию и изучал «Капитал». — **68, 70, 74.**

ФОМА — см. КОЗЫРЕВ, Н. Н.

ФРАНК, ЛЮДВИГ (1874 — 1914) — германский социал-демократ, один из виднейших вождей ревизионизма, адвокат. Был организатором молодых рабочих Германии и редактором их органа «Junge Garde» («Молодая Гвардия»). Во время империалистической войны—ярый социал-шовинист, добровольцем ушел на фронт и был убит. — **376, 377, 379.**

ФРАНК, С. Л. (р. 1877) — русский философ, проделавший эволюцию от материализма к идеализму. Переходным этапом явилась его книга «Теория ценности Маркса» (1900 г.), в которой он выступил с критикой марксистской теории. В годы реакции примыкал к кадетам. В 1909 г. принял участие в сборнике «Вехи», в котором была напечатана его статья «Этика нигилизма (к характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции)». В 1922 г. эмигрировал за-границу. — **217, 220.**

Х.

ХЕЙСИН, М. Л. («РОМУЛ») (1871 — 1924) — социал-демократ, меньшевик-ликвидатор, литератор, по профессии врач. В 1900 г. вел с.-д. работу в Петербурге. Входил в редакцию «Рабочей Мысли», сотрудничал в журнале Поссе «Жизнь». В 1903 г. уехал за-границу и здесь примкнул к меньшевикам. Во время русско-японской войны был врачом на фронте. В 1905 г. работал в Красноярском комитете соц.-дем. партии, который руководил «Красноярской республикой». В 1906 г. переехал в Петербург и работал в Выборгском районе, являвшемся в то время оплотом меньшевизма. В 1907 г. перешел на кооперативную работу, был одним из издателей кооперативного журнала «Труженик». В эпоху реакции стал ликвидатором, принимал участие в профессиональном движении, сотрудничал в ликвидаторской «Нашей Заре», в начале 1910 г. подписал известное «Открытое письмо» 16 русских меньшевиков-ликвидаторов. В 1917 г. был председателем Тираспольского Совета Рабочих Депутатов и редактором его «Известий», а не-

сколько позднее — членом Петербургской Думы. В конце 1917 г. перешел на работу в Союз потребительских обществ. В 1919 г. отошел от политической деятельности и целиком отдался кооперативной работе. — **260.**

Ц.

ЦЕДЕРБАУМ-ЕЖОВ, С. О. («АВГУСТОВСКИЙ») (р. 1879) — социал-демократ, искровец, меньшевик-ликвидатор, активный практик-профессионал. Революционную деятельность начал в 1898 г., принимал участие в петербургской группе «Рабочее Знамя», тогда же был арестован и летом 1899 г. выслан в Полтаву. В начале 1901 г. был призван на военную службу, но вскоре бежал и перешел на нелегальное положение, работал в качестве агента «Искры» на местах. В ноябре 1901 г. был арестован по делу Петербургской группы «Искры» и приговорен к ссылке на 10 лет в Якутскую область, но по дороге в ссылку (октябрь 1903 г.) бежал. В январе 1904 г. снова был арестован в Екатеринославе и препровожден в Белостокскую тюрьму, откуда в октябре бежал за-границу. Здесь примкнул к меньшевикам, в мае 1905 г. принимал участие в общерусской конференции меньшевиков в Женеве, затем вернулся в Россию. В годы реакции был активным ликвидатором, входил в редакцию легального меньшевистского журнала «Жизнь», принимал деятельное участие в ликвидаторской «Нашей Заре», в начале 1910 г. подписал известное «Открытое письмо» 16 русских меньшевиков-ликвидаторов, возглавлял петербургскую «инициативную группу» меньшевиков, позднее состоял секретарем редакции ликвидаторской газеты «Луч». В 1913 — 1915 г.г. находился в ссылке в Пермской губернии. В настоящее время живет в С.С.С.Р. — **260.**

ЦЕЙТЛИН, Б. С. («Г. БАТУРСКИЙ», «Г. СМОЛИН», «ГЕОРГИЙ») (1879 — 1920) — социал-демократ, видный меньшевик-ликвидатор, практик-профессионал, литератор. Революционную работу начал вести в 90-х годах в Витебске. В 1901 г. входил в редакцию «Южного Рабочего». В 1903 г. был выслан в Восточную Сибирь, откуда вернулся в 1905 г. После раскола партии примкнул к меньшевикам. В 1906 г. принимал участие в областной соц.-дем. конференции Северо-Западного края, затем работал членом Екатеринославского комитета, от которого был делегирован на Стокгольмский съезд Р.С.-Д.Р.П. В эпоху реакции был активным ликвидатором, входил в редакцию «Возрождения», в начале 1910 г. подписал известное «Открытое письмо» 16 русских меньшевиков-ликвидаторов, позднее работал в ликвидаторском «Луче», затем основал журнал «Страхование Рабочих». В 1914 г. участвовал в Брюссельском совещании Р.С.-Д.Р.П., созванном Международным Социалистическим Бюро. Во время империалистической войны колебался между оборончеством и интернационализмом. После Февральской революции стал «революционным оборонцем», входил в редакцию меньшевистского Ц.О. — «Рабочая Газета». После Октябрьской революции жил в Витебске. — **260.**

Ч.

ЧААДАЕВ, П. Я. (1794 — 1856) — известный русский мыслитель, писатель, западник. Автор знаменитых «Философических писем», в которых нарисовал в самых мрачных красках социальные условия России XVIII века. Оценивая политическое значение этого произведения, Герцен назвал его «обвинительным актом против России» того времени и «выстрелом в темную ночь». За опубликование «Философических писем» был сослан редактор «Телескопа», отстранен от должности цензор и закрыт журнал, а Ч. объявлен полицейскими властями сумасшедшим. В дальнейших своих произведениях («Апология безумца», «Письма») он продолжал развивать основные мысли, высказанные в «Философических письмах».

Вел энергичную борьбу с славянофильством. Оказал сильное влияние на Герцена, Белинского и Бакунина. — 218.

ЧЕРЕВАНИН, Н. (псевдоним Ф. А. ЛИПКИНА) (р. 1868) — меньшевистский литератор-публицист, ликвидатор. В 1898 г. вышла его брошюра «Нравственность», написанная под кантианским влиянием. В 1904 г. выпустил брошюру «Организационный вопрос». В революцию 1905 г. был на правом крыле меньшевизма. В 1908 г. дал законченно-ликвидаторскую концепцию в книге «Пролетариат и русская революция». Объяснял поражение революции 1905 г. самостоятельной наступательной тактикой пролетариата, «отпугнувшей» либералов и помешавшей им закрепить конституцию. Вел агитацию за выход с.-д. рабочих из партийной организации. Ч. был сотрудником всех ликвидаторских изданий, начиная с пятитомника («Общественное движение в России в начале XX века») и «Нашей Зари» и кончая «Нашей Рабочей Газетой» (1914 г.). В начале 1910 г. подписал известное «Открытое письмо» 16 русских меньшевиков-ликвидаторов. В эпоху империалистической войны — социал-патриот, сторонник группы «Самозащита». Один из редакторов центрального органа меньшевиков «Рабочей Газеты» в 1917 г. После «объединительного» меньшевистского съезда в августе 1917 г. был избран в меньшевистский Ц.К. В настоящее время работает в Калужском Губплане. — **35, 43, 60, 105, 107, 198, 200, 205, 209, 210, 216, 260, 326, 335, 352.**

ЧЕРНОВ, В. М. (р. 1876) — один из вождей и теоретиков партии социалистов-революционеров, начал политическую деятельность в девяностых годах в рядах «Социал-революционной партии Народного Права». Эмигрировал за-границу в 1899 г., где стал сначала во главе Союза, а затем и партии социалистов-революционеров (бессменный член Ц.К. и редактор ее центрального органа «Революционная Россия»). В годы войны занимал колеблющуюся позицию между интернационализмом и оборончеством, участвовал на Циммервальдской конференции (воздержался при голосовании ее манифеста); оставаясь на словах циммервальдистом, по возвращении в Россию после Февральской революции фактически скатился к оборончеству. Министр земледелия в первом коалиционном кабинете Временного правительства, боровшийся против крестьян, отбиравших помещичью землю. Вышел в отставку после июльских дней. 18(5) января 1918 г. Ч. был избран председателем Учредительного собрания. Принимал деятельное участие в чехо-эсеровском восстании на Волге в 1918 г., возглавлял съезд членов Учредительного собрания в Уфе, был арестован Колчаком, но вскоре освобожден. Принимал участие в Парижском съезде членов Учредилки (февраль 1921 г.), выделившем из себя комитет, составленный из эсеров и к.-д.; пытался оказать энергичное содействие Кронштадтскому восстанию из Ревеля, куда специально для этой цели приехал. — **269.**

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ, Н. Г. (1828 — 1889) — «великий русский ученый и критик, мастерски осветивший банкротство буржуазной экономии» (Маркс), величайший русский учитель ряда поколений революционеров, революционный демократ. Как политико-экономист известен своим переводом «Оснований политической экономии» Д. С. Милля (которые он снабдил своими примечаниями в духе утопического социализма), а также рядом работ, посвященных популяризации идей социализма и критике крестьянской реформы 1861 г. Как литературный критик дал ряд блестящих статей («Очерки Гоголевского периода», «Лессинг», статьи о Пушкине и др.) в «Современнике», одним из руководителей которого он был. В русской общине видел возможный зачаток социалистического устройства общества. Являлся вождем революционного движения 60-х годов и одним из вдохновителей революционного движения 70-х и 80-х годов. Был арестован в 1862 г. и почти до самой смерти находился в тюрьме и ссылке, лишенный возможности непосредственного участия в общественной и публицистической работе. — **218, 265.**

Ш.

Э.

Ю.

ЮЛИЙ — см. **БАТЫШЕВ-КОРОЛЕВ, И. Г.**
ЮРИЙ — см. **БРОНШТЕЙН, П. А.**
ЮРКЕВИЧ, П. Д. (1827 — 1874) — русский философ, идеалист-мистик; впоследствии его взгляды развивал Вл. Соловьев. С 1861 г. состоял профессором Московского университета по кафедре философии. Работал, кроме того, в области педагогики. По философским вопросам полемизировал с Н. Г. Чернышевским. — 218.

Я.

Я. П. — ИЙ — см. **ПИЛЕЦКИЙ, Я. А.**

VII. ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ЖИЗНИ В. И. ЛЕНИНА.

(Январь 1909 г. — декабрь 1910 г.)

1909 г.

3 января (21 декабря 1908 г.). Вл. И. участвовал в заседании пленума Ц.К. Р.С.-Д.Р.П.

3—9 января (21—27 декабря 1908 г.). Вл. И. на Всероссийской (Декабрьской) конференции Р.С.-Д.Р.П. Выступал с докладом «О современном политическом положении и задачах партии», внес свой проект резолюции по этому вопросу и два проекта практических указаний по вопросу о бюджетных голосованиях думской с.-д. фракции. Участвовал в прениях по другим вопросам порядка дня.

9 — 11 января (27 — 29 декабря 1908 г.). Вл. И. участвовал в работах пленума Ц.К. Р.С.-Д.Р.П. Избран в редакцию Ц.О. «Социал-Демократ».

4 февраля (22 января). Вл. И. выступал на митинге эмигрантов в Париже с докладом «О политическом положении в России и двух путях капиталистического развития аграрных отношений».

18 (5) марта. Вл. И выступал с речью о Парижской коммуне на большом эмигрантском собрании в Париже.

Начало мая. Вышла книга Вл. И. «Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии».

17 (4) мая. Вл. И. переслал Р. Люксембург свою книгу «Материализм и эмпириокритицизм», послав затем ей письмо с просьбой дать о книге «пометку» в «Neue Zeit».

21 (8) мая. Вл. И. читал в клубе редакции «Пролетарий» реферат на тему «Религия и рабочая партия».

26 (13) мая. В № 45 «Пролетария» напечатана статья Вл. И. «Об отношении рабочей партии к религии».

17 (4) июня. В № 6 «Социал-Демократа» напечатана статья Вл. И. «Классы и партии в их отношении к религии и церкви».

4—13 июля (21—30 июня). Вл. И. руководил Совещанием расширенной редакции «Пролетария». Написал почти все резолюции Совещания.

18 (5) августа. Вл. И. написал письмо организаторам Каприйской школы, в ответ на приглашение читать лекции. Выразил в письме готовность читать слушателям лекции, но не на о. Капри, а в Париже, куда советовал ученикам переехать.

30 (17) августа. Вл. И. написал письмо группе слушателей Каприйской школы, в ответ на вторичное приглашение с их стороны приехать читать лекции. В письме разъяснял фракционный характер школы и убеждал учеников в целесообразности их переезда в Париж.

Лето.	Вл. И. жил с семьей (Н. К. Крупской, ее матерью и М. И. Ульяновой) в деревне Bonbon (департамент Seine et Loire).
24 (11) сентября.	В «Приложении» к № 47—48 «Пролетария» напечатана статья Вл. И. «О фракции сторонников отзовизма и богостроительства».
Сентябрь — октябрь.	Вл. И. вел переписку с В. А. Карпинским о переводе партийной библиотеки из Женевы в Париж.
Конец октября.	В «Отдельном оттиске» из № 50 «Пролетария» напечатана статья Вл. И. «Позорный провал».
2—3 ноября (20—21 октября).	Редакция «Социал-Демократа» отклонила статью Вл. И. «О методах укрепления нашей партии и ее единства». В связи с этим Вл. И. на том же заседании редакции внес проект резолюции о необходимости «борьбы на два фронта» и о слиянии «наиболее сильных и влиятельных фракций» (большевиков и меньшевиков-партийцев). Проект большинством редакции был отвергнут.
4 ноября (22 октября).	Вл. И. подал заявление о своем выходе из редакции Ц. О. и потребовал опубликования в «Социал-Демократе» этого заявления вместе с проектом резолюции о «борьбе на два фронта», отклоненным редакцией накануне.
5 или 6 ноября (23 или 24 октября).	Вл. И. приехал в Брюссель на одиннадцатую сессию Международного Социалистического Бюро.
6 ноября (24 октября).	Вл. И. подписал в Брюсселе коллективное (Г. Е. Зиновьев, А. С. Варский и Л. Б. Каменев) заявление в редакцию Ц. О. о том, что свое заявление о выходе из редакции Ц. О. он берет назад, признавая весь этот внутриредакционный «инцидент» исчерпанным. Вл. И. принимал участие в третьей интернациональной конференции социалистических журналистов в Брюсселе.
7 ноября (25 октября).	Вл. И. выступил на заседании одиннадцатой сессии Международного Социалистического Бюро (Брюссель) за включение Голландской S. D. P. («трибунисты») в Интернационал и голосовал за резолюцию, предложенную по этому вопросу П. Зингером.
8 ноября (26 октября).	Вл. И. принял участие в заседании Межпарламентской комиссии (Interparlamentarische Komission) при Международном Социалистическом Бюро. Вл. И. вернулся из Брюсселя в Париж.
15 (2) ноября.	Вл. И. (совместно с Г. Е. Зиновьевым, И. Ф. Дубровинским и В. К. Таратутой) направил заявление в З. Б. Ц. К. о необходимости созыва в ближайший срок пленума Ц. К. Р.С.-Д.Р.П.
16 (3) ноября.	Вл. И. беседовал с Н. Е. Вилоновым, приехавшим в Париж после раскола в Каприйской школе. В связи с этой беседой написал письмо А. М. Горькому.
26 (13) ноября.	Вл. И. читал реферат «Идеология контр-революционного либерализма. Успех «Вех» и его общественное значение».
Ноябрь.	Вл. И. читал лекции 5-ти каприйцам, исключенным из школы, на темы: 1) «Современный момент и наши задачи», 2) «Аграрная политика Столыпина».
2 декабря (19 ноября).	Вл. И. написал ответ И. А. Теодоровичу о грядущем «общедемократическом натиске», к которому партии надо готовиться, и о положении дел в партии.

16 (3) декабря. Вл. И. написал ответ И. И. Скворцову-Степанову по вопросу о «прусском» или «американском» путях капиталистического развития России.

Декабрь. Вл. И. читал лекции «О современном моменте» и «Аграрной политике Столыпина» второй группе «каприйцев», приехавшей в Париж.

Конец года. Вл. И. написал «Объяснительную записку к проекту главных оснований закона о 8-мичасовом рабочем дне» для думской фракции.

1910 г.

15 (2) января — 5 февраля (23 января). Вл. И. на пленуме Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. в Париже. Добивался включения в порядок дня пленума вопроса «о перегруппировке в партии»; голосами ликвидаторов и примиренцев этот пункт был заменен другим: «Положение дел в партии и задачи Ц. К. и организаций на местах». По этому вопросу Вл. И. внес свой проект резолюции.

Пленум избрал Вл. И. в редакцию Ц. О. «Социал-Демократ» и представителем Р. С.-Д. Р. Партии в Международное Социалистическое Бюро.

Конец января. Вл. И. на заседании редакции Ц. О. выступил против напечатания в «Социал-Демократе» статьи Ю. О. Мартова «На верном пути», предложив поместить ее в «Дискуссионном Листке».

20 (7) марта. Вл. И. выступил против примиренцев и за объединение с меньшевиками-партийцами на собрании большевистской группы содействия Р. С.-Д. Р. П. в Париже, при обсуждении доклада о пленуме Ц. К.

Март (до 25). Вл. И. на закрытом заседании Парижской большевистской группы содействия Р. С.-Д. Р. П. предложил резолюцию об исключении из партии меньшевиков-ликвидаторов Михаила (В. А. Исува), Романа (К. М. Ермолаева) и Юрия (П. А. Бронштейна), отказавшихся войти в русскую коллегию Ц.К. и не пожелавших прийти на одно из заседаний для кооптации других членов Ц. К. Резолюция была принята.

28 (15) марта. Вл. И. написал Л. Тышко письмо о нежелательности и нецелесообразности замены в редакции «Социал-Демократа» А. С. Варского — В. Л. Ледером.

29 (16) марта. Вл. И. написал Г. В. Плеханову письмо о желательности встречи с ним для обмена мнениями о положении дел в партии.

Конец марта. В «Отдельном оттиске» из № 12 «Социал-Демократа» напечатана статья Вл. И. ««Голос» ликвидаторов против партии».

5 апреля (25 марта). Вл. И. (вместе с Г. Е. Зиновьевым и А. С. Варским) направил в З. Б. Ц. К. заявление, в связи с соответствующим заявлением Ю. О. Мартова и Ф. И. Дана от 29 марта, по поводу конфликтов, имевших место в редакции Ц. О. после пленума Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.

Начало мая. Вл. И. написал статью ««Объединительный кризис» в нашей партии». (Напечатана в № 2 «Дискуссионного Листка», 7 июня (24 мая) 1910 г.)

21 (8) — 22 (9) июля. Вл. И. приехал в Pornic (на берегу Бискайского залива), где находились Н. К. Крупская и ее мать.

Вторая половина августа.	Вл. И. работал над статьей «О фракции «впередовцев»». (Напечатана в № 15—16 «Социал-Демократа», 12 сентября (30 августа) 1910 г.)
26 (13) августа	Вл. И. приехал в Копенгаген на VIII Конгресс II Интернационала. Был на заседании бюро Конгресса.
Между 28 (15) августа и 3 сентября (21) августа.	Вл. И. совещался с Г. В. Плехановым, Г. Е. Зиновьевым, Л. Б. Каменевым, Н. Г. Полетаевым и И. П. Покровским по вопросу об организации «Рабочей Газеты» и «Звезды».
29 (16) августа.	Вл. И. участвовал в совещании представителей национальных секций Копенгагенского Конгресса, в порядке дня которого стояли вопросы: 1) проверка мандатов, 2) назначение членов комиссий.
2 сентября (20 августа).	Вл. И. сообщил в Международное Социалистическое Бюро о том, что, согласно постановлению январского 1910 года пленума Ц.К. Р.С.-Д.Р.П., Г. В. Плеханов является представителем Р.С.-Д.Р.П. в Международном Социалистическом Бюро.
15 (2) сентября.	Вл. И. работал в Копенгагенской библиотеке над литературой по сельскому хозяйству.
15 (2) или 16 (3) сентября.	Вл. И. приехал в Стокгольм для свидания со своей матерью, М. А. Ульяновой, и сестрой М. И. Ульяновой.
27 (14) сентября.	Вл. И. вернулся в Париж.
30 (17) сентября.	Вл. И. написал Ю. Ю. Мархлевскому письмо по поводу статей последнего в газете «Leipziger Volkszeitung».
Сентябрь — октябрь.	Вл. И. работал над статьей против Ю. О. Мартова и Л. Д. Троцкого, которую предполагал печатать в «Neue Zeit». Статья эта «Исторический смысл внутрипартийной борьбы» в «Neue Zeit» не появилась, а была напечатана значительно позднее в № 3 «Дискуссионного Листка», 12 мая 1911 г.
	Вл. И. одновременно начал работать над статистикой стачек в России 1905—08 г.г.
Октябрь (начало).	Вл. И. выступил в Париже на собрании большевиков по вопросу о создании совместно с плехановцами «Рабочей Газеты».
7 октября (24 сентября).	Вл. И. написал Ю. Ю. Мархлевскому письмо по поводу проектируемой статьи последнего в «Neue Zeit» против Ю. О. Мартова (статья была напечатана в «Neue Zeit» № 44, июль 1909 г.).
12 ноября (30 октября).	В № 1 «Рабочей Газеты» напечатана статья Вл. И. «Уроки революции».
Ноябрь—декабрь.	Вл. И. вел переговоры с В. В. Воровским, И. И. Скворцовым-Степановым и др. об организации в Москве издания легального большевистского журнала («Мысль»).
3 декабря (20 ноября).	В письме к совету Болонской школы Вл. И. заявил об отказе приехать в Болонью для чтения лекций по аграрному вопросу и со своей стороны приглашал учеников приехать в Париж.
5 декабря (22 ноября).	Вл. И. (вместе с Г. Е. Зиновьевым и Л. Б. Каменевым) подал в З. Б. Ц. К. заявление, с требованием возвратить фракции большевиков «держательские» деньги, вследствие нарушения «голосовцами» взятых на себя во время январского пленума Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. обязательств.
29 (16) декабря.	В № 1 газеты «Звезда» напечатана статья Вл. И. «Разногласия в европейском рабочем движении».
31 (18) декабря.	В № 2 «Рабочей Газеты» напечатана статья Вл. И. «Начало демонстраций».

VIII. ЛЕТОПИСЬ СОБЫТИЙ.

1909 г.

Начало промышленного подъема. Рекордный урожай.

Дворянская реакция в стране. Ставка П. А. Столыпина на «крепкого мужика». Расцвет воинствующего национализма.

«Сближение» науки с промышленностью. Рост идеалистических и мистических тенденций среди буржуазной интеллигенции.

Развал в партии социалистов-революционеров. Разоблачение Е. Ф. Азефа.

Упадок рабочего движения. Разгром рабочей печати и профессиональных союзов. Преследование культурно-просветительной деятельности среди рабочих.

Идейный разброд и фракционное дробление внутри Р. С.-Д. Р. П. Размежевание внутри большевистской фракции: группа отзовистов, ультиматистов и богостроителей, с одной стороны, и большевики-ленинцы — с другой. Распад меньшевистской фракции на три группы: 1) ликвидаторы, 2) партийцы и 3) беспринципные примиренцы (троцкисты).

3. I (21. XII 1908 г.). Состоялся пленум Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. в Париже перед открытием Всероссийской конференции Р. С.-Д. Р. П.

3—9. I (21—27. XII 1908 г.). Всероссийская конференция Р. С.-Д. Р. П. в Париже.

8. I (26. XII 1908 г.). Извещение Ц. К. партии социалистов-революционеров о разоблачении провокации Е. Ф. Азефа.

9—11. I (27—29. XII 1908 г.). Пленум Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. в Париже. Утверждены резолюции Всероссийской конференции Р. С.-Д. Р. П. Образована новая редакция Ц. О. «Социал-Демократ».

20 (7). I. Вышел № 41 «Пролетария». С этого номера издание было перенесено из Женевы в Париж.

27—29. I. Конгресс Английской Рабочей Партии в Портсмуте.

I. Локаут на Невьянском заводе (Урал) свыше 3-х тысяч рабочих. Повод к локауту: забастовка рабочих на почве постоянных задержек в выдаче заработной платы.

Всеукраинская конференция «Спилки» с участием представителей житомирской, бердичевской, гомельской и волынской организаций. Конференция отмежевалась от венской «Правды» Л. Д. Троцкого.

1. II—6. III (19. I—24. II). Забастовка на заводе Пинтши в Петербурге в связи с увеличением на $^1/_2$ часа рабочего дня и введением обязательных сверхурочных работ. Забастовка закончилась поражением рабочих.

2. II (20. I). Государственная Дума отклонила спешность запроса социал-демократической и кадетской фракций по делу Е. Ф. Азефа.

9. II (27. I). Временный военный суд во Владимире вынес смертный приговор М. В. Фрунзе и П. Гусеву за покушение на урядника Перлова.

10. II (28. I). Государственная Дума отложила на неопределенное время рассмотрение законопроекта об отмене смертной казни.

Вышел № 2 «Социал-Демократа». С этого номера издание было перенесено из России за-границу (Париж).

13—14. II. Экстренный конгресс Голландской Социал-Демократической Рабочей Партии в Дэвенте. Исключение из партии революционных марксистов, во главе с Вайнкопом, Паннекуком и Гортером.

12. II (30. I). Государственная Дума приняла спешность запроса с.-д. фракции по поводу неправильностей, допущенных управлением Нижне-Тагильских заводов наследников Демидова при расчете с рабочими.

25 (12). II. Большевистский Центр открыто начал в № 42 «Пролетария» решительную борьбу с богостроительством.

26 (13). II. Государственная Дума признала удовлетворительными и исчерпывающими объяснения правительства по делу Е. Ф. Азефа.

30. II—7. III (17—25. II). V съезд объединенного дворянства.

II. Вышло письмо Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. всем партийным организациям о мероприятиях, намеченных пленумом Ц. К. по оживлению работы и сплочению партийных сил.

10. III (25. II). Государственная Дума приняла запрос с.-д. фракции о преследовании профессиональных союзов.

11. III (26. II). Государственная Дума обсуждала смету почтово-телеграфного ведомства. С.-д. фракция заявила, что она будет голосовать только за отдельные параграфы, предусматривающие ассигнования на улучшение материального положения почтово-телеграфных служащих и рабочих.

14 (1). III. Арестован весь состав Петербургского комитета Р. С.-Д. Р. П.

19 (6). III. С.-д. депутат Г. С. Кузнецов выступил в Государственной Думе по вопросу о борьбе с пьянством с разоблачением лицемерного характера противоалкогольных мероприятий царского правительства.

27—28 (14—15). III. Конгресс Украинской Социал-Демократической Партии австрийских провинций Галиции и Буковины.

III. Закрыты профессиональные союзы: в Вильно — строителей, бумажников, чулочниц и приказчиков; в Лодзи — наборщиков, булочников и сапожников; в Иваново-Вознесенске — ситцепечатников; в Витебске — единственный легальный союз приказчиков.

Вышел в Москве сборник «Вехи».

Вышел в Париже меньшевистский «Отчет Кавказской делегации об общепартийной конференции» в издании Центрального Бюро заграничных групп содействия Р. С.-Д. Р. П.

Вышел в Женеве № 1 «Откликов Бунда» — органа Заграничного Комитета Бунда.

Локаут в щетинном производстве Северо-Западного края.

1—14. IV. Состоялся VI конгресс Французской социалистической партии в Сент-Этьене.

14—19 (1—6). IV. В Москве заседал 1-й съезд фабрично-заводских врачей и представителей фабрично-заводской промышленности, с участием группы рабочих делегатов, за выступления которых градоначальник закрыл съезд раньше срока.

17 (4). IV. В «Приложении» к № 44 «Пролетария» напечатана резолюция петербургских отзовистов, предложенная ими расширенному заседанию Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. перед Всероссийской конференцией Р. С.-Д. Р. П. в декабре 1908 г. В том же «Приложении» дан разбор резолюции в статье Ленина — «Карикатура на большевизм».

27 (14). IV. В Государственной Думе обсуждалась смета расходов

синода. Речь с.-д. депутата П. И. Суркова, охарактеризовавшего церковь, как оплот самодержавия, и констатировавшего ее связь с черносотенными организациями.

IV. Вмешательство России (с согласия Англии) во внутренние дела Персии. Русские войска начали осаду Тавриза, где власть захватили конституционалисты.

В Вильно закончился победой предпринимателей локаут в кожевенной промышленности, продолжавшийся 22 недели.

Состоялась конференция «Спилки» с участием представителей, главным образом, подольских с.-д. организаций; конференция заняла позицию в духе венской «Правды» Троцкого.

28. IV — 2. V (15—19. IV). В Московской судебной палате слушалось «дело 46» членов Московской с.-д. организации.

4. V (21. IV). Закрыт союз кожевников в Литве. Арестованы члены правления союза.

6. V (23. IV). В Персии восстановлена конституция и назначен созыв меджилиса.

7. V (24. IV). Государственная Дума приняла законопроект об изменении и дополнении некоторых постановлений, касающихся крестьянского землевладения (указ 22 (9). XI 1906 г.).

10. V (27. IV). Государственная Дума исключила из своего состава представителя уральских рабочих с.-д. В. Е. Косоротова за выступление среди рабочих с с.-д. пропагандой и депутата от Петербурга кадета А. М. Колюбакина за выступление в духе выборгского воззвания на Саратовском губернском съезде кадетов.

Николай II не утвердил принятый Государственной Думой законопроект о штатах морского генерального штаба и поручил П. А. Столыпину разработать новые правила о применении ст. 96 основных законов.

12 — 25 V. Всеобщая почтово-телеграфная стачка во Франции на почве правительственных преследований революционных лидеров почтово-телеграфных служащих. Стачка была проиграна.

14 (1). V. Первомайская забастовка в Москве на нескольких (в том числе — 5 крупных) механических заводах и всех типографских предприятиях.

Государственная Дума отклонила спешность запроса с.-д. фракции о запрещении рабочим со стороны администрации праздновать 1 мая.

26 V. Г. В. Плеханов официально заявил о выходе из редакции «Голоса Социал-Демократа».

В № 45 «Пролетария» опубликован протест польских делегатов Всероссийской 1908 г. конференции Р. С.-Д. Р. П. против тенденциозного освещения их поведения на конференции в «Отчете Кавказской делегации».

30 (17). V. В Москве вышел № 1 «Рабочего Дела» — органа профсоюзов большевистского направления. Всего вышло 7 номеров (последний — 6. XI (24. X) 1909 г.). Все номера были конфискованы.

Кавказский Областной Комитет Р. С.-Д. Р. П. (меньшевистский) принял резолюцию, осуждающую деятельность Ц. К. Р. С.-Д. Р. П., как «узкофракционную».

31 (18). V. Арестованы члены Сормовского комитета Р. С.-Д. Р. П.

V. Состоялась очередная конференция социал-демократии Латышского края.

9. VI (27. V). Государственная Дума обсуждала запрос 73 депутатов об организации «Союзом русского народа» убийств политических деятелей. Выступил с речью представитель с.-д. фракции Е. П. Гегечкори с заявлением, что только тогда Россия избавится от черносотенных безобразий, «когда исчезнет тот строй, который питает гг. Дубровиных, Марковых и др., только тогда, когда рухнет самодержавие, когда рухнет монархия».

14 (1). VI. Государственная Дума отклонила предложение соц.-дем. фракции обсудить 15 (2) июня запрос о незаконных действиях полковника Ляхова в Персии, участвовавшего в походе на революционный Тавриз и разгроме меджилиса.

15 (2). VI. Закрылась вторая сессия III Государственной Думы.

25 (12). VI. Николай II выехал в Европу.

27. VI. Женевская группа содействия Р. С.-Д. Р. П. в принятых резолюциях выразила сожаление по поводу выхода Г. В. Плеханова из редакции «Голоса Социал-Демократа» и высказалась за открытие в «Голосе» дискуссии для выяснения волнующих партию вопросов.

VI. Выехали в Англию несколько депутатов Государственной Думы (от фракции к.-д. — П. Н. Милюков) и несколько членов Государственного Совета.

Опубликовано воззвание Международного Социалистического Бюро по поводу поездки царя в Европу.

Запросы социалистических и рабочих фракций в шведском, английском, французском, итальянском и др. парламентах в связи с предстоявшим приездом русского царя.

Рабочие демонстрации и митинги протеста в Швеции, Германии, Англии, Франции, Италии и др. странах против приезда Николая II.

4 — 13. VII (21 — 30. VI). В Париже состоялось Совещание расширенной редакции «Пролетария». Разрыв с отзовистами, ультиматистами и богостроителями. Откол А. А. Богданова и Л. Б. Красина.

11 — 12. VII (28 — 29. VI). Состоялась конференция Московской окружной организации Р. С.-Д. Р. П.

16 (3). VII. Вышел листок отзовистов-ультиматистов «Отчет т.т. большевикам устраненных членов расширенной редакции «Пролетария»».

19 (6). VII. Объявлен указ о дополнительных выборах в Государственную Думу в связи с исключением из ее состава депутата В. Е. Косоротова.

25. VII. Состоялся многотысячный митинг протеста в Трафальгар-парке в Лондоне против приезда в Англию русского царя.

26 — 28. VII. Съезд польской молодежи в Закопане (Галиция) высказался за бойкот русских учебных заведений в Польше.

VII. Волнения политических заключенных в Басманном полицейском доме (Москва) на почве тяжелого режима. Избиение заключенных. Была объявлена голодовка, продолжавшаяся 6 суток. Режим ухудшился. Заявления инспекции и прокурору остались без последствий.

Вышел юбилейный (100-й) номер «Zihna» («Борьба») — органа Ц. К. социал-демократии Латышского края.

Революционное движение в ряде городов Испании, возникшее на почве возмущения против похода испанского правительства на африканское племя кабилов.

Переворот в Персии. Националисты низложили шаха Али-Магомета. Шах подписал акт об отречении от престола в пользу своего одиннадцатилетнего сына Ахмед-Мирзы. Образовалось новое правительство из сторонников реформ.

VII — VIII. Вышел 1 том меньшевистского издания «Общественное движение в России в начале XX века».

2. VIII (20. VII). Вышел № 1 «Нового Дня» — беспартийной газеты, которая с № 4 перешла в руки большевиков. Издание прекратилось 26 (13) XII.

Локаут на механических заводах, строительных предприятиях и в промышленности по производству готового платья в Швеции. В ответ на локаут объявлена забастовка, продолжавшаяся август и сентябрь.

5. VIII. Начались занятия в партийной школе на о. Капри. Закончились в декабре 1909 г.

21 (8). VIII. Объявлен указ о продлении на год положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, утвержденного 27 (14) VIII. 1881 г.

21—22 (8—9). VIII. Исполнительная Комиссия Петербургского комитета Р.С.-Д.Р.П. приняла ультиматистскую резолюцию по поводу дополнительных выборов в Государственную Думу от Петербурга.

24 (11). VIII. Собрание трудовиков постановило на дополнительных выборах в Государственную Думу от Петербурга поддержать кандидатуру соц.-дем. Н. Д. Соколова.

27 (14). VIII. Опубликовано извещение Ц.К. партии социалистов-революционеров по поводу разоблачения Зинаиды Жученко, состоявшей на службе департамента полиции с 1894 г. Была сподвижницей Е. Ф. Азефа.

28 (15). VIII. Состоялась конференция Московской окружной организации. Приняты: устав М.О.К. и резолюции о текущем моменте и думской фракции. Поставлен на обсуждение организации вопрос о профессиональных союзах.

31 (18). VIII. Локаут в заготовительных мастерских в Риге; продолжался неделю, закончился победой рабочих.

VIII. Возобновилось издание «Дневника Социал-Демократа» Г. В. Плеханова. Вышел № 9.

6. IX (24. VIII). Опубликован царский указ о порядке применения ст. 96 основных законов.

12—18. IX. В Лейпциге состоялся партейтаг германской соц.-дем. партии.

18 (5). IX. Большевистский Центр обратился с письмом к «Товарищам рабочим, прибывшим в школу в NN» (на о. Капри).

21 (8). IX. Казнены 8 екатеринославских рабочих, руководивших екатеринославской стачкой в 1905 году.

28 (15). IX. Состоялась конференция Московской окружной организации. Принята резолюция о профессиональных союзах и поставлены на обсуждение организации вопросы об эволюции крестьянства, о характере крестьянского движения и об отношении к нему соц.-демократии.

4. X (21. IX). В Петербурге состоялись дополнительные выборы в Государственную Думу. Избран кадет Н. Н. Кутлер.

7. X (24. IX). Петербургский военно-окружной суд вынес приговор по делу членов военной организации Петербургского комитета Р.С.-Д.Р.П. Всего было привлечено к суду 36 человек, из которых: 5 оправданы, 11 приговорены к каторге на различные сроки, 20 — к ссылке на поселение.

Объявлен царский указ, обязывающий финляндцев вносить в государственное казначейство денежные взносы на военные нужды взамен отбывания личной воинской повинности.

10—18. X (27. IX—5. X). Состоялся съезд монархистов в Москве.

11. X. В Ракконджи заключено русско-итальянское секретное соглашение по делам Ближнего Востока.

13. X (30. IX). В ряде городов Испании вспыхнули забастовки и состоялись митинги протеста против казни Феррера, ложно обвиненного в руководстве восстанием в Барселоне. Это событие нашло отклик среди рабочих Парижа, Берлина, Брюсселя, Льежа и др. европейских городов.

17. X. Открылась сессия парламента в Австрии.

Накануне социал-демократы организовали по всей стране демонстрации против дороговизны, чтобы заставить парламент заняться рассмотрением этого вопроса.

17—21 (4—8). X. В Москве состоялся съезд октябристов.

23 (10). X. Открылась третья сессия III Государственной Думы и Государственного Совета.

25 (12). X. Государственная Дума отклонила срочность запроса соц.-

дем. фракции о нарушении царским указом 6. IX (24. VIII) ст. 96 основных законов.

29 (16). X. Восстание в греческом флоте.

X. Локаут портных в Одессе. Продолжался около 3-х месяцев. Закончился победой хозяев.

Закрыт союз металлистов города Москвы.

Закрыт на № 16 бакинский «Профессиональный Вестник» и на № 1 одесский «Профессиональный Вестник».

X—XI. Николаевская организация Р.С.-Д.Р.П. обратилась к харьковской, екатеринославской, одесской, киевской и др. южным организациям с предложением восстановить объединение и закрепить связи в масштабе всего юга на основе борьбы с ликвидаторством справа и слева.

2. XI. Исключены из Каприйской школы 5 слушателей-ленинцев. Исключенные уехали в Париж, где прослушали цикл лекций, организованных Большевистским Центром, и в декабре 1909 г. вернулись в Россию.

4. XI (22. X). Думская комиссия по запросам отклонила запрос с.-д. фракции о нарушении ст. 96 основных законов.

5. XI (23. X). Государственная Дума признала удовлетворительными объяснения министра торговли и промышленности В. И. Тимирязева по запросу с.-д. фракции о неоказании рабочим уральских горных заводов медицинской помощи.

В том же заседании было отклонено предложение с.-д. фракции принять к обсуждению на следующий день ее запрос о преследовании профессиональных союзов.

7—8. XI. В Брюсселе состоялось заседание одиннадцатой сессии Международного Социалистического Бюро. Помимо мелких текущих дел были обсуждены следующие два крупных вопроса: о Международном Социалистическом Конгрессе 1910 г. в Копенгагене и о расколе в Голландской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Накануне сессии состоялась конференция социалистических журналистов.

8. XI. В Брюсселе состоялась конференция социалистических парламентских фракций разных стран. Русская с.-д. думская фракция не была представлена.

10. XI (28. X). Государственная Дума обсуждала объяснения министра внутренних дел по запросу с.-д. фракции о преследованиях профессиональных союзов.

12. XI (30. X). Избран председателем Государственной Думы Н. А. Хомяков.

Начала занятия столыпинская комиссия по выработке проекта правил издания финляндских законов общегосударственного значения.

15 (2). XI. В. И. Ленин, Г. Е. Зиновьев, И. Ф. Дубровинский и В. К. Таратута направили в З.Б.Ц.К. заявления о необходимости в ближайший срок созвать пленум Ц.К. Р.С.-Д.Р.П.

Государственная Дума отклонила спешность запроса с.-д. фракции о случаях стрельбы часовых рижской центральной тюрьмы по заключенным.

Открытие персидского меджилиса.

17 (4). XI. Государственная Дума закончила обсуждение запроса с.-д. фракции о профессиональных союзах. Принята формула перехода, предложенная октябристами. Против нее голосовали социал-демократы, националисты и правые.

Финляндский сейм отклонил законопроект о замене личной воинской повинности денежными взносами.

Объявлен указ о роспуске Финляндского сейма.

23—26 (10—13). XI. В Петербурге состоялся съезд представителей торговли и промышленности.

26 (13). XI. Московское Областное Бюро Р.С.-Д.Р.П. заявило о снятии с себя всякой ответственности за школу на о. Капри и предложило ученикам немедленно переехать в Париж.

28 (15). XI. Арестованы члены рабочей группы «алкогольного» съезда на одном из собраний.

XI. Вышел листок А. А. Богданова и А. В. Луначарского «Ко всем товарищам!»

В «Приложении» к № 50 «Пролетария» опубликован «Отчет о школе в NN» (на о. Капри), составленный исключенными учениками-ленинцами.

М.К. Р.С.-Д.Р.П. отказал в поддержке Каприйской школе.

XI — XII. Опубликовано заявление Заграничного Бюро Ц.К. Р.С.-Д.Р.П. по поводу разоблачения Серебряковой, состоявшей на службе в охранном отделении, с указанием, что видным членом соц.-дем. партии она никогда не была.

В Петербурге состоялось совещание видных деятелей кадетской партии.

В ряде городов Румынии состоялись забастовки и демонстрации протеста против ареста Х. Г. Раковского румынским правительством.

10. XII (27. XI). Государственная Дума приняла в окончательном виде правительственный законопроект о землеустройстве.

11. XII (28. XI). Конфискован № 1 «Вестника Труда» — профсоюзного органа большевистского направления, изданного вместо «Рабочего Дела».

Вышел последний (50-й) номер «Пролетария».

20 (7). XII. Финляндия внесла в русское казначейство первые 10 милл. марок взамен личной воинской повинности за 1908 — 1909 г.г.

22 (9). XII. Объявлены правила о надзоре министра путей сообщения за финляндскими железными дорогами.

Финляндия внесла в русское казначейство остальные 10 милл. марок взамен личной воинской повинности за 1908 — 1909 г.г.

26 (13). XII. Арестован Я. М. Свердлов на заседании М.К. Р.С.-Д.Р.П.

28 (15). XII. В. Л. Шанцер (Марат) заявил о выходе из расширенной редакции «Пролетария».

А. А. Богданов и В. Л. Шанцер (Марат) от имени 16 ультиматистов и отзовистов уведомили Ц.К. Р.С.-Д.Р.П. об образовании группы единомышленников, под названием «Вперед», с просьбой утвердить ее в качестве литературно-издательской организации, и препроводили платформу группы — «Современное положение и задачи партии».

31 (18). XII. Закрыты 6 профсоюзов в Екатеринославе.

XII. Выехали в Париж остальные ученики Каприйской школы, чтобы выслушать дополнительные лекции.

1910 г.

Дальнейшее развитие промышленного подъема. Большой урожай.

Продолжается дворянская реакция. Ломка общины и рост деревенской буржуазии.

Упадок партии социалистов-революционеров и других народнических групп. Разгром полицией местных организаций и ячеек.

Дальнейшее падение рабочего движения, которое только в конце года обнаруживает некоторое оживление. Рабочие и студенческие демонстрации по случаю смерти Л. Н. Толстого. Продолжается ликвидация правительством легальных рабочих организаций.

Рост пожаров в деревне (лето и осень). Крестьяне жгут отрубников и хуторян.

Усиление идейно-организационного разброда в Р.С.-Д.Р.П. Фракция впередовцев. Большевики-примиренцы. Объединительный пленум Ц.К. Р.С.-Д.Р.П. в январе. Срыв ликвидаторами январского соглашения.

7—9. I. Первая конференция социал-демократических партий балканских стран в Белграде.

10—19. I (28. XII—6. I). Первый Всероссийский съезд по борьбе с пьянством; на съезде принимали участие рабочие представители.

15. I.—5. II. Пленум Ц.К. Р.С.-Д.Р.П. в Париже.

18. I. Греческий король согласился созвать национальное собрание.

19—22 (6—9). I. Аресты 23-х членов Петербургского Комитета Р.С.-Д.Р.П., активных работников профсоюзов и рабочих делегатов антиалкогольного съезда.

31. I.—2. II. Первый съезд румынской социалистической рабочей партии в Бухаресте.

I. Начал выходить в Петербурге ежемесячный журнал меньшевиков-ликвидаторов «Наша Заря».

I—II. В № 19—20 «Голоса Социал-Демократа» опубликовано «Открытое письмо» 16 русских ликвидаторов.

Вышло письмо впередовцев «К товарищам большевикам», направленное против Большевистского Центра и содержащее критику постановлений январского пленума Ц.К. Р.С.-Д.Р.П.

I—III. Демонстрации и митинги протеста в Пруссии против правительственной реформы избирательного права.

4. II (22. I). Социал-демократическая фракция внесла в Государственную Думу запрос по поводу ареста делегатов профессиональных союзов на съезде по борьбе с пьянством.

Бакинский комитет Р.С.-Д.Р.П. принял резолюцию о предстоящей общепартийной конференции, в которой категорически высказался против допущения на конференцию ликвидаторов.

6—9. II. Состоялся VII конгресс французской социалистической рабочей партии в Ниме.

12. II (30. I). Арестованы члены Исполнительной Комиссии Московского Окружного Комитета и многие активные работники Московской организации.

18—23 (5—10). II. Временным военным судом во Владимире разбиралось дело об Иваново-Вознесенском союзе Р.С.-Д.Р.П.

19 (6). II. Приезд в Петербург французской парламентской делегации.

22. II. Социал-демократические партии всех стран чествовали Августа Бебеля в связи с исполнившимся семидесятилетием со дня его рождения.

25. II. Английская палата депутатов приняла морскую смету на 1910—11 г.г., предусматривающую увеличение ассигнований на 5,5 млн. ф. ст. (54 милл. р.).

26—28 (13—15). II. Состоялся съезд румынской социал-демократической партии в Бухаресте.

II. Приехал в Петербург, а потом отправился в Москву В. П. Ногин («Макар») с целью организовать русскую коллегию Ц.К. Р.С.-Д.Р.П. Ликвидаторы — В. А. Исув (Михаил), К. М. Ермолаев (Роман) и П. А. Бронштейн (Юрий) — отказались войти в состав русской коллегии Ц.К. Р.С.-Д.Р.П., объявив самое существование Ц.К. вредным.

Представитель Ц.К. Р.С.-Д.Р.П. Л. Б. Каменев приступил к работе в редакции венской «Правды» Л. Д. Троцкого.

Социал-демократическая фракция Государственной Думы заявила об отказе участвовать в банкете в честь французской парламентской делегации.

Социал-демократическая фракция Прусского ландтага внесла предложение об упразднении тайной политической полиции.

II—III. В Петербурге арестован И. П. Гольденберг (Мешковский).

8—9. III (23—24. II). В Петербургской судебной палате слушалось

дело Е. К. Брешко-Брешковской и Н. В. Чайковского при закрытых дверях. Н. В. Чайковский был оправдан, а Е. К. Брешко-Брешковская приговорена к ссылке на поселение.

14 (1). III. Открытие финляндского сейма.

14—19. III. Арестованы многие руководящие работники Петербургской организации Р.С.-Д.Р.П.

19 (6). III. Н. А. Хомяков отказался от поста председателя Государственной Думы.

Вышел № 1 «Дискуссионного Листка» — приложения к Ц. О. партии «Социал-Демократ».

21 (8). III. Председателем Государственной Думы избран А. И. Гучков. Социал-демократы, кадеты и трудовики от голосования воздержались.

27. III — 2. IV (14—20. III). В Петербурге состоялся VI съезд объединенного дворянства.

30 (17). III. П. А. Столыпин внес в Государственную Думу законопроект о порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения. Законопроект уничтожал остатки самостоятельности Финляндии.

III. Четыре редактора «Голоса Социал-Демократа» — Ю. О. Мартов, П. Б. Аксельрод, Ф. И. Дан и А. С. Мартынов — выпустили «Письмо к товарищам».

Вышла отдельным оттиском из № 12 «Социал-Демократа» статья В. И. Ленина ««Голос» ликвидаторов против партии».

Переговоры между З.Б.Ц.К. и Ц.Б.З.Г. об объединении заграничных организаций Р.С.-Д.Р.П. Соглашение не состоялось.

III — IV. Организовалась и приступила к работе русская коллегия Ц.К. Р.С.-Д.Р.П. в составе: В. П. Ногина, И. Ф. Дубровинского, И. В. Сталина, В. П. Милютина и Р. В. Малиновского. Вскоре последовали аресты. Все дальнейшие попытки восстановить русскую коллегию не удавались.

Восстание крестьян в Греции. Вооруженный захват помещичьих усадеб. Карательные экспедиции против повстанцев. По всей стране многолюдные рабочие собрания и митинги протеста против правительственных расправ над восставшими.

4. IV. Заключено соглашение между Россией и Китаем относительно вывоза хлеба из Манчжурии.

5. IV (23. III). В № 12 «Социал-Демократа» напечатана статья Г. В. Плеханова «В защиту подполья».

Там же опубликовано заявление Г. А. Алексинского о выходе из редакции «Дискуссионного Листка»,

Государственная Дума отвергла спешность запроса с.-д. фракции по поводу ареста в Москве 23 рабочих завода Гакенталя за участие в стачке.

18 (5). IV. В Москве закрыт клуб общедоступных развлечений, насчитывавший около 1000 членов, преимущественно, рабочих.

25. IV. Состоялся VII чрезвычайный конгресс немецких профсоюзов, выразивший протест против новой реформы страхования рабочих, ухудшавшей их положение.

IV. Организован новый Петербургский Комитет Р.С.-Д.Р.П.

Группы меньшевиков-партийцев заграницей приняли ряд резолюций по поводу неподчинения ликвидаторов постановлению Ц.К. о закрытии «Голоса Социал-Демократа» и осудили в них поведение заграничного ликвидаторского центра.

Скончался в Давосе (Швейцария) Н. Е. Вилонов (Михаил Заводской), один из выдающихся с.-д. работников и организаторов Каприйской школы.

4—8. V (21—25. IV). В Петербурге состоялся Всероссийский съезд

по борьбе с проституцией. В работах съезда принимала участие группа рабочих делегатов.

14 (1). V. Первомайская забастовка в Москве у Вестингауза, Циндела, Бромлея, Абрикосова, Гюбнера и во многих типо-литографиях.

Столкновение рабочих демонстрантов с полицией в Лодзи.

Митинги в Петербурге.

Забастовка на судостроительных заводах в Николаеве.

В Саратове не работали 3 типографии и 2 пекарни.

Забастовка на чугунолитейном заводе Столя в Воронеже.

В Казани состоялось несколько маевок на окраинах.

В Сызрани с 2 часов дня были закрыты все торговые предприятия.

Крестьянское движение в Городнянском уезде Черниговской губ. в связи с выселением на хутора. Произошло столкновение с войсками.

31 (18). V. Арестованы члены Сормовского комитета Р.С.-Д.Р.П.

V. А. С. Бубнов приехал в Иваново-Вознесенск для восстановления связи с партийными центрами.

Меньшевистский центр выпустил «Необходимое дополнение к «Дневникам» Г. В. Плеханова».

3. VI (21. V). Государственная Дума обсуждала столыпинский законопроект, ограничивавший самостоятельность Финляндии.

Социал-демократы и трудовики высказались против законопроекта.

10. VI (28. V). Государственная Дума приняла законопроект о введении земства в 6 западных губерниях.

В том же заседании принят законопроект, ограничивавший самостоятельность Финляндии.

12. VI (30. V). В Москве вышел № 1 «Нашего Пути» — профсоюзного органа большевистского направления.

25 (12). VI. В Москве арестован И. Ф. Дубровинский («Иннокентий»).

27 (14). VI. Николай II утвердил закон о ликвидации крестьянской поземельной общины (изменения и дополнения к указу 22 (9). XI — 1906 г.).

VI. В Черкассах Киевской губ. стачка рабочих табачной фабрики на почве ухудшения условий труда, уменьшения заработной платы и увеличения рабочего дня.

В Новочеркасске забастовка 400 углекопов Азовской угольной компании на почве понижения заработной платы. Продолжалась 4 дня и закончилась победой рабочих.

В Николаеве забастовка рабочих механической мастерской судостроительного завода на почве ухудшения условий труда и систематического понижения заработной платы.

Забастовка 4000 землекопов на Амурской жел. дороге на почве чрезмерно низкой заработной платы.

В Петербурге закрыт орган союза металлистов — «Единство». Оштрафовано на 300 руб. «Печатное Дело» за напечатание заметки о праздновании 1 мая заграницей.

В Варшаве арестовано правление профессионального союза каменщиков.

Извещение Ц.К. Р.С.-Д.Р.П. об организации партийной школы.

Конференция социал-демократии Латышского Края.

VI — VII. Ряд стачек на текстильных фабриках в Варшаве и Лодзи с требованием повышения заработной платы.

В ряде случаев рабочие добились частичного удовлетворения своих требований.

Начало VII. Забастовка на металлургическом заводе Гантке в Нижнеднепровске. Окончилась победой рабочих: расценки повышены, около 1000 рассчитанных рабочих приняты обратно.

4. VII (21. VI). Русско-японское соглашение по Манчжурскому вопросу.

5. VII (22. VI). В № 14 «Социал-Демократа» напечатано «Открытое письмо т.т. Дану и Мартову» от 13 рабочих меньшевиков Бакинской организации, в котором они решительно осуждали ликвидаторство и требовали закрытия «Голоса Социал-Демократа».

12—19. VII (29. VI—6.VII). Забастовка на Нейвошайтанском заводе в Томске. Предъявленные требования экономического характера удовлетворены.

17. VII. Начались военные действия Испании против Марокко.

25 (12). VII. Началась забастовка каменщиков в Виндаве с требованием увеличения заработной платы. Продолжалась две недели и закончилась компромиссом.

VII. Забастовочное движение охватило 15 фабрик в Москве и Московской губ. Участвовало до 15 тысяч человек. Главные требования: прибавка жалованья, отмена штрафов и обысков, признание выборных от рабочих.

В Варшаве бастовали несколько тысяч сапожников, требовавших увеличения заработной платы и сокращения рабочего дня.

В Саратове забастовка свыше 2000 строительных рабочих, потребовавших увеличения поденной платы до 2-х рублей.

Вышел № 1 сборника «Вперед» — издания группы «Вперед».

В Петербурге закрыто Нарвское общество самообразования.

В Москве закрыто профессиональное общество рабочих печатного дела имени первопечатника Федорова.

Холерная эпидемия на юге России и в Петербурге.

4. VIII—20. X. Всеобщая забастовка строительных рабочих в Гамбурге.

9. VIII (27. VII). Манифест о созыве финляндского сейма на 14 (1). IX.

26—27. VIII. II-я Международная Женская Социалистическая конференция в Копенгагене.

28. VIII—3. IX. Международный Социалистический Конгресс в Копенгагене.

В день открытия Конгресса состоялся массовый народный митинг.

Совещание В. И. Ленина, Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева и др. большевиков с Г. В. Плехановым по вопросу об организации «Рабочей Газеты».

30 (17). VIII. Газета «Современное Слово» оштрафована на 300 рублей за напечатание статьи «Плеве — Азеф».

Закрыто профессиональное общество рабочих бисквитно-шоколадно-конфектного производства в Петербурге.

VIII. Конференция польских социал-демократов.

Организационный разрыв венской «Правды» с Ц.К. Р.С.-Д.Р.П. Л. Б. Каменев вышел из состава редакции.

Забастовка 750 портовых рабочих в Одессе.

В Риге рабочие 16 заготовительных заведений выдержали недельный локаут.

В Вятке на экономической почве бастовали рабочие кожевенного завода Пешехоновой.

В Аккермане закрыто общество пекарей.

В Киеве закрыто общество служащих в сельском хозяйстве.

В Варшаве закрыт союз типографских служащих.

В Бахмуте закрыто общество лиц, занимающихся письменным трудом.

VIII—IX. Забастовочная волна в Варшаве: 600 пекарей бастовали 5 недель, 50 щетинщиков — 7 дней, 60 переплетчиков — 6 дней, 900 коробочников — несколько дней, 265 рабочих фабрики железных кроватей — 18 дней, 500 столяров строительного цеха — 8 дней.

Широкое распространение пожаров в деревне. Крестьяне жгли кулаков, хуторян, отрубников, помещиков.

4—5. IX. В Копенгагене состоялась Международная конференция социалистической молодежи.

12—16. IX. В Шеффильде состоялся 43-й очередной конгресс английских трэд-юнионов.

14 (1). IX. Открылся чрезвычайный финляндский сейм. Председателем избран Свинхувуд.

18—24. IX. В Магдебурге состоялся съезд германской социал-демократической партии.

25—28. IX. В Лугано (Италия) заседал Международный конгресс по законодательной охране труда рабочих.

26. IX. Схватка между рабочими оружейного завода Лерве и полицейскими в Моабите (Берлин), перешедшая в уличные бои.

30 (17). IX. Забастовка 1.000 трамвайных служащих в Варшаве. Прекратилась после того, как правление обещало рассмотреть требования рабочих. Часть стачечников арестована.

IX—X. Волна забастовок: в Тейково на фабрике Каретниковых бастовало 5.000 рабочих; в Кинешме на фабрике Севрюгова — 3.000; в Варшаве на заводе «Вулкан» — 1.700, у Конрада и Янушкевича — 500.

Революционный переворот в Португалии. Бегство короля и отречение его от престола. В Лиссабоне провозглашена республика. Временное правительство объявило о закрытии всех религиозных учреждений и конфискации их имущества.

2. X. Грандиозная демонстрация протеста в Вене, организованная австрийской с.-д. рабочей партией совместно с профессиональными союзами. Вызвана запрещением ввоза мяса из-заграницы в интересах землевладельцев.

5. X. Состоялось совещание большевиков с плехановцами в Париже по вопросу об организации «Рабочей Газеты».

7. X (24. IX). Объявлен указ о роспуске чрезвычайного и созыве нового финляндского сейма.

Забастовка 740 рабочих на фабрике товарищества «Резиновая Мануфактура» в с. Богородском. Причина забастовки — удлинение рабочего дня.

Забастовка 480 рабочих на ткацкой фабрике Зиминых в Орехово-Зуеве.

8—14. X. Всеобщая железнодорожная забастовка во Франции.

9. X (26. IX). В Кинешме открылось совещание активных работников Иваново-Вознесенской, Владимирской, Костромской и Ярославской социал-демократических организаций. Участники арестованы.

20 (7). X. В Москве состоялись похороны С. А. Муромцева, бывшего председателя I Государственной Думы, превратившиеся в политическую демонстрацию; в процессии участвовало свыше 100.000 человек. Демонстрации в ряде городов.

21 (8). X. Командующий войсками Московского округа заменил смертный приговор М. В. Фрунзе шестью и П. Гусеву восемью годами каторги.

21—26. X. В Милане состоялся XI конгресс итальянской социалистической партии.

31. X—2. XI. В Бермингаме состоялся VI Интернациональный конгресс рабочих по металлу.

X. Волнения среди крестьян в Фессалии (Греция). Крестьяне отказались платить подати.

2. XI (20. X). В рабочей слободе Озорковье под Лодзью забастовали 5.000 ткачей, вследствие уменьшения заработной платы.

7—16. XI (25. X—3. XI). Процесс 33-х социал-демократов в Московской судебной палате.

12. XI (30. X). Вышел № 1 «Рабочей Газеты» — органа большевиков, а потом — Ц. К. Р.С.-Д. Р. П.

14 (1). XI. В Харькове закрыто на 12-м году существования «Общество взаимного вспомоществования лиц, занимающихся ремесленным трудом». «Общество» объединяло металлистов и было связано с другими городами.

20 (7). XI. Умер Лев Толстой.

20—21 (7—8). XI. Студенческие демонстрации в Томске по случаю смерти Л. Н. Толстого. Полиция разгоняла участников.

20—28 (7—15). XI. Рабочие различных предприятий Петербурга обращались к председателю Государственной Думы с требованием почтить память Л. Н. Толстого немедленным обсуждением в Думе вопроса об отмене смертной казни.

21. XI. Начались занятия в Болонской школе, организованной впередовцами.

По случаю смерти Л. Н. Толстого в Петербургском университете состоялась студенческая сходка в количестве 500 человек.

22 (9). XI. Похороны Л. Н. Толстого. В Москве забастовали рабочие на заводах и фабриках — Вестингауза, Листа, Бромлея, Манделя, Гивартовского, Рогаткина, Бари, т-ва «Свет»; в типографиях — Бурге, Кушнарева, Мамонтова и служащие Московского союза потребительских обществ. В Петербурге с 4-х часов дня прекратили работу рабочие орудийного завода и фабрики Леонтьева. В Николаеве объявили забастовку рабочие судостроительных заводов.

В Москве состоялось совещание крупных промышленников с представителями правительства по поводу окончания торгового договора с Персией.

23 (10). XI. Состоялось собрание рабочих кабельного завода в Петербурге, посвященное памяти Л. Н. Толстого.

24 (11) и 25 (12). XI. Демонстрации в Петербурге по поводу смерти Л. Н. Толстого. Участвовало не менее 10.000 человек.

Рабочие Путиловского завода направили в с.-д. фракцию Государственной Думы заявление, с 1.080 подписями, о том, что лучшим венком на могилу Л. Н. Толстого будет служить немедленная отмена смертной казни.

25 (12). XI. Государственная Дума отклонила предложение с.-д. фракции поставить на повестку дня ближайшего заседания законопроект об отмене смертной казни.

27. XI — 2. XII (14—19. XI). Стачка рабочих типографии Кана в Петербурге. Рабочие добились ограничения сверхурочных работ и повышения заработной платы.

30 (17). XI. В Государственной Думе началось обсуждение запроса с.-д. фракции по поводу издания главным по фабричным и горнозаводским делам присутствием циркуляров, нарушающих действующие законы о преследовании правительством мирных забастовок рабочих.

XI. Арестован Петербургский Комитет Р.С.-Д. Р. П.

Закрыто первое общество торговых служащих в Москве.

Возобновились работы на заводе «Вулкан» в Варшаве после 9-недельной забастовки, в которой участвовало 1.700 человек. Рабочие добились уступок.

СОДЕРЖАНИЕ *).

---

*) Звездочкой отмечены произведения, не вошедшие в первое издание Сочинений.

1910 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

ИЛЛЮСТРАЦИИ.

XIV ТОМ
СОЧИНЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА
подготовлен к печати
Ф. Д. КРЕТОВЫМ

РЕДАКЦИОННАЯ КОМИССИЯ:
В. В. АДОРАТСКИЙ, Д. Я. КИН, Е. И. КОРОТКИЙ,
В. Г. СОРИН

ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕДАКЦИЯ:
Д. К. БОГОМИЛЬСКИЙ, И. Д. ГАЛАКТИОНОВ,
К. И. ХАЛАБАЕВ

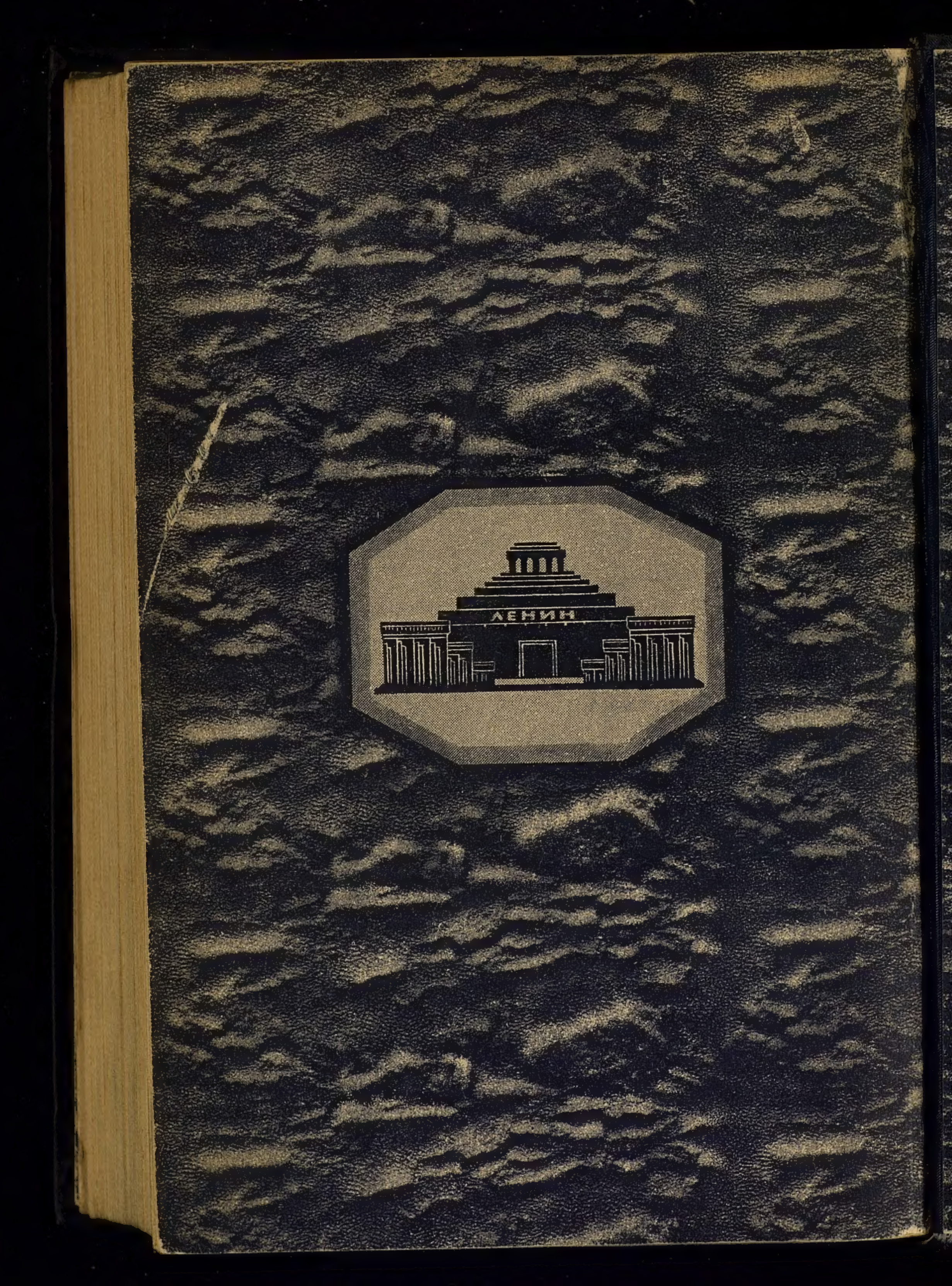
ИЗДАНИЕ НАПЕЧАТАНО В ТИПОГРАФИИ «ПЕЧАТНЫЙ ДВОР»
ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ:
ЗАВЕДЫВАЮЩЕГО ТЕХНИЧЕСКОЙ ЧАСТЬЮ
В. И. ФЕДОТОВА,
ЗАВЕДЫВАЮЩЕГО ОПЕРАТИВНО-ПЛАНОВЫМ ОТДЕЛОМ
Д. Ф. БУТЫШКИНА,
БРИГАДИРОВ:
А. Г. ИВАНОВА, Г. Л. ГОРОДКО И И. А. СЕЙЛЮС,
ВЕРСТАЛЬЩИКОВ:
И. Т. ВАСИЛЬЕВА, П. П. ЗАХАРОВА И В. П. ФЕДОРОВА,
КОРРЕКТОРА
С. М. СТОГОВОЙ,
ЗАВЕДЫВАЮЩЕГО ПЕЧАТНЫМ ОТДЕЛЕНИЕМ
П. А. КУЗЬМИНА,
ПЕЧАТНЫХ МАСТЕРОВ:
В. В. ВАСИЛЬЕВА, И. Р. КЛЮЧЕВА И Т. А. ФАДДЕЕВА,
ЗАВЕДЫВАЮЩЕГО ПЕРЕПЛЕТНЫМ ОТДЕЛЕНИЕМ
И. С. БУХАРИНА
И ЕГО ПОМОЩНИКОВ:
Я. Ф. ГОЛУБЕВА И С. П. БОРИСОВА

Л, 2. Гиз № 36900.
Ленинградский Областлит № 44571.
40 1/2 л. Тираж 50 000 28. XII. 29.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ:

Стран.:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
130	13-я снизу	Ликвидаторство 86	Ликвидаторство 86)
193	1-ое подстрочное примечание	Спор о конституции	спор о конституции
240	3-я строка снизу	Напечатано 7 ноября 1909 г.	Произнесена 7 ноября 1909 г. Напечатана в «Bulletin»
375	21 » сверху	умерло! 201)	умерло! 201)).
515	15 » снизу	Статья Мартова, в несколько переделанном виде, сначала была отпечатана на гектографе, а потом помещена передовой,	Статья Мартова сначала была отпечатана на гектографе, а потом, в несколько переделанном виде, помещена передовой,
534	8 » снизу	лишь с павом	лишь с правом
537	18 » сверху	в Болоньи	в Болонье.

Л, 2. Гиз № 36900.
Ленинградский Областлит № 44571.
$40^{1}/_{2}$ л. Тираж 50 000 28. XII. 29.


ЛЕНИН